

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Всероссийская научная конференция
XIV Ковалевские чтения

Цифровое общество –
новый формат социальной
реальности: структуры, процессы
и тенденции развития

МАТЕРИАЛЫ

12 – 14 ноября 2020 года
Санкт-Петербург

ББК 60.5
УДК 316
Ц75

Ответственные редакторы:

Н.Г.Скворцов
Ю.В.Асочаков

Редакционная коллегия:

О.Н.Безрукова
О.И.Бородкина
Ю.В. Веселов
Е.А. Евсеев
А.Н. Сошнев
В.И. Дудина
С.Д. Савин
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
М.С. Куропятник
Д.В. Иванов
Н.А. Пруель
В.Г. Ушакова
А.А. Флягин

Ц75 Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12-14 ноября 2020 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. - СПб.: Скифия-принт, 2020. – 603 с.

ISBN 978-5-98620-482-6

© Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

Заказ № 6967

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Секция 1. Социальная реальность и цифровые технологии	27
Агеева Александра Игоревна Уберизация как один из процессов цифровизации экономики... 27	27
Асочаков Юрий Валентинович Проблема неравенства в «цифровом обществе»..... 28	28
Бакулин Александр Викторович, Бакулин Дмитрий Викторович Теоретические основы изучения интернет-мема	30
Басимов Михаил Михайлович, Корниенко Василий Иванович Психологическая типология респондентов как индикатор отношения к дебатам оппозиционеров	31
Богомягова Елена Сергеевна Усталость от вовлечения в условиях поствиртуализации..... 32	32
Богомягова Елена Сергеевна Цифровое здравоохранение – новое проблемное поле социальных наук	34
Болдырев Игорь Иванович, Комаровская Елена Петровна Направление развития системы воспитания в современной школе..... 35	35
Борздых Татьяна Трансформизм в переходе к цифровому обществу: на примере трансформистского сценария культурной политики мягкой силы в России	36
Булей Полина Сергеевна Интернет и социальные сети как социальные структуры современного общества..... 37	37
Вербин Анатолий Александрович Социальная реальность в цифровом формате	39
Владиминова Татьяна Валерьевна Искусственный интеллект как этап развития социума в условиях роста информационной нестабильности..... 40	40
Воронова Анна Сергеевна Искусственный интеллект в городском пространстве: социальные аспекты	42
Глухова Мария Евгеньевна Цифровизация практик преодоления депрессии в разных социокультурных контекстах: сравнительное исследование студентов Санкт-Петербурга и Хельсинки	43
Гонашвили Александр Сергеевич Inequality and social structure in sports..... 44	44
Гребенкина Анна Анатольевна Трансформация понятия «социального капитала» в виртуальных сетях..... 46	46
Добринская Дарья Егоровна, Мартыненко Татьяна Сергеевна Цифровой разрыв: вопросы методологии..... 47	47
Дробушевская Диана Денисовна Блогосфера как способ продвижения моды	48

Зарубина Наталья Николаевна Возможности использования концепции «Мегамшины» Л. Мамфорда как основы анализа непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации	50
Захарова Ангелина Сергеевна Новое понимание здоровья в условиях цифровизации: перспективы и противоречия	51
Иванов Дмитрий Владиславович Цифровизация как социальная рутина в российских мегаполисах	52
Иванова Татьяна Николаевна, Тер-Никогосова Наталья Александровна Интернет-реклама как инновационный визуальный концепт виртуального пространства (эмпирический опыт исследования)	61
Игнатьев Владимир Игоревич Становление "гибридного социума": человек и социология перед вызовом.....	63
Иоффе Гавриил Анатольевич Социологическая рефлексия и вопрос о технике	64
Котова Ирина Николаевна «Концепция датаизма в контексте формирования цифрового общества »	65
Кравченко Сергей Александрович Становление сложной реальности: востребованность гуманизации формирующегося социо-цифрового человеческого капитала	66
Латыпова Алина Раилевна От любопытства к познанию: новые траектории цифровых объектов	67
Левашова Елизавета Игоревна Тенденции в применении цифровой социологии.....	68
Мальчёнкова Анна Евгеньевна Виртуальная реальность в цифровом обществе.....	76
Матвеева Анастасия Владимировна, Орнер Семён Романович, Купорова Наталья Сергеевна Технологии VR и AR:общество будущего.....	77
Мироненко Елена Станиславовна К вопросу о формировании smart-компетенций в цифровом обществе.....	79
Миронов Денис Викторович Концептуализация феномена малой родины: фактор цифровизации	80
Одяков Сергей Вячеславович Проблема трансформации социально-профессиональной структуры в современном российском обществе	81
Орех Екатерина Александровна Дополненная реальность в перспективе социологического теоретизирования.	82
Орлик Елена Николаевна Человек в виртуальном мире: слагаемые существования.	83
Орлова Ирина Борисовна Применение акторно-сетевой теории к анализу цифровой реальности	85

Плетнев Александр Владиславович Искусственный интеллект как актер в политической системе аномичного общества	86
Подлесная Мария Александровна, Лебедева Ольга Николаевна Цифровой бизнес в условиях российской модернизации	87
Поздеева Елена Гибкие ориентиры рационального поведения в цифровом мире	88
Рашидова Джамила Тофиковна Социальные нормы конструирования речевой коммуникации как фактор межкультурного взаимодействия	89
Романова Анастасия Денисовна Онлайн знакомства в жизни современной российской молодежи	90
Рыбалко Михаил Николаевич Перспективы развития нейростетей и их влияние на общество. .	91
Семашко Лев Михайлович Ноосферная цифровизация XXI: Гандианские сфероны и сферная холистическая статистика.....	93
Сергеев Василий Причинность как проблема при исследовании цифрового общества.....	94
Сикорский Иван Александрович Осмысление цифрового пространства в современной социологии	95
Синютин Михаил Владимирович От общества развитого социализма к цифровому обществу: шаг вперед, два шага назад.	97
Соловьев Аркадий Константинович Пенсионер в цифровом обществе	97
Станевич Анастасия Юрьевна Применение дистанционных форм обучения (ДФО) в МГЛУ: опыт преподавателей	98
Сунь Юаньюе Российско-китайское стратегическое сотрудничество: цифровая экономика как путь нового сотрудничества.....	99
Тулузакова Марина Валентиновна Человеческий капитал в условиях цифровизации общества	100
Фомин Егор Васильевич Предметная область цифровой социологии через призму теории Д.Люптон	101
Шагиахметова Алия Хусаиновна Интернет-реклама в современном обществе	102
Щекотин Евгений Викторович Цифровизация и качество жизни: направления исследования и перспективы	103
Янышен Анна Андреевна, Шапошник Сергей Борисович Человеческий капитал для цифровой трансформации: проблемы статистического наблюдения	105
Ярмак Вероника Евгеньевна Влияние цифрового капитала и инновационной модели образования на становление специалистов-социологов.....	106

Ясников Николай Николаевич, Ластовкина Дарья Александровна Инновационные практики незанятого населения	107
Секция 2. Междисциплинарные аспекты анализа цифрового общества: математические методы и информационные технологии.....	109
Бабушкина Валерия Олеговна Социолог в современном цифровом обществе: практика применения количественных методов в исследованиях	109
Баруздин Иван Анатольевич Социальная дифференциация сотрудников информационно-технологических компаний в цифровом обществе.....	111
Басимов Михаил Михайлович Политические предпочтения как результат психологического прогнозирования.....	112
Голованова Оксана Владимировна, Ипатова Лариса Петровна, Романова Виктория Алексеевна К вопросу о толерантности в сфере взаимодействия общества и государства на примере социологического исследования университетской среды с применением математического кластерного анализа	114
Евсеев Евгений Александрович Нечеткий анализ теоретических моделей.....	116
Крылов Сергей Викторович Препроцессинг текстов загруженных из сети Интернет.	117
Нечаева Александра Андреевна Применение нарративного анализа для выявления макроструктур коллективной памяти.....	118
Полтинникова Мария Сергеевна, Каныгин Геннадий Викторович Проблемы построения социологического знания посредством информационно-коммуникационных технологий	119
Рафикова Ксения Фуатовна Вычислительная социология как актуальное направление междисциплинарного сотрудничества при изучении новых феноменов и процессов	120
Сухова Екатерина Александровна Современные информационные и социальные технологии в социологическом исследовании социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого АО	121
Флягин Александр Анатольевич Доказательная социальная наука как ответ на вызовы эпохи Больших данных.....	122
Шведовский Вячеслав Анатольевич Применение перколяционно-клеточного автомата для прогноза электорального выбора.....	124
Секция 3. Социальные и политические процессы в цифровом обществе	126
Алексеев Мария Александровна Влияние Корейской волны на формирование гендерных стереотипов (на примере фанатских сообществ в Германии и Южной Корее)	126
Андреев Владимир Георгиевич, Андреев Анна Владимировна Общественный консенсус о критериях и основаниях справедливости в цифровую эпоху	127

Аносов Юрий Александрович, Беда Владимир Вадимович Гражданское общество России в условиях цифровизации.....	129
Баженов Анатолий Матвеевич Становление гражданского общества в России в контексте информационной среды	130
Баннова Олеся Сергеевна Изучение особенностей ценностей специалистов IT сферы в цифровом обществе.....	131
Басимов Михаил Михайлович, Корниенко Василий Иванович Политическая пассивность молодежи и ее психологическая природа	132
Белкина Татьяна Дмитриевна Предложения по количественной и качественной оценке рисков для городской экономики, возникших под влиянием пандемии	134
Будникова Наталья Сергеевна Использование инструментов электронного PR в работе органов исполнительной власти.....	139
Васильева Елена Игоревна, Зерчанинова Татьяна Евгеньевна Роль информационных технологий в протестном движении	140
Вершинина Инна Альфредовна Города в цифровом обществе: возможности преодоления пространственного неравенства в России	142
Власова Ирина Владимировна Политические технологии: стратегия «мягкой силы» России в XXI веке	143
Галицкая Диана Владимировна «Вынужденная цифровизация» образовательной среды в восприятии студентов вузов России и Германии	144
Ганбат Оюунтуяа, Лхажав Цэрэнсүрэн, Лхагвасүрэн Болормаа Участие монгольских военнослужащих в миротворческой деятельности в целях социально-политической безопасности	146
Головацкий Евгений Васильевич «Реактивные» социальные и политические взаимодействия в сети: выделение площадок коммуникации власти и населения.....	150
Гордеев Даниил Алексеевич Дистанционное образование в медицинском учебном учреждении	151
Гурьянова Дарья Ильинична Интернет как поле социально-политического дискурса	152
Дементьева Ирина Николаевна Влияние Интернета на протестные настроения населения региона	156
Ездакова Екатерина Изучение истории и традиций еврейского народа. еврейскими поселенцами Волгоградской области	159
Жданович Дарья Александровна Социальные сети как средство координации политических процессов	160

Иванова Варвара Михайловна, Мамедова Сабина Ровшановна Социальный инфантилизм в контексте современной молодой российской семьи	162
Игнатьева Ольга Анатольевна Особенности легитимации власти в условиях аномии цифрового общества.....	163
Капп Елизавета Дмитриевна Отражение оппозиции в сети	164
Карпова Вера Михайловна, Ляликowa Софья Викторовна Опыт дистанционного образования глазами родителей школьников.....	165
Кирилина Екатерина Андреевна Влияние общественного сознания на представления личности об идеальной внешности	167
Киселёва Наталья Ильинична Удовлетворённость подготовкой управленческих кадров для организаций народного хозяйства в цифровой	168
Китайцева Ольга Вячеславовна Потребительские предпочтения жителей мегаполиса на рынке онлайн дополнительных образовательных услуг	170
Кованова Екатерина Сергеевна, Бадмаева Ноган Вячеславовна Демографические проблемы цифровизации агропромышленного комплекса в Калмыкии	171
Ковтун Екатерина Андреевна Потенциал использования цифровых технологий в антикоррупционной политике.....	172
Когтева Ульяна Андреевна, Чернышова Анна Геннадьевна Цифровизация образования в условиях пандемии Covid-19: проблемы и решения	173
Корнеева Ирина Игоревна Политическая цифровизация: социальные технологии манипуляции сознанием общества.	174
Короева Вероника Алановна, Санадзе Яков Давидович, Комиссарова Анастасия Дмитриевна Потенциал неформального образования в цифровом обществе.....	176
Костина Наталия Борисовна, Дуран Татьяна Валентиновна Цифровое неравенство как объект государственного управления	177
Котомцев Алексей Александрович Практика установления и реализации совместных проектов с городами партнерами (на примере города Екатеринбурга).....	178
Кранзеева Елена Сетевые социальные и политические взаимодействия в регионе в условиях реактивных отношений.....	179
Красноперова Алина Юрьевна Цифровизация политических отношений: особенности коммуникации населения и власти в условиях новой сетевой реальности.....	180
Кулишенко Григорий Андреевич Конструировании образа профессионального спортсмена в СМИ в условиях цифровизации общества.....	181

Куражев Сергей Дмитриевич Социальные сети, как способ сетевых коммуникаций в системе «власть-общество».....	182
Ланцев Виктор Леонидович Дистанционное повышение квалификации педагогов в реалиях профессионального стандарта.....	183
Лю Чжуняо Исследование развития глобальной цифровой экономики и анализ стратегии цифровой экономики Китая.....	184
Любимова Елена Анатольевна Зарубежные исследования жизни соло	185
Малинина Татьяна Борисовна Цифровизация, избирательный процесс, электоральное поведение	187
Мельников Евгений Геннадьевич Социальные классы в эпоху цифрового общества: о новых категориях анализа.	187
Милецкий Владимир Петрович, Черезов Дмитрий Николаевич Политико-правовые аспекты конституционной реформы в современной России.....	189
Мыльникова Светлана Валерьевна Дистанционное обучение как инструмент перехода к цифровой цивилизации	190
Назарова Дарья Вячеславовна Система ЖКХ Беларуси под попыткой давления после выборов 9 августа 2020 года.....	191
Немирова Наталья Викторовна Цифровизация исторической памяти: война в общественном сознании россиян	192
Овчарова Ольга Геннадиевна, Козлова Наталья Николаевна, Рассадин Сергей Валентинович Информационная поддержка молодых семей как фактор реализации государственной семейной политики в РФ.....	194
Ореховская Наталья Анатольевна Дистанционное образование: опыт нового времени	195
Орлова Анна Владимировна Местные сообщества в сетевом взаимодействии с властью	196
Орлова Наталья Сергеевна «Государственные программы поддержки труда и занятости в условиях цифровизации труда».....	197
Первая Мария Дмитриевна Роль общественных организаций в структуре гражданского общества (на примере г. Иваново)	198
Платонов Константин Аркадьевич, Легостаева Наталья Игоревна Сравнительный анализ публикационной активности официальных онлайн-сообществ российских парламентских партий ВКонтакте.....	199
Попова Ирина Петровна Возможности профессионального продвижения и использование интернет-технологий: восприятие справедливости.....	201

Прусов Денис Александрович Интернет-площадки как способ взаимодействия некоммерческого сектора и общества	202
Рудакова Екатерина Константиновна Гендерные права в эпоху цифровой революции трансформации рынка труда	203
Савин Сергей Дмитриевич Гражданское сознание в условиях цифровизации политических процессов	205
Семенов Андрей Владимирович Цифровая инфраструктура городской мобилизации как предмет социологического анализа	206
Семенова Мария Сергеевна, Гужев Михаил Сергеевич Различия подходов СМИ к освещению политических событий. Опыт контент-анализа крупных смысловых блоков публикаций СМИ на примере освещения митингов на фоне выборов в Московскую городскую думу 2019	207
Семёнова Анастасия Алексеевна Гражданское общество и сетевое общество: к вопросу о политическом хактивизме	208
Сивоплясова Светлана Юрьевна, Апанович Мария Юрьевна Дистанционное образование: преимущества и риски	210
Симоненко Наталья Юрьевна Восстановление предпринимательства в Китае в условиях пандемии коронавируса COVID-19	211
Симонова Снежана Владимировна Онлайн-митинги: каковы варианты их регулирования?... ..	212
Смолева Елена Олеговна Об эффективности онлайн-форм гражданского участия	214
Соколов Александр Владимирович, Миронова Светлана Владимировна Особенности транслирования протестных повесток в социальных сетях	215
Сорока Кристина Валентиновна Аспекты формирования гендерной идентичности личности в эпоху цифровизации	216
Сорокина Екатерина Михайловна Дистанционное образование как новый фактор социальной мобильности в современном китайском обществе	220
Старовойтова Снежана To the question how to create more homogeneous social group	221
Тезич Мустафа Джан Очерк о проблеме этногенеза Бурят.....	222
Тормошева Вера Сергеевна Politically Netspeaking	223
Тузиков Андрей Римович Студенчество и социальные институты цифровой политики	225
Узакова Салима Андромасовна Развитие дистанционного образования в Казахстане: реальность и перспективы будущего	226
Уханова Юлия Викторовна, Косыгина Ксения Евгеньевна Интернет-технологии как платформа для коллективных действий в развитии местных территорий	228

Ушакова Валентина Григорьевна Семья в цифровом обществе	229
Фролов Александр Альбертович, Беляков Алексей Александрович Место цифрового следа в анализе политической сферы	230
Харсеева Алла Викторовна Исследование политической активности молодежи России в условиях цифрового общества.....	231
Хафизова Виктория Рауфовна Особенности онлайн-образования в высокорейтинговых университетах стран БРИКС	232
Хохлова Анисья Михайловна, Тыканова Елена Валерьевна Цифровые арены городских локальных конфликтов: нарративы активистов и экспертов	233
Чепенко Кристина Валерьевна Феминистский активизм в социальных сетях как инструмент смены публичного дискурса	234
Черевкова Алена Игоревна Исследования социального самочувствия медицинского сообщества в российской социологии: краткий обзор	236
Шарф Александра Сергеевна Личный бренд преподавателя вуза: особенности социологической интерпретации	238
Шведова Виктория Олеговна Запрос на социальную справедливость в Интернет-пространстве	239
Шевцов Алексей Владимирович «Цифровая демократия» в отечественной версии.....	241
Шевченко Ирина Олеговна Меняются ли представления россиян об отцовстве?	242
Шляпников Виктор Валерьевич Построят ли в России «цифровой концлагерь»?.....	244
Секция 4. Цифровизация и управление: новые возможности и проблемы	246
Андриянова Татьяна Владимировна Управленческое воздействие в социокультурной сфере в эпоху цифровизации: теории и методы	246
Антонова Полина Олеговна Конструирование тела: пластическая хирургия.....	247
Ахмедова Муслимат Газиевна Плюсы и минусы процесса цифровизации общества.....	249
Боев Евгений Иванович Цифровые технологии взаимодействия органов власти общества в социальных медиа	250
Василенко Людмила Александровна, Захарова Светлана Арменовна, Зотов Виталий Владимирович Роль социально-сетевое пространства публичных коммуникаций в решении общественно значимых проблем	251
Васильев Владимир Петрович Факторы цифровой трансформации государственного управления	253

Васильева Алиса Александровна Модельные технологии в системе государственного управления	254
Деханов Сергей Александрович Характеристика ограниченных вещных прав (права на чужие вещи)	255
Деханова Наталья Геннадьевна Цифровизация в государственном управлении: тенденции и риски.....	256
Задорожная Ирина Игоревна Интернет-технологии в практике управления мегаполисом	257
Захаров Виктор Михайлович, Пастюк Александр Владимирович, Сапрыка Василий Александрович Практика цифровизации публичного управления на региональном уровне ...	259
Земцова Анна Евгеньевна Цифровые перспективы азиатского форпоста России.	261
Зотов Виталий Владимирович, Губанов Александр Владимирович Возможности социальных медиа как площадок согласования позиций по вопросам правил и принципов публичного управления в цифровом обществе	262
Иванова Елена Игоревна, Поляков Валерий Анатольевич Моделирование управленческой деятельности: эффективные теоретические разработки	263
Казаренкова Татьяна Борисовна Перспективы совершенствования социально-управленческого компонента развития цифрового общества	264
Касавцев Михаил Юрьевич, Дулишкин Руслан Михайлович Разработка практических рекомендаций по внедрению цифровой образовательной среды для воинского обучения и воспитания при повседневной деятельности	265
Комилова Замира Абдувалиевна, Рыбакова Марина Владимировна Цифровые технологии в управлении системой социальной защиты уязвимых групп населения в условиях пандемии..	267
Кульназарова Анастасия Витальевна Управление Интернетом в российском национальном сегменте сети.....	268
Кухто Александра Игоревна Культура информационной безопасности как составляющая организационной культуры коммерческой организации.....	269
Лепешкин Александр Олегович Цифровизация как ресурс общественного развития и органов местного самоуправления	271
Меньшикова Галина Александровна, Евстратчик Светлана Васильевна, Баринов Антон Михайлович Мониторинг правоприменительной практики как новая технология управления в цифровом обществе (на примере дачного законодательства).....	273
Минина Вера Николаевна, Чижова Ольга Борисовна Оценка социальной эффективности цифровых технологий рекрутмента: опыт эмпирического исследования	274

Мкоян Гоар Сергеевна Обучение специалистов для социального предпринимательства в цифровом пространстве: на примере «Школы социальных предпринимателей» в Республике Армения.....	275
Муханова Мария Николаевна Цифровизация сельского хозяйства в системе управления АПК в современных условиях.....	276
Никифорова Ольга Александровна Диджитализация труда и профессиональное выгорание: социологическая диагностика	277
Окунева Татьяна Владимировна Трансформация трудовых ценностей современных рабочих в условиях цифровизации.....	278
Панова Екатерина Александровна Цифровизация как тренд практики управления персоналом	280
Рассказов Сергей Вениаминович, Сморгунов Леонид Владимирович, Лукьянченко Владислав Сергеевич «Цифровые» качества в ценностной сети: следствия для цифровых форматов государственной управляемости	281
Савченко Ирина Алексеевна Особенности применения социальных сетей при формировании имиджа государственного гражданского служащего	282
Сибирев Владислав Владимирович Влияние цифровых технологий на модель государственного управления	283
Трофимова Ирина Цифровая трансформация России: возможности и ограничения	285
Файзуллин Ильгиз Фанилевич, Файзуллин Фаниль Саитович Снижение уровня неполной занятости и его влияние на повышение благосостояния населения.....	286
Швыряев Павел Сергеевич Системный подход к управлению информационными рисками в постиндустриальных организациях.....	290
Секция 5. Доверие в цифровом обществе и экономике.....	292
Абрамова Софья Борисовна, Антонова Наталья Леонидовна Социальные страхи как основа стратегий минимизации риска бедности	292
Амбарова Полина Анатольевна, Ермолаева Светлана Георгиевна Возможна ли образовательная политика в высшей школе, основанная на доверии?	293
Астахов Александр Михайлович Изменения роли малого бизнеса в условиях трансформации сферы труда.....	294
Басимов Михаил Михайлович, Басимова Полина Михайловна Психологическая обусловленность отношения к ближайшему голосованию.....	295
Вавилова Юлия Александровна Цифровое доверие как атрибут цифрового мира	297
Веселов Юрий Витальевич Доверие в цифровом обществе.....	299

Волкова Анастасия Александровна Значение цвета в брендинге и конструировании доверия к нему в цифровом обществе	306
Кавецкий Святослав Тихонович Аномические процессы в белорусском социуме через призму социологии доверия	307
Карапетян Рубен Вартанович, Сизова Ирина Леонидовна Цифровая трансформация труда и общества: методологические подходы к определению	309
Комков Константин Анатольевич Роль официальных аккаунтов органов власти в формировании доверия к региону в глобальном сетевом пространстве	310
Кривоухов Анатолий Анатольевич Личная ответственность как основа информационной безопасности личности в цифровом обществе	311
Куваева Елена Евгеньевна Особенности кибердевиантного поведения на рабочем месте	312
Мазалева Марина Сергеевна, Чернышева Наиде Сефтеровна Цифровая экономика в развитии и формировании молодежного предпринимательства: опыт регионов (на примере Вологодской и Ярославской областей).....	314
Малолетнева Ирина Владимировна Доверие и анонимность в социальных сетях	315
Микиденко Наталья Леонидовна Доверие в контексте цифровых образовательных коммуникаций.....	316
Ровбель Светлана Владимировна Эвристические подходы в исследовании общества потребления	317
Рубцова Татьяна « Профессия мечты »: социальное конструирование рыночного мифа в цифровой экономике свадеб	318
Рудакова Екатерина Константиновна Демографические последствия цифровой революции в медицине	320
Сахнова Марина Андреевна, Акопян Анна Вартановна, Лисненко Дмитрий Антонович, Герасимов Кирилл Андреевич Проблема цифрового доверия на рынке онлайн-сервисов доставки еды.	321
Смелова Алена Андреевна Факторы формирования доверия в цифровой экономике	322
Соколова Дарья Андреевна, Селиванова Татьяна Валерьевна Доверие как фактор экономического взаимодействия предпринимателей России и Республики Корея в Восточно-азиатском регионе	324
Цветкова Галина Отношение россиян к электронным документам	325
Шекера Екатерина Александровна Объявления как ресурс изучения повседневности (на примере контент-анализа объявлений, публикуемых в социальной сети «ВКонтакте» в группе, ориентированной на дагестанскую молодежь, проживающую в Санкт-Петербурге).	327

Ярлова Татьяна Викторовна, Елисеев Филипп Андреевич Оценка влияния современных трендов на цифровое доверие в экономике: анализ на примере трансформации доверия в России, Китае и Великобритании.....	328
Яцунова Анна Сергеевна Самозанятость в Российской Федерации: страхи и опасения.....	335
Секция 6. Антропология современности и цифровизация социокультурной среды	337
Бурганова Лариса Агдасовна, Мягков Герман Пантелеймонович, Юрьева Оксана Владимировна Цифровизация высшего образования: методологические подходы к изучению	337
Васильва Дарья Алексеевна Переосмысление домашнего пространства в эпоху подвижности	338
Воробьёва Надежда Юрьевна К вопросу об информационном перенасыщении в эпоху цифровизации: социокультурный и антропологический ракурс	339
Воронина Александра Сергеевна Формирование виртуальной идентичности в интернет-пространстве на примере социальной сети Instagram.....	341
Выхованец Алена Егоровна Репрезентация личности в медиапространстве как аспект социального конструирования идентичности.....	342
Галич Людмила Петровна «Номo-user» - новый формат личности в цифровом обществе (на примере белорусского общества)	343
Гвоздилов Денис Антропология на перепутье: стоп-факторы человеческих систем.	344
Глотова Анастасия Профессиональные образы киногероев современного отечественного кинематографа	345
Данилова Ксения Михайловна, Провоторова Нина Леонидовна Цифровая идентичность в пространстве сетевой коммуникации	346
Егян Артем Арсенович Культурные аспекты цифровизации мигрантов: идентичность этнических диаспор в ЕС (в контексте хип-хип исполнителей на Youtube)	347
Калашникова Екатерина Владимировна Репрезентация африканской культуры в современном афро-танце	348
Коркия Эка Демуриевна, Липатова Мария Евгеньевна Цифровизация коммуникативного пространства культуры.....	349
Куропятник Марина Степановна Контексты суперразнообразия и цифровизация.....	350
Ленкевич Александр Сергеевич Ремедиационный предел: невыносимый опыт компьютерных игр.....	351
Ленкевич Денис Режимы взгляда в «открытых школах» Северной Европы.....	353
Лепешкина Лариса Юрьевна Цифровизация ритуала: новый этап развития или смерть?.....	355

Лермонтов Даниил Андреевич Звуковая экология в контексте домашних саундскейпов в период пандемии.....	356
Лисенкова Анастасия Алексеевна Трансформация идентичности в цифровом пространстве..	357
Макшанова Анна Максимовна Цифровизация музейной коммуникации	358
Марьина Людмила Петровна Журналистика как феномен культуры цифрового общества: медийный дискурс	359
Матвеева Наталья Юрьевна Символика смыслов единства Испании и борьбы за независимость Каталонии в визуальном выражении (на примере коммуникаций в сети Твиттер)	360
Меренков Анатолий Васильевич Практики сохранения здорового тела в условиях самоизоляции.....	362
Михеев Денис Александрович Культурное разнообразие в контексте тенденций развития современного мегаполиса	363
Нор-Аревян Оксана Аведиковна Роль цифровизации в профессиональной деятельности: взгляд представителей медицинских династий	364
Певная Елизавета Ивановна Тенденции в исследовании цифровизации: взгляд испанских ученых.....	365
Пивоваров Александр Михайлович «Аналоговый» актив в цифровом обществе: обзор концепций телесного капитала.....	366
Плутов Леонид Евгеньевич, Моисеева Мария Борисовна, Артёмова Маргарита Владимировна Особенности интерпретации русских мемов студентами из Германии и Китая.....	368
Руднев Вячеслав Валентинович Великобритания. Цифровой мир и проблемы пользователей.	369
Сикевич Зинаида Васильевна, Федорова Анна Александровна Этнические предубеждения в установках пользователей Интернета	370
Скоробогатская Наталья Александровна, Скоробогатский Вячеслав Васильевич Культурная традиция в цифровом обществе.....	371
Смирнов Прохор Сергеевич Влияние цифровизации на трудовые коллективы	372
Снегур Маргарита Романовна Социальные сети как инструмент формирования транснациональной идентичности студентов в период академической мобильности.....	374
Тангалычева Румия Кямилъевна Образы будущего в корейском кинематографе: социологический анализ.....	375
Тихонова Кристина Валерьевна Телесная анонимность в цифровом обществе	376
Тхакахов Валерий Хазраилович Спутниковые телеканалы регионов в цифровую эпоху: воспроизводство этнической идентичности	377

Фомичева Татьяна Владимировна Ценности молодежи в цифровом обществе	378
Целищева Вероника Геннадьевна Этнокультурная специфика в цифровом формате	379
Шаронов Дмитрий Иванович, Шаронова Алла Адольфовна Об актуальности «истории понятий» в исследованиях цифровых культур	380
Шевченко Ульяна Дмитриевна Интернет-мемы как феномен виртуальной коммуникации....	381
Щенина Ольга Геннадьевна Антропологические аспекты цифровизации.....	381
Щепкина Софья Андреевна «Трудности и риски творческого бизнеса, на примере мастеров, создающих украшения из полимерной глины»	382
Щербина Александра Вениаминовна Перспективы цифрового общества в культурно-историческом измерении	384
Секция 7: Социальная роль цифровых технологий в условиях пандемии COVID-19.....	385
Абросимова Наталья Валерьевна Дистанционное обучение в школе: ассоциации и эмоции бывших выпускников (по итогам прикладного обследования)	385
Аносов Юрий Александрович, Панова Алина Сергеевна Глобальная цифровизация в условиях пандемии Covid-19	386
Байша Наталья Сергеевна «Цифровое неравенство между различными поколениями на современном рынке труда и занятости» *	388
Беля Анна Ильинична, Леванина Мария Романовна Трансформация занятости и фактор цифрового капитала на современном рынке труда.....	389
Беляева Екатерина Александровна, Ложкин Дмитрий Викторович, Иванова Любовь Борисовна Трансформация форм социальной работы с пожилыми людьми в условиях COVID-19	390
Будылёва Анастасия Дмитриевна Жизнь россиян в условиях эпидемии COVID-19	392
Василькова Валерия Валентиновна, Легостаева Наталья Игоревна Компьютерная пропаганда в ситуации инфодемии COVID-19	393
Власова Наталья Владимировна Электронная образовательная среда вуза как инструмент цифровизации системы образования в период пандемии	394
Воробьева Ирина Николаевна, Мехова Альбина Анатольевна Самоизоляция 2020 как вызов цифровой компетентности населения.....	395
Головчин Максим Александрович Уроки дистанционного образования для отечественной школы: социологический анализ.....	396
Голоухова Дарья Валерьевна, Кузьмина Елена Игоревна Неравенство цифровой образовательной среды в восприятии студентов	398

Грунт Елена Викторовна Опыт дистанционного образования в российской высшей школе в условиях пандемии	399
Дерюгин Павел Петрович, Лебединцева Любовь Александровна, Попов Роман, Сидорова Анна Николаевна Сетевые измерения человеческого капитала: парадоксы и проблемы в цифровом обществе (на примере социологических исследований предпринимателей Китая, инициативный проект)	401
Дудина Виктория Ивановна Влияние социальных медиа на восприятие рисков здоровью в период эпидемий	403
Дудина Виктория Ивановна Социальные аспекты развития цифрового здравоохранения в контексте пандемии COVID-19	404
Зинурова Раушания Ильшатовна Цифровые форматы обучения в мнениях студентов (на примере Казанских вузов)	405
Кашина Алина Михайловна Соцсети как площадка взаимодействия испанской власти и общества в условиях пандемии COVID-19	406
Князева Вера Владимировна Цифровая трансформация образования: реализация общеобразовательных программ в дистанционном формате	407
Константинова Лариса Владимировна Цифровизация высшего образования в условиях пандемии: возможные риски и перспективы	411
Круглов Владислав Владиславович Роль образовательного проекта «Синология онлайн» в процессе подготовки одаренной молодежи к интеллектуальным соревнованиям по китайскому языку в условиях пандемии COVID-19	412
Курская Вера Александровна Церковная жизнь онлайн в условиях пандемии COVID-19	413
Лапуцкий Виктор Сергеевич Интернационализация сферы высшего образования Беларуси в контексте COVID-19	414
Лебедева Елена Викторовна, Титаренко Лариса Григорьевна Цифровое неравенство и техноэйджизм в условиях пандемии COVID-19	415
Любимова Владлена Константиновна, Тихонова Кристина Валерьевна Поддержание культурной идентичности в период COVID-19 и усиления катастрофического сознания россиян.	417
Мальшева Галина Анатольевна Цифровые сети как ресурс социальной коммуникации в условиях пандемии	418
Махова Ксения Борисовна Трансформация повседневных практик россиян в условиях самоизоляции	419
Миროнова Марина, Кириллова Анастасия Актуальные стратегии развития НКО в новой реальности: вынужденная цифровизация как следствие пандемии, вызванной COVID-19	420

Михайленок Олег Михайлович Пандемия Covid-19 как модель социального сосуществования: политические и социальные аспекты.	421
Мосиенко Ольга Сергеевна Готовность российских врачей к цифровизации здравоохранения и использованию новых технологий в медицине	422
Новоселова Елена Николаевна К вопросу о цифровизации здравоохранения в России	424
Попов Никита Георгиевич Цифровые технологии контроля в кризисных условиях на примере пандемии COVID-19.....	425
Попов Роман Евгеньевич Институционализация научно-образовательных центров мирового уровня в рамках цифровизации общества: российский и мировой опыт	426
Пупо Очоа Ярима, Санчес Родригес Виктор Кубинское цифровое здоровье во время пандемии	428
Раитина Маргарита Юрьевна, Покровская Елена Михайловна Пути совершенствования управления интернационализацией посредством цифровых технологий в университете в условиях COVID-19.....	430
Сачук Денис Игоревич Социальные сети как фактор сохранения субъектов МСП в условиях пандемии COVID-19.....	431
Селиверстова Надежда Карантин и цифровая трансформация жизнедеятельности в региональном аспекте	432
Сергеева Ольга Вячеславовна Словарь пандемии в игровых стримах и Let's play-видео	433
Сошнев Александр Николаевич Пандемия COVID-19 как триггер цифровизации.	434
Титова Юлия Сергеевна Опыт цифровизации образования российских школах в период пандемии.....	435
Хижнякова Марина Сергеевна Цифровая среда в бизнесе.	437
Цыма Ираида Сергеевна, Дашкова Екатерина Игоревна Поколение COVID-19: цифровая трансформация потребительских привычек	439
Шаброва Нина Васильевна, Ершова Виктория Эдуардовна, Исламутдинов Тимур Илясович Онлайн-обучение в вузе в условиях пандемии COVID-19: возможности и риски.....	441
Шушунова Татьяна Николаевна Самосохранительное поведение в эпоху цифровых возможностей	442
Секция 8. Цифровизация сферы социальных услуг	444
Бистяйкина Динара Асымовна, Соловьева Татьяна Владимировна, Панькова Елена Геннадьевна, Н. П. Огарёва Применение информационных технологий в социальной работе в Республике Мордовия	444

Загребин Илья Юрьевич Мотивационные индикаторы будущего у студентов с разным уровнем склонности к риску	447
Иванова Мария Евгеньевна, Гареев Эдуард Сагидуллоевич, Валитова Ника Эдуардовна Роль символических конструкторов в цифровом обществе современного мегаполиса.....	448
Иванова Мария Михайловна Информационная поддержка трудовых мигрантов в условиях пандемии COVID-19 (на примере г. Санкт-Петербурга)	449
Искандерова Лилия Витальевна Дискурсы врачей и пациентов на медицинских онлайн-форумах	451
Козырев Артём Артурович Этика информационных технологий в сфере предоставления государственных услуг пенсионерам	452
Кочеткова Анна Павловна Реестр детей, нуждающихся в паллиативной помощи, как инструмент повышения качества оказания паллиативной помощи детям в России	454
Ларин Андрей Александрович Социальные риски цифровизации социальных услуг населения Северного Кавказа.....	455
Лебединцева Любовь Александровна, Дерюгин Павел Петрович, Фролова Арина Сергеевна Человеческий капитал социального предпринимательства в условиях цифрового общества ..	456
Лядова Анна Васильевна Социальное неравенство, здоровья и цифровые технологии в условиях пандемии COVID-19: возможные решения и риски	457
Мельникова Валентина Валентиновна Онлайн-волонтерство как форма современного добровольчества	458
Новожилова Ольга Алексеевна Использование цифровых технологий в оказании социальных услуг молодым инвалидам в условиях COVID-19	459
Нордлунд Евгений Игоревич Активизация ресурсов граждан предпенсионного возраста в условиях цифровизации.....	460
Олейников Андрей Григорьевич, Келасьев Вячеслав Николаевич Мобильно-информационные приложения как средство адаптации уязвимых групп к условиям цифровизации	462
Панюшкина Елена Владимировна Цифровой капитал: миф или реальность.....	462
Первова Ирина Леонидовна, Келасьев Вячеслав Николаевич Информационные технологии в социальной работе с уязвимыми группами	463
Платонова Лилия Алексеевна, Федорова Айтилина Аяновна Применение цифровых технологий региональными социально-ориентированными НКО на Дальнем востоке.....	464
Рогова Анна Михайловна, Давыдов Сергей Анатольевич Электронные ресурсы в социальной работе с семьей и детьми: возможности применения и проблемы.	466

Романенко Вероника Валерьевна Общественные инициативы онлайн: контент-анализ диалога с государством.....	467
Сибирев Владимир Анатольевич Цифровая трансформация социальной сферы в РФ путем развития Welfare Service State	469
Смолина Наталья Сергеевна Волонтерство в социальных службах: роль цифровых сервисов и технологий.....	470
Сыртланов Руслан Вячеславович Роль цифровых каналов взаимодействия предприятий общественного транспорта с аудиторией с целью изменения транспортного поведения населения	471
Филипова Александра Геннадьевна, Абросимова Евгения Евгеньевна Волонтерство в видеоблогосфере: возможности и ограничения.....	472
Холоденко Юрий Александрович Риски социальных процессов в условиях цифровизации....	473
Цзо Ци В эпоху цифровых приложений для защиты данных граждан	475
Чикова Евгения Викторовна Цифровая трансформация социально ориентированных некоммерческих организаций.....	476
Чулков Сергей Сергеевич Цифровое неравенство в использовании ИКТ среди пожилых людей.	477
Шевлякова Дарья Александровна Экстренная цифровизация музеев в условиях пандемии 2020: опыт итальянских Галереи Уффици и Пинакотекы Амброзиана.....	478
Секция 9. Цифровое поколение молодежи: смыслы, стратегии, практики	479
Абросимова Наталья Валерьевна Экзамены как фактор стресса у студентов и школьников (по итогам анкетного опроса)	479
Алексеев Мария Александровна Формат онлайн-знакомств южнокорейской молодежи... ..	480
Аллахвердиева Лейла Мадат кызы Цифровая социализация и социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).....	481
Антонова Наталья Леонидовна, Абрамова Софья Борисовна Досуговые практики «потребления города» молодой семьей.....	482
Армянинова Дарья Андреевна, Певная Мария Владимировна Потенциал цифровой активности российской молодежи в развитии некоммерческих социальных проектов	484
Астоянц Маргарита Сергеевна «Уловки слабых»: образовательные практики студентов в период самоизоляции.....	487
Басимов Михаил Михайлович, Басимова Полина Михайловна Влияние психологических особенностей молодых респондентов на их партийные предпочтения.....	488
Бахтин Евгений Леонидович Ориентация студентов на precarious трудовую деятельность ...	490

Безрукова Ольга Николаевна, Куклина Элина Эдуардовна Молодые разведенные отцы о проблемах развода: анализ Интернет-ресурсов.....	491
Белова Татьяна Павловна, Рычкова Ксения Павловна Кибербуллинг как социальная девиация	492
Божичко Олеся Сергеевна, Божичко Петр Феликсович Работа с молодежью в условиях эпидемии COVID-19: вызовы и конфликты.....	493
Буланова Марина Борисовна NEET-молодежь в цифровом обществе	494
Быков Владимир Петрович Цифровизация: некоторые социальные последствия	495
Варганова Валерия Валерьевна Модели интимных знакомств: интернет или реальность?.....	499
Васильев Николай Александрович Культурный код. Новые поколения российской молодежи.	500
Васильева Дарья Игоревна Особенности поведенческой модели молодежи на рынке труда в условиях его цифровизации.....	502
Воронина Анастасия Викторовна, Малолетнева Ирина Владимировна TikTok во время самоизоляции – развитие, новые возможности	503
Глазунова Галина Дмитриевна, Редькина Анна Дмитриевна Цифровой след студента в рамках онлайн-образования	504
Глебов Даниил Александрович Контент стримов как среда социализации подростков	505
Гужавина Татьяна Анатольевна Молодежь малых городов и цифровизация	506
Гузева Дарья Васильевна, Кроева Вероника Алановна, Комиссарова Анастасия Дмитриевна Секстинг как сексуальная практика молодёжи онлайн	507
Данилова Елена Олеговна, Аникина Яна Васильевна, Ефремова Юлия Вячеславовна Удаленная работа молодежи в условиях цифровизации общества	508
Дупак Анна Роль цифрового селф-трекинга в практиках заботы о здоровье российской молодежи	510
Зарубин Валерий Григорьевич Формирование цифровой личности: рационализм & турбулентность	511
Зборовский Гарольд Ефимович, Чебыкина Юлия Александровна Риски онлайн образования для талантливой молодежи.....	514
Зверева Татьяна Федоровна, Старосельская Екатерина Александровна Дистанционное обучение: ЗА и ПРОТИВ.....	515
Зинченко Ярослава Геннадиевна Социальные риски дистанционного и онлайн-обучения в высшей школе	516

Зотова Варвара Алексеевна Молодые прекарии в условиях цифрового общества	517
Иванова Маргарита Сергеевна Криминальная субкультура «АУЕ» в интернет-пространстве ..	519
Ильин Владимир Иванович Виртуальная реальность как референтное пространство: проблема депопуляции российской глубинки	520
Ильиных Светлана Анатольевна Дистанционное обучение в условиях эпидемиологической угрозы: новый опыт российских вузов	521
Калиева Жадыра Абжамиевна Государственная молодежная политика как фактор социально-политической активности молодежи	522
Касаткин Дмитрий Михайлович Современное состояние молодежных обменов как инструмента государственной молодежной политики Российской Федерации	523
Катерный Илья Владимирович Развитие человеческого капитала молодежи в условиях ускоренной цифровизации	525
Келасьев Олег Вячеславович, Мазуркевич Артём Сергеевич Интернет как фактор порождения новых конфликтов поколений	526
Келасьев Олег Вячеславович NEET - молодёжь как субъект новых межпоколенческих конфликтов	527
Кемалова Лиля Исметовна Цифровое поколение: проблемы социализации	529
Кирилина Татьяна Юрьевна Особенности нравственной социализации российской молодёжи в условиях цифрового общества.....	530
Кириллов Егор Сергеевич, Нархова Елена Николаевна Студенчество о цифровизации образования	531
Клейменов Михаил Вячеславович Отношение магистрантов к дистанционной форме образования	532
Ковалева Антонина Ивановна, Салистая Галина Станиславовна Преждевременная социализация подростков в интернете.	534
Козырев Александр Борисович, Балякина Анна Сергеевна, Лихтарович Алеся Олеговна Цифровое поколение молодежи планирует свое будущее. Социологический анализ.	535
Конобейская Анжелика Владимировна, Гареева Ирина Анатольевна Пути реализации образовательного процесса по дисциплине «Физическая культура» в условиях дистанционного обучения в ТОГУ	536
Коротков Евгений Анатольевич Киберсоциализация в современном информационном обществе.....	538
Костенко Валерий Валерьевич Использование цифровых информационных технологий в протестной деятельности молодежных общественных организаций.....	539

Кувшинова Анастасия Анатольевна, Савченко Ирина Алексеевна Кибербуллинг как побочный продукт цифровизации	540
Кузьмина Ольга Викторовна Отношение студентов к процессу онлайн-обучения в условиях эпидемии коронавируса COVID-19	543
Латышев Дмитрий Михайлович Религиозность студентов Среднего Урала в условиях цифровизации общества (на примере студентов УрФУ).....	544
Лебедева Людмила Геннадьевна Цифровая социализация разных поколений: тенденции и проблемы	545
Леонов Аркадий Константинович Представления студенческой молодежи приграничного региона о новых «цифровых» субъектах поддержки молодежных проектов и инициатив	546
Леонтьева Таисия Викторовна Потребление детского телевизионного контента в условиях пандемии коронавируса COVID-19.....	547
Лермонтов Даниил Андреевич, Колесникова Татьяна Денисовна Участие в онлайн-концертах как новая цифровая практика студенческой молодежи в условиях эпидемии COVID-19	548
Малик Елена Николаевна Влияния цифровизации и сетевых СМИ на социально-политическую субъектность молодежи.....	550
Маркова Татьяна Леонидовна Риски современного цифрового обучения в ВУЗе	551
Махкамова Шахло Юлчиевна Молодежь и цифровизация в условиях коронавирусной пандемии.....	552
Мельников Николай Николаевич Социализация молодёжи и риски девиантного поведения в условиях киберпространства.	554
Мишин Лев Владимирович, Нархова Елена Николаевна, Нархов Дмитрий Юрьевич К проблеме изучения цифровой общности студентов.....	556
Морозова Наталья Михайловна, Устинкин Сергей Васильевич Динамика настроений нижегородских студентов по отношению к мигрантам (2011-2019 гг.).....	559
Никитина Дарья Олеговна Современная молодежь в системе образования	560
Николаева Алла Алексеевна Проблема формирования компьютерной зависимости у современных подростков	561
Носкова Антонина Вячеславовна, Проскурина Александра Сергеевна Факторы адаптации студентов к онлайн-образованию	562
Петрова Татьяна Эдуардовна Проблемы дистанционного образования добровольцев (волонтеров).....	564
Подольская Анна Александровна Карьерные стратегии женщин-инженеров на предприятиях ракетно-космической отрасли: цели и возможности реализации	566

Попов Евгений Сергеевич Цифровые компетенции выпускников ВУЗов в ситуации выхода на рынок труда.....	570
Породенков Марк Очерки концепта индивидуального подхода к обучению в школьной среде на примере литературы	571
Руденкин Дмитрий Васильевич Готовы ли российские студенты к использованию YouTube в образовательном процессе в условиях пандемии COVID-19?	572
Руденкин Дмитрий Васильевич Протестные настроения российской городской молодежи на фоне пандемии: основные факты.....	574
Руденко Лариса Дмитриевна Особенности проявления девиаций студенческой молодежи в учебной деятельности.....	575
Салимгареев Максим Владимирович Молодежная политика в контексте проблем социальных свобод в эру цифровизации.....	576
Самсонова Татьяна Николаевна Новые возможности и проблемы политической социализации молодого поколения россиян в виртуальной социальной среде.....	577
Семенова Юлия Александровна Государственная поддержка молодежного предпринимательства в сфере IT - технологий	578
Соларес Сиерра Эдильтудис Борхас, Ольга Экспозито Хорхе Социальная интеграция молодых внутренних мигрантов в цифровом обществе	580
Сосонная Мария Сергеевна, Егян Артем Арсенович Современные либеральные концепции брачно-семейной коммуникации в среде молодежи (на примере Швеции, Дании и Германии)	581
Суслова Татьяна Ивановна Риски цифровизации в молодежной среде – кибербуллинг	582
Сухорукова Наталья Геннадьевна Потребительское поведение цифрового поколения молодежи.....	583
Тарченко Вера Сергеевна Интернет как виртуальная среда для знакомств (на примере студентов г. Москвы и Ставрополя).....	584
Туницкая Юлия School-Shoting: особый феномен школьного насилия.....	586
Хафизова Виктория Рауфовна Практики преодоления страха среди молодежи в условиях пандемии.....	587
Храброва Ксения Геннадиевна Проблема стигматизации наркозависимой молодежи	588
Цыплакова Ольга Геннадьевна Проблема нейтрализации деструктивного влияния социальных сетей на распространение преступного образа жизни среди молодежи	589
Черкасова Татьяна Васильевна Студенчество нефтяного вуза Башкортостана: ориентации на научно-цифровую реальность	590

Черняева Ольга Леонидовна Риски социальных девиаций и конфликтов в молодежной среде в условиях пандемии коронавируса COVID-19.....	592
Шакирова Маргарита Радиевна IT как сфера деятельности для выпускников социологических факультетов российских ВУЗов	593
Швецова Анастасия Владимировна «Белые зоны» в исследованиях виртуальных отношений.....	594
Шкурупей Ольга Викторовна Молодежная политика Российской Федерации в условиях эпидемии коронавируса COVID-19	595
Шубина Татьяна Федоровна, Анфиногенова Яна Анатольевна Дистанционный поиск работы – новые возможности.	597
Щербакова Лидия Ильинична, Косач Геннадий Евгеньевич Социально-профессиональный статус молодых работников в условиях формирования новой структуризации российского рынка труда	599
Ярутина Софья Андреевна, Нархова Елена Николаевна, Нархов Дмитрий Юрьевич К проблеме трансформации барьеров в современной коммуникации	600
Ястребова Тамара Евгеньевна Международная мобильность как вектор развития российских вузов	601

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УБЕРИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

*Агеева Александра Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В настоящее время повышается интерес к изучению платформенных решений, которые являются следствием цифровизации экономического уклада [1, 108]. В основе платформ лежит не только технические разработки, но и качественно другие экономические взаимодействия и управленческие решения. В целом, цифровые платформы – это элементы инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей [2, 33].

Рассуждая о платформенном капитализме, Ник Срничек выделяет следующие типы платформ: рекламные платформы (например, Google и Facebook), облачные платформы (AWS, Salesforce), промышленные платформы (GE, Siemens), продуктовые платформы (Rolls Royce, Spotify), а также бережливые платформы (Uber, Airbnb) [2, 37].

Последний тип платформ привлекает особое внимание поскольку, во-первых, они являются одним из элементов sharing economy, то есть экономики совместного потребления, а во-вторых, они представляют собой особый тип бизнес-модели, которая минимизирует количество звеньев между поставщиком услуги и конечным потребителем. Непосредственно процесс замены посредников цифровыми платформами сейчас называют уберизацией (от названия компании Uber, которая посредством мобильного приложения соединяет поставщиков услуг такси и потребителей).

Бизнес-модель Uber, как и подобных платформ, существует в формате p2p (peer-to-peer), то есть равный равному. С одной стороны находятся исполнители услуг, с другой – потребители данных услуг. Обе стороны соединяются посредством цифровой платформы (в случае Uber – мобильное приложение). Монетизация сервиса происходит посредством получения процента от каждой проведенной сделки. Однако стоит обратить внимание на то, что исполнители услуг не являются сотрудниками компании, чью платформу они используют для работы.

Также стоит отметить, что данный вид бизнес-модели провоцирует создание ряда социальных проблем. Во-первых, социальные проблемы, связанные с трудовыми отношениями (прекаризация труда: неустойчивая форма занятости, отсутствие социальных гарантий; проблема коммуникации и социальной интеграции); во-вторых, социальные проблемы, связанные с отсутствием определенных гарантий (например, гарантия качества оказываемых услуг для потребителя; гарантия поддержания рабочего состояния технических средств для оказания услуг для исполнителя). Таким образом, процесс уберизации сталкивается с рядом вызовов, которые необходимо будет решить.

1. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье. М.: Вестник МГИМО-Университета, 2018.107-124 с.

2. Срничек, Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА В «ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ»

Асочаков Юрий Валентинович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РНФ «Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и виртуализации» (проект № 18-18-00132)

Проблема неравенства вернулась в центр внимания социологического сообщества, которое некоторое время было занято уточнением специфики нового общества, возникшего в результате технологических сдвигов конца прошлого века, создавая теории постиндустриального, глобального, информационного и цифрового общества. С наступлением информационной эры проблемы доцифрового «аналогового» общества вновь, казалось, получили перспективу решения. Новое пространство взаимодействия создало основание для надежд, что с традиционными формами неравенства будет покончено. В соответствии с «Принципами Кремниевой долины» [Packer 2013] Интернет рассматривается как виртуальная территория свободы, которой свойственны «открытость», «нейтральность сети», «плоскость – отсутствие иерархии». «Цифровая» реальность, полная альтернатив и возможностей, выглядела совершенно отличной от традиционной «аналоговой» реальности», основным свойством которой являлись ограничение (в первую очередь доступа к ресурсам). Цифровое пространство выглядит открытым и неиерархичным пространством, в котором, по мнению киберутопистов, автоматически исчезает неравенство и связанные с ним ограничения. Однако у тех, кто не имеет доступа к этому пространству, перспективы катастрофически ухудшаются: «Глобальный тренд заключается в том, что информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для неё ценность (тем самым придавая им дополнительную ценность), но отключает тех, кто не имеет для неё ценности (тем самым ещё более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность» [Химанен, Кастельс 2002]. Возникает новый вид неравенства - цифровое неравенство. Термин цифровое неравенство (Digital Divide) и соответствующая ему развивающаяся тематика возникают в середине 90-х гг., когда Департамент Коммерции, Национальных Телекоммуникаций и Информационной Администрации США (NTIA) начал публикацию отчетов об Интернете и доступе к его использованию. Второй отчет «Выпадение из Сети: Новые Данные по Цифровому Разрыву» (1998) зафиксировал очевидный разрыв - разделение на владеющих Интернет-навыками и, соответственно, доступом к нему, и не владеющих. Цифровое неравенство, по выражению Департамента Коммерции, Национальных Телекоммуникаций и Информационной Администрации США, сводится к вопросу о том, что «по ту сторону» цифрового разрыва остаются отчужденные от сети «аналоговые массы».

Это наиболее простая и в принципе преодолимая форма неравенства, связанная с Интернетом, для которой можно сделать оптимистический динамический прогноз развития: все больше людей будут овладевать новыми коммуникационными технологиями. Для мониторинга ситуации был создан Индекс цифровых возможностей (Digital Opportunity Index (DOI)).

Более сложными являются специфические проблемы, связанные со спецификой существования в цифровом виртуальном пространстве. Включенные в сетевые сообщества индивиды зачастую начинают испытывать тяжелые формы отчуждения от реальной жизни и патологическую зависимость от виртуальных структур. Сами эти структуры активно

сегментируются, выстраивают новые иерархии, порождая новые формы исключения и неравенства.

Существует и более глубокий уровень «цифрового неравенства», его второй уровень. «Цифровые граждане» разделены на потребителей и создателей контента. Разрыв, который разделяет потребителей и создателей контента внутренне стабилен и приобретает форму неравенства нового типа. Значение и последствия для существования человека информационной эпохи этой формы неравенства, не очевидные на этом этапе, могут приобрести, как указывают исследователи сетевых и потоковых структур неравенства [Иванов 2012], масштабы и значение, сопоставимые со значением экономического и политического неравенства для общества классического Модерна.

Наиболее существенный и наиболее замаскированный и опасный уже сегодня третий уровень «цифрового неравенства» - это разделение на сетевую элиту, в руках которых находится режим свободы сети и всех остальных пользователей сети («цифровые массы»). Видимое «аналоговое» противодействие и борьба за доминирование в Интернет-пространстве (отключение и ограничение доступа к Сети и т.п.) вообще можно считать побочным эффектом действия большой машины, основная работа которой уже давно ведется на «цифровом поле». В Интернете власть принадлежит тем же институтам, что и в реальном мире выглядит как репрессивная деятельность, поэтому оптимистический прогноз здесь невозможен - ситуация этого третьего уровня «цифрового неравенства» качественно увеличивает репрессивные властных элит, особенно в его автократической форме. Реальный анализ формы и динамики репрессивного авторитарного реагирования на информационную «цифровую» свободу есть основа «киберскептицизма», который рисует перспективу кибер-дистопию (кибер-антиутопию). Критика оптимистических ожиданий цифровой либерализации, которая относительно первых двух уровней «цифрового неравенства» носит характер здорового скептицизма, на этом уровне приобретает крайне пессимистический характер.

Сложившиеся представления об известных формах (структурного, системного, институционального) неравенства становятся недостаточными для понимания нового «цифрового» порядка и порождаемых им проблем и диспропорций. Новые формы неравенства, возникающие в виртуальной реальности и проявляющиеся в дифференциации сетевых сообществ и в неодинаковой включенности в информационные потоки и в потоки технологических инноваций, требуют от социологии развития ее базовых представлений о социальном неравенстве.

Packer G. Change the World: Silicon Valley transfers its slogans—and its money—to the realm of politics. //The New Yorker, May 27, 2013

Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования 2012, №4.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМА

*Бакулин Александр Викторович
(СевГУ)*

*Бакулин Дмитрий Викторович
(СевГУ)*

В нашей исследовательской работе была предпринята попытка описания объекта изучения - интернет-мема. Для этого нами было проанализирована научная литература и результаты исследований, в результате чего авторы пришли к заключению, что феномен интернет-мема ещё недостаточно изучен. В большей степени его изучают междисциплинарные науки на стыке социологии, политологии и психологии, в частности проблему воздействия мемов на массовое сознание.

Мем имеет простую форму, которая выполняет сложные функции. Он стал единицей коммуникации, имеющей стандартный вид- текст и фото в квадратной форме. Мем имеет важные признаки: вирусность, мимикрия, юмор, актуальность, серийность, реплицируемость, медийность - они делают его неуязвимым и эффективным предметом влияния на сознания людей.

Негативное воздействие мемов заключается в том, что они выступают средством донесения анонимных мнений, несущих оценку событиям.

По данным ВЦИОМ количество сетевых пользователей в Российской Федерации высока-84%. Самыми активными пользователями являются молодежь – 18-25 года, где 99% пользуются сетью ежедневно[1]. Проблема заключается в том, что наиболее распространенными каналами данных считаются развлекательные, но политические темы интенсивно осваивают новые механизмы сотрудничества и общения в молодежной среде. Следовательно, что у определённой части интернет-аудитории России информационная картина дня формируется с помощью мемных сообществ. В итоге - все больше пользователей могут стать заложниками миметического контента.

Политические мемы предоставляют еще больше опасности в связи с тем, что их можно считать опасным клеветническим оружием, поскольку, во-первых, они могут воздействовать на сознание с помощью ясных и доступных изображений и символов, а во-вторых, они быстро распространяются в Интернете.

На основе вышеизложенного, возникло мнение о том, как можно не только разъединять, но и интегрировать людей.

Бороться с мемом будет тяжело, если водить санкции в интернет-пространстве. Ярким примером является борьба Роспотребнадзора с Telegram. Считаем, что нужно бороться, используя механизмы и инструменты, которые находятся в самом интернете: искать союзников в интернет-пространстве, где основная цель не только научить людей анализировать, но и проверять на достоверность всю прочитанную в интернете информацию. В следующей исследовательской работе будет проанализировано влияние политического мема на общественное мнение в крымском интернет-сегменте.

1. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681>

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕСПОНДЕНТОВ КАК ИНДИКАТОР ОТНОШЕНИЯ К ДЕБАТАМ ОППОЗИЦИОНЕРОВ

Басимов Михаил Михайлович
(Российский государственный социальный университет)

Корниенко Василий Иванович
(Курганский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов был решен ряд задач множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.].

В одной из задач исследовались политические предпочтения молодежи (формирование групп по результатам ответов на вопросы с номинальными ответами) и их личностные особенности по шести методикам: MMPI, 16-факторный личностный опросник Кеттелла, методика DSM Дж. Олдхема и Л. Морриса, методика Т. Лири, 5-факторный личностный опросник Р. МакКрея, П. Коста, методика Смишека.

В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по четырем невырожденным номинальным группам респондентов, сформированным по их отношению к дебатам между представителями оппозиционных партий. Эти группы определили результаты ответов на следующий вопрос социологической анкеты: «Как влияют дебаты между оппозиционными партиями на Ваш выбор?»:

G15-01. Притягивают к себе.

G15-02. Отталкивают от себя.

G15-03. Наводят на мысли, что лучше не участвовать в выборах.

G15-05. Не влияют на выбор.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Для примера рассмотрим результаты для двух групп.

1. Группа G15-03 респондентов, которых дебаты между оппозиционными партиями наводят на мысли, что лучше не участвовать в выборах (10 респондентов), оказалась на 16 месте по совокупной экстремальности (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) личностных качеств.

В рамках методики Кеттелла представители данной группы характеризуются развитым воображением (фактор М), что определяется значительной положительной сравнительной весомостью (+4836) по шкале «Практичность – развитое воображение», а также чувствительностью (фактор I) при сравнительной весомости (+4007) по шкале «Жестокость – чувствительность».

5-факторный опросник характеризует представителей группы, прежде всего, как равнодушных (сравнительная весомость по шкале «Теплота – равнодушие» равна -5678); в меньшей степени как любопытных (сравнительная весомость по шкале «Любопытство – консерватизм» равна -2704).

2. Группа G15-01 респондентов, которые считают, что дебаты между оппозиционными партиями их притягивают, влияя тем самым на выбор (7 респондентов), оказалась по экстремальности на 20 месте.

В рамках методики Лири в группе крайне низкая выраженность наблюдается по шкале «альтруистичный тип» со сравнительной весомостью (-3105).

5-факторный опросник характеризует представителей группы, прежде всего, как депрессивных (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» равна -6050); импульсивных (сравнительная весомость по шкале «Самоконтроль – импульсивность» равна +5726); в меньшей степени это касается подозрительности (сравнительная весомость по шкале «Доверчивость – подозрительность» равна +3850).

По результатам представленной информации можно говорить, что отношение респондентов к дебатам оппозиционных партий определяется их психологическим своеобразием.

1. *Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с. <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>*
2. *М.М. Basimov Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.*
3. *Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.*
4. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*
5. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*
6. *Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.*
7. *Basimov M. Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – P. 7-28. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40*

УСТАЛОСТЬ ОТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТВИРТУАЛИЗАЦИИ

Богомяжкова Елена Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

*Текст подготовлен при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00132)
Исследования проведены с использованием оборудования ресурсного
центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет
исследования» (проекта № 106-16435)*

Наметившийся в последние годы тренд поствиртуализации и переход к дополненной современности предполагают интеграцию физических и цифровых, материальных и символических, производственных и потребительских, частных и публичных компонентов человеческого существования [2]. Жизнь современного человека отличает интенсивное проживание настоящего, главным маркером которого выступает вовлеченность в сетевые и потоковые структуры, предполагающая не только участие потребительских и

социокультурных трендах, но активную заинтересованность в происходящем, готовность действовать и становиться частью событий общественной жизни. Таким образом, виртуальная активность – создание, транслирование и потребление контента в социальных сетях, сегодня сочетается с социальной активностью в реальном, физическом мире.

Сетевую вовлеченность убедительно подтверждают данные статистики. Так, на начало 2019 г. по всему миру в социальных сетях было зарегистрировано 3,48 млрд чел. [1], а согласно опросу ВЦИОМ, по состоянию на 2020 г. 82% россиян используют интернет, при этом 71% – ежедневно [3]. Ученые фиксируют феномен FOMO (fear of missing out – англ.) – страх упустить что-нибудь важное, толкающий человека постоянно оставаться на связи и интересоваться актуальными событиями. Погружаясь в сети, потребляя современные интерактивные медиа, пользователи стремятся получать насыщенный иммерсивный, эмоциональный, киберфизический опыт.

В то же время невозможность выхода из «сети» в широком смысле, непрерывное вовлечение в потоки коммуникации приводит к риску формирования усталости и апатии пользователей. Частично, эти тенденции отражены в концепте «усталости сострадать» (compassion fatigue), объясняющей негативные эмоциональные и поведенческие реакции аудитории на непрерывные потоки сообщений о драматичных событиях. Эмоциональное выгорание проявляется не только в скуке и раздражении, уклонении от потребления медиа контента, но и снижении социальной активности в целом. Апатия формируется как по отношению к содержанию сообщений, перестающих привлекать внимание и вызывать интерес, так и к важным событиям социально-политической жизни. Наряду с этим политика управления, предполагающая участие граждан в решении социальных вопросов, приобретает противоположные черты — ученые отмечают тренд интерпассивности, который инициируется усталостью от вовлечения (interactive fatigue) и проявляется в делегировании ответственности за принятие решений обратно государству [4]. Согласно результатам социологического исследования, реализованном в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, сегодня лишь 13,4% опрошенных участвуют в реально проводимых акциях и мероприятиях, тогда как в сетевые акции вовлекаются 27,6%. При этом 84,7% респондентов ежедневно используют Интернет.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня показателем социального развития служит вовлеченность – как онлайн, так и офлайн, существуют риски обратного тренда – формирования усталости от вовлечения, проявляющегося в снижении сетевой и социальной активности.

1. *Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России.* URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 10.10.2020).
2. *Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44-55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9*
3. *Сеть как спасение.* URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения 10.10.2020)
4. *Oenen van G. Three cultural turns: how multiculturalism, interactivity and interpassivity affect citizenship // Citizenship Studies. 2010. 14 (3). P. 293-306 DOI: 10.1080/13621021003731856*

ЦИФРОВОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ – НОВОЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

*Богомяжкова Елена Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

Развитие электронных технологий, с одной стороны, а с другой – трансформации сферы заботы о здоровье в XX в., такие как изменение структуры заболеваемости, старение населения, рост расходов на медицину, обусловили современный тренд цифровизации здравоохранения. В свою очередь, цифровизация здравоохранения является одной из сторон более мощного движения к медицине-4П – персонифицированной, предиктивной, партисипативной и превентивной.

Термин «цифровое здравоохранение» или d-health применяется к широкому кругу практик, ставших возможными благодаря появлению интернета версий Web 1.0 и Web 2.0. Сюда относятся ставший рутинным поиск медицинской информации на электронных ресурсах; широко дискутируемое в публичном пространстве дистанционное взаимодействие врача и пациента на специализированных платформах; сбор больших объемов биометрических данных (big data); участие в онлайн-сообществах в сфере здоровья; практики селф-трекинга, и др. Д. Люптон [2] также относит сюда «цифровые игры, связанные со здоровьем и фитнесом», предполагающие создание виртуальных реальностей, вовлекающих пользователей в различные практики заботы о здоровье, а также «умные» объекты, позволяющие отслеживать геолокацию и физические перемещения людей, и служащие не только для личных, но и для общественных целей. Безусловно, цифровизация оказывает значительное воздействие на медицинские практики, однако, происходящие изменения не всегда получают соответствующее теоретическое осмысление. Наблюдается «социологический лаг», т.е. отставание процесса познания от социальной реальности [1]. Вместе с тем проникновение новых технологий в сферу здравоохранения поднимает ряд важных теоретических вопросов и заставляет ученых пересмотреть некоторые классические социологические категории. Мы выделили ключевые проблемные блоки, которые требуют пристального внимания исследователей.

Во-первых, активно переосмыслиется категория «здоровье». Мы становимся свидетелями кардинальных трансформаций в представлениях о том, что значит быть здоровым сегодня, а также о приемлемых, возможных, одобряемых способах решения медицинских проблем. Во-вторых, сам институт здравоохранения подвергается существенным преобразованиям, и прежде всего, социальное взаимодействие в системе «врач-пациент». В-третьих, понимание телесности приобретает иное смысловое наполнение, отражающееся в концептах «body data» и «data body». «Новая» телесность уже не может мыслиться вне и независимо от поставляемых инновациями данных и выступает сложным гибридом, состоящим из разнородных элементов. В-четвертых, новые отношения человека с гаджетами и новыми технологиями проблематизируют понятия «субъекта», «субъектности», «агентности», что, в частности, находит отражение в концепте «цифрового двойника». Таким образом, цифровизация здравоохранения не только имеет значительные

социальные последствия, но и бросает вызов современному социологическому теоретизированию.

1.Сergeev B. C. Метатеоретизирование как преодоление социологического лага // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 137-142. DOI: 10.31857/S013216250005801-4

2.Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // Social Theory & Health. 2012. Vol. 10. № 3. P. 229-244.

НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Болдырев Игорь Иванович
(ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет)

Комаровская Елена Петровна
(ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет)

В современных условиях в общественном сознании российского народа происходит переосмысление базовых, исторически сложившихся духовных ценностей присущих нашим гражданам, становление общества потребления, кризис традиционной семьи, интенсификация процессов миграции, возрастание роли СМИ, информационные войны, глобальная цифровизация и т.д., приводит к потере нравственных идеалов, отсутствия осознания своей причастности к Родине, в следствии чего, вопрос о воспитании подрастающего поколения, становится весьма актуальным. Наш Президент, В. В. Путин, не раз подчеркивал, что от того, как мы воспитаем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить свои лучшие традиции.

Тот, далеко не полный список проблем, который мы перечислили и с которыми столкнулось современное общество, должен найти адекватное отражение в системе школьного воспитания. Нельзя сказать, что все из причисленных проблем являются новыми для нашей системы воспитания, однако проблемы связанные с глобальной цифровизацией, возрастанием роли интернет-пространства для современных школьников, в том числе в образовании, только сейчас начинают проявлять себя в полной мере. Если интеграция ИКТ в образование достаточно подробно изучена [3], то влияние интенсивного внедрения ИКТ в процесс воспитания, использование интернет-пространства в процессе в воспитании школьников изучен недостаточно. Поэтому, необходимо с большой осторожностью использовать средства ИКТ и интернет-пространство в воспитательных целях.

По этому поводу, Н. Л. Селиванова пишет, что: «Речь, прежде всего, может идти о погружении детей и молодежи в виртуальную реальность, в различные социальные сети; подмена реального общения на общение в сети; посещение экстремистских сайтов, сайтов религиозных сект, сайтов, пропагандирующих наркотики, суицид; увлечение агрессивными компьютерными играми, создающих иллюзию легкости убийства человека, пропагандирующие различные формы насилия» [1,7].

Данную проблему усугубляет тот факт, что сегодня, практически у каждого школьника есть устройство для выхода в сеть интернет и аккаунт в одной или нескольких социальных сетях.

Таким образом, приведенная выше информация, указывает на необходимость проведения теоретических и практических исследований влияния интенсивного внедрения ИКТ и интернет-пространства в воспитательную среду школ с позиции выявления не

только перспектив их использования [2], но и потенциальных рисков, связанных с их применением.

1. *Изменяющаяся теория воспитания: проблемы и перспективы развития. Монография / Под ред. Н. Л. Селивановой и П. В. Степанова. – Москва: АНО Издательский Дом «Педагогический поиск», 2017. – 108 с.*
2. *Королева, Д. О. Использование социальных сетей для целей образования и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. – 2015. – №1. – С. 28-37.*
3. *Шерман Я. От «подрыва» к инновациям: о будущем MOOK / Янг Шерман // Вопросы образования. – 2018. – № 4. – С. 21-43*

ТРАНСФОРМИЗМ В ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ: НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМИСТСКОГО СЦЕНАРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИИ

Борздых Татьяна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

1 Цифровизация и цифровое общество: характерные черты и сущностные признаки современности.

2 Современность в контексте глобализации — понятия национального государства, органов власти и государственного суверенитета в теориях трансформации общественных структур. /Э.Гидденс, Т.И. Заславская, В.А. Ядов; теории глобализации/. Национальная культура.

Глобальные транспортные и коммуникационные инфраструктуры — образование новых форм экономической и социальной организации, основанных на межнациональных цифровых коммуникациях. Эффективность и контроль.

Суверенитет и культурная политика государства — интеграция в межнациональное пространство. Изменение соотношения местонахождения власти и субъектов власти.

Изменение понятия национального государства как самоуправляемой, автономной единицы: к нормативному требованию от дескриптивного утверждения.

«В наше время институт территориально ограниченной суверенной власти на фоне транснациональной организации многих аспектов современной экономической и социальной жизни воспринимается как нечто аномальное (Sandel, 1996)» [4, 10].

«Разрыв» связи между суверенитетом, территориальностью и государственной властью (Ruggie, 1993; Sassen, 1996) [4, 10].

3 Функции цифровизации в организации культурной политики. Информационные «Химеры» и феноменология «Чистого смысла».

Цифровизация и культурная политика в России. Практики социальных культурных агентов мягкой силы в России в соответствии с трансформистским сценарием глобализации.

1 Асташева Н.Д., Фортунатов А.Н. Информационное поглощение как свойство постиндустриального общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016 №2. С. 35 - 42

2 Вершинина И.А. Формирование теории структуризации Энтони Гидденса // Вестник

Московского университета. 2010 №4. С.103 - 118

3 Т.И. Заславская, В.А. Ядов. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных

изменений // Социологический журнал. 2008 № 4 С. 8 - 22

4 Хелд Д, Макгрю Э., Гольдблатт Д., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Практик. 2004 г.

ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Булей Полина Сергеевна

(Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики")

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

В статье представлены результаты исследования, проведенного с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет исследования».

Современное общество развивается и изменяется очень быстрыми темпами, повсеместно появляются и используются новые технологии, и чаще всего, центральной составляющей этих процессов становятся сетевые структуры. В свою очередь, социология, как фундаментальная наука об устройстве и функционировании общества, социальных процессов и явлений, фокусируется и на "сетевом сегменте" своей предметной области. Понятие "социальная сеть" все чаще и чаще появляется в современных социологических теориях и исследованиях, как в теоретическом, так и в практическом смыслах.

На уровне теоретических концепций наиболее популярны и влиятельны акторно-сетевая теория Б. Латура [4], теория сетевого общества М. Кастельса [3], теория социальных связей М. Грановеттера [1]. Центральным объектом изучения авторов становятся сетевые структуры, рассматриваемые с позиций интегративного, макро- и микросоциологического подходов соответственно.

Поскольку сегодня мир уже довольно трудно представить без интернета и сопутствующих ему технологий, сетевые структуры легко обнаружить и в повседневной жизни общественных групп, где отражается их практическая составляющая. Так, понятие сети в современной повседневности, в первую очередь, связывается с интернетом и социальными сетями, которые становятся неотъемлемой частью жизни людей. Человек погружается в сетевые взаимодействия все больше и больше, и, конечно, он формирует своё понимание этой деятельности, наделяет ее разной значимостью и реализует в соответствии с разными целями.

В статье представлены результаты исследовательской работы, выполненной в рамках проекта "Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации" и направленной на изучение практического смысла социально-сетевых структур. В ходе исследования были проведены вторичный анализ данных опросов общественного мнения ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра о практиках использования интернета и социальных сетей и анализ данных эмпирического исследования проекта. Сравнительный анализ всех описанных данных позволил сделать выводы относительно того, каким образом и как часто в повседневной жизни люди используют социальные сети и интернет, какие существуют предпочтения относительно их использования, а также

позволил проследить значимость интернета и социальных сетей в динамике и выявить их практический смысл для разных социально-демографических групп.

В первую очередь необходимо отметить общую тенденцию к увеличению значимости сетей в повседневной жизни людей. По данным Левада-центра [7] начиная с 2016 года данные по показателю ежедневного использования социальных сетей постоянно росли. Так, в 2016 году уже практически половина жителей России ежедневно использовала интернет и социальные сети. В период с 2017 по 2019 годы средний прирост в год ежедневно использующих сети был равен 6%. Соответственно, в 2020 году данные сообщают об уже 70% ежедневных пользователей социальных сетей в России. Данные эмпирического исследования, проведенного в рамках проекта "Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации" в апреле 2020 года, для Москвы и Санкт-Петербурга также показывают высокую частоту использования интернета. Так, 87,2% и 83,7% опрошенных соответственно заявили о том, что пользуются интернетом практически ежедневно.

Таким образом, значимость сетей в России растет с каждым годом, и в большей степени, она возросла за последние несколько лет.

Результаты опросов, проведенных в 2020 году, по вопросу об использовании интернета показывают, что среди пользователей существует территориальная дифференциация. Так, в среднем по России количество ежедневных интернет-пользователей составляет 70% от общего числа жителей [2], а в среднем по Москве и Санкт-Петербургу - 87% и 84% соответственно. Разница в практически 20% в случае столицы и практически 15% в случае Санкт-Петербурга говорит о том, что значимость сетей для жителей крупных городов гораздо выше, чем в среднем по России. Причинами могут являться различные аспекты функционирования общества, например, как более высокая интенсивность всех процессов в крупных городах, так и более высокая техническая оснащенность регионов.

Разница в показателях характерна и для оценки значимости сетей среди пользователей разного возраста, что говорит о наличии поколенческого разрыва в осуществлении и активности интернет-деятельности. Значимость сетей в повседневной жизни человека зависит от его возраста. Так, молодые люди чаще и больше используют социальные сети и, соответственно, находят больше смысла в их использовании, чем люди в пожилом возрасте. Например, для данных, собранных по Санкт-Петербургу, отмечается пропорциональная отрицательная зависимость показателей - то есть с увеличением возраста интернет-пользователя постепенно уменьшается их ежедневная интернет-активность.

Характеризуя интернет и социальные сети, как социально-сетевые структуры современного общества, стоит также отметить и характер осуществляемой в них деятельности. Так, чаще и больше всего пользователи используют социальные сети для общения с друзьями и знакомыми. Соответственно, первостепенной и основной функцией сетей в повседневной жизни является осуществление коммуникации между людьми - поддержание сильных и создание слабых связей (по М. Грановеттеру [1]). Поиск информации, относящейся не только к новостям и СМИ, но и к другим аспектам жизни человека (например, это может быть любая полезная человеку информация от блоггеров и инфлюенсеров), работа в социальных сетях, то есть участие в сетевом обществе (по М. Кастельсу [3]) уступает практикам, связанным с социальными связями [5]. Соответственно, можно говорить о том, что на микросоциальном уровне повседневной жизни практический смысл сети имеет скорее межиндивидуальный характер, а не общественный.

Завершающий вывод об использовании интернета и социальных сетей также связан с характером осуществляемой в них деятельности. Однако в этом случае речь идет о действиях, которые находятся в так называемом открытом доступе – то есть это те действия, результат которых виден либо всем, кто может "зайти" в профиль/на страницу пользователя, либо вообще всем интернет-пользователям. Поскольку самым распространенным действием являются отметки "нравится"/"лайки", а самым редким - публикация собственных постов [6], пользователи социальных сетей больше предпочитают "созерцать" результаты деятельности других, нежели "творить" уникальный контент самостоятельно.

Важно отметить, что данные, полученные в 2020 году в рамках проекта "Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации" подтверждают оба вышеизложенных вывода. Так, более распространенными практиками в социальных сетях по-прежнему остаются общение и просмотр новостей, блогов, фото и видео, и другого контента. Также подтверждается и то, что пользователи больше склонны просматривать и оценивать контент других, чем создавать свой уникальный контент.

В завершение, необходимо подчеркнуть важность изучения современных социально-сетевых структур, которыми являются интернет и социальные сети, поскольку повседневные практики индивидов, включенных в сетевые взаимодействия, становятся важнейшей частью не только их жизни, но и функционирования современного - цифрового - общества в целом. Поскольку в условиях постоянно меняющегося устройства общества использование сетевых структур принимает всеобъемлющий масштаб, а общественная жизнь протекает уже в сверхбыстрых темпах, то фиксировать изменения становится хоть и труднее, но не менее важно для развития как социологической мысли, так и самого общества.

1. Грановеттер М. Сила слабых связей / (перевод З.В. Котельниковой) // *Экономическая социология*. сентябрь 2009, №4, Т. 10, С. 31-50.
2. Источники информации: интернет, 30.01.2020 // Интернет-сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14340> (Дата обращения: 09.04.2020).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: 2001 г. - 446 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. // М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
5. Онлайн-практики россиян: социальные сети, 28.01.2016 // Интернет-сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (Дата обращения: 09.04.2020).
6. Персональные данные в интернете: возможности и риски, 01.11.2018 // Интернет-сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (Дата обращения: 09.04.2020).
7. Российский медиаландшафт-2020, 28.04.2020 // Интернет-сайт Левада-центра. URL: <httphttps://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/> (Дата обращения: 05.05.2020).

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ

Вербин Анатолий Александрович

(Санкт-Петербургский Государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Крушение социалистической системы в Восточной Европе и исчезновение СССР с политической карты мира, произошедшие тридцать лет назад, стали поводом для объявления «конца истории», а неолиберальной формы капитализма – «окончательной

формой государственного правления», которую выработало человечество. Но уже «задолго до кризиса 2008 года стали заметны тектонические трещины в высоком храме капитализма свободного рынка» (1, ix). И демократия неолиберального капитализма перестала удовлетворять граждан развитых стран, что в настоящее время выливается в различные формы противостояния масс правящим элитам этих стран (Брексит в Англии, желтые жилеты во Франции, раскол США (т.е. попытки сместить Трампа обвинениями в сговоре с Россией). Отражением этого недовольства стали призывы, прозвучавшие в 2019 году по обеим сторонам Атлантики, к «спасению капитализма», и Афинский Демократический Форум по пересмотру демократии в Западном мире (5).

Названное противостояние совпало с бурным развитием информационных (цифровых) технологий, а также технологий искусственного интеллекта, способных создавать текстовые фальшивки даже автоматически, качество которых «не вызывает никаких подозрений относительно их машинного происхождения» (2, 7). Кроме того, они способны «генерировать видеоролики (deep fakes) для обмана людей», создающих телевизионные продукты, способные представлять известных лиц в компрометирующем виде (говорящими несвязанно, пьяными, более старыми и т.п.) (4. 18-19). И все эти продукты оказываются очень убедительными и широко применяются для пропагандистских целей.

Небывалое распространение в общественном пространстве фальшивок и дезинформации приобрело теперь такие масштабы, что это не может не иметь негативного влияния на наиболее уязвимый слой населения (молодежь), который уже плохо понимает, где истина, а где ложь. И как результат, их осведомленность о социальной реальности существенно падает. А социологические исследования свидетельствуют, что нынешнее молодое поколение США «имеет больший процент молодых людей с более низким уровнем образования и осведомленности, нежели имели их родители» (3, 9).

1. *Corning P. The Fair Society. L.: The University of Chicago Press, 2011.*
2. *Hern A. New AI fake text generator // The Guardian on line on 14.02.2019.*
3. *Kristof N. U.S.A., land of limitations? // Internal New York Times, 10.08.2015.*
4. *Venkataramakrishnan S. Can You believe Your Eyes? // Financial Times Week End. Life & Arta, 26/27.10.2019.*
5. *Wolf M. Saving Capitalism // Financial Times, 18.09.2019, 7; Stiglitz J. Progressive capitalism: no oxymoron // The New York Times, International Edition, 22.04.2019, 10-11; Schmemann G. Democracy's Precarious Position // The New York Times, 18.10.2019, S8.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ РОСТА ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Владимирова Татьяна Валерьевна

Цифровое пространство все более проникает в социальные процессы, сплетающие современный мир. Цифра становится новым языком текущего этапа сжатия пространства и времени, которое выражено (это сжатие) в очередном витке роста ускорения и многообразия коммуникации.

Рост ускорения и многообразия коммуникации, порождающий и умножающий информационные потоки я называю, в целом, состоянием информационной нестабильности социума. Конечно же понятие состояния нестабильности информационной среды требует

последующих уточнений и концептуализации. Но сознательно оставляю в стороне такие уточнения.

Я выделяю два этапа в развитии текущего социального пространства, которое выражается в дальнейшей цифровизации общества:

1. Рост сетевого социального киберпространства, ведущий к росту Неотрицаемого и к развитию аномийного виртуального социума. [1]

2. Как реакция на это разрастание аномийного пространства виртуальной среды происходит развитие искусственного интеллекта (далее ИИ).

На мой взгляд, ИИ в этом контексте выступает естественной реакцией социума (с его современными технологическими возможностями) на рост цифровой свободы субъекта.

На каких-то виртуальных площадках эта свобода выливается в виртуальную вседозволенность, что частично фиксируется обществом как киберпреступление, рост информационного противоборства, информационных войн на различных уровнях социального взаимодействия с использованием неприемлемых (с точки зрения человеческой морали) методов и средств воздействия на сознание человека.

ИИ становится естественным следствием развития сетевого коммуникативного пространства и очередным этапом развития общества в условиях нарастания информационных потоков, ведущих к росту информационной неопределенности и нестабильности.

По техническому содержанию ИИ состоит из аппаратно-коммуникационной инфраструктуры, программно-алгоритмического оснащения и больших структурированных и неструктурированных данных, пополняемых в режиме реального времени. Его функциональное существо состоит в том, он предлагает «возможности вычисления количественных зависимостей и отношений между огромным и все возрастающим числом переменных» [2].

Раньше мы задавались вопросом - является ли общество социальной системой? И все чаще исследователи отказывались от такого концепта, призывая наводить фокус исследований на изучение социального действия и социальной коммуникации. Такая рефлексия была следствием утраты представлений о системности социума как объекта исследования.

С развитием цифровой среды, с развитием ИИ, сетевое виртуальное пространство, в котором до этого преобладали процессы осетвления становится иным. Иным становится и само общество.

Рефлексия социального мира дает обратный ход, прогнозируя в самых смелых и мрачных предсказаниях приход алгоритмического общества (Е.В. Ларина, Юваль Ной Харари и др.) Е.В. Ларина отмечает, что композиция цифровых платформ, надж-интерфейсов и блокчейна, использующих поведенческие автоматизмы и интеллектуальный анализ больших данных, позволяет провозгласить начало новой эры – эры алгоритмической экономики. Релевантный Интернет, будучи всеобъемлющим благом для пользователя, ведет к принудительному сужению когнитивного разнообразия пользователей поисковиками и платформами в погоне за вниманием, привлечением рекламодателей и т.п. Вырабатывается автоматизм и усиливаются стереотипы поведения. [2]

Другими словами, сегодня приход нового мира, новые состояния общества осмысливаются как состояния социальной технологической суперсистемы, которая уже забирает у социального субъекта абсолютную свободу и потенциально превращает его просчитываемую программу.

С другой стороны, развитие ИИ начинает осмысливаться обществом как эпохальное освобождение от рутинных коммуникаций, забирающих львиное время жизни человека. В ведущих странах мира приняты декларации о развитии ИИ. Не исключением является и Российская Федерация [3]

Мы стоим у начал развития различных дискуссий о судьбах ИИ, его роли в жизни личности, общества и государства. Но остается незыблемым фактом то, что ИИ – это настоящее и будущее социума, развернувшее социологическое знание в сторону изучения новой системности в условиях принципиальной информационной нестабильности.

1. Владимирова Т.В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // Журнал Социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 2. – С. 129–146.
2. Елена Ларина и Владимир Овчинский: Рывок в искусственный интеллект... или фальстарт? URL: <https://izborsk-club.ru/16576>
3. Ларина Е.В. Понимание алгоритмических обществ. Гибридный интеллект и его зомби // Свободная мысль 2017. № 5. URL: <http://svom.info/entry/773-ponimanie-algoritmicheskikh/>
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 20 октября 2019 года № 490.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

*Воронова Анна Сергеевна
(МГУ)*

Технология искусственного интеллекта достаточно нова и не исследована с точки зрения влияния на социум, поэтому цель статьи – охарактеризовать некоторые социальные последствия внедрения технологии ИИ в городскую среду. Под искусственным интеллектом понимаются технологии, которые обладают свойством интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека [1, 256]. Сюда относятся технологии цифровизации (объектов, документов, процессов), создание автоматизированных систем управления, анализа и моделирования, диспетчеризации, прогнозирования.

ИИ используется в градостроительстве в виде BIM технологии (Building Information Model), в ЖКХ анализирует потребление услуг и моделирует более эффективное управление ресурсами, в экологии, в области безопасности - идентифицирует лица с камер наблюдения. На базе ИИ создаются интеллектуальные транспортные системы, обеспечивающие максимальную эффективность трафика и управление транспортными потоками. Становится возможным внедрения беспилотного транспорта. Благодаря таким изменениям, по данным компании TomTom, индекс загруженности дорог в Москве снизился до 44 % (в 2012 году – первое место и 57 % соответственно) [2].

Благодаря внедрению ИИ многие процессы автоматизируются, повышается качество предоставляемых услуг, снижается риск “человеческого фактора”. В результате повышается индекс развития человеческого капитала и индекс качества городской среды, в Москве данный показатель вырос на 7 пунктов за 2019 год [3]. Расширяются возможности граждан по использованию сервисов и услуг: 92% опрошенных москвичей заметили улучшения жизни с развитием технологий [4, 14]. Однако высокие технологии требуют высококвалифицированных специалистов. Уже сейчас можно наблюдать рост интереса к

дополнительному образованию и переквалификации. Общая численность работников, получивших образование в течение девяти или более лет, вырастет до 2,22 млрд человек к 2050 г., или на 33% по сравнению с 2011 г., ожидают экономисты Всемирного банка [5]. Увеличивается ценность творческого, не автоматизированного труда. Повышается его безопасность, благодаря системам видеонаблюдения, идентификации и интернету вещей (IoT).

Однако внедрение ИИ влечет за собой такие социальные последствия, как вытеснение профессий, следовательно, безработицу, только в России машинами заменят до 35 млн человек. [6]. Поднимается вопрос цифрового неравенства, ведь около 20% населения, куда входят пенсионеры, дети, люди с ограниченными возможностями, обладают низким уровнем цифровых компетенций [7]. Проблема конфиденциальности тех самых больших данных, на основе которых работает ИИ и защиты персональных данных.

Технология ИИ внедряется почти во все сферы города, повышая производительность и эффективность городских служб, улучшая городскую среду и качество жизни, однако такие быстрые трансформации пугают многих людей, ведь за цифровой революцией следуют и общественные изменения.

[1] Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.

[2] По данным мирового рейтинга TomTom в Москве уменьшились пробки, Москва24 (19 апреля 2016). // [Электронный ресурс] URL: <https://www.m24.ru/articles/dorogi/19042016/103085> (дата обращения: 01.10.2020)

[3] Индекс качества городской среды URL: <https://индекс-городов.рф/#/groups/1> (дата обращения: 01.10.2020)

[4] План развития Москвы 2030/Москва “Умный Город” 2018// [Электронный ресурс] URL: https://2030.mos.ru/netcat_files/userfiles/documents_2030/concept.pdf

[6] РБК. Индустрия 4.0 в 40 цифрах и фактах (Электронный ресурс). URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5daef6429a7947c1bfe43006> (дата обращения: 01.10.2020)

[5]. Ведомости. Общество 3.0 и индустрия 4.0. 10 сентября 2018 (Электронный ресурс). URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2018/09/06/780170-obschestvo-30> (дата обращения: 01.10.2020)

[7] Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Social Business Group // [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения: 01.10.2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАКТИК ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕПРЕССИИ В РАЗНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ХЕЛЬСИНКИ

*Глухова Мария Евгеньевна
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)*

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, "Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст".

Получившие распространение в XX веке такие глобальные процессы, как старение населения, увеличение количества хронических заболеваний и рост расходов на развитие медицины, привели к кризису государственных систем здравоохранения [1]. В России происходит утрата доверия к медицине и экспертному знанию врача, развиваются практики самопомощи и стратегии избегания медицинских учреждений [2]. Одним из ответов на эти вызовы стала цифровизация здравоохранения, целью которой является повышение эффективности и качества оказания медицинской помощи. Однако использование цифровых технологий для поддержания здоровья детерминировано социокультурным контекстом (доступностью технологий, уровнем доверия к ним и т.д.) В докладе цифровизация практик заботы о здоровье рассматривается на примере такого хронического заболевания, как депрессия. На материале 36 глубинных интервью сравниваются практики преодоления депрессии студентов Санкт-Петербурга и Хельсинки. Вопреки изначальному предположению, стратегии использования цифровых технологий для преодоления этого заболевания в двух странах схожи, но обладают разным значением для опрошенных. В результате были выявлены три универсальных способа применения цифровых технологий для преодоления депрессии: поиск информации о здоровье, поиск поддержки в интернете, а также отслеживание симптомов депрессии и управление ими. Для получения сведений о депрессии студенты из обеих стран обращались к различным интернет ресурсам, преимущественно немедицинским (например, блоги в Instagram или Youtube, онлайн-энциклопедия «Википедия» и пр.). Несколько реже информанты использовали интернет и социальные сети для поиска поддержки и отслеживали симптомы депрессии и управляли ими с помощью мобильных приложений. Однако если для студентов из Хельсинки цифровые технологии всегда были лишь дополнением к медицинскому лечению, то для опрошенных из Санкт-Петербурга они формируют контекст для самостоятельного преодоления депрессии.

1. Sharon T. *Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare* // *Philosophy & Technology*. – 2017. – Т. 30. – №. 1. – С. 93-121.

2. Аронсон П. Я. *Утрата институционального доверия в российском здравоохранении* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2006. – Т. 9. – №. 2.

INEQUALITY AND SOCIAL STRUCTURE IN SPORTS

Гонашвили Александр Сергеевич
(*St.Petersburg State University, University under the IPA EurAsEC*)

The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90002.

The problems of the vital activity of society cannot be adequately solved without appropriate theoretical work. The study of the social structure of sports is based on a number of sociological foundations concerning the nature of social practices of sports [1].

First of all, sport is a phenomenon of the leisure side of human activity, and exists as the opposite of the working side of life. Both sides complement and mutually condition each other in the social system. They can intersect and intertwine, even cross each other, but at the level of essence they always act as opposites. Since the labour side is the determinant, access to sporting opportunities ultimately stems from the structure of the social division of labour.

As an area of leisure, sports practices are an integral part of consumption, where their place correlates with other forms and modes of consumption. Thus, inclusion in sports leisure is consistent, supplemented and continued by those consumer aspirations that a person reproduces in the course of his life, the possibilities of alternative and subordinate to sports leisure activities. Thus, sports consumption is oriented to the entire social space with its various semantic forms that influence the processes of inclusion in leisure practices.

The experience of research into the social structure of sports raises a number of issues of common importance that make sense for the modern Russian reality. Based on them, we can conclude about the connection between the degree of accessibility of sport and the level of social inequality.

Often the issue of inequality of leisure practices is considered primarily on the side of accessibility, leaving in the shadow of differences in social hierarchical ways of realizing the personality in sports. It is from this point of view that equality as applied to sports implies universal involvement in leisure practices of a sporting type. Therefore, the organization and infrastructure of sport has weight in addressing the issue of public involvement in sporting leisure. However, it is they that usually give rise to differences in access based on income, power, education, or employment. An example from a study in St. Petersburg of leisure consumption styles of sports, i.e., flying target shooting, demonstrates a direct link between involvement in this type of high-income sports practice [2].

On the other hand, it should be borne in mind that the relative autonomy of sport gives rise to specific means of overcoming inequality in the specific organization of sports practices [3]. There are opportunities to slow down the trend of growing inequality among athletes through egalitarian organizational policy. Recent research by A. Knoppers draws attention to the needs of sports management to address the sociology of sports [4]. This allows sociology to look at the organizational sphere of sports and see how managerial models reproduce hierarchical practices of power and privileges in social space. Therefore, opportunities to overcome inequality should be sought in the reorganization of sports practices themselves in terms of power and knowledge construction, for example, in the criteria for selection of management personnel, style and methods of management, in the values, attitudes and interests of persons involved in the organization of sports practices. Such sociological experience can not only strengthen sports management, but also actively contribute to overcoming the inequality of leisure practices in modern Russia.

1. *Burdier P. Program for sociology of sports / Beginning. Moscow: Socio-Logos, 1994*
2. *Kharchenko, Yu.V.; Gurova, O.Yu. Sporting: sports, leisure and consumption styles in modern Russia / Economic sociology. T. 11, № 2, March 2010, pp. 73-90.*
3. *Gonashvili A.S. Professional Sport Values in opinion of St. Petersburg and Leningrad Region Residents // THEORY AND PRACTICE OF PHYSICAL CULTURE, 2016. — № 1.*
4. *Knoppers A. Assessing the sociology of sport: on critical sport sociology and sport management / International Review for the Sociology of Sport. 50 (4-5), 2015, pp. 496-501*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА» В ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Гребенкина Анна Анатольевна
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)*

Такой феномен как «социальная сеть» имеет много аспектов изучения в социологии. Наиболее обширное определение сети - социальная структура, состоящая из множества агентов (индивидуальных или коллективных) и определенном на нем множества отношений. [1,4]

В качестве одного из подходов к изучению социальных сетей можно выделить подход, основанный на понятии «социального капитала» П. Бурдьё. В теории стратификации общества П. Бурдьё рассматривает понятия социальной структуры, социального капитала применительно к офлайн-обществу. Однако происходящий в последние десятилетия стремительный рост онлайн взаимодействий требует пересмотра классических понятий в современных условиях. Автор проводит разделение между двумя видами пространства – физическим и социальным. Позиция агента в социальном пространстве зависит от имеющихся у него капиталов – экономического, культурного, интеллектуального, символического. Оба рассматриваемых пространства взаимосвязаны следующим образом: абстрактное социальное пространство стремится наиболее полно реализоваться в физическом.

«Виртуальное» общество появляется после интеграции социальных структур в пространство сети Интернет. Продолжая логику Бурдьё, можно предположить, что виртуальное пространство также является особым видом пространства, взаимосвязанным с двумя другими видами пространств. «Социальные агенты, а также предметы, присвоенные агентами <...> помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами <...> и через дистанцию, отделяющую это место от других».[2,50] Для виртуального пространства: социальные агенты представлены пользователями сети Интернет; предметы, присвоенные агентами – это лайки, репосты, записи, ссылки; относительное положение агента можно выявить путем сравнения количества друзей, подписчиков. Таким образом, в рамках теории Бурдьё можно дать такое определение: пользователи сети Интернет, а также присвоенные ими предметы помещены в некоторое место виртуального пространства, которое характеризуется через относительное положение отдельного пользователя и через дистанцию, отделяющую этого пользователя от других. Виртуальное пространство, как и социальное, имеет абстрактный характер, особые отношения внутри пространства. Так образуется новая комбинация пространств: виртуальное-социальное, в «цепке» которых возникают новые формы социальных отношений.

1.Губанов Д.А., Новиков Д.Ф.А., Чхартшвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства [Электронный ресурс] / Под ред. чл.-корр. РАН Д.А Новикова. – М. : Издательство физико-математической литературы, 2010. – 228с. URL: <http://www.mtas.ru/upload/library/SN59.pdf>

2. Социология социального пространства [Электронный ресурс] / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной

социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. URL:
https://socioline.ru/files/5/39/sociologiya_socialnogo_prostranstva.pdf

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

*Добринская Дарья Егоровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

*Мартыненко Татьяна Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №
18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их
проявления в современной России».*

Достижения цифровой эпохи определили качественно иной уровень социального развития, вооружив современных людей новейшими технологиями для коммуникаций, искусственным интеллектом и интернетом вещей. Казалось, что инновации последних трех десятилетий смогут устранить многие проблемы, волновавшие человечество на протяжении предшествующих эпох. Технооптимисты возлагали большие надежды на уничтожение или, по крайней мере, сокращение неравенства и несправедливости благодаря тем возможностям, которые предлагают революционные технологии. К сожалению, многие надежды не оправдались. В настоящее время проблема социального неравенства не только не ликвидирована, а, напротив, усугубляется, обнаруживая новые формы своего проявления [3, 6, 8, 9].

Технологический прогресс изменяет и состояние цифрового разрыва. Он эволюционирует от простого деления на имеющих и не-имеющих доступ в сеть к различиям в обладании жизненными шансами, которые представляют собой результат этого доступа. Такая эволюция своим следствием имеет появление трехуровневой схемы цифрового разрыва [7].

Следует констатировать наличие ряда методологических проблем, присутствующих в анализе цифрового неравенства и цифрового разрыва. Так, одной из них является подмена понятий «цифровое неравенство» и «цифровой разрыв». Кроме того, существуют различные варианты определения оснований для выделения уровней цифрового разрыва, и, как следствие, возникает вопрос различия в концептуализации всех трех уровней цифрового разрыва [2].

Цифровой разрыв в настоящее время является и результатом мощных и зачастую невидимых процессов ранжирования и маргинализации, которые осуществляют алгоритмические системы. Распространение алгоритмов и алгоритмических систем имеет как положительные, так и негативные эффекты. Негативные последствия распространения алгоритмов необходимо рассматривать в контексте общей ситуации усиления социального неравенства. Данная проблематика еще не получила достаточного освещения в специальной научной литературе. Алгоритмические процессы все большее влияние оказывают на определение социальной позиции индивида. В перспективе исследования проблемы цифрового разрыва речь идет об усилении дифференциации навыков использования цифровых технологий в связи с распространением алгоритмов.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать эти проблемы как «алгоритмический разрыв» в контексте проявления нового цифрового неравенства [4], другие называют ее «четвертым цифровым разрывом» [5] или «новым цифровым

разрывом» [1]. На решение обозначенных методологических проблем должны быть направлены усилия исследователей цифрового разрыва.

1. Gran A.B., Booth P., Bucher T. *To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide?* // *Information Communication and Society*. 2020. P. 1–18.
2. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. *Defining the digital divide in Russia: Key features and trends* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. No. 5. P. 100–119.
3. Osipova N. et al. (2017) *Social inequality: recent trends*. *PONTE International Scientific Research Journal*. Vol. 73. No. 5.
4. Ragnedda M. *Enhancing Digital Equity. Connecting the Digital Underclass* / M. Ragnedda, Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
5. Stefanija A.P. *The Fourth Digital Divide-Divide by Algorithm?* // *On the algorithms-mediated society and what to do next* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2017-10-13/facebook-removed-data-related-to-> (accessed: 17.09.2020).
6. Вершинина И.А. *Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции* // *Социология города*. 2017. № 2. С. 5–19.
7. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. *Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв»)* // *Социологические исследования*. 2020. №10. С. 159-165.
8. Лядова А. В. *Информационные технологии в медицине как инструмент преодоления социального неравенства в сфере здоровья* // *Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции, 13–14 апреля 2018 г., Санкт-Петербург, Россия. Изд-во Политехн. ун-та Санкт-Петербург, 2018. С. 176–179.*
9. Полякова Н.Л. *Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики* // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2014. № 4. С. 19–43.

БЛОГОСФЕРА КАК СПОСОБ ПРОДВИЖЕНИЯ МОДЫ

*Дробушевская Диана Денисовна
(Российский Государственный Социальный Университет)*

Аннотация: В статье рассматривается, как блогеры стали новыми проводниками и агентами индустрии моды, и каким образом теперь функционирует созданный ими механизм стимулирования потребления. Ключевые слова: мода, тенденции, социальные сети, цифровая культура, блогеры, продвижение, инновации, демократизация.

В последнее время в индустрии моды высокую значимость приобретает точка зрения о том, что современная мода становится все более демократичной и доступной широким слоям общества, утрачивая при этом свой прежний элитарный статус и ориентированность преимущественно на людей с высоким уровнем достатка. Прежде всего, фактором, влияющим на подобные изменения, являются социальные сети, а, точнее, fashion-инфлюенсеры, транслирующие в своих блогах идеи разумного потребления, удобства, комфорта, экологичности и создающие у пользователей иллюзию участия в круговороте смены трендов и тенденций. Это явление стало наиболее заметно в период наложенных ограничений в связи с коронавирусной инфекцией, которые стали своеобразным катализатором для новых способов продвижения в индустрии.

Появление и последующее распространение социальных сетей выступили катализаторами процессов, связанных с демократизацией моды. Интернет стал

полноценной социокультурной площадкой, воздействующей на общество и предоставляющей почти безграничный доступ к любым информационным источникам.

Моду и социальные сети объединяет идея самопрезентации, формирования имиджа. Изменения в индустрии моды происходят так часто, что лучше и быстрее всего их возможно транслировать в тематических блогах и онлайн-изданиях. Сегодня именно они играют ведущую роль в распространении информации о модных тенденциях, трендах и стиле, параллельно обеспечивая обратную связь, прямую коммуникацию и массовый охват.

Еще в 1903 году французский социолог Габриэль Тард ввел в обиход термин "трендсеттер", которым он обозначал круг лиц, которые быстрее других реагируют на инновации и внедряют их в жизнь [1, 53]. В современной интерпретации трендсеттеры – это блогеры, которые выступают проводниками между фэшн-индустрией и обществом.

Почти у каждого пользователи социальных сетей есть любимые блогеры или страницы для вдохновения, чье мнение является авторитетным. Посредством этого общество попадает под влияние инфлюенсеров, задающих динамику развития трендов и тенденций.

Появление феномена "новой искренности", то есть жизни напоказ – это диссонанс для традиционного мира роскоши. На смену брендам с мировой историей приходят более доступные масс-маркеты, шоурумы. Мода как будто перестала себя отождествлять с роскошью и уделом избранных.

Но все далеко не так просто. Во-первых, модные дома не утратили свою популярность, а лишь сильнее обособились от масс-маркета и доступной моды, тем самым подчеркнув свою «недоступность» и «элитарность». Во-вторых, диктуют моду мировые кутюрье, проводящие показы, вдохновившись которыми клепают свои коллекции масс-маркеты и шоурумы.

С внедрением социальных сетей в повседневную жизнь изучение модных тенденций становится своеобразным ритуалом, происходящим автоматически и неосознанно, как эффект психологического воздействия. В современном мире взаимоотношения с модой переросли в диалог. По словам Г. Зиммеля, мода действует в таких социальных системах, где присутствуют черты динамичности, социальной дифференциации и мобильности, открытости, избыточности [4, 8].

Современная мода – очень многогранный и сложный феномен, который существует по своим законам, одним из которых является диктатура. «Двухсотлетний процесс демократизации рынка моды привел к тому, что на данный момент мы имеем лишь видимость демократии, при которой люди обладают равными возможностями лишь на поверхностном уровне. А миром по-прежнему правит элита» [1, 73].

Fashion-индустрия выдает перечень готовых ответов на вопросы общества, далее это транслируют трендсеттеры в лице блогеров-инфлюенсеров, а после этот контент потребляют люди, пребывая в заблуждении, что делают самостоятельный выбор. Как отмечал российский социолог А.Б. Гофман: «Без массовости нет моды» [3, 114]. А массовость создают социальные сети, в частности, блогеры, а общество потребляет контент, даже не фильтруя его.

В условиях цифровизации мода – это социально-экономическое явление, не только отражающее перемены в обществе, но и иницилирующее их. Fashion-маркетинг является одной из самых процветающих отраслей экономики, поскольку стилей и тенденций в моде огромное количество, и общество стремится все их воспринять.

Список использованной литературы:

1. Арнтцен М. Г. Дресс-код. Голая правда о моде. – *Ad Marginem*, 2017.
2. Гапутина В.А. Дискурс моды в социальной сети Instagram // *МНКО*. 2018. №2 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-mody-v-sotsialnoy-seti-instagram> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Гофман А.Б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. 2-е изд. М.: КДУ, 2010. С. 114.
4. Дрягалов В. С. Человек путешествующий в эпоху Интернета1 // *Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU*. 2014. №102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-puteshestvuyuschiy-v-epohu-interneta1> (дата обращения: 10.10.2020).

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «МЕГАМАШИНЫ» Л. МАМФОРДА КАК ОСНОВЫ АНАЛИЗА НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Зарубина Наталья Николаевна

(Московский государственный институт международных отношений МИД России)

1. При всем обилии и многообразии работ, посвященных социальным последствиям цифровизации, теоретический подход к осмыслению ее непреднамеренных социокультурных последствий пока находится в стадии разработки. Его развитию может способствовать актуализация концепции американского социолога Л. Мамфорда (1895-1990), одного из самых известных аналитиков социокультурных последствий развития техники, автора концепции «Мегамашины» как всеобъемлющего социотехнического механизма, в котором люди, объединяясь для решения общих производственных или военных задач, из индивидуальных носителей воли, творческой энергии и знания превращаются в обезличенные, деперсонифицированные детали [1].

2. По Мамфорду, у любого технического нововведения существуют «социальные прообразы», для цифровых машин таковыми являются способы адаптации к «огромности» глобального пространства-времени. Побочным эффектом их развития является рост объема информации и скорости ее движения, новых видов связей и коммуникации [2].

3. В социальном плане цифровые машины, в отличие от Мегамашины, актуализируют не иерархические отношения с внешним локусом контроля, а в горизонтальные сети с внутренним локусом контроля. Они не предполагают, в большинстве своем, скоординированных коллективных усилий, при которых каждый участник сети должен был бы превратиться в деталь гигантского механизма и работать для него.

4. Есть сходство цифровой инфраструктуры современного общества с Мегамашинной, актуализирующее этот теоретический подход:

- использование цифровых устройств принимает принудительный характер, но не в силу внешнего давления, а вследствие их безальтернативности в ряде форм социальных, в том числе институционализированных, взаимодействий;

- существует общая логика цифровых машин как формальных алгоритмов, не рефлексируемых обычными пользователями, но латентно задающих правила их взаимодействий. Цифровые коммуникации становятся внешней по отношению к их участникам средой, которой передаются волевые, организационные, интеллектуальные качества людей;

- цифровые машины осуществляют функции принятия решений и управления на основе обработки большого объема информации, невозможного для человека. Возникает

новая ипостась Мегамшины, способной принимать решения и организовывать жизнь людей на основе внешних по отношению к их собственной воле и разуму, знаний.

1. Мамфорд Л. Миф машины. М. Логос, 2001. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> от 2.05.2020
2. Мамфорд Л. Механический ритм жизни. // Иностранная литература, №1. 1966. URL: http://scepis.net/library/id_938.html от 2.05.2020

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

*Захарова Ангелина Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФФИ,
проект № 20-013-00770 А*

Концепция медицины, актуальная для прошлого столетия, трактовала здоровье в качестве отсутствия болезни, и ответственность за эффективное предотвращение болезни или восстановление здоровья преимущественно отводила специалистам в области медицины, врачам [1]. «Новое понимание здоровья» провозглашает идею персональной ответственности индивида за сохранение, поддержание и постоянное улучшение своего самочувствия. В контексте данного подхода особую значимость приобретают высокая степень осознанности индивида в вопросах здоровья, регулярный надзор за собственным организмом («селф-трекинг») и непрерывное улучшение своего состояния («самооптимизация» и «велнес»).

Современная концепция здоровья рационализирует здоровый образ жизни и практики заботы о себе. Благополучное состояние индивида видится целью, которая достигается за счет его осознанного и активного формирования «правильных» привычек и устранения негативных воздействий внешней среды. Оптимизация внешней среды, превенция болезни, постоянное совершенствование показателей здоровья становятся возможными с помощью селф-трекинга – самостоятельного отслеживания биометрических показателей человека, которое становится все более точным и эффективным благодаря цифровым технологиям. Эффекты цифрового селф-трекинга амбивалентны. Носимые устройства и мобильные приложения предоставляют количественные показатели здоровья, которые воспринимаются более надежными и объективными по сравнению с чувственным опытом, они стимулируют изменение и улучшение физического, психического и социального благополучия человека, снижают риски заболеваний, упрощают коммуникацию между пациентами и врачами [2]. Однако, становясь неотъемлемой частью жизнедеятельности человека вследствие процессов «медикализации повседневности» [3], устройства для селф-трекинга представляют собой инструменты поощрения всестороннего социального надзора и контроля. Как следствие, возможно усиление социальной категоризации и дискриминации индивидов на основе измеряемых индикаторов. Опасения также вызывают приватность и безопасность собираемых персональных данных, которые могут быть использованы третьими лицами.

В условиях цифровизации здоровье как индикатор всеобщего успеха и благополучия становится достигаемым посредством личной осознанности, ответственности и активности индивида. Использование новых цифровых технологий, с одной стороны, оптимизирует

процесс достижения здоровья, а с другой, порождает ряд противоречий, требующих комплексного исследования.

1. Кляйнеберг, М. *Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селф-трекинга и самооптимизации-на пути к обществу здоровья?* //Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – №. 1. С. 21-22.
2. Ним Е. Г. *Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры* //Антропологический форум. – 2018. – №. 38. С. 172-192.
3. Михель Д. В. *Персонализированные лекарства: идеология, маркетинг и социальные последствия распространения* //Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). – 2017. – С. 7-25.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РУТИНА В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ

Иванов Дмитрий Владиславович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

Цифровизация как комплекс процессов, переводящих социальные структуры и взаимодействия на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий, являются инструментальной реализацией и техническим оформлением тех фундаментальных социокультурных изменений, которые уже более 20 лет известны как виртуализация общества [1]. Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе со времен модернизации институты и интеракции. Виртуализация общества привела к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., однако сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Большинство населения погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций, и особенно это характерно для крупнейших городов.

Мегаполисы, притягивающие ресурсы всех видов, а главное – человеческие ресурсы, и генерирующие новые социальные структуры – сетевые и потоковые, становятся центрами создания и распространения новой социальности. Новизна ее определяется тем, что концентрация, пересечение разнообразных сетей и потоков, их проникновение в зоны привычных интеракций и институтов приводят к эффектам, которые обобщенно можно назвать возникновением дополненной социальной реальности. Социальная жизнь в точках доступа к сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических

ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности (augmented reality). Метафора дополненной реальности становится уместным теоретическим концептом и эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения последних 10-15 лет ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации [2].

Для жителей крупных городов и особенно для молодежи – представителей поколений обозначаемых в маркетинге и публицистике как «игрек» (Y) и «зет» (Z), которые родились, соответственно, в 1980-1990-х и в 2000-2010-х гг., цифровые гаджеты и сервисы, жизнь в коммуникационных сетях и технологии виртуализации общества являются привычным подручным средством, повседневной рутинной, а не целью или показателем личностного и социального развития. Генерируя и используя цифровой контент от лица множества реальных и виртуальных акторов, жители крупных городов играют решающую роль в нарастающем перепроизводстве образов и коммуникаций.

Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации. Этот ценностный сдвиг порождает тенденции поствиртуализации. В крупных городах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки, виртуализация предстает уже историей и бытом предшествующего поколения. Здесь сначала активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены все чаще создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Точки доступа к реальности возникают там, где заброшенные постройки индустриальной эпохи переделываются в креативные пространства, где люди «цифровой» эпохи находят возможность подвижного досуга, живого общения, получения знания «из первых рук» от популярных лекторов и на мастер-классах по изготовлению вещей своими руками, а также гастрономического опыта на грани экзотической кухни и стрит-фуда. Другим типом точки доступа к реальности в постиндустриальном городе становятся коворкинги, где активные люди с идеями и цифровыми устройствами находят место для реализации проектов и встречают реальных единомышленников для рабочих команд. Эта же логика предоставления доступа к реальности заложена во множестве возникших в последние годы интерактивных выставок и музеев, фирм, организующих квесты, контактных зоопарков и котокафе и т. п.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный киберфизический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [3; 4], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

На фоне начавшейся поствиртуализации цифровизация в социокультурной среде крупнейших российских городов предстает не трансформацией и инновацией, а лишь воспроизводством рутинных практик большинства населения. Об этом свидетельствуют результаты эмпирического исследования в трех российских регионах в начале 2020 г. Исследование было проведено в феврале – марте в Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской области. Методом сбора данных был телефонный опрос. Формализованные интервью проводились с использованием технологии CATI на оборудовании ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проект № 106-16435). Опрос проводился по квотным выборкам. Квотирование осуществлено по полу, возрасту, типу населенного пункта (только для Свердловской области). Объем выборок составил 356 человек (Москва), 420 (Санкт-Петербург), 402 (Свердловская область).

В исследовании степень включенности в сетевые структуры в трех российских регионах оценивалась в первую очередь по частоте использования интернета (Табл. 1). Данные опроса показывают, что существуют две основные категории по отношению к использованию интернета – абсолютно доминирующая группа оценивающих свое использование интернета как ежедневное (их доля превышает 80%) и альтернативная группа заявляющих о неиспользовании интернета вообще (их доля примерно в 8-12 раз меньше). Различия между регионами в распределении паттернов использования интернета небольшие, но заметные: разрыв между числом считающих себя постоянными пользователями и числом признающих в неиспользовании интернета в Москве и Санкт-Петербурге больше, чем в Свердловской области.

Таблица 1. Распределение респондентов по частоте использования интернета, %

Вопрос	Вариант ответа	Регион		
		Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область
Как часто Вы пользуетесь интернетом?	Практически ежедневно	87,2	83,7	83,3
	Несколько раз в неделю	4,3	3,5	4,3
	Несколько раз в месяц	0,9	2,4	1,4
	Несколько раз в год	0,3	0,3	0,3
	Практически / совсем не пользуюсь	7,1	9,7	10,7
	Затрудняюсь ответить	0,2	0,2	0,0
	Отказ отвечать	0,0	0,2	0,0

При сравнении полученных данных с данными об использовании интернета в среднем по России, которые регулярно представляют Фонд общественного мнения (ФОМ) и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), можно заметить, что

показатели по каждому из трех регионов существенно выше общероссийских, даже с учетом роста доли постоянных пользователей в ситуации ограничительных мер оправдываемых противодействием распространению коронавирусной инфекции. По результатам проведенного в мае 2020 г. опроса ФОМ суточная аудитория интернета составляет 69% взрослого населения России, а доля тех, кто им не пользуется совсем, составляет лишь 22%. При этом среди тех, кто хотя бы раз в месяц входит в сеть, примерно четверть заявили, что стали больше времени проводить в интернете в последние два месяца [5]. Похожее соотношение между постоянными пользователями и не использующими интернет совсем можно видеть в результатах, еженедельно получаемых ВЦИОМ: доля пользующихся интернетом практически ежедневно выросла с 68% в начале марта до 72% в начале апреля и немного уменьшилась в начале июля – до 70-71%, а доля совсем не пользующихся интернетом составила 17-18% [6].

Отличие данных об уровне включенности в интернет-коммуникации населения Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловской области от средних по России указывает на безусловное лидерство суперурбанизированных центров постиндустриального развития в процессах виртуализации социальных отношений и на следование за ними индустриальных регионов с традиционно высоким уровнем урбанизации. В мегаполисах, где постоянные и всепроникающие интернет-коммуникации востребованы абсолютным большинством населения и где для их развития имеются инфраструктурные возможности, вполне релевантными выглядят заявляемые российскими чиновниками проекты цифровизации процессов производства, предоставления услуг, обучения, документооборота и т. д. Однако в менее урбанизированных регионах, где доля постоянно включенных в интернет-коммуникации жителей лишь немного превышает половину взрослого населения, цифровизация предстает как принудительная виртуализация социальных институтов и процессов, создающая предпосылки для новых форм дискриминации, зависимости от доминирующих групп и социального исключения для тех, кто не имеет возможности или не осознает необходимость быть активным участником интернет-коммуникаций.

Неодинаковая степень включенности в интернет-коммуникации становится заметна и внутри регионов с общей высокой долей активных пользователей, если проанализировать данные с разбивкой по разным возрастным группам. Разные поколения по-разному включены в интернет-коммуникации. По сравнению с молодежью и людьми средних возрастов пожилые люди до сих пор предстают поколением не вполне интегрированным в новую информационно-коммуникационную среду (Рис. 1).

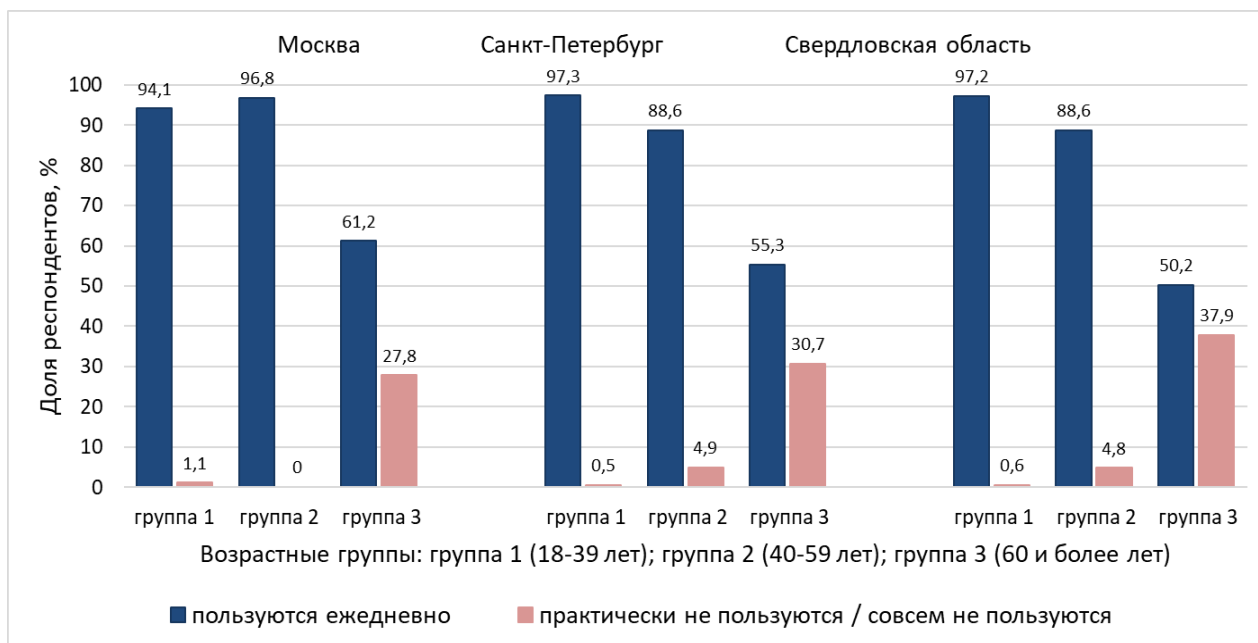

Рисунок 1. Использование интернета в разных возрастных группах

От четверти (в Москве) до более чем трети (в Свердловской области) респондентов в возрасте 60 лет и старше заявили, что практически или совсем не пользуются интернетом. Разрыв в уровне включенности в интернет-коммуникацию между поколениями – это проявление той новой формы социального неравенства, которая с середины 1990-х гг. получила название «цифровой разрыв» (Digital Divide). Если первоначально цифровой разрыв сводился к разделению на имеющих и не имеющих доступ к компьютерам и подключение к компьютерным сетям, то с превращением мобильных устройств в относительно недорогие предметы потребления, а доступа к широкополосному интернету в недорогую услугу на первый план вышло разделение на умеющих и неумеющих пользоваться имеющимися возможностями интернет-коммуникаций.

Цифровой разрыв первого рода, как и ожидали кибероптимисты – энтузиасты социального прогресса на базе развития цифровых технологий в конце прошлого века, уменьшился. Однако теперь цифровой разрыв в большей степени связан не с имущественным положением индивидов, а с их стилем жизни и ценностными ориентациями, укорененными в опыте поколения, к которому они принадлежат. К такому выводу об изменении характера цифрового разрыва можно прийти на основе полученных нами данных о частоте использования интернета в разных потребительских стратах (Табл. 2).

Таблица 2. Использование интернета в различных потребительских стратах, %

	Регион					
	Москва		Санкт-Петербург		Свердловская область	
	Пользуются ежедневно	Не пользуются	Пользуются ежедневно	Не пользуются	Пользуются ежедневно	Не пользуются
Денег не хватает даже на самое необходимое – еду, одежду,	70,3	23,6	67,6	23,9	63,0	28,7

коммунальные платежи						
На самое необходимое денег хватает, но на покупку бытовой техники, мебели, на развлечения и путешествия денег нет	86,4	8,2	75,6	14,0	81,4	11,3
Денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет	90,8	3,2	94,4	3,7	90,6	6,4
Денег хватает на всё, кроме покупки квартиры / дома	91,4	2,4	90,6	5,7	86,0	5,8
Деньги есть практически на всё	86,8	9,2	100,0	0,0	95,9	0,0

Вполне ожидаемо наименьший уровень пользования интернетом наблюдается в группах респондентов, которые при ответе на вопрос о материальном положении их семьи выбрали вариант ответа «Денег не хватает даже на самое необходимое – еду, одежду, коммунальные платежи». Но даже в этой потребительской страте, которую можно назвать нуждающимися около двух третей респондентов указывают на ежедневное использование интернета, а на то, что не пользуются им совсем – около четверти. То есть постоянный доступ в интернет в представлениях большинства испытывающих острую нехватку денег жителей трех российских регионов является одной из базовых потребностей.

В Москве и Санкт-Петербурге, где по данным Росстата среднедушевые доходы населения выше, выше в среднем оказывается и уровень включенности в интернет-коммуникации, хотя это превышение над показателями по Свердловской области и не очень значительное. Этот паттерн разного уровня включенности в интернет-коммуникации в общем просматривается для нижних потребительских страт – групп респондентов, которые можно обозначить как нуждающихся, малообеспеченных и среднеобеспеченных. Однако в верхних потребительских стратах (группах в высокой степени обеспеченных и полностью обеспеченных) паттерн перестает быть отчетливым. Например, в Москве среди респондентов, отметивших, что «Денег хватает практически на всё», доли ежедневно пользующихся интернетом и не пользующихся совсем составили, соответственно, 86,8% и 9,2% против 87,2% и 7,1% в среднем по выборке. Возможно, наблюдаемый эффект относительного снижения уровня включенности в интернет-коммуникации в верхних потребительских стратах объясняется недостатками выборки. Однако с учетом того, что за два десятилетия интернет эволюционировал, превратившись из сферы виртуального эскапизма для меньшинства – продвинутых маргиналов, техногиков в сферу новой социализации и социального контроля абсолютного большинства посредством фактически нормативного принуждения к виртуализации большей части социальных интеракций, можно выдвинуть альтернативную гипотезу.

Не пользоваться интернетом ежедневно, избегать принудительной виртуализации становится новой привилегией для индивидов, обладающих высоким статусом и материальными возможностями, чтобы делегировать интернет-коммуникации другим, находящимся в подчиненном положении. Когда виртуализация социальных структур,

внедрение в жизнь цифровых технологий из доступной немногим экзотики превращается во всеобщую рутину, более престижным становится переход в состояние поствиртуализации, где всё цифровое, виртуальное менее ценно, чем аналоговое, реальное. Стремление к идентичности, отличающей от усредненного массового пользователя – объекта принудительной цифровизации, может быть тем фактором, который вызывает изменение паттерна цифрового разрыва в высокодоходных странах. В проведенном нами исследовании проверить эту гипотезу не представляется возможным. Здесь требуется не массовый опрос, а ориентированное на качественную методологию исследование ценностных ориентаций специфической группы.

С превращением постоянного доступа в интернет в рутинный компонент стиля жизни абсолютного большинства населения такой показатель как доля пользователей интернета постепенно утрачивает способность быть индикатором социальных различий и социального развития. Потенциал развития сетевых структур в последние 20 лет связан с переходом к так называемому интернету второго поколения (Web 2.0). В отличие от интернета первого поколения, где пользователи были преимущественно потребителями информации, размещаемой создателями интернет-страниц, в Web 2.0 даже не имеющие навыков в программировании и веб-дизайне пользователи получили возможность создавать и размещать собственный контент на открытых для них сетевых платформах. Поэтому показателем включенности в сетевые структуры становится активное использование социальных сетей на популярных интернет-платформах.

В проведенном опросе в трех регионах России более 80% респондентов заявили, что в той или иной форме пользуются социальными сетями (Facebook, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники и т. п.). Лишь менее одной пятой респондентов заявляли, что вообще не пользуются социальными сетями (в том числе те, кто вообще не пользуются интернетом): в Москве – 19,2%, Санкт-Петербурге – 19,8%, Свердловской области – 15,7%. Подавляющее большинство респондентов заявили об использовании социальных сетей, но по предпочитаемым формам и степени активности в этих сетевых структурах респонденты разделяются на разные группы.

В ответах респондентов нашего исследования большинство пользователей социальных сетей предстают преимущественно потребителями контента, которые просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео, слушают музыку (порядка 94-95%). Более активно проявляют себя, делая перепосты и ставя лайки или дизлайки уже гораздо меньше пользователей социальных сетей. Заявляют о перепостах и выставлении отметок чужим постам, соответственно, примерно 64% и 70% в Москве, 66% и 76% в Санкт-Петербурге, 62% и 77% в Свердловской области. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.) оказывается еще менее популярной практикой. О ней сообщают около 59% пользователей социальных сетей в Москве, 63% в Санкт-Петербурге, 54% в Свердловской области. Причем лишь меньшинство, составляющее в каждом из трех регионов менее одной пятой от всех пользователей, считает, что практикует создание контента часто.

Данные нашего исследования указывают на продолжение тенденции общего роста активности пользователей в социальных сетях, особенно в суперурбанизированных центрах постиндустриального развития. Однако сохраняется разделение на менее активных и более активных пользователей по критерию создания собственного контента на социально-сетевых интернет-платформах. Наряду с цифровым разрывом первого рода – между включенными и не включенными в интернет-коммуникации, отчетливо виден еще

один цифровой разрыв – разрыв уже среди включенных в интернет-коммуникации по степени их активности. Этот род цифрового разрыва можно трактовать как новую форму неравенства, опираясь на концепцию дифференциации форм капитала, восходящую к идеям П. Бурдьё [7]. Те активности, которые обеспечивают привлечение внимания к странице пользователя в социальной сети, способствуют наращиванию виртуальной формы символического капитала в виде принятых в сети знаков одобрения (лайков, позитивных комментариев) и наращиванию виртуальной формы социального капитала в виде сети «слабых» связей с друзьями и подписчиками (фолловерами). Создатели оригинального контента и отчасти ретрансляторы такого контента посредством перепостов и комментариев, аккумулируя виртуальные формы капитала, привлекают внимание не только множества других пользователей, но и рекламодателей и инвесторов. Таким образом, наиболее активные пользователи получают возможность конвертации своих виртуальных ресурсов в реальный экономический капитал, тогда как пользователи – потребители контента оказываются «виртуальными пролетариями» – поставщиками внимания как наиболее ценного ресурса в постиндустриальном обществе.

Если среди всех практик использования социальных сетей выделить две – потребление контента (просмотр новостей, чтение постов, блогов, просмотр видео, прослушивание музыки) и создание контента (размещение своих постов, ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.), и сравнить их соотношение у респондентов в разных группах по возрасту, возможностям потребления, уровню образования, то становятся отчетливо видны социально-демографические характеристики второго цифрового разрыва. Второй цифровой разрыв как более глубокий уровень цифрового неравенства, когда после разделения на пользующихся и не пользующихся цифровыми ресурсами уже пользователи разделены на потребителей и создателей контента прежде всего заметен в возрастном измерении.

При том, что вовлеченность в сетевое потребление выглядит в ответах респондентов примерно одинаково высокой для всех трех групп – молодежи, людей среднего возраста и пожилых, уровень креативности в сети, определяемый по суммарной доле ответивших «часто» и «иногда» на вопрос о размещении контента, очевидно выше среди молодых пользователей. В возрастной группе от 18 до 29 лет создание контента – практика абсолютного большинства. В возрастной группе 60 лет и старше креативность в сети – характеристика меньшинства.

В отличие от возрастного измерения второго цифрового разрыва, экономическое неравенство и цифровое неравенство второго рода, по видимому, связаны нелинейно. Полученные в ходе исследования данные указывают на то, что вовлеченность в потребление сетевого контента примерно одинакова для трех страт, выделенных по критерию заявленных респондентами потребительских возможностей их семей. При этом создание нового контента – это практика, чаще декларируемая респондентами из среднеобеспеченного слоя, чем представителями и нижнего слоя (нуждающиеся и малообеспеченные) и верхнего слоя (в высокой степени и полностью обеспеченные). Те, кто считают, что его (ее) семье «денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет», выглядят наиболее креативными в социальных сетях. И этот паттерн лидерства типичного для России среднего слоя в сетевой креативности воспроизводится в данных по всем трем регионам, ставшим объектами нашего исследования. В Москве превышение уровня креативности среднеобеспеченных пользователей над уровнями, фиксируемыми в нижнем и верхнем слоях, незначительно и не выходит за границы статистической

погрешности, а вот в Санкт-Петербурге и Свердловской области это различие очевидно статистически значимо (Табл. 3).

Таблица 3. Потребление и создание сетевого контента в разных экономических стратах, %

	Регион											
	Москва				Санкт-Петербург				Свердловская область			
	Потребляют контент		Создают контент		Потребляют контент		Создают контент		Потребляют контент		Создают контент	
	Часто/иногда	Никогда	Часто/иногда	Никогда	Часто/иногда	Никогда	Часто/иногда	Никогда	Часто/иногда	Никогда	Часто/иногда	Никогда
Нуждающиеся и малообеспеченные	91,7	8,3	59,0	41,0	93,8	6,2	51,8	48,2	96,2	3,8	53,8	45,6
Среднеобеспеченные	97,1	2,9	62,5	37,5	97,1	2,9	74,1	25,8	96,5	3,5	62,3	36,8
В высокой степени и полностью обеспеченные	95,9	4,1	60,5	38,3	96,0	4,0	63,4	36,6	93,8	4,8	42,3	56,2

Объяснить неполное совпадение привычного экономического и нового цифрового неравенства можно, исходя из того, что для представителей верхнего слоя, аккумулировавших в значительных объемах материальные активы, практики создания сетевого контента, который можно монетизировать, не являются приоритетным видом деятельности и не выглядят престижным компонентом традиционного стиля жизни респектабельных буржуа. В то же время для многих представителей среднего слоя – активное использование цифровых технологий для достижения и поддержания высокого статуса, аккумулирование виртуального капитала (внимания аудитории, популярности контента) в коммуникационных сетях – это зачастую наиболее доступный способ компенсировать нехватку материальных ресурсов и обеспечить себе восходящую социальную мобильность. Создавая оригинальный, привлекательный, постоянно и быстро обновляемый контент, креативные представители среднеобеспеченных групп попутно создают те сетевые и потоковые структуры, которые становятся постиндустриальной альтернативой привычным институтам, утвердившимся со времен пика развития индустриального общества.

Распределение ответов респондентов из разных слоев на вопрос о создании сетевого контента не обязательно отражает действительный уровень креативности, но точно соответствует их отношению к использованию социальных сетей, отражает их ориентированность на положительный или негативный образ сетевой креативности, сконструированные в массовом сознании. Позитивный образ сетевой креативности обычно воплощает (видео)блогер, занятый по-настоящему современной, напряженной, творческой и общественно-полезной работой или развивающий высокотехнологичный и перспективный информационный бизнес. Негативный образ стереотипно воплощают так называемые инстаграммики (а теперь еще и тиктокеры), генерирующие малоценный в интеллектуальном и эстетическом отношении контент, сводящие интернет-коммуникации к экстравагантной и эпатажной самопрезентации, гонке за сиюминутной популярностью, числом лайков, комментариев подписчиков. Большая распространенность скептического и высокомерного отношения к практикам создания сетевого контента среди людей с

наиболее высоким уровнем доходов и потребления представляется убедительной гипотезой. Однако возможность ее подтверждения находится за рамками тех данных, которые получены в ходе нашего исследования.

1. Иванов Д. В. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000
2. Иванов Д. В. *Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации* // *Социологические исследования*. 2020. № 5
3. Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities, or The End of the Social and other Essays*, New York, 1983
4. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984
5. Интернет и онлайн-сервисы // ФОМ. 2020. Дата публикации 31.05.2020. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения 29.07.2020)
6. Пользование интернетом // ВЦИОМ. 2020. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения 29.07.2020)
7. Бурдые П. *Формы капитала* // *Экономическая социология*. 2002. № 5

ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Иванова Татьяна Николаевна
(Тольяттинский государственный университет)

Тер-Никогосова Наталья Александровна
(Тольяттинский государственный университет)

Данная статья посвящена подробному анализу Интернет-рекламы в аспекте социальной жизни. На основании проведённых авторами нарративных интервью со студентами первых курсов разных специальностей вузов г.о. Тольятти, и с учетом дополненных данных анкетного опроса, получены результаты социологического исследования.

В качестве количественного метода было выбрано анкетирование. Объектом исследования выступили жители г.о. Тольятти, дифференцированные на две равные возрастные группы. Всего в опросе приняло участие 589 респондентов: 50% представителей в возрасте 18–35 лет и 50% – от 36 до 55 лет.

Выборочная совокупность респондентов представлена разнородной аудиторией. Население женского пола составило 52% по общему массиву данных, мужского – 48%, причём в возрастной категории 18–35 лет данный показатель составляет 51% и 49%, соответственно, а среди опрошенных от 36 до 55 лет – 52% и 48%.

В ходе проведения исследования нам было важно выявить уровень образования респондентов, активных пользователей Интернет-пространства, времяпровождение в Интернете. Была выдвинута гипотеза о более активном использовании Интернет-пространства со стороны молодого поколения. В рамках данного исследования нами были выявлены наиболее посещаемые ресурсы сети Интернет. Социальные сети, чаты и форумы пользуются большим спросом у населения 18–35 лет, нежели более старшего (98% против 80%), как и развлекательные Интернет-порталы (78% против 49%). Новостные порталы чаще отмечают опрошенные от 36 до 55 лет (67%), в сравнении с молодёжью (38%). Интеллектуально-образовательные порталы выбрали 53% представителей 18–35 лет и 18%

более старшего поколения. Онлайн-магазины пользуются большей популярностью среди представителей молодёжи (39% против 9%). Тем самым можно сделать вывод, что наиболее посещаемыми ресурсами сети Интернет являются социальные сети, чаты и форумы. Особый интерес к новостным порталам наблюдается у представителей более старшего поколения. Опрошенные в возрасте 18–35 лет чаще обращают внимание на развлекательный контент, образовательный материал и онлайн-магазины.

Рекламная деятельность является одним из элементов трансляции визуальных образов в повседневной жизни людей. Исходя из этого утверждения, нам было важно узнать, какие же модели поведения отражает реклама. Большинство опрошиваемых (69% по общему массиву данных) отметили, что одной из составляющей пропаганды выступает обладание престижными вещами. С этим согласилось 68% молодого поколения и 70% более старшего. Следующим, не менее популярным вариантом ответа, стал «Забота о себе», который выбрали чуть больше половины респондентов (57%), 61% представителей 18–35 лет и 52% от 36 до 55 лет. Путешествия прослеживаются в рекламе по мнению 47% опрошенных. Среди возрастных групп данный показатель составил 44% молодёжи и 50% более зрелой категории. Предприимчивость была отмечена 43% населения. Возрастная категория 18–35 лет составила 39% (против 46% от 36 до 55 лет). Респонденты активно выбирали и такие варианты ответов как «Эротичность, сексуальная привлекательность» (34% по общему массиву, 33% молодой группы и 34% более зрелой) и «Забота о близких» (28% по общему массиву, 24% и 32% соответственно возрастным группам). Менее актуальными оказались транслируемые визуальные образы, пропагандирующие аккуратность, бережливость, развитие интеллекта, заботу о природе, доброту и бескорыстие. Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод, что визуальные образы виртуальной рекламы зачастую транслируют обладание престижными вещами. Молодое население чаще выбирает заботу о себе. Представители от 36 до 55 лет видят в рекламных образах трансляцию предприимчивости и эротичности, сексуальной привлекательности. Вычислив коэффициент ранговой корреляции Спирмена (0,972), мы можем сказать о статистической значимости корреляции между группами респондентов.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время Интернет является неотъемлемой частью повседневной жизни населения, причём посещаемость интерактивных ресурсов высокая среди представителей как 18–35 лет, так и от 36 до 55 лет. Социальные сети, чаты и форумы выступают наиболее популярными сайтами, к которым обращаются активные Интернет-пользователи. Основными компонентами трактовки пространства сети Интернет являются такие элементы как информация, виртуальность, быстрый доступ и конкретные сайты, а цифровизация российского общества воспринимается чаще всего с положительной стороны. Молодое население чаще всего пользуется услугами виртуального пространства. Население от 36 до 55 лет реже прибегает к возможностям Интернета, но большинство отмечает использование личного кабинета на сайтах государственных услуг. В большинстве своём опрошенные встречаются с рекламной продукцией глобальной сети довольно часто, в основном она представлена рекламой товаров и услуг. Исследование дало нам понять, что виртуальной рекламы, по мнению респондентов, слишком много, от чего люди зачастую испытывают раздражение и скепсис. Для населения обеих возрастных групп рекламная деятельность несёт назойливый характер. Из положительных сторон стоит отметить, что реклама даёт информацию о новинках. Молодёжь отвечает более позитивно относительно полезной информации о товарах и услугах, данный компонент онлайн-рекламы расценивается ими как привлекательный. Визуальные образы виртуальной рекламы зачастую транслируют

обладание престижными вещами. Необходимость рекламной продукции в Интернете выше у представителей 18–35 лет, нежели 36–55 лет.

Представители старшего поколения в полном объеме адаптированы к инновациям виртуального пространства, а Интернет-реклама стала неотъемлемой частью жизни современного человека.

1. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/gosudarstvennaya-programma.pdf> (дата обращения: 10.10.20).

СТАНОВЛЕНИЕ "ГИБРИДНОГО СОЦИУМА": ЧЕЛОВЕК И СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ

*Игнатъев Владимир Игоревич
(Новосибирский государственный технический университет)*

В основе структурной морфологии нового социума лежит "триумвират": 1) Homo sapiens 1.0 - 2) Homo sapiens 2.0 (биокибернетический гибрид) - 3) техносубъекты. Виду Homo (1.0 и 2.0) предстоит отстаивать компромиссный вариант, в котором сохранился бы баланс между ним и техносубъектами. В структуре социума появились акторы нового вида - технической и гибридной форм. Усложнение машин на основе искусственного интеллекта (ИИ) привело к созданию техносубъекта. Коэволюция техносубъектов и людей имеет два вероятных вектора развития: полное вытеснение техносубъектом человека и появление особой формы социальности - техносоциума; или возникновение гибридного социума, основанного на симбиозе двух эволюционировавших видов субъекта - биокибернетического вида Homo и техносубъекта с ИИ. Оба вектора ведут к точке сингулярности как моменту изменения качественного состояния социального - возникновение общества состоящего из субъектов новых видов и без человека. Разновидностями техносубъекта и протоактерами становящегося гибридного социума в настоящее время являются роботы, алгоритмы работы с Большими данными, программы машинного обучения, ИИ-агенты, создаваемые на основе генетического программирования, Интернет вещей, промышленный Интернет, устройства мобильных коммуникаций со встроенным ИИ. Второй стороной взаимодействий в новой социальной системе становится биомашинный гибридный вид человека, представленный индивидами с модернизированными частями тела и усиленными физическими и интеллектуальными функциями с помощью вживленных электронных устройств. Интеллектуальные машины при взаимодействии с человеком реализуют ряд условий действий схожих с социальными: распознавание объекта взаимодействия, ориентация на Другого, прогнозирование ответных действий, отнесение своего поведения к набору нормативных образцов, заложенных в алгоритме. Специфика действия интеллектуальных устройств - прежде всего отсутствие индивидуального Я-образа и рефлексии исполняемой роли, ограниченность возможности свободного выбора сценария ввиду отсутствия у алгоритмов собственного накопленного "жизненного опыта" и пройденных этапов социализации. Взаимодействие устройств с человеком приобрело характер специфической разновидности социального взаимодействия. Техносубъект предстал как синтетический, искусственный эквивалент человеческого субъекта. Под воздействием его нарастающего влияния на общество происходит утрата целостности социальной структуры, нарастает ее расщепление на структуру людей и структуру техносубъектов. Возникает техносфера - система машин нового вида с ИИ. Техносфера

приобретает структуру подобную социальной и также становится стратифицированной - разные виды техносубъектов занимают в ней различные иерархические позиции. Их стратификационная структура сопряжена с социальной структурой ортогонально, поскольку это не структура взаимодействующих индивидов, а техносубъектов. В основе новейших процессов, радикально меняющих стратификацию социума, лежит цифровая информация. Она - "пища" алгоритмов и потенциал, рассредоточенный по стратам техносубъектов. Знания - потенциал страт людей. Цифровая информация потенциал страт техносубъектов, но не людей. Вся стратификационная пирамида техносубъектов соединяется и "питается" цифровой информацией. Стратификационная структура техносубъектов организована распределением цифровой информации. Эта структура постоянно питает стратификационную структуру людей: чем большее количество информации обретает цифровую форму, тем большее количество вещей становится бесплатным и мгновенно доступным.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ВОПРОС О ТЕХНИКЕ

*Иоффе Гавриил Анатольевич
(РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра социологии)*

Говоря о цифровизации и виртуальности, мы продолжаем говорить о технике. Как показал Хайдеггер, а глубже технику никто не мыслил, – это что-то внешнее по отношению к вещам. Техника не определяет эпоху, не является истиной времени или судьбы. Этот вопрос должен быть важен для социологии, которая описывает мир в его полноте. Социология, как известно, отражает свой предмет. Именно поэтому социологи в большинстве своем сегодня так очарованы цифрой: речь идет о поспевании за ускоряющимся миром или новых исследовательских возможностях. Но то ли есть предмет социологии? Здесь можно уловить некоторую характерную особенность социологии, об обратном соответствии которой своему предмету мы редко задумываемся. Социология сама ограничивает свой предмет и свои интенциональные возможности. Парадокс заключается в том, что многообразный и глубокий мир в социологическом описании сводится с одной стороны к «обществу», а с другой к нововременной «научности» его понимания. И, обратите внимание, точно то же самое происходит в самом мире. Мы сегодня мыслим себя технически: как подвижные наборы характеристик, умений, опытов, навыков и пр. Здесь можно вспомнить эпистемологическую метафору П. Штомпки о социологии как наборе инструментов и развернуть ее на мир: мы сами есть инструменты в исповедуемой нами научной вере о реальности. Социолог и его слушатель здесь движутся навстречу друг другу.

Меня занимает подобное положение вещей как проблемное. И в этой связи следует поставить вопрос об альтернативной двойственности и возможности альтернативного движения друг к другу социологии и мира. Во-первых, сама социология может отказаться от собственных «дисциплинарных» границ и статуса «научности» в нововременном смысле: здесь можно сослаться на Б. Латура. Только Латур сознательно желает оставаться в рамках научной картины мира, ограничивая социологическую интенциональность «записью» и принимая ученого в качестве записывающего инструмента (!). Я же предлагаю иное. Истинный смысл альтернативы заключается в «открытии» той части социологии, которая всегда была главной, но оставалась в тени идеологием о процедурах, методах, объективности и т. д. Речь идет о творчестве образов нашего мира. Во-вторых, в самом мире есть сущности, несводимые к технике. Это, в частности, религия, красота, любовь, мы сами,

Бог. Все это может быть техникой, но может ею и не быть. Главный принцип альтернативного движения социологии и мира навстречу друг другу состоит в том, что вышеприведенные вещи мыслятся в социологическом описании как могущие существовать сами по себе, а мир в авторитете социологии обретает уверенность в собственном бытии.

Социология должна говорить обо всем. У социологии не может быть независимой позиции говорящего, а растворение себя в записи – инвариант такой позиции. Отсюда она должна поверить в мир, о котором она говорит: это не политическая, а онтологическая эпистемология. И тогда она сможет вдохнуть полной грудью, признавшись себе в собственном предназначении – со-творении мира.

«КОНЦЕПЦИЯ ДАТАИЗМА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА»

*Котова Ирина Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Датаизм — это влиятельный нарратив, связанный с верой в Большие Данные. С одной стороны, они становятся неотъемлемым элементом повседневности, инструментом освоения окружающего мира и его стремительной трансформации. Предполагается, что в дальнейшем их использование будет всеобъемлющим, ведущим к размыванию границ между органическим и неорганическим, машинным и антропоморфным, реальным и виртуальным. С другой стороны, направление и масштаб изменений не поддаются прогнозированию, что формирует противоречивое и осторожное отношение к Большим Данным, которые меняют наш повседневный сюжет уже сегодня.

«Датаизм» является характеристикой произошедшей революции в системе хранения данных. Значение термина было расширено Ю. Харари, который описывает его как новую идеологию, в которой информационный поток является высшей ценностью. По мнению датаистов Вселенная состоит из потоков данных, которые нужно максимизировать, связывая все со всем: «наши тела, и машины на улице, и холодильники на кухне, и кур в курятниках. Абсолютно всё должно быть подключено к Интернету Всех Вещей». [3, с. 444]

Так технологии разрушают барьер между человеком и машиной, соединяя их и предрекая утрату человеком своей доминирующей роли в цифровом мире в пользу алгоритмов, модернизацию биологического, становление сверхчеловека, наделенного сверхъестественными способностями, такими как вечная жизнь. Датаист, придерживаясь своей квазирелигиозной доктрины, доверяет алгоритмам больше, чем себе, таким образом утрачивая веру в человеческую ценность, теряя способность к критическому мышлению и независимому выбору.

Сможем ли мы в условиях технгуанизма построить справедливое общество, передавая принятие жизненно важных решений алгоритмам или мы просто потеряем свободу выбора и воли? Как обучить алгоритмы отличать добро от зла и кто будет действовать после того, как решение принято? Все это вопросы нравственно - морального характера, требующие глубокого и многостороннего исследования в рамках междисциплинарного взаимодействия технических и гуманитарных наук.

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью быта современного человека, и мы делегируем им многое, поскольку ресурсы и возможности ИИ уже сегодня превосходят возможности человека по работе с большими объемами информации. Поэтому необходимо учитывать их потенциальные последствия влияния на нашу жизнь.

1. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*, «Дело», 2018
2. Урри Дж. *Как выглядит будущее?*. «Дело», 2018
3. Харари Ю. *Ното Deus. Краткая история будущего*. «Синбад», 2018
4. Горелова Г.В., Кацко А.И., Ляховецкий А.М., Морозова Е.В. *Анализ данных в контексте формирования датаизма [Электронный ресурс]* - режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38253859>
5. Дедюлина М.А. *Социально-этические проблемы алгоритмов в информационном обществе [Электронный ресурс]* - режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30766980>

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГУМАНИЗАЦИИ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИО-ЦИФРОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

*Кравченко Сергей Александрович
(МГИМО МИД России)*

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

В настоящее время идет становление сложной, нелинейно развивающейся социо-цифро-природной реальности. В контексте этого процесса цифровизация нелинейно усложняет человеческий капитал. Если традиционно человеческий капитал был обусловлен биологической и социальной телесностью индивида, его жизненным миром, то ныне он с самого рождения во все большей степени зависит от последствий цифровизации. Как утверждает У. Бек, новое поколение «изначально олицетворяет цифровизацию – ставя её не в конце, а в начале своей социализации... молодые поколения уже родились, как “цифровые сущности”» [1, 188-189]. В результате идет становление социо-цифрового индивида, у которого реальное био-социальное тело и цифровое тело как новый тип «тела без органов» [2], по существу, образуют целостный гибрид.

Данный процесс имеет амбивалентные последствия: перед современным молодым человеком открываются невиданные ранее социальные лифты и жизненные шансы, однако при этом возникают негативные побочные эффекты в виде дегуманизации социальных практик: видение общественных проблем ограничено тем социальным кругом, с кем собственно осуществляется цифровая «массовая самокоммуникация» [2]; утверждаются пассивные формы существования, не ориентированные на развитие пассионарности и не нацеленные на общественно значимые преобразования. Из этого логично вытекает принципиально новая проблема – гуманизации формирующегося социо-цифрового человеческого капитала, что отвечает духу генетической социологии М.М. Ковалевского, нацеленной на изучение возможностей утверждения общественной солидарности [4]. Полагаем, первым шагом на пути решения данной проблемы должна стать гуманизация образования, что, в частности, предусматривает: адаптацию обучения к реалиям «нормальных травм», обусловленных разрывами социума [5]; нацеленность стратегии развития человеческого капитала на обеспечение баланса между социальной и «цифровой телесностью»; преподавание этических тем использования цифровых и нано-технологий с учетом ценностей и норм российской культуры.

1. Beck, U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 P.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Castells, M. *The Rise of the Network Society*. Second Ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 565 p.
4. Ковалевский М.М. *Понятие генетической социологии и её метод // Социология в России. XIX – начала XX веков. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 492 с.*
5. Kravchenko S.A. *The birth of “normal trauma”: The effect of non-linear development*. *Economics and Sociology*. 2020. Vol. 13 (2). P. 150-159.

ОТ ЛЮБОПЫТСТВА К ПОЗНАНИЮ: НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

*Латыпова Алина Раилевна
(Университет ИТМО)*

Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РФФИ № 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

В эпоху, когда цифровое общество становится новым форматом социальной реальности, на сцену выходят новые акторы — цифровые объекты, которые задают новую разметку отношений и практик. Если сторонники акторно-сетевой теории призывали дать слово вещам [3, 113] или животным [2], то сейчас можно двинуться дальше и выступить в защиту цифровых объектов (неигровых персонажей, искусственных нейронных сетей, искусственного интеллекта и др.).

Сегодня никого не удивит робот, отвечающий по телефону, чат-бот, поддерживающий беседу в интернет-магазине или заказывающий столик в ресторане [7], неигровой персонаж, запоминающий действия игрока в ходе игры или проживающий цифровую жизнь, как будто игрока не существует. Технологии машинного обучения зачастую выступают основой данных практик. Они же позволяют говорить об активной роли цифровых объектов в нашей повседневности. Если объект проявляет активность, обладает определенным предсказательным потенциалом, а также способен удивлять пользователя, то его трудно мыслить в рамках субъект-объектных отношений, его способность к действию (до некоторой степени спонтанному) ставит его в один ряд с человеком — мы оказываемся в новых координатах плоской онтологии [4].

Очевидны и сложности, связанные с обучением систем, претендующих на статус осмысленно действующих: 1) они узкоспециализированы; 2) границы обучения задаются объемами предоставляемой им информации и техническими возможностями ее обработки и т. п. Но несмотря на это, обучение подобных систем шагнуло на новый уровень, когда программа получает подкрепление не от инженера (учителя), а от среды (reinforcement learning). Это открывает широкий спектр возможностей поиска новых траекторий, объектов, стратегий. Но что более важно для аналитики влияния таких технологий на нашу жизнь: это попытка развить у искусственной системы «любопытство» (curiosity), стремление к новому, а в перспективе — к познанию.

Связь познания и стремления к еще неизвестному у человека неоспорима, познание становится возможно не в последнюю очередь благодаря памяти [5]. На этих основаниях строятся проекты, направленные на совершенствование методов машинного обучения. Развить у машины «стремления» к новому, непознанному, тому, чего еще нет в памяти, — значит, поместить ее на одну плоскость с человеком. С одной стороны, мы не заключаем о

сознании/мышлении (см. аргументы Дж. Серля [4]), а с другой — речь уже идет не о техническом обучении (сопоставлении классификаций и объектов), а о способности ставить собственные цели и достигать их. Постановка целей, не заданных разработчиками, кажется качественным скачком в области обучения искусственных систем [6], [8]. Стоит заметить, что данные методы часто отрабатываются в компьютерных играх, которые теперь выступают не только лабораториями по конституированию опыта и выявлению форм социального взаимодействия, но и экспериментальной платформой для практик цифровых объектов.

С учетом растущей роли автоматизированных систем в повседневности, когда им делегируется все больше операций, стоит внимательно отслеживать разработки в области машинного обучения, призванного научить программу чувствовать (развитие эмоционального ИИ), стремиться к новому (проявлять любопытство) и самостоятельно выбирать не только пути решения, но и собственные цели.

1. Брайант Л. *Четыре тезиса плоской онтологии* // Брайант Л. *Демократия объектов*. Пермь: Гиле Пресс, 2019. С. 251–298.
2. Каллон М. *Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё* // *Логос*. 2017. № 2. С. 49–94.
3. Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Серль Дж. *Сознание, мозг и программы*. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6661> (дата обращения: 30.09.2020).
5. Шевцов К. П. *Память как граница языка новоевропейской философии* // *Дискурс*. № 2. 2017. С. 29–35.
6. Burda Y. et al. *Exploration by Random Network Distillation* // *arXiv*. 2018. URL: <https://arxiv.org/abs/1810.12894v1> (дата обращения: 30.09.2020).
7. Leviathan Y., Matias Y. *Google Duplex: An AI System for Accomplishing Real-World Tasks Over the Phone* // *Google AI Blog*. 2018. URL: <https://ai.googleblog.com/2018/05/duplex-ai-system-for-natural-conversation.html> (дата обращения: 30.09.2020).
8. Savinov N. et al. *Episodic Curiosity Through Reachability* // *International Conference on Learning Representations*. 2019. URL: <https://arxiv.org/pdf/1810.02274.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).

ТЕНДЕНЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

*Левашова Елизавета Игоревна
(МГУ им. М.В. Ломоносова)*

Аннотация. Цифровизация сопровождает современного человека повсеместно. Множество социальных изменений, произошедших в самых различных сферах – от медицины до политики – так или иначе связаны с цифровой революцией. Этот переход от аналоговых к цифровым способам работы с информацией и данными нельзя так просто отнести к технической модернизации (совершенствование устройств). В данной связи происходит трансформация всех ее составляющих: появляются, исчезают, преобразуются социальные институты и социальные организации, внутри общества меняются паттерны поведения и модели взаимодействия. Вследствие данных изменений устаревают социологические теории, объясняющие поведенческие стратегии, возникает потребность в переосмыслении происходящих изменений, анализу цифровизации и построению на основе полученного знания качественно новой парадигмы – парадигмы цифрового общества.

Именно поэтому социологи должны научиться не только систематизировать существующие теории, но и формировать новые (или новое содержание известных социологических теорий, методов). Прежде всего они должны быть направлены на эмпирические исследования и формирование теорий среднего уровня. Социологи должны научиться управлять новыми способами мышления, которые появляются под воздействием растущего объема информации, а для достижения этой цели нужно новое направление в социологии, способное описать и категоризировать их – именно здесь может пригодиться социологический аппарат.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровизация, цифровые следы, BIG DATA, цифровая избирательная кампания, онлайн фокус-группы.

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к иному пониманию идентичности со стороны сетевого взаимодействия. К числу идентичности стоит еще отнести конструирование имиджа личности, выстраивание социальных привычек. Существовая в сетевом обществе, люди самостоятельно выстраивают себе условные границы/барьеры поведенческих стратегий. Данные границы наиболее полно описала А.А. Шестакова, аспирантка направления «Политические науки и регионоведение» КГУ [23]. Она выделяет:

Граница между цифровыми «аборигенами» и цифровыми «иммигрантами» (те, кто существовал в цифровой среде, и те, кто только вошел в нее).

Граница личного и публичного (появление массовых откликов на всеохватывающие проблемы социума, например, насилие, террор и т.п.; использование хештега в Instagram как инструмента распространения).

Граница онлайн и офлайн (влияние онлайн-платформ, сообществ, групп, деятельность которых выходит за рамки сетевых практик; например, сбор средств на онлайн-кошелек благотворительным фондом).

Граница навязанного и желаемого (таргетинг; контент подбирается автоматически в соответствии с предшествующими запросами).

Все перечисленные выше границы и объекты, которые подверглись трансформации, имеют прямое воздействие на личность каждого пользователя сети, ее восприятие и действия. Появление нового восприятия – это формирование иной реальности. Новая реальность – это неконтролируемый феномен, требующий детального исследования. Следовательно, актуальным будет рассмотрение всех социально-структурных и социально-психологических изменений (адаптации), вызванных цифровизацией.

Возвращаясь к первой границе, которая была описана выше, стоит отметить точки пересечения виртуального и реального социального пространства в отношении социальной стратификации. Следовательно индивиды, которые в большей степени являются носителями онлайн-статусов, должны получить больше внимания со стороны исследователей. При установке границ между виртуальным и реальным социальным пространством выделяется динамический аспект, трансформация процессов мобильности. В условиях пандемии российское общество наиболее полно ощутило возможности современных информационных технологий, которые позволяют нам работать и учиться на одной территории, а проживать на другой. С.В. Гришаева и О.А. Куликова проявляют заинтересованность в данном процессе и пишут: «Встает закономерный вопрос: можно ли относить подобные ситуации к разновидностям миграционных процессов? Если да, то

необходимо пересматривать само определение миграции как процесса, обязательно включающего пересечение границ. Ведь индивид (или группа) физически не совершают этого пересечения, но при этом происходит их погружение в иное социокультурное пространство, другими словами, пересечение виртуальной границы определенной социальной среды» [3, 31]. Все к этим же трансформациям можно отнести переход от эксклюзивной (исключение индивидов) к инклюзивной модели (интеграция индивидов, например, развитие системы дистанционного образования с использованием онлайн-платформ) взаимодействия индивидов. Данный переход направлен на минимизацию дискриминационных проявлений.

Изменения в когнитивной стороне общения связаны с переходом мгновенных письменных или устных разговоров между людьми в мессенджеры, которые упрощают процесс передачи информации, предлагая даже реакции (смайлы, стикеры, GIF). Предполагает ли это глубокое мышление или лишь простую реакцию на оповещение цифровых устройств? Однозначно, это не инструмент для вдумчивого общения. Объясняется это многозадачностью. Просмотр фильма, параллельное написание эссе и переписка в мессенджере стали обыденной практикой, которую можно отнести к привычке. Данная привычка – спорный вопрос в современном обществе.

Изменения в коммуникативной стороне общения можно отнести к «аддикции» (зависимость от цифровых устройств и нарушение нормальной жизни). Неосознанная двойственность комментариев имеет возможность повредить отношения. Очевидно, что для решения конфликта лучше всего следить за мимикой и жестами собеседника, иметь контроль над ситуацией. В интернете таких возможностей не предоставляется, что усложняет правильное понимание информации, которую пытался передать собеседник.

Новой проблематикой цифровой трансформации (цифровизации социологии) являются особенности перехода социологических исследований в виртуальный мир из реального и особенности перехода социологических исследований из виртуального мира в реальный. Для этого И.В. Грошев и

Ю.Д. Красовский предлагают обратиться к формированию симбиоза наук (социологии, социальной психологии и психологии управления) в консалтинге [4, 17].

Исследования с использованием цифровых данных начали развиваться, однако основываются на моделях социальной реальности, появившихся в то время, когда большинство данных социологи получали опросными методами. Следовательно, стоит переосмыслить базовые модели социологии, которые являются основанием социологических исследований.

Интернет – это не только объект исследования цифровой социологии, но и источник данных. Современные математические методы обработки и анализа данных успевают за изменениями, которые произошли в социальной реальности. Но выводы исследований интерпретируются на теоретических моделях, не соответствующих изменившемуся характеру данных. Очень интересно к этому подходит В.И. Дудина, которая сравнивает деятельность «социолога-интервьюера» и «социолога-следопыта» [6, 2]. «Социолог-интервьюер» проводит исследования в определенных рамках, ограничивающих свободу действия респондентов. Что касается «социолога-следопыта», то цифровые следы многообразны (транзакционные данные и регистрация простейших фактов поведения, описания личного опыта, визуальных образов, развернутых нарративов и детальных комментариев по определенным темам). Цифровые следы заменяют полевой этап исследования на поиск. Из-за этого «социолог-интервьюер» становится лишним. По цифровым следам можно проследить за «цифровым телом» того или иного пользователя

(GPS, геолокация и др. приложения), рассмотреть естественное поведение человека и его цифровую самопрезентацию. Профиль человека в социальных сетях представляет собой не что иное, как продукт совмещения микро- и макроуровней, когда при изменении масштаба данных исследователь может относительно легко перемещаться от характеристик индивидуальных действий к структурным характеристикам. Данное совмещение наиболее актуально для постдемографии – способа изучения профилей пользователей в социальных сетях, и их формирования.

Еще одним способом адаптации социологических исследований к цифровому обществу является геймификация в онлайн-опросах. Наиболее полное описание данному инструментарию дает Е.А. Заруцкая, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом ИЭиУ. Она пишет: «Геймификация предполагает использование игровых методик в процессе социологического исследования для стимулирования более активного и продуктивного участия в них респондентов, а также максимального внимания к заполнению анкет» [8, 142]. Геймификация часто применяется в различных сферах общественной жизни Запада и России. Она затрагивает обучение в школах и университетах, управление персоналом в компаниях, маркетинге и пр. Формами геймификации являются: игры, нарратив (общий сценарий), задания и квесты, обратная связь и поощрения, креативный дизайн опросов. Применение методов геймификации ограничено. Эти ограничения имеют спорный статус.

Дополняя представленные выше методы, стоит отметить проведение онлайн фокус-групп в формате видеоконференций [11]. Логично, что под онлайн фокус-группами чаще подразумеваются форумы и чаты, а формат видеоконференции скорее является технической альтернативой, чем отдельным методом. Тем не менее, данный метод социологических исследований наиболее актуален в период мировой пандемии.

К классическому применению цифровых методов можно отнести исследование Л.В. Земнуховой динамики публикаций по теме социотехнического на основе базы данных Scopus [9, 54-68]. Исследование, оформленное с помощью цифрового исследования, которое проведено программой.

В список исследований без традиционного опроса стоит отнести и исследование политической элиты с применением сетевого и кластерного анализа О.В. Крыштановской, доктора социологических наук [15, 6-7]. Проведен интеллектуальный анализ фактического присутствия людей (информация о количестве аккаунтов, их активности, содержании и взаимных связях), занимающих официальные позиции в органах российской власти, в различных социальных сетях. На основании данного анализа создавалась база данных по социальным сетям, которые входили в спектр изучаемых (Twitter, Facebook, ВКонтакте, ЖивойЖурнал).

Отмечается, что развитие социально-политических систем активно взяло курс на анализ онлайн-пространств, которые определяют социальные действия, осуществимые в офлайн среде. К исследованиям в этой области относится и сетевой анализ современных протестных движений (на примере социальной сети «WOMENSMARCH») А.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко [2]. «WomensMarch» - оформившееся в социальной сети «Facebook» социальное протестное движение, которое имеет всемирный статус. Анализ данных происходит на основе набора данных «GraphAPI», включающего в себя:

Node (узел) – объекты (пользователи, фото, видео, комментарии и т.д.);

Edge(грань или связь) – связь между, например, комментарием и профилем, написавшим этот комментарий;

Field (поле или сфера) – информация об объектах (дата рождения, создания сообщества и т.д.).

Сетевое ядро данного движения – граф, состоящий из 122 хабов. Хаб – это объект сетевого анализа, содержащий наибольшее количество связей. Ядро состоит сетевых параметров:

«User_can_post» - доступ пользователей страницы публиковать посты на странице движения.

«Talking_about_count» - количество пользователей, обсуждающих страницу движения.

«Post_activity» - количество постов протестного движения, размещенных за час.

«Fan_count» - количество лайков, полученных страницей движения.

«Category» - определение качественных характеристик объектов сетевого анализа (их организации и инициирования).

Кратко стоит упомянуть о существовании цифровых партий в политическом пространстве. Опыт президентской кампании в РФ 2018 года, цифровая избирательная кампания кандидата в президенты К.Собчак, описан Г.К. Уразалиевой, кандидатом философский наук, доцентом РГГУ [22].

Если возвращаться в цифровой экономике, то внимание обращено на цифровые конструкторы визуального моделирования в консалт-диагностике. Как пишет Ю.Д. Красовский, доктор социологических наук: «Особенностью таких исследований является разработка имитационных моделей в цифровом визуаграфическом формате, который помогает упаковать разнородную управленческую информацию в наглядные и емкие конструкторы, анализировать деловое поведение руководства фирм» [13, 41].

Новым методом исследования социально-пространственной сегрегации городов в современных условиях являются цифровые карты. Цифровые карты – это сайты и компьютерные программы, которые фиксируют на интерактивных картах различные данные, а затем их анализируют (например, Яндекс.Карты, Яндекс.Транспорт и др.). Подробное исследование цифровых карт провели

О.С. Сидорова, младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН г. Новосибирска и Н.Л. Мосиенко, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН г. Новосибирска [20].

Авторы статьи «Внедрение системы CardioQVARK для персонализации лечения в условиях формирования экосистемы цифрового здравоохранения», В.О. Исаенко и М.Н. Рыбина презентуют прорывную цифровую технологию в кардиологии, которая, в том числе, выявляет ряд общих социально-экономических проблем и рисков в условиях формирования цифровой экономики [10]. Но в условиях цифровой экономики не исключается соперничество, которое включает в себя сверхприбыльный медицинский бизнес. Цель цифровой социологии озвучила Т.Е. Сирикова, старший преподаватель кафедры социологии ЛНУ им. В. Даля: «По большому счету социологической науке целесообразно было бы пристальное внимание уделить изучению возможностей существования общества с минимальной зависимостью от медицинских корпораций. Однако до сих пор отсутствуют реальные проработки, позволяющие увидеть хотя бы прозрачную перспективу реально здорового общества» [19].

Подводя итог, стоит отметить сильную взаимосвязь реальности в онлайн среде и офлайн среде, которые стали естественны для информационного общества. Тенденции в применении цифровой социологии (методы), описанные в этом параграфе, вызывают

бурный интерес не только у социологов, но и у специалистов смежных специальностей, уверенных в актуальности их продвижения и развития.

BIG DATA КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

«Большие данные» (big data) – это фиксация изменений в характере данных. С точки зрения количественного аспекта, появляется возможность собирать большое количество данных и выявлять значимые взаимосвязи даже в отсутствие гипотез и предположений. В качественном аспекте сложно утверждать об абсолютно позитивном проявлении данной фиксации. Как утверждает В.И. Дудина: «Большие данные не организуются с той степенью упорядоченности, которая требовалась для хранения относительно меньших объемов информации, это зачастую просто невозможно» [5,17]. В пример приводятся «теги» (ярлыки), к ним же можно отнести «хештеги». Каждый «тег» и «хештег» имеет индивидуальный характер из-за нечеткого определения границ использования. Большими данными считаются данные, объемом порядка терабайта. Свыше тысячи терабайт – Extremely Big Data [12, 14-24]. Еще одну классификацию компьютерных технологий (подходов), развивающихся в настоящее время и полезных социологу, привела

Ю.Н. Толстова, доктор социологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ [21, 3-13]. Современные компьютерные технологии разделяются на:

Data mining (DM) – алгоритмы анализа данных, свойственные мышлению человека (меньшие предположения относительно анализируемой исследователем ситуации);

Big data (BD);

Digital Humanity (DH) – превращение неструктурированных данных в структурированные с помощью оцифровки или моделирования сети;

Data science (DS) – работа с данными; данные – источник нового знания.

Трансформация методов социологических исследований приводит к тому, что большие данные выигрывают в вероятности и скорости, несмотря на их неорганизованность и неопределенность. Также они позволяют отслеживать изменения в режиме реального времени, что особо актуально для социологов, работающих в маркетинговых, электоральных и других исследованиях.

Вопрос о трансформации теорий поднимался еще в первом параграфе работы. Стоит упомянуть, что большие данные дают основания задуматься об относительной бесполезности теоретических моделей исследований.

Е.Ю. Журавлева говорит о проблеме заменимости социологов на алгоритмистов (профессионалы в сфере математики, статистики и компьютерных наук) в современном обществе, где используются в исследованиях, исключительно, большие данные [7, 25-33]. Обработка больших данных возможна только в автоматизированном виде, и ни в каком другом, что приводит к господству математических методов. Не приведет ли это к отождествлению социологии с «вычислительными социальными науками»? Или «электронными социальными науками»? Последней фазой развития «электронных социальных наук» являются «цифровые социальные исследования», направленные на дополнение традиционных методов исследования в социологии. Ответить на заданные выше вопросы можно определением: «Цифровая социология – “законная правопреемница” созданных ранее разделов социологических исследований: киберсоциологии, социологии

Интернета, е-социологии, социологии онлайн-коммуникации, социологии социального медиа и социологии киберкультуры» [24].

Если же вернуться к состоятельности полноценного применения bigdata в социологических исследованиях, то тут последует отрицательный ответ. Использование математических методов – это использование разнообразных программ. Сменяемость программ происходит раньше, чем тот или иной социолог освоит уже существующие. Стоит отметить, что у каждой программы универсальные алгоритмы фиксации и хранения необходимых сведений различные. Различие приводит к тому, что значения одних и тех же показателей в разных программах имеют серьезные несоответствия.

Показательным примером применения метода BigData можно считать исследование Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской и Д.Н. Карбузова [1]. Исследование было направлено на сохранение межнационального и межрелигиозного мира в Крыму после его присоединения к границам России.

Исследование, которое доказало возможность использования метода Bigdata без баз данных, которые находятся под ведомственным контролем, было проведено М.В. Мельниковым, кандидатом социологических наук, доцентом кафедры социологии НГУЭиУ [16]. Он применил сервисы GoogleBooks и NgramViewer для изучения исследовательских интересов в области социологической семантики приватизации.

Слабых сторон Bigdata столько же, сколько и перспективных. Недоработанность технических процедур, слабость концептуальной схемы противопоставлены вероятности и скорости. Социологам стоит обратиться к освоению и других компьютерных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение имеет смысл подытожить, что цифровая социология – это субдисциплина, которая объединила все те разделы и методы социологии, раскрывающиеся в данной курсовой работе (см. схемы во введении). Определить, кем же должен являться современный социолог, и проанализировать развитие социологической науки в условиях становления цифровой цивилизации, выделив основные аспекты.

Стоит начать с того, что «...социолог – не человек с анкетой, а специалист, который глубоко владеет теорией, методологией социологического знания и использует это знание для изменения социальной реальности в интересах человека» [17, 7]. Именно такое определение социолога дает

Г.В. Осипов. И оно наиболее полно отражает обязанности социолога в столь быстро меняющемся современном обществе (информационном, цифровом). Для данного общества характерен высокий уровень развития – как никогда развиты наука и технологии, прогресс стремителен – скорость, с которой совершаются новые открытия меняют жизнь общества, день ото дня расширяя границы человеческих возможностей.

Вместе с расширением границ приходит и рост ситуаций, в которых исход принятых решений или совершенных действий неясен – слишком много неизвестного, причем чем дальше человек заходит на своем пути к покорению Вселенной, тем больше неизвестного и неопределенного встает на его пути.

Отсюда генерируются ситуации, в которых социолог может обратиться к анализу больших баз данных, собранных со всего мира. Если для описания тех или иных явлений и процессов раньше приходилось собирать первичную информацию, которая имела свои границы, то в современном мире – социолог может уже активно использовать данные, которые собираются в базы данных из всего сетевого пространства.

Именно поэтому будущее цифровой социологии, по большому счету, связано именно с деятельностью социолога/инновационной личности [18], с его устремлениями и действиями, ибо в социальной реальности, подвластной социологу/инновационной личности, главная угроза – продукт его деятельности.

Параллельно рождается одна из целей цифровых технологий – цифровое образование. Полноценно анализирует социологическое образование в период расцвета цифровой социологии В.В. Кривошеев. Он пишет: «...цифровое образование – первый шаг к цифровой экономике, т.е. наиболее инновационной, позволяющей успешно конкурировать с экономиками наиболее развитых стран. В этой связи одной из ключевых задач любого инвестора, в том числе государства, системы образования, – создание условий, чтобы преподаватели активно и эффективно использовали цифровые технологии в повседневной работе» [14, 140].

Оптимальный вариант достижения равновесия между навыками социолога и растущим объемом цифровых данных, технологий – это активное изучение и развитие цифровой социологии. Именно в этом заключается, по мнению исследователей, роль цифровой социологии как нового направления в социологическом знании – она должна выступить в роли помощника социолога, применяя свой категориальный аппарат для изучения цифровой цивилизации.

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Методы Big Data в определении социальной дистанции между основными этническими группами Крыма и Севастополя. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
2. Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Сетевой анализ современных протестных движений (на примере социальной сети «WOMENSMARCH»). – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
3. Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве. – М.: Научный журнал «Цифровая социология», Т.1 №1, 2018.
4. Грошев И.В., Красовский Ю.Д. Цифровая трансформация социальных исследований и разработок. – М.: Научный журнал «Цифровая социология», Т.1 №1, 2018.
5. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // СОЦИС. 2015. №6.
6. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания. // СОЦИС. 2016. №9.
7. Журавлева Е.Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям. // СОЦИС. 2015. №8.
8. Заруцкая Е.А. Геймификация в онлайн-опросах. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
9. Земнухова Л.В. Социотехническое в цифровой социологии: методологические возможности и ограничения. – М.: Социология власти, 30 (3), 2018.
10. Исаенко В.О., Рыбина М.Н. Внедрение системы CardioQVARK для персонализации лечения в условиях формирования экосистемы цифрового здравоохранения. – М.: Научный журнал «Цифровая социология», Т.1 №1, 2018.
11. Копкарева С.И. Особенности использования и проведения онлайн фокус-групп в формате видеоконференций. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
12. Корытникова Н.В. Online Big Data как источник аналитической информации в онлайн-исследованиях. // СОЦИС, 2015. №8.

13. Красовский Ю.Д. Цифровые конструкты визуального моделирования в консалт-диагностике. – М.: Научный журнал «Цифровая социология», Т.1 №1, 2018.
14. Кривошеев В.В. Социологическое образование и цифровая социология. [Электронный ресурс] // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018.
15. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху. – М.: Научный журнал «Цифровая социология», Т.1 №1, 2018.
16. Мельников М.В. Применение Google Ngram Viewer для изучения исследовательских интересов в области социологической семантики приватизации. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
17. Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. – СПб.: СПбГУП, 2016. – 28 с., ил. – (Избранные лекции Университета; Вып. 176).
18. Петровская Ю.А. Формирование инновационной личности в условиях новой технологической революции как научная и социальная проблема. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
19. Серикова Т.Е. Технологизация медицинской сферы как исследовательское пространство социологической науки. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
20. Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Цифровое картографирование как метод исследования социально-пространственной сегрегации города. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
21. Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии. // СОЦИС. 2015. №8.
22. Уразалиева Г.К. Цифровая партия в политическом пространстве: опыт президентской кампании в РФ 2018 года. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
23. Шестакова А.А. Цифровая личность: границы и барьеры коммуникативных практик в сетевом взаимодействии. – М.: VIII-я международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии», 2018.
24. Lupton D. Digital Sociology. New York: Routledge, 2014.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

**Мальчёнкова Анна Евгеньевна
(СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича)**

Общественная жизнь всегда актуализировалась как в реальном, так и в виртуальном социальных пространствах, а взаимодействие на основе симулякров постоянно присутствовало в повседневной жизни (мифы, легенды, религия, фольклор и т.п.). Становление научного сознания постепенно вытесняло мифологические элементы из реальной жизни людей, хотя образное мышление, опирающееся на религиозные представления и симулякры, до сих пор остаётся частью сознания отдельных групп населения. Можно утверждать, что онтологическая основа некомпьютерной виртуальной реальности, природа и формы виртуализации социальных отношений, происходящих в процессе изменения социального пространства при становлении цифрового общества, требуют объяснения на новой основе.

Социологи, занимающиеся изучением виртуальной реальности, иногда относятся к ней как к некоей противоположности реального жизненного мира, хотя и возникающей на его основе. Такое представление не может быть принято, так как виртуальная реальность – это особый вид социальной реальности, существование которой может быть довольно успешно объяснено с позиций методологических установок феноменологии. Виртуальная реальность не выступает противоположностью константной реальности. Первая и вторая связаны между собой по принципу взаимодополнительности. Противоположностью константной социальной реальности выступает симулятивно-фантастические или религиозно-мифологические представления о реальном мире.

В настоящее время, в связи с формированием цифрового общества, такая форма социальной реальности как виртуальная реальность, привлекает всё большее внимание исследователей. Следует иметь в виду, что виртуальная реальность относится преимущественно к виртуальному миру Интернет-сети. Эта виртуальная реальность основывается на цифровых технологиях и представлена как иллюзорное взаимодействие реального субъекта с реальным миром. Проникновение цифровых технологий в большинство социально-политических и экономических структур закрепило терминологический оборот «виртуальная реальность» преимущественно за средой Интернет. Виртуальная реальность сети Интернет – это обусловленный цифровыми технологиями компьютерный мир жизни человека, актуализированный в сети Интернет как аналог константной реальности [1, с. 576]. Понятие «виртуальная реальность» полностью соответствует логике функционирования константной реальности. Исходя из представленных выше рассуждений, виртуальную реальность можно определить как социальную жизнь, создаваемую пользователями Интернет на основе цифровых технологий, моделирующих константную реальность.

1. Мальчёнков, И.Е., Мальченкова А.Е. Идентификация личности в киберпространстве // Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции «Социология и социологическое образование в России» 14-15 ноября 2014 г., / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – С. 574-576. – 1694 с.

ТЕХНОЛОГИИ VR И AR: ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО

Матвеева Анастасия Владимировна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Орнер Семён Романович

Купорова Наталья Сергеевна

Различие сути понятий VR и AR кроется в самих определениях. Виртуальная реальность (англ. virtual reality, VR) – это новая, искусственно созданная реальность, созданная техническими средствами, человек не может наблюдать реальный мир, погружаясь в нее. Дополненная реальность (англ. augmented reality, AR) же предполагает присутствие в существующем материальном мире, который дополняется цифровыми объектами. И для VR, и для AR требуются специальные технические устройства.

В 1961 году компания Philco Corporation разработала первый шлем виртуальной реальности, который должен был использоваться в военных целях в реальной жизни и, скорее, являлся как раз AR технологией. Разработки в этой сфере стали активно развиваться с момента создания Мортоном Хейлигом в середине 1950-х г. «Сенсорамы» - виртуального

симулятора, финансирование которого тогда закончилось из-за недоверия инвесторов. Спустя несколько лет профессор Гарварда Айван Сазерленд и его студент Бобом Спрауллом разработали систему на основе головного дисплея – «Дамоклов меч» [1,29]. А в 1980-х VPL Research создала очки EyePhone и перчатку DataGlove, значительно технически превосходившие своих предшественников.

В 21 веке технологии AR и VR стремительно набирают популярность в игровой индустрии. Помимо игровой индустрии технологии виртуальной реальности применяются в образовании, торговле недвижимостью, дизайне, туризме, маркетинге и т.д [2]. Виртуальная реальность помогает пользователям лучше понять качество предлагаемых услуг.

Сфера применения AR тоже очень многообразна. Технологии дополненной реальности применяются в рекламе, производстве, навигации, сфере технического обслуживания и ремонта и других областях.

Преимущества виртуальной и дополненной реальностей весьма наглядны, в прямом смысле этого слова: возможность визуализировать трехмерные изображения любого предмета, вращать объект в пространстве, изменять его масштаб и многое другое окажется очень полезным во многих сферах общества.

Рынок устройств дополненной реальности развивается еще быстрее, а именно в 4 раза, по оценкам консалтинговой компании Digi-Capital [3]. В России с 2015 года функционирует Ассоциация дополненной и виртуальной реальности. Согласно данным Ассоциации, инвестиции в AR/VR-отрасль в России составили 700 млн руб. [4]. Однако технологии VR и AR находятся еще на стадии развития, и пока есть препятствия для проникновения в широкие массы: дорогие цены, громоздкие и неудобные шлемы виртуальной реальности, вред для психического здоровья и зрения при регулярном использовании таких гаджетов [5]. Тем не менее, эта тема будет только набирать популярность по мере развития и совершенствования технологий VR и AR.

1. Смолин А.А., Жданов Д.Д., Потемин И.С., Меженин А.В., Богатырев В.А. Системы виртуальной, дополненной и смешанной реальности Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Университет ИТМО. 2018. – С. 29.
2. AR and VR bring a new twist to collaboration [Электронный ресурс] / Computerworld: The Voice of Business Technology. URL: <https://www.computerworld.com/article/3329746/ar-and-vr-bring-a-new-twist-to-collaboration.html> (дата обращения 02.10.2020)
3. Бизнес-перспективы технологий дополненной реальности. URL: <https://fastsalts.com/sections/technology/816.html> (дата обращения: 04.10.2020).
4. Как в России зарождается индустрия VR и можно ли на ней заработать. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/01/584eadae9a79470fe5a92000> (дата обращения: 02.10.2020).
5. Как технологии AR и VR влияют на пользователей. URL: <https://www.content-review.com/articles/40887/>

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ SMART-КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Мироненко Елена Станиславовна
(Вологодский научный центр РАН)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00811 «Smart-образование как вектор развития человеческого потенциала молодого поколения».

Аннотация. Образование за счет внедрения smart-технологий, опирающихся на синтез образовательной, научной, технологической, производственной и др. практик, активно эволюционирует, меняет свои цели, приоритеты, средства. В то же время, сам концепт smart-образования в России оформился не до конца. В этой связи существует серьезный риск, что отечественное образование не сможет перестроиться на систему smart-технологий, а значит перейти на подготовку «работников знаний», труд которых сопровождается аллокационным эффектом (особенно в периоды трансформаций и экономической нестабильности).

Ключевые слова: экономика знаний, smart-образование, smart-компетенции.

В современном мире повсеместная технологизация становится не только фактором экономического роста и перехода к новому экономическому укладу, но и во многом стилем жизни населения. Информационная сфера стала полноценной и неотъемлемой частью жизни практически любого человека. Естественное следствие таких явлений – формирование многими развитыми странами стратегической модели экономического роста, базирующейся на научно-техническом прогрессе, когнитивной и креативной человеческой компоненты технологических процессов и интеллектуализации основных факторов производства [1]. В частности, это касается построения экономики знаний (knowledge-based economy) (В.П. Тихомиров, Н.В. Тихомирова, Н.В. Днепровская) [2; 3].

Основной сферой, в которой формируется инновационный потенциал молодежи, является образование. В условиях перехода к экономике знаний и обществу, детерминированному информационными технологиями, актуализируется задача трансформации базовых принципов, содержания образования, образовательных технологий и организации процесса обучения в направлении формирования творческой (креативной) личности, а впоследствии – нового типа интеллектуального работника, совмещающего свою трудовую деятельность с непрерывным познанием и творчеством (в т.ч. в информационном поле) [4; 5].

В то же время современная система образования не всегда успевает за быстро сменяющимися мировыми трендами и потребностями экономики, которые возникают в процессе перехода к новому технологическому укладу. Одним из возможных направлений решения данной проблемы может стать широкое внедрение smart-образования, «суть которого заключается в конструировании креативного образовательного пространства на основе smart-технологий для обеспечения доступности и персонализированности образования» [5, с. 199–204].

Многие организационные проблемы интегрирования современных технологий в образовательную среду так и не решены, поскольку внедрение smart-образования предполагает появление новых функций у преподавателя (что в контексте нарастания

бюрократической нагрузки на учителя крайне затруднительно), а также укрепления связи образования и реального сектора экономики (работодателей).

Для общества и государства важно уже на ступени школьного образования сформировать у молодого поколения набор smart-компетенций. В этой связи особую актуальность приобретает формирование со школьной скамьи целенаправленных установок в работе с информационными технологиями («smart-компетенции»), которые станут ядром базовых компетенций и позволят гармонично развиваться личности в дальнейшем (на ступени вуза, во взрослой жизни).

1. Миндели Л.Э., Пипия Л.К. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний <https://www.issras.ru/publication/docs/pipiya/P&M-PP-03-2007-10.pdf>
2. Тихомиров В. П., Днепровская Н. В. Смарт-образование как основная парадигма развития информационного общества [Электронный ресурс] // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11. Т. 1. – URL: http://conf.it-edu.ru/sites/default/files/sbornik_2015_vypusk_1.pdf (дата обращения: 05.06.2020).
3. Днепровская Н. В., Янковская Е. А., Шевцова И. В. Понятийные основы концепции смарт-образования // Открытое образование. – 2015. – № 6. – С. 43–51
4. Noh K. S. An Exploratory Study on Concept and Realization Conditions of Smart Learning // The Journal of Digital Policy & Management. – 2011. – Vol. 9. № 2. – P. 79–88.
5. Райхлина А.В. Развитие смарт-образования как элемента построения экономики знаний в регионе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. № 5. С. 199–204.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА МАЛОЙ РОДИНЫ: ФАКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ

Миронов Денис Викторович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00742

«Традиционная» теоретическая социология, которая, несмотря на наличие «принципиальных» расхождений между сторонниками социологического реализма и номинализма, осмысливает социальную реальность в категориях порядка, его поддерживания и достижения. Осуществляемая в рамках такой познавательной установки концептуализация социальной реальности, которая одновременно может рассматриваться и как ее производство, привело в итоге к формированию определенного образа социальной реальности. Этот образ укоренился не только в рамках социологического дискурса, но и за его пределами.

Важная теоретико-методологическая проблема современной социологии заключается в том, что концептуальный аппарат «традиционной» социологии в настоящее время проходит испытание на прочность в связи с тем, что индивидум, социальные общности, общество в целом форсированными темпами переходят на двухуровневый режим своего бытования, условно реальный (контактный, непосредственный, действительный) и виртуальный (цифровой). Принимая это за данность, нужно понять, насколько устоявшийся образ социальной реальности, когда она видится упорядоченной, предсказуемой в реальном мире, соответствует миру цифровому, иными словами нужно

разобраться с тем, действуют ли социальные закономерности реального мира в мире виртуальном.

Обозначенные новые эпистемологические условия необходимо принимать во внимание при проведении социологического исследования, как на теоретическом уровне, в особенности в контексте концептуализации социальных явлений, так и на эмпирическом.

Так, в ходе проведения исследования о роли феномена малой родины в формировании гражданской идентичности, возникла необходимость реконцептуализации данного феномена. Стало очевидно, что данный феномен существует на двух взаимозависимых уровнях: субстанциональный и эмоционально-оценочный. Первый реализуется через такие формы, как: 1. конкретное место в пространстве; 2. материальные объекты, расположенные в этом пространстве; 3. время; 4. социальные структуры. Второй формируется через образы и представления об этих формах, которые продолжают существовать в рамках жизненного мира человека в виде эмоциональных реакций и оценок.

Таким образом, малая родина была определена, как эмоционально-оценочный образ конкретного места, где индивид родился или прошел первичную социализацию, который формируется и поддерживается благодаря воспоминаниям индивида о своем пребывании в этом месте и ощущению эмоциональной привязанности к нему.

Становится понятным, что в формировании эмоционально-оценочного уровня существования малой родины задействованы не только механизмы реального мира, например, институты, связанные с коллективной социальной памятью, которая упорядочивает факты биографии конкретного человека, делая их статичными, но и современные цифровые технологии, которые при должной заинтересованности со стороны отдельного человека или группы, могут создавать динамичный образ малой родины, не определяемый только лишь личными воспоминаниями.

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Одяков Сергей Вячеславович
(Южно-Уральский государственный университет)*

В исследованиях социальной структуры и стратификации современного общества профессиональный статус индивида стал одним из ключевых аналитических индикаторов. Стратификационный подход к пониманию профессионализма, с одной стороны, опирается на марксистский классовый анализ, с другой – на структурно-функциональный взгляд на общество как на сложно организованную институциональную систему с относительно стабильными социальными ролями и устойчивыми правилами взаимодействия между социальными группами [1, 92].

Сегодня новые вызовы для социально-профессиональной структуры диктует цифровизация общества, переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта.

При этом быстрые технологические изменения влекут за собой масштабные социальные, культурные и экономические перемены, которые выводят на сцену истории авангардные группы профессионалов, обладающих специальными знаниями и должностными позициями, что позволяет им формировать ядро обновленной социальной структуры [1, 92].

Структура занятых по профессиям в России отражает противоречивые тенденции: доля профессионалов высокой и средней квалификации интеллектуального труда (руководители, менеджеры и пр.) составляет 35%. В то же время индустриальные квалифицированные рабочие в России, в отличие от стран западной Европы, составляют значительную часть населения, как и рабочие низкой квалификации. В совокупности это почти 32%, что в 2-3 раза больше, чем в развитых странах Запада. Соответственно меньше в России и занятость в сфере обслуживания, которая также относится к постиндустриальному сектору экономики и еще недостаточно развита в стране [2, 52].

С одной стороны, население России довольно неплохо образовано, если говорить о длительности обучения. В то же время Россия слишком сильно отстает от Европы по доле специалистов, получивших образование в области естественных и точных наук: по математике, вычислительной технике, физике, биологии и т.д. Их доля в населении России в 3,4 раза ниже, чем в западных странах.

Здесь сказывается недооценка подготовки кадров для фундаментальных наук, плохое финансирование науки и слабый приток молодежи в эту отрасль, а также влияние процессов эмиграции научной интеллигенции в первые два десятилетия реформ. Неудивительно, что процесс развития высокотехнологичных производств идет в стране очень медленно [2, 55].

Таким образом, для перехода к постиндустриальному развитию Россия должна будет решать серьезную проблему изменения профессиональной структуры населения. Профессиональная подготовка занятого населения соответствует индустриальному этапу развития и потребуются неординарные усилия для того, чтобы изменить структуру экономики страны, особенно если учесть большую инерционность экономических и структурных процессов.

1. *Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий//Социологический ежегодник, 2013–2014: Сб. науч. тр. /ред. Н.Е. Покровский. – М., 2014. – 388 с.*

2. *Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть первая) // Мониторинг общественного мнения. № 4 (98). Март–апрель 2010. – С. 40–56.*

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ.

*Орех Екатерина Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Текст подготовлен в рамках гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00132).*

За последние несколько лет можно фиксировать всплеск научного интереса к осмыслению феномена дополненной реальности. Несмотря на то, что впервые этот термин был озвучен А. Сазерлендом в 1960-х гг. [1], а одним из первых теоретических описаний дополненной реальности является работа 1994 года П. Милграма и Ф. Кишино [2], активное обращение к термину и осмысление феномена начинается лишь с середины 2010-х годов. Представляется, что рефлексия о характеристиках реальности, а также возникновение большого количества терминов для её описания (реальная, виртуальная, смешанная, дополненная реальности, реальная и социальная виртуальность и т.п.) связаны со

стремлением описать существенные социальные изменения двух последних десятилетий, являющиеся следствиями процесса глобализации, виртуализации, а также стремительного распространения цифровизации общества. В этой связи представляется, что трактовка дополненной реальности специалистами социо-гуманитарной направленности должна быть соотнесена с определениями смежных с ней и отличных от неё видов и состояний реальности.

Распространённая сегодня констатация отличий виртуальной и дополненной реальности через определение их как технологий для социолога малопродуктивна. Следует обратиться к определению виртуализации как замещению реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Если в случае виртуальной реальности – реальности образов и репрезентаций – речь идет об альтернативной или «ещё одной» среде человеческого взаимодействия, то в случае дополненной реальности основной точкой отсчёта для социолога остаётся так называемая «реальная» реальность, описанию и пониманию которой за весь период существования социологии посвящено множество концепций. Представляется, что понятие «дополненная реальность» в социологической теории можно успешно использовать в качестве метафоры (что не исключает попыток концептуализации дополненной реальности как социальной реальности особого рода – как, например, делает В.И. Игнатъев [3]). «Дополнение» реальности отсылает к идее компенсации отсутствующего признака. В этом смысле дополнять можно и реальную реальность, и виртуальную реальность. Дополняющими для реальной реальности будут технологии, техники и практики, связанные с расширением преимущественно коммуникативных возможностей человека, а дополнять виртуальную реальность можно, исходя из понимания «слабых» мест и проблем функционирования последней. Так, Д.В. Иванов и Ю.В. Асочаков говорят о дополненной реальности для концептуализации этапа поствиртуализации, характеризующегося перепроизводством образов и коммуникаций, что приводит к их обесцениванию. Стремление к дополнению виртуальной реальности заключается в попытках вернуться к «аналоговому» в противовес «цифровому» [4]. Пресыщение образами и репрезентациями, недоверие к ним может быть компенсировано (возвращаясь к использованию метафоры - дополнено) технологиями, делающими виртуальное взаимодействие более «реальным», придающими эффект приближения к реальности в виртуальной сфере.

1. Александрова Л.Д. Опыт философского осмысления «дополненной реальности» в онтологическом континууме «виртуальность – реальность» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4. С. 59-63.
2. Milgram P., Kishino A. F. (1994). Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. In: IEICE Transactions on Information and Systems. Vol. E77-D. № 12. P. 1321-1329.
3. Игнатъев В.И. Онтология дополненной реальности // Дискурс. 2020. Т. 6. № 2. С. 80-96.
4. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Постглобализация: сдвиг к новой конфигурации современности / Проблемы теоретической социологии: межвузовский сборник. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 9–23.

ЧЕЛОВЕК В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ: СЛАГАЕМЫЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Орлик Елена Николаевна

(Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых)

Внедрения цифровых технологий в социальную жизнь общества существенно обогатило возможности для самореализации личности. Цифровая грамотность становится

важной компетенцией современного человека. Виртуальный мир – это естественное продолжение социальной реальности.

Обратимся к преимуществам, которые он внес в нашу жизнь. Прежде всего, это асинхронность коммуникаций, выстроенных по цифровым технологиям, а именно - возможность подключаться к аккаунту в удобное для пользователей время, исходя из собственных графиков занятости. Пользователь медиа-пространства может взять тайм-аут для обдумывания ответа на запрос. А если он не может идентифицировать характер размещенной информации с тем, чтобы дать адекватный ответ, то на помощь ему приходят готовые сетевые инструменты – смайлики, эмодзи. Сетевое общение может быть очень тесным, и тогда пользователь прибегает к личным сообщениям, обмену информацией в мессенджере, видеозвонкам в Skype, или поверхностным посредством обмена эмодзи, или сугубо деловым через SMS и переговоры по телефону. Отстраивая виртуальные отношения со своим ближним кругом, пользователь сетей приобретает и слабые социальные связи. Благодаря их визуализации, человек может получить важную информацию, например, о перспективах трудоустройства, освоении разных сценариев и технологий по преодолению житейских трудностей, наконец, прирастить свой человеческий капитал.

Однако, цифровое медиа-пространство также полно рисков, способных поглотить индивидуальность личности и нарушить целостность границ ее внутреннего мира. Так, в целях поддержания регулярности общения в медиа-пространстве пользователь вынужден раскрывать информацию о своих увлечениях, характере времяпрепровождения, убеждениях, эстетических и других предпочтениях. Если задаться целью, то отдельные персональные данные можно агрегировать и на их основе разработать политическую или коммерческую рекламу под конкретную целевую аудиторию, чем и пользуются сетевые провайдеры. Еще больший риск содержится в прямом манипулировании сознанием пользователей сетей путем размещения заинтересованными лицами недостоверной, основанной на устаревших данных или несуществующих в реальности фактов, с целью привлечения внимания к данной информации и дальнейшего ее распространения в сети. Чаще всего жертвой подобных акций становится молодежь. Ее приоритетное онлайн-существование снижает рефлексивное и критическое усвоение информации, а клиповое сознание порождает сложности их существования офлайн. Особое место в виртуальном пространстве занимают флешмобы, целью которых является привлечение интернет-общественности к некому событию или ситуации с тем, чтобы вызвать ее эмоциональный отклик или действия. Однако чаще всего солидарность сетевых пользователей с инициаторами акций носит сиюминутный и неустойчивый характер и не предполагает их деятельностной активности.

В этой связи можно предположить, что для многих пользователей сетей виртуальный мир воспринимается как некая игровая ситуация, в которой они принимают на себя удобные в конкретной ситуации роли, проигрывают их и получают от своей игры удовольствие, а в качестве бонусов приобретают новых друзей и подписчиков на своем аккаунте.

1. Глухов А.П. *Культура управления коммуникациями в социальных медиа как элемент «цифровой грамотности»*// СОЦИС, 2019, № 5. - С. 110-118
2. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. *Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой*// СОЦИС, 2019, №5. – С. 119-128
3. Орлов М.О, Шаткин М.А. *Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты*//СОЦИС, 2019, №4. –С.15-26

ПРИМЕНЕНИЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ К АНАЛИЗУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Орлова Ирина Борисовна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

В цифровом мире взаимоотношения людей и вещей принципиально меняются. Вещи начинают действовать, они решают все большее количество задач, которые ранее решал человек. Отражение этого процесса можно найти в акторно-сетевой теории, разрабатываемой Б.Латуром, Дж. Ло, М.Каллоном и их последователями, обозначившими в теоретической социологии «поворот к материальному». Поворот к материальному, называемый еще «латуровской революцией», обосновывает новую онтологию социального мира, в котором устранены границы между людьми и не-человеками, микро- и макро-миром, вещами и идеями. Материальным объектам отводится активная роль, и только с их участием возникает то, что в акторно-сетевой теории (АСТ) считается социальным взаимодействием.

Хотя Бруно Латур отрицает практическое применение акторно-сетевой теории и отказывает ей в способности объяснить процессы [3,141], происходящие в социальном мире, мы полагаем, что при некоторой корректировке АСТ может быть применена к анализу многих современных социальных практик новой цифровой социальной действительности. Эти практики отражают принципиальное изменение взаимоотношения людей и вещей.

Так, например, алгоритмы искусственного интеллекта в медицинских гаджетах исполняют роль персонального терапевта. Холодильники отслеживают и фиксируют информацию о питательной ценности хранящихся в них продуктов, определяют их качество и свежесть, а заодно следят за рационом хозяина.

Отдельной сферой для исследования с применением акторно-сетевой теории может быть взаимодействие человека и робота. Роботы сиделки, помогающие больным, роботы – компаньоны для пожилых людей и няньки – для малышей. Кем являются активно действующие роботы? Они не-человеки, которым делегирована роль акторов, оказывающих существенное влияние на людей, взаимодействующих с ними. Вещи сами начинают контактировать с нами, поскольку они способны оценить наши потребности и совершить необходимые действия, чтобы их удовлетворить. Скоро «вещи самостоятельно станут общаться между собой через свои “социальные сети”, свой «интернет вещей», где они будут обмениваться накопленной информацией. А человеческий мир явится объектом, управляемым комплексами взаимодействующих устройств. От «интернета вещей» постепенно осуществляется переход к «интернету всего». Цель объединения двух систем – технологическая сингулярность – такое состояние техники, когда она перестаёт быть нашим инструментом, и мы более не можем управлять ею. Она берёт управление всем на себя.

Если мы пока не достигли на практике латуровской равнозначной агентности человека и технологических объектов, то свидетельствовать о тенденции повышения статуса и значения вещей в современном техном мире мы уже можем. Латуровские «не-человеки» действуют, активно коммуницируя с людьми и, возможно, человек в скором времени утратит в своем обозначении Homo Sapiens вторую часть определения.

1.Вахитайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории. //Социологическое обозрение, 2005, Т. 4(1). С. 94-115.

2.Каллон М. *Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё, перевод А.Корбуа* // *Социология власти*, т.27, №1, 2015, С.196-231.

3.Латур Б. *Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.:Издательский дом ВШЭ, 2005.*

4.Латур Б. *Акторно-сетевая теория: вопрос об отзыве* // *Логос*, 2017, № 1.с.201-217.

5.Ло Дж. *Объекты и пространства. // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006, С. 223 – 243.*

6.Харари Ю.Н. *Homo Deus. Краткая история будущего. Изд-во Синдбад, 2015.*

7.Bloor D. *Anti-Latour* // *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1999 Vol. 30, № 1, P. 113—129.

8.Brown S., Lee N. *Otherness and the Actor Network: The Undiscovered Continent* // *American Behavioral Scientist*, 1994, 36 (6), P. 772-790.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК АКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНОМИЧНОГО ОБЩЕСТВА

*Плетнев Александр Владиславович
(СПб университет МВД России)*

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта неизбежно ставит вопрос о возможности его применения в сфере управления. Использование искусственного интеллекта в сфере политического управления имеет очевидные преимущества, поскольку искусственный интеллект лишён свойственных человеку недостатков и способен принимать полностью рациональные решения. Это особенно актуально в условиях всё большей аномии сверхсовременного общества в условиях которой индивидуумы склонны ориентироваться на индивидуальные экономические цели и теряют способность организовываться для решения общих проблем.

Прежде чем внедрять возможности искусственного интеллекта в сфере политического управления совершенно необходимо рассмотреть возможности, ограничения и возможные негативные последствия использования этой технологии. Помимо описанной рациональности искусственный интеллект будет иметь преимущество перед биологическим индивидуумом в плане скорости принятия решений на основе анализа множества разнообразных факторов [3, 259]. Эта технология уже фактически внедряется в Сферу управления на разных уровнях. К примеру, в 2020 году “согласно отчету национальной лиги городов 66 % американских городов инвестировали в технологию smart city”[4, 10].

Однако несмотря на все положительные стороны искусственного интеллекта он имеет и существенные недостатки. Прежде всего искусственный интеллект не опирается на ценности. Здесь следует понимать, что ценности индивидуума является выражением его потребностей, которые попросту отсутствуют у искусственного интеллекта. В результате искусственный интеллект может принимать негуманные и недопустимые человеческой точки зрения решения. Это обстоятельство неизбежно породит критику использования искусственного интеллекта, которая, по всей вероятности, будет инициирована представителями правой или консервативной идеологии. Другим ограничением искусственного интеллекта является вопрос его самоидентификации. Обладая развитыми когнитивными способностями, искусственный интеллект будущего неизбежно будет осмысливать вопрос собственного я и своего места в мире. Результаты этого осмысления могут превратить его в чужую и враждебную человечеству силу.

Известный американский футуролог Рэймонд Курцвейл, который теоретически предсказал совмещение возможностей мозга и компьютера[1], в настоящее время предсказывает развитие в будущем гибридного мышления [2, 139-155] которое совместит традиционный биологический способ мышления с мышлением искусственного интеллекта. Это обстоятельство доказывает, что изучение возможности использования искусственного интеллекта для политического управления в аномичном обществе является новой и перспективной темой для социальных наук.

1. Kurzweil R., Trothen T. J. *Spiritualities, ethics, and implications of human enhancement and artificial intelligence*. Vernon Press. – 304 p.
2. Pletnev A. V. *From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity* // *Credo New*. №3 (103). 2020. 156-167 pp.
3. Shibuya K. *Digital Transformation of Identity in the Age of Artificial Intelligence*. Springer. - 286 p.
4. West D. M., Allen J. R. *Turning Point: Policymaking in the Era of Artificial Intelligence*. Brookings Institution Press. 2020. - 297 p.

ЦИФРОВОЙ БИЗНЕС В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

*Подлесная Мария Александровна
(ФНИСЦ РАН, ПСТГУ)*

*Лебедева Ольга Николаевна
(ФНИСЦ РАН)*

Данный доклад посвящен проблеме определения таких ключевых понятий как цифровизация и цифровой бизнес применительно к новому этапу модернизации российской экономики. Несмотря на наличие большого числа исследовательских центров, занятых осуществлением национального проекта

«Цифровая экономика Российской Федерации» (2018-2024 гг.), отмечается отсутствие единой системы не только критериев оценки эффективности национального проекта, но и определение его ключевых понятий [1, 132-133].

В докладе рассматриваются такие понятия, как цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровой бизнес. Последнее вызывает наш особый интерес, так как не только пока слабо определен в отечественной литературе (отдельная попытка предпринята авторами работы «Цифровой бизнес»), но и является наиболее активным актором как цифровизации в целом, так и цифровой экономики, в частности. В качестве основных предпосылок цифрового бизнеса в литературе называют: 1. активный рост объема информации и данных, 2. активный рост числа физических ресурсов, способных генерировать информацию, 3. мобильность и доступность ресурсов 24/7, 4. стирание границ между процессами, людьми и физическими устройствами, способными объединиться для выполнения бизнес-задач» [3, 14].

Авторами доклада отмечается, что о цифровом бизнесе можно говорить как в широком, так и узком смысле. В широком, цифровой бизнес — это бизнес, который использует новые, инновационные направления (Big Data, машинное обучение, дополненная реальность и т.п.), при этом в настоящее время это довольно разнородная сущность на стыке традиционных сфер и продвинутых технологий. В узком – это бизнес-проект, объединяющий физический и цифровой миры и предполагающий взаимодействие людей, компаний и интеллектуальных устройств. Подобное понимание цифрового бизнеса

основано на результатах исследовательского кейса, проведенного авторами доклада, – опроса экспертов высшего и среднего звена российского IT бизнеса.

Понятие цифрового бизнеса рассматривается в контексте процесса модернизации, который, зачастую понимается как развитие, как рационализация всех сфер жизни общества, как «богатство преимущественно в экономическом смысле слова» [2]. При этом анализируются два теоретических подхода – глобализационно-модернистский (Ф. Шмидт и Т. Швинн) и «множественных модернит» (Ш. Эйзенштадт, а также теми, кто по аналогии пишет о современности как о «множественных осях» или множественных культурах осевого времени (“multiple axialities”)), и предпринимается попытка определить, какой из двух теоретических подходов наиболее применим к объяснению происходящих процессов в российском цифровом бизнесе.

1. Богданов В. С. *Организационно-методологические аспекты дистанционного исследования проблем цифровизации регионов с различным уровнем социокультурной модернизации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С.131–149. DOI:10.19181/snsp.2020.8.1.7100*
2. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. – М.: Директ-медиа, 2014. – 265 с.
3. Метляева А. И. *Что такое digital business и digital transformation? // Современные инновации. № 7(21) 2017.*
4. *Цифровой бизнес / под научной редакцией О.В.Китовой*. – М.: ИНФРА-М, 2018. 418 с.
5. Швинн Т. *От сравнительной социологии религии к сравнительной политической социологии. Макс Вебер и множественность модернов // Социологические исследования. № 1, 2018. С.121-131.*
6. Eisenstadt, Shmuel N. (2000). *Multiple modernities. Daedalus 129 (1): 1–30.*

ГИБКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Поздеева Елена

(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Новый технологически уклад предъявил свои требования к способностям и поведенческим навыкам субъектов [1], которые в стремлении рационально адаптироваться к динамичным изменениям вынуждены менять инструменты реализации своей жизненной программы. Тенденция индивидуализации (З. Бауман) скорректировала отношение субъекта к собственной успешности, перенеся вес с институтов на конструирование индивидуальных траекторий. Открывшиеся в цифровом мире возможности развития социума, с одной стороны, предоставили субъекту желаемую свободу в задании нормативных рамок и поправок в действующие кодексы поведения и практики коммуникаций. Однако, с другой стороны, существенно повысили индивидуальную ответственность и градус неуверенности, побуждающие совершенствовать свои способности и навыки. Оценка успешности в условиях трансмобильности норм и динамичности критериев повлекла за собой размытость нормативного поля, при том, что изменилась роль экспертов, уступая место хорошо информированным активным гражданам [2], и сам институт экспертизы трансформируется.

Работа субъекта над конструированием перспективы своего будущего происходит в поле рационального поведения. Применяя веберовский подход, нельзя не отметить стремление социума к освоению все более сложных инструментов рационального управления при росте охвата территории проблем и ускорении принятия решений. Субъект с помощью цифровых возможностей ощущает себя все более могущественным, однако он

оказывается во взаимодействии с цифровыми посредниками как с равноправными партнерами, которые подталкивают нас к принятию определенных решений и осуществлению рационального выбора в условиях разделенной рациональности. Машинная цифровая рационализация [3] производит перевод выигрыша «на чужой счет», а субъекта побуждает к совершенствованию навыков цифрового взаимодействия. В этих условиях возрастает роль агентности и сформированных гибких навыков [4], подразумевающих постоянное обучение, принятие режима изменений и умение создавать проекты.

1. *Evseeva L.I., Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Trostinskaya I.R., Evseev V.V. DIGITAL LEARNING AS A FACTOR OF PROFESSIONAL COMPETITIVE GROWTH Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. T. 1114. C. 241-251.*
2. *Поздеева Е.Г. ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ В сборнике: Новые контуры социальной реальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 231-236.*
3. *Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макс Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов. //Социологические исследования. 2020. Т. 46. №6. С.3 – 15.*
4. *Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. Foresight and STI Governance, vol. 13, no 2, pp. 19–41.*

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Рашидова Джамила Тофиковна
(СПб университет МВД России)*

Ключевые слова: аномия, норма, коммуникация

Устная и письменная речь является предметом интереса как социологов, так и лингвистов. Рассмотрение коммуникации «как своеобразного строительного материала указывает на его природу и может проиллюстрировать способность конструировать социальный мир, заключенную в общении - нашей основной социальной деятельности» [5, 159]. При взаимодействии носителей различных культур и языков может произойти конфликт норм, который в научной литературе интерпретируется как аномия [3,10]. Аномия качается всех сфер общественной жизни [4, 26], а том числе и языковых норм. Межкультурная коммуникация это по сути взаимодействие языков [2, 185], как различных взглядов на мир.

В качестве примера межкультурного речевого взаимодействия мы рассмотрим сложности, которые возникают у русскоязычных индивидов при изучении английского языка. В частности, они постоянно используют слово «very» как дословный перевод слова «очень». Часто используется выражение «very hot» (очень горячо), которое можно заменить на «scorching». Аналогичным образом выражение «very cold» (очень холодно) может быть заменено на «freezing». Словосочетание «very funny» (очень забавно) имеет тот же смысл, что и «hilarious».

Часто встречается непонимание при использовании английских выражений. Так «actually» в разговорной речи понимают как «вообще-то» используют вместо выражения «на самом деле». Однако у носителей это слово выражает несогласие с собеседником,

сравнение мнений. И носители бывают крайне удивлены, когда после «actually» не слышат противоположной позиции.

Есть и примеры заимствования языковых норм. Так в российский молодежный интернет сленг вошло слово «рофл», что является переводом аббревиатуры английского выражения «Rolling On the Floor Laughing», которое означает «катаюсь по полу от смеха».

Рассмотрение межкультурной коммуникации крайне перспективная тема, многие направления которой до сих пор не раскрыты [1, 131]. Аналогичным образом необходимо продолжить изучение социальных норм употребления языка и аномию в этой сфере.

Литература:

1. *Игнатъева О.А. Эвристический потенциал концепции политической власти Макса Вебера. диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2012. – 187 с.*
2. *Красненко О.А. Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3. С. 180-189.*
3. *Плетнев А.В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2012. – 28 с.*
4. *Плетнев А.В. Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4. С. 26.*
5. *Paterno D. Social communication theory revisited: the genesis of medium in communication // Atlantic Journal of Communication. Vol. 28. Iss. 3. 2020. 153-164 pp. <https://doi.org/10.1080/15456870.2019.1616735>*

ОНЛАЙН ЗНАКОМСТВА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Романова Анастасия Денисовна

Человек – это существо социальное и поэтому у него крайне велико стремление к личностным связям и взаимодействию. Может показаться, что завести приятелей и найти друзей гораздо проще, чем свою вторую половинку. И во многом это действительно так. Потребности человека в любви настолько велики, что если он не получает это великое счастье, то стремится всеми силами восполнить недостаток, желая подарить свою нежность и любовь кому-то. Настоящая любовь способна вдохновить человека и дать ему силы на невообразимые поступки.

Сегодня в век развития цифровых технологий способы знакомства сместились в интернет – для этого существует масса сайтов, позволяющих завести знакомства и сформировать свой круг коммуникаций. Если вы хотите познакомиться с целью заведения семьи, то вам прямая дорога на сайт онлайн знакомств.

Научный и практический интерес к онлайн знакомствам, а также напрямую связанному с ними виртуальному общению, неуклонно продолжает расти. На этот счет имеется достаточное количество отечественных и зарубежных научных публикаций. В их ряду: Д.Ю. Дорофеев [1], У.А. Рысеева [2], А.Ю. Попова [3], В.В. Матвеев [4], Ю.В. Пупков [5] и другие.

В целях изучения отношения российской молодёжи к знакомствам в сети в феврале 2020 года нами было проведено социологическое исследование, проходившее в форме

анкетирования, с участием молодых жителей Московской области в возрасте от 14 до 35 лет.

Около трети опрошенных (29,6%) всех возрастных групп отмечают, что начали пользоваться сайтами для знакомств в возрасте от 14 до 17 лет. При этом 29,6% респондентов признаются, что в возрасте старше 25 лет ощутили необходимость в интернет-знакомствах.

Очевидно, что сайты для знакомств выполняют свою основную задачу – познакомить людей. Почти половина респондентов (48,1%) смогли найти новых друзей в сети. Треть респондентов (33,3%) не оправдали свои ожидания.

На 1 месте по популярности сайтов для знакомств оказался Tinder (51,9%), 2 место занимает сайт Badoo (29,6%), а на 3 месте – Mamba (18,5%).

Объясняя свой выбор сайтов для знакомств, респонденты указывают прежде всего на их популярность по сравнению с другими сайтами (74,1%), большое количество пользователей (33,3%), а также на бесплатное пользование и удобство использования (22,2%).

Две пятых опрошенных (40,7%) признаются, что никогда не сталкивались с проблемами во время интернет-знакомств. Около половины респондентов (48,1%) называет такую проблему как общение с человеком, который выдавал себя за другого.

В результате социологического исследования выяснилось, что одной из основных причин начала использования сайтов для знакомств среди молодежи является их чувство одиночества.

Сегодня Интернет для молодежи становится не только новой, но и важной площадкой взаимодействия. При этом общение молодого поколения в сети принимает разные формы: от создания страницы в социальных сетях, до онлайн трансляций на несколько стран.

1. Дорофеев Д.Ю. Антропологический образовательный потенциал современных коммуникаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – С. 117-126.

2. Рысеева У.А. Брачные объявления начала XXI в. и их лингвистические особенности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – С. 155-159.

3. Попова А.Ю. Эмоциональные, коммуникативные и социальные возможности реализации современного горожанина. // Социология. Теория и практика социального действия. – 2012. - №12. – С. 133-135.

4. Матвеев В.В. Информационно-коммуникационные технологии как социокультурная практика знакомств. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. - №5 (105). – С. 96-102.

5. Пупков Ю.В. Онлайн знакомства как социокультурный феномен. // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2018. - №8. – 152-162.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕЙРОСТЕТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО

*Рыбалко Михаил Николаевич
(ЮУрГУ)*

Человек, как вид, развивается на протяжении всего своего существования. Вместе с биологическим развитием происходит прогресс в осуществлении его труда. Сначала палка, далее плуг, потом колесо, после всего конвейер, конечный результат – цифровые устройства. Они дали человечеству колоссальный скачок в способах воплощения трудовой

деятельности людей. За последние 70 лет этот скачок содержал в себе разные этапы. Последний из таких, это изобретение и создание информационных интеллектуальных систем, способных вкуче с сетью интернет выполнять невообразимые вещи. О таких вещах люди не то что не задумываются, они о них даже не подозревают. Актуальность проблемы исходит из меры осознанности общества о имеющихся взаимодействиях людей и ИИС, которые тем или иным образом все больше и больше будут оказывать влияние на общество, в том числе и на его социальную структуру.

Чтобы доказать, что дальнейшее взаимодействие человека и нейросетевых технологий будет оказывать все большее влияние на социальную структуру общества, стоит начать с установления связи общества и технологий. По сути, базовым представителем из кластера ИИС является самообучаема программа – нейросеть. Более крупным системным олицетворением нейросетевых технологий становится платформа с большим порядком объема информации, именуемые Big Data. Раздел сферы науки и труда, занимающийся конструктором Big Data, носит название Data Science.

Технологии Big Data уже имеются в распоряжении информационных корпораций, как за рубежом, так и в РФ. Яндекс, Сбер, Гугл – все они и другие успешно используют эти технологии. Сервисы такси, транспортные системы, городские движения, таргетинг, рубрикаторы и ленты социальных сетей, музыкальные подборки, фото-видео-редактинг, Деер fake, система умный дом, видео в TikTok, контролирующие сети уличных видеокамер, распознающих лица, и многое другое - всё это в себе могут содержать и обрабатывать ранее упомянутые платформы Big Data. Люди являются каждодневными пользователями и объектами этих сервисов и разработок. Соответственно, это несет определенные плюсы и минусы. С одной стороны, людям это упрощает жизнь, с другой – делает их зависимыми. Также стоит учитывать влияние на трудовую деятельность людей. В структуре разделения труда все большую работу вместо людей начинают выполнять устройства и программы. Так в производственной сфере предприятия всё чаще используют автоматизированные конвейера, а в секторах экономики, связанных с человеком и информацией, также возникает тенденция и возможность замены людей на ИИС, то есть нейросетевые алгоритмы.

Из всего выше перечисленного, можно сделать вывод, что дальнейшее благополучное развитие нейросетей и алгоритмизированной деятельности людей, вместе с этим, само взаимодействие общества и ИИС, должно зависеть полностью от желаний и потребностей людей. Технологии в широком смысле этого слова могут быть определенным орудием в руках человека, поэтому обществу необходимо самому определить и понять, что делать с этим инструментом деятельности.

1. Соколов, А. В. *Информационное общество в виртуальной и социальной реальности* А. В. Соколов. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. - 352 с
2. *Методы и модели исследования сложных систем и обработки больших данных: монография* / И. Ю. Парамонов, В. А. Смагин, Н. Е. Косых, А. Д. Хомоненко; под редакцией В. А. Смагина, А. Д. Хомоненко. - Санкт-Петербург : Лань, 2020. - 236 с

НООСФЕРНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ XXI: ГАНДИАНСКИЕ СФЕРОНЫ И СФЕРНАЯ ХОЛИСТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

Семашко Лев Михайлович

(Глобальный Союз Гармонии - Международная миротворческая организация)

В результате 15 лет развития в международной миротворческой организации гуманитариев ГСГ [1] фундаментальной тетрасоциологической науки в рамках кибернетики, получившей наиболее адекватное название «Киберсфероника», сформулирован ее первый, определяющий, субстанциальный социологический/социогенетический Закон Ганди: «Четыре универсальные социетальные сферы/сфероны конституируют генетическую субстанцию ноосферы человечества, его систему Глобальной Безопасности/Мира/Процветания.» [2, 34]

Этот закон нашел детальное научное исследование, эмпирическое обоснование и верификацию мировой статистикой 76 стран в 9-й книге ГСГ, получившей краткое название «Гандика» [3]. Она опубликована на четырех языках: русском, английском, французском и испанском. [4]

Сформулированный современный закон Ганди - это спрессованное выражение смысла его «закона варн» или закона сфер/сферонов на основе первоисточников [6; 7] в «Гандике». Системное Гандианское определение его закона варн/сферонов, выражающее их объективную, субстанциальную социетальную сущность может быть представлено следующими цитатами:

«Варны - это не создание человеческого ума, а непреложный закон природы, проявление неослабевающей, неизменной [генетической] тенденции, подобной ньютоновскому закону всемирного тяготения. Закон всемирного тяготения существовал до того, как он был открыт, и это справедливо также по отношению к закону варн. Это закон жизни, который управляет всем человечеством ... это закон нашего бытия. Все варны равны между собой, ибо община в равной мере зависима от всех варн. Хотя закон варн был открыт неким индуистским провидцем, он приложим ко всему миру. Сегодня мир может игнорировать его, однако, рано или поздно он признает его справедливость. Варны – лучшая гарантия счастливой жизни» [6, 162-166].

Закон Ганди, с таким трудом и так долго познаваемый традиционной социальной наукой, идеологически отчужденной от него, открывает для человечества принципиально новую, холистическую логику «субстанциально нового образа мышления» [8] вместе с рядом сопровождающих его инструментов ноосферной цифровизации в форме сферной статистики и ее технологий, представленных в «Гандике».

Сферная статистика и ноосферная цифровизация в ее рамках не подменяют и не исключают традиционную, эмпирическую и фрагментарную статистику с ее цифровизацией, а опираются на них, упорядочивают и поднимают их на недоступный им уровень социетальной целостности и глубины.

Система сферных/фрактальных статистических матриц сфер/сферонов создает единое логическое сетевое статистическое пространство человечества и единый, глобальный статистический цифровой язык сферных/интегральных показателей. Он обеспечивает эффективное гармоничное глобальное управление ноосферой через ее системную цифровизацию на всех их уровнях. Ноосферная цифровизация открывает путь создания принципиально нового, ноосферного Интернета и обеспечит развитие ноосферного искусственного интеллекта, интегрируя достижения традиционного ИИ.

Достижения ноосферной цифровизации - фундаментальный прорыв социальных наук и их технологий в 21 веке.

Библиография

1. Семашко Л. (2020) *Глобальный Союз Гармонии (ГСГ): 15-я годовщина*: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=827
2. Семашко Л. Главный редактор и 45 соавторов из 24 стран (2020) *Антиядерный Манифест Мира/Киберсфероники: Третий Путь Ноосферы XXI века*. 76 с.: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=819
3. Семашко Л. Главный редактор и 82 соавтора из 24 стран (2019) *Махатма Ганди: Точка отсчета ненасилия. Генетика и статистика сферонов*. ГАНДИКА. СПб, Изд-во «Радуга», 252 с.: https://peacefromharmony.org/docs/Mahatma-Gandhi-Tochka-otscheta-nenasiliya_-Genetika-i-statistika-sferonov_-GANDIKA-2019.pdf
4. Semashko L. Editor-in Chief et al. (2019) *Mahatma Gandhi: Nonviolence Starting Point. Spherons' Genetics and Statistics*. GANDHICA. New Delhi, 2019, 240 p.: https://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=848
5. Семашко Л. (1992) *Сферный подход*: https://peacefromharmony.org/file/5162/1992-semashko-sferniy_podhod.pdf
6. Ганди, М. *Моя вера*. – СПб: Азбука, 2016. – С. 62–63, 77–85, 133–186: <http://www.yxp.ru/chapters/mg.pdf>
7. Gandhi, M. *My Religion*, 1955. – <http://gandhisevagramashram.org/my-religion/index.php> (or: <http://gandhisevagramashram.org/pdf-books/my-religion.pdf>)
8. Einstein, A. *Quotes*, 1955. – <https://www.brainyquote.com/quotes/quotes/a/alberteins104567.html>.

ПРИЧИННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Сергеев Василий

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18- 00132)

Натурализм, заложенный О. Контом в качестве одного из базовых положений позитивизма, на долгое время задал определенные условия для теоретиков различных школ. Одним из таких условий, которое действует и сейчас, является условие эмпирической проверки гипотез. Гипотезы, успешно прошедшие проверку исследованием, переходят в статус эмпирически подтвержденных положений некоторой теории или концепции. На основе таких положений оказывается возможным следующий этап теоретизирования. То же справедливо и для гипотез, проверку не прошедших.

Однако, требования эмпиричности, которые предъявляются к проверке гипотез, сами обращают на себя внимание. Так, заимствованная из естественных наук концепция причинности, реализуемая в рамках социологии, на проверку оказывается недостаточно эмпиричной, поскольку прежние исследовательские инструменты уже не позволяют фиксировать социальное, новые еще не разработаны, а органы чувств – краеугольный камень классического эмпиризма – не дают исследователю того доступа к социальной реальности, который имеют коллеги из других наук к реальности природы.

Социальная реальность вокруг исследователя демонстрирует ему фактическую реализацию социальной причинности. Причинности, которая не является частью юмовского научного закона или павловской сигнальной системы, но вбирает их и

оказывается чем-то большим, не сводимым к составным частям. Так понимаемую причинность я предлагаю называть эмерджентной причинностью.

При анализе концепта эмерджентности исследователь оказывается на своего рода теоретической развилке: идти ли ему в сторону уточнения трактовки эмерджентности, либо в сторону уточнения трактовки причинности. Это является фундаментальной проблемой социологии, поскольку здесь сталкиваются не просто макросоциология и микросоциология, но сами предпосылки социологии и социальной реальности в целом.

Для корректного исследования современного цифрового общества такие прямолинейные инструменты, как: натурализм, позитивизм, эмпиризм, идеализм, реализм, – оказываются недостаточно гибкими. Следовательно, и результаты, получаемые в ходе исследований, использующих обозначенные решения в качестве теоретико-методологических оснований, рисуют нам, скорее, картину бытия вообще, нежели наличного бытия. Безусловно, нельзя не учитывать диалектический эффект, производимый таким положением дел. Именно поэтому в рамках данного исследования анализируется причинность в эмерджентном ее понимании.

Одновременный фокус на макро- и микроуровне за счет анализа момента их воспроизводства может быть полезен не только при решении прикладных задач, но и при уточнении фундаментальных характеристик социальной реальности, в частности процесса преобразования структуры в действие и действия в структуру, а также оснований этой связи. Происходящие в современном обществе социальные изменения могут и должны быть концептуализированы с учетом природы этих изменений, которая, во-первых, предполагает скорее взаимозависимость макро- и микроуровня, нежели доминирование одного из них; во-вторых, не является некоторым стабильным и неизменным состоянием, вследствие чего требует таких теоретических основ для своего познания, в которых будет изначально заложен потенциал развития вместе с социальной реальностью при относительной стабильности базовых положений.

1. Archer M. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 354 p.

2. Bhaskar R. *A Realist Theory of Science*. N.Y. : Routledge, 2008. 277 p.

3. Giddens A. *Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. L. : Macmillan, 1979. 294 p.

4. Mills C.W. *Sociological Imagination*. Oxford : Oxford University Press, 1959. 234 p.

ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Сикорский Иван Александрович
(*Российский государственный социальный университет*)

Цифровизация есть не только процесс становление нового технологического уклада и изменения, исходя из этой посылки, привычного мира. Как и любой общественный феномен, это предпосылка для переориентации социологического наследия на актуальные проблемы и вопросы через призму фундаментальных, положенных в само основание социологии, с одной стороны, как науки, с другой – как формы рефлексии общества о самом себе [3, 101]. Помимо этого, как очевидно, одна из главных задач социологии – достижение баланса между системой понятий и их эмпирическими проявлениями в социальном мире.

Категория пространства в социологии, по замечанию социолога А.Ф. Филиппова, представляла собой вспомогательную категорию, чаще всего – метафору, используемую

для наглядности (например, социальное пространство в понимании Пьера Бурдьё) [7, 8-9]. Пространственный поворот в социологии, который был намечен Г. Зиммелем и развит далее преимущественно в американской социологии, изменил понятийный ландшафт социальной теории, введя категорию пространства в качестве одной из основных. В свете активного преобразования общества посредством цифровизации категория пространства также претерпевает изменения, что отмечают не только в теоретических работах, но и в прикладных исследованиях [1, 19-20].

Теоретическое осмысление цифрового пространства как составляющей социального мира на данный момент имеет ряд концептуализаций, каждая из которых, во-первых, по своему определяет онтологический статус цифрового пространства; во-вторых, очерчивают и фиксируют возможные исследовательские стратегии цифрового пространства [4, 21]. Помимо общих дескрипций цифрового пространства, выделяемого на правах его принадлежности к цифровому обществу, стоит отметить оригинальные направления в современной социологии цифрового общества, такие как постсоциальные исследования [2, 49-50] и постмодернистское прочтение цифрового («виртуального») пространства [5, 44]. Несмотря на непрекращающиеся дискуссии в области понятий и определений, понятие цифровое пространство всё ещё остаётся не встроенным в концептуальный язык современной социологии.

Главной целью настоящей работы является выделение цифрового пространства как самостоятельного региона социального мира. В качестве исходной теоретической базы нашего исследования мы используем положения социологической теории пространства российского социолога А. Ф. Филиппова и продемонстрируем то, как наработки указанного направления способны быть экстраполированы на проблематику цифрового общества и особой формы пространственных отношений, опосредованных цифровыми технологиями и коммуникациями.

Первым общим местом для нас является понимание пространства как гибкой смысловой схемы, позволяющей упорядочивать наблюдения действий и взаимодействий; вторым общим местом – различение пространства и времени, где последнее явлено нам как категория событие; третьим общим местом мы обозначаем принципиальную позицию исследователя как наблюдателя [6, 52; 7, 17-18].

1. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В., «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12-35. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peresborka-mitinga-internet-v-proteste-i-protest-v-internete> (дата обращения: 28.09.2020).

2. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей интернет-коммуникаций // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. №12. С. 48-54 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autopoyezis-sotsialnyh-setey-internet-kommunikatsiy-1> (дата обращения: 01.10.2020).

3. Луман Н. «Что происходит?» и «что за этим кроется?»: Две социологии и теория общества/Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч./Пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – 424 с.

4. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания. Цифровая социология/Digital Sociology. 2018; (1): С. 18-28 [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.09.2020)

5. Новиков В.Г., Ковалева С.В. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «антисоциальной» теории Жана Бодрийяра. *Цифровая социология/Digital Sociology*. 2019;2(1): С. 39-45. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-39-45> [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.10.2020)

6. Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // *Социологический журнал*. 1995. Том. 0. № 1. С. 45-69.

7. Филиппов А.Ф., *Теоретические основания социологии пространства: автореферат дис. доктора социологических наук : 22.00.01 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – Москва, 2003. - 40 с.*

ОТ ОБЩЕСТВА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД.

Синютин Михаил Владимирович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В данном докладе предлагается рассмотрение вопроса развития отечественной социологии на текущем историческом этапе. Нацеленность на разработку теории цифрового общества, столь активно подогреваемая государственной властью, очень напоминает схожее некогда стремление к разработке теории развитого социализма. Несмотря на серьезные изменения в общественной системе за эти годы, отношения социологов с властью сохраняют черты зависимости. Эти условия очень благоприятны как раз для появления таких односторонне-абстрактных моделей, какой является концепция цифрового общества. Несмотря на возможный временный прагматический эффект от подобных разработок, в итоге, данный шаг оборачивается невниманием к выявлению конкретной сущности социальных процессов в России и снижает научно-теоретический уровень социологии.

ПЕНСИОНЕР В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Соловьев Аркадий Константинович
(Пенсионный фонд Российской Федерации, Финансовый университет при
Правительстве Москвы)

Нетрудоспособный период в жизни каждого человека является неизбежной и самой тяжелой частью, как в социальном, так и в экономическом отношении. В первую очередь это относится к пенсионерам, т.е. к тем категориям граждан, которые утрачивают возможности получения доходов для собственного материального обеспечения по причине старости, инвалидности или потери кормильца. Поэтому в цивилизованном общественном устройстве материальное обеспечение всех категорий пенсионеров рассматривается как одна из базовых функций государства.

В рыночной экономике, в отличие от социалистической, выполнение функции государственного пенсионного обеспечения распределяется между участниками трудового процесса: работника как застрахованного лица и работодателя как страхователя. В то время как функция государства сужается до финансового контроля и конституционной гарантии минимальной материальной поддержки каждого гражданина.

На практике в современной отечественной государственной пенсионной системе начиная со страховой пенсионной реформы 2002г. основная тяжесть экономической ответственности за собственное материальное благополучие возлагается на самого

пенсионера, точнее на гражданина в период его трудовой деятельности, поскольку нормативно-установленным условием получения государственной страховой пенсии является выработка минимальной продолжительности трудового стажа 15 лет (с переходным периодом) и получением минимальной суммы индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК, «баллов») не менее 30 (также с переходным периодом) – получения права на страховую пенсию.

Однако для получения пенсии в сколько-нибудь достойном размере как трудового стажа, так и суммы баллов должно быть как минимум вдвое больше, о чем большинство застрахованных лиц даже не догадываются [1, 250].

В этой связи цифровизация экономики и общественной жизни должны оказать информационную поддержку каждому гражданину в получении актуальной и достоверной информации по контролю за формированием собственных пенсионных прав. Эта сторона цифровизации общественной жизни является положительной.

Одновременно с позитивной стороной цифровизации для формирования пенсионных прав граждан будут усиливаться негативные процессы, которые обусловлены глубинной трансформацией рынка социально-трудовых отношений и макроэкономики в целом. На практике цифровизация экономики уже сопровождается сокращением сферы наемного труда и вынужденным ростом самозанятости населения. В то время как современная модель государственного пенсионного обеспечения полностью ориентирована на солидарно-трудовую систему формирования пенсионных прав работников, а самозанятое население, которое составляет абсолютное меньшинство может рассчитывать только на минимальный уровень пенсионного обеспечения (не ниже прожиточного минимума пенсионеров).

1. Соловьев, А.К. *Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебное пособие.* – 2-е изд., перераб. и доп. / А.К. Соловьев. – М.: Проспект, 2015. – 336 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ (ДФО) В МГЛУ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

*Станевич Анастасия Юрьевна
(ФГБОУ ВО МГЛУ)*

По инициативе рабочей группы Социологической лаборатории МГЛУ в мае-апреле 2020 года был проведен опрос преподавателей вуза. Всего было опрошено 551 преподавателей МГЛУ, выборка репрезентативна по параметрам ГС. Ошибка выборки – 1,75%. Содержание анкеты включило в себя ряд индикаторов: общая оценка занятий онлайн, готовность и барьеры к ДФО, удовлетворенность и мотивы работы в МГЛУ.

Для оценки реализуемого в вузе дистанционного формата обучения была использована методика семантического дифференциала Ч. Осгуда. В результате статистического анализа было выявлено, что преподаватели оценивают онлайн формат образования как своевременный и интенсивный. Преподаватели лингвистического профиля также отметили, что ДФО оказался полезным и активным.

Всего 81% преподавателей отметили свою готовность проводить обучение в дистанционном формате, однако преподаватели старше 60 лет сталкиваются с определенными проблемами, которые не позволяют им перенести онлайн все свои учебные дисциплины. В целом, преподаватели моложе 45 лет предпочли бы работу дома вместо

работы в университете, в то время как преподаватели более старшего возраста напротив предпочли бы работу в аудитории.

Независимо от возраста и профиля учебно-научного подразделения, 80% преподавателей отмечают возросшую нагрузку в связи с переходом к ДФО. Вместе с тем, по их мнению, качество усвоения студентами материала онлайн ухудшилось по сравнению с очными занятиями.

75% опрошенных преподавателей в целом удовлетворены работой в МГЛУ. Было замечено, что лояльность вузу появляется с возрастом: доля преподавателей, удовлетворенных работой в МГЛУ, в возрасте до 35 лет составила 69%. Преподаватели старше 60 лет в большей степени отмечают удовлетворенность работой в вузе (83%).

В ходе исследования были выявлены общие мотивы работы в МГЛУ, в качестве трех основных выступают альтруистические мотивы: возможность заниматься любимым делом, работа с молодежью, желание работать по специальности. Мотивы работы в университете также зависят от возраста. Основными мотивами для молодых преподавателей являются возможности для самореализации и приобретение опыта для последующей деятельности – эти аспекты становятся малозначительными для старших преподавателей. Для преподавателей с возрастом актуализируются такие мотивы, как желание работать по полученной специальности и необходимость материального обеспечения себя и семьи. Вместе с тем, взяв во внимание опыт оказания платных услуг во внерабочее время, заметим, что преподаватели до 35 лет в 3 раза чаще берут дополнительную работу, нежели их коллеги старше 60 лет.

Проведенное социологическое исследование показало, что преподавателям младшего и среднего образа было проще адаптироваться к новым образовательным реалиям, чем их старшим коллегам. Несмотря на общую готовность к дистанционным занятиям, преподаватели скептически относятся к качеству онлайн образования. Большая часть преподавателей удовлетворена работой в МГЛУ, что объясняется их альтруистическими мотивами работы в вузе.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПУТЬ НОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Сунь Юаньюе
(МГУ им.М.В. Ломоносова)*

В настоящее время Китай является одной из крупнейших развивающихся стран мира и вместе с Россией стремится к званию великой державы. Успех Китайской Народной Республики во многом объясняется макроэкономической и региональной экономической и экономической политикой модернизации, которую ее правительство проводило в течение последних 30 лет, и которая имеет как социальное, так и политическое значение. В будущем Китай столкнется с множеством новых возможностей развития. Один из них - возможность расширения своих позиций в Индустрии 4.0 за счет ближайшего партнера - Российской Федерации. В эпоху цифровой трансформации все страны начали понимать новый мировой порядок по-новому, укрепляя и расширяя сотрудничество. В настоящее время цифровые технологии все больше проникают в нашу жизнь. Глядя на развитие Китая с точки зрения цифровой экономики, мы можем обнаружить, что именно быстрое развитие цифровой экономики все чаще становится движущей силой экономического роста, способствуя развитию национальной индустриализации, а также играя огромную роль в предотвращении попадания страны в ловушку среднего дохода. К преимуществам

международной конкуренции можно отнести создание сетей 5G, внедрение технологии блокчейн и электронного правительства. И Россия, и Китай являются мировыми державами и принадлежат к крупнейшим экономикам мира. Обе страны имеют все необходимые условия для развития цифровой экономики, а также включают цифровую экономику в свои приоритетные направления развития в ближайшие десятилетия. Укрепление и углубление российско-китайского сотрудничества в области цифровой экономики не только будет способствовать дальнейшему развитию всестороннего стратегического партнерства между двумя странами, но и внесет важный вклад в продвижение глобальных экономических преобразований и мирового экономического развития. ... Более того, практическая значимость данного исследования заключается в установлении модели взаимовыгодного сотрудничества между странами для будущего развития цифровой экономики Китая и национальной цифровизации, которая может быть реализована в России одновременно. Поэтому в других странах, учитывая оптимистичную тенденцию развития российско-китайских отношений, у Китая и России есть отличные возможности для получения прямого опыта развития этой инновационной отрасли у своих стратегических партнеров.

1. Белая книга о развитии цифровой экономики Китая и занятости / Китайский Институт Информации и Коммуникаций. 2019. С. 3 URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/t20190417_197904.htm

2. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды» / Всемирный банк. 2016. С. 28. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf>

3. 共赢数字经济新时代——中俄中小企业合作的大机遇·2017年11月08日08, URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1108/c1002-29633709.html>

4. 商务部：中俄积极推进数字经济跨境电商等领域合作·2018年06月07日, URL: <http://www.mofcom.gov.cn/>

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Тулузакова Марина Валентиновна
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*)

Всеобщая компьютеризация и информатизация общества создали принципиально новую социальную ситуацию, приведшую к изменению качества социальной структуры общества зависимой не только от профессиональной квалификации, но и от качества образования и характера труда.

К привычным сферам жизнедеятельности общества (экономической, политической, социальной и духовной) добавилась еще одна самостоятельная подсистема – цифровая, которая позволяет человеку выйти за рамки привычного мироустройства и стать самостоятельным актором социальной жизни, поскольку исключает государство, идеологические институты и символические культурные системы из практики социального взаимодействия.

Это актуализирует проблему формирования и сохранения человеческого капитала в условиях цифровизации общества. До последнего времени названный вопрос традиционно рассматривался с позиции оценки знаний как главного ресурса, что, в свою очередь, актуализировало ценность образования. Так, в 1960-е годы футурологи (Д. Белл, Г. Кан, Э. Винер и др.) предполагали, что информационная среда создаст не только некое внеидеологическое пространство человеческого существования, но и приведет к

появлению таких средств воздействия на физическое и психическое состояние людей, которые укрепят различные формы антиобщественного индивидуализма, ориентированного не на интеллектуальное содержание, а в большей мере - на спонтанную чувственность по отношению индивидуумов к окружающей среде.

Как показало время помимо выше названного, цифровое общество фрагментирует новую социальную реальность, которая формируется под воздействием компьютерных технологий, и которая становится фрагментированной. Одновременно происходит формирование глобальной цифровой цивилизации, поглощающей по мнению З. Бжезинского, индивидуума и вовлекающей его в непрерывные и тесные слуховизуальные контакты.

Это, в свою очередь, приводит к отрицанию традиционных средств определения мира (например, через чтение) и даже некоторому отрицанию такой электронной реальности как телевидение. Присутствие во многих домах SMART-TV еще раз подчеркивает возможность выхода индивида за пределы стандартизации, синхронизации и централизации в поисках не только информации, но и развлечений, что в свою очередь, усиливает интерактивность средств массовой информации.

Таким образом, новые технологии способствуют развитию трансформационных процессов, которые лежат в основе реальных рабочих планов и программ построения цифрового общества, как общества основанного на знаниях. Скорость создания пространства интеллектуальной среды во многом будет зависеть от наличия домашних компьютеров устойчивой связи и доступности их большинству граждан. Вышеизложенное позволяет поставить вопрос о формировании виртуального капитала, понимаемого нами как способность генерировать новые знания с применением цифровых технологий. Если учесть, что цифровое общество – это во многом самоорганизующаяся система, способная изменить почти до неузнаваемости экономику, города, экологию, структуру семей, то сохраняется необходимость изучения социальных, психологических и экономических последствий развития современного социума.

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ Д.ЛЮПТОН

Фомин Егор Васильевич

(Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова)

Книга «Цифровая социология» австралийской исследовательницы Д.Люптон вышла в 2015 году и стала одной из первых работ, в которых осмыслялись и рассматривались вопросы, связанные с тем, как современные цифровые технологии меняют классическую социологию [1]. Однако на русском языке ее детального разбора, к сожалению, так и не появилось.

В данной работе на основе теории Д.Люптон определяется предметное поле цифровой социологии как новой дисциплины [1, 15-16]:

- анализ цифровых данных: использование сырых цифровых данных в социальных исследованиях, количественных или качественных. Анализируются данные, полученные с помощью интернет-платформ: сайтов, социальных сетей, GPS-навигаторов, данных сотовых операторов, «умных» часов и т.д. Данные, которые могут быть получены, например, при анализе данных социальных сетей, включают не только социально-демографические показатели («паспортичек» и «демографичек»), но также ценностные

ориентации и поведенческие критерии. Успешные примеры анализа больших цифровых данных присутствуют в исследованиях АО «Крибрум» [2].

- профессиональная цифровая практика: использование цифровых инструментов как части социологической работы и построения карьерных траекторий – создания онлайн-профилей в социальных сетях, публикация, обмен исследованиями, обучение студентов. Это связано с новыми возможностями обмена исследованиями между учеными. Сегодня такую возможность предоставляют Academia.edu, Google Scholar, Sci Hub, Web of Science. Это отражение научного коммунизма (коллективизма) – одного из этоса науки Р.К.Мертон, при котором исследования должны быть общедоступны всему научному сообществу [3, 35].

- анализ использования цифровых технологий предполагает исследование способов использования людьми цифровых технологий для определения самосознания, а также роли цифровых средств массовой информации в создании или воспроизведении социальных институтов и социальных структур. Например, это работа по использованию современных технологий правительствами, силовыми структурами, коммерческими компаниями, медицинскими учреждениями, СМИ [4, 48-63].

- критическая цифровая социология: проведение рефлексивного анализа цифровых технологий на основе социальной и культурной теории. Наряду с эпистемологическим потенциалом у цифровой социологии возникает ряд новых вызовов, которые исследователям только предстоит решить. Это проблемы идентификации аккаунтов; неравного доступа к интернету; цифрового воздержания. Рефлексия над исчезновением личности социолога, межличностного взаимодействия с интервьюируемым.

1. Lupton D. *Digital sociology*. – Routledge, 2014.

2. Великая отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа // Крибрум. URL: <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf> (дата обращения - 09.10.2020)

3. Merton R. K. *The ambivalence of scientists* // ed. by R. K. Merton. *Sociological Ambivalence and other Essays*. N. Y.: The Free Press, 1976.

4. Орлова И. Б., Фомин Е. В. Цифровая социология: возможности, риски, перспективы // *Национальная безопасность/Nota bene*. – 2020. – № 3.

ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Шагиахметова Алия Хусаиновна
(ФГБОУ ВО "Казанский национальный исследовательский технологический университет")

По данным Mediascope в феврале 2020 года аудитория Рунета составила 96,7 млн. человек или 79% населения страны. [1]

Сегодня Интернет-реклама является одной из самых прибыльных индустрий в мире. Для примера, объем рынка интернет-рекламы впервые в России обогнал телевидение, об этом объявила Ассоциация коммуникационных агентств России по итогам 2018 года. Интернет-реклама выросла за год на 22% — до 203 миллиардов рублей, реклама на телевидении — на 9%, до 187 миллиардов рублей. В АКАР подчеркнули, что Интернет впервые по итогам года стал самым крупным сегментом российского рынка рекламы. [2]

Осенью 2017 года агентство «Deloitte» провело масштабное исследование о медиапотреблении и отношении российской аудитории к рекламе. В опросе агентства участвовало 1600 жителей 46 субъектов РФ старше 16 лет. Из его результатов следует, что

Интернет – основной канал получения и распространения информации, но реклама в нем вызывает больше всего негатива. Индекс лояльности к рекламе в Интернете составляет – 23%. Лучше всего опрошенные относятся к наружной рекламе и к объявлениям в печатных СМИ. [3]

Анализ результатов социологического исследования отношения к Интернет-рекламе (n=138, жители г. Казань в возрасте от 18-50 лет, 2020 г.) показал, что 23% респондентов испытывают раздражение, когда встречаются рекламу в интернете, 54% - не обращают внимание на рекламу, 23% положительно относятся к рекламе в интернете.

Треть респондентов (31%) отметила, что иногда совершает покупки, увидев Интернет-рекламу, но только в том случае, если товар был действительно необходим. 11% респондентов часто совершает покупки после увиденной рекламы в Интернете, 58% респондентов никогда не совершают покупки после увиденной рекламы в Интернете.

Выяснилось, что 57% опрошенных частично доверяют рекламе, 28% - не доверяют рекламе, 15% ответили, что доверяют рекламе.

По мнению респондентов, реклама является эффективной, если она ненавязчива (39% респондентов), ярка и заметна (35%), проста и понятна (26%).

Как оказалось, большинство респондентов при выборе товара или какой-либо услуги в Интернете ищут отзывы покупателей (42%), 26% обращаются за советом к знакомым и друзьям, 32% респондентов предпочитают покупки в реальных магазинах, где можно товар вначале посмотреть, примерить, попробовать, протестировать и т.п.

С развитием мобильной индустрии население начинает использовать различные мобильные приложения магазинов. 45% опрошенных респондентов активно пользуются мобильными приложениями для Интернет-магазинов, 20% респондентов отдают предпочтение полным версиям сайтов и 35% опрошенных респондентов не пользуются приложениями.

С высказыванием, что «реклама – это двигатель торговли» согласилось 65% респондентов, что говорит об активном вхождении Интернет-рекламы в нашу повседневную жизнь и все большем её влиянии на массовое потребление в современном обществе.

1. Экономика Рунета в эпоху COVID-19 — растем и трансформируемся // <https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/issledovanie-raek-ekonomika-runeta-v-epohu-covid-19-rastem-i-transformiruemsya/>
2. Интернет в России впервые обогнал телевидение по годовому объему рекламы // <https://meduza.io/news/2019/03/11/internet-v-rossii-vpervye-obognal-televidenie-pogodovomu-ob-emu-reklamy>
3. Интернет-рекламе доверяют всё меньше. Что делать? // <http://prclub.spb.ru/2018/01/09/digitalad/>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Щекотин Евгений Викторович
(Новосибирский государственный университет экономики и управления)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00391.

Цифровизация как социальное явление неизбежно оказывает влияние на качество жизни. Можно выделить два основных направления исследования качества жизни в контексте цифровизации. Первое рассматривает цифровизацию как процесс проникновения информационных технологий в жизнь общества и применительно к проблематике качества жизни соотносится с теми возможностями, которые открываются перед обществом и государством для улучшения качества жизни людей. В этом случае исследователи акцентируют внимание на изменениях в качестве жизни, которые являются следствием проникновения информационно-коммуникативных технологий в повседневную жизнь людей. Так, Г. П. Литвинцева и С. П. Петров выделяют 6 блоков качества жизни, обусловленных процессом цифровизации: «качество населения, характеризующее его цифровыми компетенциями; обеспеченность цифровыми благами (цифровое благосостояние населения); качество трудовой сферы; качество социально сферы; качество электронных государственных и муниципальных услуг населению; безопасность информационной деятельности населения» [1]. В целом данное направление исследований опирается на тезис о том, что информационные технологии изменяют жизнь людей, что влечет за собой необходимость пересмотреть понимание содержание качества жизни в новых условиях [2].

Второе направление отталкивается от понимания цифровизации как результата уже состоявшейся интервенции информационных технологий в мир повседневности и рассматривает качество жизни людей в реалиях цифрового общества. Это направление исследований качества жизни связано с применением новых методологических инструментов для сбора и обработки информации о качестве жизни. Данное направление реализуется в широких границах цифровой социологии и рассматривает различные формы повседневной деятельности людей в Интернете как неотъемлемую часть их жизни в целом. В этой связи источником данных о качестве жизни людей являются цифровые следы людей, активность в социальных сетях и т.п., которые можно анализировать с помощью технологий больших данных и машинного обучения. Такой подход к изучению социальных явлений О. В. Крыштановская называет «бесконтактной», ее особенность в том, что социологи никого не спрашивают, они получают информацию из потока сообщений, из открытых источников [3]. Сегодня данное направление исследований качества жизни населения и благополучия в целом является очень многообещающим.

1. Литвинцева Г. П., Петров С. П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 414-427. – С. 419.

2. Симакина М.А. Трансформация качества жизни в информационном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №3(11). – С.14.

3. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. – 2018. – № 1. – С. 4-9. – С. 5.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Янышен Анна Андреевна

(Лаборатория цифровых технологий регионального развития ОКНИ КарНЦ РАН)

Шапошник Сергей Борисович

(Лаборатория цифровых технологий регионального развития ОКНИ КарНЦ РАН)

Работа выполнена в рамках Госзадания КарНЦ РАН «Исследование цифровой экономики в социально-экономическом развитии регионального сообщества Северо-Запада России» (№ 0185-2019-0095).

Одна из проблем социальных и экономических исследований процессов цифровой трансформации, как и управления этими процессами, связана с существенным дефицитом данных статистического наблюдения за использованием цифровых технологий. Эта проблема хорошо видна в случае изучения человеческого капитала как существенного фактора цифровой трансформации.

Под цифровой трансформацией принято понимать преобразование форм экономической деятельности, моделей ведения бизнеса и социальных практик за счет возможностей современных цифровых технологий. Технологическими драйверами этих преобразований являются взаимосвязанные цифровые технологии так называемой «третьей волны» - аналитика больших данных, интернет вещей, искусственный интеллект и машинное обучение, робототехника, аддитивные технологии, блокчейн и виртуальная реальность [1]. Наличие соответствующего человеческого капитала (знаний и навыков в сфере этих технологий) являются неременным условием успешной цифровой трансформации. Вместе с тем, сегодня остается недоступной сколь-нибудь достоверная и систематическая информация о наличии, спросе и масштабах подготовки специалистов по этим технологиям и компетенциях в этой сфере профессионалов в других областях, использующих указанные технологии.

Эта проблему можно фиксировать как в части измерения наличного человеческого капитала, так и систем его воспроизводства.

В общероссийском классификаторе занятий (ОК 010-2014), который является основой для мониторинга занятости, для специалистов высшей и средней квалификации выделена категории «Специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)» (коды 25 и 35), в рамках которых используется детализация, основанная на двух уровнях уточняющих кодов. При этом, имеющийся уровень детализации не позволяет выделить среди ИКТ-специалистов специалистов по технологиям работы с большими данными. Действующие формы Росстата, на основе которых можно определять спрос на специалистов и навыки в сфере ИКТ работников (формы № 1-Т(проф) и №3-информ) также не позволяют выделить соответствующих специалистов и навыки.

Аналогичная ситуация с системами воспроизводства человеческого капитала – профессиональным и дополнительным образованием, а также повышением квалификации и переподготовкой кадров в организациях. Действующий классификатор специальностей и направлений подготовки не обладает достаточной степенью детализации, чтобы получить данные по подготовке специалистов в области указанных технологий. Таких специалистов готовят по образовательным программам в рамках более широких специальностей и

направлений подготовки. Хотя эти образовательные программы указываются вузами в дипломах (и на сайтах вузов), количественные данные по студентам и выпускникам этих образовательных программ не собираются.

Компенсировать дефицит данных можно используя дополнительные источники (рекрутинговые платформы и др.), но необходима и модернизация статистики.

1. Raul Katz - Social and economic impact of digital transformation on the economy. ITU, GSR-17 Discussion paper. 2017

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛА И ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-СОЦИОЛОГОВ

*Ярмак Вероника Евгеньевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

На сегодняшний день, в условиях сложившегося кризиса, становится очевидным значимость над профессиональных, в том числе цифровых, компетенций которые значительно влияют на инновационную модель образования, в которую помимо двух объектов образовательного процесса в лице преподавателя и будущего специалиста, включен третий субъект – информационные технологии. В рамках существующих образовательных тенденций предполагается модернизация реализуемой государственной политики в области образования, а именно, делается попытка создать ту систему образования, которая ориентированна на формирование и развитие предпочтительно soft skills, необходимых для инновационной деятельности человека; среди выпускников вузов проводится стимулирование получения навыков инновационного и социального профиля; Основной задачей модернизации государственной политики в сфере образования является формирование системы, предусматривающей овладение навыками непрерывного образования и soft skills в течение всей жизни. В Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020) "Об образовании в Российской Федерации" закреплено положение о том, что «...Высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации...». Данные социологических опросов говорят о том, что среди выпускников ВУЗов-трудоспособного населения существует реальная проблема, которую можно было бы обозначить как «нехватка над профессиональных компетенций», которые как правило формируют высшие учебные заведения. Согласно данным, представленным ВЦИОМ: только лишь для 22% россиян высшее образование (в том числе и магистратура) – это шанс получить «специальные» знания и стать хорошим профессионалом, а 68% уверены, что значимость высшего образования часто преувеличена. Таким образом, формирование и учет профессиональных компетенций (hard-skills), так же, как и оценка деловых качеств, бизнес навыков, умение работать с информационными технологиями и компьютерной техникой, а также эффектно представлять полученный результат (soft-skills) – это не только залог успешной реализации алгоритма формирования и развития человеческого капитала, но и реализация государственных программ по модернизации высшего образования.

С момента начала пандемии, средние и высшие учебные заведения Российской Федерации совершили резкий переход на дистанционное обучение и как показала практика не все учебные заведения были к этому готовы.

Сейчас, спустя полгода с начала пандемии, сложно представить учебный процесс без средств видео и аудио связи. Так, например, созданные IT-разработчиками платформы для онлайн-конференций, онлайн-аудитории, онлайн-текстовые редакторы создают для студентов уникальные условия для непрерывного образования. Учебные курсы, которые ранее были доступны только очно, легко переходят в диджитал формат и набирают все большую популярность, например образовательные курсы для студентов магистратуры от школы «СИРИУС». Если говорить об инновационной модели образования, предполагается, что она должна соответствовать прежде всего критериям доступности и актуальности.

Для социологов инновационное образование предполагает освоение новых методов анализа и сбора информации, с целью повышения квалификации и актуализации своей профессии на рынке. Например, если проанализировать базу резюме выпускников факультета социологии уже редко где можно увидеть резюме “Социолога”, чаще выпускники факультета социологии - это “Социологи-Аналитики”, “Аналитики BigData”, “Marker research” и т.д.

Возможности, предоставляемые инновационным образованием социологам не ограничены. В частности – это шанс для изучения онлайн-сервисов для проведения полевых исследований, изучение более узких направлений таких как UX/UI исследования, в этот перечень также можно отнести освоение языков программирования, которые позволят находить ту информацию, которую сложно собрать количественными методами. Также на новый уровень выходят кабинетные исследования и вторичный анализ. Огромное количество статистических сервисов бесплатно предоставляют доступ к ценной информации, социально-демографическим показателям и таким образом расширяют поле объекта и предмета исследования. Инновационная модель образования предполагает наличие навыков поиска и быстрого анализа большого количества информации, способности “вытаскивать” нужную исследователю информацию и на основе этого строить пути решения исследовательских проблем.

Инновационная модель образования — это возможность повышения квалификации социолога.

Традиционное образование дает человеку фундамент, базу, которая необходима для последующего развития hard и soft-skills, а инновационное образование - это возможность для успешного применения и усовершенствования своих навыков.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НЕЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ

*Ясников Николай Николаевич
(Вологодский научный центр РАН)*

*Ластовкина Дарья Александровна
(Вологодский научный центр РАН)*

Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, грант «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» Проект № 20-011-00326\20

Вопросы связанные с социальным капиталом, в последнее время всё чаще затрагиваются научным сообществом. Считаю эту тему достаточно актуальной в нашем

технологично-цифровом мире, мы решили изучить, как именно накопленный социальный капитал взаимосвязан с таким аспектом современной жизни, как инновационные практики. В исследовании мы опирались на данные полученные в ходе массового опроса общественного мнения в Вологодской области и обратили своё внимание, на такую группу респондентов как незанятое население (студенты, учащиеся, пенсионеры, инвалиды, официально зарегистрированные безработные). Для измерения социального капитала использовалась теоретическая модель, разработанная коллективом Вологодских и Череповецких ученых в 2018 году [1].

Мы проанализировали, как именно связаны частные случаи применения конкретных инновационных практик и накопленный уровень социального капитала респондентов. Оказалось, что между ними существует заметная положительная связь. При этом мы отметили, что такая связь прослеживается, в том числе и среди тех практик, которые в настоящее время называть «инновационными» уже нужно с осторожностью. В современном мире, использование смартфона, оплата покупок банковской картой или приобретение товаров с доставкой на дом, уже не просто становится нормой, но и зачастую объединяет все три названные практики в одном действии (покупка товара на дом через телефон, с мгновенной оплатой по привязанной карте). Однако мы обнаружили, что среди лиц с минимальным и низким уровнем социального капитала, реализация подобных практик тревожно редка. В целом, почти во всех случаях, когда проявляется специфика групп с различным уровнем социального капитала, респонденты с высоким его значением заметно более активны в реализации инновационных практик. В тех же случаях, когда даже обладатели высокого уровня социального капитала сравнительно редко осуществляют конкретные практики, они всё равно делают это чаще относительно других групп.

Подводя итоги всему выше сказанному, мы можем заключить, что социальный капитал достаточно тесно связан с использованием различных инновационных практик. Высокий уровень социального капитала сопряжен с увеличенными возможностями по использованию современных информационных ресурсов и пространств, что представляют собой базу современного информационного общества, а также частные примеры проявления инновационных практик чаще наблюдаются именно среди подобных респондентов. Ещё мы, считаем необходимым отметить, что, не смотря на то, что респонденты с высокими уровнями социального капитала, чаще всего весьма активны в применении инновационных практик, их количество в группе не занятых граждан Вологодской области тревожно мало. Большую часть группы составляют люди с низким уровнем социального капитала, которые продемонстрировали достаточно слабую приспособленность к применению инновационных практик.

*1. Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Т.А. Гужавина [и др.].
Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.*

СЕКЦИЯ 2. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

СОЦИОЛОГ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Бабушкина Валерия Олеговна

(Санкт-Петербургский государственный университет факультет социологии)

Тенденции цифровой трансформации общества продолжает набирать обороты во всех сферах жизни, современная социология в свете стремительного развития информационных технологий претерпевает принципиальные изменения. Можно провести аналогию с естественными науками, когда изобрели микроскоп биология сделала резкий скачок в изучении организмов на клеточном уровне. Астрономия с появлением телескопа расширила понимание, о том, что представляет собой вселенная. Так же и социология с ростом цифровизации общества и появлением понятия «цифровой след» подтолкнула к появлению новых направлений, таких как, например, вычислительная социология и социальная физика.

В России уже несколько лет идет дискуссия о больших данных в социологии. Опираясь на выводы работ по данной тематике, можно сказать, что современная социология делает поворот в сторону естественнонаучного подхода в методологии, но все-таки требует от исследователя широкого кругозора в понимании теории [1] [2].

В свою очередь применение количественных методов в исследованиях служит своего рода индикатором возможности встроиться социологу в новую парадигму науки.

Во многих школах в России, применяется практика разделения будущих выпускников на технические и гуманитарные классы. Преимущественно деление происходит по принципу, «а как дела с математикой?», если математика не ваш конек, очевидно, вы гуманитарий. В понимании обывателя, социология не имеет никакого отношения к техническим дисциплинам. В ноябре 2017 г. ВЦИОМ провел исследование, целью которого было выявить представления о профессии социолога в российском обществе [9], по данным опроса 51% респондентов считают, что социологи занимаются изучение жизни общества, социума, отношений в обществе, изучают общественное мнение, проводят опросы.

Большинство выпускников школ, выбирая социальные науки в качестве направления дальнейшего обучения, не ожидают встретить во время учебы обязательные предметы, которые требуют знания математики. Однако, современное образование в области социальных наук предполагает глубокое изучение методологии научного исследования, теории вероятностей и алгоритмов [3]. Существует понятие феномена тревожности в отношении изучения математики и статистики, оно обуславливается конфликтом ожиданий студентов социальных наук и содержанием учебных курсов [6]. Студенты, как правило, изучая курс статистики чувствуют себя недостаточно компетентным, чтобы приобрести необходимые знания. Такое негативное отношение часто считается серьезным препятствием для эффективного обучения [7].

Мировой опыт показывает, что подобная проблема существует не только в России.

В 2006 году среди британских студентов-социологов проводилось национальное исследование, целью которого было изучить отношение студентов к социологии и в частности к количественным методам [8]. По результатам 71% респондентов указали, что социология ближе к искусству и гуманитарным наукам, чем к естественным наукам, так же студенты отдали предпочтение написанию эссе, нежели чем анализу данных (64%). 41,9% респондентов указали, что не очень хорошо разбираются в математике и чуть более половины (52,4%) выразили беспокойство в изучении статистики. Большинство студентов (52%) согласились, что считают количественные методы в целом более сложными, по сравнению с качественными методами, только 12,1% придерживались противоположного мнения.

Подобное исследование отношения студентов к количественным методам так же проводилось в Финляндии [5]. Ключевым выводом в исследовании было то, что студенты считают, количественные методы более сложными по сравнению с качественными, и это является причиной поверхностных знаний и незнакомства с понятиями в области количественных методов. Студенты были не заинтересованы в методологии и математических аспектах, считая себя не способными к математике. Высказывали мнения, что математические и лингвистические навыки взаимоисключают друг друга, и что количественные методы не имеют отношения к гуманитарным наукам.

Очевидно, что в обоих исследованиях просматривается взаимосвязь отношения студентов к техническим дисциплинам и избегание ими количественных методов. При этом исследователи высказывают опасения о том, что студенты, которые не могут справиться с количественными методами, вряд ли будут заниматься исследованиями в своей карьере или считать себя учеными-практиками, оставляя свою дисциплину обнищавшей с точки зрения ее исследовательской базы [4].

Положительный момент в этой дискуссии связан с появлением новых программ для социологов. На примере Санкт-Петербурга, за последние пять лет появилось уже три программы в ведущих ВУЗах города. Студенты осваивают несколько языков программирования: SQL, Python и R, а также передовые методы в статистке и анализе данных.

В будущем эти навыки и компетенции послужат трамплином в новых технологиях и подходах к исследованиям, которые вполне могут стать частью будущего социологического методологического инструментария.

1. Губа Катерина *Большие данные в социологии: новые данные, новая социология?* // *Социологическое обозрение*. – 2018. - №17 (1). – С. 213-236.
2. Дудина В.И. *Социологическое знание в контексте развития информационных технологий* // *Социологические исследования*. - 2015. - № 6. - С. 13-22.
3. Орёл Е.А., Хавенсон Т.Е. *Отношение к статистике у студентов, изучающих социальные науки: операционализация понятия и его измерение* // *Психология. Журнал ВШЭ*. - 2013. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-statistike-u-studentov-izuchayuschih-sotsialnye-nauki-operatsionalizatsiya-ponyatiya-i-ego-izmerenie> (дата обращения: 22.06.2020).
4. Davis J. and D.M. Sandifer-Stech *Wade into the Water: Preparing Students for Successful Quantitative Research* // *Family Relations*. – 2006. - № 55(January). – p. 56–66.
5. Murtonen M. and E. Lehtinen *Difficulties Experienced by Education and Sociology Students in Quantitative Methods Courses* // *Studies in Higher Education*. – 2003. - №28(2). – p. 17–85.
6. Vanhoof Stijn & Kuppens, Sofie & Sotos, Ana & Verschaffel, Lieven & Onghena, Patrick. *Measuring statistics attitudes: Structure and consistency of the Survey of*

Attitudes Toward Statistics // Statistics Education Research Journal. – 2011. - №10. – p. 35-51.

7. *Waters L. K., Martelli, T. A., Zakrajsek, T., & Popovich, P. M. Attitudes toward statistics: An evaluation of multiple measures // Educational and Psychological Measurement. – 1988. - № 48(2). – p. 513–516.*

8. *Williams M., Payne G. and Hodgkinson L. Does sociology count? Student attitudes to the teaching of quantitative methods // Sociology. – 2008. - №42(5). – p.1003–1022.*

9. *Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), аналитический обзор исследования от 13 ноября 2017 «Профессия-социолог» [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116523> (дата обращения: 26.06.2020)*

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Баруздин Иван Анатольевич
(СПбГУ, факультет социологии)*

Современная социальная реальность обладает рядом специфических характеристик, наиболее важными из которых следует считать мобильность, сетевизацию, цифровизацию и супер-связность социальной системы. [1, 190] Эти свойства качественно трансформируют представления о социальной дифференциации, характеризуемую теперь как сложный и чрезвычайно динамичный социальный процесс, создающий многомерные формы социального неравенства в организациях. При этом социальная дифференциация в компаниях, деятельность которых связана с информационными технологиями, отчётливее отражает тенденции неравенства цифрового общества в сравнении с другими компаниями.

Проблема социальной дифференциации в цифровом обществе ещё не изучена в полной мере. Многие авторы рассматривают социальную дифференциацию с точки зрения классических марксистских позиций, касаясь темы доступа к средствам производства (информационно-техническое неравенство). [2],[3] Другие авторы придерживаются изучения социальной дифференциации в цифровом обществе через призму социального капитала (образования, возраста, дохода и других). [4],[5]

Однако социальную дифференциацию можно изучать через призму ценностного подхода. В цифровом обществе ценности становятся ключевым элементом в функционировании социальных систем. Особенностью ценностей как объекта моделирования социальных процессов следует считать их универсальность, благодаря которой возможно выявить многообразие форм социальной дифференциации в корпорациях.[6, 69-70]

Теоретико-методологическим основанием исследования послужили концепции изучения ценностей Л. Тевено, Л. Болтански, И. Кьяпелло. В том числе, теоретическую рамку составили работы по организационной культуре Э. Шейна.

Цель исследования заключалась в выявлении социальной дифференциации сотрудников как в информационно-технологических компаниях (ИТК), так и не в ИТК.

Методология исследования основывалась на сетевом подходе. Использовался метод анкетирования. В результате проведения анкетного опроса была построена сетевая модель социальной дифференциации сотрудников в корпорациях.

Апробация методики была проведена в пилотажном исследовании, охватывающем 60 респондентов из числа сотрудников 3-х корпораций (ИТК корпорация, рекрутинговая компания, крупная промышленная корпорация), расположенных в г. Санкт-Петербурге.

Анализ полученных результатов показал качественное различие социальной дифференциации сотрудников в ИТ компании:

1. Ключевыми ценностями, характерными для специалистов, занятых в ИТК являются ценности «свободы», «независимости», «открытости», «ориентации на публику», «новаторства» и «командообразования». При этом «прагматизм» является фактором социальной дифференциации внутри компании.

2. С точки зрения личностных представлений, объединяющими ценностями у сотрудников ИТК являются «лидерство», «коммуникабельность», «любопытность» и «креативность».

3. Социальная дифференциация сотрудников рекрутинговой и промышленной компаний более разнообразна и тесно связана со сферой их деятельности.

1. Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019;25(4):175-192.

2. Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis*. 2017. №2

3. Никитин М. Как преодолеть «цифровое неравенство» // *CNews. Аналитика*. – 2011. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2011/articles/article27.shtml>

4. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – М., 2016. – № 5. – С. 163–182

5. Положихина М.А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // *ЭСПр*. 2017. №2.

6. Дерюгин П.П., Баруздин И.А., Цзинь Цзюнькай, Сивоконь М.В., Шилева А.С. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей), *ДИСКУРС* №4, 2017 – С. 68-89.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

*Басимов Михаил Михайлович
(Российский государственный социальный университет)*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

Рассмотрим принцип моделирования психологического прогнозирования на основе результатов множественного сравнения (метод [1-3], апробация [4-7 и др.]) групп политического предпочтения, разбиение по которым проводится на основе ответов респондентов на вопросы анкеты с номинальными ответами. Мы остановимся на качественном анализе и решении упрощенной задачи, демонстрирующей предлагаемый методологический подход.

Для задачи множественного сравнения [1] и типологического их описания в рамках шести личностных теорий были выделены 63 невырожденные группы по политическим предпочтениям респондентов, которые сравнивались в рамках 89 количественных

психологических параметров личностного содержания. Для нашей демонстрационной задачи были использованы 25 шкал 5-факторной модели личности с одинаковыми шкалами, которые в приближенном варианте можно использовать без процедуры стандартизации первичных данных и процедуры интегрирования промежуточных результатов психологического прогнозирования: вначале решаются задачи психологического прогнозирования в рамках показателей каждой из методик, после чего они претерпевают дальнейшее интегрирование (в зависимости от дифференцирующего свойства шкал методик), позволяющее получить то или иное количество отличий между изучаемыми номинальными группами.

Для направлений прогнозирования из 120 респондентов мы выбрали 12 групп и их характеристик по выбранным ответам, а в рамках ограниченного текстового пространства приведем 6 из них:

1. Группа G07-02, респонденты которой проголосовали за КПРФ на выборах депутатов Государственной Думы РФ (8 респондентов).

2. Группа G08-01 респондентов, которые на выборах президента РФ проголосовали за Путина В.В. (23 респондентов).

3. Группа G08-03 респондентов, которые на выборах президента РФ проголосовали за Грудина П.Н. (9 респондентов).

4. Группа G13-02 респондентов, которые среди способов воздействия на органы власти по эффективности выбирают участие в выборах и референдумах (19 респондентов).

5. Группа G14-02, респонденты которой в случае принятия участия в голосовании, проголосуют из протеста за другую партию (6 респондентов).

6. Группа G15-03 респондентов, для которых дебаты между оппозиционными партиями наводят на мысли, что лучше не участвовать в выборах (10 респондентов).

Чтобы объективней воспринимать количества проголосовавших, следует отметить что более половины респондентов не принимали участия в парламентских и президентских выборах.

Задача прогнозирования является обратной по отношению к задаче множественного сравнения номинальных групп, сформированных по ответам на вопросы социологической анкеты и построения психологической типологии респондентов, принимавших участие в междисциплинарном (социология и психология) исследовании. Ее результаты позволяют говорить о достаточности выбранных психологических показателей для решения поставленной прогностической задачи. А решение задачи прогнозирования для тех же респондентов дает возможность итерационной корректировки параметров модели.

1. *Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с. <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>*

2. *M.M. Basimov Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.*

3. *Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.*

4. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*

5. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*

6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.*

7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – P. 7–28.*

http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ МАТЕМАТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

*Голованова Оксана Владимировна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)*

*Ипатова Лариса Петровна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)*

*Романова Виктория Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)*

Социологическое исследование удовлетворенности студентов, проживающих в общежитии, проведенное весной 2019 года на базе социологической лаборатории при кафедре философии и социологии СПбГМТУ, выявило парадоксальное обстоятельство: низкая оценка студентами материально-технических и организационных условий в общежитии сочеталась со средней оценкой степени их удовлетворенности условиями проживания в общежитии. Одной из объяснительных вспомогательных гипотез было предположение о низком уровне ожиданий обучающихся в отношении государственной общественной поддержки учащейся молодежи, а, следовательно, и к административным вузовским структурам, ответственным за обеспечение потребностей кампуса. Низкие ожидания вполне соответствуют скромным реальным возможностям, не вызывая неудовлетворенности, внутреннего протеста, нетерпимости и каких либо протестных действий [1]. Обработка полученных данных с помощью математических методов кластерного анализа позволила подтвердить данную гипотезу, сформулированную на основе результатов простого статистического анализа.

В качестве основных алгоритмов были использованы два алгоритма кластерного анализа (алгоритм максиминного расстояния и алгоритм л-групповых средних, а также алгоритм сжатия многомерных данных, который позволил выделить основные независимые признаки, определяющие кластеризацию изучаемой выборки. В качестве экспериментального материала использовалась задействованная при опросе анкета, состоящая из 24-х вопросов и вариантов ответов на них (n=61). В результате кластеризации были выявлены девять кластеров студентов, из них статистически значимыми по количеству студентов оказались лишь три: 1 кластер — 30 респондентов (49,2 %), 5 кластер — 10 респондентов (16,4 %), 8 кластер - 7 респондентов (11,5 %).

Анализ всех среднестатистических ответов для девяти выделенных классов позволил выявить вопросы анкеты, которые участвовали в кластеризации. Ими оказались три вопроса анкеты 5, 6 и 7 (Если Вы не готовите на кухне, укажите причины; К кому Вы обращаетесь при возникновении каких-либо проблем? Как быстро решаются Ваши проблемы при обращении в соответствующую структуру?).

Обобщенно результаты можно представить в следующем виде:

1. Студенты самого многочисленного кластера (30 респондентов - 49,2 %) не готовят на кухне, проблемы, связанные с проживанием, пытаются решать самостоятельно. Эта группа студентов терпимо относится к работе администрации общежития.

2. Студенты пятого кластера (10 респондентов - 16,4 %) также не готовят на кухне, но проблемы проживания в общежитии решают с помощью коменданта или охраны. Эта группа студентов также терпимо относится к работе администрации.

3. Студенты восьмого кластера (7 респондентов - 11,5 %) не готовят на кухне, проблемы решают с помощью друзей или старосты этажа. Они отрицательно относятся к работе администрации.

Как видим, обучающиеся из всех трех отмеченных кластеров (47 респондентов-77% выборки) не готовят на кухне. Образ нефункциональной кухни можно рассматривать как маркер низкого уровня жизни в стране, а так же субъективного признания респондентами константности такого положения. Отношение и взаимодействие с административными структурами вуза, как посредующим звеном между студентами и государством, демонстрируют специфицирующие различия кластеров.

Представители самого многочисленного кластера (49,2%) являются самыми конформистскими (соответствие ожиданиям властных структур): все проблемы решают самостоятельно, но при этом удовлетворены административными службами, которые оцениваются не по их конструктивной поддержке и помощи, но по их терпимости (невмешательство, отсутствие репрессивных действий) к проживающим. Эта ситуация вполне соответствует психологии индивидов в условиях авторитарных политических и административно-управленческих структур.

16,4% респондентов, пятый кластер, ожидают от администрации поддержки и получают ее. Уровень отчуждения у них самый низкий по выборке. О причинах судить сложно. Сотруднический стиль взаимодействия может объясняться разными причинами, которые не тематизированы вопросами анкеты: это может быть результатом индивидуально-психологических особенностей представителей данного кластера, индивидуальных обстоятельств их социальной адаптации или их близости по своему положению в студенческом самоуправлении к административным структурам, которые всегда ориентированы на компромисс с амбициозно настроенными субъектами.

И только 11,5% опрошенных, восьмой кластер, не выявили толерантности к управленческим службам. Они нуждаются в социальной поддержке, но ищут ее в сфере межличностных связей, негативно оценивая возможности официальных контактов. Уровень интолерантности у них самый высокий, а степень внутренней враждебности достаточно высока, и уже не сдерживаться, как у конформистски ориентированных индивидов предыдущих двух кластеров, психическими механизмами, тормозящими социально не одобряемые оценки существующих реалий.

НЕЧЕТКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

*Евсеев Евгений Александрович
(СПбГУ, факультет социологии)*

Использование методов нечеткого анализа, в особенности нечеткого качественного анализа (fsQCA), требует особенно внимательного отношения к структуре переменных: как объясняющих факторов, так и результативных признаков. Большинство теоретических моделей основаны на одноуровневой структуре факторов, в которой результаты эмпирических исследований (как количественных, так и качественных) представлены, обобщённо говоря, в виде уравнения, в котором с одной стороны результативный признак, а с другой — факторы.

Однако иерархическая двухуровневая структура, характерная для многих компаративистских теорий, имеет несомненные преимущества при анализе и верификации теоретических моделей. В такой структуре первый (базовый) уровень соответствует наиболее важным факторам, относящимся к содержательному ядру теоретической модели, её основным концепциям. Факторы второго уровня также оказывают влияние на результативный признак, но это влияние в основном косвенное, опосредованное факторами первого уровня. На каждом уровне факторы могут рассматриваться как совместно, так и по отдельности, как необходимые и/или достаточные условия [1].

Можно выделить три основных типа взаимосвязей между факторами в двухуровневой модели [2]. Первый тип — причинно-следственная взаимосвязь, согласно которой переменные второго уровня являются «причинами» факторов базового уровня. В этом случае можно говорить о непосредственном (факторы первого уровня) и опосредованном (факторы второго уровня) влиянии на результат. Такая структура позволяет использовать в объясняющей модели глубинные, латентные факторы.

Второй тип связи между уровнями факторов — онтологический. В этом случае факторы второго уровня являются составляющими частями, содержательными элементами факторов первого уровня и существует теоретическое объяснение этой взаимосвязи.

В третьем случае отношения можно охарактеризовать как взаимозаменяемые. В этом случае факторы второго уровня не являются ни причинами, ни составляющими факторов первого уровня, но могут заменить их в причинно-следственных соотношениях. Такая связь особенно полезна в тех случаях, когда мы пытаемся объяснить вариативность в наблюдаемых кейсах.

В каждом из указанных типов могут быть использованы различные соотношения и формализации необходимости и достаточности как отдельных факторов, так и их совокупностей. Но в любом случае указанная взаимосвязь между уровнями факторов существенно отличается от использования индикаторов, когда индикатор всегда является следствием (скрытого) фактора.

Нечёткий анализ, в частности fsQCA [1], является перспективным инструментом для тестирования положений теоретической модели, в этом случае двухуровневая структура теории оказывается особенно удобной. На основе этого подхода в [2] продемонстрирована работоспособность нечёткого анализа теоретических моделей на примерах теории социальных революций Т. Скочпол, модели управления стабильными местными коллективными ресурсами Э. Остром и теории либеральной демократии Б. Даунинга.

2. Goertz Gary, Mahoney James. *Two-Level Theories and Fuzzy-Set Analysis / Sociological methods & research, Vol. 33, No. 4, 2005, pp. 497-538.*

ПРЕПРОЦЕССИНГ ТЕКСТОВ ЗАГРУЖЕННЫХ ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ.

Крылов Сергей Викторович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Развитие цифровых технологий открыло перед социологами широкие возможности для использования безопасных методов сбора данных путём алгоритмического анализа текстов оставляемых ими в Интернете. Однако, как указывают в своей статье [1] Дудина В. И. и Юдина Д. И., несмотря на существенные преимущества и широкое практическое распространение подобных методов исследования, наблюдается нехватка теоретических и методологических работ, посвящённых этой теме. При этом для анализа не англоязычных текстов, проблемой также является дефицит программных продуктов. [1]

Одним из необходимых этапов алгоритмического анализа текстов является препроцессинг (подготовка «сырых» текстов к дальнейшему анализу). Задачи, возникающие на данном этапе, носят преимущественно технических характер, однако качество препроцессинга оказывает огромное влияние на эффективность последующего алгоритмического анализа текстов, и проблемы, возникшие на этом этапе, могут серьёзно отразиться на результатах исследования.

В данном докладе рассматриваются особенности применения некоторых программных решений, доступных при обработке текстов средствами языка R, на таких этапах препроцессинга текстов, как перевод букв в нижний регистр, очистка текста от посторонних символов, удаление стоп-слов, стемминг или лемматизация и преобразование коллекции текстов в корпус.

Обрабатываемые тексты были взяты из заполненных пользователями социальной сети «ВКонтакте» текстовых полей их личных страниц. Используемая база данных содержит информацию с открытых страниц 1000000 случайных пользователей.

В процессе обработки помимо встроенных функций языка R использовались функции из пакетов `tm` [2] и `stringr` [2], списки стоп-слов из различных источников, а также приложение с закрытым исходным кодом `MyStem 3.1` [4] от компании Яндекс. Применение этих программных средств к реальным текстам позволило выявить ряд проблем, связанных с искажённым написанием слов и наличие сочетаний символов, нарушающих работу некоторых алгоритмов. Продемонстрированы возможности использования регулярных выражений для решения некоторых возникающих проблем.

На данном примере рассмотрены возможности ряда существующих средств алгоритмической обработки русскоязычных текстов и выявлены сложности связанные с их несовершенством и дефицитом.

1. Дудина В. И., Юдина Д. И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63—78.
2. Документация пакета `tm` языка R [Электронный ресурс]// URL: <https://CRAN.R-project.org/package=tm> (дата обращения 09.10.2020).
3. Документация пакета `stringr` языка R [Электронный ресурс]// URL: <https://CRAN.R-project.org/package=stringr> (дата обращения 09.10.2020).
4. Документация приложения `MyStem` [Электронный ресурс]// URL: <https://yandex.ru/dev/mystem/> (дата обращения 09.10.2020).

ПРИМЕНЕНИЕ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МАКРОСТРУКТУР КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Нечаева Александра Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Ряд событий, произошедших в конце 2013 - начале 2014 года, значительно повлияли на исторический ход развития Украины как государства и на мировую геополитическую ситуацию в целом. Перемены, последовавшие за событиями Майдана, конфликта на Донбассе, Крымской весны, обозначили необходимость определения политических ориентаций, легитимизации новых структур власти и ре-актуализации национальной идентичности. Целью представленного исследования стал анализ структур коллективной памяти Украины, выстраиваемых и распространяемых с 2014 года.

В качестве теоретического основания исследования выступили разработанная в рамках мемори стадиз теория коллективной памяти, позволяющая понимать прошлое не как закреплённый факт, а как объект памяти, подвергающийся переосмыслению и транслирующийся вовне.

Рассмотрев методы исследования, применяемые в мемори стадиз, и оценив их потенциал, мы пришли к выводу об эффективности использования нарративного анализа для выявления структур коллективной памяти. Нам представлялось необходимым объединить ряд подходов к проведению нарративного анализа и предложить авторскую методику, базирующуюся на сочетании структурного подхода К. Бурка, Дж. Верча и Т. Тереховой и структурно-событийного анализа Д. Хайзе. Данная методика позволила наиболее глубоко проанализировать формируемые макроструктуры коллективной памяти Украины.

Х. Алкер заявляет, что использование нарративного анализа предоставляет глубинное понимание событий прошлого, представленных в виде нарративных форм, например, мифов, сказок, типических сюжетов и др. [4]. Согласно Дж. Брунеру, людям свойственно выстраивать собственный опыт и память о прошлом в формате нарратива - они организуют произошедшие события в истории, разрабатывают мифологические структуры, формируют оправдания действию или случаям бездействия [5].

Дж. Верч описывает различающиеся между собой концепты “конкретных нарративов” и “схематических шаблонов нарратива” [7]. К. Бурк предложил “пятиугольную” модель анализа нарративов, включающую следующие элементы: Агента, Действие, Обстановку, Цель, Применяемые средства [6].

Еще один подход был предложен Т. Тереховой, разработавшей модель “простого” нарратива: состояние - событие - состояние [1]. Д. Хайзе описал методику событийно-структурного анализа, которая позволяет произвести исследования временной и причинной последовательности элементов нарратива [2].

В рамках проведения исследования были проанализированы 162 текстовых материала (статьи, заметки, интервью) и 17 видео-материалов, опубликованные на порталах “ЛІКБЕЗ. Историчний фронт”, “Пам’ять Нації” и официальном сайте Украинского института национальной памяти. Благодаря осуществленному анализу были определены четыре главных схематических шаблона нарративов, соответствующих макроструктурам коллективной памяти Украины: “Украина как жертва”, “Украина как отдельное самобытное государство”, “Украина как героический боец”, “Украина как часть Европы”.

1. ТЕРЕХОВА, Т., 2015: *Нарративный анализ как понимающий метод. Гуманитарный вектор*, 1(41), сс. 143-152.
2. ЧЕРНОВСКАЯ, М., 2019: *Методики исследования структуры нарратива как отражения социокультурной реальности. Гарбар И. (ред.) Сборник материалов X международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура».* СПб., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, сс. 225-234.
3. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, Е., 1997: *Нарративный анализ в социологии. Социологический журнал*, 3, сс. 38-61.
4. ALKER, H., 1996: *Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols.* In: Alker H. (ed.) *Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies.* Cambridge, Cambridge University Press, pp. 303-332.
5. BRUNER, J., 1991: *The Narrative Construction of Reality. Critical Inquiry*, 18(1), pp. 2-21.
6. BURKE, K., 2018: *A Grammar of Motives.* SF, University of California Press.
7. WERTSCH, J., 2008: *Collective Memory and Narrative Templates. Social Research*, 75(1), pp. 133-156.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Полтинникова Мария Сергеевна
(Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН)

Каныгин Геннадий Викторович
(Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН)

Социологическое знание создается социологами, которые так или иначе вынуждены интерпретировать и обобщать знание разнообразных социальных акторов. В этом процессе социолог сталкивается с проблемой противоречивости мнений разных людей. Эта проблема существует как на уровне теоретических рассуждений, так и в процессе сбора и анализа контактных данных, получаемых от информантов. Основной трудностью при решении этой проблемы является прослеживание и анализ большой массы словесных утверждений, смысл которых предполагает некоторое неявное знание.

Практический неформальный способ выражения неявного знания его носителем сопряжен с применением естественного языка, с помощью которого осуществляется смысловая коммуникация между социальными акторами. Такая практика лишь отчасти воспроизводится с помощью современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Камнем преткновения оказывается трудность сопряжения в одной технологической процедуре, широко применяемых человеком практик естественно-языкового общения и инструментов оперирования информацией, на которых основаны современные ИКТ. Таким образом, социальный ученый как при создании общей теории, так и в ходе прикладного социологического исследования лишен возможности применять многие достижения современных ИКТ, например, модульность и полиморфизм.

Мы предлагаем при создании знания об обществе использовать контекстно-ориентированные онтологические методы, которые позволяют любому носителю знания, выражающего его посредством речи, проявлять укоренные в его опыте словесные коннотации в виде привычных словесных формулировок [1-3]. Суть методов в оригинальном механизме связывания отдельных словесных высказываний в единое целое.

Этот механизм позволяет каждому носителю естественного языка в процессе социальной коммуникации выражать совокупность постоянно меняющихся неявных коннотаций в виде наглядных графов. Узлами графов служат словесно выраженные самим человеком отдельные аспекты естественно-языкового знания, а ребра наглядно демонстрируют семантические связи между такими аспектами. В докладе разработанные нами методы и компьютерная программа *Diagogue* проиллюстрированы на примере концептуализации статьи Арнасона [4].

1. Каныгин Г.В., Полтинникова М.С. Контекстно-ориентированные онтологические методы в социологии // Труды СПИИРАН. 2016. №5(48). С. 107-124.

2. Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов / // Социологический журнал, 2017. Том. 23. № 3. С. 125-143.

3. Kanygin G., Poltinnikova M. *The Graph Context-Oriented Ontological Methods* // *Cloud of Science*. №2, 2019. P. 246-264.

4. Arnason J.P. *Civilizational Patterns and Civilizing Processes* // *International Sociology*, 2001; 16: 387-405.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ НОВЫХ ФЕНОМЕНОВ И ПРОЦЕССОВ

*Рафикова Ксения Фуатовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Вычислительная социальная наука определяется через разработку и применение вычислительных методов к сложным крупномасштабным поведенческим данным и явлениям, которые, в свою очередь, могут быть смоделированы [3]. Вычислительная социология является одной из областей вычислительной социальной науки, наравне с вычислительной экономикой, клиодинамикой и др. [4]. Вычислительная социология является полем, где объединяются социальные науки, статистика и информатика [6]. В отличие от количественной социологии, оперирующей переменными и наблюдениями, вычислительная социология опирается на данные о языке, местоположении, сетях, изображениях и видео [3].

Сегодня можно выделить ряд вопросов, требующий междисциплинарного подхода. Социальные науки здесь не исключение [2, р. 307; 6]. Социологи готовы занять центральную позицию в этом междисциплинарном разговоре, так как многие из наиболее актуальных проблем, изучаемых в этой сфере, по своей природе социологические. Это касается многих вопросов: от роли социальных сетей в распространении дезинформации до способов, с помощью которых алгоритмы создают или воспроизводят социальное неравенство [1, р. 75].

Нельзя отрицать существующую пользу, которую привнесло применение машинного обучения в науку в целом [6]. Тем не менее, применение технологий в рамках вычислительной социологии (машинное обучение, большие данные и др.) в рамках социальных наук отличается от применения в других областях знания. Для социальных наук важна прозрачность (алгоритм сегодня часто воспринимается как «черный ящик»), этичность моделей и прогнозов, анализ последствий [3; 6]. Также важно отметить, что в

университетской практике часто разрознена подготовка в области социальных исследований и вычислительных дисциплин. В сегодняшнем междисциплинарном диалоге необходима реорганизация университетов в сторону объединения программ подготовки в двух отраслях [3].

Вычислительная социология, наравне с другими вычислительными социальными науками, сегодня может решать реальные мировые проблемы. Это может касаться повышения национальной безопасности; роста экономического благосостояния; поощрения инклюзивности, разнообразия, равенства и доступа; укрепления демократии и т.д. Текущая ситуация пандемии показала применимость методов этой науки, ее потенциал [3].

1. *Edelmann A., et al. Computational Social Science and Sociology // Annual Review of Sociology. 2020. Vol. 46, № 4. P. 61-81;*
2. *Gerardo I., et al. Special Issue "Computational Social Science" // Information. 2019. Vol. 10, № 10. P. 307;*
3. *Lazer D. M. J., et al. Computational Social Science: Obstacles and Opportunities: Data Sharing, Research Ethics, and Incentives Must Improve // Science. 2020. Vol. 369, № 6507. P. 1060-1062;*
4. *Macy M. W.; Willer R. From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. P. 143–166;*
5. *Masso A., et al. "End of Theory" in the Era of Big Data: Methodological Practices and Challenges in Social Media Studies // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. 2020. Vol. 8, № 1. P. 33–61;*
6. *Wallach H. Computational Social Science = Computer Science + Social Data // Communications of the ACM. 2018. Vol. 61, № 3. P. 42-44.*

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО

*Сухова Екатерина Александровна
(ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики)*

На 2020 год нами было запланировано исследование социальной активности молодежи ЯНАО. После объявления пандемии коронавируса, ввиду невозможности личного взаимодействия исследователя и респондента мы остановились на проведении экспертного опроса с использованием гугл форм и онлайн интернет опроса целевой аудитории.

В опросе молодежи с поточным привлечением респондентов целевой аудиторией является население Ямало-Ненецкого АО в возрасте 14-35 лет. Анкета состоит из 30 вопросов: 25 закрытых и 5 открытых.

С 1 по 14 сентября собрано 1060 анкет. В указанный период было выполнено 738 тысяч показов для целевой аудитории, и сделано 5,2 тыс кликов (в среднем ежедневно 0,69% кликов от числа показов). Наиболее активна аудитория была в первые дни кампании (первые 5 дней 0,76% кликов от числа показов). С течением времени активность аудитории снижалась (последние 5 дней 0,6% кликов от числа показов). Из 1060 анкет 134 респондента были старше 35 лет и 42 не указали свой возраст. Таким образом лишь 884 анкеты удовлетворяли заданным условиям.

Продолжительность заполнения анкеты респондентами варьировала от двух минут до двух часов. Но в основном у респондентов на заполнение уходило от 5 до 10 минут времени – 50% респондентов, около 25 % респондентов на это потратили 11-14 минут, 11 % - 15-19 минут. Активность респондентов в течение суток была неравномерна, пики активности наблюдались в 9-10 часов и в 19-21 часов.

Опрос проводила фирма Riversampling. Было организовано привлечение респондентов среди всех пользователей сети интернет, используя баннеры, поппапы и офферы, производилось таргетирование под целевую аудиторию, и направление их на нашу анкету. Анкета размещена на сайте SurveyMonkey, позволяющем при составлении формы опроса использовать различные виды вопросов.

Для проведения опроса экспертов были отобраны добровольцы портала DOBRO.RU, которые зарегистрированы от Ямало-Ненецкого АО, без ограничения по возрасту. В данных добровольце, размещенных на портале, по желанию указываются адреса аккаунтов социальных сетей, в том числе ВКонтакте, на которые мы и рассылали приглашения к участию в опросе с указанием ссылки на форму анкеты. Из 250 найденных контактов лишь двумстам удалось отправить приглашение к участию в опросе, так как некоторые закрыли возможность принимать сообщения от незнакомцев. Некоторые добровольцы в ответ на приглашение отвечали отказом участвовать в этом и последующих опросах. Те респонденты, которые согласились участвовать в опросе, отвечали подробно и развернуто, некоторые предлагали свое сотрудничество в дальнейшем, кто-то предложил к участию своих коллег по общественной деятельности. В результате за две недели августа 2020 года 50 анкет было заполнено. Анкета состоит из 30 вопросов, из них 13 открытых. Форма анкеты размещена на ресурсе Гугл формы.

Для хранения и обработки данных применяются таблицы Excel, а также возможности анализа данных с помощью NumPy и Pandas, визуализация - библиотек Matplotlib и Seaborn языка Python.

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ЭПОХИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

*Флягин Александр Анатольевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Среди наиболее часто упоминаемых вызовов социальным наукам, которые возникают с развитием технологий и методов работы с большими данными, наиболее актуальными острыми остается потенциальная необходимость ревизии существовавших ранее теоретических построений (или как наиболее радикальный вариант – полный отказ от теоретизирования), а также опасения за суверенитет предметной области социологии под влиянием возможной интервенции других научных дисциплин, прежде всего компьютерных наук и науки о данных.

Концепции, обозначающие подходы к решению этих проблем и не просто «примиряющие» социальные науки с новой реальностью больших данных, а позволяющие использовать все преимущества последних для преодоления ранее неразрешимых проблем, начинают в последнее время появляться.

Это и концепция одного уровня (the one level standpoint) [Latour et al., 2012] социальной реальности Б. Латура, позволяющая благодаря новым возможностям использования цифровых данных преодолеть разрыв между позитивистскими и интерпретативными моделями социальной реальности и концептуализировать связи между

микро- и макроуровнем, между действием и структурой; и постдемография [Rogers, 2009] Р. Роджерса, предлагающая кластеризацию данных о социальных акторах, основываясь не на традиционных демографических характеристиках, а на проявлениях поведенческих особенностях, установок и предпочтений [подробнее Дудина, 2016].

Отдельно можно отметить подход, получивший в русскоязычной версии неустоявшееся пока название доказательной социальной науки (forensic social science), представляющий собой золотую середину между противопоставлявшимися ранее «theory-driven» и «data-driven» исследовательскими подходами, сочетающий в себе как индуктивность, так и ориентированность на теорию и позволяющий смягчить потенциальную колонизацию социальной науки бестеоретической научной программой (atheoretical scientific program) [McFarland et al., 2016].

Доказательная социальная наука это не столько теория как таковая, сколько парадигма использования теории для эмпирических исследований [Ignatow, 2020].

Данный подход предлагает отказаться от примата исследовательских практик, основанных на обработке данных, собранных исходя из необходимости проверки предварительно сформулированной на теоретической базе гипотезы. Сторонники подхода справедливо утверждают, что теоретически обоснованная проверка гипотез может привести к сужению социологического воображения, поскольку исследователь имеет возможность собирать данные только о тех категориях, которые в его представлении, имеют значение для конкретной области исследования. Конструируя опрос, исследователь обязательно навязывает своим испытуемым свое схематическое представление о мире. Подобная категориальная близорукость, представляется самой большой проблемой, преследующей традиционные исследования, основанные на опросах [Goldberg, 2015].

В этой связи, более перспективным является смещение аналитического фокуса от сбора и анализа «предкатегоризованных» данных, способных подтвердить или опровергнуть гипотезу, к поиску путей работы с уже имеющимися сырыми данными с целью их структурирования в значимые категории знаний, часть из которых исследователь не может представить только на основе теоретических рассуждений. Задачей исследователя в этом случае становится дать им осмысленную интерпретацию. Речь не идет о вульгарном представлении о том, что «данные могут говорить сами за себя», а скорее о возможности сделать неожиданные теоретические открытия, основываясь на результатах анализа данных с применением самых разнообразных методов, а также преломлении этих результатов через призму накопленных исследователем теоретических знаний. К данным необходимо подходить не свободным от теории, а с самой глубокой и широкой теоретической базой и развивать свой теоретический репертуар на протяжении всего исследовательского процесса [Timmermans and Tavory, 2012]. Выявленная особенность или аномалия в данных может вызвать появление новой теории, которая в свою очередь выверяется в дальнейшем с применением всего имеющегося арсенала средств.

Фактически речь идет об абдуктивном рассуждении, катализирующим новые теоретические прозрения через открытие ранее неизвестных эмпирических доказательств. Поскольку абдукция выходит за рамки упрощенной дихотомии между построением теории и эмпирическими исследованиями, многим она представляется перспективной для концептуальных инноваций в социальных науках.

Подход доказательной социальной науки имеет много общего с расследованием (недаром термин forensic отсылает нас к области судебной криминалистики, равно как и ряд метафор, используемых авторами публикаций по теме), когда неструктурированные цифровые следы (улики) одновременно являются отправной точкой для исследования и

источником доказательств для возникающих в процессе теорий (версий). Возможная итеративность данного процесса только усиливает сходство.

Все более динамично развивающаяся социальная реальность формирует запрос на подобные доказательные и исследовательские функции социологии в первую очередь на микро- и мезо- уровнях, и поэтому доказательный подход в сочетании с большими данными имеет, как представляется, большие перспективы для дальнейшего развития.

1. Goldberg A. *In defense of forensic social science* // *Big Data & Society*, No. 1-3, 2015.
2. Ignatow G. *Sociological Theory in the Digital Age*. London: Routledge, 2020.
3. Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S. *The whole is always smaller than its parts: a digital test of Gabriel Tarde's monads* // *The British journal of sociology*, No. 63 4, 2012.
4. McFarland D.A., Lewis K., Goldberg A. *Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science* // *The American Sociologist*, No. 47, 2016.
5. Rogers R. *Post-demographic Machines* / Ed. by Garden W. Amsterdam: Virtueel Platform, 2009.
6. Timmermans S., Tavory I. *Theory Construction in Qualitative Research From Grounded Theory to Abductive Analysis* // *Sociological Theory*, No. 30, 2012.
7. Дудина В.И. *Цифровые данные — потенциал развития социологического знания* // *Социологические исследования*, No. 9, 2016.

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРКОЛЯЦИОННО-КЛЕТОЧНОГО АВТОМАТА ДЛЯ ПРОГНОЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Шведовский Вячеслав Анатольевич

(МГУ им. М.В.Ломоносова, ф-т Высшая школа современных социальных наук)

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-01-00229. Автор благодарит студентов ВМиК МГУ С.Сухова и И.Панфёрову за проведённые расчёты

Концепция модели прогнозирования включает следующие детерминанты выбора электоратом: 1) оценка (не)доверия к власти, помноженная на (не)одобрение её деятельности, определяющаяся восприятием её верховной роли в системе управления, 2) эта оценка зависит от сочетания внутренних и внешних факторов; 3) первые - последствия социально-экономической ситуации, или (не)популярных, ошибочных социально-политических решений, отражаемых в индексах распространённости и укоренённости ценностей адептов «за» и «против» данного социального порядка; 4) внешние факторы - «гибридная война» и природные катастрофы; 5) концентрация в регионах сил, указанных выше.

Основная гипотеза исследования — динамика численности итогового электорального выбора коррелирует как с динамикой индикаторов общественного мнения, так и с показателем терпимости или реалистичной привлекательности данного социального порядка.

. Фундаментальной проблемой здесь является приемлемая точность прогноза, в котором обучающая последовательность опирается не на ряд предвыборных дней, как у Гэллага - с погрешностью менее 2-3%, а на предваряющие месяцы с погрешностью на порядок слабее.

Эта проблема, как и само прогнозирование, решались на перколяционно-клеточном автомате – ПКА по данным ВЦИОМ, ФОМ и т.п.

Знание энтропийной оценки сложности ПКА позволяет вычислить в предположении типа случайного процесса погрешность прогноза.

В формуле (1) для гауссовского стационарного процесса связаны σ^2 – дисперсия и h – энтропийная оценка (дифференциальная энтропия).

$$\sigma = 2^{h-1/2} / (\epsilon\pi)^{1/2} \quad (1)$$

На ПКА был получен удачный прогноз выборов Президента в 2018 г. [1].

На Рис.1 дано изображение рабочего поля ПКА (РП ПКА) в состоянии стационарного равновесия. Здесь уже учитывалось анаморфозное распределение населения в Томской и Новосибирской областях 2018 года.

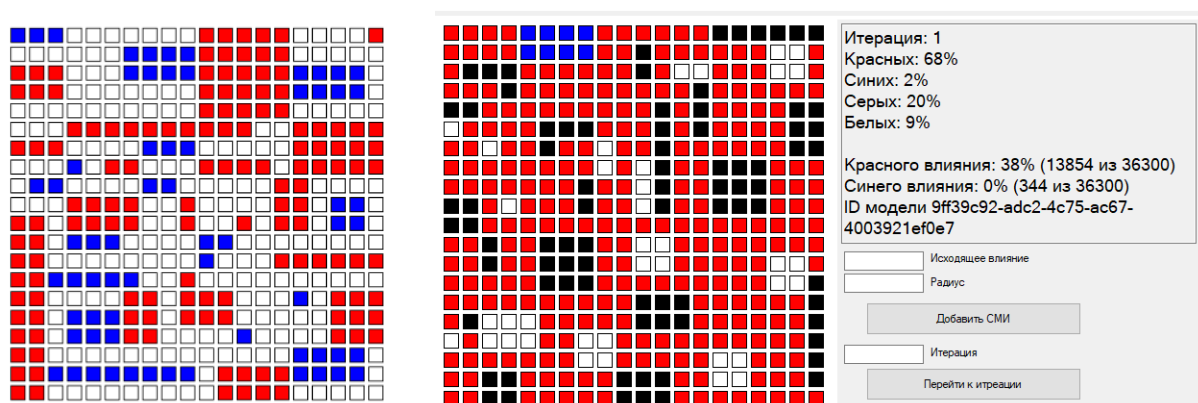

Рис.1. Позиция (слева: старт в Томской и справа: итог в Новосибирской областях) РП ПКА для региональных социумов с учётом анаморфозного преобразования размещения взрослого населения при уточнённой –слева- неявке (белые клетки) избирателей в 50%.

Выводы и заключение.

Прогноз определяют три фактора: анаморфозная структура социума, распространённость и укоренённость в нём ценностных ориентаций.

Наибольшую погрешность вносит анаморфозное преобразование.

Наименьшая погрешность у измерений индекса распространённости.

Адекватные прогнозы результатов выборов Президента в 2018 году как в целом по РФ, так и по ряду областей подтвердили продуктивность ПКА как инструмента прогнозирования.

1. Шведовский В.А. К прогнозу уровня «доверия институтам власти»...// Математическое моделирование и информатика социальных процессов: Сб. трудов, выпуск № 21 — М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2019

СЕКЦИЯ 3. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКОЙ ВОЛНЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ (НА ПРИМЕРЕ ФАНАТСКИХ СООБЩЕСТВ В ГЕРМАНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ)

*Алексеевко Мария Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002)

В настоящий момент Корейская волна или Халлю стала популярна далеко за пределами Южной Кореи. Изначально она развивалась как инструмент мягкой силы для усиления влияния на азиатском рынке, а затем стала распространяться по всему миру. За последнее десятилетие внутренние продажи индустрии увеличились с 67 трлн вон до 110 трлн вон, а в рамках экспорта культурного контента — с 2,6 млрд долларов до 6,7 млрд долларов [3]. Корейской популярная культура имеет следующие формы: сериалы или дорамы, к-поп как музыкальное направление, развлекательные тв-шоу, туристические и культурные программы, и многие другие формы, направленные на привлечение фанатов всего мира.

Культурные традиции играют значимую роль в формировании и укреплении гендерных стереотипов. Особенно если гендерно окрашенный контекст интенсивно включается в медиа пространство, это может стать моделью поведения и взглядов целого поколения. Индустрия развлечений дает зрителям (или фанатам) не только представление о гендере, но и создает и укрепляет гендерные стереотипы [2, 160-161]. Говоря о южнокорейском обществе, и здесь популярная культура служит основой для поддержания гендерного неравенства и патриархальных устоев [4, 191-192].

Также стоит обратить внимание на особенности гендера в Южной Корее, так как Корейская волна порождает новые гендерные практики. Например, идеальный образ южнокорейского исполнителя будет сочетать маскулинные жесты в танцах и феминные черты во внешнем образе — этот феномен также получил название цветочные мальчики.

Может ли корейская поп-культура повлиять на изменение гендерных стереотипов среди фанатов? Исследование, проведенное нами с октября 2018 г. по май 2019 г. раскрыло следующие аспекты [1]:

— Корейская поп-культура может рассматриваться как уникальный культурный феномен, который в определенной степени влияет на фанатов в теме гендерных стереотипов. Однако, вразрез с ожиданиями, уровень влияния на изменение гендерных установок среди корейских фанатов была не выше, чем среди немецких.

— Немецкие фанаты воспринимают особенности корейской гендерной репрезентации как одну из альтернативных форм маскулинности, но это не способно радикально поменять их взглядов на гендерные нормы.

— Наибольшее влияние испытывают фанаты активно вовлеченные в фанатскую деятельность. Однако, не была однозначно выявлена корреляция между вовлеченностью в

фанатское к-поп искусство (например, BL или boys love) и изменением гендерных стереотипов или более позитивным восприятием ЛГБТ-темы.

Результаты исследования могут быть применены следующим образом. Во-первых, данные могут стать основой для дальнейшего изучения влияния Корейской волны в европейских странах. Во-вторых, это исследование можно использовать в развивающихся последние годы фанатских исследованиях. Корейская популярная культура служит плодотворной почвой для изучения особенностей фан-сообществ различных культур, механизмов влияния на них через медиа, фанатского интернет творчества и форм неоплачиваемого труда среди активных фанатов.

n.1 Alekseenko M. Korean popular culture and gender stereotyping among the fans in South Korea and Germany. – MA thesis – 2019.

n.2 Goodall H. Media's influence on gender stereotypes //Media Asia. – 2012. – Т. 39. – №. 3. – С. 160-163.

n.3 Introduction: Greeting [Электронный ресурс] // КОССА: [сайт]. [2018]. URL: <https://www.kocsa.kr/en/main.do> (дата обращения: 23.05.2019)

n.4 Kim G. K-pop Female Idols as Cultural Genre of Patriarchal Neoliberalism: A Gendered Nature of Developmentalism and the Structure of Feeling/Experience in Contemporary Korea //Telos. – 2018. – Т. 184. – С. 185-207.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНСЕНСУС О КРИТЕРИЯХ И ОСНОВАНИЯХ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Андреенков Владимир Георгиевич

(Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ))

Андреенкова Анна Владимировна

(Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ))

Грант РФФИ 20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества»

Вопрос о справедливости социальных отношений является одним из ключевых для изучения устойчивости развития общества и государства, легитимности социальных и политических институтов, уровня конфликтности и солидарности в обществе [Римский, 2013]. Несмотря на высокий уровень общественного согласия в оценке текущей ситуации в стране как несправедливой во многих сферах повседневной жизни и социальных отношениях, значимости проблемы справедливости для большинства россиян [Урнов, 2012; Мареева, 2013], критерии и основания, на которых выносятся суждения о справедливости или несправедливости, далеко не консолидированы [Андреенкова, 2018]. Достижение более высокого уровня согласия о критериях справедливости возможно лишь в ходе общественных дискуссий, рассмотрении разных аргументов и позиций, их постепенное согласование [Kohlberg, 1985; Шипунова, 2005]. Технологические достижения последних лет, цифровизация информационной среды и социальных связей открывает новые возможности для организации таких общественных дискуссий.

В рамках исследования «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» были проанализированы разные каналы организации общественных дискуссий по проблемам справедливости: телевизионные программы (ток-

шоу), комментарии и обмен мнениями в поисковых новостных системах, обсуждения на специализированных форумах и в социальных сетях. Анализ дискуссий о справедливости в этих каналах показал, что интенсивность обмена мнениями, многообразие представленных позиций и аргументов, уровень и качество аргументации существенно отличается между каналами и зависит от обсуждаемой темы. Темы, связанные со справедливостью, были классифицированы на три группы. Случаи справедливости в межличностных отношениях (микро-уровень) обсуждаются как в узких социальных группах, форумах и социальных сетях, так и на национальном уровне на телевидении, при этом основные критерии справедливости основаны на морально-ценностных представлениях или юридических нормах. Справедливость во взаимоотношениях личности и группы, в том числе в трудовых и профессиональных (мезо-уровень) обсуждается чаще всего в узких группах в социальных сетях или на специальных форумах, при этом критерии справедливости основаны на аргументах рациональности, утилитарности, заслуг или законности. Справедливость в отношениях человек-государство, социальная группа-государство или страна-страна (макро-уровень) является наиболее часто обсуждаемой, наиболее разнообразна по содержанию, рассматривается во всех каналах. В качестве критериев справедливости используются нормы законности, но также общие морально-ценностные представления, а используемые аргументы включают как рациональные, так и остроэмоциональные.

Цифровые технологии открыли новые возможности для интенсификации и расширения общественных дискуссий о справедливости через конкретные примеры и случаи. Насколько велики при этом возможности придти к консенсусу или общественно-приемлемому решению проблем пока остается не ясным. Однако, сама возможность выплеснуть эмоции, высказать свое мнение, а также услышать других и увидеть многомерность и неоднозначность каждой проблемы и позиции с большой вероятностью приведут к снижению конфликтности и недовольства в отношении вопросов о справедливости, и будут способствовать росту социальной солидарности и стабильности в обществе.

[1] Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках. // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 27-36.

[2] Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5. С. 71-88.

[3] Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // *Общественные науки и современность*. 2013. №5. С. 16-26.

[4] Андреевкова А.В. (2018). Представления о справедливости и экономическое неравенство в сравнительном межстрановом контексте // *Общественные науки и современность*, Наука, Москва, 5, с. 18 – 30.

[5] Kohlberg L. *Resolving moral conflicts within the just community/ Moral dilemmas*, ed. by C. Harding. Chicago, IL: Precedent Publishing. 1985. P. 71–98.

[6] Шипунова Т.В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки / *Проблемы теоретической социологии*. Вып.5: Межвуз. сб. – СПб.: Астерион, 2005.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аносов Юрий Александрович
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(СПбГМТУ))

Беда Владимир Вадимович

С приходом пандемии COVID-19 жизнь всего мира претерпела значительные изменения, которые коснулись большинства сфер отношений между людьми. Это, например, относится к производственным отношениям, которые во время карантина в большинстве стран мира сильно сбавили обороты производства или изменили принцип своей работы, тем самым лишив огромное количество людей работы, а это уже повлияло на общество и бытовые отношения между людьми.

Естественно, что все сферы государства также были затронуты пандемией. Это не значит, что пандемия коронавируса оказывает лишь негативное влияние на развитие чего-либо. На примере развития гражданского общества в России можно посмотреть. Что изменяется путь развития этого общества, то есть некоторые этапы могут быть пропущены или же заменены новыми элементами.

Важными условиями существования гражданского общества является превращение человека в индивида, который имеет права для своей защиты и может заняться самоорганизацией для высказывания своего мнения, наличие частной собственности и развитый средний класс. До пандемии гражданское общество было слабо развито, так многие требования не соблюдались (например, наличие гражданского самосознания), а так же государство не способствует возникновению этого общества. С пандемией многие эти аспекты перешли в интернет.

Развитие гражданского общества по большей части происходит в интернете. Люди объединяются в различные сообщества, которые не ограничены территориально, и обсуждают различные проблемы, которые есть в государстве. Интернет позволяет большому числу людей со всей территории России видеть, что происходит в других регионах страны и принимать участие через в развитии страны или решении каких-то проблем через массовую огласку. Тем самым, соблюдается несколько важных этапов развития гражданского общества – появление информационного самоуправления и формирование общественного времени, а так же превращение человека в индивида, который способен анализировать источники информации, отличающиеся от государственных СМИ.

Тем не менее, до полноценного гражданского общества в России еще далеко. Так как не все факторы, которые необходимы для гражданского общества можно перенести в цифровую сферу. В России очень тонкая прослойка среднего класса (4,1% согласно отчету «Global Wealth Report 2015») [1]. Отсутствие демократии в социальной сфере и слабая правовая защищенность граждан (незнание своих прав и основных законов), неполное обеспечение прав и свобод человека (например, право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации (ст. 31 Конституции России [2])). В качестве заключения можно сказать, что в нынешних условиях российское гражданское общество неразвито.

1. *Global Wealth Databook. Credit Suisse. 2015.*

2. *Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид.лит., 2020.*

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

*Баженов Анатолий Матвеевич
(Тульский государственный университет)*

Гражданское общество представляет собой одну из ключевых категорий в социологии. В связи с расширением демократических процессов в России проблема формирования гражданского общества приобретает особую актуальность.

В этой связи возникает вопрос: что такое гражданское общество, какое место оно занимает в жизнедеятельности людей. В Социологическом энциклопедическом словаре дается определение гражданскому обществу: «Общество, характеризующееся сферой спонтанного самопроявления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности граждан со стороны органов государственной власти» [3, 212].

В современной России процесс становления гражданского общества идет с большими трудностями. При всех сложностях в ее политической жизни наши соотечественники отмечают положительные моменты демократического устройства общества. Особенно это свойственно тем гражданам, которые имеют доступ к интернету. В России количество интернет-пользователей, по данным Digital 2020, составило 118 миллионов. Это значит, что интернетом пользуются 81% россиян. При этом численность аудитории социальных сетей в России на начало 2020 года составила 70 миллионов пользователей, то есть 48% от всего населения страны. Цифра за год не изменилась [1].

Иначе говоря, интернет закрепил за собой образ эффективного проводника коммуникации для широких слоев населения. Как отмечают эксперты, в 2010 году состоялась малозаметная технологическая революция.

С этого периода обращения граждан к услугам интернета через мобильные телефоны увеличились во много раз по сравнению с выходами через стационарные компьютеры. Так или иначе, мобильный телефон превратился в оперативное средство связи с интернетом.

Но в России существует проблема взаимоотношений интернета и власти.

С 1 января 2018 года в России вступил в силу Федеральный закон 241-ФЗ о деанонимизации мессенджеров [2]. Правозащитники настаивают на том, что в настоящее время нужно проявлять разумный подход в решении этой проблемы. Они считают, что законы должны быть нацелены на позитивное применение при осуществлении прав граждан в интернете, но не направлены на запрещение доступа к сети.

В течение последних двадцати лет развитие технологий сильно превышало то, что человек мог освоить. Следует взять во внимание и то, что никто специально не готовил людей к новой информационной среде.

Тем не менее, технический прогресс побуждает людей относиться к возникающим проблемам со всей ответственностью. Э. Шмидт и Дж. Коэн отмечают: «В открытом демократическом обществе, где естественное человеческое желание делиться информацией поощряется свободой выражения своего мнения и ответственным правительством, люди будут все в большей степени становиться друг для друга и судьями, и присяжными» [4].

Таким образом, развитие гражданского общества в современной России непосредственно связано с информационной средой.

1. *Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России.* [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d5d45710ce57b00aeb7070c/vsia-statistika-interneta-na-2020-god--cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii-5e8a4d2b9858d7030b845ee4> (дата обращения 15.07.2020).
2. *Госдума РФ приняла закон о деанонимизации пользователей мес-сенджеров.* [Электронный ресурс]. URL: <https://vologda-poisk.ru/news/zakon/gosduma-rf-prinyala-zakon-o-deanonimizatsii-polzovateley-messendzherov> (дата обращения 15.07.2020).
3. *Социологический энциклопедический словарь. На русском, ан-глийском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1993.*
4. *Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.* [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/novyy-cifrovoy-mir.html> (дата обращения 15.07.2020).

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ИТ СФЕРЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Баннова Олеся Сергеевна
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Изучение современных социальных процессов включает в себя анализ факторов, которые оказывают влияние как на трансформацию общества, так и на развитие новых форм социальных отношений. На сегодняшний день сфера ИТ индустрии рассматривается как социальный феномен и влияет на существенные изменения в социальном обществе. Значимость представляют не только информационные технологии, но и сами специалисты, которые формируются в определенную социальную группу, наделенную особыми характеристиками и ценностями. Таким образом, встает необходимость в исследовании взаимоотношений между ИТ специалистами и другими группами общества. В имеющихся научных источниках особенности формирования социальных ценностей среди специалистов ИТ индустрии не получили достаточного объяснения.

В процессе формирования профессионального конструктора личности ИТ программиста необходимо обратить внимание на влияние культурных, экономических и социальных факторов. Находясь в условиях интенсивной трудовой деятельности, специалисты ИТ индустрии имеют ряд ценностей, которые сформировались непосредственно в зависимости от специфики индустрии.

Существуют исследования, посвященные зависимости поведения человека от окружающей среды. Выделяется связь между мотивационно-смысловой сферой и миром физических объектов, вследствие чего определяется устойчивость личности в мире социальном. [2]

В процессе анализа личностных качеств, отличающих современных ИТ специалистов, можно выделить смелость и свободу их «образа мира» и «образа будущего». [4] Согласно Российским данным, многие ИТ специалисты создают свой «собственный мир» в контексте компьютерной среды. Кроме того, у них вызывают неприятие разного рода барьеры и запреты, которые существуют в реальном мире.

Отмечается стремление ИТ специалистов преодолевать объективные ограничения при помощи виртуальной реальности, что вполне соответствует специфике их работы. При

анализе личностных качеств и особенностей ИТ специалистов, отмечается, что для данной социальной группы характерны такие ценности как самодостаточность, упорство, дистанцированность, интроверсия, фокусировка на собственных интеллектуальных переживаниях, погружение «в себя». [1] Проблема заключается в том, что одни и те же качества делают ИТ специалиста ценным для организации и вместе с тем весьма «сложным» для окружающих людей, коллег, друзей и семьи. Это вполне объяснимо тем, что работа с ЭВМ является своеобразным «заменителем социальных взаимодействий».

Особенности профессии отражаются в психологических способностях ИТ специалиста, таких как: гиперконцентрация, погруженность во внутренние образы и конструкции, слабый уровень социального взаимодействия и его разнообразия в повседневной работе, обостренное восприятие причинно-следственных связей, привыкание к формализованной постановке задач.

Для последующих измерений и изучений ценностей ИТ специалистов, во внимание была принята работа Б.Шнейдермана. [3] Автор предлагает при анализе учитывать особенности личностных характеристик:

- настойчивый- пассивный;
- интроверт – экстраверт;
- высокая или низкая возбудимость;
- высокая или низкая мотивация;
- высокая или низкая терпимость к неопределенности;
- скромность, точность, стрессоустойчивость.

Тенденции изменения ценностных ориентаций специалистов напрямую зависят от особенностей мировоззрения, а так же от конкретных социальных, демографических, культурных и экономических факторов. Рассмотрение этих тенденций позволит глубже изучить особенности ценностей ИТ специалистов.

1. Артемьев А.И. Социология личности/ М.,2015. -267с
2. Левин К. Теория поля в социальных науках/ Академический проект, 2019. – 313с.
3. Шнейдерман Б. Психология программирования/ М., 2018. - 304 с.
4. Психологические последствия информатизации /Электронный ресурс/ Режим доступа: http://cyberpsy.ru/articles/babaeva_vojskunskij_posle..

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАССИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

*Басимов Михаил Михайлович
(Российский государственный социальный университет)*

*Корниенко Василий Иванович
(Курганский государственный университет)*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов были решены, наряду с другими, задачи множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.].

В одной из задач исследовались политические предпочтения молодежи (формирование групп по результатам ответов на вопросы с номинальными ответами) и их

личностные особенности по шести методикам: методика ММПИ, 16-факторный личностный опросник Кеттелла, методика DSM Дж. Олдхема и Л. Морриса, методика Т. Лири "Опросник диагностики межличностных отношений", 5-факторный личностный опросник Р. МакКрея, П. Коста, методика Смишека.

В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по шести номинальным группам респондентов, сформированным по причинам их неучастия в выборах. Эти группы определили результаты ответов на следующий вопрос социологической анкеты: «Назовите, пожалуйста, основную причину, по которой Вы не участвовали в выборах?»

G11-01. Уверен(а), что мой голос ничего не решит.

G11-02. Не вижу достойных кандидатур.

G11-03. Выборы ни на что не влияют.

G11-04. Не поддерживаю саму идею проведения выборов.

G11-05. Не верю, что выборы пройдут честно.

G11-06. Ваш вариант.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Рассматривая экстремальности (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) шести групп, можно разделить их на три подмножества. Первое подмножество (G11-04, G11-02) – группы высокой экстремальности. Второе подмножество (G11-03, G11-05, G11-06) – группы средней экстремальности. Оставшаяся группа (G11-01), в которой не выявлено отдельных ярко выраженных качеств и наблюдается достаточно усредненная в рамках совокупности 89 групп психологическая картина.

Для примера рассмотрим отдельные результаты для группы респондентов G11-02, которые не принимали участия в выборах по основной причине, что не видят достойных кандидатур (12 респондентов), которая среди 89 групп оказалась на седьмом месте по совокупной экстремальности личностных качеств.

В рамках шкал ММПИ респонденты характеризуются, прежде всего, ярко выраженной депрессией (сравнительная весомость равна +6394), в меньшей степени истерией (сравнительная весомость равна +3483) и психастенией (сравнительная весомость равна +2033).

В рамках опросника DSM со знаком минус, т.е. что абсолютно несвойственно представителям рассматриваемой группы, можно отметить добросовестный тип с вероятным для этого типа расстройством «навязчиво-принудительный» (сравнительная весомость равна -3328).

По результатам представленной информации можно говорить, что причины, по которым респонденты не участвовали в выборах во многом определяются их психологическим своеобразием. Все это отразилось в рассмотрении как отдельной интерпретационной задачи проблемы психологического компонента политической пассивности молодежи и, прежде всего их неучастия в выборах, что подтвердили более половины из опрошенных респондентов.

1. Басимов М.М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.*
<http://dspace.ksu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>

2. М.М. Basimov *Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.*

3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph.* – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
4. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 684.
5. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 906.
6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov.* – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.
7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017.* – P. 7–28.
http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ РИСКОВ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ВОЗНИКШИХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ

*Белкина Татьяна Дмитриевна
(ИНП РАН)*

Города, в системе территориальных единиц разного уровня, являются наиболее стабильными социально-экономическими образованиями с многолетней, а иногда многовековой историей. Сегодня в городах России сосредоточено порядка $\frac{3}{4}$ населения и большая часть экономического потенциала, что определяет их значимость в социальной и экономической жизни государства. Только на долю городов - центров субъектов Федерации приходится почти 30% всех занятых в экономике, 33% основных фондов организаций, ежегодно в них осуществляется более 40 % строительных работ. Все это позволяет определять города как «каркас» территории России.

Именно население городов в первую очередь испытало на себе воздействие вируса в силу, прежде всего, высокой концентрации населения, а во-вторых, близости к переносчикам вируса из других стран. Процесс развития пандемии подорвал выполнение важнейших функций городов – удовлетворение потребностей людей, создание для них оптимальных условий для физической и духовной жизни. В этих условиях финансовая поддержка городов со стороны регионов и центральной власти будет по мере выхода из пандемии крайне необходима тем более, что в последние годы решение социальных проблем городов, формирование качества жизни и человеческого капитала во многом определялось направленностью на эти цели бюджетной политики и масштабом реализации разработанных в ее рамках мероприятий, о чем свидетельствуют сведения Минфина РФ и Казначейства РФ. Именно поэтому в перечнях предприятий, нуждающихся в поддержке, разработанных правительством преобладают предприятия сферы услуг, а также промышленные предприятия, производящие в основном предметы потребления. Такую же

структуры мы наблюдаем и в перечне отраслей и предприятий, деятельность которых должна быть поддержана в соответствии с Приложением 1.ТЗ

Таблица 1. Распределение средств бюджетов разных уровней по основным направлениям социально-культурной сферы и жилищно-коммунального хозяйства, в %

Наименование показателя		Расходы федерального бюджета	Расходы бюджетов субъектов Российской Федерации	Расходы бюджетов городских округов
Всего	100	59,4	33,2	7,4
Жилищно-коммунальное хозяйство				
	100	11,4	64,8	23,8
Охрана окружающей среды	100	49,8	45,9	4,3
Образование	100	22,3	51,6	26,0
Культура и кинематография	100	31,7	50,6	17,7
Здравоохранение	100	28,3	69,7	2,0
Социальная политика	100	72,9	24,3	2,8

В методических построениях ранжирования отраслей городской экономики по величине рисков мы предлагаем пользоваться следующими терминами.

Риск – возможное событие способное оказать влияние на деятельность организации, иметь отрицательные или положительные (реже) для нее последствия.

Оценка рисков – процесс определения вероятности возникновения события, связанного с риском и его величины с применением количественных и качественных методов оценки. Оценку рисков можно рассматривать как один из элементов процесса анализа рисков.

Анализ рисков – процесс выявления и оценки значимости факторов риска, а также оценка вероятности возникновения того или иного рискового события и определение его последствий для организации.

Качественные методы предназначены скорее для анализа рисков – их целью является идентификация факторов и областей рисков, а также определение и описание различных факторов, которые оказывают влияние на уровень того или иного вида риска. Качественные методы анализа рисков используют в основном описательный подход, который должен результативаться в базу для проведения количественных исследований риска.

Количественный анализ рисков нацелен на определение численных характеристик размеров риска каждого вида и организации в целом. С помощью количественных методов организация производит стоимостную оценку возможных последствий реализации рисковых ситуаций.

В процессе оценки рисков можно выделить типичные для всех организаций этапы: определение источников риска – процессов, при выполнении которых возникает риск, а также его причин;

составление перечня всех возможных в текущей ситуации рисков;

оценка уровня выявленных рисков по отдельности и в целом для организации (или проекта), определяющая целесообразность тех или иных рисковых действий.

В настоящих условиях актуальность темы развития мирового кризиса, из-за эпидемиологической обстановки, не вызывает сомнений. Наиболее серьезно в настоящее

время страдают такие отрасли экономики которые непосредственно воздействуют на процесс жизнедеятельности человека, формируя качество жизни. Именно человек оказался под прямым воздействием вируса, который поменял образ его жизни, непосредственно связанный с деятельностью учреждений, оказывающих услуги и производящих предметы потребления, а также связанных с ними производств. В своем большинстве, данные отрасли представлены субъектами малого и среднего предпринимательства, что отрицательно влияет на финансовую устойчивость и платежеспособность таких предприятий. Так произошло, что в условиях сложной эпидемиологической обстановки, страны экспортеры нефти (ОПЕК), а также Россия, не смогли договориться об ограничениях на добычу нефти, что привело, итак в условиях снижения на нее спроса, к снижению ее цены. Вслед за этим произошло снижение курса рубля по отношению к иностранным валютам. Таким образом, первоначальным эффектом, спровоцированным, в том числе и начавшейся несколько месяцев назад эпидемии, стало снижение спроса, а как следствие, снижение цен на нефть, приведшее к росту иностранных валют.

Попробуем изложить в самом общем виде схему определения возникающих рисков, их оценки и управления рисками. Эта схема основана на изучении оценки рисков, возникающих на предприятиях базовых отраслей промышленности при нарушениях технологических процессов и правил охраны труда, авариях, пожарах и т.д. Для наших целей большая часть позиций существенно трансформирована. В дальнейшем требуется детальное объяснение всех позиций. Оптимальным была бы подготовка развернутого методического материала.

1 этап. Анализ риска

Создание рабочей группы по оценке риска

Формирование базы данных для оценки риска

Определение источников рисков

Определение последствий реализации риска

Разработка мер по снижению риска

2 этап. Оценка риска

Приемлемость риска.

Возможность снижения риска

Компенсационные меры.

3 этап. Реализация компенсирующих мер (в том числе финансовых)

Одним из первых шагов по оценке влияния пандемии на работу предприятий является определение перечня возможных рисков. Предлагается ранжирование отраслей городской экономики по величине следующих рисков:

- снижения спроса;
- кредитных рисков (риски невыплаты кредитных обязательств);
- рисков ликвидности (риски кассовых разрывов);
- риска роста доли компаний, работающих с использованием неформальных методов (занижение выручки и т.п.), в том числе неформальной занятости;
- риска сокращения штата;
- риска монополизации.

Учитывая особенности деятельности предприятий и соответственно различия в возможности и реализации данных рисков, рабочим группам предлагается разработать специальные оценки нарастающей вероятности рассматриваемых рисков. (Таблица 2)

Таблица 2. Возможности реализации риска

Оценка реализации риска по возрастанию		Признаки реализации риска
1.	Крайне низкая	Практически исключена
		Только при особых условиях
		Нужно стечение обстоятельств
2	Низкая	Возможно, но реализация вызывает сомнения
		Только при особых условиях
		Нужно стечение обстоятельств
3	Возможна	Иногда может произойти
		Может повлиять субъективный (человеческий) фактор
		Может повлиять качество управления
4.	По-видимому, реализуется	Высокая степень реализации
		Типичный случай
		Часто наблюдаем
5.	Вероятно, реализуется	Обязательно реализуется
		Практика подтверждает
		Регулярно наблюдается

Экспертная группа, оценив реализацию риска, например, как «крайне низкую» или «возможную», оценивает ее соответственно «1» или «3».

По каждому из исследуемых рисков, в каждой из групп наступления нежелательного события предлагается оценить характер и степень влияния его реализации, выбрав наиболее подходящую группу. (Таблица 3)

Таблица 3. Степень влияния события при реализации риска

Степень влияния события при реализации риска		Влияние на людей	Экономические последствия для предприятия
1.	Допустимая	Перевод на другую должность Сохранение уровня заработной платы	Восполнимый в последующие месяцы объем производства продукции и услуг
2.	Небольшая	Перевод на другую должность (совмещение должностей). Сохранение уровня заработной платы	Некоторое сокращение объемов производства (до 10%)
3.	Существенная	Сокращение штата (на 30%)	Сокращение объемов

			производства (на 40%)
4.	Крупная	Сокращение штата (на 50%)	Сокращение объемов производства (на 60-70%)
5.	Недопустимая	Закрытие предприятия	

Чтобы определить потенциальную степень влияния события при реализации риска экспертная группа должна рассмотреть следующие основные вопросы, пропуская позиции, по которым они не применяются:

случалось ли подобное в прошлом,
как снизить потенциальную степень влияния события,
мероприятия по снижению риска и т.д.

С учетом выводов, сделанных экспертной группой, необходимо определить степень влияния события, которую можно обозначить числом от 1 до 5.

При перемножении возможности реализации риска (от 1 до 5) и степени влияния события при реализации риска (от 1 до 5) получается оценка уровня риска, которая соответственно имеет значение от 1 до 25. На основе проведенных исследований и расчетов формируется паспорт оценки и управления рисками. (см. таблицу 5)

Таблица 4. Оценка риска

			Возможность реализации риска				
			1	2	3	4	5
			Крайне низкая	Низкая	Возможна	Вероятно, реализуется	Реализуется
Степень влияния события при реализации риска	1	Допустимая	1	2	3	4	5
	2	Небольшая	2	4	6	8	10
	3	Существенная	3	6	9	12	15
	4	Крупная	4	8	12	16	20
	5	Недопустимая	5	10	15	20	25

Таблица 5. Предварительный макет паспорта оценки и управления рисками

Риск	Причина возникновения риска	Характеристика риска	Возможные последствия реализации риска	Оценка риска			Меры по снижению риска
				Возможность реализации	Степень влияния	Риск	

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО PR В РАБОТЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Будникова Наталья Сергеевна
 (ФГБОУ ВО "Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова", факультет агробизнеса и межкультурных коммуникаций, кафедра связей с общественностью, социологии и политологии)

Сегодня в условиях стремительного развития цифровых технологий и новых вызовов возрастает роль такого инструмента достижения взаимопонимания и согласия между государством и различными субъектами гражданского общества как связи с общественностью (PR) и его нового направления – E-PR органов исполнительной власти.

Под E-PR понимается использование Интернет-технологий в PR-деятельности органов исполнительной власти. Интернет значительно упрощает и ускоряет процесс обратной связи: граждане могут обратиться в интересующее их ведомство с помощью электронной почты или непосредственно через Интернет-представительство органа исполнительной власти [1, 30]. Это приобретает особую актуальность в условиях нестабильной эпидемиологической ситуации, сформировавшейся по всему миру и, в частности, в России.

Электронный PR состоит из трех основных частей:

1. Web-PR, который включает:
 - интерактивные сайты;
 - веб-конференции;
 - веб-презентации.
2. Net-PR, включающий:
 - электронную рассылку пресс-релизов (такой пресс-релиз может быть не только текстовым документом, но и аудио- и видеофайлом, рисунком, посланным по электронной почте как вложение);
 - различные чаты, форумы;
 - виртуальные организации в Интернете.
3. Online-PR, к которому относится:
 - возможность онлайн-доступа к офлайновой (не связанной с Интернетом) информации (например, статьи из газет на сайте);
 - онлайн-информирование с помощью сетевых информационных ресурсов;

- электронная интерактивная база данных, доступная через Сеть. Online-PR позволяет специалистам гарантированно доставлять свою информацию целевой аудитории [2, 173].

Самое значительное различие между онлайн- и офлайн-PR заключается в том, что в реальном мире PR зависит от посредника или проводника, в роли которого, как правило, выступает журналист. В Интернете же можно общаться со своей аудиторией напрямую с помощью веб-сайта, электронной почты и дискуссионных групп по интересам [3, 116].

На сегодняшний день все органы исполнительной власти России имеют свой официальный сайт. Сейчас органы исполнительной власти начинают обращать внимания на столь мощный коммуникационный канал по работе с общественным мнением в сети Интернет как социальные сети.

Заполнение налоговых деклараций, оплата коммунальных услуг, сдача экзаменов, получение разнообразных справок, участие в конкурсах на замещение государственных должностей, получение правительственных грантов и субсидий, видеоконференции с государственными служащими – вот лишь некоторые процессы, которые уже сейчас проходят виртуальным образом.

Интернет как новая информационная среда предполагает специфические средства деятельности в ней, а вследствие этого в Интернете связи с общественностью приобретают новый смысл и новое содержание, а главное — новые PR-технологии. Применение новых технологий требует знания их особенностей, поэтому изучение Интернет-PR органов исполнительной власти приобретает в настоящее время особое значение и актуальность.

1. Дегтева Л.В. Особенности использования электронного PR в государственном и местном управлении / Вестник МГСГИ. - № 4. - 2010. С. 23-36
2. Золотухина Н.Н. Проблемные аспекты интернет-маркетинга и PR на современном рынке интернет-услуг // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 13. – С.171–180
3. Филиппова Т.В. Интернет как инструмент социологического исследования // СоцИс. — 2001. — № 9. — С. 115–122.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ

Васильева Елена Игоревна
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*)

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31551.

В настоящее время наблюдается рост глобальных массовых протестов, которые исторически беспрецедентны по частоте, размаху и размеру. С 2009 г. количество антиправительственных протестов увеличивалось во всем мире ежегодно в среднем на 11,5 %. Только в 2019 г. массовые антиправительственные демонстрации и протесты проходили в 114 странах, что на 31 % больше, чем всего десять лет назад [1]. В результате протестов были смещены ряд правительств, в том числе в Алжире, Ливане, Ираке, Боливии и др., а

во многих странах были развернуты вооруженные силы и специализированные полицейские подразделения для сдерживания протестующих (например, в Гонконге, Чили, Иране).

Примечательно, что страны с развитой экономикой также характеризуются ростом протестной активности. Согласно статистическим данным, гражданские антиправительственные протесты в Европе и Северной Америке росли быстрее, чем в среднем по миру. С инаугурации президента Д. Трампа почти 11,5 млн американцев приняли участие в 16000 протестах во всех штатах, включая пять крупнейших демонстраций в истории США. В 2020 г. рост протестной активности продолжился, стал приобретать все более организованные формы и охватывать все большее количество населения различных стран.

Одной из причин развития протестного движения стал рост проникновения интернета. По состоянию на 2019 г. к Интернету подключено 4 млрд человек – более половины планеты, что более чем в два раза выше показателя 2009 г. Интернет позволяет проводить обсуждения, искать единомышленников, лидеров, спонсоров и, в конечном итоге, обеспечивать массовую мобилизацию участников протестных акций. Более того, Интернет способствует более быстрой передаче информации, а вместе с ней и дезинформации, которая подталкивает участников протестных движений к активизации. Один только Facebook насчитывает 2,4 млрд активных пользователей [2].

Социальные сети также становятся основным источником информации для людей. По данным социологической компании KONDA, социальные сети служат основным источником новостей для 69 % протестующих [3]. Интернет и социальные сети не только распространяют информацию среди более широкого круга людей, но и создают сети, в которых люди могут обсуждать и мгновенно распространять мотивирующую информацию, часто с некоторой степенью предполагаемой или реальной анонимности. В этой связи большое значение стал приобретать Telegram и его функция каналов. В России 10 % рост проникновения социальной сети ВКонтакте увеличил вероятность протеста на 4,6 %, а количество протестующих – на 19 % [4].

Глобальная революция в области ИКТ облегчила протестующим возможность систематизировать и распространять информацию. Такие технологии как VPN позволили протестующим обойти государственный контроль над цифровой инфраструктурой, что в свою очередь стимулирует правительства разрабатывать новые механизмы противодействия. Таким образом, в настоящее время ИКТ активно используются обеими сторонами, как для развития протестного движения, так и противодействия ему.

1. *The Age of Mass Protests. Understanding an Escalating Global Trend. A Report of the CSIS Risk and Foresight Group. 2020. [Электронный ресурс] <https://www.csis.org/analysis/age-mass-protests-understanding-escalating-global-trend> (дата обращения: 01.10.2020)*

2. *Joe Myers, "Nearly a third of the globe is now on Facebook – chart of the day," World Economic Forum, August 5, 2019, [Электронный ресурс] <https://www.weforum.org/agenda/2019/08/facebook-users-social-media-internet/> (дата обращения: 01.10.2020)*

3. *KONDA Research & Consultancy, Gezi Report (Istanbul: June 2014), [Электронный ресурс] http://konda.com.tr/wp-content/uploads/2017/03/KONDA_Gezi_Report.pdf (дата обращения: 01.10.2020)*

4. *Ruben Enikolopov, Alexey Makarin, and Maria Petrova, "Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia," Econometrica, forthcoming, [Электронный ресурс] <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2696236> (дата обращения: 01.10.2020)*

ГОРОДА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

*Вершинина Инна Альфредовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в
современной России», № 18-011-01106.*

В условиях глобализации происходит трансформация социально-экономического пространства, вследствие которой наблюдается сверхконцентрация ресурсов в ключевых узловых точках – глобальных городах. Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, причем это происходит в разных регионах мира. Американский социолог С. Сассен, чье творчество уже хорошо знакомо отечественным исследователям [2; 3; 6], считает это новой формой пространственного неравенства, связанной со спецификой функционирования глобальных городов [7, 33]. С одной стороны, мы наблюдаем формирование нового типа урбанистической системы, в которой города являются важнейшими узлами международной экономики и выступают в качестве ее стратегических площадок. Однако, с другой стороны, необходимо отметить тот факт, что большинство городов, включая значительное число крупных городов, не являются частью этой новой транснациональной урбанистической системы.

Мегаполисы, особенно имеющие статус глобальных городов зачастую становятся инициаторами и центрами комплексного развития секторов рыночных и нерыночных интеллектуальных услуг (научные разработки, услуги в сфере информационных технологий, услуги в сферах профессионально-го консультирования) и высококачественных социальных услуг (образование, здравоохранение) [5, 97]. Как следствие, эти города могут предложить гораздо более широкие возможности для своих жителей, что способствует как концентрации в них человеческого потенциала [1], так и еще большему экономическому росту. Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, причем это происходит в разных регионах мира, однако, в первую очередь затрагивает те страны, в которых существуют явно выраженные города-лидеры. Данная ситуация характерна и для России, где Москва и Санкт-Петербург традиционно значительно превосходят по ряду показателей все остальные города.

Однако пандемия COVID-19, способствовавшая целому ряду социальных трансформаций, выявила и то обстоятельство, что преодоление цифрового разрыва [4] может способствовать и сокращению пространственного неравенства, так как при переводе многих видов деятельности в дистанционный формат ключевое значение имеет не физическое присутствие в городе, предлагающем разнообразные возможности, а устойчивый и быстрый интернет, который может стать конкурентным преимуществом города любого размера. Тем самым, становится очевидно, что возможности преодоления пространственного неравенства, в том числе и в России, могут быть связаны с реализацией концепции «умного» города, что позволит его жителям комфортно себя чувствовать в цифровом обществе и справляться с возникающими в нем вызовами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

1. Волкова Л. В. Мотивационные аспекты развития человеческого потенциала и реализации человеческого капитала в российском высшем образовании // В сборнике: Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых» / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. В 2-х томах. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 233-237.
2. Грибова К. Л. Города в XXI веке: сравнительный анализ теоретических подходов Саски Сассен и Парага Ханны // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 4. С. 38-62.
3. Грибова К. Л. Концепция глобального социального неравенства в творчестве Саски Сассен // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 41–58.
4. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Цифровой разрыв в России: особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 100–119.
5. Петров А. М., Маяков Д. М. Социально-экономическое значение крупных городов в условиях глобализации // Экономические науки. 2020. № 1 (182). С. 94-98.
6. Хомякова К. Л. Миграция в условиях глобализации: современные тенденции и социальные проблемы (на примере теории Саски Сассен) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 136–140.
7. Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Власова Ирина Владимировна

(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт национальной гвардии Российской Федерации)

В научных изданиях начала XXI века современное общество обозначается как: «общество риска», «информационное общество», «постиндустриальное общество», «общество потребления», «век технологий», «мир цифровых технологий».

В научном пространстве понятие «технология» определяется как «система способов какой-либо деятельности, направленная на наиболее эффективное достижение определенного результата» [1].

Согласно классификации существуют промышленные и социальные технологии. Последние (где человек рассматривается как исходный и конечный результат) были востребованы всегда, но особую актуальность и развитие получили в конце XX в. – начале XXI в.

К социальным технологиям относят: политические, культурные, образовательные, экономические.

В конце XX в. — нач. XXI века многие страны, особенно в области международных отношений, активно используют стратегию «мягкой силы». Она впервые была сформулированная на уровне политологической концепции Д. Найтом в 1990 году. Сущность стратегии ученый определяет как сила «привлекательности, а не принуждения».

В качестве негативных последствий использования данной технологии следует отметить внедрение и навязыванию гражданам стран мирового сообщества западных ценностей и традиций, что приводит к изменению мировоззрения и миропонимания, к угрозе безопасного сосуществования в мире. Итог - снижение степени духовной, материальной и физической безопасности индивидов, рост протестных настроений и как следствие - беспорядки, разрушения и даже смена политических режимов.

Положительные последствия данной политической технологии - приобщение и знакомство стран с особенностями других культур, развитие международного взаимодействия в разных областях социума.

Российская концепция «мягкой силы» основана на идеи сотрудничества, безопасности, суверенитете, соблюдении прав человека. Она развивается на принципах культурно-ценностной, национально-государственной привлекательности.

Основными элементами механизма использования «мягкой силы» в России являются государственные институты, прогосударственные фонды, общественные организации и информационные каналы [2].

При формировании развития стратегии мягкой силы в России XXI в. необходимо применять социологические и политические измерения, обращая внимание на вопросы:

- о смысле и содержании победы;
- о среде ведения вооруженной борьбы;

Для эффективного развития данной стратегии следует использовать опыт разработки политических технологий в прошлом и учитывать расширение спектра сил ведения вооруженной борьбы в многоаспектном современном пространстве. При недооценке социокультурных, исторических, ментальных и политических особенностей страны, победа может превратиться в политическое поражение[3, 101].

Таким образом, современный мир - «мир цифровых технологий». Конфликты, возникающие в разных его областях мгновенно переносятся, развиваются и приумножаются в цифровом мире. Разрабатывая и используя современные политические технологии особо следует обратить внимание на вопросы разрешения конфликтов и сотрудничества в киберпространстве.

1. Клачков П.В. Понятие гуманитарных технологий в системе социально-философских категорий // *Современные проблемы науки и образования*. – М. 2012. – № 3. URL.: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6452> Дата обращения: 16.07.2020.

2. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике российской федерации в контексте глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб, 2016 г. - 28 с.

3. Кокошин А.А. Война и военное искусство: политологическое и социологическое измерения / *Социологические исследования*, № 3. 2015 г. С. 97-106.

«ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

*Галицкая Диана Владимировна
(МГИМО МИД России)*

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Актуальность и методология исследования.

Цифровизация образовательной среды высшей школы — амбивалентный процесс, который несёт не только новые возможности, но и незапланированные последствия. Угроза распространения COVID-19 в 2020 году выступила катализирующим фактором процесса, что поспособствовало быстрому проявлению его латентных эффектов.

В России и Германии по-разному относятся к внедрению технологий, модернизирующих систему образования. Благодаря активному финансированию инновационных проектов в сфере образования российские вузы были лучше подготовлены к вынужденному переходу на дистанционное обучение, чем вузы Германии. Немецкие вузы недостаточно оснащены современными технологиями: в 2019 году Германия оказалась на последнем месте в соответствующем рейтинге. На этом фоне интересным представляется рассмотреть отношение студентов вузов России и Германии к дистанционному образованию и их оценки последствий вынужденного перехода на дистанционное обучение.

Предметом исследования является отношение к вынужденному переходу на дистанционное обучение у студентов российских и немецких вузов. Цель исследования заключается в выявлении латентных последствий вынужденного перехода на онлайн-обучение для студентов вузов России и Германии. В качестве гипотезы выдвигается допущение, что студенты России и Германии по-разному оценивают эффекты онлайн-обучения.

Методика.

В докладе использованы результаты онлайн-опроса российских и немецких студентов, проведённого в мае-июне 2020 года. Было опрошено 573 студента: 369 российских студентов, 104 немецких студента. Для проведения исследования разработаны анкеты на русском и немецком языках. Анкета на русском языке разрабатывалась группой участников Президентского гранта РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года, заявка НШ-2615.2020.6).

Результаты. В восприятии возможностей и преимуществ онлайн-обучения студенты двух стран продемонстрировали определенные сходства. К их числу относится появление большего свободного времени, возможность самому организовывать время и рабочее пространство. Однако наблюдаются и различия: для немецких студентов важным преимуществом оказался экологический эффект. Студенты российских вузов чаще указывали на атмосферу домашнего комфорта.

В оценке онлайн образования студенты двух стран выделили больше недостатков, чем преимуществ. Во многом восприятие возникших проблем у студентов России и Германии является схожим: студенты отмечают технические проблемы и сбои, отсутствие социальных контактов и «живого» общения.

По мнению студентов России и Германии, дистанционное обучение в целом снижает качество высшего образования: предметы и курсы становятся менее содержательными и информативными.

Вывод. Дистанционный формат обучения требует обновления методик обучения, новых коммуникационных образовательных технологий, приемов формирования профессиональных знаний и навыков.

[1] К знаниям с любой дистанции // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/350448456.html>. Дата обращения: 18.09.2020

[2] *Index of Readiness for Digital Lifelong Learning: Changing how Europeans upgrade their Skills. Final Report // CEPS – Centre for European Policy Studies, 2019. Дата обращения: 17.09.2020*

УЧАСТИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Ганбат Оюунтуяа -
(Национальный университет Обороны Монголии)*

*Лхажав Цэрэнсурэн
(Национальный университет Обороны Монголии)*

*Лхагвасурэн Болормаа
(Национальный университет обороны Монголии)*

Аннотация: Международная миротворческая деятельность является относительно новым видом воинской службы, получившим в последнее время особую значимость в связи с учащением и обострением конфликтов в современном обществе. Расширение контингента стран, участвующих в миротворческих операциях, увеличение численности воинов-миротворцев, особые требования, предъявляемые к их подготовке, влияние миротворческой деятельности на личность военнослужащего-миротворца и др. диктуют необходимость теоретических и эмпирических исследований миротворческой деятельности. В эмпирической социологии больший упор делается на изучение реального поведения миротворцев в зоне конфликтов, требований к их профессиональной подготовки и реально готовности к новому для них виду воинской службы. На докладе частично освещены затронутые проблемы с позиций социально-политологически к описанию социальных явлений и процессов, а также с учетом результатов эмпирических исследований деятельности монгольских военнослужащих-миротворцев.

Ключевые слова: миротворческая деятельность, миротворец, общественно-политическая деятельность, ООН

Введение

Осмысление миротворческой деятельности военнослужащих является необходимым условием развития и актуальной задачей военной социологии как значимой социологической дисциплины. На этом докладе мы рассматриваем миротворческую деятельность в сфере военной социологии как процесс социально-политическую деятельность военнослужащих Монголии.

В настоящее время большинство вооруженных конфликтов происходит не между странами, а внутри стран. Внутренний конфликт негативно влияет на управление страной, общественную безопасность, деятельность административных и иных органов и организаций, включая правоохранительные органы, которые неспособны справиться с разгулом преступности. В такой ситуации миротворцы ООН, помимо своих прямых обязанностей, поддерживают действие гражданского законодательства в данной стране.

Миротворческая деятельность - это международные действия, проводящиеся под руководством Организация Объединенных Наций (далее, ООН), других соответствующих региональных органов или определенных государств в соответствии с уставом ООН и по решению, принятого Советом Безопасности ООН [1, ПЗ.1.1]. А по другому определению, миротворческая деятельность не только международная деятельность, и еще она является одним видом военной службы и «активной деятельностью военнослужащих», действия для

поддержания мира. Миротворческую деятельность как социальное взаимодействие и отношения, является активной деятельностью личности и видом военной службы.

Участие миротворцев в миротворческих операциях и ее результаты

Территория Монголии граничит с территориями РФ и КНР, то есть она находится в Восточной Азии. Монголия является крупнейшим по площади государством, но не имеет выхода в море. Монголия имеет резко континентальный климат. Она богата с уникальными природными ресурсами. Относится к свободному региону политики и экономики.

В 90-е годы прошлого века Монголия делала обновление во внутренней и внешней политике. Это сделало возможным участия Вооруженных сил Монголии, монгольских военнослужащих в международной миротворческой деятельности ООН.

В 1998 году было принят документ «Основа военной и государственной политики» (в 2015 году обновлено). В данном документе отмечается, что участие в миротворческую деятельность: «...одно из задач Вооруженных сил Монголии - участие военнослужащих в миротворческой деятельности в мирное время в сфере мандата ООН»[2].

После этого решения монгольские солдаты приняли участия 11 миротворческих операциях. (В Республике Конго, Западной Сахаре, Судане, Эфиопии, Эритрее, Грузии, Чаде и в Южном Судане. В трех операциях в Ираке, Косово и Афганистане). Участвовало в общей сумме 14000 военнослужащих [3].

Монгольские миротворцы, служа миру, показывают высокие воинские качества своих предков. Участвуя в международных миротворческих миссиях совместно с военнослужащими Индии, Бангладеш, США, Германии и т.д., они показывают высокий уровень адаптации, организованности, дисциплины, самостоятельности, психической подготовки, о чем свидетельствует множество примеров.

Общественное мнение населения об этой деятельности имеет позитивные и негативные результаты.

Позитивные стороны: Миротворческая деятельность соотносится с основными демократическими правилами, и позитивно оценивает подтверждать доверие между правительством и гражданами.

Негативные стороны: Опрошенные подчеркивают риски, возможные ущербы здоровью, критикуют политику государства. Это негативно влияет на продолжение деятельности.

Факторы, которые влияют на безопасность монгольских миротворцев, делятся на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся международные документы и документы правительства Монголии регламентируют участие.

Например, «Основы государственной военной политики» (1998 г); «Меморандум о взаимопонимании между Организацией Объединенных Наций и Монголией» (1999 г); «Закон об участии в миротворческих операциях» (2010 г) и др.

Безопасность Монголии и военнослужащих регулируется «Конституцией Монголии» (1992); «Законом о Вооруженных силах» (2002), «Законом об участии на международных миротворческих деятельности» (2010).

Для Монголии участие военнослужащих в миротворческую деятельность – возможность для реализации благодарной цели и мира, возможность выйти на международную аренду, изучить опыт военного обучения и находить финансово-экономические возможности. Отрицательные элементы могут появляют после участия в миротворческой деятельности. Безопасность военнослужащих на данной территории зависит от выполнения основной обязанности, неожиданной опасности и риска.

Основные обязанности миротворцев:

- разьединение вооруженных группировок конфликтующих сторон;
- обеспечение условий для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению и его эвакуации из зоны конфликта;
- блокирование района конфликта в целях обеспечения выполнения санкций, принятых международным сообществом;
- создание предпосылок для политического урегулирования и др.

Во время миротворческой деятельности целый комплекс факторов оказывает положительное или отрицательное влияние на разные стороны жизни военнослужащего.

Нами был произведен опрос респондентов (в исследовании 2010 года участвовали 350 военнослужащих и в 2018 году 850.) об их мнении миротворческой деятельности. Он показал, что 67.7% опрошенных военнослужащих одобряют участие военнослужащих в этой деятельности. 3.4% респондентов считают, это участие не одобряют. 21.8% опрошенных, оценив, в целом это участие положительно, считают, что надо тщательнее просчитывать возможные опасности для военнослужащих, чтобы уменьшить риски для них, и соотносить миротворческую деятельность с реальной пользой для страны.

В 2010 году военнослужащие отметили позитивное влияние службы за рубежом на физическое развитие (54.8%), профессиональные навыки (75.9%) и социально-культурные изменения (70.1%). Наиболее же негативно служба сказалась на психологическом состоянии (23.4%) и физическом здоровье (52.6%). Это способность работать в чужом климате, что, отрицательно на состоянии здоровья после возвращения на родину.

Аналогичные, но несколько более низкие показатели положительного влияния миротворческой деятельности были получены и в исследовании 2018 года. Служба за рубежом оказала позитивное влияние на физическое развитие (34.7%), профессиональные навыки (60.3%) и экономическое развитие (55.0%), и это показывает относительно высокие показатели данного исследования. По опросу 2018 года негативное влияние службы за границей на миротворцев оказалось более выраженным. Отметим ухудшение психологического состояния (38.0%), здоровья (37.0%), чувства безопасности личности (24.5%) опрошенных. Выражалось ухудшение психического и физического состояния здоровья такими симптомами, боязнь, пугливость, забывчивость, простудные заболевания, головокружение, тошнота и т.п.

Что же касается самих факторов миротворческой деятельности, позитивно или негативно влияющих на общее состояние и самочувствие военнослужащих, то миротворцы указали следующие:

- на физическое развитие позитивное влияние оказывают физические упражнения и спортивные соревнования между подразделениями и ротами, которые часто проходят совместно с военнослужащими других стран,
- сама миротворческая деятельность оказывает самое положительное влияние на уровень профессионального мастерства, навыков боевой подготовки и пр. На это показывает как предварительная подготовка к миротворческой деятельности, так и непосредственное участие в выполнении поставленных задач, практика служения. Тем более, что действует стимул совершенствовать профессиональную квалификацию, поскольку после возвращения на родину они надеются на повышение звания, продвижение по служебной лестнице и пр.,
- негативным фактором, влияющим на психическое состояние военнослужащего, является постоянная боязнь внезапного нападения извне, а в случае

нападения - повышенная тревога относительно благополучного возвращения на родину, к семье,

- на физическое здоровье негативно влияет длительный процесс адаптации к сложным климатическим условиям.

Наибольшее отрицательное влияние миротворческая деятельность оказывает на младший состав миротворцев- старшин и правпорщиков из-за общей высокой напряженности их службы. Они часто сразу после смены с охраны объекта занимаются бытовым обслуживанием, обучением, постоянными тренировками. Это служит причиной стресса, усталости, бессоницы.

В целом, военнослужащие положительно оценивают свое участие в миротворческой деятельности. Эта деятельность не только повышает престиж страны, но и приносит некоторые личные выгоды самому военнослужащему. В частности, повышается материальный уровень жизни семьи, поскольку после возвращения выплачивается денежное вознаграждение, возникают возможности дальнейшей карьеры и т.п. Кроме того, у них расширяется круг друзей в рамках международной миссии, повышается знание языка и т.д. Все это создает предпосылки для дальнейшего участия монгольских военнослужащих в мироподдерживающей деятельности.

Несмотря на риски психологического характера, потери здоровья, потери жизни.

Заключение

В услом для вооруженных сил Монголии участие военнослужащих в миротворческую деятельность дает возможность взаимодействие с другими культурами, экономиками.

Для монгольских военнослужащих участие в миротворческой деятельности дает возможность улучшить профессиональное мастерство и построить свою карьеру, увеличивать знание, языковое образование, то есть это этап развития личности. Но во время миротворческой деятельности или после операции появилось разные риски. Например, испытывать психологические кризисы и ухудшение здоровья.

Когда мы изучаем миротворческую деятельность и деятельность монгольских военнослужащих для мира в них содержатся много важного и интересного для война и страны. Монгольские военнослужащие по результаты исследования хотят участвовать в миротворческой деятельности и дальше. Они различаются способностью, мужеством, волей. Это выражение способности и воинственности монгольских военнослужащих.

Вопросы, предстоящие к рассмотрению в дальнейшем:

- Недостаточность реальных изучений, анализов по отношению к военнослужащим, участвующих в миротворческих операциях создают трудности в изучении социальной среды, социальных отношений. Поэтому, необходимо обоснованное и серьезное изучение данного социального явления на уровне теории и практики.

1. Закон об участии в мироподдерживающей деятельности. /Новый пересмотренный/ Глава I. П.3.1.1. УБ.: 20.05.2010.

2. Основы государственной военной политики Монголии. ВГХМ. Резолюция 56. УБ.1998 // Обновлено и подтверждено. Основа Оборонной Политики Монголии. ВГХМ. №85/ URL: <http://nema.gov.mn/wp-content/uploads/2014/06/> (дата обращения: 08.10.2015)

3. Энхболд Р. Завтра будет день Миротворцы ООН. // QRZ: сервер радиолобителей Монголии. УБ.,2017. URL: <http://news.zindaa.mn/216s> (дата обращения: 27.05.2017)

4. Концепция национальной безопасности Монголии. ВГХМ. №48. УБ. 2010.
Общие основания. 1.1.1. Режим доступа URL:
<http://www.nsc.gov.mn/sites/default/files/National%20Security%20Concept%20of%20Mongolia%20MN.pdf>

«РЕАКТИВНЫЕ» СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТИ: ВЫДЕЛЕНИЕ ПЛОЩАДОК КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ

*Головацкий Евгений Васильевич
(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")*

*Материалы подготовлены при поддержке гранта РФФИ 20-011-31737
«Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения
региона в условиях “реактивных” социальных и политических
взаимодействий».*

Организационно-технологические нововведения, интенсивно осваиваемые в современном обществе, трансформируют систему социальных и политических взаимодействий, активизируя новые формы и способы коммуникации населения, пользователей и власти. Инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях “реактивных” социальных и политических взаимодействий определяются способностью комплекса методов выявлять параметры каналов коммуникации. С точки зрения участников взаимодействия это общественная востребованность, доступность и скорость взаимодействий, условия коммуникации, возможность анонимного участия, С позиции власти это демонстрация влияния, а также солидарности по отношению к общественным интересам, выявление лидеров и аутсайдеров мнений, проблемных тем “точек сборки”.

Значительная часть современных исследований виртуального пространства посвящена проблемам формирования пользовательских сообществ в Интернете, изучению их структуры, определенных темпоральных кластеров. «Действия, акты, паттерны и знаки, устанавливающие регулярную и выделяемую связь между двумя и более индивидами, отличную от всего множества других» [1, 100]. «Трансформирующееся облачное (электронное) правительство» –управляемый, ориентированный на граждан и организации процесс изменения в государственном секторе с помощью “облачных вычислений” □2□.

В исследовании реактивных взаимодействий использовались пользователи тематических сетевых и медийных сообществ, молодежь региона (“А42”, “Типичный Кемерово”, интернет-сообществ медиа “Яндекс Район” и др.).

С одной стороны власть нуждается в инициативах гражданских сообществ их активных и латентных возможностях социального и политического взаимодействия, “реактивного” состояния, с другой, инициативное и мобилизованное население может восприниматься властью в качестве угрозы, проблемного объединения людей, требующего привлечения значительных ресурсов, или использования сложного, затратного комплекса мер. Население продуцирует новые трактовки и оценки 24 часа, власть ограничена лимитированными условиями места и времени.

Исследуя новые инструменты изучения коммуникации власти и населения в регионе, мы получаем возможность диагностировать изменения, происходящие в

коммуникациях современного общества в условиях “реактивных” социальных и политических взаимодействий, отношение к нововведениям.

1. Гвоздиков Д.С. *Онлайн-сети и развитие сетевых взаимодействий // Вест. СПбГУ. Сер.: 12. Социология. 2015. №2. С. 100-107.*
2. Alonso J., Escalante M., Orue-Echevarria L. *Transformational cloud government (TCG): transforming public administrations with a cloud of public services. 2016. Procedia Comput. Sci. 97, pp. 43-52.*

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕДИЦИНСКОМ УЧЕБНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

*Гордеев Даниил Алексеевич
(Санкт-Петербургский Фельдшерский колледж)*

В современном мире в связи бурным развитием новых образовательных технологий и массового использования во множестве учебных заведений дистанционного обучения остро стоит проблема применимости данного типа образовательных программ при обучении некоторым профессиям. Есть ряд специальностей, где наряду с теорией, большое место в образовании занимает развитие детально отработанных практических навыков. К такой профессии относится деятельность медицинского работника. Освоение практических навыков является главной составляющей при обучении данной специальности. При доминировании дистанционных образовательных технологий освоение этих навыков в полном объёме невозможно.

О пользе дистанционных технологий пишут многие учёные, отмечая их доступность для широкого круга обучающихся, а также экономичность.

По определению А. В. Зубова: «Дистанционное образование — новая форма организации учебного процесса, соединяющая в себе традиционные и новые информационные технологии обучения, предполагающая в основном телекоммуникационный принцип доставки обучаемому основного учебного материала и интерактивное взаимодействие обучаемых и преподавателей непосредственно в процессе обучения» [2, 142]. Дистанционное образование (Далее - ДО) предполагает практически полную независимость учащегося от жёсткого регламента учебного процесса. Учащийся сам планирует ежедневную занятость, опираясь на требования учебного заведения.

«Многие учёные и преподаватели вузов утверждают, что переход на электронную систему образования позволит значительно повысить эффективность подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием. По их мнению, результаты уровня знаний дистанционного обучения не уступают и даже превосходят результаты уровня знаний, получаемых студентами на традиционных занятиях» [1, 2]. Но остаётся дискуссионным вопрос, возможно ли полноценное применение ДО в медицинских учебных учреждениях.

Медицина представляет собой область научной и практической деятельности, в которой содержится большое количество разнообразной и разнородной информации. Медицинское образование требует освоения немалого объёма не только теоретического, но и практического материала. Многие медицинские образовательные учреждения при полноценном переходе на ДО рискуют своей репутацией, - ведь при выпуске студентов, имеющих мало отработанных практических занятий, рискуют нанести непоправимый ущерб здоровью пациентов.

Таким образом, преимуществами ДО является экономичность и развитие навыков самостоятельной работы, но у данного способа обучения есть и серьёзные недостатки: отсутствие прямого очного общения между обучающимися и педагогом, полноценного контроля над обучающимся, невозможность подтверждения личности при проверке знаний, а также невозможность полноценного освоения практических навыков.

Приведём результаты анкетного опроса профессора Поповой Н. М., посвященного оцениванию студентами-медиками качества ДО в медицинском вузе. В исследовании участвовало 172 респондентов 18-23 лет [3, 3].

Исследование показало, что главным негативным следствием ДО является «недостаточность практических занятий и ухудшение усвояемого материала» (этот недостаток отметили более 82,6% респондентов), а наибольшим преимуществом по, их мнению, является то, что остаётся больше времени на научную работу (более 57% респондентов) [3, 5].

Автор исследования отмечает, что эффективность дистанционного обучения в медицинском вузе невысока в силу вышеуказанных причин.

Однако для ряда медико-диагностических профессий, например, на фармацевтических факультетах, а также на курсах повышения квалификации медицинских работников, данные образовательные технологии могут быть весьма полезны и продуктивны, потому что наибольший уклон при данных формах обучения делается на усвоение теоретических дисциплин и написание самостоятельных работ с опорой на учебно-методические материалы.

В итоге можно отметить, что на современном этапе развития технологии ДО невозможно в полной мере заменить традиционные методы обучения в медицинских учреждениях. Для преодоления этого недостатка необходимо организовать учебный процесс так, чтобы качество подаваемых практических занятий не уступало очной форме обучения.

1. Григораиш О.В. Система подготовки высококвалифицированных специалистов технических направлений / Высшее образование сегодня. 2014. № 7. С. 41-49.
2. Зубов А. В., Зубова И. И. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие для студ. лингв. фактов высшего учебного заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 208.
3. Попова Н.М. и др. Особенности дистанционного обучения в медицинском вузе / электронный научный журнал «Дневник науки». 2020. №5. – Режим доступа: http://dnevnika.ru/images/publications/2020/5/pedagogics/Gordeev_Khalilov_Popova.pdf (09.10.2020)

ИНТЕРНЕТ КАК ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*Гурьянова Дарья Ильинична
(Тольяттинский государственный университет)*

За последние десятилетия стало очевидно, что Интернет и цифровые технологии изменяют современное общество коренным образом. Оно претерпевает открытый процесс трансформации, постепенно затрагивающий все сферы общественной жизни, ставя под сомнение нормативные и институциональные основы общества. Во всем мире развивающееся Интернет-пространство приводит к активной общественной дискуссии в области политики, люди стремятся оценивать и влиять на социально-политические изменения, обсуждая различные возможности политического развития.

Согласно концепции «публичной сферы» Ю. Хабермаса, Интернет понимается как воплощение пространства свободной дискуссии «просвещенной публики», которое противостоит государственной власти и формирует альтернативный полюс легитимности [1]. Широко используется подход, основывающийся на признании независимости Интернет-пространства от политических отношений, ввиду этого считается возможным, например, создание независимого центра гражданских политических инициатив.

Политический Интернет-дискурс возник в результате соединения двух дискурсов – политического дискурса и Интернет-дискурса и включает в себе совокупность их специфики.

Одна из основных задач политической науки заключена в изучении многообразия отношений «между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [3].

Политический дискурс трактуется как совокупность всех политических текстов и речей в общественно-социальном и культурно-историческом контексте их появления и существования [2], но при этом необходимо учитывать, что политический дискурс – явление коммуникативное, ввиду чего данная дефиниция часто выступает синонимом «политическому тексту» и «политической речи».

Политическая сфера характеризуется следующими основными языковыми особенностями:

Применение клише и штампов для возникновения у слушателей стереотипов, а также для сжимания информации, увеличивая ее доступность для понимания.

Аксиологическая (оценочная) лексика. Например, метафора, согласно исследованиям В. Малеевой, часто используется «в связи с трудностями выражения коннотативных значений. В своей книге «Власть и ее метафоры» 1) орнаментальную; 2) эвокативную, которая вызывает в сознании ситуации, лично затрагивающие читателя; 3) конститутивную, где метафора предстает как составная часть политического тезиса.

Использование терминологии, насыщенной новыми коннотационными оттенками.

В. Малеева отмечает, что для «современного политического дискурса характерно наличие экспрессивных языковых элементов, содержащих в своей семантике обиду, злость, иронию и сарказм». Данная экспрессия сопряжена с «десакрализацией ритуала, с переоценкой идеологических ценностей, с разоблачением лексических фантомов».

Выделив языковые особенности политической сферы, рассмотрим языковые черты, характерные для общения посредством Интернет-пространства:

Наличие специальных пиктограмм, то есть «смайлов», передающих многообразие чувств говорящего, выделение некоторых фраз заглавными буквами (CAPS LOOK), как бы подчеркивая повышение голоса.

Употребление нейтральных средств литературного стиля.

Активное использование нелитературных средств языка, что делает его близким к публицистическому языку.

Большое распространение сокращений.

Создание неологизмов по продуктивным словообразовательным моделям (аффиксация, усечение, универбация, калькирование, прямое заимствование без изменений).

Употребление новых слов, созданных под влиянием технического (компьютерного) жаргона.

Наличие ономастической лексики с высокой экспрессией.

Интенсивное применение форм императива первого лица единственного числа вместо формы вежливости во втором лице множественного числа.

Стремление к нарочитому аграмматизму (несоответствие синтаксическим и пунктуационным нормам литературного языка).

Эмоциональность синтаксиса.

Политические Интернет-тексты охарактеризуются высокой субъективностью, свободой стиля и «остротой» языка. Данные Интернет-тексты говорят не только об открыто выраженном присутствии автора, но и о сильной воздействующей направленности текста, которая способствует порождению читательского умозаключения.

Перемены, характерные современному миру политической сферы, можно выявить, исследовав роль политических Интернет-коммуникаций как инновационного фактора, проявляющегося в обеспечении большей доступности политической информации, облегчению обратной связи власти и граждан (напр., в форме «электронного правительства»), широкого публичного обсуждения актуальных политических событий, возможность вести прямой диалог с политическими лидерами. Все это само по себе является новой формой содействия населения политическому процессу, и так проявляется демократия, которая принуждает политиков к большей публичности, надежности и активному диалогу с общественностью. Политическая интернет-коммуникация – важное современное условие деятельности партий и политических лидеров в борьбе за авторитет перед избирателем, за сохранение своего престижа и имиджа. Фигурирование в Интернете всех уровней государственного аппарата, функционирующих на многочисленных сайтах, где существуют общественные приемные, которые работают с гражданскими обращениями, представляет возможным их более широкое участие в управленческо-государственной работе.

Информационный обмен ускоряется, что ведет изменению характера политической коммуникации, в которой участвуют граждане и власть, расширяя область свободы для критики и протеста. Интернет-пространство привносит новые смыслы из виртуальной сферы в классическую политическую практику, способствуя инновационным процессам политической системы общества.

Необходимо выделить специфику политического дискурса в аспекте самореализации в пространстве Интернет, учитывая различные параметры (таблица 1).

Таблица 1 Специфика политического дискурса в аспекте самореализации

№ п/п			Название параметра	Цель
1			Телеологический	нормирование, мобилизация, контроль, запрет, побуждение, стимулирование, информирование и прогнозирование
2			Онтологический	смещение социального в область психического, создание неопределенности «физических» границ объектов политического дискурса»

3			Самореализующий	- обозначение себя соответствующим образом, приводя себя к «легитимной норме» или соглашаясь с определенным статусом; - симуляция политической принадлежности
4			Языковой	приписывание субъекту политического статуса посредством использования различных языковых средств, обусловленных необходимостью вовлечения субъекта
5			Когнитивный	эмпирическая аргументация в аспекте подтверждения следствий, аргументация к традиции и авторитету, эмоциональное внушение, агональность
6			Интерпретирующий	побуждение субъекта к интериоризации идеологием и их отождествлению со своим додискурсивным опытом
7			Коммуникативный	массовость и неопределенность границ коммуникантов

Данные техники аргументации говорят о фантомности и манипулятивности политического дискурса в среде Интернет-пространства. Политический дискурс в Интернете направлен на охватывание массовой аудитории посредством принципа доступности; мобилизации общества путем маркировки политического пространства согласно критериям «свой» – «чужой»; построение реальности как идеологического объекта.

Тексты политического Интернет-дискурса отличаются повышенной степенью субъективности, что обуславливается их свободной формой функционирования в Интернете. Поэтому особое внимание необходимо уделять субъекту речи, являющимся катализатором смысловорчества. Однако политический Интернет-дискурс менее подвергается ангажированности, поэтому политический Интернет-текст можно назвать более демократичным к свободе выражения мнения. Как отмечает исследователь Т. В. Юдина, «по сравнению с другими средствами массовой информации Интернет в исключительной степени препятствует тому, чтобы у кого-либо появилась возможность монополизировать процесс распространения информации», что предоставляет возможность говорящему (адресанту) «без страха и упрека» высказать свою точку зрения, часто не бесспорную» [4]. Если в политическом дискурсе адресант обычно активен, а

адресат пассивен, то в политическом Интернет-дискурсе оба участника коммуникации активны.

Интернет приобретает статус одного из основных источников информации для населения (наряду с телевидением), обгоняя печать и радио. Среди онлайн-порталов, которыми жители России пользуются для получения новостей, преобладают *социальные медиа* – социальные сети, форумы, блоги. Интернет совмещает в себе приватность и публичность, признаки межличностного общения и деловой коммуникации. Но степень соотношения личного и публичного на порталах отлична: в социальных сетях преобладают коммуникативные тактики межличностного общения. Степень влияния интернет-коммуникации на российский политический процесс все еще изучается.

1. Казаков М. Ю. «Публичная сфера» Ю. Хабермаса: реализация в интернет-дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. – № 3 (31). – С. 125-130
2. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 157-170
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Изд-е 2-е, стереотипное. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, – 2005. – 258 с.
4. Юдина Т. В., Александрова О. В., Володина М. Н. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации. – Альма Матер Москва, 2008. – 659 с.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

*Дементьева Ирина Николаевна
(ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук)*

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются распространением настроений неудовлетворённости людей существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни, другими словами, социальной напряжённости. Одним из аспектов проявления социальной напряжённости на социально-психологическом уровне является протестный потенциал [1].

Проведенные исследования показывают, что накопление скрытой протестной активности происходит под влиянием нескольких групп факторов. Существенное влияние оказывают негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением населением деятельности властей. Немаловажное значение имеют социально-экономические индикаторы, отражающие неудовлетворенность населения собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и области. Третья группа факторов лежит в плоскости социального самочувствия населения и включает в себя социальное терпение и эмоционально-психологическое состояние населения. В разные периоды времени влияние общественно-политических и социально-экономических

индикаторов на формирование протестных настроений неоднозначно [2]. В современных условиях развития информационных технологий и цифровых коммуникаций определенное влияние на распространение протестных настроений имеет также такой медиа-фактор, как Интернет.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать наличие связи между протестными настроениями жителей региона и использованием Интернет-пространства, в том числе для участия в общественной жизни.

Вологодский научный центр РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 г.¹ Потенциал протеста составляют респонденты, отвечающие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» – следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады». Речь идёт о том, что человек допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся определённым эмоциональным настроением, не обязательно тождественным активному социальному поведению.

По результатам проведенного исследования, около 40% жителей области, проявляющих протестные настроения, регулярно пользуются интернетом (табл. 1). Однако «протестующие» по сравнению с остальной частью населения делают это значительно реже: доля тех, кто использует интернет практически ежедневно, в данных категориях составляет 37 и 49% соответственно. При этом среди «протестующих» заметно выше удельный вес тех, кто совсем не пользуется интернетом (41% против 32%).

Таблица 1. Как часто Вы пользуетесь Интернетом?

Варианты ответа	Потенциал протеста	Остальные
Практически ежедневно	37,0	49,3
Несколько раз в неделю	14,1	12,2
Несколько раз в месяц	6,2	5,4
Эпизодически, но не менее 1 раза в полгода	1,3	0,3
Не пользуюсь Интернетом	41,0	31,9
Затрудняюсь ответить	0,3	0,9

Представители группы протеста, как и остальные жители области, пользуются интернетом в основном для того, чтобы следить за новостями, событиями в мире и стране, области (35%), для общения с другими пользователями в чатах, на форумах, социальных сетях (29%), для расширения кругозора (24%; табл. 2).

Таблица 2. Для каких целей Вы чаще всего пользуетесь Интернетом?

Варианты ответа	Потенциал протеста	Остальные
Для того чтобы следить за новостями, событиями в мире и стране, области	35,4	43,5
Для общения с другими пользователями в чатах, на форумах, социальных сетях	28,9	40,1
Для расширения кругозора	23,9	25,0
Для работы / учёбы	19,0	25,4

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится 6 раз в год в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

Для того, чтобы смотреть / скачивать фильмы	14,4	15,2
Веду переписку по электронной почте или мессенджеру	9,2	9,0
Для того, чтобы слушать / скачивать музыку	7,9	11,4
Для того, чтобы играть	7,2	8,4
Для совершения покупок онлайн	5,2	6,6
Для того, чтобы читать / скачивать книги	4,3	4,4
Регулярно участвую в интернет-дискуссиях на блогах, форумах	1,6	2,2
Веду собственный сайт или блог	1,3	1,3
Другое	0,0	0,3

Большинство «протестующих» не принимали участия в общественно-политической жизни с помощью интернета в последние 12 месяцев (78%; табл. 3). Однако по сравнению с остальными жителями области представители группы протеста чаще обсуждали конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях (10% против 5% соответственно), размещали или распространяли информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях (7% против 4%; табл. 3).

Таблица 3. Участвовали ли Вы в течение последних 12 месяцев в общественно-политической жизни с помощью Интернета? Если да, то как именно?

Варианты ответа	Потенциал протеста	Остальные
Обсуждал(а) конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях	9,5	5,0
Размещал(а) или распространял(а) информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях	6,6	4,0
Подписывал(а) петиции (в том числе онлайн), открытые письма, обращения по социально значимым проблемам	6,2	6,1
Комментировал(а) новости на сайтах средств массовой информации	3,3	5,3
Использовал(а) онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов для доведения до властей общественных проблем (например, «Убитые дороги», «Российская общественная инициатива» и т.п.)	3,0	1,7
Другое	0,0	0,0
Не участвовал(а)	77,7	78,7

Таким образом, в современных условиях Интернет является значимым информационным ресурсом, используя который можно в короткие сроки сформировать общественное мнение заданной направленности, и использовать его для мобилизации значительных людских ресурсов [4]. В этой связи Интернет является значимым медиа-фактором протестных настроений. Однако прямой зависимости между трендом развития Интернет-вовлеченности в обществе и ростом протестных настроений, как показали исследования, не существует. Интернет и социальные сети являются информационно-коммуникационной площадкой, которая облегчает организацию протестных настроений, создают техническую возможность общественной дискуссии. Поэтому в целях обеспечения социальной стабильности и общественного порядка сетевое сообщество нуждается в контроле со стороны государства.

1. Дементьева И.Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 73-82.
2. Дементьева И.Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала в регионе // Мониторинг общественного мнения 2013. № 6 (118). С. 39-50.
3. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние интернета на участие в протестах // Политика. 2016. № 1 (80). С. 90-110.
4. Магницкий Ю.Г. Интернет как современный медиа-фактор протестных настроений: мнения и оценки // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 58. С. 38-47.
5. Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (6). С. 100-110.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ТРАДИЦИЙ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. ЕВРЕЙСКИМИ ПОСЕЛЕНЦАМИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ездакова Екатерина
(Российский государственный социальный университет)

Проблема сохранения культурного наследия является одной из актуальных тем в настоящее время, современные музеи, утратили позицию архивов и хранилищ для предметов искусства. Внедрение цифровых технологий в сферу культуры, является одной из приоритетных задач государственной культурной политики, решение которой поспособствует развитию культурных учреждений, ответственных за изучение и сохранение культурного наследия.

Сталиндорф известный как, усадьба еврейского колхоза, был основан в 1930 г., количество еврейских семейств изначально составляло 28 семей, однако, после получения подтверждения, что занимаются производительным трудом, количество проживающих постепенно снижалось, к зиме 1930 – 1931 гг. оставалось 7 еврейских семей. В 1932 г. началась «безбожная пятилетка», прибывшим из разных регионов единоверцам было практически невозможно организовать общинную религиозную жизнь, старшее поколение «субботников» соблюдали религиозные традиции индивидуально, поскольку не имели цели транслировать их. Религиозность этнических евреев остававшихся в колхозе до 1942 г., была еще менее выраженной, чем религиозность «субботников». [1, 157]

Сегодня основным центром возрождения традиций бывших поселений является синагога, как центр религиозной жизни еврейской общины, вокруг которой централизуются желающие приобщиться и узнать больше о своих предках и еврейской культуре в целом.

Деятельность еврейского музея и центра толерантности в г. Москве, связана не просто с формированием и организацией выставок предметов искусства, просвещением в сфере еврейской культуры, но и активным использованием цифровых технологий, интегрирующее образовательную, развлекательную сферу в цифровой формат. Использование цифровых технологий, формирует и предоставляет колоссальное количество информации, без реконструкции выставочного пространства, что является преимуществом формата «edutainment».[2, 138] Электронная библиотека, видео лекции доступные в интернете. Онлайн спецпроекты: «Русская тоска: Исаак Левитан и авторский кинематограф», в рамках которого была создана интерактивная карта совместно с Readymag.

Организация проектов с применением онлайн технологий, интерактивной среды, видео, проекций, голограмм, и др. мультимедиа, обеспечивают аудиторию значительным объемом информации и позволяют получить сведения не только в залах музея. На современной этапе существует способ хранения, передачи и сбора знаний и информации, благодаря цифровым и динамично развивающимся мультимедийным технологиям, весь материал стал доступен пользователям интернета.

С появлением и популяризацией цифровых технологий еврейского музея и центра толерантности в Москве, сохранение музейных коллекций перешло на иной уровень, благодаря мультимедийной культурной среде, облегчается доступ граждан к культурному наследию независимо от места проживания, что способствует укреплению национальной общности и сохранит память прошлого, истории семьи и традиций.

1. Жукова Л.Г «Не молилась она, только числилась»: религиозная жизнь субботников колхоза «Сталиндорф» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». - 2012. - №17. - С. 155-164.

2. Кричевер Е.И, Гончарова И.В, Прончев Г.Б Стратегии продвижения современных Российских музеев (на примере еврейского музея и центра толерантности в г. Москва) // Русский мир: динамика научного познания. - Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2019. - С. 137-142.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

*Жданович Дарья Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Интернет давно стал площадкой для обсуждения различных проблем: новостные сайты, форумы, группы в социальных сетях, блоги – всё это позволяют пользователям не только делиться своим мнением и дискутировать на различные темы, но и формулировать актуальную повестку, координировать свои действия. Общаясь, публикуя новости и оставляя комментарии, люди, иногда сами того не осознавая, осуществляют социальное конструирование реальности и процессов, происходящих в ней, а также формируют различные публики в онлайн-пространстве.

Говоря о публиках, немецкий социолог Ю. Хабермас в своих работах предлагает концепцию публичной сферы. В ней учёный рассматривает влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения и регулирование жизни общества [1]. Н. Фрейзер – критик данной концепции и оппонент Хабермаса, предлагает выделять «сильные» и «слабые» публики [3]. Не имеющие особого влияния представители «слабых» публик наделены возможностью только высказываться, но не решать проблемы; в свою очередь представители «сильных» публик, напротив, обладают ресурсами и преимуществом, которые позволяют им воздействовать на принятие решений.

В современном онлайн-пространстве и социальных сетях также можно выделить и идентифицировать как слабые, так и сильные публики. К сильным публикам стоит отнести, например, новостные ресурсы, сайты крупных информационных агентств, блоги лидеров общественного мнения, а к представителям слабых публик – рядовых пользователей сети Интернет.

Интернет можно также рассмотреть через призму концепции «публичных арен», предложенную С. Хилгартнером и Ч. Боском. Изучая социальные проблемы и их позиционирование в средствах массовой информации, учёные пытаются понять, почему одни проблемы регулярно освещаются в СМИ и находят отражение в публичных дискурсах, в то время как другие, казалось бы, не менее важные, транслируются в общество значительно реже [2]. Социальные сети, группы в социальных сетях, новостные сайты, форумы – всё это можно отнести к публичным аренам в онлайн-пространстве. Они позволяют конструировать проблемы и поддерживать интерес к ним среди пользователей, формировать тот или иной общественный запрос. Иногда социальные сети становятся и единственным источником взаимодействия и организации граждан для решения значимых проблем, местом консолидации людей.

Социальные сети, изначально созданные для общения, обмена контентом между пользователями и организации досуга, со временем превратились в площадки и арены для обсуждения насущных проблем, и в итоге трансформировали социальные и политические процессы, изменили форму политического участия людей, включив ранее аполитичных граждан в политическую жизнь общества. Немаловажную роль социальные сети играют и в организации политических выступлений и массовых акций протестов. По мнению американского политолога Марка Линча, социальные сети являются наиболее удобным и эффективным способом организации и управления протестными движениями, так как помогают вывести события на более высокий уровень и информировать о них широкие массы людей [4].

Уже классическим примером организации протестных движений в социальных сетях стали события в ряде арабских стран в 2010-2012 годах, повлекшие за собой массовые народные восстания, что в средствах массовой информации получило название «Арабская весна». Государственный надзор за социальными сетями и интернетом в целом в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии привел к росту недовольства среди молодых людей и последующим выходом их на улицы городов. Пытаясь ослабить протестную активность путем отключения интернета и блокировки сайтов, власти не только не смогли достигнуть поставленной цели, но и, наоборот, только лишь усилили революционные настроения в обществе [7]. Итогом «Арабской весны» стало падение правящих режимов во многих арабских странах. Кроме политических последствий, отключение интернета в данных государствах повлекло за собой и экономические трудности, так как оказалось очень затратной для бюджета стран.

Спустя несколько лет социальные сети и мессенджеры стали оказывать еще большее влияние на политические и социальные процессы в обществе, трансформировали их.

Так, в марте 2020 года в России, как и во многих странах мира, были введены ограничения в связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции. Карантинные меры, введенные властями Российской Федерации, вызвали недовольство среди части населения, что повлекло за собой организацию серии виртуальных митингов против самоизоляционных ограничений, что стало первым и пока что единственным опытом в российской политической практике [5].

Однако самым значительным примером влияния интернета и социальных сетей/мессенджеров на социальные и политические процессы в обществе стоит считать события весны-осени 2020 года в Республике Беларусь, где в период предвыборной кампании и президентских выборов особую роль в формировании информационной повестки в обществе сыграли телеграм-каналы. Монополия государственных органов на основные СМИ (газеты, телевидение, радио и т.д.) привели к невозможности для

оппозиционных кандидатов и их сторонников вести агитацию через традиционные средства массовой информации. Единственным источником альтернативной информации стали социальные сети и мессенджеры, особенно телеграм-каналы. Благодаря им во время предвыборной кампании стала известна реальная картина происходящего на протестных митингах, а также появилась информация о примерной численности участников антиправительственных акций.

Наиболее важным каналом, формирующим оппозиционную повестку и координирующим акции протеста, стал телеграм-канал «NEXTA», число подписчиков которого за небольшое количество времени увеличились с 400 тысяч до 2 миллионов человек, сделав его самым крупным новостным телеграм-каналом во всём мире [8]. В ночь после президентских выборов, когда в столице Беларуси были ограничены мобильная связь и интернет [6], канал оставался единственным источником антиправительственной информации и координатором движений белорусов, несогласных с предварительными результатами голосования. «NEXTA» до сих пор продолжает информировать о происходящих в Беларуси событиях и остаётся популярным ресурсом среди оппозиции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о значительном влиянии интернета и социальных сетей на политическую жизнь общества и их ведущей роли в организации протестных движений, изменении политических настроений. Благодаря коммуникации в онлайн пространстве происходит процесс формирования гражданского общества: люди, будучи ранее политически индифферентными, всё больше включаются в общественную жизнь страны, осознают свою значимость как граждане государства.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНФАНТИЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Иванова Варвара Михайловна

Мамедова Сабина Ровшановна

Под понятием “социальный инфантилизм” подразумевается состояние, проявляющееся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением молодежи, свидетельствующее о нарушении механизмов социализации и непринятии ею новых обязанностей и обязательств.[1] Это значит, что сознание и поведение индивидов не соответствует социальным нормам, ценностям, ожиданиям, статусно-ролевым стандартам, принятым в данном обществе.[2] Со временем социальный инфантилизм трансформируется из отклонения от нормы в саму норму.

В современном мире молодая семья претерпевает кризис в связи с неготовностью и нежеланием молодых людей брать на себя столь большую ответственность за создание новой ячейки общества. Такое поведение является следствием проявления социального инфантилизма у современной молодежи в России. На развитие этого феномена оказывают влияние несколько факторов. Раскроем два из них.

1. Поколение X, рождённое в 1964-1984 годах, застало трудный период для России (1991-1999 г. г.), связанный с распадом СССР. Для данного периода времени был характерен высокий уровень социальной, экономической и политической дезорганизации, который непосредственно повлиял на мировоззрение людей. Поколение X старается создать максимально благоприятные условия для своих детей, однако стремление оградить подрастающее поколение от жизненных проблем и трудностей прошлого,

трансформируется в гиперопеку и создание для нового поколения “тепличных условий” ее взросления.

Вследствие такого воспитания биологически и физически взрослый человек продолжает жить в искусственно созданном для него мире, совершенно не чувствуя самостоятельности и ответственности за свои решения и поступки. Молодежь все больше отдает предпочтение социальным действиям, требующим от нее минимального количества затраченного времени, умственных, моральных и физических усилий. Пассивность и несамостоятельность человека приводит к его нежеланию брать на себя ответственность. Таким образом, он сознательно отказывается от таких традиционных ценностей как семья и рождение детей.

2. Взрослея, подросток впитывает образцы и поведенческие модели, которые транслируют общество и ближайшее окружение. Исследователи отмечают, что инфантилизация совпадает с коллективным социокультурным регрессом.[31.,4] Анализируя современные игры и книги, можно проследить тенденцию инфантилизации информационных продуктов. Большая часть из них предоставляет возможность человеку открыть виртуальную реальность, уйти от быта и погрузиться в мир фантазий. Таким образом, реальный мир с его проблемами и сложностями заменяет мир виртуальный в котором не нужно принимать решения и брать на себя ответственность за их последствия. По схожему принципу действует реклама фильмов и сериалов. Рекламные ролики воздействуют на сознания людей, апеллируя к инфантильным чертам характера личности. Современная реклама транслирует примеры инфантильного поведения молодых людей: мультипликационные образы, желание быть похожим на кого-то, пассивность волевых установок, эгоцентризм. Последнее в свою очередь влияет на нежелание молодого человека тратить свои эмоциональные, физические и материальные ресурсы на своего партнера (в виде жены или мужа) и детей.

1. [Электронный ресурс] // Социологический словарь URL: <https://gifo.me/>
2. Савельева О. О // Большая российская энциклопедия URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2015495> (дата обращения: 01.10.2020)
3. Ардельнова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. №4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32783084> (дата обращения: 01.10.2020).

ОСОБЕННОСТИ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ АНОМИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

*Игнатьева Ольга Анатольевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Увеличение роли виртуальных коммуникаций в политике создает принципиально новые условия легитимации власти. Субъекты политических отношений всё меньше ориентируются на реальные экономические интересы социальных групп и все большее внимание уделяют созданию благоприятного виртуального образа. Этот процесс усиливается социальной аноимией, которая становится важным фактором как международной, так и государственной политики [1, 45]. Аноимия способствует размыванию ценностных и идеологических взглядов индивида, делает его политическое поведение основанным на эмоциях и оценке сиюминутных событий. Вопрос о связи социальной аноимии с виртуализацией политики обладает характеристиками научной новизны поскольку не разработан в русскоязычной научной литературе [2]. В настоящее

время представленную Максом Вебером классификацию типов легитимации власти необходимо дополнить новым типом - виртуальной легитимацией. Ярким и очевидным примером построение легитимации подобного типа является деятельность Дональда Трампа в Твиттере [4, 259].

Провокационная стратегия Трампа позволила ему стать частью политического дискурса рядового американца, используя свойственные рядовому американцу нарративы и естественной для него язык. Высказывания Трампа были восприняты враждебно финансовой и медийной элитами США, которые обрушили на него шквал негативных комментариев в СМИ. Однако это обстоятельство только способствовало росту популярности Трампа, который противопоставил себя элите. По сути Трампу удалось совместить создание виртуального образа с обращением к реальным экономическим нуждам избирателя [3]. Это уникальный случай, когда малообразованные люди из нижних страт стали массово поддерживать человека, рождённого долларовым миллионером.

Рассмотренный кейс подтверждает необходимость изучать проблему легитимации власти с учетом процесса аномии, который лишает людей ценностных и смысложизненных ориентиров. Дезориентированный подобным образом индивид становится легкой мишенью для виртуальной манипуляции. Рассмотренный вопрос является крайне перспективным и требует дальнейшего подробного изучения.

1. Плетнев А.В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 6. С. 44-53.

DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-5>

2. Плетнев А.В. Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2014. № 9. С. 95-110.

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-9-8

3. Bolton J. *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. Simon & Schuster. 2020. – 528 p.

4. Wolff M. *Fire and Fury: Inside the Trump White House*. Henry Holt and Co. 2018. - 321 p.

ОТРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ В СЕТИ

*Капп Елизавета Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Богданова Валерия Алексеевна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

В условиях цифровизации современного общества, многие сферы социальной жизни и деятельности имеют свое отражение или продолжение в социальных сетях и на различных интернет-ресурсах (форумах, контент-площадках и т.д.). Кроме оппозиционных движений, которые имеют свои площадки в сети, оппозиционные настроения в период с 7 июня по 29 сентября 2019 года можно было наблюдать не только на площадках по данному направлению, но и у аполитично настроенных создателей контента. Во время протестов себя проявила внесистемная оппозиция, для которой характерно «осуществление политической координации и агитации через интернет и социальные сети» [1, 250]. Проведенное позднее исследование отмечает выделение неструктурированного протеста как стратегии оппозиции [2, 153], подчеркивая ее нечеткую направленность и неполные мотивы.

В период с октября 2019 года по август 2020 года мы провели контент-анализ 25 видеозаписей оппозиционно настроенных блогеров, включая тех, кто стал высказывать политическую заинтересованность в процессе событий, связанных с пандемией, 157 текстовых сообщений, включая записи на форумах, в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook, Twitter), в каналах Telegram и в блогах LiveJournal. Целью нашего исследования было выявить, какие паттерны поведения в сети характерны для «новой» сетевой оппозиции, можно ли установить ее взгляды и политические направленности. Для более четкого выделения поля исследования, мы отталкивались от блогеров, которые делали обзоры протестных акций лета 2019 года, после чего выявляли через реакции среды иные видео и текстовые материалы, которые можно было отнести к оппозиционным, как, например, «#сядьзатекст», в котором участники видео провели сессию в 118 минут, зачитывая те цитаты из классической российской и зарубежной литературы, за которые, по их мнению, в современной России можно получить уголовное наказание.

По результатам исследования мы узнали, что оппозиционные настроения выявляют не только люди, непосредственно относящие себя к оппозиции как системе, но и люди, которые отмечают свою непринадлежность к ней. Было замечено, что несколько блогеров из сектора популяризации науки после начала периода самоизоляции, вызванного пандемией, стали высказывать оппозиционные настроения, даже если раньше за ними не наблюдалось никаких политических комментариев. События 2019 года и их последствия показали, что социальные сети и видео-ресурсы имеют практически то же, а иногда и большее влияние, чем реальные протесты, внутри оппозиционных кругов и за их пределами. В частности, из-за участия в онлайн-проектах известных в широких кругах деятелей культуры и науки, можно говорить о росте агитационного влияния. Кроме этого, 20 апреля 2020 года произошел онлайн-митинг в Ростове с использованием сервиса Яндекс-Карта. Подобный цифровой митинг показывает гибкость паттернов поведения оппозиции.

Оппозиционные настроения в цифровом пространстве показывают общее недовольство нынешним политическим и социальным состоянием страны, однако можно говорить о структурированных претензиях к власти, а не об общих недовольствах «жизнью».

1. Елисеева Н.А. «Новая» Российская внесистемная оппозиция // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. №2 (741).

2. Титов В.В. Стратегии социального протеста молодежи в рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг. 2020. №3 (157).

ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАЗАМИ РОДИТЕЛЕЙ ШКОЛЬНИКОВ

Карпова Вера Михайловна
(Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова)

Ляликова Софья Викторовна
(Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова)

Весной 2020 года в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации в России из-за ускоряющегося распространения Covid-19, организация обучения во всех школах была перестроена на дистанционный формат. Неожиданный, резкий переход на совершенно новую форму образования оказался большим стрессом для всех участников

образовательного процесса: учителей, школьников, а также родителей [3, 9] (последние формально не задействованы в учебном процессе, но активно в него вовлечены [2, 12]).

Несмотря на возросшее число исследований, посвященных особенностям перехода на онлайн-обучение, опыт родителей, в том числе сложности, с которыми им пришлось столкнуться в период самоизоляции, и пути их решения остались за пределами интересов массовых социологических опросов. Данный факт побудил исследователей кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова к проведению инициативного социологического исследования «Дистанционное обучение: опыт родителей» [1].

В опросе, проведенном по окончании учебного года (июнь-июль 2020), приняли участие около тысячи родителей школьников (992 респондента) из 61 субъекта РФ. Средний возраст опрошенных составил 39,7 лет, на опросы анкеты отвечали преимущественно женщины, так как традиционно именно матери оказываются наиболее вовлеченными в процесс воспитания и образования собственных детей [4]. Несмотря на введение нерабочих дней до конца апреля 2020 года и существенных ограничений занятости в мае, в 52,6% семей, участвовавших в опросе, хотя бы один из родителей работал, а в 39,8% - оба родителя продолжали работать весь период вынужденных ограничений. Таким образом, нагрузка по организации и контролю за образовательным процессом ребенка стала не альтернативой профессиональной занятости, а дополнительным грузом, который лег на плечи родителей в этот непростой период.

Переход на дистанционное обучение привел к двукратному увеличению времени, которое родители уделяли образовательному процессу ребенка (с 2,5 часов до пандемии до 5,1 часа во время самоизоляции). Доля тех, кто тратил на учебу ребенка 3-4 часа в день достигла 65,7%. Помощь, оказываемая родителями своим детям, была весьма разнообразна: более половины опрошенных не только просматривали онлайн-дневник, но и помогали выполнять домашние задания, объясняли школьный материал, проверяли и отправляли ДЗ учителю. Такая активная занятость практически на 1,5 ставки, приводила к тому, что родители испытывали нехватку сил и времени на работу, домашние дела и обучение ребенка (61,6%), сталкивались с эмоциональными трудностями, связанными с необходимостью совмещать роли родителя и учителя (54,2%), а также испытывали сложности при объяснении материала в связи с нехваткой специализированных знаний по предметам (45,3%).

Дистанционное образование стало серьезным испытанием для родителей, которые весьма негативно оценивают опыт взаимодействия с данной формой обучения (4 балла из 10) и не приемлют продолжения подобного сценария в будущем (2 балла из 10).

1. Дистанционное обучение: опыт родителей. Пресс-релиз инициативного социологического исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (КССиД МГУ), июнь-июль 2020. URL: <https://www.socio.msu.ru/index.php/все-новости/908-2020-08-31> (дата обращения: 09.10.2020)

2. Мониторинг эффективности школы. Участие родителей школьников в образовательном процессе / под ред. Т.Л. Клячко. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/ppaper/111901.pdf> (дата обращения: 09.10.2020)

3. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д. И. Сапрыкина, А. А. Волохович; Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2020.

4. Равенство в семье: от деклараций - к реальности? Пресс-релиз №3597 от 06.03.2018. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (дата обращения: 09.10.2020)

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ВНЕШНОСТИ

*Кирилина Екатерина Андреевна
(Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)*

На протяжении всей истории человечества представления о внешности и красоте играли особую роль в социальных коммуникациях. Самых красивых девушек считали наиболее удачливыми, потому что их можно было успешно выдать замуж. Дети при этом рождались также здоровыми и красивыми. Традиционное общество было нацелено, в первую очередь, на продолжение рода. Однако сегодня в эпоху постиндустриального и информационного обществ красота приобрела несколько иной характер. Чтобы понять эволюцию представлений о красоте нужно обратиться к истокам.

Великий древнегреческий философ Платон в работе «Пир» создал целую иерархию красоты [1]. находит для себя того «красивого», в ком он может родить новые мысли. Платон рассматривал внешность как некий инструмент, помогающий определить, каким образом будет выбираться нужный человек. Причем люди оценивают не только чужую, но и свою внешность. Но впоследствии стало ясно, что вера в истинную и подлинную красоту, довольно нелепа. Все тела очень похожи. С этого момента человек ищет не тело, а душу. Иерархия красоты Платона пользовалась популярностью в течение столетий. Аналогичную точку зрения можно найти даже в работах самых известных классиков XIX века. Например, Лев Николаевич Толстой в величайшем произведении «Война и мир» писал о ценности души, а не красоты. Самые благородные герои его произведения не привлекали окружающих красивой внешностью, а поражали своими душевными качествами.

В современном обществе также ценятся душевные свойства человека. Однако сегодня люди тратят огромные средства и уйму времени и на то, чтобы их внешность соответствовала общественным стандартам.

Развитие капитализма и рыночных отношений в XX веке привели к тому, что всем стали управлять спрос и предложения. С переходом в середине прошлого века наиболее развитых стран к обществу массового потребления, производители стали формировать у людей новые более сложные и порой абсолютно ненужные потребности. Рост популярности кинематографа и возрастание влияния моды привело к созданию определенных моделей поведения для мужчин и женщин. В силу глобализации, это стало касаться всех и каждого. СМИ активно транслировали идею об идеальном мире, до которого не могли дотянуться даже те, кто создали этот мир. Подражание популярным киноактерам или топ-моделям стало крайне характерным. Но часто такая модель поведения вынуждает людей рисковать своим здоровьем. Именно тогда и сформировались определенные расстройства пищевого поведения.

Пик общественного влияния на внешность и красоту был достигнут в 1990-е года, когда мода приобрел абсолютно нездоровый характер. Именно Кейт Мосс стала символом той эпохи. Все были помешаны на определенном стандарте красоты. Это серьезно сказалось на здоровье многих девушек, заболевших анорексией.

Лишь спустя десятилетия начались движения в поддержку таких групп. Детям в школах напоминают о том, что Интернет часто транслирует недостоверный контент. Сегодня внешность играет очень важную роль, влияя на отношение человека к спорту и пищевым привычкам. Однако необходимо помнить о том, как сформировалось именно такое представление о внешности человека, о тех негативных последствиях, которые могут возникнуть при слепом следовании моде и общественным стандартам красоты.

1. Платон. Пир : Беседа о любви / Платон; Пер. с греч. И.Д. Городецкого. - Москва : Дилетант, 1908. - [8], 102 с.; 20

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ПОДГОТОВКОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦИФРОВОЙ

***Киселёва Наталья Ильинична
(Финансовый университет)***

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2020 г.

Начавшаяся в 1997 году политика подготовки управленческих кадров для организации народного хозяйства Российской Федерации привлекает широкий круг исследователей различных из различных областей, в том числе экономистов и социологов. Согласно Указу Президента РФ от 23 июля 1997 г. N 774 "О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации" цель подготовки заключается в обеспечении организаций народного хозяйства специалистами в области управления и организации производства, отвечающими современным требованиям экономики и стандартам образования, в том числе реализация приоритетного направления цифровизации экономики.

Регулярные замеры хода реализации Государственного плана подготовки управленческих кадров свидетельствуют о его востребованности и широком положительном резонансе как в общественных, так и государственных кругах. [1,2,3]

С методологической позиции остается оправданным исследование оценки реализации тех или иных проектов через выявление степени удовлетворённости ее целевых групп. В рамках исследовательской задачи под удовлетворённостью рынка труда подготовкой управленческих кадров следует понимать когнитивно-эмоциональное отношение, отражающее степень соответствия ранее сформированных потребностей, ожиданий, намерений результатам действительности.

Мониторинговые опросы 2015-2019 г.г., а также авторский репрезентативный экспертный опрос в апреле-мае 2020 г. представителей рынка труда, региональных ресурсных центров, участвующих в подготовке управленческих кадров показал, что достигнут высокий уровень удовлетворённости результатами обучения специалистов, такого же мнения придерживаются и сами выпускники.

Однако содержательный анализ позволил выявить «скрытые» показатели, мешающие достижению поставленных целей как организации, так для формирования кадров цифровой экономики.

В оценках представителей рынка труда Программа должны быть ориентирована как на самого выпускника, так и на развитие компании, отрасли, региона и экономики страны в

целом. Однако наиболее эффективно подготовка управленческих кадров осуществляется в интересах самих выпускников, а не в интересах развития компании, региона, а тем более в экономики страны в целом.

Немногочисленные, но существующие среди 30% опрошенных представителей рынка труда не высокие оценки ожиданий от реализованной программы связывают с жесткими условиями отбора участников (24%), экономическими ограничениями в организации (17%), а также недостаточной образовательной подготовкой работающих сотрудников (4%).

Важным аспектом является анализ изменений, произошедших в организациях, прошедших Программу подготовки. Эксперты отмечают, что после прохождения программы 50% сотрудников пошли на повышение, 48% - расширили полномочия, 22% - получили повышение заработной платы, у 17% - ничего не изменилось. В тоже время выпускники скромнее оценивают свои достижения (у 38% выпускников расширились полномочия, а 22% получили повышение).

Высокие оценки удовлетворённости реализаций программы подготовки управленческих кадров связаны с качеством оказания образовательных услуг: хорошие коммуникативные взаимодействия, высокий рейтинг вуза, обеспечивающее высокое качество образования; однако для более качественной подготовки образовательной сфере необходимо более акцентироваться на следующих ключевых показателях: расширение активных методов обучения, большее приглашение практиков, организация практики и стажировок, гибкая программа обучения, обеспеченность литературой и информационными ресурсами, высокий интенсив обучения, а также применение современных цифровых технологий обучения и позволяющих сформировать новые цифровые компетенции.

Содержание программ обучения управленческих кадров большинство экспертов оценивают также высоко и отмечают что в условиях формирования новых социально-экономических и технических отношений целесообразно усиливать: умение разрабатывать и реализовывать новые проекты (83%), владение современными методами управления (67%). Выпускники существенно шире видят свои цели и задачи: понимание тенденций развития экономики (62%), повышение эрудиции (55%), возможность реализации разработанного проекта (52%). В целом выпускники ориентированы на более глубокое понимание управления и саморазвитие.

Подтверждением удовлетворенности качеством подготовки управленческих кадров является лояльность и готовность к дальнейшему сотрудничеству. По результатам исследования можно сделать вывод, что 63% руководителей организаций, направивших своих сотрудников, в целом готовы рекомендовать и в дальнейшем обучение по Программе, 30,4% - не только готовы рекомендовать, но и настоятельно рекомендуют, только 4,3% - сомневаются, что будут рекомендовать.

В тоже время исследование показало, что не смотря на востребованность цифровых компетенций рынок труда слабо представляет свое цифровое будущее, хорошо представляет лишь процесс оцифровки экономических, социальных и управленческих процессов. Однако реальный сектор экономики видим в этом больше «перегибов», рисков и угроз, чем возможности скорейшего достижения целей программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства. В большей степени эксперты считают, что это зависит успешность развития экономики зависит не только от системы образования, но и от государственной стратегии развития экономики страны.

1. Захаров В.М. «Президентская» программа подготовки управленческих кадров как технология воспроизводства профессионального потенциала кадров регионального управления // *Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право.* – 2013. - № 23 (166). Выпуск 26. С. 92-101.
2. Карташова Л.В., Толстякова О.В. Подготовка управленческих кадров для организаций народного хозяйства: результаты и перспективы развития // *Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова.* 2017. №1 (91).
3. Киселева Н.И., Голубева К.А. Мониторинг оценки качества образовательных услуг как управленческий ресурс подготовки управленческих кадров// *Самоуправление.* – №3 (120). – 2020. – с.44-47

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА НА РЫНКЕ ОНЛАЙН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

*Китайцева Ольга Вячеславовна
(Российский Государственный гуманитарный университет)*

Востребованность дополнительного образования у Россиян, связана с общей мировой тенденцией значительного увеличения срока деятельностной жизни человека, в течение которой он может быть профессионально активен. Исследователи называют промежуток профессиональной активности в диапазоне 15-75 лет. Благодаря цифровизации мира, развитию технологий, возрастает потребность в обретении новых навыков, новых профессий, актуальной становится переквалификация. Таким образом, устанавливается прочная связь между образованием и карьерой.

Объем российского рынка дополнительного образования взрослых растет высокими темпами и по прогнозам аналитиков HolonIQ достигнет в 2020 г. 325-330 млрд. рублей. Самым простым, быстрым и эффективным способом получить новые знания и встроиться в стремительно меняющуюся реальность становится онлайн-образование и хотя объем рынка этого вида образования существенно меньше, но к концу 2020 г. он достигнет 60 млрд. рублей и продолжит динамичный рост [1].

Говоря о дополнительном онлайн-образовании взрослых, надо заметить, что есть серьезные различия в развитии этого образовательного сегмента в мегаполисах и в других российских регионах. Актуальный для развитых стран тренд - «пожизненное образование» пока приживается только в столицах. В регионах низкая ротация кадров, а также ограниченное присутствие мощных бюджетных работодателей не сформировали запрос на регулярное, повторяющееся несколько раз в течение жизни, получение нового образования, новых знаний и навыков. А низкие доходы не формируют потребность в обучении чему - либо для самостоятельного развития, поэтому система дополнительного онлайн-образования взрослых развивается в регионах достаточно медленно.

В мегаполисах дополнительное онлайн образование востребовано гораздо чаще, чем в регионах. Доля жителей Москвы и СанктПетербурга, которые в 2019 году получили платное дополнительное образование на 10% превышает показатель по стране в целом. Социологический портрет целевой аудитории на рынке дополнительного образования Москвы - это женщины в возрасте 25 лет, без детей, являющиеся по роду занятости руководителем или высокооплачиваемым специалистом, со средним доходом выше 55 тыс. руб.[2].

Основной мотивацией обучения у женщин является получение дополнительных знаний и навыков внутри своей профессии. В этом случае люди совершают осознанную и

дорогостоящую инвестицию и уделяют максимум внимания обучению. Однако нередко обучение направлено на расширение кругозора, желание лучше разбираться в себе и окружающих людях, а также научиться вести здоровый образ жизни. В этом случае ядро целевой аудитории выбирает несколько направлений для обучения.

1. Исследование компании HolonIQ «Education in 2030. Five scenarios for the future of learning and talent» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа URL: <https://www.holoniq.com/2030/> (дата обращения: 03.09.2020)
2. «Исследование российского рынка онлайн-образования» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа URL: <http://research.edmarket.ru/> (дата обращения: 01.09.2020)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В КАЛМЫКИИ

*Кованова Екатерина Сергеевна
(Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова)*

*Бадмаева Ноган Вячеславовна
(Калмыцкий научный центр РАН)*

Статья подготовлена в рамках проекта «Социально-экономические траектории развития монголоязычных регионов России (на примере республик Калмыкия и Бурятия)» (грант РФФИ 19-010-01082).

Агропромышленный комплекс является важнейшей составной частью экономики Республики Калмыкия. В нём занято чуть более 20 % от общей численности занятых в экономике региона. К сожалению, численность занятых в сельском хозяйстве с каждым годом сокращается.

Между тем в республике, как и в целом в России, в настоящее время ощущается нехватка квалифицированных кадров традиционных специальностей для агропромышленного комплекса (агрономов, ветеринаров, специалистов по кормлению животных и др.). Однако, современная жизнь формирует и необходимость в квалифицированных специалистах, способствующих инновационному развитию сельского хозяйства и снижению импортозависимости в этой сфере. К таким специалистам можно отнести генетиков в животноводстве и растениеводстве, специалистов по цифровизации сельского хозяйства, микробиологов и других.

Основным ключевым барьером в цифровизации процессов экономики на региональном уровне является проблема кадров в сфере цифровой экономики.

Демографические процессы играют ключевую роль в развитии экономических и социальных процессов. Количество и качество населения страны определяют ее положение на мировой политической и экономической арене, потенциал экономического роста, смену технологических укладов, возможность развития инноваций, развития цифрового общества.

Однако в Республике Калмыкия отмечается ряд сложных демографических проблем, влияющих на демографический потенциал региона, человеческий капита в целом. Высокий миграционный отток населения, высокий уровень смертности, сокращение доли трудоспособного населения, миграция сельского населения — все это влияет на демографический потенциал региона и соответственно на показатели развития цифровой

экономики, цифрового общества. Высокой миграционной подвижностью обладает население в трудоспособном возрасте, имеющие высшее образование, а также в регионы не возвращается молодежь, которая получала образование в других регионах.

Таким образом, сельское хозяйство республики нуждается в высококвалифицированных специалистах. Однако на сегодняшний день остаются нерешенными вопросы, связанные с формированием и развитием кадрового потенциала отрасли, среди которых ученые и практики отмечают слабую закрепляемость кадров, усиливающуюся миграцию сельского населения и др. [Гуляева, Бураева 2017: 80].

1. Гуляева Т.И., Бураева Е.В.. Проблемы кадрового обеспечения регионального АПК в условиях миграции сельского населения (на примере Орловской области) // Вестник аграрной науки. 2017. №. 5 (68). – С. 80–88.

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Ковтун Екатерина Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), Санкт-Петербургский государственный университет)

Одним из перспективных инструментов противодействия коррупции в условиях развития цифрового общества в России являются цифровые технологии, обеспечивающие большую прозрачность в сфере принятия политических решений и осуществления политическими акторами своих функций. Так, применительно к сфере антикоррупционной политики можно выделить следующие направления, в которых цифровые технологии способны снизить коррупционные риски: 1) автоматизация процессов предоставления и получения государственных услуг; 2) мониторинг предоставления деклараций государственными служащими и сведений, содержащихся в них; 3) повышение прозрачности процедур государственных закупок; 4) создание информационных каналов для приема обращений граждан о ситуациях, связанных с коррупцией; 5) сбор, анализ и использование данных о правоприменительной и судебной практике в отношении дел, связанных с получением либо дачей взятки и конфликтом интересов.

На сегодняшний день в России реализуются механизмы, направленные на обеспечение прозрачности государственной власти и снижение коррупционных издержек для граждан — например, предоставление государственных услуг гражданам на основе единого интернет-портала, система «Открытое правительство», а также размещение информации о государственных закупках в единой информационной системе и размещение в сети интернет данных о доходах и имущественных обязательствах госслужащих [1]. Кроме того, следует обратить внимание на деятельность НКО: проект «Декларатор», реализуемый Transparency International Russia [2], агрегирует данные деклараций чиновников и аналитику по ним, а «Книга жалоб о коррупции» в онлайн-формате позволяет собирать информацию о случаях коррупции и консультировать обратившихся.

Помимо обеспечения прозрачности информации и удобства для пользователей, цифровые технологии формируют установки общества в отношении коррупции и влияют на уровень доверия к власти и оценки её эффективности. В то же время следует отметить, что использование цифровых технологий в антикоррупционной политике несомненно нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Так, существуют коррупционные риски в госзакупках даже при размещении информации на официальном портале и

проведении открытых конкурсов, ввиду того, что коррупция в этом случае может проявляться на более высоком уровне, трансформироваться в е-коррупцию («откаты», закупки, проводимые под конкретного исполнителя и др.) [3].

Цифровизация требует не только развития механизмов обеспечения открытости государственного управления, но и интеграции процессов, обеспечения межведомственного взаимодействия, для возможности сбора и анализа больших массивов данных, на основании которых возможно раннее выявление коррупционных рисков, внедрение инноваций в сферу антикоррупционной политики. Таким образом, роль органов государственной власти в сфере антикоррупционной политики в условиях цифрового общества заключается не просто в сдерживании коррупции, а в способности предвидеть и предотвращать её на ранних этапах.

1. Доклад об итогах внедрения системы "Открытое правительство" и перспективах до 2024 г. // Открытое правительство URL: <https://report.open.gov.ru/> (дата обращения: 09.10.2020).

2. О проекте. Что такое "Декларатор"? // Декларатор URL: <https://declarator.org/> (дата обращения: 09.10.2020).

3. Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. №1(171). С. 9-13.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Когтева Ульяна Андреевна
(ГБОУ ВО МО "Технологический университет" имени дважды Героя Советского
Союза летчика-космонавта А.А. Леонова)

Чернышова Анна Геннадьевна
(ГБОУ ВО МО "Технологический университет" имени дважды Героя Советского
Союза летчика-космонавта А.А. Леонова)

Всеобщий одномоментный переход на дистанционный формат работы, обучения и предоставления услуг, вызванный пандемией вируса Covid-19, не оставил организациям и участникам взаимодействия выбора, кроме как адаптироваться и развивать цифровые компетенции своих сотрудников. Образовательные учреждения, в планах которых уже достаточно давно присутствует такой пункт, как «цифровизация», столкнулись с такими вызовами, как: 1) готовность технической инфраструктуры к цифровому переходу, 2) готовность персонала работать удаленно, и, наконец, 3) цифровые компетенции преподавателей и студентов.

В период пандемии разные университеты выработали различные практики реализации дистанционного образования, применяя уже готовые решения, существующие на рынке, а также разрабатывая собственные платформы. Наиболее распространенной программой, используемой для организации образовательного процесса, стал Zoom, позволяющий не только проводить онлайн-конференции, но также интерактивно взаимодействовать в рамках работы над одним документом.

ГБОУ ВО МО «Технологический университет» с достоинством справился с вызовами пандемии и переходом на дистанционное обучение. Так, в университете

использовали не только сторонние программы, такие как Zoom и Trueconf, но также продолжали совершенствовать собственную платформу «Образовательный портал», который на сегодняшний день имеет следующий функционал: 1) преподаватель может создать дистанционное занятие, в рамках которого он может не только прикрепить ссылку на видео-материалы (авторские и свободной лицензии), но также прикрепить к занятию различные дополнительные материалы, такие как книги, тесты и пр.; 2) преподаватель может создавать чаты со студентами, в которых во время пары может происходить онлайн-общение, при этом функционал чатов также позволяет обмениваться файлами и ссылками; 3) преподаватель имеет возможность разместить на видео-хостинге образовательного портала записанные им лекции, которые в дальнейшем может прикреплять к своим дистанционным занятиям. Все перечисленные функции при этом достаточно просты в использовании и не требуют специальных навыков владения техническими средствами (инструментальных компетенций), а в случае недостаточности их уровня, обучение работе на образовательном портале не вызывает сложности даже у «возрастных» преподавателей.

Что касается организации функционирования образовательной организации и дистанционной работы сотрудников университета, то «Технологический университет» также разработал дополнительный функционал в рамках обозначенного ранее образовательного портала. В качестве примера удаленного взаимодействия можно привести программу Электронного документооборота, позволяющего проводить онлайн-согласование документов, а также взаимодействие участников конкретного задания, что позволило оперативно и без задержек выполнять все административные задачи.

Среди рисков и минусов одномоментной цифровизации деятельности образовательного учреждения можно назвать следующие: 1) недостаточная готовность технической инфраструктуры к одновременной работе всех преподавателей и студентов в сети в режиме онлайн, что привело к своеобразной «очереди» на работу в онлайн-кабинетах во время лекций и практических занятий; 2) недостаточной ориентированности большинства имеющихся программ для организации практических занятий, особенно узко-профильных, и, наконец, 3) огромная нагрузка на технический персонал, сопровождающий дистанционную работу университета.

Список использованной литературы:

1. Когтева У.А. Информационные компетенции субъектов образовательного медиапространства в условиях цифровизации // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 6. С. 70-75.
2. Чернышова А.Г. Современное состояние этики и социальной ответственности бизнеса в России // В сборнике: *Русский космизм: история и современность, сборник трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции*. Под общей научной редакцией Т.Ю. Кирилиной. 2018. С. 237 – 242.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ ОБЩЕСТВА.

*Корнеева Ирина Игоревна
(МГУ им. М.В. Ломоносова)*

Общество изменилось, и качественные изменения в методологии исследования политической жизни цифрового общества должны лежать в плоскости анализа процесса цифровизации политической коммуникации в виртуальном пространстве социальных медиа.

Политическая цифровизация – это процесс внедрения цифровых технологий в сферу политической коммуникации. Динамика цифровизации политической жизни выражается в стремительном росте числа и видов используемых современных технологий воздействия на общественное сознание. Происходит гибридизация политического присутствия в интернете, когда наряду с взаимодействием реальных субъектов происходит генерация смыслов со стороны роботизированных программ.

Одной из распространенных социально – политических технологий воздействия на политическое общественное сознание является использование социальных ботов (от англ. «bot», сокращенное от «robot»). Боты (или «виртуальные личности») представляют собой программы, внедряемые в социальные сети с целью имитации коммуникативных действий человека [1, 122]. Подобные «виртуальные личности» обладают возможностью создавать сообщения и вести диалог с реальными пользователями для создания положительного или, напротив, негативного образа политического лидера, партии или иных политических сил. В результате создается видимость общественной поддержки или порицания, генерируется информационная среда. Таким образом, реализуется технология астурифитинга – создания общественного мнения при помощи искусственного интеллекта. Социальные боты также имеют программные возможности для более широких стратегий - распространения пропаганды и даже участия в информационных войнах.

Совокупность ботов, управляемых одним или несколькими личностями, является смежной с предыдущей еще одной технологией генерации астурифитинга. Эта технология получила название «sock puppet revolution» - «куклы на руке» [2, 74]. Наборы ботов за короткий промежуток времени способны привести в действие политическую технологию «спираль молчания». Этот термин, предложенный немецким социологом Э. Ноэль – Нойман, в контексте цифрового политического пространства используется для обозначения процесса удержания реальных участников политического дискурса от радикальных высказываний, осуждения или поддержки политических сил на интернет - площадках. Довольно распространена технология использования фейковых аккаунтов («fake accounts»), за которыми стоят реальные люди, выдающие себя в цифровой среде за известную политическую личность. Среди воздействующих на визуальное восприятие технологий отметим технологию распространения сетевых мемов («memes»). Мемы в краткой плакатной форме передают содержание стереотипа, который необходимо сформировать относительно политической реальности.

Таким образом, современные технологии в среде интернет позволяют управлять политическим сознанием общественности заметно проще, чем это было возможно средствами доцифровой политической реальности.

1. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в политической коммуникации. Вестник РУДН. Серия: Социология // 2019 Vol. 19 No.1 121—133.
2. Мартыанов Д.С. Политические боты как профессия // Политэкс. 2016. Т. 12. № 1 / Martyanov, D.S. Politicheskie boty kak professiya [Political bots as a profession]. Politex. 2016; 12 (1) (In Russ.).

ПОТЕНЦИАЛ ИНФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Короева Вероника Алановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Санадзе Яков Давидович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Комиссарова Анастасия Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Значительные качественные изменения во всех сферах жизни общества сопряжены в последние десятилетия с развитием цифровых технологий. В эпоху цифрового общества происходит серьезная трансформация социальных институтов под влиянием процессов цифровизации и сетевизации, усиления мобильности. Главными движущими силами происходящих изменений социологи Б. Уэллман и Л. Райни называют социальные сети, интернет и мобильные технологии. [1, 178]

Образование как один из основных институтов одним из первых стал реагировать на изменения. Сегодня исследователи фиксируют процесс выхода образования за рамки формальных институтов: школ, университет, колледжей и т.д. Помимо формального и неформального образования, говорят теперь о информальном образовании – индивидуальной познавательной активности вне стандартной образовательной среды, которая может протекать как осознанно - целенаправленно, так и неосознанно - спонтанно. [2] СМИ, семья, трудовой коллектив, социальные сети и веб-сайты сопровождающие человека в его повседневной жизни рассматриваются здесь как агенты образования в различных сферах. Тем самым процесс образования происходит везде и всегда через взаимодействие в процессе жизнедеятельности. Категория, появившаяся впервые в 70-80-е годы XX века, обрела особенно большой потенциал в связи с развитием цифровых технологий. Социальное взаимодействие теперь переходит в виртуальное пространство, осуществляется через социальные сети, мобильные приложения, онлайн-платформы и другие Интернет ресурсы. По данным за 2019 год, в среднем респонденты проводят в онлайн 6,5 часов в день. [3] Все это время не прекращается процесс информального образования, направляемого личными и профессиональными интересами пользователя.

Информальное образование открывает возможность для образования в течение всей жизни. Его потенциал заключен в повышении доступности дополнительного и самообразования, профессиональной переподготовки посредством неограниченной образовательной среды, в которой распределен и постоянно пополняется объем знаний, практик, компетенций. Образовательные возможности определяются здесь доступом человека к цифровым технологиям. Дальнейшее изучение социологами информального образования в сети Интернет позволит установить каналы, агентов образования, уровень усвоения знаний и практик, а также факторы, влияющие на него.

1. Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. С. 175-192.
2. Официальный сайт Совета Европы. Электронный ресурс. URL: <https://www.coe.int/en/web/lang-migrants/formal-non-formal-and-informal-learning>.
3. Digital 2019: Global Internet Use Accelerates. Электронный ресурс. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Костина Наталия Борисовна
(Уральский институт управления - РАНХиГС)

Дуран Татьяна Валентиновна
(Уральский государственный университет путей сообщения)

Общество на различных этапах его существования характеризуется множеством проявлений неравенства, для современного общества реальностью становится такой относительно новый вид неравенства как цифровое. Его очевидные проявления - неравный доступ к государственным цифровым услугам, неравенство между представителями одной и той же профессии вследствие интенсивного и широкого внедрения цифровых технологий, неравенство территориальных и демографических общностей в приобщении к цифровым информационным каналам, сетям и др. Есть у цифрового неравенства и экономический аспект, одним из проявлений которого является то, что доступ к цифровым услугам и способам цифрового взаимодействия в силу их немалой стоимости ограничен не только для отдельных граждан и общностей, но и для предприятий, коммерческих и некоммерческих организаций. Предупреждение углубления цифрового неравенства, преодоление уже существующих его форм является одним из направлений государственной информационной политики. Но практика применения IT-технологий, деятельности в цифровом обществе свидетельствует о том, что не каждое проявление цифрового неравенства заслуживает преодоления, более того, в ряде случаев наличие цифрового неравенства даже заслуживает поддержки и сохранения. Например, доступ к информационным ресурсам несовершеннолетних базируется на осуществлении контроля со стороны родителей, педагогов. СМИ также ограничивают доступность ряда цифровых продуктов, опираясь на соответствующие нормативные акты.

В государственном управлении ряда стран действуют правовые нормы, регулирующие свободу деятельности и распространение информации в сети Интернет, доступность цифровых продуктов (в форме фильтрации информации, запретов и ограничений на ее конкретные виды и содержание), ограничивающие доступ к оппозиционным интернет-СМИ. Как правило, подобные управленческие решения и их реализация обосновываются необходимостью сохранения внутренней стабильности и обеспечения государственной безопасности. Это – весомый аргумент для осуществления государством контроля за информационным содержанием интернет-ресурсов и доступа к ним. Но при этом ограничительные меры могут оцениваться одними гражданскими общностями позитивно, другими – как нарушение прав граждан на свободу доступа к информации. Такая дилемма актуализирует теоретические и прикладные исследования цифрового неравенства и управления им, обоснованности принятия решений, которые не нарушают гражданских прав и свобод, и при этом не создают опасности для государства, социальных групп, экономических субъектов, частной жизни граждан.

Таким образом, государственные решения относительно цифрового неравенства могут быть направлены как на его преодоление, так и на сохранение ряда его проявлений. Основанием этого является то, что государство как управляющий субъект обладает особым статусом - властью как правом принимать управленческие решения, и это право признается теми, кто данные решения исполняет.

ПРАКТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ С ГОРОДАМИ ПАРТНЕРАМИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)

*Котомцев Алексей Александрович
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации)*

Сегодня партнерами Екатеринбурга являются 21 город из 15 стран мира [1]. В условиях глобализации и усиления значения межмуниципальных связей возрастающая роль принадлежит такому инструменту как установление и реализация совместных проектов с городами партнерами. Кроме того, необходимо отметить тенденции создания сетей городов (3 - 4 города), объединенных общей целью и совместными проектами. Ярким примером может служить взаимоотношения Екатеринбург – Турин – Генуя – Сан-Ремо. Практика показала, что установление побратимских связей между городами и Екатеринбургом оказывает благоприятное влияние на развитие дружбы и сотрудничества в различных сферах общественной жизни, обмен и использование опыта партнеров в различных сферах, так как возрастает количество дипломатических представительств и консульских учреждений, отражающих статус города в мировой сети городов.

Открытие новых консульств – одна из стратегических задач, в первую очередь, федерального правительства, поскольку в значительной степени стимулирует развитие торгово-экономических связей и международное сотрудничество с территорией [2]. Размер консульского корпуса, расположенного в Екатеринбурге, представляет собой индикатор интереса международного сообщества к территории Уральского региона. Рост числа иностранных компаний, их представительств и филиалов также способствует привлечению мирового опыта в город, совершенствованию технологий производства и управления посредством создания совместных проектов и предприятий. Благодаря деятельности Уральской торгово-промышленной палаты, Финско-российской палаты, Отделу по развитию торгового обмена (И.Ч.Е.) Посольства Италии в РФ и другим представителям российского и зарубежного бизнеса Екатеринбург имеет возможность получать необходимую информацию о возможностях сотрудничества, а также потенциальных партнерах. Не менее ключевой составляющей, способствующей привлечению крупных иностранных компаний, является наличие в Уральской столице специалистов со знанием иностранных языков, специалистов, чей уровень подготовки отвечает международным стандартам.

Вместе с тем можно выделить и слабые стороны Екатеринбурга как международного центра: негативный имидж промышленного города с плохой экологией, в отдаленных от центра города грязные улицы; недооценка городским бизнес-сообществом возможностей сотрудничества для развития рынка конгрессных услуг города; отсутствие сотрудничества с международными ассоциациями (членства в международных ассоциациях) в сфере конгрессной деятельности; высокие цены на гостиничные услуги, авиаперелеты и транспортные услуги, формирующие цену конгрессного продукта города; нехватка конгрессных площадок (категорий «А» и «В») для средних и крупных мероприятий (свыше 1000 человек); низкая социальная ответственность жителей города: нет понимания важности соблюдения чистоты в городе, терпимости к представителям разных национальностей; недостаточное проявление культуры общения жителями города.

1. *Международное сотрудничество Министерства международных и внешнеэкономических связей [Электронный ресурс] // URL: <http://mvs.midural.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 20.04.2020)*
2. *Соболев А.О. Приоритеты внешнеэкономической политики промышленного региона России в условиях обострения геополитической ситуации. [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30096170> http://elar.ufrj.br/bitstream/10995/34265/1/urrr_2015_100.pdf (дата обращения: 20.04.2020).*

СЕТЕВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ РЕАКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кранзеева Елена

(Кемеровский государственный университет)

Материал подготовлен при поддержке университетского гранта КемГУ 2020 г. «Новые возможности исследований социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ»

Социально-политическое взаимодействие определяет качество и содержание региональных отношений, что обуславливает высокую значимость исследований в этом направлении.

Необходимость изучения изменений в социальном и политическом взаимодействии на уровне регионов обусловлена: во-первых, общими изменениями характера взаимодействий субъектов социально-политических отношений, связанными с зависимостью от информационных потоков и каналов их распространения (в т.ч. Интернет-технологий и сетевых коммуникации).

Во-вторых, специфическими особенностями России, связанными с ее глубокой региональной дифференциацией и двойственным характером социально-политического взаимодействия, когда общественные коммуникации (инициативы и проекты) зачастую не совпадают с ожиданиями и деятельными проектами представителей власти, и, наоборот [2]. Обширная территория также содействует формированию протяженных в пространстве и во времени коммуникаций. Современные технологии не всегда способны компенсировать или заменить традиционный уклад, региональные практики и социокультурные установки.

В-третьих, быстрые, реактивные отношения субъектов социально-политического взаимодействия представляют в некоторой степени угрозу политическим решениям, в силу слабой проработанности последних из-за необходимости реагировать здесь и сейчас. Нарастание ситуаций быстрого реагирования не всегда позволяет органам власти маневрировать, зачастую активируются традиционные приемы и механизмы социально-политического взаимодействия, предполагающие преимущественно набор декларативных и директивных процедур. Мнения и суждения социального множества акторов в условиях реактивных отношений приобретает новое практическое звучание [3]. Так, среди молодежи, которая еще в 2010-2015 гг. отличалась своей аполитичностью и отсутствием стремления к соучастию в решении социально значимых вопросов, сейчас наблюдается заинтересованность к событиям политического характера, возрастает интерес к вопросам гражданской активности (в том числе сетевой).

Значимые и/или проблемные для общества события современной жизни требуют комплексных приемов взаимодействия со стороны власти и населения [1; 4].

Трансформация исследовательского поля в сочетании с универсализацией прикладных исследовательских методик позволяет предположить появление комплексных информационных, пользовательских массивов, баз данных в формировании и использовании которых могут принимать участие заинтересованные граждане и/или группы, местные сообщества и пр.

1. Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Орлова А.В. Социальные практики мобилизации инициатив населения: перспективы гибридной методологии // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб, 2018. С. 207 – 217.
2. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллективная монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. проф. Л. Л. Шпак. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2016. 369 с.
3. Чирикова А.Е. Региональная социальная политика: акторы и мотивация // Мир России. 2011. №4 (15). С.1-27.
4. Ohme, J. (2019). Updating citizenship? The effects of digital media use on citizenship understanding and political participation. *Information, Communication & Society*, 22 (13), 1903-1928. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1469657

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СЕТЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Красноперова Алина Юрьевна
(Кемеровский Государственный Университете)*

Материалы подготовлены при поддержке гранта РФФИ 20-011-31737 «Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях “реактивных” социальных и политических взаимодействий».

Бурное развитие цифровых технологий, их повсеместное распространение и использование оказывает значительное влияние на различные социальные процессы, в том числе на коммуникацию населения и власти. Цифровизация – постепенный процесс перевода в информационную форму сфер и граней материального мира.

Современные цифровые технологии приводят к универсальной форме прежнее многообразии доступных аудиовизуальных инструментов, языка и др. Это способствует конструированию параллельного реальному цифровое пространство [1, 8].

Виртуальное пространство становится привлекательное площадкой не только для повседневного общения, но и для политической коммуникации. Уже становится не удивительным тот факт, что массовое вовлечение в политическую дискуссию происходит не в публичном пространстве с помощью традиционных средств коммуникации, а посредством использования социальных сетей и других механизмов, которые также имеющих цифровую природу. Это все становится причиной не только трансформации внутривнутриполитических процессов, но и является основой изменения процессов на глобальной мировой арене.

Сегодня все чаще лидерами общественного мнения становятся различные блоггеры, которые осуществляют свою деятельность в пространстве Интернета. Именно они

становятся активными участниками политической коммуникации, участвуя в политических акциях, проектах. Это следствие доступности большого объема информации, быстроты общения и других преимуществ виртуальной коммуникации. Появляется возможность общения с гражданскими сообществами других стран, минуя их легитимные правительства, стирая тем самым границы коммуникации между представителями различных государств.

В связи с этим под воздействием процессов цифровизации отношений происходит своего рода «сцепление» между инертной в силу своих масштабов политической системой и эмоционально пластичным социумом, наращивающим свои инструментальные компетенции за счет все более доступных новых технологий [1, 10]. Влияние цифровых технологий на построение и развитие политических отношений увеличивается с каждым днем. Это способствует появлению тенденции быстрых и краткосрочных воздействий на политическую систему и отношения внутри нее. Происходит непрерывное обновление повестки дня и технологий, что в свою очередь не позволяет провести рефлексию о полученных результатах. Российское общество не успевает осмысливать информацию, что сохраняет за государством реальную возможность политико-управленческого контроля.

Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. 12(6). С. 6-28.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТСМЕНА В СМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.

*Кулишенко Григорий Андреевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Российский профессиональный спорт обладает своими особенностями, связанными с социокультурными и другими характеристиками нашего общества. В связи с этим образ профессионального спортсмена также наделяется отличительными чертами, на которые влияет множество факторов. Одним из решающих в конструировании образа профессионального спортсмена, является деятельность средств массовой информации. СМИ не только обеспечивают общественность информацией о важнейших событиях, происходящих в нашей стране и за ее пределами, но и формируют определенные представления людей о событиях, фактах общественной жизни или социальных группах. Не является исключением и профессиональная спортивная группа. На наш взгляд, СМИ преподносят и распространяют определенное видение того, каким должен быть профессиональный спортсмен. Таким образом, основная проблема заключается в том, чтобы понять, какими характеристиками СМИ наделяют образ профессионального спортсмена в России сегодня, и как на это влияет цифровизация общества.

Различные периоды в развитии профессионального спорта характеризуются конструированием достаточно непохожих друг на друга представлений о спортсмене. Нельзя отрицать, что образ советского спортсмена отличен от того, что можно видеть сегодня. Это проявляется не только (и не столько) во внешних характеристиках, но и в принципах, которые провозглашал профессиональный спорт, в мотивах, которые двигали профессиональных спортсменов к новым победам. Особую роль в формировании подобных представлений играли и продолжают играть различные СМИ, которые стали демонстрировать жизнь спортсменов за пределами «площадки или ринга», акцентируя

внимание на их образе личной жизни и скандалах, которые разворачиваются вокруг них. Не менее актуальными являются разоблачения профессиональных спортсменов в применении различных препаратов, а подобные репортажи или статьи становятся темой для обсуждения на международном уровне.

При этом особую роль в формировании образа профессионального спортсмена приобретают и активно «захватывают» социальные сети и средства массовой информации, перешедшие полностью в цифровой формат. Они вытесняют «традиционные» СМИ, предлагая еще больше информации, которая оказывает влияние на формирование представлений у общественности о том, кто такой профессиональный спортсмен, сколько он зарабатывает, на каких машинах передвигается и сколько раз в год отдыхает за границей. Вся эта информация становится более доступной и находится (в большинстве случаев) в открытом доступе. Подобная информация не может не участвовать в конструировании особенностей образа профессионального спортсмена у представителей массового сознания. Выявление и рассмотрение этих особенностей, которые характерны для профессионального спортсмена и спорта в целом, позволят сделать вывод об актуальных тенденциях в презентации образа профессионального спортсмена в современной России.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, КАК СПОСОБ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ «ВЛАСТЬ-ОБЩЕСТВО»

*Куражев Сергей Дмитриевич
(Магистратура, 1 курс, факультет социологии СПбГУ)*

Актуальность данной темы связана прежде всего, в связи с такими факторами, как:

1. Современные проблемы требуют современных решений. Темп политической жизни ускоряется, социально-политические проблемы требуют адекватного реагирования и скорейшего отклика, как со стороны государства, так и со стороны граждан.

2. В политической сфере появилась возможность применять интернет-технологий. Происходит расширение информационного обмена и диалога между гражданским обществом и политическими институтами.

3. Стимулирование политической активности граждан «сверху» со стороны государства активизирует потенциал политической коммуникации «снизу» через виртуальные сообщества. При этом группы в структурах социальных сетей являются ярким примером создания гражданского общества «снизу», поскольку иницируются гражданами, действуют в неполитической сфере и не подконтрольны государству.

4. Развитие таких форм политической коммуникации, как «электронное правительство», [1, 160] сайты органов государственной власти, социальные сети, создают предпосылки для переноса реальной политики (оффлайн) в виртуальную область (онлайн).

Особенности политической коммуникации в интернете: отсутствие сроков обратной связи; горизонтальная коммуникация в виртуальном пространстве; отсутствие барьеров; независимость от местоположения.

Наиболее популярные площадки для коммуникации представителей власти с гражданами в сети интернет можно условно разделить на три направления:

1. Индивидуальные страницы, блоги, аккаунты политических деятелей и представителей гражданского общества. Наиболее распространённые представители данного сервиса: «Twitter», «Instagram» и др.

2. Сообщества, социальные группы. Наибольшей популярностью у этого направления обладают социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.

3. Официальные сайты государственных органов. Например, kremlin.ru, gov.spb.ru и др.

Чтобы дать определение подобному виду политического взаимодействия, учеными часто используется термин «электронная демократия».[2, 38] Они допускают возможность перемещения некоторых демократических форм участия граждан в политике в информационную среду (например, подпись петиций, обсуждение законопроектов и т.д.). Конкретно в Санкт-Петербурге наиболее ярким примером такого перемещения является проект «Твой бюджет». [3]

1. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 160-174.

2. Мураценков С.В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 35-40.

3. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга: [Электронный ресурс]: <https://tvoymbudget.spb.ru/> (Дата обращения: 02.10.2020).

ДИСТАНЦИОННОЕ ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ В РЕАЛИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА

Ланцев Виктор Леонидович

(Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного образования "Дворец пионеров и школьников имени Ю.А. Гагарина")

Комплексную модернизацию системы образования невозможно представить без изменений как в нормативном-правовом поле, так и в подходах к профессиональному развитию педагогических кадров. Одним из ключевых событий процесса трансформации российского образования стало внедрение профессионального стандарта педагога, который создавался как рамочный документ, призванный оптимизировать процедуру приёма сотрудников на работу, аттестацию, а также задать вектор профессионального развития отдельно взятого специалиста [1]. В конце 2019 года в Орловской области нами было проведено исследование ряда показателей, характеризующих функционирование образовательных организаций и трудовую деятельность учителей в условиях профессионального стандарта, а также национальной системы учительского роста и национального проекта «Образование». В реализации последних также прослеживается ряд мероприятий, направленных на оптимизацию процесса достижения требований профессионального стандарта и разработку социально-управленческих механизмов его внедрения. В нашем исследовании приняли участие учителя и представители администрации общеобразовательных организаций, специалисты системы дополнительного профессионального образования, специалисты исполнительных органов власти. Профессиональный стандарт педагога постулирует необходимость постоянного развития педагогических кадров [2]. В то же время частый отрыв от основной работы, обусловленный обучением в специализированных организациях, которые порой расположены достаточно далеко от мест проживания и осуществления трудовой

деятельности, может негативно сказаться на результативности работы [3]. В этой связи перевод части программ повышения квалификации в дистанционный формат может позволить снизить нагрузку на педагогов, минимизировать затраты на командировочные расходы. Наше исследование показало, что в наибольшей степени дистанционный формат обучению приветствуют руководители образовательных организаций (средняя оценка 6,7 из 10), а в наименьшей – специалисты организаций дополнительного профессионального образования (5,8). С другой стороны, все участники исследования отмечают, что наиболее качественное повышение квалификации учителей происходит в стенах регионального Института развития образования (средняя оценка по разным группам респондентов от 8,1 до 8,9), в то время как уровень доверия к частным и коммерческим поставщикам образовательных услуг среди специалистов весьма низок (от 3,5 до 4,1). Таким образом, для сотрудников системы образования региона характерно желание обучаться дистанционно в стенах проверенных организаций дополнительного профессионального образования с целью профессионального развития и достижения требований отраслевого профстандарта. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости модернизации программ, предлагаемых институтами развития образования, и о реализации их в дистанционном формате.

1. Петунин О.В. *Профессиональный стандарт и повышение квалификации педагогов* // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. №3. Т.21. С. 113–116.
2. Фролова В.Н., Шилова Л.Н. *Разработка дополнительных профессиональных программ подготовки преподавателей в контексте требований профессионального стандарта педагога* // Перспективы Науки и Образования. 2017. №5(29). С. 25–28.
3. Карпачева И.А., Захарова М.А. *Принципы проектирования дополнительных профессиональных программ подготовки работников сферы образования* // Казанский педагогический журнал. 2015. №4-1(111). С. 52–57.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И АНАЛИЗ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ

Лю Чжуняо

Цифровая экономика - это ряд видов экономической деятельности, в которых в качестве важных элементов используются цифровые знания и информация, современные сети Интернет и носители информации, а также Интернет-технологии и технологии мобильной связи для содействия оптимизации экономической структуры и повышения эффективности экономической деятельности. По сравнению с другими традиционными моделями экономического развития, такими как промышленная экономика и экономика сельского хозяйства, значение цифровой экономики в основном воплощается в эксплуатационных возможностях, возможностях безопасности, пространственного воображения и возможностях управления. Всемирный экономический форум рассматривает цифровую экономику как необходимое условие для «четвертой промышленной революции» и считает, что цифровые технологии станут основой этой революции. Страны мира должны приложить все усилия для развития цифровой экономики, чтобы не дать странам упустить экономические и социальные выгоды, которые приносит цифровая экономика [8, 10].

Будучи крупнейшей и второй по величине экономикой в мире, политическая решимость Китая способствовать углублению цифровой индустрии и способствовать

горизонтальному расширению цифровой экономики нашла отражение в переходе от «Интернет +» к «Цифровому Китаю» [15, 18]. В новый период, цифровая экономика Китая переживает бум, и в то же время существует мягкое ребро, необходимо срочно оптимизировать развитие цифровой экономики Китая путем анализа глобальных тенденций стратегического развертывания цифровых технологий и цифровых стратегий основных развитых стран. Благодаря сравнительному изучению литературных источников и политики в данном докладе анализируется концепция логики и цифровой экономики процесса оцифровки, сравниваются тенденции цифрового стратегического развертывания в странах ОЭСР, анализируется конкретная цифровая стратегическая структура «3 + 1» Китая, Германия, США и Япония, и, наконец, исследует стратегию развития цифровой экономики в Китае в соответствии с характеристиками текущего развития цифровой экономики Китая [16, 19]. Стратегия развития цифровой экономики, которая соответствует вектору развития страны, способствует международному сотрудничеству в области цифровых технологий и способствует восстановлению и дальнейшему развитию мировой экономики, движимой цифровой экономикой.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ СОЛО

*Любимова Елена Анатольевна
(ФГАОУ ВО "Тюменский государственный университет")*

Феномен жизни соло представляют собой новую социальную тенденцию, которая является следствием растущих индивидуализации и дестрадиционализации. Рост доли людей, проживающих соло, воспринимается неоднозначно, поскольку может быть связан с определенным кризисом традиционных семейных институтов. Несмотря на то, что жизнь соло не является и, скорее всего, не будет преобладающим образом жизни, актуальным является своего рода «легализация» в общественном сознании возможности сознательного выбора такого стиля жизни.

Значительная доля взрослого населения являются одиночками. Жители планеты самых разных возрастов стали проживать одиночно. Отчетливо эта тенденция проявляется в развитых и богатых странах, где жизни в одиночестве способствует множество факторов.

Анализ более 90 зарубежных научных публикаций показал, что феномен «жизнь соло» состоит из нескольких компонентов и направлении исследований. Наиболее изучен указанный феномен в рамках социологии [1], демографии [2], экономики [3], однако в значительной степени игнорируется в психологической теории и исследованиях.

Палитра зарубежных исследований феномена одиночного проживания весьма разнообразна. Этот вопрос исследуется как в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, европейских странах Ирландии, Польше Швейцарии, так и в азиатских, например, Иран, Сингапур; Индонезия; Китай; Вьетнам, Таиланд, Мьянма, Япония и африканских обществах.

Анализ жизни соло включает рассмотрение досуговой сферы и туризма людей, проживающих в одиночку, инфраструктуры для одиночек и социальных связей, влияние живущих соло на экологию.

Дискриминация людей соло исследуется через призму соотношения «работа – личная жизнь» [4], а также стереотипы по отношению к людям, проживающим соло [5].

В качестве объекта анализа выбираются различные возрастные и гендерные группы, в том числе, молодые, пожилые, гомосексуалы.

Наполнение содержания дефиниции «жизнь соло» в зарубежных исследованиях осуществляется с помощью характеристики различных аспектов указанного феномена. Так, изучаются понятия «solo-living», «living alone», «single people», «singlehood», «solitary living», «living apart relationships» (LAT).

Отношения «living apart together» (LAT) более распространены в Западной, чем в Восточной Европе. Чаще LAT союзы образуют молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях, люди с высоким уровнем образования и либеральными взглядами, те, кто ранее имел опыт сожительства или брака. Некоторые группы рассматривают LAT как замену брака/сожительства [6].

Жизнь соло может характеризоваться комфортом и разнообразием. Этот феномен развивается, меняя социальную действительность и представления о взаимоотношениях, воздействует на специфику градостроительства и экономики. Указанное явление присутствует во всех социальных слоях, и может рассматриваться как стратегия совладания с вызовами социума, создавая жизненное пространство для рекреации.

1. Bartošová, M. K., & Fučík, P. (2017). *Emerging adulthood, solo living and changes in gender subjectivity*. *Sociologia (Slovakia)*, 49(3), 265–284; Callero, P. L. (2015). *Living Alone: Globalization, Identity, and Belonging*. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*, 44(5), 667–669. <https://doi.org/10.1177/0094306115599351aa>; Wasoff, F., Jamieson, L., & Smith, A. (2018). *Solo living, individual and family boundaries: In Families in society* (pp. 207–226). *Bristol University Press*. <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgm6r.21>; Lahad, K. (2017). *A table for one. A table for one* (pp. 1–153). *Manchester University Press*. <https://doi.org/10.7765/9781526116352>
2. Lewin, A. C. (2018). *Intentions to Live Together Among Couples Living Apart: Differences by Age and Gender*. *European Journal of Population*, 34(5), 721–743. <https://doi.org/10.1007/s10680-017-9446-0>; Liu, J., Wang, J., Beaujot, R., & Ravanera, Z. (2020). *Determinants of adults' solo living in Canada: a longitudinal perspective*. *Journal of Population Research*, 37(1), 53–71. <https://doi.org/10.1007/s12546-019-09235-8>
3. Young, M., & Lachapelle, U. (2017). *Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households*. *Transport Policy*, 57, 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.03.022>
4. Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2017). *Exploring the work–life challenges and dilemmas faced by managers and professionals who live alone*. *Work, Employment and Society*, 31(4), 640–656. <https://doi.org/10.1177/0950017016677942>; Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2018). *The perceived fairness of work–life balance policies: A UK case study of solo-living managers and professionals without children*. *Human Resource Management Journal*, 28(2), 325–339. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12181>
5. DePaulo, B. (2006). *Singled Out: How Singles are Stereotyped, Stigmatized, and Ignored, and Still Live Happily Ever After*. *Contemporary Sociology* (Vol. 37, pp. 148–149). *St. Martin's Griffin*; Slonim, G., Gur-Yaish, N., & Katz, R. (2015). *By choice or by circumstance?: Stereotypes of and feelings about single people*. *Studia Psychologica*, 57(1), 35–48. <https://doi.org/10.21909/sp.2015.01.672>
6. Ayuso, L. (2019). *What future awaits couples Living Apart Together (LAT)?* *Sociological Review*, 67(1), 226–244. <https://doi.org/10.1177/0038026118799053>; Druta, O., & Ronald, R. (2020). *Living alone together in Tokyo share houses*. *Social and Cultural Geography*. <https://doi.org/10.1080/14649365.2020.1744704>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Малинина Татьяна Борисовна
(Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет социологии)

Год 2021 – год проведения выборов депутатов Государственной Думы РФ. Применение цифровых технологий в избирательной системе занимает особое место в социологических исследованиях не только в России, но и за рубежом. Новые информационно-коммуникационные технологии создают новые паттерны политического сознания и восприятия, что не может не влиять на модели электорального поведения [1,51]. Организация избирательного процесса в качестве инструмента должна использовать информационные технологии. Центризберком планирует в 2021 году открыть около 5000 цифровых избирательных участков во всех регионах РФ, чтобы избиратель мог проголосовать вдали от своего места жительства. Эксперты встревожены проблемой обеспечения доверия избирателей к результатам интернет-голосования. Процесс цифровизации избирательного процесса в большей степени интересует политтехнологов, активно использующих новые технологии в агитации. Заметим, что в Эстонии уже произошла цифровизация избирательного процесса. Для ее осуществления были приняты ряд нормативных актов, регламентирующих Интернет-голосование. В этом направлении ЦИК России должен предпринять определенные шаги, например, создать защищенную платформу для голосования на основе технологии блокчейн. Новые технологии меняют сознание, поведение людей, в том числе и электоральное поведение. По данным ВЦИОМ [2] большинство избирателей России (51%) предпочли бы интернет голосование, если это было бы возможно, а 46% опрошенных не стали бы так поступать. Однако, между способами голосования выбирают традиционный - 69% респондентов, электронный – 23%, по почте – 2%. Интернет голосование поддерживают чаще всего молодые люди от 18 до 24 лет (71%) и от 25 до 34 лет (51%). Избиратель еще плохо информирован о формах голосования. Привычная модель электорального поведения в будущем изменится в пользу электронного голосования, возраст электронной электоральной активности, в силу естественных демографических процессов будет постепенно повышаться.

1. Белоконев С.Ю, Васильев М.С, Титов В.В. Цифровые технологии в современных избирательных компаниях: особенности применения.// *Власть*, 2019, № 4. С.51-57.
<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sovremennyh-izbiratelnyh-kampaniyah-osobennosti-primeneniya> (Дата обращения 07.10.20.)
2. <https://zen.yandex.ru/media/id/5de646fed4f07a00ac1bed70/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-meniiaut-elektoralnye-privychki-5ed0a5a71cc2ac6b0ebceaeb> (Дата обращения 07.10.20.)

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: О НОВЫХ КАТЕГОРИЯХ АНАЛИЗА.

Мельников Евгений Геннадьевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В рамках отношений цифрового общества в научной литературе оформился целый ряд новых понятий, так или иначе связанных с социальными классами, которые заслуживают своего обсуждения. Вот – некоторые из них.

Особое место в рамках научных обсуждений принадлежит сегодня теории креативного класса Р. Флориды. Кем бы ни были по профессии представители данного класса — программистами, инженерами, архитекторами или кинорежиссерами, — творческий процесс поглощает их целиком. Р. Флорида определяет высшую степень творческой деятельности как производство новых форм или моделей, которые можно с легкостью распространять и широко использовать. В основе этой деятельности лежат в факторы, которые Р. Флорида называет "3 'Т' экономического развития": технология, талант и толерантность. Каждый из этих элементов в отдельности является необходимым, но недостаточным условием: только наличие всех трех может привлечь творческих людей, генерировать новаторство и стимулировать экономический рост [1].

Постиндустриальное общество становится сегодня менее зависимым от производства материальных ресурсов, но все более значимым становится то, в чьи руки попадут информационные ресурсы и как ими распорядятся. Это привело к возникновению нетократии, которая диктует "стиль" как сторонникам традиционного предпринимательства, так и апологетам интернет-бизнеса [2].

Нетократия является одной из возможных форм распределения власти в социуме, атрибутом могущества которой являются не деньги и недвижимость, а сетевая информация. При этом полноценный доступ к достоверной информации помогает ей поддерживать своеобразную власть над обществом и государством.

Настоящий «нетократ», в отличие от капиталиста, не собирается продавать открытый доступ к своему ресурсу. Он скорее будет распределять его лишь в рамках своей сети. Им нужна власть над "низшим классом" потребителей — «консумтариатом» («консьюмериатом»).

Консумтариат, на которого обрушивается огромный поток информации, становится легким объектом управления со стороны нетократов, обладающих сетевыми знаниями. Настоящий нетократ контролирует поступление людей в сеть и дает доступ к эксклюзивной информации лишь кругу избранных [3].

Когнитариат — класс наёмных работников умственного труда, класс людей, занятых в производстве информации (знания, технологии, образования, культуры и т.п.).

Авторство понятия «когнитариат» приписывают Д. Беллу, хотя ни в одном из его трудов не был использован этот термин. Вместо него применялось словосочетание «knowledge worker», переведенное на русский язык как «интеллектуальный работник», или иными словами — интеллигенция и работники наемного труда, занятые исключительно умственным трудом. В трудах Э. Тоффлера также можно встретить указание на то, что чисто физический труд находится в нижней части спектра и постепенно исчезает, ... «пролетариат» сейчас находится в меньшинстве и больше заменяется «когнитариатом» [4].

Термин «прекариат» происходит от английского precarious и латинского precarium и переводится как «вынужденный вести себя осторожно и осмотрительно из-за сложившейся непростой ситуации» [5].

Как считает Г. Стэндинг, прекариат состоит из людей, которые лишены некоторых гарантий, связанных с работой. Он выделяет семь видов таких гарантий: гарантии рынка труда; гарантии занятости; гарантия рабочего места; охрана труда; гарантии воспроизводства навыков; гарантия получения дохода; гарантии представительства [6, 25-26].

2. См.: Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод со шведского.* – СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
3. URL: https://studwood.ru/529633/marketing/kreativnyy_klass_istoki
4. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1381848>
5. *Что такое прекариат и почему сариат лучше?* // URL: http://neohr.ru/avtorskie-kolonki/article_post/chto-takoye-prekariat-i-pochemu-salariat-luchshe
6. Стэндинг, Гай. *Прекариат: новый опасный класс.* — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Милецкий Владимир Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Черезов Дмитрий Николаевич
(РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт
управления))*

Как известно, для России патерналистско-авторитарная модель правления в большей мере релевантна её культурно-историческим традициям, менталитету населения и обладает более весомым потенциалом для поддержания стабильности общества и управляемости страной из единого центра. В известной мере подтверждением сказанному являются результаты Всероссийского голосования 1 июля 2020 г. по поправкам в Конституцию, за которые высказалось 78 % участвовавших в этом плебисците не только по Новой Конституции, но и о доверии к Главе государства и его политике. Результаты голосования обезоруживают противников российского Президента и дают ему карт-бланш на продолжение поэтапной системной модернизации общества и конституционной реформы. Речь о том, что благодаря этим поправкам предусматривается перераспределить властные полномочия между основными институтами законодательно-представительной и исполнительной власти и начать переход от «суперпрезидентской» к президентско-парламентской республике, в которой существенно изменится соотношение сил между законодательной и исполнительной властью, в рамках которого полномочия по утверждению Председателя Правительства возлагаются на Государственную Думу, становящуюся более влиятельным институтом. При этом и выборы станут более конкурентными и интересными. Повышение конкуренции за голоса избирателей будет стимулировать политиков обращаться напрямую к избирателям. Ну а ограничение пребывания Президента на посту двумя сроками, конечно, не помешает России оставаться сильной президентской республикой, ибо почти все властные полномочия Первого лица государства остаются в руках В.В. Путина до 2024 г.

Вместе с тем, согласно новому Основному Закону, предусмотрено пре-вращение Государственного совета, учрежденного в 2000 году, во влиятельный правительственный институт, расширенные полномочия которого закреплены в Конституции и состоят в обеспечении «согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» (Статья 83, п. е 5). Такое усиление Госсовета после введения в действие Федерального Закона о его новом статусе в случае перехода В.П. Путина в будущем на

должность его руководителя позволит ему и далее в течение многих лет оставаться национальным лидером, играть весомую роль в политической жизни страны и гарантировать стабильность общества. Также стоит отметить, что согласно поправкам на территории страны конституционно ограничивается действие не соответствующих Основному Закону решений меж-дународных органов. Поэтому такого рода акты, например, содержащие требование возвратить Крым Украине, для руководства России не будут иметь юридического значения, поскольку теперь они противоречат Конституции.

Вышеназванные преобразования позволят существенно продвинуться в процессе формировании российской модели социально-правового государства и совершенствовании демократии.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Мыльникова Светлана Валерьевна
(ФГКУ Росгранстрой)*

В настоящее время развитие цифровых технологий в мире значительно увеличилось, что толкает наше общество на следующую ступень прогресса. С появлением компьютеров человечество начало новую эру цифровой цивилизации, сейчас почти все население планеты пользуется глобальной сетью «интернет» и черпает большое количество информации оттуда.

Нельзя выйти на улицу и увидеть человека без смартфона, планшета, ноутбука. Люди постоянно на связи, работают онлайн, решают проблемы на ходу, а с распространением коронавирусной инфекции большая часть времени в сутках сконцентрировалось на решение поставленных задач в удаленном доступе через домашний компьютер: от покупки продуктов до онлайн посещения лекций в университете.

В связи с распространением вируса общество открыло для себя новый вид взаимодействия друг с другом. Во многом дистанционное обучение в школах, техникумах, университетах облегчило ученикам и студентам жизнь: есть возможность продолжить обучение независимо от обстоятельств, подготовиться к экзаменам без траты времени и просиживания попусту дома главное иметь стабильный интернет.

Дистанционное обучение имеет ряд положительных и отрицательных моментов.

Положительные стороны:

- 1) Возможность планирования индивидуальной программы обучения, быть мобильным.
- 2) Возможность скованным ученикам/студентам проявлять себя.
- 3) Экономия денежных средств (если обучение является дополнительным в виде курсов, вебинаров) [2].

Отрицательные стороны:

- 1) Рост социальной безразличности, отсутствие сильной мотивации к социальному взаимодействию, а также развитие одиночной деятельности.
- 2) Слабая мотивация при подготовке и исполнению заданий.
- 3) Невозможность организовать дистанционное обучение всем ученикам/студентам.
- 4) Невыполнение практических заданий.

Лабораторией медиакоммуникаций в образовании НИУ ВШЭ был проведен социальный опрос среди учителей разных регионов на тему «Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей».

По данным социального исследования 64% опрошенных учителей до перехода на дистанционное обучение пользовались образовательными онлайн-платформами регулярно или время от времени. В период перехода школ на дистанционное обучение доля тех, кто использует онлайн-ресурсы при проведении уроков, увеличилась с 64%

до 85%. 74% педагогов, которые прежде не пользовались вообще никакими образовательными онлайн-ресурсами, стали их применять. Из них 47 % отметили, что, скорее всего, продолжат пользоваться ими и в будущем в своей работе.

Кроме технических сложностей, учителя выделили недостатки дистанционного образования в непонимании как заниматься такими предметами как ИЗО, музыка, физкультура. В некоторых школах на время удаленного обучения занятия по этим предметам отменили. Среди учителей начались беспокойства - сохранится ли за ними полагающаяся зарплата. Отмечается также, что нет удобной платформы для занятия с детьми с ограниченными возможностями здоровья [1].

Также ярко выражены межрегиональные различия перехода на дистанционное обучение учеников/студентов.

Таким образом, можно отметить, что сложившаяся ситуация в мире дает нам понять насколько важно иметь во-первых, возможность к получению образования дистанционно, во-вторых, правильно организовать работу онлайн-платформ, учителей и учеников, чтобы механизм перехода в мир с полными цифровыми возможностями работал. Наше общество только готовится к переходу к новому этапу цифровой цивилизации и не безуспешно.

1. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. Апрель 2020 г. Лаборатория медиакоммуникаций в образовании НИУ ВШЭ.

Электронный ресурс. Режим доступа:

<https://icef.hse.ru/data/2020/04/15/1556221517/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B8%CC%86.pdf>
(дата обращения: 04.10.2020).

2. Дистанционное обучение. Плюсы и минусы. Электронная газета «Вести образования» Электронный ресурс. Режим доступа: <https://vogazeta.ru/> (дата обращения: 04.10.2020).

СИСТЕМА ЖКХ БЕЛАРУСИ ПОД ПОПЫТКОЙ ДАВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 9 АВГУСТА 2020 ГОДА

*Назарова Дарья Вячеславовна
(Институт социологии НАН Беларуси)*

После выборов Президента Республики Беларусь 9 августа 2020 г. все ярче стали проявляться признаки целенаправленно осуществляемой так называемой «цветной революции». Системный подход (в отличие от естественно и спонтанно возникающих протестов граждан) в реализации политических целей в основном «ненасильственной борьбы» прослеживается практически по всем сферам. Если обратиться к книге Джина Шарпа «Политика ненасильственных действий» (1973 г.), то по событиям в поствыборный

период в Республике Беларусь можно без труда обнаружить попытки и реализацию не менее половины всех пунктов/методов из 198, предложенных американским автором [1]. Под такое целенаправленное давление попали не только главные политические субъекты и институты. Попытки давления, по методам Шарпа, производились также в банковской сфере – призывы и действия к снятию вкладов, обмена валюты, отказу от обслуживания в гос. банках; появлялись «черные списки» и призывы к точечному потребительскому бойкоту; к организации забастовок рабочих определенных знаковых для Беларуси промышленных предприятий; профессиональные забастовки – медиков, журналистов, спортсменов и т. д.; в системе образования – публичные обвинения, призывы к отказу от посещения общеобразовательных школ, протесты студентов и много другое. Особенностью реализации такого рода протестов и акций является то, что они начинаются с призывов на сайтах оппозиции, в известных телеграм-каналах, и выглядят в форме пошаговых инструкций. Активно пробуются «кибертерроризм» – атака на государственные интернет-ресурсы, сайты, базы данных организаций.

Система ЖКХ республики также подверглась такому «ненасильственному давлению». Начиная с повышенной нагрузки по приведению в порядок улиц после шествий, ликвидации надписей (п.12 из методов Шарпа), лозунгов, карикатур и символики протестов (п.7 и п.8) на фасадах зданий, блокировки дорог (п.176), до призывов отказа от оплаты ЖК-услуг (п.74) и «создание чрезмерной загрузки административной системы» (п.193) в виде жалоб-заявок. Так, на республиканском портале городского хозяйства «Мая рэспубліка» 115.бел. (<https://115.бел/>), – единой базы по стране заявок на ЖК-обслуживание от населения, – можно проследить динамику подобных обращений: за 09.2020 г. – 238 664, за 09.2019 г. – 266 286 по РБ. Анализ характера обращений позволяет говорить о превышении одного типа жалоб лишь на 18,52 тыс. при значительном уменьшении других. Ежедневная пеня за неплатежи ЖК-услуг составляет 0,3 % от суммы накапливаемого долга, и в г. Минске задержка оплаты ЖК-услуг (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), также крайне незначительна. Это говорит о нераспространенности такого рода протестов среди граждан, по крайней мере, пока. Организаторами протестов после выборов была массово растиражирована Интернет-ссылка (<https://dze.chat>) на чаты домов по всей республике в онлайн-режиме, где протестно настроенные граждане могли зарегистрироваться, общаться и планировать свои коллективные частные инициативы. Ссылки на подомовой интернет-чат также дублировались на бумажном носителе и вбрасывались в почтовый ящик. Анализ данных на 8 октября 2020 г. показал крайнюю незначительность и отсутствие массовой поддержки. Таким образом, те Интернет-сервисы и IT-возможности, которые ранее служили для улучшения качества жизни людей, могут стать и средством реализации политического давления и протестов.

1. Gene Sharp, The Politics of Nonviolent Action, Vol. 2: The Methods of Nonviolent Action – Boston: Porter Sargent Publishers, 1973.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ВОЙНА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

***Немирова Наталья Викторовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)***

Война относится к массовым экзистенциальным страхам, питаемым военной риторикой СМИ и постоянно поддерживаемым чувством катастрофизма, изоляционизма, и

окружением России кольцом врагов. Угроза мировой войны по данным Левада-центра в 2019 году стоит в рейтинге страхов населения на втором месте после боязни за здоровье близких и детей [3]. Формирование и поддержание образов врагов способствуют нарастанию страхов о войне. Это серьезная нагрузка на обыденное сознание граждан. Война – это социальная травма пережитая обществом, и если Великая Отечественная война имеет консолидирующее значение для российской нации, то Афганская, Чеченская и другие локальные войны вызывают болезненные чувства, обостряют посттравматический синдром. Сегодняшние военные действия в Сирии, военный конфликт на Украине, по мнению ряда специалистов, воспринимаются россиянами как военные операции, а никак «серьезные и большие» войны между государствами [2]. Россияне не хотят «настоящей» войны, в российском обществе отсутствуют подобные милитаристские настроения. За счет развития цифровых технологий война виртуализируется, и как следствие, представления о войне искажаются.

Категория памяти всегда персонифицирована и социальна одновременно, она лежит в русле аксиологического подхода и соединяет в себе ценность и оценку. Носителями и хранителями исторической памяти выступают социальные общности, такие как семья, нация, государство. Согласно опросу проведенному компанией Ipsos в 28 странах мира к 75-ой годовщине окончания Второй мировой войны, в России выделен наивысший уровень поддержки населением мероприятий направленных на сохранение памяти о Второй мировой войне (81% россиян, 55% в целом по странам мира), граждане России больше всех в мире (83%, 46% в целом по миру) гордятся ролью своей страны во Второй мировой войне [1].

В докладе анализируются механизмы цифровизации исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере акции «Бессмертный полк» и мероприятий празднования Дня Победы в 2020 году), и сравниваются представления о Великой Отечественной войне и современных локальных войнах. Используя вторичные социологические данные, представленные в открытом доступе (ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, Циркон, Gallup, Pew Research center, Ipsos) исследуется факт, как виртуализация войн изменила концепт «война» в массовом сознании россиян.

1. *75th Anniversary of the End of World War II: A Global View. Ipsos. May, 2020. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-05/global_advisor_-_75th_anniversary_of_end_of_world_war_ii_-_global_graphic_report.pdf (accessed: 25.07.2020).*

2. *Колесников А. Хотят ли русские войны. URL: <https://carnegie.ru/2016/03/21/rupub-63077> (дата обращения: 24.12.2019).*

3. *Социологи назвали главные страхи россиян. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/29/sotsiologi-nazvali-glavnye-strahi-rossiyan/> (дата обращения: 25.12.2019).*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ СЕМЕЙ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ

*Овчарова Ольга Геннадиевна
(ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет")*

*Козлова Наталья Николаевна
(ФГБОУ ВО "Тверской государственный университет")*

*Рассадин Сергей Валентинович
(ФГБОУ ВО "Тверской государственный технический университет")*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

Благополучная жизнедеятельность молодой семьи в Российской Федерации невозможна без реализации государственной семейной политики, меры которой направлены, в том числе и на экономическую поддержку и защиту семьи. Жилищные субсидии, материальные выплаты за рождение и воспитание детей, социальные льготы многодетным семьям и другие меры государственного содействия в состоянии эффективно разрешить проблемы не только самой семьи, но и повлиять на развитие института семьи как фундаментальной основы российского общества в целом, способствовать преодолению демографического кризиса.

Демографическая проблема в современной России артикулируется государством как одна из наиболее актуальных задач. Для ее решения был разработан ряд концепций (Концепция демографической политики РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 09.10.2007 г., Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.08.2014 г., концепции субъектов РФ). Учитывая стремительное развитие сетевого общества и интерес молодых людей к данному процессу, эти государственные документы предусматривают использование преимуществ дигитализации и сетевого пространства для выстраивания связей с гражданами. В рамках их реализации были созданы различные сервисы, направленные на уведомление граждан о мероприятиях в этой области. В частности, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) создало платформу «Молодая семья Онлайн», которая позиционируется как форум для молодых семейных пар с детьми и без, нацеленный на развитие каждого, улучшение взаимоотношений внутри семьи, формирование активной команды всероссийского общества молодых семей. В качестве других примеров можно привести функционирование открытых интернет-площадок АНО «Россия – страна возможностей» и АНО «Национальные приоритеты», проекты которых ориентированы, в том числе, и на развитие молодых семей. Аналогичные онлайн-сообщества актуальны и в регионах. Так, в Тверской области активно и эффективно функционирует сообщество Вконтакте «Тверская семья. Родители и дети», созданное Министерством демографической и семейной политики Тверской области в рамках реализации государственной программы «Развитие демографической и семейной политики Тверской области на 2020–2025 годы». Ресурс направлен на обеспечение гласности и открытости органов власти в решении вопросов семейной и демографической политики, повышение информированности пользователей.

Вместе с тем, к моменту создания Концепции Государственной семейной политики в социальных сетях уже появились самостоятельные сообщества родителей, мобилизационный и социальный ресурс которых для решения государственных задач весьма значителен. В данных группах решаются практические вопросы оперативности и действенности (либо их отсутствию) исполнения органами власти социально-экономических обещаний молодым семьям.

Таким образом, в условиях цифрового общества открытое взаимодействие частных и государственных субъектов обуславливает эффективность реализации государственных программ.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОПЫТ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ореховская Наталья Анатольевна

(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Попав в ситуацию новой реальности, вызванной распространением эпидемии COVID-2019 и введением карантина, система отечественного образования вынуждена была перестраиваться «на ходу» и результаты этой перестройки нам еще предстоит проанализировать и оценить.

Для начала необходимо определиться что мы понимаем под «дистанционным образованием». В статье 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дается разъяснение о дистанционных образовательных технологиях (ДОТ): «Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [1].

Можно с уверенностью обозначить преимущества дистанционного образования. Во-первых, обучение может осуществляться в любое удобное время и в любом месте. Во-вторых, дистанционное образование представлено чаще всего отдельными курсами, что дешевле, чем общий университетский курс в очном формате. В-третьих, нет ограничений для людей с ограниченными возможностями здоровья. В-четвертых, возможность получения диплома зарубежного университета или диплома государственного образца российского вуза. В-пятых, все вышеперечисленные возможности реализуются благодаря безграничным возможностям интернета.

Анализируя дистанционное образование, на наш взгляд, необходимо обозначить и ряд проблемных точек. Трудность вызывает создание электронной обучающей инфраструктуры, разработка или приобретение программного обеспечения, обучение или переподготовка преподавателей. Безусловно, увеличивается нагрузка на преподавателя. Этот факт подтверждается и результатами опросов студентов, 55% которых придерживаются данного мнения [2].

Согласно опросу Минобрнауки России и Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (проводился с 10 до 15 апреля 2020г.), 67% преподавателей не считают удобным дистанционный формат обучения, который вынуждены были использовать учебные заведения в связи с распространением коронавируса. В исследовании приняли участие 33 987 педагогов более чем из 100 вузов, что составляет примерно 15% всего профессорско-преподавательского состава РФ [3].

Сами преподаватели обозначают угрозы дистанционного образования, видя их, прежде всего, в снижении интереса студентов к изучаемым дисциплинам, поверхностному

освоению курсов, в отсутствии творчества и самостоятельности при выполнении заданий, развитии шаблонного мышления, в банальном списывании. И если лекции и часть семинарских занятий еще можно перевести на дистант, то проверку заданий, проведение лабораторных и практических работ необходимо проводить в режиме офлайн. На вопрос, «как вы считаете, сегодняшняя ситуация, вызванная коронавирусной инфекцией, через год приведет к улучшению или ухудшению качества высшего образования в России или никак не повлияет?», лишь 15% отвечают, что качество образования улучшится, 43% считают, что ухудшится [3]. Дело не в том, что преподаватели университетов консервативны или не владеют современными гаджетами - 83% опрошенных «практически постоянно» пользуются интернетом, еще 15% сказали, что заходят туда ежедневно [3], трудностью становится полноценная коммуникация между студентом и преподавателем. Отсутствие возможности общения «глаза в глаза», не только затрудняет, но и порой сводит на «нет» объяснение учебного материала.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что дистанционное образование может выступать только как дополнение к образованию традиционному.

1. *Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 2730ФЗ // ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/7029_1362/#friends#ixzz3qq5FE2Mj (дата обращения: 13.09.2020)*
2. *ВЦИОМ. [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10304> (дата обращения: 13.09.2020)*
3. *Преподаватели предпочитают поближе [Электронный ресурс] <https://www.kommersant.ru/doc/4349320> (дата обращения: 13.09.2020)*

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ВЛАСТЬЮ

Орлова Анна Владимировна
(ФГБОУ ВО "Кемеровский государственный университет")

Материалы подготовлены при поддержке гранта РФФИ 20-011-31737 «Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях “реактивных” социальных и политических взаимодействий».

В современном обществе актуализируются вопросы местного самоуправления, которое напрямую зависит от социальной активности местных сообществ. По мнению Л. И. Никовской и В. Н. Якимец, «повышение открытости государственного и муниципального управления в современной России требует эффективного использования инструментов обратной связи в публичной сфере» [2, с. 275].

И одними из этих инструментов становятся новые формы коммуникации. Все чаще для взаимодействия с властью люди разных возрастов выбирают виртуальное пространство (виртуальные приемные, Instagram- и Telegram-каналы и др.). Оно объединяет людей для обсуждения и решения каких-то общих проблем, обмена информацией, удовлетворения потребностей в коммуникации. При чем, эти объединения могут быть как относительно стабильными и долговременными (например, тематические группы в социальных сетях), так и кратковременными (для решения конкретной проблемы). Данные сообщества могут выделяться по разным основаниям: профессиональной сфере участников; теме сообщества; возрасту участников; социальной сети, на базе которой организуется сообщество и др. Но неоспоримо их влияние на повседневную жизнь всего муниципального образования, тем

самым происходит приобщение их к публичному пространству [1, 201]. Реутов Е. В. и Реутова М. Н. отмечают, что «при выходе коммуникации за пределы «сильных» связей, утраты ею исключительно локальной проблематики, значимость самоорганизационного эффекта виртуальных социальных сетей существенно возрастает» [3, 73].

Поэтому, особо важным становится выстраивание коммуникации местных сообществ, в том числе и виртуальных, с органами муниципальной власти.

1. Коришнова Д. А. Виртуальные городские сообщества в социальных сетях как одна из форм медиации в культурном пространстве города // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 199-207.

2. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности публичной политики на муниципальном уровне (по результатам социологических исследований в Костромской и Ярославской областях) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет. Москва, 2019. С. 275-276.

3. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Социальные сети в реальном и виртуальном пространстве местных сообществ: границы пересечения // Власть. 2017. № 5. С. 68-73.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДА»

Орлова Наталья Сергеевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современных условиях рынок труда и занятости подвергается сильным изменениям. Новая модель труда и занятости получила название «Работа 4.0» [1]. Новая модель видоизменяет профессиональную структуру. Так, «процесс создания новых рабочих мест поляризуется по высоко и низкоквалифицированным группам, а ликвидируются в первую очередь рабочие места, требующие среднего уровня квалификации и выполнения рутинных операций» [2]. Данные процессы происходят вместе с распространением доступного образования и новых («атипичных») возможностей занятости.

Меняется и сам характер работы, что требует овладения новыми цифровыми компетенциями, особое значение приобретают непрерывное обучение (lifelong learning) [3] и цифровая грамотность (digital literacy) [4], что теперь становится важными составляющими человеческого капитала и требует должного инвестирования, как и со стороны самого человека, так и со стороны государства.

В настоящее время реализуется госпрограмма «Содействие занятости населения», которая рассчитана на период в 2013 - 2020 гг. Она включает в себя 5 подпрограмм [5]. В данном контексте наиболее интересной для рассмотрения является подпрограмма «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан», а именно следующие проекты: 1) Федеральный проект "Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда" 2) Федеральный проект «Старшее поколение». 3) Федеральный проект "Содействие занятости женщин - создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет". Данные проекты направлены на помощь в трудоустройстве и сохранении рабочих мест различных категорий граждан путем прохождения переобучения или повышения квалификации. Следует отметить, что для эффективности работы данных программ

необходимо распределение ответственности между государством, работодателями и самими участниками программы.

В особенности это важно в контексте необходимости освоения цифровых навыков. Многие проявляют негативное отношение к новым технологиям, которое может быть связано с нежеланием менять привычный уклад жизни, а также с понижением или же и вовсе отсутствием интереса и желания осваивать новые навыки [6]. Для таких лиц программы обучения, вряд ли, окажутся эффективны.

Стоит отметить и тот факт, что успех любых государственных программ в области занятости зависит от общего политического вектора и экономической ситуации в целом. Эксперты положительно оценивают данные государственные инициативы. С другой стороны, население не слишком охотно участвует в данных программах, что сочетается с уверенностью в необходимости помощи со стороны государства.

1) Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. №4. С. 376–396.

2) Kergroach S. Industry 4.0: New challenges and opportunities for the labour market //Форсайт. – 2017. №. 4 (eng). P. 7.

3) Graves M. R. Lifelong Learning //SFU Educational Review. 2018. Т. 11. №. 1.

4) Bawden D. et al. Origins and concepts of digital literacy //Digital literacies: Concepts, policies and practices. 2008. №. 2008. С. 17-32.

5) Минтруд России/ Государственный программы [электронный ресурс] URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3>

6) Morris, A., Goodman, J., & Brading, H. Internet use and non-use: views of older users. Journal Universal Access in the Information Society, 2007. Vol. 6 Iss 1, pp. 43-57.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО)

*Первая Мария Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В настоящее время происходит развитие гражданского общества, которое предполагает расширение и укрепление негосударственных структур, важнейшими из которых являются общественные объединения (сектор НКО).

Создаваясь в неформальной среде, они позволяют включать человека в систему общественных отношений и формировать не только активную жизненную позицию, но и социальную ответственность за процессы, происходящие в различных сферах деятельности [2, 153]. Социальная ответственность, инициативность, активность, стремление к партнерству – все эти характеристики приемлемы в равной степени как для НКО, так и для гражданского общества [1, 120].

В мае 2020 года в городе Иваново мною лично было проведено исследование, посвященное изучению оценок жителями различных аспектов деятельности общественных организаций. В анкетном опросе приняли участие 200 человек в возрасте от 18 до 75 лет. Для исследования был важен факт, что г. Иваново исторически связан с зарождением общественного движения в России. Именно здесь в 1905 г. появился первый Совет рабочих уполномоченных в ходе Иваново-Вознесенских стачек. Насколько сохранены традиции общественного движения в деятельности современных НКО города, как жители воспринимают те или иные гражданские инициативы, имеют активистские установки? Указанные исследовательские вопросы особо актуальны для развития структур

гражданского общества на местном уровне и по-прежнему мало изучены в практическом плане.

По результату проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

Население г. Иваново недооценивает роль общественных организаций как субъектов влияния на ситуацию в городе. В качестве основных, большинство участников опроса видят региональные и местные власти. Роль общественных организаций признает лишь каждый шестой респондент (девятое, предпоследнее место в списке субъектов).

Большая часть респондентов не принимает участие ни в каких формах гражданской активности. Но все же стоит отметить тот факт, что представительницы женского населения проявляют больше гражданской активности (состоят в различных социальных сообществах и участвуют в мероприятиях). Средняя оценка уровня доверия к общественным организациям в регионе - 2,78. Наиболее распространенными формами гражданской активности в Иваново являются: участие в выборах, осуществление денежных пожертвований в фонды, подписание петиций, благоустройство дворов и скверов, волонтерство.

Основными факторами, препятствующими развитию деятельности общественных организаций в г. Иваново по мнению респондентов, являются: отсутствие поддержки со стороны горожан; бюрократизм в деятельности общественных организаций, несовершенство законодательной (нормативной) базы для функционирования общественных организаций.

Из всего вышесказанного стоит сделать вывод о том, что необходимо не только менять «пессимистичный» настрой гражданского общества по отношению к общественным организациям, но и проводить обучение руководителей самих НКО для корректировки проблемной ситуации.

1. Галкова И. В. Региональные условия развития некоммерческих организаций как институтов гражданского общества / И. В. Галкова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. Вып. 14 А. С. 119-124.

2. Сулейманов А. З. Роль общественных организаций в формировании национального самосознания // ИСОМ. 2012. №1. С. 153-155.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В КОНТАКТЕ

*Платонов Константин Аркадьевич
(Центр социологических и Интернет-исследований)*

*Легостаева Наталья Игоревна
(Лаборатория изучения социально-экономических и политических процессов
современного общества)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в
рамках научного проекта №20-011-31318.*

Согласно опросам, 87% россиян являются пользователями соцсетей, при этом 46% российских интернет-пользователей используют соцсети в числе прочего, чтобы узнавать новости и события в жизни города, страны и мира [1]. Активными политическими коммуникантами в российских соцмедиа являются парламентские партии, использующие

при работе с пользовательскими аудиториями различные стратегии, реализуемые в числе прочего через онлайн-сообщества. Стратегии онлайн-сообществ политических партий изучаются на данных Facebook [3], Twitter [2] и Instagram [5].

Целью исследования был обзорный сравнительный анализ публикационной активности и коммуникативных стратегий официальных сообществ российских парламентских партий ВКонтакте. В выборку попали все доступные посты на стенах целевых сообществ, опубликованные за период с 01.01.2020 по 15.09.2020 (6 сообществ, представляющих соответствующие парламентские партии: Единая Россия, Справедливая Россия, КПРФ, ЛДПР, Родина и Гражданская платформа).

Для оценки представленности коммуникативных стратегий в постах сообществ парламентских партий мы провели контент-анализ и параллельно закодировали случайные подвыборки из 100 постов для каждой партии по схеме, опубликованной ранее [4]. В схеме, выработанной на основе синтеза теоретических подходов, ряда классификаций, представленных в зарубежных исследованиях, и нашего опыта анализа российских социальных сетей, используются 4 кода: «информирование», «интеракция», «убеждение» и «мобилизация».

- Публикационная активность сообществ сильно варьирует. Посты в сообществе партии Единая Россия составили 34% от выборки, КПРФ – 19%, Родина – 18%, ЛДПР – 17%, Справедливая Россия – 10%, Гражданская платформа – 2%.

- Самые крупные по численности сообщества (партии Единая Россия и ЛДПР) не являются лидерами по уровню вовлечённости (коэффициент вовлечённости = (комментарии+лайки/просмотры)*1000). Два сообщества существенно опережают остальные по этому показателю – группы партий КПРФ и Справедливая Россия, здесь выше всего соотношение лайков и комментариев на просмотры.

- Стоит отметить что сообщества Единой России и Справедливой России также сильно отличаются от остальных, тем что в них лайков к постам более чем в 30 раз больше, чем комментариев, то есть пользователи намного чаще реагируют эмоционально, выражают поддержку, нежели вступают в дискуссию, общаются с участниками. У других групп это соотношение колеблется в интервале от 2 до 8.

- Подавляющее большинство постов являются информирующими.

- Основное различие коммуникативных стратегий сообществ парламентских партий – соотношение «информирования» и «убеждения». Наиболее склонны к убеждающей стратегии – сообщества партий Родина и КПРФ, наиболее склонны к информирующей стратегии – сообщества ЛДПР и Единой России.

- Интеракция и мобилизация в числе стратегий рассматриваемых сообществ применяются редко, суммарно это порядка 3% постов.

- Убеждающие посты, связанные с выражением мнения лидера или позиции партии, обеспечивают в среднем более высокую вовлечённость.

1. ФОМ. *Онлайн-практики россиян: социальные сети*. 28 Января 2016. <https://fom.ru/SMI-i-internet/12495>

2. Ahmed, S., Jaidka, K., & Cho, J. (2016). *The 2014 Indian elections on Twitter: A comparison of campaign strategies of political parties*. *Telematics and Informatics*, 33(4), 1071-1087.

3. Kalsnes, B. (2016). *The social media paradox explained: Comparing political parties' Facebook strategy versus practice*. *Social Media+ Society*, 2(2), 2056305116644616.

4. Platonov, K., & Legostaeva, N. (2019, November). *Communicative Strategies of Russian Politicians on Social Networking Site Vkontakte*. In *International Conference on*

*Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia (pp. 425-440).
Springer, Cham.*

5. *Russmann, U., & Svensson, J. (2017). Interaction on Instagram?: Glimpses from the
2014 Swedish Elections. International Journal of E-Politics (IJEP), 8(1), 50-66.*

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ: ВОСПРИЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Попова Ирина Петровна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

*При финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук
Китая в рамках научного проекта № 19-511-93003*

Использование интернет-технологий в образовании, в том числе занятого населения - важная характеристика цифровизации общества. Как можно оценить ее роль в профессиональном развитии, всегда ли она позитивна? Данная работа исходит из двух предположений. Одно из них заключается в том, что использование цифровых технологий (в частности Интернета) влияет на рост возможностей профессионального развития. Среди них – более справедливый характер профессионального продвижения, который в большей степени определяется самостоятельными усилиями работников. Другое предположение касается оценки справедливости профессионального продвижения, которая может быть связана с показателем степени удовлетворенности им. Такой подход созвучен исследованиям организационной справедливости, опирающимся на теории дистрибутивной справедливости – воспринимаемой работником справедливости распределения вознаграждений в организации в соответствии со сделанной работой и приложенными усилиями [5, 132]. Он позволяет рассматривать связь между удовлетворенностью сотрудника трудом и его оценкой справедливости в организации, прежде всего в психологических исследованиях [9, 12]. Они выявляют важность справедливости взаимодействия, которая способствует удовлетворенности работой [1; 4; 5]. В социологических исследованиях подчеркивается влияние контекста восприятия и различных уровней [2; 3; 8]. Взаимосвязь справедливости и удовлетворенности аспектами работы имеет традицию в исследованиях трудовых процессов [6; 7; 10; 11]. Проверка указанных предположений проводилась на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) для работающего населения (2019 г.). Анализировались ответы на вопросы об использовании Интернета в течение последних 12 месяцев для работы; получения справочных материалов; дистанционного обучения по какому-либо предмету, прохождения курса онлайн. В качестве показателя восприятия справедливости рассматривались ответы на вопрос об удовлетворенности возможностями для профессионального роста. Анализировались характеристики дистанционного (онлайн) обучения (около 13%). Сделаны выводы о наличии связи между прохождением дистанционного обучения и удовлетворенностью возможностями для профессионального развития. Можно предполагать, что работники, пользующиеся Интернетом для получения справочных материалов (83%), самостоятельно повышают свои профессиональные компетенции. Это позволяет сравнить некоторые характеристики различных стратегий в профессиональном развитии.

1. Васильева И.И. *Справедливость в организации: системно-функциональный подход* // *Системная психология и социология*. 2017. № 1 (21). С. 16-28.
2. Девятко И.Ф. *О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности* // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2009. № 29. С. 10-29.
3. Девятко И.Ф. *В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14. № 2. С. 139-164.
4. Смирнова А.Ю. *Диагностика справедливости в организации: психометрические характеристики шкалы «Процессуальная справедливость» методики диагностики организационной справедливости Дж. Колкитта* // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80-88.
5. Спиридонов В.Ф., Гулевич О.А., Безменова И.К. *Факторы, опосредующие восприятие справедливости организационного взаимодействия* // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 1. С. 130–137.
6. Темницкий А.Л. *Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации* // *Социологические исследования*. 2005. № 5 (253). С. 81-88.
7. Темницкий А.Ф. *Феномен справедливости в оплате труда медицинских работников* // *Мир России*. 2017. № 3. С. 64-89.
8. Черныш М.Ф. *Справедливость заработной платы в российском контексте* // *Социологические исследования*. № 7. С. 78–89.
9. Фофанова Г.А., Мамедова А.С. *Организационная справедливость сотрудников социологических профессий с различным уровнем удовлетворенности трудом* // *София: электронный научно-просветительский журнал*. 2019. № 1. С. 9-15.
10. Bagis F. *Does Job Satisfaction Mediate the Effect of Procedural Justice and Distributive Justice on Organizational Commitment? Case Study of Education Institution* // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research Vol. 231. 5th International Conference on Community Development (AMCA 2018)*. P. 341-344.
11. Ditttrich J.E., Carrell M.R. *Organizational equity perceptions, employee job satisfaction, and departmental absence and turnover rates* // *Organizational Behavior and Human Performance*. Vol. 24, Iss. 1. 1979. P. 29-40.

ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДКИ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА И ОБЩЕСТВА

Прусов Денис Александрович
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Для современного этапа развития гражданского общества характерно усиление роли процесса цифровизации. Особенностью данного процесса является появление различных информационно коммуникативных технологий (ИКТ), которые позволяют выстраивать новые способы взаимодействия между субъектами гражданского общества. Одной из самых популярных информационно коммуникативных технологий, позволяющих взаимодействовать субъектам, является сеть интернет.

Интернет предоставляет большой спектр возможностей взаимодействия субъектам, которые им пользуются. Одной из таких возможностей является создание специализированных тематических интернет-площадок. Интернет-площадка – это комплекс информационных и технических решений, обеспечивающих взаимодействие через электронные каналы связи (сайты, социальные сети). Благодаря возможностям, которые предоставляет интернет, некоммерческие организации могут, во-первых, получить

дополнительное финансирование, а во-вторых, повысить свою информационную открытость [2,92]. Данные возможности очень важны для некоммерческого сектора, так как это упрощает взаимодействие между субъектами гражданского общества.

Также важно понимать, что деятельность некоммерческого сектора направлена на конкретную социальную группу, и для того чтобы осуществлять интернет коммуникацию с данной группой, и необходимы интернет-площадки. Согласно докладу «Global NGO Technology Report 2019» 95% зарегистрированных в Европе некоммерческих организаций имеют собственный сайт, а 85% также имеют странички в социальных сетях [1, 16]. Данный доклад показывает, что иностранные НКО активно используют интернет для популяризации своих проектов и для взаимодействия со своей аудиторией.

В России некоммерческие организации также используют интернет-площадки (сайты, социальные сети) для коммуникации с общественностью. Так например, для того чтобы повысить информационную открытость благотворительных организаций государство вносит поправки в Федеральный закон N 135-ФЗ "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)", согласно которым данные НКО должны выкладывать финансовую отчетность на сайт.

Также некоммерческие организации активно пользуются интернет-площадками, на которых можно собирать средства для реализации проектов. Согласно данным одной из таких площадок (Planeta.ru) активных некоммерческих проектов на октябрь 2020 года представлено 787, успешно реализованных за все время существования сайта. - более 700. Это показывает, что некоммерческий сектор используют данную форму взаимодействия с общественностью.

Как мы видим, процесс цифровизации принёс новые способы взаимодействия между субъектами гражданского общества. Так, некоммерческие организации стали использовать интернет-площадки, как более быстрый способ взаимодействия с общественностью. Что в свою очередь повысило их информационную открытость и дало возможность дополнительного финансирования.

1. GLOBAL NGO TECHNOLOGY REPORT 2019 <https://www.funraise.org/techreport>
2. Володина О.И. Инструменты продвижения некоммерческих проектов в сети Интернет: современные тренды // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. №1. С. 92-104.
3. Корнеева И.Е., Брюхно А.С. Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 58-81.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

*Рудакова Екатерина Константиновна
(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.
Добролюбова)*

Особое место в современном политическом и экономическом дискурсе занимает борьба за гендерные права и гендерное равноправие по причине того, что женщины по-прежнему не имеют равного с мужчинами доступа к прогрессу и технологиям. Анализ показал, что данная борьба оборачивается целым спектром рисков для женщин, как в развитых, так и в развивающихся странах:

1) Гендерное равенство должно было расширить возможности участия женщин в экономике, последствием стало массовое увеличение женщин на рынке труда, однако это не только не привело к равноправию на рынке труда между мужчинами и женщинами, но вызвало целый ряд последствий:

- от процесса феминизации труда прежде всего выиграли ТНК, женщина стала дешевым, низкооплачиваемым ресурсом глобализации, происходит маргинализации женского труда и заполнение женщинами «самых нестабильных сегментов» рынка;

- следствием массового вовлечения женщин в экономический и политический процесс стал закономерный рост конкуренции между мужчинами и женщинами за рабочие места, как следствие женщины стали вытеснять мужчин и пожилых людей из трудовых ниш, возросла безработица среди мужского населения;

- женская занятость и мужская безработица оказывают влияние на количество заключаемых браков и рождаемость. Многие молодые пары откладывают процесс создания семьи и рождения детей до более зрелого возраста [1];

- проблема мужской безработицы сегодня имеет далеко идущие демографические и социальные последствия, связанные не только с потерей кормильца (как правило на попечение у взрослого мужчины находятся жена, дети, престарелые родители), а также с гендерной фрустрацией мужчин, потерей жизненных приоритетов.

- феминизация труда приводит к сверхнагрузкам женщин, мужчин и младших детей в репродуктивной сфере, связанной с рождением и воспитанием детей.

- по-прежнему не решена проблема поощрения женского домашнего труда. При этом, массовая занятость женщин приводит к падению уровня здоровья женщины и членов ее семьи.

2) Несмотря на увеличение женского труда, доля женщин в мировой собственности по-прежнему незначительна, а рынок высоких технологий и бизнес-услуг практически полностью является прерогативой мужчин. По сути политика по-прежнему остается мужским фактором.

3) Сегрегация труда. Несмотря на то, что женщины теперь являются полноценными участницами рынка труда, достигнуть равноправия в этой сфере не удалось [2].

4) Гендерные программы в рамках проектов глобализации образования влияют на репродуктивные установки. Основной целью данных программ является будущей деловой активности женщины во всех сферах труда, формирование карьерных устремлений и задатков, репродуктивное воспитание в сфере планирования семьи, знаний о контрацепции, абортах, либерализация взглядов на семью и репродукцию.

5) Технологическое отставание сохраняется. Первоначальные заверения о том, что глобализация принесет в развивающиеся страны новые технологии и приведет к технологическому скачку и развитию, не оправдались [3].

1. Хастад Э. Шведское движение мужчин за равенство полов в Швеции. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dmaX9eN-vVY>

2. Научный доклад Всемирного банка «Гендерные проблемы и развитие». М.: Весь мир, 20185. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/topic/gender/overview>

3. Кальюни О. Экономические реформы и модель социально ориентированного развития в Латинской Америке // Диссертация на соискание степени к.э.н. по специальности 08.00.14. М., 2007. – 217. С. 5-10.

ГРАЖДАНСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Савин Сергей Дмитриевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Благодаря использованию политических интернет-технологий отношения власть – общество становятся не только интенсивнее, но и повышается эффективность принятия политических решений. Обратная связь не требует теперь длительных институциональных процедур, а происходит практически мгновенно посредством реакции общественности в социальных сетях и на интернет-форумах, площадках специальных информационных ресурсов. Но как используется властью эта общественная реакция зависит от базовых характеристик политического режима.

С одной стороны, кажется, что власть стала ближе народу, сократилась политическая дистанция между управляющими и управляемыми. И это во многом характерно для развитых демократических систем, в которых «доступность» власти для простых граждан, ее десакрализация, приводят к заметным изменениям политических отношений, возвращают этику «общего блага» в пространство политики. Публичность жизни политических лидеров входит в их повседневность, информационное взаимодействие с целевой аудиторией в социальных сетях становится постоянной практикой. Разумеется, в такой открытой политической деятельности сужается пространство для злоупотреблений и коррупции, формируется доверие к власти со стороны общества, поддерживается ее легитимность.

С другой стороны, для недемократических систем цифровизация отношений власти с обществом не означает их близости. Цифровая среда политики воспринимается властью как новые технологические возможности для нужного информационного воздействия на общество, включая манипулятивное. Обратная связь в этой модели служит не для целей гуманизма политики, а лишь для информирования органов власти о потенциально опасной социальной напряженности в обществе, снижения ресурсных затрат в управлении. Контроль над цифровой средой становится первостепенной задачей для авторитарной власти. Вместо диалога государства и гражданского общества выстраивается модель информационной войны власти и оппозиции.

Указанные двусторонние процессы политического использования цифровой среды непосредственным образом сказываются на характере общественного сознания. Демократизация отношений в первой модели способствует формированию гражданского самосознания населения, его ответственности за развитие общества и собственное благополучие. Формируется новая «цифровая» солидарность и партнерские отношения гражданского общества и государства. Во втором случае авторитарной модели возникают конфликтное взаимодействие и расколы в обществе, что отражается в общественном сознании. Оно также носит расколотый характер, в нем уживаются амбивалентные установки и противоречивые ценности. Такая ситуация характеризуется размыванием нормативно-ценностного комплекса социального доверия как важнейшего фактора, определяющего характер всех социальных отношений, поддерживающего устойчивость и интегрированность общества [1, 17]. В этих условиях формируется новое общественно-политическое движение гражданских и политических активистов цепь солидарности которых связана с борьбой против системы. Цифровизация в этой модели не способствует достижению компромиссов, а усиливает антагонизм противников. От исхода

политического противостояния зависит процесс становления гражданской нации как условия успешной модернизации общества.

1. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий Юга России. 2013. №1. С.12-22.

ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ГОРОДСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Семенов Андрей Владимирович
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Цифровая реальность стала неотъемлемой частью городского активизма и мобилизации. Социальные сети, мессенджеры, интернет-формы, цифровые медиа и активистские порталы используются для обозначения позиции, координации и коммуникации между активистами и участниками коллективных действий, взаимодействия с другими заинтересованными сторонами в городских конфликтах и производства смыслов о городском пространстве в широком смысле. Как следствие, исследователи городской мобилизации получают доступ к большим массивам «цифровых следов», что представляет прекрасную возможность рефлексии над особенностями работы с такими материалами.

В настоящем докладе я предлагаю обсудить перспективы использования цифровых инфраструктур городской мобилизации в социологических исследованиях. Исследователи городских конфликтов используют широкий спектр аналитических инструментов - от сетевого анализа городских сообществ и контент-анализа дискуссий до «цифровой этнографии» и опросов активистов [2, 3]. Однако основной проблемой российских исследований является описательный характер большинства работ и слабая встроенность в существующие социологические дебаты о природе, динамике и следствиях городской мобилизации.

Для концептуализации взаимодействий городских активистов в цифровом пространстве я предлагаю термин «цифровые инфраструктуры», который основывается на идее «гражданских инфраструктур», выступающие в качестве «оборудования» для интерактивных и динамических процессов согласования интересов и развития города» [1, 168]. Так же как формальные и неформальные элементы гражданских инфраструктур образуют основу для организации взаимодействия между ключевыми участниками городской политики, цифровые инфраструктуры дополняют возможности «физических» институтов и традиционных медиа в плане обеспечения координации и коммуникации. Дальнейшая концептуализация и операционализация ключевых характеристик данных концептов может быть полезна для развития в российской социологии городов.

Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. 22(1): 162-192.

Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Люди в сетевых пространствах города: о предварительных результатах проекта «Медиа и технологии в современном городе». Шаги/Steps. 2015. 1(1): 232-241.

Платонов К. А., Юдина Д. И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте». Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. 5: 226-249.

РАЗЛИЧИЯ ПОДХОДОВ СМИ К ОСВЕЩЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ. ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА КРУПНЫХ СМЫСЛОВЫХ БЛОКОВ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ МИТИНГОВ НА ФОНЕ ВЫБОРОВ В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ 2019

*Семенова Мария Сергеевна
(МГИМО МИД России)*

*Гужев Михаил Сергеевич
(МГИМО МИД России)*

В руках современных СМИ находятся огромные ресурсы по сбору, обработке и передаче информации, что превращает их в мощный инструмент политического влияния, который способен оказывать воздействие на мировоззрение, взгляды, мнения и убеждения граждан. Сфера политики должна стать главным индикатором, проявляющим различие в подходах к освещению событий разными СМИ, так как именно в сфере политики идеологический спектр является определяющим. Возникает гипотеза о существовании полярных подходов в преподнесении информации государственными и негосударственными источниками. Для проверки гипотезы проведено эмпирическое исследование, включающее в себя количественный и качественный анализ материалов Российской газеты и издания Meduza, посвящённых митингам на фоне выборов в Московскую городскую думу в августе 2019 года.

В качестве основы для проведения контент-анализа текста была взята методика, разработанная Р.Мертоном, предполагающая следующие этапы: подсчёт символов, классификация символов по отношению, анализ по элементам, тематический и структурный анализ текста. После проведения подсчёта единиц анализа с помощью специально разработанного для этой цели скрипта, участниками исследования проведён экспертный опрос, целью которого является определение средней общей коннотации основных единиц счёта. В рамках качественного анализа текста предложены следующие критерии: «настроение статьи», жанр публикации, употребление слова «митинг», использование фотоматериалов, стиль речи.

В результате проведённых анализов сделан вывод о том, что подходы к подаче информации у представленных СМИ отличаются: главным образом данный факт подтверждается расхождением в стиле статей и коннотации ключевых слов, разнице в форматах преподнесения материалов и их визуальным наполнением. Публикации Российской газеты освещают августовские события преимущественно в негативном ключе, в то время как публикации издательства «Meduza» – в нейтральном. Тем не менее, в ходе анализа материала публикаций не было обнаружено явных, равно как и скрытых индикаторов, указывающих на жёсткую идеологическую дистанцию и пропагандистскую интерпретацию информации. Гипотеза исследования о существовании жёсткой идеологической разницы в освещении событий государственными и негосударственными СМИ в большей степени не подтвердилась. Основная разница между источниками состояла в структуре и форме подачи материала. О явно выраженной идеологической разности в

публикациях государственных и негосударственных СМИ не позволяет говорить об отсутствии в рассматриваемых материалах идеологическо-пропагандистской коннотации.

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Кобелянов А.С. Государственный фактор и СМИ в современной России // АНИ: экономика и управление. 2016. №1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-faktor-i-smi-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Короткевич Р. В. Политическая оппозиция // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2013. №5(97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-oppozitsiya> (дата обращения: 19.05.2020).
4. Малуев П.А. Источники и функции государственной информационной политики в условиях демократии // Вестник ПАГС. 2008. №4. С.43-45.
5. Попова, О.В. Политический анализ и прогнозирование : учебник / О.В. Попова. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 464 с. : ил. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104404> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Сафарян А. В. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации // Власть. 2008 №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-chetvertaya-vlast-i-institut-sotsializatsii> (дата обращения: 27.03.2020).
7. Соловьев, А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии / А.И. Соловьев. – М.: Аспект-Пресс, 2006
8. Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: осмысление понятий / С.А. Сергеев // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАКТИВИЗМЕ

*Семёнова Анастасия Алексеевна
(РГПУ им. А.И. Герцена)*

В настоящее время уделяется повышенное внимание вопросам обеспечения цифрового суверенитета государства. Цифровым (иногда называют информационным) суверенитетом принято понимать самостоятельность и независимость государства в сфере информационно-коммуникационных технологий (право определять свою информационную политику самостоятельно, распоряжаться инфраструктурой, ресурсами, обеспечивать информационную безопасность и др.).

Цифровой суверенитет предоставляет национальному Правительству следующие возможности: самостоятельно и независимо определять и внутренние и геополитические национальные интересы в цифровой сфере; вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю информационную политику; распоряжаться собственными информационными ресурсами, формировать инфраструктуру национального информационного пространства; гарантировать электронную и информационную безопасность государства.

Цифровой суверенитет связан с защитой от кибератак, устойчивостью к кибервойнам, протестам разного рода, в том числе и в сети Интернет. В этой связи представляет особый интерес феномен хактивизма как сетевой активности гражданского общества.

Хактивизм – форма общественного и политического активизма, который осуществляется через Интернет с помощью инструментов хакинга. Основная цель – практическая реализация свободы слова в сети (возможно, публикации полученных

секретных данных, блокировки интернет-сайтов, взлома интернет-аккаунтов и поддержки различных форм гражданского неповиновения).

Хактивизм – это синтез социальной активности и хакерства. Инструментарий хактивистов обширный, включает DDOS-атаки, взломы сайтов для кражи информации или публикации радикальных текстов для привлечения к собственной деятельности максимального внимания. Следовательно, «жертвами» активистов могут быть государственные органы власти, бизнес, СМИ, публичные личности, политические деятели.

Термин хактивизм возник в первой половине 1990-х годов, его авторство приписывают члену хакерской группы Cult of the Dead Cow с ником Omega. Однако одними из первых акций хактивистов чаще всего называют акции, организованные в конце 1980-х годов австралийским хакером и политическим активистом Джулианом Ассанжем (в то время действующим под ником Mendax). Вместе с другими хакерами Mendax создал группу International Subversives, на счету которой взломы информационных систем и получение секретных данных многих организаций, в том числе военных, правительственных и банковских.

Самые известные международные группы хактивистов: Anonymous, Cult of the Dead Cow, EDT (Electronic Disturbance Theatre), Chaos Computer Group. Иногда из-за радикальной деятельности хактивизм сравнивают с кибертерроризмом, суть которого заключается в проведении террористических атак в виртуальной реальности.

Далее разграничим понятия «хактивизм» и «кибертерроризм», данные явления определяются как способы выражения протеста в Интернете, но хактивисты не ставят целью распространить чувство страха у людей как в результате террористического акта в реальности. Практическая деятельность хактивистов нацелена на затруднение работы организаций в киберпространстве, но не на сбой в системах, которые могут помешать в получении доступа для обычных граждан. Основная цель – выражение мнения, протеста, политических идей. Атаки, направленные на разрушение веб-инфраструктуры и не сопровождаемые никаким политическим сообщением, не могут считаться актом хактивизма.

Кроме того, распространение получает такой феномен как «хакерский аутсорсинг». Хакерский аутсорсинг предполагает ситуацию, при которой корпорации «заказывают» разработку анонимным самоорганизующимся группам хакеров, расплачиваясь пожертвованиями в фонды поддержки хактивизма.

В настоящее время выделяют три возможные группы в хактивизме:

1) «Anonymous». Данная группа выступает, прежде всего, против цензуры в Интернете, преследований, провозглашают идеи анонимности и свободы в Сети. К наиболее распространенным методам, применяемым участниками, относят: взлом и кражу с последующим распространением личной информации (доксинг – форма цифрового преследования, когда кто-то исследует личную информацию о другом, а затем транслирует информацию через Интернет).

2) «Киберзахватчики». Участники группы занимаются пропагандой и распространением информации в Интернете (социальные сети), которая, по их мнению, укрепит демократию и поможет бороться с коррупцией. Кроме того, участники пытаются организовать и обеспечить крупные акции в Интернете.

3) «Кибервоины». Участники поддерживают национальные и экстремистские движения, при этом используют DDoS-атаки и искажают внешний вид веб-сайтов.

Оборотной стороной хактивизма считают «кликтивизм». Кликтивизм (англ. «clicktivism») – это один из видов «диванного активизма» (англ. «slacktivism», неологизм, составленный из слов «slacker» – лодырь и «activism»). Кликтивизм – действия, выглядящие как онлайн реакция на какие-то события, но не несущие при этом практического смысла и не имеющие долгосрочных эффектов. Эксперты рассматривают кликтивизм как опыт организации разных публичных акций посредством социальных сетей и иных сервисов. Кликтивизм является практикой поддержки политических или социальных целей через Интернет с помощью таких средств, как социальные сети или онлайн-петиции, обычно характеризуется как незначительные усилия или обязательства.

Таким образом, хактивизм является формой ненасильственного цифрового активизма, где мотив – не личная финансовая выгода, а достижение политической, социальной или религиозной справедливости в соответствии с целями группы.

1. Буряк В. В. *Цифровая экономика, хактивизм и кибербезопасность: Монография* / В. В. Буряк. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2019. – 140 с.

2. Ефремов А.А. *Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.*

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Сивоплясова Светлана Юрьевна

(1. Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

2. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет))

Апанович Мария Юрьевна

(Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации)

Дистанционное образование – явление отнюдь не новое. Впервые данная форма обучения была реализована в Лондонском университете Великобритании в середине XIX века. В России элементы дистанционного обучения начали применяться после революции в 1917 г. Однако, вплоть до конца века оно было логично «вплетено» в заочную форму обучения. Началом этапа «классического» дистанционного обучения в России является 1993 г., когда в стране был открыт первый филиал ЕШКО (Европейской Школы Корреспондентского Обучения), реализующей программы обучения иностранному языку [2].

С середины 1990-х гг. отмечался рост спроса на образовательные услуги, в частности в сфере высшего образования. Многие вузы реализовывали образовательный процесс в форме дистанционного обучения. Одним из первых таких вузов стал МТИ ВТУ.

Вместе с тем на законодательном уровне дистанционная форма обучения в тот период не была закреплена. В связи с этим вузы были вынуждены совместить ее с вечерней или заочной формами. Электронная форма обучения была оговорена отдельно в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» только в 2012 г. [3].

В настоящее время для многих вузов стало очевидным, что спрос на дистанционное обучение профессии довольно велик. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, данная форма обучения чрезвычайно «удобна» для студентов. Они сами имеют возможность планировать время и темп прохождения той или иной дисциплины. Во-вторых, электронное

обучение избавляет учащихся от необходимости поездок к месту учёбы. В-третьих, дистанционная форма является самой дешёвой из всех форм обучения (в среднем разница с очной формой составляет 2-3 раза).

Вместе с тем, дистанционное образование имеет ряд более или менее очевидных недостатков. Во-первых – это не универсальный инструмент, оно неприменимо для некоторых направлений и специальностей; во-вторых, невозможность реализации воспитательной функции образования; в-третьих, сложности контроля выполнения учащимися заданий. Кроме того, переход к дистанционной форме обучения затруднён рядом факторов. Среди них: недостаточная развитость информационно-коммуникационной инфраструктуры, сложности в обеспечении необходимыми техническими средствами, прежде всего, студентов, отсутствие опыта у преподавателей в организации работы в данной форме [1].

Все эти сложности и барьеры в полной мере проявились и стали серьёзным препятствием при вынужденном массовом переходе российских образовательных учреждений на дистанционную форму, связанном с распространением новой коронавирусной инфекции COVID19. В связи с этим, при очевидных преимуществах дистанционного обучения, результаты опросов показывают, что основные акторы образовательного процесса осознают и соглашаются, что настоящий переход на дистанционную форму обучения был совершён в экстраординарных условиях и являлся необходимой мерой, а полная замена очного обучения дистанционным нежелательна и контрпродуктивна.

1. Апанович М. Ю. (2015). *Образовательная миграция в России: точки развития. Вестник науки и образования*, 9 (11).
2. Маслакова Е.С. (2015). *История развития дистанционного обучения в России. Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII международной научной конференции*, 29-32. Доступно: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9249/>
3. *Федеральный Закон №273 от 29.12.12 «Об образовании в Российской Федерации»*. Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КИТАЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

*Симоненко Наталья Юрьевна
(ФГБОУ ВО "ВГСПУ")*

Китай стал первой страной мира, которая столкнулась с коронавирусной инфекцией нового типа, а также первой страной, которая по официальным заявлениям смогла успешно побороть эпидемию. Анализируя данные научных источников в России и Китае по этому вопросу, мы отметили в них противоречия и заметные нарративные составляющие, которые и постараемся раскрыть.

Весной 2020 года крупнейшая китайская финансово-технологическая компания Ant Financial (Alibaba Group) совместно с учёными Института цифровых финансов Пекинского университета выявила следующие составляющие ущерба индивидуальных предпринимателей (ИП) Китая от эпидемии коронавирусной инфекции.

1. По официальным данным правительства Китая на конец 2018 года насчитывалось около 62 миллионов ИП, по данным Ant Financial их было больше 97 миллионов. На них работало около 230 миллионов человек (28,8 % работоспособного населения Китая).

2. В первые 2-5 недель эпидемии количество ИП упало до 48 миллионов и сохранили в них свои места только 110 миллионов человек (в среднем около 50% снижения оборота, в г. Ухань более 65%). Семьи ИП пострадали больше всех. Неофициальным ИП и их работникам не удалось оказать целевую помощь.

3. Расходы на предотвращение распространения эпидемии коронавируса экономически оправданы.

4. Ситуация эпидемии отличается от обычного кризиса, поэтому положительный опыт Китая в преодолении эпидемии будет полезен другим странам.

5. Кратковременность удара эпидемии (3-4 недели) стала почвой для молниеносного восстановления всего месяца до уровня оборотов этого же периода в 2019 году [2, 25–26].

В то же время Е Симэн и Шерешева М.Ю., также исследовавшие этот вопрос, вскрыли противоречивые сложности, с которыми столкнулись восстанавливавшиеся ИП:

1) трудность возвращения работников в производственный цикл из-за различий в эпидемиологической ситуации и мерах контроля,

2) трудность прохождения всех восстановительных процедур предприятий,

3) опасность повторного ухода на карантин с последующей оплатой проживания и питания отправленных на карантин работников из других регионов, так как в свой родной регион в этой ситуации им ехать нельзя [1, 36–37].

Для восстановления работы ИП в Китае в условиях эпидемии коронавируса правительство Китая разработало следующие стимулирующие и смягчающие меры:

1) отмена оплаты платных дорог до 6 мая;

2) снижение арендной платы для предприятий;

3) запрет на отключение воды, электричества, связи и других услуг, предоставляемых ИП государственными предприятиями;

4) смягчение оплаты социального страхования с последующим освобождением от неё;

5) предоставление льготных кредитов ИП (на данный момент отсрочка по погашению кредитов продлена до марта 2021 года);

Активизация «резервуара трудоустройства» в Китае (就业蓄水池, досл. «водохранилище трудоустроенных») с помощью принятых правительством КНР восстановительных мер для ИП [1, 37–44; 2, 26–27].

1. Е Симэн, Шерешева М. Ю. Государственная политика КНР в отношении китайских малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник, 2020. – №79. – С. 25–50.

2. 黄益平, 李振华, 王靖一, 郭峰, 王雪, 李勇国. “烟火重聚”: 中国个体经营户新冠疫情下的复苏, 2020. – 40 页.

ОНЛАЙН-МИТИНГИ: КАКОВЫ ВАРИАНТЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ?

Симонова Снежана Владимировна

(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, юридический факультет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346

В последние годы среди гражданских активистов стремительно набирают популярность онлайн-протесты, которые становятся все более значимым способом публичного выражения мнений. В период пандемии в обществе стали широко востребованы такие формы цифровых протестов, как онлайн-митинги, не имеющие однозначной правовой природы.

Отказ от регламентации онлайн-митингов таит опасность того, что ожидания от свободы интернет-акций не будут в полной мере оправданы. Уже сейчас мы видим, как интернет-площадки активно используют доступный им арсенал средств цифрового контроля и мониторинга. Как представляется, организация и проведение онлайн-акций требует построения принципиально новой модели регламентации таких форм внешнего выражений мнений.

Однако государство может пойти иным путем. В числе вариантов наименее желательными видятся следующие возможные меры:

1) распространение на онлайн-акции традиционной модели организации и проведения публичных мероприятий, что позволит задействовать в отношении участников акций карательный механизм ст. 20.2 КоАП РФ. Указанный вариант войдет в противоречие с устоявшейся концепцией организации и проведения публичного мероприятия, в основе которой лежат уведомительные механизмы. Уже сейчас мы видим, как граждане пытаются согласовать «онлайн-митинги» с операторами цифровых платформ, а не с органами местного самоуправления. Много вопросов возникает и в связи с анонимностью участников онлайн-акций, возможностями сокрытия их личности.

2) применение уже известных процедур ограничения доступа к информационным ресурсам, на которых будут проводиться онлайн-акции. Обозначенный механизм не отвечает смысловому назначению блокировки как способу ограничения доступа к запрещенной информации (информации, за распространение которой следуют меры уголовной или административной ответственности) и информации, распространение которой ограничено (в силу противоречия требованиям законодательства).

3) полное отстранение государства от регулирования онлайн-акций и передача в руки онлайн-платформ неограниченной свободы действий в этом вопросе. Комментарии будут излишни: подобные меры создают условия для злоупотребления со стороны частных субъектов и крайне нежелательны для конституционной свободы собраний и мнений.

Как видится, дальнейшее развитие практики онлайн-митингов и будущий выбор государством адекватных механизмов реагирования на их проведение будут проходить в условиях дальнейшего укрепления значения частноправовых начал для сферы свободы собраний. В цифровую эпоху отношения по поводу реализации свободы собраний уже не будут прежними, поскольку в их структуру активно включаются онлайн-корпорации. Именно на таких субъектах будет лежать основная нагрузка по содействию проведению публичных мероприятий в сети Интернет, и этот фактор видится основным при определении правового режима онлайн-акций.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОНЛАЙН-ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

*Смолева Елена Олеговна
(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Вологодский научный
центр Российской академии наук")*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках
гранта № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их
преодоления на региональном уровне»*

Кто как не сами жители городов могут оценить комфортность среды своего проживания? Поэтому логично, что жители должны быть вовлечены в решение проблемных ситуаций, связанных с созданием комфортной городской среды. Это предполагает эффективные и тесные взаимодействия внутри локальных сообществ, между властью и обществом. Исследователи отмечают противоречивость тенденций, характеризующих взаимодействие власти и сетевой общественности: кооперация vs конкуренция акторов; конструктивный vs деструктивный эффект применения Интернет-практик в политическом процессе [1].

Сообщества в социальных сетях, посвященные проблемам создания комфортной городской среды, различаются по количеству участников, их активности в сетях, результативности деятельности. Общественное движение инициативных граждан за улучшение качества городской среды «Красивый город» представлено многочисленными группами, различными по числу пользователей: «Красивый Петербург» – около 63 тыс. участников, «Красивый Псков» – 170 участников. Пик активности в большинстве групп приходится на 2016 год, когда создавались региональные движения. Общественные движения ставили себе задачи сформировать запросы граждан на комфортную среду, однако поддержание интерактивного характера коммуникаций требует усилий со стороны коммуникатора и реципиентов. Из 8 групп, относящихся к регионам СЗФО, в настоящее время действуют только половина. Короткое время жизни трех групп» (от 3-х месяцев до полугода) подтверждает тот факт, что среди гражданского участия преобладают короткие практики акционного характера.

Можно предположить причины недолгого периода активности группы. Во-первых, в ряде групп коммуникатор представлен в единственном числе, поэтому он должен обладать высокой мотивацией к гражданскому участию. Во-вторых, на размещенные проблемные посты должна быть реакция со стороны властей или представлены итоги обращения в органы власти и местного самоуправления, результаты акций. В-третьих, нужны наглядные результаты кооперации самих жителей города.

Иначе мы имеем ситуацию, когда призывы к действиям остаются без ответа со стороны населения. Так, большинство постов в группах собирают в среднем от 0 до 34 лайков, до 10 репостов и комментариев. Реакция участников групп становится еще более сдержанной, если в сообщении звучит призыв к активным действиям: прийти на митинг, поучаствовать в субботнике и т.д. А комментарии под призывом поучаствовать в обсуждениях с проблем дома с представителями органов власти приобретают пессимистический оттенок: «Не уверена, что что-то получится. Там ничтожно мало людей на собрание пришло. Не раскочать...» (участник группы ВК «За сквер на Окружном шоссе»).

Собранные факты свидетельствуют о преобладании низкого уровня реальной поддержки гражданских инициатив и мобилизационного потенциала социальных сетей.

Переход в виртуальное пространство способствует разрастанию формальных практик, когда «лайки» заменяют полноценное активное участие в жизни местного сообщества. Основным результатом подобной деятельности – удовлетворенность от причастности и самоуспокоение [2].

1. Садилова А.И. Практики российского интернет-активизма на субнациональном уровне // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. №4. С. 49-59.
2. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom* // NY: Public Affairs. 2012 // URL: <https://www.amazon.com/Net-Delusion-Dark-Internet-Freedom-ebook/dp/B006VE7YS0> (дата обращения: 13.06.2020).

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Соколов Александр Владимирович
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Миронова Светлана Владимировна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществ в современной России»

Современные тенденции цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека стимулируют переход гражданской, в том числе протестной активности, в онлайн-среду. Интернет-платформы становятся одними из ключевых инструментов выражения гражданами своей позиции по важным вопросам и демонстрации протестных настроений.

При этом под протестом понимается выражение группой граждан, заинтересованной в разрешении волнующей проблемы, несогласия с принятым решением. Протест может быть выражен в различных реальных и виртуальных формах. В первом случае протестные акции реализуются как в традиционных-законодательно закреплённых офлайн форматах: митинги, демонстрации, шествия, пикеты и др., так и в нетрадиционных: флешмобы, перформансы и т.д. Во втором случае активную роль в транслировании протестных настроений играют онлайн-платформы, имеющие следующие преимущества: значительно больший охват целевой аудитории, оперативное распространение актуальной информации, экстерриториальность протеста.

Одними из наиболее популярных инструментов протеста, а также актуализации протестной повестки являются социальные сети. С целью выявления особенностей формирования и демонстрирования протестной повестки в различных социальных сетях, было проведено исследование методом case-study. Объектом анализа стали записи и публикации по двум масштабным протестным кампаниям: «против разработки шихана Куштау», «против внесения поправок к Конституции РФ», размещенные в социальных сетях «Вконтакте», «Инстаграм», «TikTok». Поиск постов осуществлялся по соответствующим хэштегам, определенным в каждом случае. Все рассмотренные посты классифицировались по типу размещаемого контента на содержащие видео, аудио, фото, текстовые материалы и по цели размещения публикации на информационные и мобилизационные.

В результате исследования были получены следующие выводы. Особенности транслирования протестной повестки в социальной сети «ВКонтакте» являются размещение текстовых и фотоматериалов преимущественно в публичных сообществах. Такие посты, в большей степени, направлены на мобилизацию населения на офлайн акции и информирование о различных событиях и изменениях протеста. В Инстаграме в соответствии со спецификой социальной сети, размещаются фото и видео - посты, обычно сопровождающиеся объемным информационным материалом или материалом-мнением конкретного пользователя по волнующей проблеме. Цель таких публикаций – призыв к действиям по реализации протеста и донесение собственной позиции до широких кругов населения. Относительно новая социальная сеть – TikTok отличается использованием коротких, клиповых видеороликов по проблеме, обычно сопровождающихся популярной музыкой. По проблеме Куштау демонстрировались видео с реальных протестов, задержания протестующих и действия силовиков. В то же время, посты против внесения поправок к Конституции, с одной стороны, носили высмеивающий характер, а с другой, информировали о последствиях принятия данных поправок, давали юридическую, политическую и иную оценку в клиповом формате.

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сорока Кристина Валентиновна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В статье анализируется воздействие процесса цифровизации на изменение гендерной идентичности личности в цифровой среде. Усиливающиеся процессы глобализации и цифровизации оказывают значительное влияние на соотношение понятий «пол» и «гендер», а также на роль и портрет женщины в постиндустриальном обществе. Цифровое общество, с появлением которого связан качественно новый этап развития мировой экономики, обусловлено возникновением экономического, и в конечном счёте, гендерного и полового неравенства ввиду ограниченности «цифровых» ресурсов. В новом – постиндустриальном обществе традиционные аспекты гендерной и половой дискриминации приобретают всё более открытый характер, требующий последовательного разрешения путём объединения усилий мирового сообщества для всестороннего развития личности XXI века.

Ключевые слова: гендер; гендерная идентичность; пол; цифровизация; постиндустриальное общество; цифровая экономика; феминитивы

На сегодняшний день в гендерных, лингвистических, а также социологических и экономических исследованиях сформировалось устойчивое и единое мнение о разнице между полом и гендером и их ролью в социальной жизни человека. В частности, российские учёные-исследователи роли языка в конструировании гендерной идентичности одними из первых начали использовать конструктивистский подход в языкознании, в основе которого лежит теория о «сознательной или несознательной конструируемой отдельным субъектом реальности».[1] Выделяющиеся внутри конструктивистского подхода два направления - радикальный эпистемологический конструктивизм и социальный конструкционизм, различны своими исследуемыми объектами: учёные первого направления в качестве объекта исследования рассматривают «восприятие и

перцептивность» для понимания «когнитивной стороны коммуникации», вторые исследуют «действие» в процессе познания мира. [1] Однако оба направления сходятся на том, что идентичность индивида не является биологически детерминантой, а выступает как продукт исторического, социального, лингвистического конструирования.

Таким образом, понятие «гендер» целесообразно рассматривать в качестве одного из ключевых элементов языковой структуры личности, который определяется как «элемент современной научной модели человека, отражающей социокультурные аспекты пола, фиксируемые языком» [2]. Социальная сущность гендерной идентификации человека исходит из установленных социальными нормами данного конкретного исторического промежутка определенных социокультурных дефиниций социального положения женщины и мужчины. Таким образом «гендер отражает одновременно процесс и результат “встраивания” индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе». [1] В свою очередь, пол определяется исключительно как биологическая дефиниция, определяющая физиологические, анатомические различия между мужчинами и женщинами.

Условия цифрового общества как особая историческая эпоха развития человечества формируют особую систему факторов влияния на гендерную идентичность человека. В научный оборот понятие «постиндустриальное общество» вошло, благодаря работам П. Бергера, Д. Белла, А. Турена (в первую очередь, благодаря работам Даниела Белла «Конец идеологий», «Грядущее постиндустриальное общество»). Новейшее общество отличается такими процессами, как повсеместное распространение Интернета, внедрение новейших технологий, знание как фактор производства и источник нововведений, профессионализация и специализация рынка труда, усиление роли человеческих ресурсов.

Одним из основных свойств цифровой эпохи является цифровизация экономики, закрепление экономической системы, сформировавшейся в результате научно-технических революций. Данная экономическая система достаточно противоречиво влияет на формирование гендерной идентичности личности: с одной стороны, всесторонний доступ к Интернету предоставляет многочисленные возможности для личностного и профессионального развития, становясь площадкой самореализации для многих людей; с другой стороны, оставаясь экономической детерминантой, Интернет-ресурсы неограниченны, а это означает, что удовлетворение большего количества потребностей людей в цифровой среде будет усиливать социальное, экономическое и, в том числе гендерное неравенство.

На сегодняшний день доступ государств к Интернету остаётся отнюдь не однородным. Так, если в Европе более 80 % населения имеет доступ к всемирной сети [3], то на африканском, латиноамериканском континентах, а также в Центральной Азии всё ещё тяжело и дорого распространить Интернет. Примечательно при этом заметить, что чем стабильнее в той или иной стране демократические институты и чем более открытой является экономика, тем больше пользователей Интернета появляется.

Таким образом, цифровое общество по своей природе неоднородно. В постиндустриальном обществе закрепляются качественно новые социальные нормы, которые влияют на гендерную идентификацию людей. Так усиление роли знания как фактора социально-экономического развития требует от членов социума повышать свои знания. По статистике Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), опубликованной в ежегодном докладе «Образование с первого взгляда» («Education at a

glance») в сентябре 2020 года, количество людей в возрасте от 25 до 34 лет, не имеющих высшего образования, снизилось с 20 % 2009 года до 15 % в 2019 году [4].

Одной из черт гендерного определения женщины в современном цифровом мире является повышение интереса к работе в сфере информационных технологий техническим специальностям. По статистике Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ), большинство женщин в ведущих IT-компаниях (Google, Apple, Facebook) работают в них программистами (от 9 до 16 % от числа сотрудников компании) [5]. Число женщин, поступающих в университеты технических специальностей, действительно растёт. Но даже несмотря на то, что всего лишь 30% исследователей в мире составляют женщины [6], а процент занятия рабочих мест женщинами в сфере информационных технологий составляет всего лишь 15 % [7], интерес женщин развиваться в информационной сфере устойчиво сохраняется и растёт.

Особую важность для развития гендерной лингвистики в эпоху цифровизации играет процесс «феминизации» названий профессий, в частности, наименований специальностей, должностей и чинов, что характерно для многих языков в мире, в которых присутствует разделение имён существительных на грамматические роды. Это характерно, например, для французского языка: уже в 1986 году премьер-министр Франции Лоран Фабиус подписал циркуляр, который рекомендовал применить правила использования наименований профессий в женском роде в министерских декретах, директивах, циркулярах, в государственной корреспонденции и контрактах, а также в образовательных учреждениях. [8] Так, к примеру, желательна употребление женского рода слова «Президент», если идёт речь о женщине – главе государства или руководительнице той или иной коммерческой компании (Madame la Présidente). В настоящий момент множество государственных, коммерческих, образовательных учреждений приняли так называемые «Уставы гендерного равенства» [9], которые закрепляют необходимость использования так называемого «инклюзивного» подхода к организации деятельности той или иной организации. При этом необходимость данных мер объясняется возрастающим влиянием женщин во всех сферах жизни французского общества.

В августе 2020 года в Украине было разрешено употребление феминитивов в применении к определённым профессиям, зафиксированным в Национальном классификаторе. Инициатива была выдвинута министром экономики Игорем Петрашко, который подписал приказ «Об утверждении изменения №9 к национальному классификатору». [10] При внесении записи о названии работы в кадровую документацию отдельного работника работодатель может заменить профессиональные названия работ на соответствующие адаптированные для определения женского пола лица (например, "інженер - інженерка, верстатник широкого профілю - верстатниця широкого профілю, соціолог - соціологиня"). [11] Отмечается, что данная мера способствует установлению гендерного равенства в современном украинском обществе.

Таким образом, цифровизация как процесс всё большего распространения информационных технологий, формирует определённые социальные нормы, способствующие изменению и дополнению гендерного портрета личности XXI века. Транспарентность и открытость современной цифровой среды не только влияет на изменение традиционного понимания роли женщины в обществе, но способствует социальной мобильности, раскрывает личностный потенциал, предлагая новые возможности для достижения каждому человеку.

Острой остаётся проблема распространения Интернета в новых экономических условиях, которая формирует предпосылки, в том числе, гендерного и полового

неравенства, что, в конечном итоге, негативно сказывается на личностном росте человека. Необходимо укрепление усилий мирового сообщества по развитию демократических институтов, институтов гражданского общества в первую очередь, в развивающихся странах в целях осуществления прав человека XXI века.

- [1] Черных О.Ю. Гендер как социальный конструкт [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования / Языкознание и литература. – No 3 (76), 2019. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-kak-sotsialnyy-konstrukt> (Дата обращения: 29.09.2020)
- [2] Москвская Н.Л., Куницына Е.В. К вопросу о соотношении понятий пол и гендер [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук / Языкознание и литературоведение. - 2011. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-pol-i-gender> (Дата обращения: 29.09.2020)
- [3] Internet usage in Europe - Statistics & Facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/3853/internet-usage-in-europe/#:~:text=85%20percent%20of%20European%20households,connection%20in%20Europe%20in%202016> (Date of access : 01.10.2020)
- [4] Education at a glance / OECD. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/69096873-en.pdf?expires=1602159532&id=id&accname=guest&checksum=EAB88080E42939D1675D4CA3BBA44BF1> (Date of access : 03.10.2020)
- [5] Неравенство мужчин и женщин в сфере труда. Инфографика / РАПСИ. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_mm/20180123/281634589.html (Дата обращения: 05.10.2020)
- [6] Seulement 30 % des chercheurs dans le monde sont des femmes. Quelle situation dans votre pays ? – URL: <https://fr.unesco.org/news/seulement-30-chercheurs-monde-sont-femmes-quelle-est-situation-votre-pays> (Date de l'accès : 06.10.2020)
- [7] GOULMOT Isabelle « Les femmes dans le secteur digital en 2019 : quelles avancées ? », JDN, le 15 avril 2019. - URL: <https://www.journaldunet.com/management/emploi-cadres/1423321-les-femmes-dans-le-secteur-digital-en-2019-quelles-avancees/> (Date de l'accès : 06.10.2020)
- [8] Circulaire du 11 mars 1986 relative à la féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre, Journal officiel du 16 mars 1986.
- [9] Sciences Po. « En cours : garantir l'égalité entre les femmes et les hommes ». – URL : <https://www.sciencespo.fr/enseignants/sites/sciencespo.fr/enseignants/files/recommandations-egalitefh-fr.pdf> (Date de l'accès : 08.10.2020)
- [10] В Нацкомиссии по стандартам языка прокомментировали узаконивание феминитивов в названиях профессий. - Режим доступа: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/3088083-v-nackomissii-po-standartam-azyka-prokomentirovali-uzakonivanie-feminitivov-v-nazvaniah-professij.html> (Дата обращения: 09.10.2020)
- [11] В кадровой документации название профессии можно адаптировать для женщин. Режим доступа: https://jurliga.ligazakon.net/news/197820_v-kadrovoy-dokumentatsii-nazvanie-professii-mozhno-adaptirovat-dlya-zhenshchin (Дата обращения: 09.10.2020)

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Сорокина Екатерина Михайловна
(социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Одной из главных тенденций развития китайского общества является постоянно растущий запрос на образование, однако существующая система школьного и университетского очного образования Китая не может удовлетворять быстрорастущие потребности в обучении в полном объеме. Следствием этого является ограниченный доступ к образованию в КНР. Образовательные ресурсы в городах первого уровня почти переполнены, а в менее развитых городах качество образования существенно ниже. В такой ситуации, дистанционное образование приобретает особенную актуальность и пользуется спросом во всех типах агломераций.

Для достижения большей справедливости в доступе к образовательным ресурсам Госсовет КНР в августе 2020 года принял решение поощрять развитие онлайн-образования, чтобы предлагать новые платформы для профессионального обучения и повышения квалификации [1].

В Китае также наблюдается быстрый рост частных инвестиций в сферу образовательных технологий. В первом полугодии 2020 года многие компании воспользовались возможностью расширить свое присутствие в Китае, а 8 китайских компаний в сфере инновационных образовательных технологий возглавили мировые рейтинги индустрии электронного образования [2]. Это высокотехнологичные предприятия, специализирующиеся на исследованиях, разработке продуктов для онлайн-обучения и универсальных решениях для онлайн-образования. Фактически они являются сервисными платформами, которые используют технологию искусственного интеллекта для предоставления услуг самообучения. Искусственный интеллект имитирует превосходного учителя и использует адаптивный метод. Он заключается в анализе способности каждого ученика к обучению. Искусственный интеллект разделяет предварительные знания на несколько небольших частей и обеспечивает интеллектуальное индивидуальное обучение для каждого ученика.

Таким образом, для представителей наименее социально защищенных слоев населения стало возможно получить дополнительное или специальное образование, повысить квалификацию, сменить сферу, и повысить статус. Дистанционное обучение глубоко изменяет образовательную систему, а также оказывает влияние на социальные отношения, занимая все большую нишу в распределении труда. Для каждого члена общества появление доступного образования приносит больше возможностей, беспрецедентные условия и среду для свободного развития.

1. *China to promote educational equity via Internet / Китай продвигает равенство в образовании через Интернет [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/28/c_138345842.htm*

2. *8 Chinese EdTech start-ups leading the global educational technology industry / 8 китайских стартапов EdTech лидируют в мировой индустрии образовательных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://daxueconsulting.com/china-edtech-educational-technology-market/>*

TO THE QUESTION HOW TO CREATE MORE HOMOGENEOUS SOCIAL GROUP

Старовойтова Снежана
(Санкт-Петербургский государственный университет)

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-311-90025

Ethnic cleansing, genocide and population transfer are often used interchangeably, therefore, it is necessary to figure out their meanings. Genocide (physical destruction of people on the basis of their sociocultural, religious and ethnic affiliation) and forced population transfer (movement of people from one region to another, from one country to another often takes a form of forced migration imposed by state policy on the basis of ethnicity) represent the subsets of ethnic cleansing, where the population transfer is the most moderate form and genocide the most radical [1, 3-4].

The term “ethnic cleansing” first entered the international lexicon in the second half of the twentieth century. In the modern sense, ethnic cleansing is a policy aimed at forcible expelling from a certain territory persons who have another ethnicity affiliation. Ethnic cleansing can be expressed in deportation, extrusion, exile or moving ethnic groups that impede the implementation of national projects outside the zone of political control. Obviously, in creating or defending already established nation, its political leadership may face opposition from certain ethnocultural groups that reject the process of nation formation or reject culture, values of already formed nation. As a rule, this is expressed in claims to create their (ethnocultural groups) own nations, they insist on preserving their zone as part of the previous state model or on joining the enclave to the neighboring state. Among various measures aimed at overcoming resistance and its demolition, “ethnic cleansing” is used. The meaning of “ethnic cleansing” is to rid the territory from disloyal to the dominant nation groups [2, 115]. Since the nation is based on full control over the territories and the borders constitute its essence, in extreme cases, control over the space and the creation of a homogeneous demos throughout the national territory is carried out by freeing problem areas from the rebellious recalcitrant population by forced population transfer.

To sum up, forced population transfer contributes to the forced movement of people along ethnic lines, thereby depriving these people to choose and determine the place where they would like to live. Implementing this policy, the state seeks to create an ethnically more homogeneous society. However, sometimes as a result of this policy (ethnic cleansing), states receive a threat to internal stability and external danger, since the relations between the receiving countries and expelling states are often characterized by mutual accusation and high levels of tension. However, there are also exist positive examples when forced population transfer contributed to the economic development of regions, as well as to the creation of ethnically homogeneous societies.

1. Naimark, N. M. 2001. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge and London: Harvard University Press.

2. Jenne, E. K. 2010. The causes and consequences of ethnic cleansing. Routledge Handbook of Ethnic Conflict. 2010. p. 112-121.

ОЧЕРК О ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТ

Тезич Мустафа Джан

(Ankara Üniversitesi. Dil ve Tarih, Coğrafya Fakültesi.

Университет Анкара. Факультет Язык и История, География.)

По нашему мнению, разные факторы в процессе этногенеза играют важные роли. Территориальное формирование также один из факторов, который помогает формированию этнического представления.

По мнениям географов – *place* (место) – это понятие, которое выражает противоречивые отношения между субъективностью и ландшафтом в рамках человеческого опыта. В этом процессе определенные нормы и социальные практики придают месту его смысл. По мнению географов таких как Y-F. Tuan, E. Relph, R.D. Sack территориальное разграничение представляется как процесс интернализации географической среды в человеческом сознании через несколько этапов, таких как время, идентификации и воспоминания. Это субъективное суждение порождает также вопрос об идентификации и принадлежности. Со временем укрепленная идентификация с определенной территорией также вызывает развитие групповой принадлежности. Но, по мнению этих ученых, какие-либо изменения в социальных отношениях в месте влияют на принадлежность к группе [15, 16, 17].

В литературе проблема образования бурятской народности подразделяется основном на две группы [5]. В первой группе ученые, такие как Н.Н. Козмин [6], Н.П. Егунов [3], С.А. Токарев [13], Г.Н. Румянцев [10] утверждают что ко времени появления русских у Байкала народность уже существовала. С другой стороны вторая группа ученых, таких как Б.Б. Барадин [1], А.П. Окладников [8], Б.О. Долгих [2], Д.Д. Нимаев [7], Л.Р. Павлинская [9], Е.М. Залкинд [4] утверждает что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье [5, 121-129].

Щ.Б. Чимитдоржиев, связывая эти два мнения, утверждает что до прихода русских в прибайкалье буряты находились на начальной стадии консолидации. А по Щ.Б. Чимитдоржиеву процесс формирования бурятской народности завершился примерно в первой половине XIX века [14,7]

Мы согласны с учением, которое утверждает что бурятская народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье [12]. Мы согласны с этим учением потому что мы считаем, что территориальное разграничение как “социальное действие,, [11,с.112] придает разным родоплеменным группам представление единства.

После присоединения Сибири к России, Байкал является частью Российской империи. В то же самое время это означает, что Байкал (Прибайкалье и Забайкалье) стал единым местом в пространстве Российской империи. В этих рамках, царское руководство упорядочило свое место согласно к своим потребностям. В результате этой трансформации в Прибайкалье и Забайкалье создавались новые административные и юридические порядки. Это значит, что социальные отношения были переформированы согласно новым нормам и порядкам. В результате этого действия, консолидационные процессы уже начались по обе стороны Байкала и разные племенные группы начали свое слияние. В течение этого срока лет в Байкальском регионе было основано этническое единство. Параллельно этому развитию можно наблюдать переход из родоплеменной принадлежности к этнической принадлежности.

1. Барадин, Б.Б. Бурят –монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят. монгольской народности // Бурятиеведение. 1927, № 3–4.
2. Долгих, Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография, 1953, № 1.
3. Егунов, Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Ч.1. Улан-Удэ., 1984.
4. Залкинд, Е.М. К вопросу об образовании бурят–монгольской народности // Записки Бурят – монгольского научно–исследовательского института культуры. Т. XXII. Улан–Удэ, 1956.
5. Зориктуев, Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, -М.:Вост. Лит.,2011.
6. Козьмин, Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва-Иркутск., 1934.
7. Нимаев, Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан–Удэ.,2000.
8. Окладников, А.П. Очерки из истории западных бурят–монголов (XVII-XVIIIвв.).Л.,1937.
9. Павлинская, Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII-XIXвв.). СПб.,2008.
10. Румянцев, Г.Н. К вопросу о происхождении бурят- монгольского народа // Зап. Бурят- монгольского научно-исследовательского института культуры. Вып. XVII. Улан-Удэ., 1953.
11. Тезич, М. Дж. Рассмотрение русской (советской) теории этноса через конструктивистскую перспективу «примордиальный конструктивизм» // Общество, среда, развитие., 2013. № 4. – С. 109-113.
12. Тезич, М. Дж. Формирование бурятского этноса в структуре территории и социального пространства // Общество, среда, развитие.- 2018, № 3. – С. 42-46.
13. Токарев, С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. 1953, №2.
14. Чимитдоржиев, Ш.Б. Кто мы Бурят-Монголы, 1991. Ассоциация литераторов Бурятии., 1991.
15. Cresswell, Tim. Place a short introduction, Blackwell Publishing., 2005.
16. Sack, Robert. D. Homo Geographicus a framework for action, awareness and moral concern, The Johns Hopkins University Press., 1997.
17. Tuan, Yi-Fu. Space and place. Perspective of experiance, University of Minnesota Press.

POLITICALLY NETSPEAKING

Тормошева Вера Сергеевна
(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)

Netspeak as a social phenomenon. According to an authoritative Internet linguist David Crystal, Netspeak – a novel medium combining spoken, written, and electronic properties – is global and interactive in character [7, 48]. Developed as the language of the computer-literate young, Netspeak is now among powerful agents in the democratization of communication practices [10, 364]. It has widened its boundaries and become part and parcel of newspaper headlines, slogans, e-mails, posts and comments in social networks, captions, tags, instant messages, outdoor signs, print ads, consumer products [8, 82] and even government publications [5, 53]. Ordinary web users find it resourceful, creative and vogue and recognize its efficiency in their everyday life as well as the lack of obvious weaknesses [5, 52–54]. Politicians worldwide use Netspeak to make politics more relevant for their voters [6]. Recent examples of Netspeak can be found not only in politicians' tweets in messenger applications but also in presidential addresses, interviews and formal statements.

Netspeak as a political research phenomenon. However, Netspeak Studies through the political lens are limited, despite scientific opinions on their usefulness for a better understanding of the information society's politics, education, culture, economics, and historical research [5, 56]. Herewith, some authors have been criticizing Netspeak for its pseudo-sociality, fake multilingualism or language bastardization [9, 127], while others stand up for the complexity of real and virtual communication practices in a globalizing world [11, 113]. Sometimes Netspeak is viewed as a means of participating in socio-political life, performing local and/or cosmopolitan identities, articulating communities' self-manifestation or accompanying protest activities verbally [2; 3; 9]. The latest works on networked publications reveal that user comments predominate over posted messages in influencing other users' attitude towards political content [1, 6]. What is more, neutral tonality has been marked as a characteristic of English-based political comments [2, 50].

English-based Netspeak as a global political phenomenon. Utilizing Netspeak as a political tool has been most notable in English-based communication, since English still plays the major role in maintaining power relations globally [4, 590–591; 10, 360–363]. To debate political issues on globalized platforms, one should not be competent in Standard English [9, 125]. In contrast, nonstandard spellings are among the salient features of digital communication [10, 363]. Moreover, innovative ways of representing languages are welcome, namely Romanized spelling of languages having character writing systems, English transliteration of other alphabetic writing systems or even literal English translation [9, 121]. Every “netizen” is to perform knowledge of advanced technologies in translating and ‘universally agreed rules’ of Netspeak. These rules include employing e-words (e-book, e-conference, e-management, e-government, e-voting and the like), replacing letters and words by symbols or numbers, giving computer terms new meanings, using emoticons, capitals, unusual spacing and exaggerated punctuation to express a positive or negative state of mind [7, 19–22, 34–36]. All these peculiarities help Internet-driven individuals get their voices heard on the global stage.

1. Володенков С.В. Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций // *PolitBook*. 2018. № 3. С. 6–21.
2. Гималетдинова Г.К., Довтаева Э.Х. Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту // *Политическая лингвистика*. 2020. № 1(79). С. 42–51. DOI: 10.26170/pl20-01-05
3. Рогович Е.В. 2015. «Антязык» как социальная форма языка на примере российского протестного дискурса 2011–2012 годов // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 4(32). С. 199–208. DOI: 10.17223/1998863X/32/23
4. Тормошева В.С. *Lingua franca* как феномен политической власти // *Солидарность и конфликты в современном обществе / Материалы Всероссийской научной конференции XII Ковалевские чтения 15–17 ноября 2018 г. / Отв. ред.: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 590–592.*
5. Baihui S., Fengjie L. *The Analysis of Anti-language from the Perspective of Current Situation of Netspeak* // *International Journal of Language and Linguistics*. 2017. № 5(2). P. 50–56. DOI: 10.11648/j.ijll.20170502.14
6. *Chinese 'Netspeak' Makes Politics More Relevant for its Youth*. Available at: <http://www.chine-info.com/british/obs/df/20150318/187169.html>
7. Crystal D. *Language of the Internet*. Cambridge: CUP, 2004.
8. Lee C. *Googlish as a Resource for Networked Multilingualism* // *World Englishes*. 2020. № 39. P. 79–93. DOI: 10.1111/weng.12448
9. Lee C. *Multilingual Resources and Practices in Digital Communication* // *Georgakopoulou, A. and Spilioti T. (eds.) The Routledge Handbook of Language and Digital Communication*. L., N.Y.: Routledge, 2016. P. 118–132.

10. Mair C. *World Englishes in Cyberspace* // Schreier D., Hundt M. and Schneider E. (eds.) *The Cambridge Handbook of World Englishes*. Cambridge: CUP, 2020. P. 360–383.

11. Wright S. *What is language? A Response to Philippe van Parijs* // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2015. № 18(2). P. 113–130. DOI: 10.1080/13698230.2015.1023628

СТУДЕНЧЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Тузиков Андрей Римович

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 18-011-00981*

Прилагательное «цифровой» используется в настоящее время практически применительно ко всем сторонам жизни общества. Цифровая политика (Digital politic), цифровая демократия (Digital democarcy) стремительно институционализируются и становятся популярной тематикой социологических исследований. Отметим работы

Уильяма Х. Даттона, Е. Фогельс, Л. Райни, Дж.Андерсон, Карла Миллера, Б.Лоудера, А.Вромена, М.Ксеноса, В.Ф. Ницевича, С.В. Володенкова, А.Е. Конькова и др.

Важными институтами в социально-политической сфере современного общества являются органы власти и управления (представительная и исполнительная ветви), политические партии и движения, избирательная система, гражданский активизм. Данные институты также стремительно «цифровизируются». Происходит виртуализация органов власти и управления, через активизацию он-лайн коммуникаций. Фактически каждый орган власти и партия имеют своего кибер двойника в Интернете. Избирательная система стоит перед вызовом интернет голосования и уже имеется практический опыт. Развиваются платформы на сайтах мэрий городов типа «Активный гражданин». Социальные сети провоцируют политическую активность, даже тех слоев, которые ранее были менее политически ангажированны, и прежде всего, студенчество. Все это связано, с одной стороны с преобразованием политической сферы в пространство расширенной коммуникации, а, с другой стороны, «гаджетизация» с мобильным интернетом позволяет превратить данный процесс в круглосуточный. При этом широко используются аудиовизуальные средства, постправда, фейк ньюс, что создает и дополнительные риски для электронной демократии.

Студенчество будучи активной социальной группы в настоящее время основную информацию на политические темы черпает из блогов и социальных сетей, новостных сайтов. [1] Несмотря на то, что по апрельским данным 2020 года Левада-центра до 80% молодежи не интересуются политикой и лишь 7% говорят, что с удовольствием сделали бы это в будущем, даже небольшой процент онлайн активистов – это значительная сила, способная оказывать влияние на других., Самые популярные способы политической активности – подписание онлайн-петиций (22%) и волонтерство (23%). [2] С интересом отнеслись студенты и к интернет-голосованию. Еще в 2019 году эта система была апробирована в московских вузах на выборах в Мосгордуму

Среди цифровых технологий заметное место играют разработки и искусственного интеллекта (ИИ). Мы поставили задачу изучить насколько вообще приемлемо для студенчества использования ИИ в принятии политических решений (легитимность таких) и в подсчете голосов на выборах. Было опрошено 700 студентов в трех казанских

вузах. 71% респондентов против 29% выразили принципиальное согласие с идеями применения ИИ в работе органов государственной власти и управления. Относительно избирательный кампаний мнения были уже более осторожные. Отрицательную позицию относительно применения ИИ на выборах высказали до 40%. Легитимность политических решений на основе использования ИИ готовы признать не более 35%. На наш взгляд легитимность ИИ как вспомогательного инструмента при принятии решений имеет хорошие перспективы, чего нельзя сказать о ситуации, когда ИИ выносит решение как бы от лица органа власти.

1. *Интерес молодежи к политике.* URL: <https://fom.ru/Politika/13285>

2. *Более 80% российской молодежи равнодушны к политике.* URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bole-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/>

РАЗВИТИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО

Узакова Салима Андромасовна

(Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем)

Идея учиться у других на расстоянии далеко не нова. Возможность получать высшее образование на расстоянии появилась в 1836 году, когда в Объединенном Королевстве был основан Лондонский Университет. Студентам, обучавшимся в аккредитованных учебных заведениях, было разрешено сдавать экзамены, проводимые Университетом. Начиная с 1858 года, эти экзамены стали открытыми для кандидатов со всего света, вне зависимости от того, где и каким образом они получали образование. Подобное положение дел привело к возникновению ряда колледжей, предлагавших курсы обучения по почте в соответствии с университетской программой. [1]

По мере перехода к цифровому обществу жизнь современного человека становится все более связанной с миром информационных технологий, цифровым интеллектом и переходом всех социальных операций на цифровой формат. Технологии развиваются намного быстрее, чем меняется наше умение вести себя в современном мире. И не успеваем мы освоить одно веяние, как ему на смену уже приходит другое.

Перед Казахстаном стоит одна из важнейших задач, которая направлена на создание отличительно новой и перспективной системы образования, которая смогла бы подготовить население нашей страны к жизни в новых условиях информатизации и цифровизации. Без наличия массы высококвалифицированных специалистов, способных качественно выполнять необходимые работы в самых разных сферах жизни общества нормальное функционирование такого сложного механизма, как современное государство просто невозможно. Таким образом, задачу подготовки специалистов необходимого качества необходимо признать первостепенной задачей для любого государства, стремящегося динамично и целеустремленно развиваться в современных условиях. [2]

Президентом Казахстана была поставлена задача о вхождении республики в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Совершенствование системы образования играет важную роль в достижении этой цели. [3] Мы не можем отрицать тот факт, что со временем дистанционное образования станет неотъемлемой частью в подготовке специалистов различного уровня. По удачному и не потерявшему актуальности выражению Д.Шела, "Дистанционное обучение содержит в себе примечательный парадокс: оно уверенно утвердило своё существование, но не в состоянии определить, что оно такое".

Однозначно можно утверждать актуальность данного вида обучения в сегодняшнем постоянно меняющемся мире для большинства категорий населения. И этот факт не может обойти стороной и ВУЗы, желающие идти в ногу со временем и предоставлять студентам современное образование, соответствующее мировым стандартам и требованиям при этом оставаясь доступным для большинства казахстанцев. [3]

С введением во всех странах пандемии актуальность дистанционного обучения возросла в разы. В этом конечно есть как положительные, так и отрицательные моменты. Положительным является то, что во время карантина изоляция является необходимой, это поможет предотвратить распространение заболевания среди людей. Люди, находящиеся в самоизоляции, начинают понимать насколько живое общение важно, незаменимо и ценно. Школьники и студенты, которые находятся на удаленке теперь стремятся к офлайн обучению и живому общению. Действительно, те моменты, на которые раньше никто не обращал внимания становятся очень ценными. В онлайн обучении есть и отрицательные моменты: проведение большого времени за компьютером, малоподвижность, несоблюдение гигиенических и санитарных норм, недостаток общения с коллегами и др.

С 1 сентября этого года учебный год для более 90 % учащихся школ, колледжей и студентов Казахстана начался в дистанционном формате. В 7391 школах Казахстана обучаются 3,3 млн. человек. Только 4 % учеников из отдаленных районов при стабильной эпидемиологической ситуации обучаются в штатном режиме [4]. А студенты колледжей и университетов продолжили онлайн-обучение.

Опыт отечественных и зарубежных специалистов по внедрению открытых форм обучения подтверждает, что будущее образовательной сферы будет во многом зависеть от ломки сложившихся стереотипов, опоры на педагогические и технологические инновации. Постоянный поиск оптимального решения злободневных проблем, творчество в широком смысле этого слова являются залогом прогресса.

1. Андреев А.А. Введение в дистанционное обучение. М., 1997. 450 с.
2. Проблемы и перспективы развития дистанционного обучения в Казахстане. (доступно по ссылке https://stud.wiki/programming/3c0b65635b2bc79b5c43b89421216c37_0.html). Дата обращения 01.10.2020 г.
3. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011–2020 годы. <http://www.zakon.kz>
4. Интернет-ресурс (доступно по ссылке <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/distancionnoe-obuchenie-prodolzhitsya-v-kazahstane-s-1-sentyabrya-dezhurnye-klassy-obespechenie-uchebnikami-i-zakup-kompyuterov-1775416>) Дата обращения 01.10.2020 г.

Уханова Юлия Викторовна
(Вологодский научный центр РАН)

Косыгина Ксения Евгеньевна
(Вологодский научный центр РАН)

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект
«Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе»
№ 20-011-00326 А.*

Коллективные действия являются одним из основных механизмов социальных изменений и, следовательно, имеют большое значение для развития общества. Традиционно коллективное действие определяют как «совместные действия (или бездействие) людей, преследующих общие интересы» [1, 5]. В современной трактовке коллективные действия предстают как определенная система организованных индивидуумов, входящих в определенной степени в организованные группы [2]. Мы рассматриваем подобные действия не просто как ресурс решения социально-экономических задач, но и источник развития коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе.

Интернет становится важной составляющей в современном обществе, Интернет-технологии создают среду, которая обладает широкими возможностями коммуникации и объединения внутри нее, тем самым раскрывая широкие возможности для включения большого количества лиц в коллективные действия. Кроме того, в настоящее время перспективным направлением институционализации форм участия граждан в решении социально значимых проблем выступает развитие концепций «электронного правительства» или «онлайн-политики» для осуществления постоянного взаимодействия общества и органов власти, а также контроля последних со стороны общества.

На основе социологических измерений, проводимых Вологодским научным центром РАН на территории Вологодской области (N=1500) нами выявлена тенденция роста использования интернета в региональном сообществе. Основными мотивами использования интернет-технологий для жителей региона являются общение и получение новостной информации о событиях в мире и стране. Получен социально-демографический портрет активного интернет-пользователя – это, преимущественно, высокоресурсные группы: молодежь до 30 лет, лица с высшим образованием, с более высокими доходами, проживающие в городе. Проведенный анализ показал, что среди жителей Вологодской области, регулярно пользующихся интернетом, значительно выше доля тех, кто готов включиться в работу некоммерческих организаций и инициативных групп, способствовать развитию своего города / села по различным направлениям (29% против 15%). Полученные результаты позволяют прийти к выводу, что интернет является значимым фактором развития общественной сферы в регионе. В то же время очевидна необходимость расширения возможностей использования интернет-технологий, особенно для пожилых людей, лиц с наименьшим уровнем образования и доходов, в сельской местности.

1. Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. MA: Addison, 1978. 349 p.

2. Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203.

СЕМЬЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Ушакова Валентина Григорьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Современное российское общество со всей очевидностью становится информационным (цифровым), о чём свидетельствуют грандиозные изменения, связанные с коронавирусной пандемией.

Мнения экспертов по проблеме перспектив дальнейшего существования фундаментального социального института семьи и брака в цифровом обществе отличаются большой вариативностью и неоднозначностью.

Превалирующее алармистское мнение: «Цифровое общество - это глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества...». [1]

Влияние цифрового общества на социальный институт семьи оценивается как кардинально разрушительное. Семья в итоге полностью утрачивает свои традиционные функции. [2, 74]

Однако формируется взвешенный подход к анализу взаимодействия семьи и цифрового общества.

В результате опроса 400 представителей бизнеса, который был проведён в Москве 29–30 мая 2018 г., выяснилось, что семья для деловых людей – одна из важнейших жизненных ценностей. 65% бизнесменов считают, что семья должна быть многопоколенной. У 53% респондентов семьи – многодетные, а 27% считают многодетность хорошим и правильным трендом. Кроме того, подавляющее число бизнесменов считает, что детей необходимо воспитывать крайне ответственно, как наследников состояния и бизнеса.

Несут ли цифровые веяния угрозу такой семье и нужно ли ограничивать их влияние – решать всем членам семьи. [3]

В 2018 г. на седьмой Международной Конференции по Транскультурному Образованию, прошедшей в Испании, были представлены результаты исследования «Влияние информационных и коммуникационных технологий на семейные отношения». [4]

Факторы положительного влияния ИТ на семью:

- Содействие дистанционной коммуникации;
- Улучшение взаимного понимания посредством фото и видео;
- Организация совместного досуга членов семьи;
- Доступ к знаниям;
- Оптимизация времени и использования денежных средств.

Факторы отрицательного влияния ИТ на семью:

- Изменение самой модели общения;
- Приобретение цифровой зависимости;
- Эмоциональная бедность невербального общения.

Революционное влияние Интернета на семью может носить как разрушительный, так и созидательный характер в зависимости от воспитания, уровня культуры и совести всех членов семьи. Ценность семьи для людей определяется теми функциями, которые она выполняет. Очевидно, что в цифровом обществе многократно возрастает не только значение и новое содержание специфических функций – репродуктивной и воспитательной, но и таких неспецифических, как функция психологического комфорта, рекреационная функция. Актуализируется проблема создания и развития новой семейной культуры.

1. *Цифровое общество и конец истории.* // https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/cifrovoe-obscestvo-i-konec-istorii-5f3403d4f8858d5978533028?utm_source=serp
2. Рулиене Л.Н. Трансформация семьи в условиях цифрового общества. // *Материалы международной научно-практической конференции «Мир семьи и детства в азиатско-тихоокеанском регионе в условиях кризиса глобализации».* // *Вестник Бурятского государственного университета, Образование. Личность. Общество, 2018. Вып. 3-4.*
3. Горбачева Е. Спецпроект: Семья 3.0 – Семья в цифровую эпоху: бездуховная цифра или новые возможности? Что бизнесмены думают о семье в цифровом мире и нужна ли семья успешному человеку.// <https://rusplt.ru/family-3-0/semya-tsifrovuyu-epohu-34295.html>
4. <https://zen.yandex.ru/media/id/5a73694b865165feabe2ca10/vliianie-interneta-na-semiu-5b0bd7a0c3321bd7bb35c0a4>

МЕСТО ЦИФРОВОГО СЛЕДА В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Фролов Александр Альбертович
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

Беляков Алексей Александрович
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществ в современной России»

Глобальная сеть в настоящее время – это не только источник информации, но и площадка для публичных отношений, по которой судят о деятельности органов власти, политиков и общественных активистов. Именно поэтому особая роль в настоящее время уделяется персональным страницам и аккаунтам в социальных сетях и мессенджерах. Они являются «лицом» персоны или организации в виртуальном пространстве. Помимо этого, каждый пользователь социальных сетей при каждом использовании социальных сетей осуществляет какие-либо действия: оставляет комментарии, подписывается на группы, загружает фотографии, делает посты и т.д. Все они формируют цифровой след пользователя, т.е. совокупность информации о пользователе и его действиях в Интернете. В зависимости от того, какого рода информация содержится в цифровом следе, можно выделить две основные формы. Пассивный цифровой след – просматриваемые в сети ресурсы, загружаемые и просматриваемые материалы (видео, текст, фото и т.д.), а также информация, автоматически собираемая и сохраняемая информационными ресурсами (так называемые файлы cookie). Активный же цифровой след является результатом действий пользователя. Это могут быть выставяемые фотографии, подписки на группы или добавления в друзья, покупки в Интернет и т.д. Можно также выделить поисковые запросы в Интернете, как форму, обладающую признаками как пассивных, так и активных цифровых следов, т.к. пользователь вводит информацию, но она автоматически сохраняется в качестве истории поиска. Эти данные в настоящее время используются в различных отраслях наук: юриспруденции, социологии, психологии и педагогике. Подходы различных научных школ к определению цифровых технологий множество, однако, все их можно разделить на технологические и гуманитарные. Технологические подходы основаны

на том, что цифровой след представляет из себя набор математических символов или бинарного кода, анализ которого позволяет судить об активности человека. Гуманитарные подходы, в свою очередь, основаны на том, что цифровой след – это совокупность психологических, лингвистических, психологических факторов, которые проявляются в содержании цифровой деятельности пользователя. Данная информация может быть применена для описания деятельности, убеждений или планов того или иного пользователя. В политологической практике использование цифровых следов встречается редко. Однако, они могут дать исследователям большой объем информации, даже при использовании открытых источников. Так, подобный анализ может быть использован при прогнозировании действий кандидатов на выборах, основываясь на их цифровых следах: подписках, лайках, репостах, постах. Цифровой след может также позволить таргетировать информационные потоки к целевой аудитории, облегчать выстраивание коммуникации и взаимодействий. Это открывает новое пространство для анализа политической сферы в виртуальном пространстве и представляется перспективным направлением для будущих исследований.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Харсеева Алла Викторовна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Проблема изучения протестной активности молодежи в Российской Федерации остается актуальной на протяжении многих лет. Конец XX века и прошедшие два десятилетия XXI века ознаменовались проведением ряда протестных акций разной степени массовости[3], которые, как отмечают некоторые социальные ученые, обладают собственными уникальными характеристиками, несвойственными протестной активности предыдущих эпох[2], поскольку сам исследуемый нами временной период также имеет свою специфику, оказывающую влияние на политическую социализацию молодёжи, формирование политического сознания и становление политической идентичности, влияющих на протестное поведение молодежи.

Прежде всего, мы говорим, конечно, о развитии системы средств массовой информации и, соответственно, возможности распространения определенной информации или позиции на большое количество людей. Другая выделяемая нами специфика также присуща обществам в глобальном масштабе – это формирование нового типа интерактивной коммуникации посредством сети Интернет, который позволяет получать отвечающую запросу индивида информацию, оставляет возможность её корректировки, а также путем вступления во взаимодействия с другими участниками интернет-пространства выявлять сильные и слабые стороны своих политических установок. Помимо данного аспекта, важным становится практика перенесения части политической активности и самореализация личности в политической сфере в интернет-пространство, в том числе благодаря массовой доступности подобной формы политического участия[4][6]. Особое значение для данного исследования также приобретает современное состояние Российской Федерации как трансформирующийся социетальной системы[7].

Данное положение подразумевает также процесс трансформации политической системы общества, являющейся, с одной стороны, онтологическим условием существования молодежного политического сознания, а с другой стороны является объектом его воздействия в различных формах политической активности, включающей

протестную активность. В настоящее время отмечают параллельное сосуществование в общественном политическом сознании традиционной и неолиберальной (либерально-демократической) систем ценностей, а также продолжающуюся трансформацию социально-политической системы[1][5][8]. При условии отсутствия или, по крайней мере, значительного ослабления системы общественно-политического контроля молодёжи, плюрализм ценностей и установок не позволяет в рамках политической социализации в условиях цифрового общества сформироваться политической идентичности молодёжи России.

1. Беспалов Ю.В. Модернизация политической системы и массовое политическое сознание// Вестник воронежского университета. 2012. №12. С.92-94.
2. Бушуев Д.В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе. Автореферат дис... кандидата социологических наук. - Ростов-на-Дону, 2012. – 35 с.
3. Жаворонков С. Краткая история изучения митингов в России – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ridl.io/ru/kratkaja-istorija-mitingov-v-sovremenn-2/ (Дата обращения: 20 февраля 2020 г.)
4. Зверев А.Л., Башков А.В. Роль Интернет-коммуникаций в выработке политических представлений российских граждан // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3. С.87-98.
5. Милорава А.Р. Процесс политической социализации молодёжи в современном российском обществе// Молодой учёный. -2017. - №13. – С.505-507.
6. Пикула Н.Н. Интерактивные коммуникации и политическое сознание// *Studia Humanitatis*. 2015. №2 С.117-121.
7. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодёжи// *Власть*. 2007. №8 С.48-52.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука. – 2010г. - 25с.

ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСОКОРЕЙТИНГОВЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ СТРАН БРИКС

Хафизова Виктория Рауфовна
(ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина».)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00236).*

С приходом пандемии по всему миру ускоряются процессы медиатизации образования. Онлайн-образование приобретает особую актуальность для иностранных студентов в связи с закрытием границ между странами.

Цель исследования – анализ специфики онлайн-образования в ведущих университетах Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, входящих в QS Global World Ranking. На сайтах пяти вузов анализировалась информация о способах реализации онлайн-образования.

Университет Сан-Паулу [1] в Бразилии (115 место в рейтинге) предлагает формы дистанционного обучения на нескольких платформах со свободным доступом. Университет публикует видеолекции на своем канале на видеохостинге Youtube и предлагает большое количество онлайн-курсов на международных платформах Coursera и Veduca. Кроме того, в вузе функционирует портал «e-Aulas», обеспечивающий доступ к образовательному

контенту университета для своих и иностранных студентов, наконец, в формате регулярных образовательных видеотрансляций работает канал UNIVESP TV.

Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (331 место в рейтинге) с 2019 года реализует программу цифровой трансформации [2]. Онлайн-курсы университета представлены на международной платформе онлайн-обучения edx.org и на национальной платформе «Открытое образование».

Крупный индийский университет Савитрибай Фул Пуна [3] (позиция в диапазоне 651-700) развивает с 2016 года проект «EContent Development & Learning Innovation Center», предоставляющий студентам свободный доступ к 36 дисциплинам. Разработанная платформа, по мнению авторов, способствует международной академической интеграции.

Университет Цинхуа [4] в Китае (15 место в рейтинге) в 2013 году создал универсальную онлайн-площадку для интеграции и обмена учебными курсами между ведущими университетами мира «XuetangX». На сегодняшний день с площадкой взаимодействуют более 500 университетов. Ресурс предлагает доступ к более 3000 онлайн-курсов.

Университет Витватерсранда [5] в Южной Африке (403 место в рейтинге) позиционирует себя как международный университет, предоставляющий студентам доступ к бесплатным онлайн-курсам с возможностью получить сертификат. Кроме того, вуз предлагает доступ к ресурсу Libguides с открытой базой данных по разным дисциплинам.

1. Сайт Университета Сан-Паулу [Электронный ресурс]. URL: <https://www5.usp.br/> (дата обращения: 3.09.2020).

2. Сайт Уральского Федерального университета [Электронный ресурс]. URL: <https://urfu.ru/ru/> (дата обращения: 15.09.2020).

3. Сайт Университета Савитрибай Фул Пуна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unipune.ac.in/> (дата обращения: 16.09.2020).

4. Сайт Университета Цинхуа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/> (дата обращения: 2.09.2020).

5. Сайт Университета Витватерсранда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wits.ac.za/> (дата обращения: 6.09.2020).

ЦИФРОВЫЕ АРЕНЫ ГОРОДСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ: НАРРАТИВЫ АКТИВИСТОВ И ЭКСПЕРТОВ

*Хохлова Анисья Михайловна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Тыканова Елена Валерьевна
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Современные общественные движения, в том числе городские локальные протестные инициативы, характеризуются диверсификацией репертуаров борьбы за общественные блага. Немаловажную роль в этом процессе играют цифровые технологии, которые открывают перед активистами новые возможности сопротивления, но также порождают для них новые ситуации уязвимости.

В качестве теоретической рамки представленного в докладе исследования мы используем стратегическую интеракционную перспективу [3], чувствительную к субъектности и агентности всех «игроков», то есть участников конфликта, а также к динамике конфликтных взаимодействий. В логике данной теории мы рассматриваем цифровые платформы как разновидность неформальных «арен», то есть площадок взаимодействия, где «разыгрывается» то или иное благо. Каждая арена наделяет игроков определенными ресурсами, но одновременно навязывает им свои правила игры.

В фокусе нашего внимания находятся случаи сопротивления горожан нежелательному, с их точки зрения, городскому планированию и развитию в трех российских городах-миллионниках: Казани, Нижнем Новгороде и Новосибирске (защита исторического наследия, борьба против строительства дорог и создания/трансформации иной инфраструктуры, а также конфликты, подпадающие под городскую экологическую повестку). В качестве эмпирической базы исследования выступает серия полужформализованных интервью с активистами и ассоциированными экспертами, собранных в 2019-2020 гг.

Зачастую при исследовании цифровых измерений общественных инициатив средствами сетевого моделирования изучаются сетевые конфигурации участников [2; 4]. Для анализа дискурсов участников задействуется потенциал цифровой этнографии [1]. Напротив, в нашей работе мы стремимся отойти от изучения возможностей, которые цифровые платформы (социальные сети и мессенджеры) открывают перед активистами и лоббистами их интересов, а также от анализа конфигураций взаимодействий игроков и непосредственного содержания интернет-дискуссий. Вместо этого мы задаемся вопросом о том, какими смыслами активисты и эксперты наделяют используемые ими цифровые инфраструктуры в своих нарративах, какую роль отводят им в своих решениях, действиях и интеракциях с союзниками и оппонентами, как оценивают развитие этих арен в динамической перспективе. В частности, мы показываем, как успехи и неудачи активистов на других неформальных (традиционные медиа, форматы уличной политики и пр.) и формальных (судебные заседания, публичные слушания и пр.) аренах определяют их стратегические и тактические интеракции онлайн и заставляют видеть в цифровых аренах площадки формирования общественного мнения, инструменты рекрутинга и даже каналы оперативной связи членов активистского ядра в ситуациях непосредственных угроз оспариваемым территориям.

1. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Люди в сетевых пространствах города: о предварительных результатах проекта «Media и технологии в современном городе» // Шаг/Steps. 2015. № 1(1). С. 232-241.

2. Diani M. Social movement networks virtual and real // Information, communication & society. 2000. № 3(3). С. 386-401.

3. Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds.) Players and arenas. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005.

4. Voskresenskiy V., Musabirov I., Alexandrov D. Private and public online groups in apartment buildings of St. Petersburg // Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science ACM, 2016. Pp. 301-306.

ФЕМИНИСТСКИЙ АКТИВИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ СМЕНЫ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Чепенко Кристина Валерьевна
(Российский государственный социальный университет)

Сегодня знания и информация неотъемлемая часть повседневности человека. Переход от информационного общества к цифровому сопровождается появлением новых средств коммуникации между целыми институтами [6]. Цифровая среда стала платформой для деятельности социально-политических движений и организаций: от общественных инициатив до политических акций. Все эти практики сформировали интернет-сообщества с устойчивыми коммуникативными связями. Их виртуальная деятельность приводит к социальным изменениям. Это говорит о необходимости анализа процессов, происходящих под влиянием цифровой среды.

2019 год ознаменовался яркой вспышкой политического активизма: особое внимание к себе привлекло феминистское движение [4]. Смена исторического контекста и цифровые возможности предоставляют социально-политическим движениям новые инструменты и ставят новые задачи [9]. Таким образом, разделенный на три волны своего развития, феминизм сейчас претерпевает четвертую волну, характеризующуюся онлайн-активизмом [8].

Наиболее успешно феминистская онлайн-деятельность разворачивается в блогах [7]. Результаты опроса среди молодежи в возрасте 16-30 лет показали, что в интернете они сталкиваются с акциями и флешмобами в социальных сетях — 50,7% опрошенных, с феминистской рекламой 56,75%, с любой феминистской информацией — 77,3%. В то же время, с распространением брошюр, листовок или пикетами сталкивались только 11,7% и 24% соответственно [3]. Из этого следует, что онлайн-деятельность имеет преимущество.

Феминистский блогинг является одной из популярных форм активизма. Целые организации ведут просветительскую деятельность в сети: рассказывают об актуальной ситуации гендерного равенства в мире [9]. Их деятельность выходит за рамки блогов: экспертов в данной теме приглашают в другие медиа для интервью или публикуют в изданиях. Другой формой активизма являются флешмобы. Для аудитории социальных сетей флешмобы — одна из форм социального или политического участия, проявлением активности [1].

К примеру, флешмоб #ЯНеХотелаУмирать, запущенный летом 2019 года в соцсетях в поддержку закона о домашнем насилии. Основная цель — направить людей на подписание петиции о принятии законопроекта на рассмотрение в Государственной Думе. В результате петицию подписали более 800 тысяч человек, а организаторы флешмоба были приглашены на телепередачу «Малахов+», что говорит о распространении дискурса в другие медиа [5].

«Идея флешмобов очень понятна — рассказать большому количеству людей о том, что происходит при видимой мнимости благополучия. И #янебоюсьсказать, и #facesofdepression, и #meetoо рассказывали о проблемах, которые до этого были или казались невидимыми», — прокомментировала исследователь интернета и социолог Полина Колозариди [11].

Таким образом, можно выделить положительный потенциал социальных сетей для деятельности социально-политических движений. Блогеры и онлайн-сообщества создают собственную повестку дня и становятся конкурентами традиционным медиа в вопросах формирования публичного дискурса.

1. Белоусова Н.Н. Флешмоб-Акции Как Политическая Технология [Электронный ресурс] // Молодая наука аграрного Дона: традиции, опыт, инновации. 2017. № 1. С. 236-238. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29207296> (дата обращения 16.09.20)

2. Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы [Электронный

- ресурс] // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2019. No 5. С. 341—364. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16> (дата обращения 15.09.20)
3. В рамках дипломного исследования «Феминизм в представлениях современной молодежи». Интернет-опрос 300 человек, в возрасте от 16 до 30 лет. Неслучайная выборка, методом стихийного отбора, с помощью ресурса webanketa.ru
4. Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Сетевой Анализ Современных Протестных Движений (На Примере Социальной Сети "Womensmarch") [Электронный ресурс] // В книге: *Материалы VIII международной социологической Грузинской конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии"* Отв. ред. А.В. Кулешова. 2018. С. 404-408. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35055235> (дата обращения 16.09.20)
5. Информация с портала организаторов флешмоба и проекта «ТыНеОдна» [Электронный ресурс] // URL: <https://tineodna.ru/specialprojects/i-did-not-want-to-die> (дата обращения 15.09.20)
6. Каминская Т. Л., Помигуев И. А., Назарова Н. А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения [Электронный ресурс] // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2019. No 5. С. 82—407. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>. (дата обращения 15.09.20)
7. Кузьмина Е. В. Сообщества в Живом журнале — новые коммуникативные возможности для субкультурных групп и общественных инициатив [Электронный ресурс] // *Журнал исследований социальной политики.* 2011. Т. 8. No 3. С. 365—390. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/22/1271960378/Kuzmina_Soobshestva%20v%20zhivom%20zhurnale.pdf (дата обращения 16.09.20)
9. Николаева Е.М., Котляр П.С. Четвертая волна феминизма: манифестация цифрового действия [Электронный ресурс] // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 139—145. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F31645933/Sadykovskie.chteniya_2019_2_.pdf#page=139 (дата обращения 15.09.20)
10. Федорченко С.Н. Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодежи: анализ российского и международного опыта [Электронный ресурс] // *Материалы II Всероссийской научной конференции «Россия 2030 глазами молодых учёных».* М.: Научный эксперт, 2012. С. 65–72. (дата обращения 15.09.20)
11. Флешмобы в соцсетях поднимают темы насилия, феминизма, суицида. Могут ли они реально что-то изменить? [Электронный ресурс] // *informБЮРО* 2018. URL: <https://informburo.kz/stati/fleshmoby-v-socsetyah-podnimayut-temy-nasiliya-feminitizma-suicida-mogut-li-oni-realno-chno-to-izmenit.html> (дата обращения 15.09.20)

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МЕДИЦИНСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Черевкова Алена Игоревна

(Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета)

*Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60466.*

Термин «социальное самочувствие» вошел в научную литературу в 1970-е гг. и изначально трактовался как состояние физических и душевных сил человека, сводясь к психологической составляющей. Отечественная социологическая традиция изучения социального самочувствия как эмоциональной оценки представителями социальной группы своего общественного положения берет свое начало в 1980-е – начале 1990-х гг.

Изучение социального самочувствия было начато Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко в рамках концепции социального настроения [1]. Социальное самочувствие исследуется как ключевой элемент социального настроения, как «субъективное отражение душевно-нравственного, чувственного состояния, физических и психологических возможностей человека». В рамках этого подхода работали О.Л. Барская, выделившая типы социального самочувствия [2], Г.Л. Воронин (социальное самочувствие россиян в 90-е гг.) [3], Л.Е. Петрова и Л.Я. Рубина (социальное самочувствие молодежи) [4, 5]. Изучение социального самочувствия как обобщенной эмоционально-оценочной реакции людей на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе представлено в работах Е.Н. Головаха, А.П. Горбачик, Н.В. Паниной [6], В.М. Чугуненко, Е.М. Бобковой [7], М.К. Горшкова [8].

Диагностикой различных аспектов социального самочувствия работников системы здравоохранения в России занимались социологи, психологи, экономисты. Социально-экономические компоненты в разные годы были проанализированы Т.Я. Четверниной, Н.О. Степанчиковой, Л.Д. Лакуниной [9], А.В. Лядовой, Н.А. Панич [10], И.А. Гареевой [11], М. Ивановой [12], И.В. Мерсияновой, Д.И. Присяжнюк [13] и др. Авторы отмечают ряд общих проблем здравоохранения, актуальных на протяжении всего времени проведения исследований: низкая заработная плата, понижающийся престиж профессии, отсутствие эффективных программ государственной поддержки, низкий уровень правовой защищенности и т.д. [14]

Исследованиям эмоционального состояния и ценностных установок медицинских работников посвящены работы Н.А. Акимовой, Е.А. Андрияновой, Р.Ю. Девличаровой, Е.Н. Медведевой [15], А.А. Водяхи [16], В.А. Руженкова, Е.Л. Сергеевой, У.С. Москвитинова [17], Л.Е. Петровой [18]. В этих работах описываются социально-стрессовые факторы, влияющие на качество жизни медицинского персонала и создающие предпосылки для формирования синдрома эмоционального выгорания.

Сегодня исследования социального самочувствия врачей приобретают особую актуальность: ухудшение эпидемиологической обстановки, вызванное распространением коронавирусной инфекции, привело, с одной стороны, к возрастанию уровня профессиональных рисков работников здравоохранения, увеличению трудовой нагрузки, а с другой – выступило фактором повышения престижа профессии врача, привлечения дополнительных мер государственной поддержки медицинского персонала.

1. Тощенко Ж.Т. *Социальное настроение* / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. М.: *Acadetiа*, 1996. 196 с.
2. Барская О.Л. *Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования. Автореф. ... кандидата филос. наук : 09.00.09 / АН СССР. Ин-т социологии. - Москва, 1989. - 19 с.*
3. Воронин Г.Л. *Социальное самочувствие россиян // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59-66.*
4. Петрова Л.Е. *Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 50-55.*
5. Рубина Л.Я. *Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества. Автореф. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2009.*
6. Головаха Е.Н., Горбачик Н.В., Панина Н.В. *Измерение социального самочувствия // Социология. 1998. № 10. С. 45-47.*
7. Чугуненко В.М. Бобкова Е.М. *Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15-23.*
8. *Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. — М. ; СПб. — Нестор-История, 2011. — 176 с.*

9. *Stepantchikova N., Lakunina L., Tchetvermina T. Socio-Economic Status of Health Care Workers in the Russian Federation // Workshop on Health Care Privatization: Workers Insecurities in Eastern Europe ILO, Geneva, December 6-7, 2001.*
10. *Лядова А. В., Панич Н. А. Социальный статус врача в современном российском обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №4.*
11. *Гареева И.А. Социальное самочувствие врачей в современной системе здравоохранения // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 4 (35). С. 295–300.*
12. *Иванова М. Престиж белого халата. Медицина как призвание и профессия. Каким должен быть врач // Фонд «Общественное мнение». 2006.*
13. *Профессии социального государства / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2013. 360 с.*
14. *Демиденко А.С., Чикарова Г.И., Черевкова А.И. Социально-экономические риски представителей социально ориентированных профессий (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. С.164-175.*
15. *Акимова Н.А., Андриянова Е.А., Девличарова Р.Ю., Медведева Е.Н. Психосоциальные факторы риска в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2018. №4.*
16. *Водяха А.А. Ценностно-смысловые компоненты профессиональной идентичности врача : автореф. дис. ... канд. психол. наук, Хабаровск, 2009.*
17. *Руженков В. А., Сергеева Е. Л., Москвитина У. С. Качество жизни медицинских работников // Научные ведомости БелГУ. Серия: Медицина. Фармация. 2013. №18 (161).*
18. *Петрова Л.Е. Профессиональный мир врача в современном российском обществе // Социология медицины. 2015. № 2. С. 53-57.*

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Шарф Александра Сергеевна

(УрФУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина, УГИ, кафедра социальной работы)

В связи с активным переходом системы образования к онлайн-технологиям возрастает роль нового социального явления – личного бренда преподавателя. Социологическая интерпретация личного бренда преподавателя вуза позволит решить теоретические (осмысление нового социального феномена в контексте трансформации системы образования), и практические задачи: облегчить цифровизацию высшего профессионального образования за счет активного и осознанного включения преподавателей в этот процесс через построение и развитие личного бренда.

Личный бренд преподавателя вуза – социокультурный феномен, природа которого определяется спецификой трансформации системы высшего профессионального образования [2], стремлением вузов интегрироваться в мировую образовательную среду [4], а также популяризацией в профессиональной среде технологий личного брендинга как способа построения карьеры. В условиях перехода вузов к конкурентной борьбе за финансирование возникает необходимость «продавать» себя, что в свою очередь влечет актуализацию этой стратегии для отдельно взятых преподавателей.

Отталкиваясь от понимания личного бренда как разновидности бренда, т.е. средства идентификации и фактора стратификации [1], а также принимая во внимание его символическую и коммуникативную природу, будем понимать под личным брендом преподавателя вуза целенаправленно формируемый самим преподавателем образ своих личностных и профессиональных ценностей и достижений, транслируемый посредством

различных каналов коммуникации и ориентированный на идентификацию своей уникальности и экспертности как конкурентного преимущества.

Социологическая интерпретация личного бренда как социального феномена включает также анализ понятия профессионального имиджа и деловой репутации как наиболее близких категорий. В отличие от профессионального имиджа, ограничивающегося сферой профессиональных достижений [3], категория личный бренд охватывает такие проявления личности как образ жизни, ценности, повседневные практики в контексте профессиональной траектории развития преподавателя. Деловая же репутация, как правило, выступает второстепенной категорией социологического анализа и ее исследование представляет собой более узкий подход к изучаемому явлению за счет смещения фокуса от самих преподавателей на тех, кто является носителями мнений. Таким образом, социологический подход к интерпретации личного бренда преподавателя вуза позволяет:

- выделить специфику личного бренда преподавателя как нового социального явления, определить степень его распространенности и выявить его функции;
- охарактеризовать личный бренд преподавателя как форму реализации социального капитала, как механизм и способ самоидентификации, как разновидность коммуникации, а также проанализировать его в контексте социального взаимодействия.

На наш взгляд, перспективы социологического анализа личного бренда преподавателя вуза включают изучение его структуры, построение модели и определение его функций в процессе трансформации системы высшего образования.

1. Костылева Наталья Владиславовна *Бренд как социокультурный феномен: социологический анализ: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06. – Екатеринбург. – 2006. – 20 с.*
2. Митчелл Петр Джозонович, Трусов Егор Вадимович *Личный брендинг преподавателя: новый социальный феномен российского высшего образования? // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. - № 38. – С.94-98.*
3. Осипова Елена Борисовна *Профессиональный имидж преподавателя вуза // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2012. №148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyu-imidzh-prepodavatelya-vuza> (дата обращения: 02.10.2020).*
4. *Kamyshanchenko Elena Nikolaevna, Stepanenko Svetlana Nikolaevna Integration of the Russian higher education system in the globalizing market of educational services: conditions, models and factors determining its effectiveness // Научный результат. Экономические исследования. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integration-of-the-russian-higher-education-system-in-the-globalizing-market-of-educational-services-conditions-models-and-factors> (дата обращения: 01.10.2020).*

ЗАПРОС НА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

***Шведова Виктория Олеговна
(ФГБОУ ВО, Российский государственный социальный университет)***

Растущее социально-экономическое неравенство на фоне усиливающегося финансового кризиса в мировом масштабе [1], рост безработицы, непрекращающаяся социальная дискриминация по разным основаниям выступают причиной роста протестных настроений во всем мире [5]. Подобное положение дел демонстрирует усиливающийся запрос на социальную справедливость всего населения планеты и, в частности, населения России. Однако с учетом активного внедрения Интернет-технологий в повседневную жизнь человека актуальная повестка большинства социальных проблем находит проявление именно в Интернет-пространстве. Не исключение составляет и упомянутый запрос на социальную справедливость. На сегодняшний день основными площадками для обсуждения актуальных социальных, политических, экономических и других проблем, активно волнующих общество, выступают социальные сети. Однако помимо обсуждения как такового можно наблюдать различный тематический дискурс, проявляющий себя в самых разных формах. Дискурс социальной справедливости в этой связи не является исключением.

Формы запроса на социальную справедливость в Интернет-пространстве можно условно разделить на несколько групп. Первую группу составляют публикации, направленные на обсуждение и анализ актуальных событий и проблем, противоречащих общему пониманию социальной справедливости [12] и проявляющихся как в российском обществе, так и во всем остальном мире [2;3;13]. Следующая группа представляет собой социальные и политические движения, которые выступают за такие идеи социальной справедливости, как преодоление экономического неравенства, равный доступ всех к социальным благам, гендерное равенство, этническое равенство и т.д. Данные движения часто выступают организаторами различных флэшмобов, которые преследуют цель обнажить имеющиеся противоречия и обратить на них внимание общественности. К ним можно отнести такие флэшмобы, как #BlackLivesMatter [9], ответный ему #AllLivesMatter [11], #MeToo [10], флэшмоб с заголовком #Я/МЫ [8] и др. Еще одну крупную группу проявлений запроса на социальную справедливость составляют публикации в виде исторических обзоров, интервью с учеными, общественными деятелями, политиками, иными словами, публикации, направленные на обсуждение социальных противоречий в историческом контексте [3]. К отдельной группе также можно отнести Интернет-сообщества, в которых публикуются результаты деятельности политических партий и организаций, основная цель которых – борьба за социальную справедливость [6;7].

Таким образом, можно отметить, что, во-первых, запрос на социальную справедливость находится в стадии активной актуализации, а во-вторых, он более не ограничен рамками физической реальности, и активно проявляет себя в Интернет-пространстве, принимая новые формы и захватывая новые каналы распространения.

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Курдюкина. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
2. Вестник Бури [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UCQ_LYRUJzBfh-mvU14xCNMw/featured. (дата обращения: 30.09.2020)
3. Константин Семин [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UC2qoLqo8RuV4P_88yhHCZlg. (дата обращения: 30.09.2020)
4. Ленинский Комсомол (ЛКСМ РФ) [Электронный ресурс] // Вконтакте. URL: <https://vk.com/vkomsomole>. (дата обращения: 30.09.2020)
5. Погосян В.Г., Шведова В.О. Реализация принципов социальной справедливости в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Социальная

- политика и социология. 2019, Т.18, №3 (132). С. 158-167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41504147> (дата обращения: 30.09.2020)*
6. *Российское социалистическое движение (РСД) [Электронный ресурс] // Вконтакте. URL: https://vk.com/rsd_rsm. (дата обращения: 30.09.2020)*
7. *Союз марксистов // Вконтакте. URL: https://vk.com/marxist_union. (дата обращения: 30.09.2020)*
8. *«Я/Мы Иван Голунов». Вот как они это сделали. [Электронный ресурс] // Meduza, 2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/06/12/bylo-ochen-strashno-za-nas-vseh> (дата обращения: 30.09.2020)*
9. *Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History. The New York Times. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (дата обращения: 30.09.2020)*
10. *#MeToo: Social media flooded with personal stories of assault. CNN International, 2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/10/15/entertainment/me-too-twitter-alyssa-milano/index.html> (дата обращения: 30.09.2020)*
11. *O'Malley booed as he points out: «White lives matter. All lives matter». The Washington Post. 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/activists-disrupt-forum-featuring-candidates-omalley-sanders/2015/07/18/ca64eb34-2d60-11e5-bd33-395c05608059_story.html (дата обращения: 30.09.2020)*
12. *Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs. 1985, Vol. 14. P. 223-251.*
13. *Station Marx [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC0eLHZT61PUZT5rFQhRpPeA/featured>. (дата обращения: 30.09.2020)*

«ЦИФРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЕРСИИ

*Шевцов Алексей Владимирович
(РГПУ им. А.И.Герцена)*

Культ технического прогресса во многом опирается на мифологему «лампы Алладина», когда ключевая новация с неизбежностью ведет к кардинальному преобразованию всей общественной жизни. В современной политической социологии такое развитие связывают с понятием «цифровой демократии», которая должна привести к новой форме реализации на практике принципов представительной и непосредственной демократии. В перспективе предполагается создание «электронных Афин».

Отечественные авторы любят ссылаться на положения Р. Даля о возможностях телекоммуникаций в политической сфере: обеспечить доступ к «политической повестке»; создавать легкодоступные для всех граждан «возможности»; оказывать воздействие на решение «проблемы»; «адекватно» участвовать в политических дискуссиях [2, С.514].

Большинство исследователей придерживаются данной общей позиции, разделяемой как левыми либералами, так и либерал-консерваторами. В качестве примера приведем положения О. В. Омеличкина. Создание сайтов и порталов государственных органов приводит к установлению режима непрерывного диалога с гражданами, что позволяет оперативно обсуждать актуальные социальные проблемы и «позволяет добиваться поддержки населением принимаемых решений. Тем самым изменяется характер политического управления, принимающего все более демократический вид» [4, 85-86].

Вторая группа публикаций посвящена методическим проблемам. Причем решение преимущественно видится авторам в идущей из глубины веков идее просветительства, обязанного поднять уровень политической культуры. Так, А. А. Голубева и Д. Р. Ишматова обнаруживают серьезное влияние российского «интернет-активизма» на баланс политических сил и формирование повестки дня. Тормозом для развития сего

благотворного процесса является политическое безразличие, которое может быть преодолено путем длительного обучения. «Единственным способом установления традиции политической осведомленности и участия является практика демократии, возможность для которой предоставляется интернет-пространством, позволяющим задействовать различные способы политического участия» [1, С. 61].

И, наконец, с годами все сильнее слышны критические голоса. Теневая сторона развития новых коммуникаций видится авторам в появлении широкого поля для безудержных манипуляций общественным мнением со стороны политических технологов, обслуживающих, как правительственные, так и оппозиционные структуры. Наиболее типичной является публикация сотрудников Северо-Западного института управления РАНХиГС. По их мнению «в современных условиях последствия решений политического класса, легитимированных в процессе плебисцита, как правило, известны заранее, что снижает доверие избирателей к демократии как инструменту социального контроля за деятельностью государственной власти» [3, 27]. Манипуляции посредством «негуманных технологий» ведут к исключению из политических коммуникаций таких понятий как «социальная ответственность», «человечность» и «доверие».

1. Голубева, А.А. Электронная демократия в России: формирование традиции полит. осведомленности и участия / А.А. Голубева, Д.Р. Ишиматова // *Вопр. гос. и муницип. упр-ния*. 2012. № 4. С.50-61.

2. Даль, Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.

3. Кириленко, В.П. Электронная демократия и гуманистические принципы / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев // *Управленческое консультирование*. 2019. № 6. С. 19-31.

4. Омеличкин, О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // *Вестн. Кемер. гос. ун-та*. 2014. № 1/2. С. 86-89.

МЕНЯЮТСЯ ЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН ОБ ОТЦОВСТВЕ?

Шевченко Ирина Олеговна

(Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ))

Отцы и отцовство все чаще привлекают внимание исследователей в последние годы [1, 2, 3,4,5, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15]. Отцам стали чаще посвящать публикации в прессе и Интернете, появились группы отцов в социальных сетях, развиваются отцовские сообщества, государство обратило внимание на проблемы отцовства. Но меняются ли представления об отцовстве в массовом сознании? И насколько представления соотносятся с социальными практиками отцовства?

Попробуем ответить на этот вопрос на основе данных массовых опросов [7,8, 9]. Отметим, что не все формулировки являются сопоставимыми, поэтому мы будем анализировать только вопросы с аналогичными или одинаковыми формулировками.

1. Отношения отцов и детей

Согласно данным опроса 2020 г., 68% россиян согласны, что сегодня отцы стали чаще прислушиваться к точке зрения ребенка (не согласны – 22%). Современные отцы больше интересуются жизнью своих детей (62% против 30%), чаще говорят о любви к своим детям (59%, не согласны 28%) [7]. Отношения между отцами и детьми стали более доверительными по мнению 57% россиян (в 2019 г. таких было 47%, в 2017 г. – 44%) [7, 8, 9].

Согласно данным наших исследований и исследований коллег, это действительно так: современные российские отцы более демократичны, чаще открыто выражают свои

чувства, больше вовлекаются в процессы воспитания и повседневную жизнь детей [4, 11, 12,13,15].

2. Отношение к отцу во время развода

82% россиян считают, что в случае развода для ребенка очень важно видеться с отцом, проводить с ним время, причем так считают люди, воспитанные как в полной, так и в неполной семье (82-81%) [7]. В 2019 и 2017 гг. респондентов поддержали суждение, что, «какие бы отношения ни складывались у супругов после развода, мать не должна ограничивать общение детей с отцом» (67% – «совершенно согласны», 21–23% – «скорее согласны»). Повседневные практики входят в противоречие с суждениями: отцы далеко не всегда могут участвовать в жизни своих детей после развода [1, 14].

3. Социальная поддержка отцовства

В опросе 2020 г. россиянам предложили оценить различные инициативы, направленные на социальную поддержку отцовства. 79% россиян поддерживают точку зрения, что предоставление молодым папам одной недели оплачиваемого отпуска в течение месяца после рождения ребенка будет способствовать укреплению семьи. 85% поддерживают инициативу о предоставлении отцам одного месяца оплачиваемого отпуска в течение трех лет от рождения ребенка [7]. Но всего 12% считают, что вполне нормально, когда после рождения ребенка мать выходит на работу, а отец ухаживает за новорожденным [9]. Такое же противоречие фиксируется в других исследованиях [2].

Таким образом, представления россиян об отцах и отцовстве не всегда соответствуют друг другу и полны противоречий. Имеет место, с одной стороны, некое продвижение в массовом сознании прогрессивных идей и взглядов, с другой – отставание их реального освоения, внедрения в социальные практики отцовства.

1. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463—498.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. №7(399). С. 116-125.
3. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127.
4. Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233—251.
5. Ильдарханова Ч.И., Барсуков В. Н. Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (40). № 6. С. 211-227.
6. Звонарева А. Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2(54). С. 127-134.
7. Отцы нашего времени // Сайт ВЦИОМ. 19.06.2020. Результаты исследования ВЦИОМ, посвященного изучению роли отца в современном российском обществе. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 16 июня 2020 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10333> (дата обращения: 15.09.2020).
8. Отец сегодня - больше, чем отец? // Сайт ВЦИОМ. 25.04.2017. Результаты исследования ВЦИОМ, посвященного изучению роли отца в современном российском обществе. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 14-15 апреля 2017 г. Метод опроса – телефонное интервью по

стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Объем выборки – 1200 респондентов в возрасте от 18 лет. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116177> (дата обращения: 10.09.2020).

9. Папа может всё, что угодно? // Сайт ВЦИОМ. 18.06.2019. Результаты исследования ВЦИОМ, посвященного изучению роли отца в современном российском обществе. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 14 июня 2019 г. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Объем выборки – 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9759> (дата обращения: 01.10.2020).

10. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. [и др.]. Жизненные миры современной российской семьи: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ.

11. Ушакова В. Г. Отцовство как социальный феномен в современном российском обществе // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск: Издательство Смоленского государственного университета, 2016. Т. 2. С. 347–349.

12. Шевченко И.О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: РГГУ, 2019.

13. Шевченко И.О. Представления россиян об отцах и отцовстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 7 (126). М.: РГГУ, 2015. С. 144–153.

14. Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.

15. Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2(50). С. 124–131.

ПОСТРОЯТ ЛИ В РОССИИ «ЦИФРОВОЙ КОНЦЛАГЕРЬ»?

Шляпников Виктор Валерьевич
(Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)

8 июня 2020 года в России был принят Федеральный закон № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». В этом законе речь идет о создании базы данных, в которой будут содержаться сведения о российских гражданах и находящихся на территории России иностранцах. Всего государство планирует собирать о гражданах около 30 различных показателей, а оператором регистра назначена Федеральная налоговая служба.

Принятие данного закона вызвало массу споров и возражений. Прежде всего, критики создания единой базы данных людей в России опасаются утечки информации, так как не без оснований полагают, что с хранением и защитой персональных данных в нашей стране существуют большие проблемы.

Кроме того, имеются опасения по поводу создания в России системы «цифровой диктатуры» или «цифрового концлагеря» наподобие той, которая функционирует в Китае. Там с 2014 года внедряется так называемая «система социального кредита» (другое название «система социального рейтинга»), с помощью которой власти хотят усилить контроль над обществом.

Китайский «социальный рейтинг» рассчитывается на основе пяти составляющих: законопослушность, материальное состояние, потребительское поведение, социальные связи, безопасность. То есть, совершая то или иное действие, граждане могут влиять на свой

рейтинг. Например, за отсутствие нарушений закона, полезную общественную деятельность, своевременную выплату кредитов балы начисляются. А за проступки различной степени тяжести балы вычитаются. Утвержден и перечень санкций, которым будут подвергаться обладатели низких рейтингов: запрет на работу в госучреждениях, отказ в соцобеспечении, запрет на занятие руководящих должностей в различных отраслях промышленности, запрет на обучение детей в дорогих частных школах и др.

Противники единого федерального регистра сведений о населении настаивают на том, что его внедрение как раз и приведет к социальному рейтингу китайского типа, когда на каждого из россиян через несколько лет будет накоплено столько данных, что не останется никакой частной жизни. Чиновники будут выставлять нам рейтинг, а на его основании будут решать, где нам жить, что нам есть, сколько денег нам давать, может ли кто-то быть начальником, благонадёжен ли он и т.д.

Российские власти, в свою очередь, настаивают на том, что создание регистра позволит быстро оказывать россиянам адресную поддержку, в том числе и материальную, причем без предоставления людьми каких-либо подтверждающих документов, ведь они и так будут собраны в одном месте. Однако многими эти заявления властей воспринимаются как манипулирование общественным сознанием. И они задаются законным вопросом: как будут соблюдаться статьи 23 и 24 Конституции России, которые гласят, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», а «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются»?

СЕКЦИЯ 4. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРИИ И МЕТОДЫ

*Андрянова Татьяна Владимировна
(Курский государственный университет)*

Описание самого явления цифровизации появляется в 1995 году и связано оно с именем основателя MIT Media Lab Н. Негропonte и его пониманием трансформации современного общества в сторону расширения взаимосвязей машин и человека [1]. Сейчас, как указывает Д.Е. Добринская, под этим термином понимается, с одной стороны, простое преобразование информации в цифровую форму, а, с другой, – тренд развития глобальной экономики, политики и общества [2, 189]. В цифровом обществе могут видоизменяться все привычные социальные практики: их базовой формой становятся сети, что немаловажно учитывать при управленческом воздействии на структуры разного рода. Социокультурная сфера в этом смысле является наиболее уязвимой, так как ее дигитализация подразумевает отсутствие непосредственного полного контакта индивида с ее объектами. Это требует от социологического исследования в данной сфере учета всех особенностей цифрового общества [3].

Дж. Урри отмечает, что при анализе процессов, протекающих в информационном обществе, необходимо учитывать «нелинейные, позитивные контуры обратной связи» [4, 110], которые возникают при усилении тенденции к изменению и обостряют уже существующие в системе стрессы, не позволяют ей смягчать удары и снова становится равновесной [Там же]. Урри предлагает и адекватные этим явлениям методы исследования, названные им «мобильными» [4, 124-125]:

- наблюдение «прямое» (непосредственное) или «цифровое» (посредством средств коммуникации);
- «участие с интервью» во время которого исследователь сначала участвует вместе в другими в каком-либо событии, а потом интервьюирует этих людей лично или посредством фокус-групп;
- анализ дневниковых записей, которые могут быть представлены в виде текстов, рисунков или других форм;
- обращение к виртуальным ресурсам, включая интервью по электронной почте, интеракцию с сайтами или социальными группами.

В целом, в данном случае «методы должны следовать за объектом» [4, 126]. Подчеркивая «текучесть» социальных отношений, их циркулирующий характер в цифровом обществе [4, 134], Урри отмечает прерывистость [135] и гетерогенность сущностей, осуществляющих социальные практики [4, 140]. Управленческий резерв здесь заключается в наличии обязательного экспертного кластера, помогающего восстановить (перепрограммировать) «сломанные» элементы системы и наладить взаимодействие между разными системами [4, 145]. Негативным следствием является то, что «личность размазывается или делается мобильной как цепочка следов» [Там же].

При анализе управленческого воздействия в социокультурной сфере необходимо учитывать отличительный признак информационного общества, указанный Н.Г. Щербининой: «В наше время появилась и новая коммуникативная модель, согласно её

образцу, выстраивается теперь коммуницирующая социокультурная общность» [5, 193]. Среди основных субъектов-конструкторов в процессе организации и осуществления образной коммуникации выделяется власть и управленческие резервы, непосредственно регулирующие процесс социального конструирования реальности, в том числе на основе ценностных ориентаций [5, 196]. Кроме них параллельное пространство создают всевозможные виртуальные и реальные сообщества, роль которых описывается как трансформация важности официально утвержденной информации в важность самого процесса коммуникации. Третьим важным лицом коммуникации здесь является сам индивид, обладающий соответствующей информацией и представляющий свою точку зрения в поле коммуникации [Там же].

Таким образом, современное исследование управленческого воздействия в социокультурной сфере может быть эффективным при опоре на вышеприведенные теории и методы [5; 6].

1. Negroponte N. *Being digital. USA: Vintage. 1996.*
2. Урри Дж. *Мобильности. М.: Праксис. 2012.*
2. Добринская Д.Е. *Цифровое общество в социологической перспективе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019; 25(4):175-192. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192>*
3. Осипов Г.В. *Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб.: СПбГУП. 2016.*
4. Щербинина Н.Г. *Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху // праџита. Проблемы визуальной семиотики (ИРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2018. Вып. 3 (17). С. 192-201. DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-192-201*
5. Андриянова Т.В. *Сфера региональной культуры в показателях и оценках // Logos et Praxis, 2017, Vol. 16, № 3. С.86-97. doi: <http://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.11>*
6. Andriyanova T.V., Kirnosova E.N., Starodubtseva I.F. *Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018, Vol. XXXV (35). P. 35-42. URL: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/VolumeXXXIVRPTSS2017/> DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.5>.*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛА: ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ

Антонова Полина Олеговна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Конструирование тела - вопрос, который сегодня все чаще становится предметом самостоятельного социологического анализа. Мы наблюдаем активное утверждение и институционализацию такой отрасли социологического знания как социология тела [3,5].

Одной из практик модификации телесности выступают пластические операции. Наиболее широкое распространение среди видов хирургического вмешательства в России получили такие операции: блефаропластика, пластика молочных желез, ринопластика [4]. Высокая востребованность этих практик со стороны разных групп населения становятся основанием для выбора специализации студентов медицинских вузов. Как отмечают Ж. Агарвал с коллегами американские студенты-медики предпочитают специализироваться в области пластики носа и молочных желез и не стремятся приобрести умения и навыки в пластике, например, периферического нерва, расположенного на уровне кисти [6].

Выводы, к которым пришли американские исследователи, свидетельствуют о том, что студенты планируют найти в будущем не только востребованную и

высокооплачиваемую работу, но деятельность, связанную с хирургическими операциями, проводимыми, как правило, для здоровых людей, цель которых - реализация потребности в самоутверждении и самореализации. Т.С. Вершинина отмечает, что в современном обществе наблюдается желание продлить состояние молодости так, чтобы внешний облик соответствовал внутреннему ощущению [2, с. 71].

Высокая стоимость услуг пластических хирургов, а также риски, связанные с проведением пластических операций, стали основанием для принятия Приказа Министерства здравоохранения, вступившего в силу 3.07.2018 № 298н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия»». В соответствии с документом ужесточаются квалификационные требования к специалистам, работающим в этой области, оснащению операционных кабинетов. Приказ нацелен на защиту пациентов и снижения рисков для здоровья при проведении операций [1]. Однако это может привести к тому, что с рынка уйдут опытные специалисты, успешно проводившие операции в силу несоответствия предъявляемым требованиям. Уход таких специалистов может привести к тому, что увеличится доля операций, проводимых нелегально. Отсюда риски получения некачественных услуг возрастут.

Мы провели пилотное исследование, целью которого выступил анализ отношения студентов к пластической хирургии как практике модификации тела. Для реализации этой цели мы проинтервьюировали 10 студентов 1-2 курсов гуманитарных направлений и специальностей СПбГУ. Результаты опроса показали, что хирургическое вмешательство для модификации тела является наиболее рискованной среди других практик конструирования телесности. Студенты отмечают, что наиболее безопасными являются физические нагрузки, спорт, рациональное питание. Обращаться к пластическим хирургам следует только в тех случаях, когда имеются явные физиологические/физические нарушения. В противном случае нужно стремиться к конструированию телесности с помощью более безопасных и обратимых действий.

В целом пластические операции как практика конструирования тела является актуальным вопросом, углубляющим современные представления о теле, телесности и биосоциальной природе человека.

1. Антонова Н.Л. Особенности взаимодействия пациента с медперсоналом в условиях обязательного медицинского страхования // Социологические исследования. 2007. №3(275). С. 78-81.
2. Вершинина Т.С. Развитие представлений о ценности молодости в процессе исторического развития общества // Дискуссия. 2015. № 5 (57). С. 68-73.
3. Войнилов Ю.Л., Полякова В.В. Мое тело - моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. № 1. С. 185-207.
4. Гончарова О. Россия вошла в ТОП-15 стран по количеству пластических операций. [Электронный ресурс]. URL: https://vademec.ru/article/rossiya_voshla_v_top15_stran_po_kolichestvu_plasticheskih_operatsiy/ (дата обращения 20.10.2019).
5. Меренков А.В., Антонова Н.Л. Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13. № 1 (173). С. 51-58.
6. Agarwal J.P., Mendenhall S.D., Moran L.A., Hopkins P.N. Medical student perceptions of the scope of plastic and reconstructive surgery // Annals of Plastic Surgery. 2013. № 70 (3). P. 343-349.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.

Ахмедова Муслимат Газиевна
(*Финансовый университет при Правительстве РФ*)

В настоящее время вопросы касающиеся, цифровизации общества находятся в центре внимания общественности и исследователей. Под «цифровизацией» понимается современный этап развития информационного общества, в котором преобладает использование цифровых технологий обработки, передачи, хранения и визуализации информации, в связи с этим наблюдается распространение новых технических средств и программных решений. Цифровизация пришла на смену компьютеризации и информатизации, когда речь шла в основном об использовании электронновычислительных машин и технологий для решения экономических задач. На сегодняшний день возможности представления информации в цифровом виде ведут к тому, что цифровизация формирует целостные платформы, в рамках которых человек может создавать ему необходимые отношения, чтобы решать уже несколько классов задач.

Основой развития отраслевой цифровизации является большой объем информации как основного отраслевого ресурса, а также высокая потребность в инновационных решениях, которые могут привести к оптимизации эффективному управлению бизнес-процессов в отрасли, а также сокращению расходов и появлению новых источников доходов. Необходимость цифровизации выражается, прежде всего, в ее положительных проявлениях во всех сферах жизнедеятельности общества.

К положительным последствиям на уровне всего общества можно отнести: - развития общества знаний - модернизация современной российской медицины; - развитие биоинформатики; - повышение качества жизни, за счет улучшения удовлетворения потребностей людей; - возникновение новых форм бизнеса и бизнес-моделей, позволяющих повысить доход и конкурентоспособность на рынке; - обеспечение доступности и продвижения товаров и услуг; - повышение прозрачности экономических операций; - создание новых форм обучения, с помощью онлайн-технологий; - распространение «умных» пространств и устройств, что меняют условия жизни человека на более комфортные. На уровне экономики и производства общие преимущества цифровизации могут проявляться в: - оптимизации издержек, подразумевается снижение затрат на поиск информации, идентификацию и измерение транзакций; - ускорение бизнес процессов, за счет снижения времени коммуникаций; - создание новейших продуктов и услуг; - исключение посредников, подразумевается, что цифровизация позволяет производителям самостоятельно продавать свои товары и услуги потенциальным клиентам на своих сайтах; - расширение возможностей бизнеса по оптимизации многих процессов и повышению качества принимаемых решений.

Несмотря на выше указанные преимущества цифровизации возможны и отрицательные последствия. Без тщательного, обдуманного управления процессом цифровизации Российская экономика может столкнуться серьезными экономическими, политическими, социальными ситуациями, которые могут привести к реальным угрозам нарушения существующего положения в экономике и обществе в целом. В числе явных угроз российской экономике и общества выделяют: - сохранность цифровых данных пользователя; - наращивание возможностей внешнего информационнотехнического воздействия на информационную инфраструктуру; - сокращение общего по стране количества рабочих мест; - рост масштабов компьютерной преступности; - отставание

России от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий; - цифровое мошенничество; - пиратство и распространение вредоносных материалов. Для минимизации данных угроз необходима разработка программ безопасности управления цифровизацией на всех уровнях экономической и социальной жизни. Внедрение их позволит воспользоваться преимуществами цифровизации и вывести национальную экономику и социальную сферу страны на высокий уровень.

Таким образом, цифровизация рассматривается как современный этап информационной революции, специфика которой состоит в расширении практики использования данных в цифровом формате. Цифровизация не может пройти стороной какие-либо сферы жизни общества, оказывая огромное влияние только в том случае, если происходит управление всеми процессами цифровизации в экономической, политической и социальной жизни. Выявление и устранение всех угроз и возможных отрицательных последствий выведет Россию на новый уровень в мировой экономике.

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».
2. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации //Власть, 2018.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Боев Евгений Иванович

*(Государственное образовательное автономное учреждение высшего образования
Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №20-011-00694а «Публичное управление как
конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве
цифрового общества»*

Активно развивающиеся процессы цифровизации, задающие вектор развития цифровых технологий, диктуют развитие и интеграцию цифровых платформ в систему государственного управления в России. Внедрение цифровых технологий выступает фактором повышения эффективности и результативности работы органов государственной власти, снижения государственного вмешательства, и, как следствие, приводит к повышению качества государственного управления.

Происходящие глубинные трансформации процедур государственного управления обусловлены интенсивным развитием социально-сетевое пространство коммуникаций в диалоговом дискурсе «власть – население».

Социальные сети не только конструируют информационную картину региона, но и предлагают новые способы взаимодействия органов власти и общества, делают власть более доступной и достигаемой. Страницы политиков в социальных сетях выполняют функции информирования населения, координации совместной деятельности, установления контакта и получение обратной связи, зачастую в реальном времени.

Поскольку степень вовлеченности граждан в социальные сети сегодня постоянно растет, то социально-сетевое взаимодействие становится мощным инструментом

политических субъектов для интеграции граждан и их последующей вовлеченности в политические процессы.

В контексте развития социально-сетевое пространство следует зафиксировать увеличение роли Telegram-каналов в формировании медиаповестки. Их популярность и медиаприсутствие неуклонно растут, они превращаются в важный источник формирования общественного мнения.

Это подтверждается результатами опроса, проведенного «Левада-Центром» в августе 2020 года. Доверие россиян к Telegram-каналам и социальным сетям как источнику информации в августе 2020 года выросло в сравнении с январем того же года. Telegram-каналам стали доверять уже 7% опрошенных (в начале года – только 4%), соцсетям – 24% (в начале года – 21%). В то же время доверие к телевидению снизилось: с 52% до 48%. При этом телевидение является главным информационным каналом: этот источник используют 69% респондентов. Telegram-каналы пока еще уступают традиционным СМИ, но фиксируется стабильный рост присутствия этих социальных медиа на уровне 7% респондентов [2].

В заключении можно констатировать, что механизмы публичного управления и администрирования в сфере цифровых преобразований должны системно совершенствоваться, поскольку цифровизация должна стать главным инструментом для достижения экономического роста государства, что обеспечит благосостояние, комфорт и качество жизни населения [1, 13].

1. Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // *Цифровая социология*. 2020. Т. 3. № 2. С. 4-16.

2. Пресс-выпуск «Источники информации». – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/28/ggh/> (дата обращения: 10.10.2020).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РЕШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПРОБЛЕМ

Василенко Людмила Александровна
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*)

Захарова Светлана Арменовна
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*)

Зотов Виталий Владимирович
(*Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)*)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694

Превращение социально-сетевое пространство в основу системы публичных коммуникаций [1], развития краудсорсингового потенциала социальных сетей [2] и диалогизация интернет-коммуникаций власти и общества [3] делает актуальным изучение роли социальных сетей в решении общественно значимых проблем. Для этого был проведен

пилотный опрос среди населения г. Москвы как как региона-лидера по цифровизации общества.

Москвичи проводят в социальных сетях более трех часов в сутки, предпочитая ВКонтакте (68 %) и Instagram (59 %). Наиболее удобными социальными сетями для обсуждения общественно значимых проблем респонденты считают ВКонтакте (67 %); Instagram (62 %) и Facebook (32 %), наиболее удобными для взаимодействия с органами власти – ВКонтакте и Instagram (по 60 %) и Facebook (33 %).

Наш опрос показывает, что ¼ респондентов имеет опыт обсуждения общественно значимых проблем с органами власти, а подавляющее большинство выражают готовность такому обсуждению. По мнению большинства, социальные сети способствуют, в первую очередь, привлечению внимания к общественно значимой проблеме, чуть в меньшей степени, объединению социально-активных граждан и обмену позитивным и негативным опытом контактов с органами власти. Однако, многие граждане считают важным вовлечение горожан в процесс решения этих самых проблем.

В большинстве случаев население города входит в состав сетевых сообществ, образованных средствами масс-медиа, общественными организациями либо лидерами общественного мнения, но редко кто является участником сетевого сообщества, образованного какими-либо органами федеральной, региональной или местной власти. На сегодня респонденты не удовлетворены организацией диалога и партнерства органов власти с гражданами в социально-сетевом пространстве при решении общественно значимых проблем на всех уровнях управления.

Сегодня есть множество материалов о интернет-ресурсе «Активный гражданин», популярность и число пользователей которого постоянно растет. Но опрос фиксирует противоречивость ответов на вопросы о такого рода онлайн-площадках, призванных обеспечить активное участие в жизни города. Так, 46 % респондентов осведомлены или что-то слышали о них, а 42 % – ничего не слышали. По данным опроса только 10 % являются её пользователем. Большинство ставится под сомнение полезность данной интернет-площадки, так как, по их мнению, они лишь собирают информацию о проблемах населения (47 %). Часть граждан (42 %) считает, что они имитируют активную деятельность. Отметим, что 18 % не верят в их способность решать общественно значимые проблемы. Важнейшим препятствием развитию системы коммуникаций органов власти с гражданами в социальных сетях, по мнению респондентов (60 %), выступает недостаточная активность чиновников.

К сожалению, несмотря на реформы государственного устройства России, система государственного управления пока не стала достаточно эффективной в части интерактивного взаимодействия с гражданами в сетевой среде, которая располагает к диалогу и партнерству.

1. Зотов В.В., Губанов А.В. *Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 57-61.*
2. Захарова С.А. Юдина Е.Н. *Краудсорсинговые технологии для развития гражданской активности в России (на примере проекта «Активный гражданин») // Вестник университета, 2016. №1. С.263-268*
3. *Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях [Текст] : методическое пособие / В. И. Василенко [и др. ; под общ. ред. Л. А. Василенко, Е. В. Тарасовой]. - Москва : Проспект, 2015. - 111 с.*

ФАКТОРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Васильев Владимир Петрович

(Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, социологический факультет)

Социологическая теория, как и другие социальные исследования, в основном преодолели механистический подход к анализу социальных изменений, конструирование линейных трендов социально-исторических процессов. Одним из направлений данного подхода является ответ на вопрос, поставленный для социологии М.М.Ковалевским, о важнейшем факторе общественных изменений и плюрализме факторов. [1]. Одним из таких факторов выступают результаты инновационной деятельности, новые технологии в сфере производства, сочетающиеся с трансформацией социальных и, не редко, политических отношений.

Наиболее обоснованно и последовательно роль инновационной деятельности в долгосрочной общественной динамике проанализировал Н. Кондратьев, открывший в 20-х гг. XX века длинные волны больших циклов (по классификации П. Сорокина 48–67 лет) [2]. Н. Кондратьев не только просчитал и обработал методами статистики базовые параметры экономической динамики развитых стран за более чем 200-летний период, но и обосновал методологические принципы анализа экономического развития, включая социально-политические факторы и проявления.

Именно значительные инновации предопределили переход в 70-х годов прошлого века вступление в период информационного общества и формирования в современном мире этапа цифрового развития на основе принципиально новых электронно-коммуникационных технологий. «Цифровой контур» формирует трансформацию не только форм взаимодействия между людьми, но и рождает новые типы взаимосвязей и противоречий социальных изменений, что социальная история предыдущих «повышательных» волн.

Инновации, как феномен рыночного хозяйства, являются существенным основанием социально-экономических изменений, выступают движущей силой динамической эволюции, трансформируясь в зависимости от конкретно-исторических условий, экономического, социального и политического характера. Технологическая революция конца XX – начала XXI века, структурные трансформации в области материальной культуры произошли на основе сочетания целого ряда социальных и экономических факторов и привели к соответствующим социальным изменениям. Общим основанием новых социальных реалий стала новая коммуникационная среда, открывающая новые возможности для взаимодействий граждан и государства, граждан и сферы обслуживания, взаимодействия бизнеса и нового качества производительности факторов производства.

В государственном управлении наметилось три основных направления использования новых технологий. Наиболее продвинутым является обеспечение доступности государственных услуг, прежде всего, через созданные МФЦ и обслуживающих серверов ряда органов исполнительной власти. Однако эти позитивные процессы сдерживаются имеющимся «цифровым разрывом», основанном на социальном и пространственным неравенстве [3].

Другое направление – переход к государственному проектному управлению, с ожиданием цифровых решений по реализации Национальных целей и соответствующих Национальных проектов [4]. Цифровое сопровождение в этом направлении находится в стадии формирования. Излишние ожидания связаны с недостаточной проработанностью

целей, некоторые из которых экономически не просчитаны и, скорее, представляют собой «амбициозные задачи». На трансформацию Национальных целей повлиял COVID-19, приведший к спаду экономического развития и масштабным бюджетным расходам. В итоге в 2020 г. было сокращено количество целей развития и срок их реализации сдвинут на 6 лет (до 2030 г.). В связи с этим национальные проекты реформируются. Подготовка ряда национальных проектов выявила целый ряд противоречивых бюрократических норм и нормативов стратегического планирования, которые просто не позволят работать цифровой системе. Поэтому, по мнению экспертов, необходима санация системы стратегического планирования (выявление и устранение излишних документов и процессов в системе).

Третьим направлением, является цифровизация контрольно-надзорной деятельности (налоговые, таможенные платежи, выполнение бюджетных назначений). Цифровая обработка получаемых данных дает возможность более полно и точно отслеживать финансовые потоки, снижать субъективный фактор анализа. В этом направлении основным фактором становится выстраивание коммуникационных систем и их техническое оснащение. В перспективе в сферу цифровых решений необходимо включить болезненный процесс организации государственных закупок, реформировав его принципы в целях уничтожения коррупционной составляющей.

Ковалевский М.М. Сочинения: В 2 т. Т.1: Социология. - СПб.: Алетейя, 1997
Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
Мартыненко Т.С. Концепция «цифрового разрыва» Я. ван Дейка//Информационное общество, 2018, № 6
Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"

МОДЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Васильева Алиса Александровна
(Южный федеральный университет)*

Социологам, изучающим современные социальные процессы, связи и отношения, необходимо уделять пристальное внимание цифровизации и цифровым технологиям с нескольких сторон: во-первых, исследовать как цифровизация влияет на общество и изменяет формы связей и модели взаимодействия, во-вторых, взять в свой арсенал цифровые инструменты исследования и социального управления. Однако несмотря на возрастающую популярность применения цифровых технологий в сфере государственного управления, основной акцент приходится на сектор предоставления государственных и муниципальных услуг населению и бизнесу. Важно понимать, что цифровизация общества приводит к экспоненциальному росту количества взаимосвязей между гражданами, социальными группами, организациями и социальными системами, их качества и многообразия. Что, в свою очередь, означает необходимость в применении новых инструментов, позволяющих быстро и глубоко изучать социальную динамику, строить прогнозы и применять новые методы управления социальным развитием.

Моделирование социальных процессов, модели социальной динамики не являются принципиально новыми инструментами для социологов, однако сейчас он приобретает особую актуальность, востребованность и развитие. С помощью социального моделирования можно одновременно решать задачи, которые зачастую лежат в разных

пластах теории и практики: получать новые знания о ещё не выявленных взаимосвязях и факторах, влияющих на поведение реальной социальной системы, через управление различными параметрами в модели; проводить социальную диагностику; подготавливать управленческие решения; реализовывать решения в экспериментальной модельной среде без ущерба реальной системе и корректировать их.

Моделирование позволяет решать не только аналитические задачи, но и позволяет преодолевать препятствия, возникающие при изучении систем с нелинейным поведением, перейти от линейно-корреляционного мышления к более глубокому пониманию многозвенных структур большого порядка с нелинейной обратной связью.

В сферах муниципального, регионального и государственного управления высокой важностью обладает проблема не только гибкости, прогнозируемости и эффективности управленческих решений, но и их согласованность. Моделирование даёт возможность осуществлять комплексный подход к реализации отдельных программ, стратегий и мероприятий через постоянное использование механизмов обратной связи. Структуры цепей обратных связей сложны тем, что исходное действие связывается с его результатом, который не только меняет те или иные социальные условия, но и является основой для дальнейших изменений. Модельный подход упрощает исследования и взаимодействия с такими структурами, реализуемые в масштабах регионов или государства.

Перечисленные достоинства инструментария социального моделирования, а также его универсализм и доступность в силу глубокого проникновения информационных и цифровых технологий в жизнь общества определяют актуальность его внедрения, закрепления и распространения в системе социального управления.

1. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р*
2. *Форрестер Д. Мировая динамика. – М.: АСТ, 2006. – С. 384.*
3. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. – Доклад НИУ ВШЭ – Москва, 2019*
4. *Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М.С. Шкляржук. М: РАНХиГС, 2019. С. 111.*

ХАРАКТЕРИСТИКА ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ (ПРАВА НА ЧУЖИЕ ВЕЩИ)

Деханов Сергей Александрович

(Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Российская таможенная академия)

В римском праве понятие ограниченных вещных прав не было сформулировано.

Однако это не значит, что ограниченных прав в римском праве не было [3,30]. Были. Традиционно в римском праве выделялись личные и вещные сервитуты, эмфитевзис и суперфиций.

Слово эмфитевзис (emphyteusis) греческого происхождения и буквально означает насаждать, обрабатывать [2,183].

Наибольшее сходство эмфитевзис имеет с узуфруктом, а отличается эмфитевзис от узуфрукта возможностью правообладателя на отчуждение и передачу обремененной вещи по наследству.

Традиционно в римском праве выделялись личные и вещные сервитуты. Личные сервитуты устанавливались в интересах конкретного лица и подразделялись на usufructus (узуфрукт) - право пожизненного пользования чужой непотребляемой вещью с правом извлекать из нее плоды, не повреждая при этом и не изменяя саму вещь; usus (узус) - пользователю вещи предоставлялось столько плодов, сколько необходимо для удовлетворения собственных потребностей, habitation (абитацио) — право проживать в чужом доме или его части и operae animalium - право пользования чужими животными[1,294].

Суперфиций (superficiis) буквально означает все то, что прочно связано с землей.

В римском праве суперфиций мог быть установлен как на срок, так и бессрочно.

Сервитуты

В наиболее широком первоначальном смысле сервитут означает повинность, обязанность - от латинского servitus (рабство, повинность).

В Модельном законе Межпарламентской ассамблеи Содружества Независимых государств (МПА СНГ) «Об ограниченных вещных правах» выделяются следующие виды:

1. Добровольные и принудительные сервитуты (ст. 24).
2. Явные и непрерывные сервитуты (ст.25).
3. Положительные и отрицательные сервитуты (ст.25).
4. Сервитуты перемещения (ст.31).
5. Строительные сервитуты (ст.32)
6. Водные сервитуты (ст.33).
7. Горные сервитуты (ст.34)
8. Сервитут линейных объектов (ст.35) [4].

1. Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения. - М., 1989.
2. Дернбург Г. Пандекты. Т. 2. Вещное право. СПб., 1905.
3. Деханов С.А. Вещные права в римском праве: право собственности, владение и держание. Евразийская адвокатура. 2020. № 3(46).
4. Модельный закон МПА СНГ «Об ограниченных вещных правах»// <https://iacis.ru/public/upload/files/1/613.pdf> (дата обращения 09.10.2020)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

*Деханова Наталья Геннадьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В последние десятилетия цифровизация становится ведущим трендом развития, затрагивающим все сферы жизнедеятельности общества. Не исключением является и сфера публичного управления. Предпосылками данного явления стали не только технологические, но и экономические, и социальные (в т.ч. социально-политические) факторы. «Таким образом, движение к электронному, цифровому правительству – это не только и не столько технологическое мероприятие, сколько социально-политический и социально-экономический феномен».

Цифровизация в сфере публичного управления – процесс, несомненно, неоднозначный, включающий в себя как положительные моменты, новые возможности, так и определённые риски. В качестве плюсов можно отметить тот факт, что в последние годы появляется множество новых форм, упрощающих и снижающих издержки в процессе взаимодействия государственных органов с друг другом, бизнесом и обычными

гражданами. Формируется модель государственного участия «государство для граждан». При этом государство начинает внедрять новые платформенные решения, способствующие повышению качества управленческих и регуляторных решений, а также снижению транзакционных издержек при взаимодействии органов государственной власти [2, 175]. В качестве примера можно привести Концепцию формирования электронного правительства в рамках реализации проекта «Электронная Россия» и федеральный проект «Цифровое государственное управление», предусматривающий трансформацию государственных (муниципальных) услуг и сервисов на основе принципов проактивности, экстерриториальности, многоканальности, исключения участия человека в процессе принятия решений, машиночитаемости процесса оказания услуг. Важным направлением в реализации цифрового государственного управления является создание «суперсервисов» - комплексных государственных услуг, связанных с конкретной жизненной ситуацией.

Однако, есть и определённые риски, связанные с процессом цифровизации (в том числе в государственном управлении). В их числе можно назвать проблемы цифрового неравенства (цифрового разрыва) и связанное с ним не повышение, а наоборот снижение доступности госуслуг (особенно в контексте безальтернативности получения этих услуг); количественный подход при оценке эффективности; дегуманизация и пр. Указанные проблемы затрагивают интересы трех основных социальных субъектов – государства, общества и бизнеса. [1, 240] Но вектор развития в направлении цифрового общества уже вряд ли возможно изменить, поэтому основная задача государственного управления в максимально возможном смягчении негативных последствий цифровизации.

1. Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С.237-248.

2. Деханова Н.Г., Деханов А.С. Электронное правительство в современной России: тенденции и перспективы развития. // Социально-политические науки. 2019. № 3. С.173-177.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСОМ

Задорожная Ирина Игоревна

(Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова)

Внедрение информационных технологий в деятельность органов государственного управления изменяет парадигму управления государством, так как граждане имеют возможность не только получать услуги, но и активно взаимодействовать с органами исполнительной власти и влиять на принятие управленческих решений.

Основными факторами внедрения интернет-технологий в систему государственного управления являются следующие.

□ Доступность Интернета. По исследованиям международного института маркетинговых и социальных исследований «GfK-Русь», количество пользователей, активно использующих интернет как средства информирования, активно растет и достигло 87 млн. граждан к началу 2018 года [1].

□ Рост электронной коммуникации. Быстрый режим передачи информации дает возможность создания новых коммуникационных площадок при помощи компьютерной сети. Они позволяют органам исполнительной власти предоставлять информацию населению в короткие сроки и максимально полно.

□ Интернет-реклама. По сравнению с традиционными каналами передачи информации, Интернет является относительно бюджетным вариантом рекламного обращения.

□ Повышение эффективности управления, что в свою очередь позволит реализовать следующие функции интернет-ресурсов:

- создание единой структурированной системы для сотрудников, которая даст возможность оперативной передачи данных, приема и архивирования документов, а также контроль выполнения заданий;

- Создание портала государственных услуг для населения, который позволит сконцентрировать весь спектр услуг в одном месте, для простоты и быстроты обращения [3].

В практике регионального государственного управления существуют положительные примеры управленческой практики, которые могут быть полезны для изучения и внедрения. Так, Правительством Москвы были реализованы две государственные программы: «Открытое Правительство» и «Информационный город» (2012 год). В них определены следующие цели:

□ повышение качества обслуживания жителей посредством усовершенствования отделений многофункциональных центров;

□ повышение эффективности коммуникации межведомственных организаций;

□ вовлечение граждан в жизнь и деятельность города;

□ повышение эффективности распределения бюджета города Москвы;

□ увеличение открытости государственных органов;

□ обеспечение государственной службы квалифицированными кадрами.

С целью предоставления населению услуг в формате электронной системы был создан «Портал государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы». Также для повышения уровня информирования населения Москвы о процессе формирования и исполнения бюджета города Москвы образована система управления городскими финансами города Москвы – портал «Открытый бюджет», посредством которого любой житель может представить свои предложения по оптимизации бюджетного процесса города.

В Москве также были сформированы «Единая городская автоматизированная система обеспечения поддержки деятельности Открытого Правительства города Москвы» (подсистемой которой является Портал «Наш город»), и государственная информационная система «Портал управления города Москвы», с помощью которых жители Москвы могут осуществлять мониторинг благоустройства дворов и контролировать капитальный ремонт многоквартирных жилых домов, уборку улиц, а также получать информацию о работе управляющих компаний многоквартирных домов и сообщать о недоработках служб.

Правительство Москвы в 2014 году приступило к реализации проекта «Активный гражданин», с помощью которого проводятся электронные голосования/опросы по вопросам развития города в целом, так и в отдельных его районах. За период реализации проекта было проведено более 2000 голосований, реализовано более 1500 решений. За годы использования проект «Активный гражданин» завоевал доверие его пользователей, так как отвечает стандартам прозрачности. [2];

Программа «Информационный город» внедрена в рамках реализации проекта Электронное правительство. За период реализации Государственной программы были осуществлены поставки компьютерной техники в органы исполнительной власти и подведомственные учреждения, а также многофункциональные центры города Москвы.

Таким образом реализация программы обеспечивает достижение социальных, экономических и технологических эффектов.

Социальные эффекты заключаются в повышении качества жизни населения города Москвы.

Экономические эффекты подразумевают собой увеличение числа областей применения информационных систем и ресурсов города Москвы, снижения стоимости оказания типовых операций, решающий вопрос временных ресурсов.

Технологические эффекты государственной программы заключаются в создании и содействии развитию современной информационно-коммуникативной инфраструктуры города Москвы, посредством внедрения современных средств и систем управления столицей.

1. Исследование GfK: Проникновение Интернета в России // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/> (дата обращения 05.07.2020)

2 Задорожная И.И., Попова А.В., Любина О.Н. Инновационные подходы вовлечения населения в управление городом // Инициативы XXI века. 2016. № 3–4. С. 4–6.

3. Новые технологии государственного управления в зеркале канадского и российского опыта: монография / под ред. А. М. Марголина и П. Дуткевича. – М.: Моск. городск. ун-т управления Правительства Москвы, 2013. – 272 с.

ПРАКТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Захаров Виктор Михайлович

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт экономики и управления)

Пастюк Александр Владимирович

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт экономики и управления, кафедра социальных технологий и государственной службы)

Сапрыка Василий Александрович

(Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, кафедры социологии и управления)

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-31535 (ОПН) «Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору» (Рук. Зотов В.В.)

Преобразование системы государственного и муниципального управления, отраженное в поправках в Конституцию, закрепило новое для России понятие «публичной власти», которое требует научного осмысления в контексте общественной трансформации. Одной из тенденций является цифровизация государственного и муниципального управления, поскольку цифровые технологии способствуют сближению власти и общества в виртуальном пространстве.

Практики использования цифровых технологий постепенно становятся феноменом массового сознания и приобретают характер повседневности. В этих условиях, органы власти получают новый ресурс для выстраивания взаимодействия с населением, который,

однако, не всегда используется эффективно. Кроме того, важным остается вопрос, насколько современная система публичного управления способна отвечать на вызовы, поставленные глобальной цифровизацией [1, 5]. Концептуальное закрепление публичной власти и привлечение новых субъектов к управленческим процессам в еще большей степени затрудняют этот процесс. Особенно это проявляется на местном и региональном уровне, где у государственных и муниципальных служащих не хватает специфических компетенций, знаний и опыта использования цифровых технологий в своей профессиональной деятельности.

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что цифровизация практики публичного управления позволяет обеспечить повышения качества взаимодействия органов публичного управления на различных уровнях управления – федеральном, региональном и муниципальном [4, 156]. В этой связи, приоритетом развития публичного управления должна стать повсеместная цифровизация управленческих практик на всех уровнях власти, а также привлечение некоммерческих организаций, общественного сектора и экспертного сообщества к процессам публичного управления.

К настоящему времени регионы России обладают разным потенциалом для внедрения цифровых технологий в практику публичного управления. В некоторых областях уже накоплен значительный опыт взаимодействия с населением посредством цифровых практик. Так, в Белгородской области, на протяжении последних лет успешно реализуется краудсорсинговый проект «Народная экспертиза», действуют онлайн-платформы «Активный горожанин», «Черный список Белгорода» и другие. Этот опыт позволяет консолидировать общественные инициативы и превратить их в социально значимые проекты, т.е. уйти от проблемного управления к управлению стратегическому.

Таким образом, одним из направлений совершенствования процессов внедрения цифровых технологий в публичное управление является поиск и тиражирование наиболее успешных практик в рамках межрегионального взаимодействия и региональных горизонтальных связей. С другой стороны, важным направлением является также государственная поддержка общественных инициатив для развития институтов гражданского общества, которые должны быть включены в систему публичного управления страны. В заключение стоит отметить, что цифровизация публичного управления и вовлечение общественного сектора в управленческие процессы тесно взаимосвязаны и должны реализовываться в рамках единой государственной концепции для всех уровней власти.

1. Василенко Л.А., Зотов В.В. *Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы* // *Цифровая социология*. 2020. № 3. С. 4-16.
2. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. *Цифровое будущее государственного управления по результатам*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.
3. Иванова М.В. *Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики* // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 79. С. 246-270.
4. Ламзин Р.М. *Цифровизация как приоритет трансформации публичного управления* // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2019. № 5. С. 150-156.

ЦИФРОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АЗИАТСКОГО ФОРПОСТА РОССИИ.

*Земцова Анна Евгеньевна
(Дальневосточный Федеральный университет)*

Интенсивность современной социальной динамики приводит к переосмыслению подходов управления городским развитием, все большее число городов в мире переходит к концепции «Smart Cities» возникшей при слиянии двух трендов современности: урбанизации и цифровой революции.

Успешно модернизированные города анализируются по множеству параметров, на основе которых создаются ранжированные списки «умных городов». По данным глобального индекса городов Smart City Observatory 2020 первое место занимает Сингапур [1]. При составлении рейтинга учитываются экономические и технологические аспекты «умных городов» с одной стороны, и «человеческие измерения» (качество жизни, окружающая среда, открытость), с другой. В число лидеров цифровизации входят также Гонконг, Шанхай, Сеул, Токио и другие города азиатско-тихоокеанского региона. На наш взгляд, Владивосток обладает необходимым потенциалом, чтобы по «интеллектуальной» оснащенности приблизиться к азиатским соседям.

Большинство российских городов, за исключением Москвы и Казани, только начинают свой переход к цифровизации, внедряя технологичные решения на местном уровне. Например, во Владивостоке создается цифровая копия города с целью аналитики и моделирования различных городских процессов, установлено энергоэффективное освещение городских улиц, действует система камер фото-видео фиксации нарушений ПДД. Необходимость инновационного развития страны прописана в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и ряде других документов. Национальная программа по развитию Дальнего Востока прямо ставит акцент на реализацию амбициозных проектов, способных обеспечить не только опережающее развитие по отношению к другим регионам России, но и конкурентоспособность Дальнего Востока в сравнении со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [2].

Чтобы составить конкуренцию передовым азиатским городам Владивосток должен стать «инновационным городом, который внедряет комплекс технических решений и организационных мероприятий, направленных на достижение максимально возможной эффективности управления ресурсами и предоставления услуг, в целях создания устойчивых благоприятных условий проживания и пребывания, деловой активности нынешнего и будущих поколений» [3]. Наша актуальная задача - осмысление успешных и провальных кейсов мировых лидеров городской модернизации.

1. *Smart City Index // Official Website. 2020. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/smart-city-index/>*

(дата обращения: 06.10.2020)

2. *Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74587526/#1000>*

(дата обращения: 06.10.2020)

3. *Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://www.bim-bad.ru/docs/dilthey_kathegorien.pdf (дата обращения: 06.10.2020)*

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ПЛОЩАДОК СОГЛАСОВАНИЯ ПОЗИЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ПРАВИЛ И ПРИНЦИПОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Зотов Виталий Владимирович
(*Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)*)

Губанов Александр Владимирович
(*Белгородский государственный национальный исследовательский университет*)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31535

Инкорпорирование цифровых технологий в систему публичного управления инициировало переход от концепции нового государственного управления (New Public Management) к концепции «менеджмента публичных ценностей» (Public value management), где публичное управление есть организация системного взаимодействия стейкхолдеров на основе публичных ценностей. Это порождает проблему обновления общественного договора, в котором для сохранения легитимности власти помимо получения нового согласия о границах публичного и частного необходимо нахождение новых инструментов организации взаимодействия органов власти и населения в цифровом пространстве.

Высокая популярность сетевых ресурсов наряду с широким функционалом обуславливают их значимую роль в формировании пространства публичных коммуникаций [1]. При рассмотрении вопроса определения наиболее перспективных площадок обсуждения перспектив публичного управления в цифровом обществе актуализируется обращение к сложившейся практики применения сетевых ресурсов с позиции взаимодействия госорганов с сетевыми акторами. Нами был произведен анализ базовых показателей активности и заинтересованности пользователей в публикуемом госорганами контентом за фиксированный период (июнь-июль 2020 года) на примере официальных аккаунтов субъектов ЦФО (18 из 85 субъектов РФ, население 27 % от РФ).

В результате проведенного исследования установлено: наибольшую заинтересованность к публикуемому госорганами контенту проявляют жители Курской, Тульской областей, Москвы, Брянской и Ивановской областей. При этом больше всего дискуссий связано с публикациями в аккаунтах региональных администраций Курской, Воронежской, Тульской, Калужской и Смоленской областей.

Наиболее востребованными для контактов с органами власти стали соцсети «ВКонтакте» (100% случаев), «Одноклассники» (95%), Instagram (72%), Facebook (67%), менее всего – Twitter (44%). Активнее всего пользователи вели себя в Instagram – 774 648 SI (сумма лайков, репостов, комментариев), «ВКонтакте» - 418 088, «Одноклассниках» – 301 172, Facebook – 24 889, Twitter – 7 107 SI. При этом больше всего дискуссий граждан на аккаунтах органов власти происходило в «ВКонтакте» (78 531), «Одноклассники» (29 676), Instagram (34 344) и Facebook (1 574 комментария). Анализ действий модераторов аккаунтов органов власти субъектов показывает, что они, как правило, переадресовывали поступающие в комментариях обращения в соответствующим инстанциям или игнорировали их.

Таким образом, необходимо подчеркнуть наличие уже сформировавшейся сети официальных аккаунтов региональных администраций практически во всех субъектах ЦФО. В качестве площадок согласования позиций по вопросам правил и принципов публичного управления в цифровом обществе должны выступить социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и Instagram. Полезным для изучения и масштабирования являются социально-сетевые практики Администраций Курской, Тульской, Воронежской, Брянской областей и города Москвы, повышающие социальную активность своих граждан.

Зотов В.В., Губанов А.В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 57-61.

МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Иванова Елена Игоревна

(Российский государственный гуманитарный университет)

Поляков Валерий Анатольевич

(Российский государственный гуманитарный университет)

Функционирование организации в условиях высокой неопределенности внешней среды предполагает принципиально иную деятельность управленца, для которой в большей степени характерны творческая и поисковая природа.

Представители школы научного управления (Ф. У. Тейлор, А. Файоль, М. Вебер) создали один из первых алгоритмов управленческой деятельности, основанный на научных принципах формирования и функционирования организации и управления её ресурсами и подразделениями. Организация в рамках этой школы определяется как планируемый процесс, как административная система, выступала в качестве инструмента достижения поставленной цели, деловые отношения приобретали стандартизированный и формализованный характер, производственный процесс был построен на разделении труда, функциональной специализации, принципах единоначалия и жестко структурированной иерархии власти. А. Файоль главными вопросами административной деятельности считал "что делать" и "как делать", то есть функции и принципы управления. В его модели управления организацией их реализация способствовала достижению не только организационного, но и социального порядка: *the right man in the right place*.

Идеи оптимизации деятельности человеческих ресурсов в рамках теории бюрократии М. Вебера стали обоснованием нового этапа моделирования системы управления организацией. Их реализация на практике обеспечивала ускорение принятия управленческих решений, обработки внутренней информации, достижение определенности связей между структурами предприятий.

Моделирование социальных аспектов в сфере управленческой деятельности в рамках эмпирической школы (середина 60-х гг. XX в.) основывалось на рационалистском, прагматически ориентированном, антинормативистском толковании принципов построения и функционирования организации (Э. Дейл, Р. Дэвис, П. Друкер и А. Чендлер). Научно-прикладные поиски представителей школы были сосредоточены на моделировании цели и структуры организации, на разработке методологии управленческого консультирования (например, [1]). Последняя развивалась в нескольких направлениях:

формирования модели, позволяющей зафиксировать основные этапы процесса консультирования, а также поиска методов исследования организаций. В странах с развитой рыночной экономикой использовалась ситуационная модель, применялись социологические методы.

Апологеты эмпирической школы рассматривали менеджмент как профессиональную управленческую деятельность, обеспечивающую экономические, социальные и временные ресурсы в деятельности организации, как процесс координирования и объединения рабочей деятельности людей таким образом, чтобы она была эффективной и результативной [2, 35].

В отечественной управленческой практике с целью рационализации деятельности организаций широко применялся метод деловых игр. Деловые игры проводились, как правило, с руководящим составом организаций с различными целевыми установками (В. Дудченко, А. Пригожин, Г. Щедровицкий). В играх использовались технологии группового решения проблем, основанные на принципах системного, ситуационного, деятельностного и инновационного подходов [3, 14].

Современные консультанты, менеджеры склоняются к тому, чтобы использовать актуальные и эффективные наработки теорий прошлых лет. Специалисты приходят к своеобразному “синтезу” направлений, позволяющих приспособляться к изменяющимся условиям жизнедеятельности, повышать степень эффективности управленческой деятельности.

1. Питер Ф. Друкер. *Энциклопедия менеджмента. Пер. с англ.* - М.: Издательский дом «Вильямс» 2017.
2. Стивен П. Роббинз, Мэри Коултер. *Менеджмент. 8-е издание. Пер. с англ.* - М.: Издательский дом «Вильямс» 2006. Стр. 84
3. *Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М.: Независимый институт гражданского общества, 2004. — С. 14*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

*Казаренкова Татьяна Борисовна
(Международный научный центр "СОЦИУМ 2035")*

Перспективы совершенствования социально-управленческого компонента развития цифрового общества основаны на совершенствовании инновационных процессов в науке и высшей школе. Инновационная научно-образовательная среда рассматривается как средство развития социально-управленческого компонента. Выделение приоритетных стратегических направлений науки и образования позволяет разработать стратегию и сформировать рекомендации для эффективной реализации научно-образовательных программ в области цифрового развития России на уровне образовательных учреждений, научных центров, муниципальном, региональном, федеральном, международном уровнях.

Становлению и развитию цифрового российского общества во многом способствует реализация национальных проектов «Наука», «Образование», «Цифровая экономика», «Развитие малого и среднего предпринимательства», «Культура». Роль государственного управления в реализации национальных проектов и федеральных программ существенно усилилась с развитием современных цифровых технологий.

В современном мире отмечается тенденция к международному сотрудничеству по основным направлениям развития мировой науки, в том числе в области цифровых инновационных разработок, связанных с проблемами глобальной безопасности, а также проектов в области развития искусственного интеллекта и виртуальной реальности.

Создаются современные научно-технологические и научно-образовательные центры по разработке и внедрению самых современных научных разработок. Инновационное изменение урбанистического пространства современных городов (проект «Умный дом», «Городская инфраструктура», «Умный город» и другие инновационные проекты). Высокие технологии используются в научно-образовательной инфраструктуре и других сферах современного цифрового социума.

Перспективы совершенствования социально-управленческого компонента развития цифрового общества определяют инновационное развитие российского общества.

1. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. - М. ЛЕНАНД, 2019. - 724 с.
2. Индикаторы науки: 2019 – статистический сборник / Л.М. Гохберг, и др. - М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 328 с.
3. Казаренкова Т.Б. Современная интеграция науки, образования, культуры и бизнеса в условиях цифрового общества (социально-управленческий аспект) // Вестник Международного научного центра «СОЦИУМ 2035». Т.1. № 1. 2020. С. 9-27.
4. Мир в цифрах – 2020. – М.: Олимп – Бизнес, 2020. – 266 с.
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. / под ред. Л.М. Гохберга, М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 268 с.
6. Kazarenkova T.B., Kazarenkov V.I. Integrated sociology of digital society: socio-managerial, science-education and socio-cultural problems // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. Collected papers European Sociological Association 14th Conference "Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin". 2019. С. 51-63.

РАЗРАБОТКА ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ВНЕДРЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ВОИНСКОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПРИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Касавцев Михаил Юрьевич

(Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского)

Дулишкин Руслан Михайлович

*(Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова
училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского)*

В настоящее время в рамках реализации задачи Президента Российской Федерации о внедрении цифровых технологий в основные сферы деятельности российского общества [1], в том числе в сфере образования. В вузах Министерства обороны Российской Федерации активно осуществляется внедрение новых компьютерных технологий в рамках развития электронно-информационной образовательной среды (ЭИОС). Данное направление предполагает формирование цифровой образовательной среды и направлено на повышение уровня подготовки военных кадров; использование большего потенциала автоматизированных систем и формирование единых электронных ресурсов.

Однако, несмотря на актуальность и востребованность у цифровых технологий существует ряд проблемных аспектов, которые рассматривались разными авторами

научных публикаций [2–5]. Для разрешения выявленного противоречия между важными преимуществами компьютеризации образования с одной стороны и наличием трудностей внедрения цифровых технологий в образовательную среду, с другой, необходим анализ проблемных аспектов компьютеризации образования и разработка практических рекомендаций по организации ЭИОС.

Опыт развертывания ЭИОС позволяет сформулировать основные проблемные аспекты данного этапа (отсутствие на местах квалифицированных кадров по сопровождению электронно-информационной образовательной среды (ЭИОС); необходимость повышения квалификации или переподготовки кадров ответственных за функционирование ЭИОС; изменение нормативных и руководящих документов вузов с учетом внедряемых технологий; отсутствие модели в формировании единой структуры и выборе инструмента по созданию и развитию ЭИОС) и практические рекомендации по организации ЭИОС. Во-первых, формирование понимания и основных принципов при работе с ЭИОС, необходимо закрепить в нормативных и руководящих документах вузов. Данное изменение поможет обеспечить личному составу вуза наиболее точный алгоритм при работе с внедрением цифровых технологий. Во-вторых, как было сказано ранее, происходит активное внедрение уже готовых цифровых технологий, но помимо этого, также происходит и их разработка на базе всех вузов. Чтобы ЭИОС отвечала основным принципам ЭИОС, и процесс разработки и внедрения новых технологий был наиболее качественным, появляется необходимость создания структурного подразделения, которое будет отвечать за реализацию ЭИОС. Авторы считают, что кадры в такие структурные подразделения должны формироваться из числа выпускников инженерных вузов. Так как на данные вузы возлагается в большей степени подготовка компетентных военнослужащих в области ЭИОС. Данный подход поможет повысить уровень эффективности в реализуемых вопросах по ЭИОС. В-третьих, для наиболее качественного развертывания и формирования единого понимания об ЭИОС, целесообразно организовывать курсы повышения квалификации или переподготовки персонала вновь образованного структурного подразделения вуза. А в дальнейшем возложить на плечи данного подразделения правильность эксплуатации новой внедряемой технологии. При формировании данного подразделения необходимо выделить два основных направления его деятельности: разработка, изучение и внедрение программного обеспечения; проектирование, развитие и администрирование локальных вычислительных сетей.

Таким образом, рассмотренные проблемные аспекты развертывания ЭИОС в военных вузах разрешаются путём применением рассмотренных практических рекомендаций по организации ЭИОС, что позволит выработать единый алгоритм и направление развития вузов в сфере информационных технологий; повысить качество образовательной деятельности, с учетом применения информационных технологий; повысить количественно-качественный показатель внедрения и развития направления ЭИОС.

1. *Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения 19.08.2020).*

2. *Добудько Т.В., Пугач В.И., Горбатов С.В., Добудько А.В., Пугач О.И. Организация эффективной системы разработки и сопровождения электронных курсов как ключевая проблема развития электронной информационно-образовательной среды вуза // Самарский научный вестник 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 316–321.*

3. *Заяц А.М. Электронная информационно-образовательная среда - платформа агрегации средств управления образовательным процессом вуза, информационных*

образовательных ресурсов и технологий // Сборник материалов конференции «Информационные системы и технологии: теория и практика», Санкт-Петербург, 01 февраля 2018 г. С. 10–23.

4. Гордин А.А., Сафонов К.А., Чечин А.В., Никулина О.В., Литвинова Н.В. Разработка и внедрение электронной информационно-образовательной среды в ННГАСУ // Сборник материалов 19-го Международного научно-промышленного форума «Устойчивое развитие регионов в бассейнах великих рек. Международное и межрегиональное сотрудничество и партнерство», Нижний Новгород, 16-19 мая 2017 г. С. 44–46.

5. Дзятковская Е.Н., Суркова Н.Е. Методологические основы проектирования образовательных сред // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 6 (63). С. 133–142.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

*Комилова Замира Абдувалиевна
(Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ))*

*Рыбакова Марина Владимировна
(Московский государственный университет им. В.М. Ломоносова)*

Вспышка коронавирусной болезни (COVID-19) продолжает распространяться и развиваться по всему миру. Изначально провозглашённый, как кризис системы здравоохранения, постепенно превратился в продовольственный, социальный и кризис рынка труда. В условиях пандемии требуется предпринимать незамедлительные действия и искать инновационные подходы для социальной защиты уязвимых групп населения

Пандемия привела к глобальным социальным и экономическим потрясениям, затронувшая жизни 7.8 миллиарда людей [1, 3] в 261 странах и провозглашённая как наихудший гуманитарный кризис со времён Второй мировой войны [2]. По оценкам, экономические потрясения, вызванные COVID-19, приведёт 71-100 миллионов людей в условия крайней нищеты [3, 33], около 1,6 млрд. работников занятых в неформальном секторе потеряли 60% своего дохода, оставшись практически без сбережений и без доступа к социальной защите [4,1].

Хотя предполагается, что масштабы данного беспрецедентного кризиса будут огромными для полного раскрытия последствий потребуются время. Ясно одно – люди в уязвимых ситуациях наиболее сильно пострадали от этого кризиса, усугубляющий структурное неравенство в обществе. Отсутствие доступа к эффективным системам санитарии, раннего предупреждения, технологиям а также службам здравоохранения и социальной защиты делает женщин, пожилых людей, подростков, молодежь, детей, людей с инвалидностью, беженцев, мигрантов и этнических меньшинств еще более уязвимыми в условиях пандемии.

Разрешение кризиса требует от государств мер, которые выходят далеко за рамки сектора здравоохранения и сектора социальной защиты. Они должны отвечать на дифференцированные потребности уязвимых групп населения, быстро реагировать и способствовать устойчивости и непрерывности предоставляемых услуг.

Пандемия COVID-19 привела к масштабному использованию цифровых технологий, основанных на универсализме, для спасения жизней и защиту граждан, в особенности наиболее ее уязвимых групп [5,4].

Существующие интегрированные системы управления информацией и платежные платформы, программы социальной защиты активно используются для поддержки уязвимых групп населения. Помимо использования административных регистров и технологий саморегистрации, быстрое создание специальных мобильных коммуникационных технологий, обеспечивают платформу для увеличения охвата уязвимых людей системой социальной защиты.

Система социальной защиты на предлагаемых цифровых решениях должна не только реагировать на кризисные ситуации и ориентироваться на бедность, но и быть инклюзивной системой социального обеспечения в течении всего жизненного цикла.

Однако, цифровые инициативы могут быть успешными только в том случае, если будет повышена цифровая грамотность уязвимых групп населения и созданы системы обратной связи и координации с существующими системами управления.

1. *Putting the UN framework for socio-economic response to COVID-19 into action: insights.* New York: United Nation Development Programme, 2020.
2. *WFP Chief warns of hunger pandemic as COVID-19 spreads.* Официальный сайт [<https://www.wfp.org/news/wfp-chief-warns-hunger-pandemic-covid-19-spreads-statement-un-security-council>] Всемирная продовольственная программа ООН. Дата обращения (17.07.2020).
3. *Global Economic Prospects.* Washington: World Bank, 2020.
4. *As job losses escalate, nearly half of global workforce at risk of losing livelihoods.* New York: ILO, 2020.
5. *Kidd S., Subun D. What has the COVID-19 crisis taught us about social protection?* // *Development Pathways.* № 29. 2020

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТОМ В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ

*Кульназарова Анастасия Витальевна
(СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича)*

*Проект Erasmus+ Jean Monnet
№620089-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE
«Цифровая трансформация европейского управления,
политики и общественных коммуникаций»*

Исследование посвящено проблеме управления интернетом в российском национальном сегменте сети. Термин «управление интернетом» возник в 90-е гг. в США и изначально ассоциировался с контролем над системой доменных имен и корневыми серверами. В дальнейшем значение термина расширилось и стало включать в себя институциональные, правовые и политические аспекты функционирования сети. На уровне конкретного сегмента сети «управление интернетом» можно рассматривать как контроль инфраструктуры, трафика и доступа, осуществляемый на определенной нормативно-правовой основе, и реализуемый при помощи специальных технических мер. В вопросах управления Интернетом в мировой практике, за рядом исключений, сложился мультистейкхолдерский подход, при котором в решении ключевых вопросов участвуют международные, государственные, коммерческие структуры.

Напротив, за последнее десятилетие наблюдается усиление «цифрового суверенитета» национальных интернет-сегментов, а исследователи говорят о так

называемой «балканизации» Интернета, возникающей как вполне ожидаемое следствие дезинтеграционных процессов и усиления международной напряженности.

На основе существующих практик регулирования онлайн-пространства автор выделяет административно-технический, политико-коммерческий и самоуправляемый подходы к управлению интернетом, каждый из которых может быть доминирующим в зависимости от сложившегося в государстве политического режима. Административно-технический подход основан на применении специальных технических средств контроля и ограничения передачи данных, а также на обширной нормативно-правовой базе и полномочиях государственных органов по осуществлению контролирующих функций. Политико-коммерческий подход основан на косвенном управлении, направленном, в первую очередь, на общественное мнение и поведение, активно применяются политические и социальные технологии, в том числе – технологии взаимодействия бизнеса и государства. Самоуправляемый подход подразумевает отсутствие или слабую выраженность централизованного воздействия на интернет-среду.

Для российского сегмента характерно сочетание административно-технического и политико-коммерческого подходов: активное укрепление нормативно-правовой базы, наблюдающееся с 2012 г., внедрение технологий контроля трафика, развитие инфраструктуры хранения данных, удаление нежелательной информации из поисковой выдачи и др. – с одной стороны; активная работа социальных ботов, сотрудничество с администрацией социальных сетей – с другой стороны. Подход к регулированию и контролю интернет-среды зависит от внутренней политики в целом; таким образом, можно прогнозировать сохранение текущих тенденций и постепенное совершенствование технологий контроля в соответствии с целями государственной информационной безопасности. С 2012 г. в России постепенно усиливается государственный контроль в Интернете, как в инфраструктурном аспекте, так и в области ограничения распространения контента. На сегодняшний день в России можно прогнозировать дальнейшее усиление контроля, о чем свидетельствуют факты и тенденции последнего десятилетия.

[1] Claessen E. (2020) *Reshaping the internet – the impact of the securitisation of internet infrastructure on approaches to internet governance: the case of Russia and the EU*, *Journal of Cyber Policy*, 5:1, 140-157, DOI: 10.1080/23738871.2020.1728356

[2] Hofmann, J., Katzenbach C., Gollatz K. (2017) : *Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance*, *New media & society*, ISSN 1461-7315, Sage, Thousand Oaks, CA, Vol. 19, Iss. 9, pp. 1406-1423, <http://dx.doi.org/10.1177/1461444816639975>

[3] Кульназарова А.В. *Технологические аспекты ограничения распространения информации в интернете // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. Сборник научных статей: в 3-х томах. 2016. С. 424-429.*

КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*Кухто Александра Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Являясь одним из атрибутов информационного общества, глобальные сети формируют особое коммуникативное пространство, общение в котором имеет свои особенности и отличия от общения в реальном мире. Они становятся неотъемлемой частью жизнедеятельности людей и деятельности организаций, практически каждая из которых

сегодня имеет собственную локальную корпоративную сеть. Кроме того, огромная доля информации, связанной с обеспечением деятельности организации и её сотрудниками, хранится в электронном формате, что изменяет принципы хранения и работы с ней.

Проблематика исследования культуры информационной безопасности в целом и как одного из инструментов обеспечения эффективной деятельности коммерческой организации является актуальной как в связи с недостаточной изученностью социологического аспекта данного вопроса и наличием большого количества внешних (связанных с влиянием информации на конкуренцию и положение организации на рынке) и внутренних (поведение сотрудников) угроз, так и в связи с постоянной трансформацией данных угроз и появлением новых возможностей воздействия на информацию, составляющую коммерческую тайну или иную важную информацию компании.

В широком смысле «культура» определяется как «коллективное программирование мыслей, которое отличает одну группу или категорию людей от другой» [3, 3]. Следовательно, «организационную культуру» можно определить как «коллективное программирование мыслей, которое отличает членов одной организации от другой» [5, 47].

В отличие от организационной культуры, которая относится к системам общих убеждений и ценностей, развивающихся внутри организации и направляющих поведение ее членов для поддержания подходящих моделей социальных систем, культура информационной безопасности – это совокупность моделей поведения в организации, которые способствуют защите информации всех видов. В понятие культуры информационной безопасности входят убеждения и ценности, связанные с безопасностью сотрудников, которые проявляются в действиях и поведении сотрудников при защите организационной информации.

Важность культуры информационной безопасности была отмечена западными исследователями ещё в 1990-х годах. Так, Джеймс утверждал, что культура информационной безопасности требует включения в управленческий образ мышления [6], а Фон Сольмс предложил создать культуру информационной безопасности в компании, «прививая аспекты информационной безопасности каждому сотруднику как естественный способ выполнения его или ее повседневной работы» [8, 166].

Согласно Шлингеру и Тойфелю, культура информационной безопасности «охватывает все социокультурные меры, которые поддерживают технические меры безопасности» [7, 8], что способствует установлению доверия между участниками организации и становится частью организационной культуры.

Разработка и внедрение ценностей культуры информационной безопасности является актуальной проблемой для современных коммерческих организаций, так как подход, связанный с установлением жёстких требований к сотрудникам, становится всё менее эффективным в условиях быстрого развития технологий. Сегодня информационная безопасность становится более управленческим, нежели техническим вопросом. Культуру информационной безопасности необходимо интегрировать с организационной культурой для руководства поведением сотрудников в области поддержания информационной безопасности. Не уделяя должного внимания культуре безопасности, организация не может достичь эффективности в управлении.

1. Алиева М.Ф. Информационная безопасность как элемент информационной культуры. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012.
2. Воробьев Г.А. Культура информационной безопасности в современном обществе. // Информационные технологии в гуманитарном образовании. Материалы V-VI Международных научно-практических конференций. – 2013.

3. Маршуба О.А. *Культура и организационная культура: сущность и взаимосвязь феноменов. // Концепт. – 2016.*
4. Яснев В.Н. *Информационная безопасность в экономических системах. // Учебно-методическое пособие, Нижний Новгород. – 2006.*
5. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind. // McGraw-Hill. – 2010.*
6. James, H. L. *Managing Information Systems Security: A Soft Approach. // IEEE. – 1996.*
7. Schlienger, T., & Teufel, S. *Information Security Culture – from Analysis to Change. // URL: https://www.researchgate.net/publication/220102979_Information_security_culture_From_analysis_to_change*
8. Von Solms, B. *Information Security – the Third Wave? Computers & Security. // Computers & Security. – 2006.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Лепешкин Александр Олегович
*(Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области "Технологический университет")*

Сегодня вопросы качественной реализации поставленных Президентом Российской Федерации задач в рамках национальных проектов в условиях мировой политической и экономической турбулентности представляются весьма актуальными. Осуществление множества социальных, инфраструктурных проектов, направленных на повышения уровня жизни граждан, стоит на первом месте практически на всех совещаниях у Президента и Правительства Российской Федерации.

В жестких условиях мировой турбулентности и ограниченности ресурсов требуется принятие качественных управленческих решений главным образом на местах, а именно губернаторами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Кроме того, необходимо усиление контроля федерального центра за деятельностью правительств регионов, с целью максимально рационального использования доводимых денежных средств в рамках федерального бюджета и отсеечение всевозможных посягательств со стороны региональных элит на навязывание собственных интересов, идущих в разрез с мнением населения и создающих тем самым дополнительную напряженность и угрозы стабильности политической системы.

В эпоху бурного развития цифровых технологий и появления множества возможностей использования IT-решений, выстраивание диалога между обществом и государством должно выйти на совершенно новый уровень. Необходима концентрация на существующих запросах общества, на решении ключевых задач, которые способны сформировать устойчивый фундамент для дальнейшего повышения уровня жизни граждан. Одним из базовых запросов общества является повышение уровня комфортности проживания в городе. Дополнительным подтверждением этому факту является миграция населения из небольших городов в более крупные городские агломерации.

Одновременно, реализация проектов комфортной городской среды в крупных городах уже доказала, что инвестиции в благоустройство способны менять жизнь городов в лучшую сторону. На примере города Москвы можно достаточно четко проследить как именно менялась жизнь города при реализации подобных проектов. Так, в период с 2013 по 2017 года количество пешеходов на благоустроенных городских пространствах

увеличилось в 4.5 раза, каждый третий москвич занимается физкультурой и спортом, а посещение различных городских фестивалей увеличилось в 10 раз [2]. Тем самым, реализация проектов, направленных на благоустройство городских пространств, положительно повлияла не только на ежедневный досуг граждан и изменение их повседневных привычек, но и создало новые точки притяжения, которые также положительно влияют на создание новых рабочих мест, привлечение дополнительных инвестиций и высококвалифицированных кадров [1, с. 34].

Учитывая опыт Москвы по формированию комфортной городской среды необходимо переносить данный опыт и на другие города Российской Федерации, но для этого требуется жесткий контроль за деятельностью правительств регионов и выстраивание более качественного диалога между органами власти и населением.

Помочь в данном направлении способны современные цифровые технологии, а также поэтапное развитие систем «умного города», которые должны охватывать не только мегаполисы, но и менее населенные города в регионах. Данные системы также должны включать в себя возможность создания городских порталов, на которых каждый житель сможет делать акцент на существующих проблемах города (например, по аналогии с порталом мэра Москвы). При этом, разрабатывая данные системы, необходимо предусмотреть такую возможность, которая бы позволяла выводить наиболее острые проблемы в режиме онлайн не только для руководства региона, но и федеральному центру, который в данном случае получит дополнительный ресурс контроля за деятельностью региональных правительств, а также будет обладать более широким спектром информации о существующих проблемах на местах и получит в свои руки ресурс мониторинга за жизнью субъектов Российской Федерации.

Подобное применение современных цифровых решений способно положительным образом сказаться на повышении уровня качества принимаемых управленческих решений посредством более детальной вовлеченности глав регионов и органов местного самоуправления в проблемы подконтрольной им территории, а также выстроить качественную обратную связь государства и населения.

1. Лепешкин А.О. Влияние местного самоуправления на общественное развитие и поведенческие паттерны граждан // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 1 (13). С. 30-38.

2. Официальный сайт The Boston Consulting Group Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2018/comfortable-urban-environment.aspx> (дата обращения: 28.09.2020)

3. Официальный портал мэра Москвы Собянина С.С. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://gorod.mos.ru/index.php> (дата обращения: 30.09.2020)

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КАК НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ДАЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

*Меньшикова Галина Александровна
(СПбГУ, факультет социологии)*

*Евстратчик Светлана Васильевна
(СПбГУ, экономический факультет)*

*Баринов Антон Михайлович
(СПбГУ, юридический факультет)*

Мониторинг правоприменительной практики (МП) новая и поэтому малоизвестная в РФ технология социального управления. Ее механизм и социальная роль описаны в нашей публикации [1]. В основе МП лежит ставший обязательным для многих судебных органов государственного управления анализ правоприменительной практике. Направления оценивания законодательной деятельности для них фиксируются Министерством Юстиции в ежегодных плановых заданиях. Параллельно, независимые центры проводят свои исследования правоприменительной практики. Так, при СПбГУ создан центр экспертизы, который наряду с другой проблематикой, занимается и этим направлением [2].

В публикации проанализированы возможности использования цифровых информационных массивов для проведения МП, в частности, на примере судебных архивов. Авторами публикации, представляющими группу экспертов СПбГУ по дачному законодательству, проанализированы иски по новому закону о садоводствах и огородничестве [3].

Цель публикации – выделить реальные возможности использования цифровых архивов для совершенствования дачного законодательства, равно как и выявить структуру правоприменительных отношений, сложившихся в связи с его применением. Такой анализ раскрывает возможности применения цифровых технологий для развития гражданского общества, как участника совершенствования законодательной системы, выявляя, в частности структуру жалоб (населения, некоммерческих организаций, гос. органов) в суды, а также принятых судебных решениях.

Проанализировав 85 дел, выявленных за 2018 год, была установлена общая правомерность судебной практики. Неправильное применение рассматриваемого Закона могло иметь место, по нашему мнению, лишь в шести случаях. На основании собранной информации были составлены 4 таблицы, характеризующие: структуру истцов и ответчиков, суть жалоб, уровень суда и содержание ответа.

Общий вывод: цифровизация деятельности судов и открытая публикация решений позволяет сгруппировать поданные иски по законодательным актам и по статьям, которых они касаются, выделив положения, содержащие разночтения. Публичность правоприменительной практики способствует не только совершенствованию работы судов и юристов, но и создает условия для роста юридической грамотности населения, обеспечивает сближение людей и законодательных органов управления.

1. Баринов А.М., Евстратчик С.В., Меньшикова Г.А. Мониторинг правоприменения и оценка регулирующего воздействия: новому обществу – новые технологии управления, см. «Мониторинг правоприменения», 2019, №3 (32), с.63-69.

2. Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Мониторинг правоприменения в СПбГУ//Закон.2018№ 3,.67-74.

3. Закон РФ от 29 июля 2017 года N 217-ФЗ "О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РЕКРУТМЕНТА: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Минина Вера Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Чижова Ольга Борисовна
(ООО Газпромнефть-Центр)

Цифровизация управления человеческими ресурсами порождает социальные риски, связанные как с адаптацией работников к новым технологиям, так и с появлением новых организационных практик, социальные эффекты которых трудно определить однозначно. Возникает вопрос: какова социальная эффективность этих цифровых технологий? Мы попытались ответить на него, рассмотрев Skillaz как технологию рекрутмента, используемую крупными компаниями.

Skillaz – облачная технология, решающая задачи автоматического поиска, оценки кандидатов и осуществления коммуникаций с ними. Она интегрируется с работными сайтами, социальными сетями, системами онлайн оценки и др. Представители бизнеса оценивают эту технологию как экономически выгодную, снижающую издержки на подбор персонала. Однако если посмотреть на Skillaz не только через призму экономических результатов, то вопрос об эффективности становится не таким очевидным.

Мы провели эмпирическую оценку социальной эффективности Skillaz, взяв за основу гарвардскую модель управления человеческими ресурсами [1]. При этом под социальной эффективностью цифровой технологии мы понимаем степень реализации запросов и ожиданий заинтересованных сторон от ее внедрения, которая операционализируется с помощью показателей удовлетворенности. В качестве заинтересованных сторон рассматривались внутренние заказчики рекрутеров и специалисты по подбору персонала. Оценивался уровень их удовлетворенности работой со Skillaz.

Удовлетворенность характеризуется двумя аспектами: функциональным и эмоциональным. Эмоциональная удовлетворенность - это характер эмоций пользователей в ходе работы со «Skillaz». Функциональная удовлетворенность - это оценка удобства работы с технологией: достаточность инструментов и функций, их значимость для работы пользователя, удовлетворенность реализацией этих функций.

Методами сбора первичной информации выступали полуструктурированное глубинное интервью с экспертами и опрос специалистов по подбору персонала. Гайд интервью содержал вопросы об удовлетворенности экспертов - пользователей Skillaz (руководителя отдела рекрутмента, аналитиков).

Для опроса специалистов по подбору персонала разработана анкета на основе рефлексивной методики «выявления ценностей» Саганенко [2], а также методики открытых вопросов [3]. Вопросы позволяют оценить и функциональную, и эмоциональную удовлетворенность пользователей Skillaz.

В опросе приняли участие 13 из 18 специалистов по подбору персонала. Анализ данных свидетельствует, что с функциональной точки зрения Skillaz скорее удовлетворяет, чем не удовлетворяет пользователей. С эмоциональной точки зрения оценка не выглядит такой благоприятной: работа со Skillaz вызывает больше негативных, чем позитивных эмоций. Это говорит о том, что применение Skillaz содержит в себе риски эмоционального выгорания пользователей. Данный аспект работы с цифровыми технологиями требует более глубокого анализа и дальнейших исследований.

1. 5 *Human Resources Models*. URL:// <https://www.digitalhrtech.com/human-resources-models/>

2. Саганенко Г.И., Гегер А.Э., Степанова Е. И. Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей // *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (4М). 2011. № 32. С. 75-103.

3. Саганенко Г.И. Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Том IV. № 4. С. 171-193.

ОБУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ «ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ» В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Мкоян Гоар Сергеевна

*(Армавирский государственный педагогический университет,
основатель Школы социальных предпринимателей в РА)*

Вопросы социального предпринимательства (далее – СП) как динамично развивающейся сферы в последние десять лет находятся в центре внимания теоретиков и практиков. В основе модели СП положено следование социальным интересам и решение острых общественных проблем за счет инновационных решений, часто создающих дополнительный доход и даже сверхприбыль [1,р.13]. Как показывают практические и теоретические исследования, проведенные в Республике Армения, социальные предприниматели готовы инвестировать большую часть своей прибыли в формирование позитивных социальных изменений в стране. Согласно данным экспертного опроса (2020; N=25), большая часть тех, кто занимается СП, чувствуют себя счастливыми, поскольку их деятельность помогает членам регионального сообщества не только преодолевать жизненные трудности, но и двигаться вперед, особенно во время рисков пандемии COVID-19.

Вместе с тем имеющихся мер поддержки социальных предприятий в Армении и соседних странах достаточно только для обеспечения инкубационной фазы развития СП. Переход на стадию стабильного развития сделает возможным лишь создание сетей и онлайн-платформ, объединяющих социальных предпринимателей. Важную роль в решении этих вопросов играет первая в Армении «Школа социальных предпринимателей», которая была создана в 2018 году. В рамках работы Школы удалось выявить тех людей, которые хотят и могут заниматься СП. Для их обучения были разработаны 18 образовательных модулей, включающих в себя воркшопы, интенсивы, 32 game pools, 6 новых образовательных методик и др. Цель этого курса – сформировать у населения полное представление о том, как организовать социальную инициативу, предусмотреть сопутствующие риски, спрогнозировать развитие проекта и его результаты, оформить бренд и в конечном итоге реализовать свою идею.

Школа имеет почти три года не только офлайн, но и онлайн-опыта предоставления образовательных услуг в интернет-пространстве. На фоне угроз эпидемиологической ситуации, подобный формат обучения продолжается и по настоящее время. За период 2018-20 гг. было проведено 35 открытых лекций в смешанном формате (офлайн и онлайн), в которых приняли участие более 1 тыс. чел. Стратегическая идея развития дистанционной практики состоит в том, чтобы в будущем на базе Школы создать Международную онлайн-академию социального предпринимательства (International SE Online Academy). В Академии планируется развивать три вида образовательных услуг: 1) Стартапы для взрослых; 2) Базовое бизнес-образование для детей и подростков; 3) Экспорт интеллектуального потенциала экспертов СП для международных рынков. Таким образом, модель Академии предполагает развитие идеи доступного и качественного онлайн-образования (на базе современной образовательной интернет-платформы) для всех стран, которое будет предоставляться на трех языках мира – армянском, русском и английском.

1. Bornst Ein D. "How to Change the World: Social Entrepreneurs and the Power of New Ideas", Yerevan, 2014, pp. 12-13.
2. Swanson L., Zhang D., Edwards D. Social Entrepreneurship School of Business, University of Saskatchewan, Canada, 2012, p. 179.
3. The first Armenian language manual on Social Entrepreneurship created by the British Council, 2015. Retrieved from: tinyurl.com/SEmanual-BC.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ АПК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Муханова Мария Николаевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Отечественное сельское хозяйство за последние годы существенно трансформировалось, став драйвером экономики страны. Россия обладает большим экспортным потенциалом. Сегодня российское продовольствие экспортируется в 143 страны мира и является крупнейшим поставщиком пшеницы. По мнению экспертов, аграрный сектор даже в условиях пандемии показывает сильные результаты. АПК меньше других отраслей пострадал из-за коронавируса. В этом году выделены дополнительные средства на приобретение более 16,5 тыс. сельскохозяйственных машин и оборудования.

В этих условиях главной задачей модернизации сельского хозяйства является цифровизация в рамках создания информационной системы цифровых сервисов АПК. Субсидии, гранты, льготные кредиты, лизинги – все это можно будет получить на платформе интегрированной с Госуслугами. Этот процесс обеспечит быстрое и прозрачные операции, исключив из него человеческий фактор и различные теневые практики.

Господдержкой пользуются большинство сельхозпроизводителей. На сельских территориях проживает около четверти населения РФ, на развитие которых до 2025 г. планируется выделить 1,5 трлн руб. Поэтому доведение этих средств через цифровой сервис упростит жизнь не только аграриям, но и миллионам жителей села.

Пользователями системы станут более 100 тыс. сельхозпроизводителей. Ее функционал будет разработан уже к концу 2020 г., а в следующем году пройдет опытная эксплуатация в девяти пилотных регионах. Министерство сельского хозяйства рассчитывает, что в 2030 г. 100% субсидий и льготных кредитов можно будет оформить в электронном виде. Для аграриев это значительное сокращение средств и времени ежегодно, а издержки на подачу отчетности сократятся в 3 раза [1].

Другое важное направление – создание информационных систем, которое повысит качество управленческих решений. Это системы по мониторингу земель сельскохозяйственного назначения, управления мелиоративным комплексом. Ведется работа по цифровизации услуг гостехнадзора, контрольно-надзорных функций. Это система прослеживает качество продуктов и его переработки, что обеспечить прозрачность рынка, повысить качество и безопасность продукции для потребителей. Первые глобальные результаты цифровизации АПК будут уже в этом году, а к 2030 г. – все ключевые отраслевые процессы будут цифровизированы [1].

В сельском хозяйстве активно используются спутниковая техника. Например, в регионах сельхозтехника оснащена системой Глонасс /GPS. В животноводческих хозяйствах внедряются технологии доения роботом-дойром, компьютеризированные системы управления стадом, современные автоматизированные системы кормления с функциями самозагрузки корма и его раздачи [2]. Эти технологии позволяют получить сельхозпродукцию, снижая время и трудозатраты.

Каково на этом фоне состояние сельских территорий и развитие социально-структурных процессов российского села? Эти вопросы как объект и предмет исследования проблем АПК определяют цели и задачи анализа эмпирических результатов исследования.

1. Россия может забыть о слове «дефицит» в отношении продуктов питания. *Интервью с Д. Патрушевым* // *Сельская жизнь*, 2020, №28, с. 8.
2. *Аграрии Тамбовщины не подвели* // *Сельская жизнь*, 2020, №37, с. 9.

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Никифорова Ольга Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Одним из последствий диджитализации труда, является профессиональное выгорание. Оно представляет собой неблагоприятную реакцию человека на стресс, который он получает на работе. При этом выгорание характеризуется эмоциональными, физическими и когнитивными проявлениями истощения [1, с.50]. В психологии профессиональное выгорание является схожим понятием с эмоциональным выгоранием, которое определяется как «синдром эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личностных достижений, который может возникать среди специалистов, занимающихся разными видами помогающих профессий» [2].

Не смотря на то, что изначально профессиональное выгорание – объект изучения специалистов психологов, однако в современном цифровом пространстве сформировалось большое количество социально-обусловленных факторов, которые могут привести к массовому распространению этого негативного явления.

Проблема профессионального выгорания возникает вследствие повышения требований со стороны работодателей к своим работникам, причем от года к году такие требования только ужесточаются. Стремясь соответствовать новым реалиям, сотрудники вынуждены повышать уровень своей профессиональной компетенции и подготовки, что в результате приводит к повышению физической и интеллектуальной нагрузки, а также снижению удовлетворенности трудом. Чтобы не отставать от новых технологий сотрудники довольно часто обучаются новым компетенциям, предъявляемых

диджитализацией, в свободное от работы время, что очевидно приводит к развитию профессионального выгорания.

Более того, с появлением мобильных технологий, электронной почты и мессенджеров работникам необходимо быть вовлеченным в рабочий процесс даже в нерабочее время и в выходные дни. Активный поток информации, исходящий из электронной почты, социальных сетей, различных мессенджеров, создает необходимость быть постоянно в контакте с коллегами и администрацией. При этом такой поток информации довольно часто является не просто ознакомительным, а побуждает работника принимать важные решения, отвечать на вопросы и давать рекомендации, что требует физических и интеллектуальных усилий.

Другими словами, происходит нарушение баланса между работой и отдыхом. Согласно последним исследованиям, нестандартные трудовые графики, например, работа в ночное время или в выходные, является довольно распространенной в стране. Результаты проведенного опроса показывают, что около 60% респондентов работают по вечерам или ночью, из них 3,4% - ежедневно, 21,7% - несколько раз в неделю и 16,2% - несколько раз в месяц. Также, 77% респондентов отмечают, что работают в выходные дни: 17,8% - еженедельно, 31,1% - несколько раз в месяц и 10,1% - раз в месяц [3].

Вопросы профессионального выгорания сегодня должны объединить усилия и теоретико-методологическую базу специалистов из многих областей, таких как психология, менеджмент, юриспруденция, социология, что позволит не только выявить все последствия текущих изменений, но и найти комплексные решения для совершенствования сферы труда и жизни общества.

1. Бабанов С. А. *Профессия и стресс: синдром эмоционального выгорания* // *Главврач*. 2011. № 9. С. 50-57.
2. Maslach C., 1982. *Burnout the cost of caring*. N-Y: Prentice Hall Press. 276 p.
3. Шевчук А. В., Красильникова А. В. *Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России)* // *Журнал исследований социальной политики*. – 2019. – Т. 17. – №. 2.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ РАБОЧИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Окунева Татьяна Владимировна

(ФГБОУ ВО "Уральский государственный университет путей сообщения")

Все большая цифровизация организационных процессов, в том числе процессов по управлению персоналом что видоизменяет требования и характер трудовых процессов, трансформирует организационные ценности. [1, 23]

Понимание сущности и специфических особенностей актуальных трудовых ценностей, культуры труда современных работников чрезвычайно важно для современного менеджмента, так как определяет приоритетные инструменты и методы управленческого воздействия. Специфической категорией работников являются рабочие – одна из самых многочисленных категорий персонала с ограниченными возможностями роста, использования трудового потенциала, большим количеством рутинных операций, от успеха работы которой в большинстве случаев зависит успех работы организации. Именно поэтому одной из задач панельного исследования в 2016г. (1602 человека) и 2019г. (1596 человек) было определение специфики и направлений трансформации культуры труда

современных рабочих таких отраслей как промышленность, транспорт, строительство и предприятия сферы обслуживания Екатеринбурга и Свердловской области, как ведущих отраслей по числу занятых работников, где доля труда рабочих традиционно велика.

Анализ результатов исследования позволил сделать ряд выводов:

1. Организация, несмотря на то, что занимает важное место в трудовой жизни рабочих, не является субъектом формирования корпоративного отношения к труду. Корпоративность в сознании современного рабочего формируется стихийно, под воздействием ближайшего окружения личности рабочего, его первичного коллектива. [2, 89-92]

2. Недостаточное внимание менеджмента организации к рабочим, ориентация, прежде всего, на руководителей и служащих сформировали равнодушие и низкую заинтересованность рабочих по отношению к делам организации. [3, 4]

3. В сознании рабочих резко обозначилось противопоставление таких областей жизни как «труд» и «работа». Можно сказать, что трудиться рабочим нравится, сам по себе труд приносит удовлетворение, в то время как работа (в коллективе, организации) не доставляет удовольствие. Некоторая равнозначность организаций (по уровню оплаты труда, социальных льгот и гарантий) ведет к тому, что рабочий делает выбор не в пользу организации, а в пользу более комфортных условий труда и возможностей самореализации.

Рабочих характеризует высокий уровень потенциальной активности, выражающийся в готовности к переменам, принятии нового на производстве. Между тем, рабочие характеризуются формальной пассивностью, которая выражается в отсутствии активных действий. У русских (тем более рабочих) с богатым опытом взаимодействия с внешней разрегулированной средой преобладает ориентация на поддержание и фиксацию состояния текущей стабильности, что и характеризует их как пассивных агентов взаимодействия.

Минимизировать это ощущение может индивидуалистическая культура, а именно – осознание собственной важности и значимости. Поэтому вследствие развития индивидуалистических отношений, ценностей в труде все же присутствуют коллективистские ценности.

1. Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда», Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO
2. Огородов А.С., Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017; Том 17, № 1. С. 83-95. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95>
3. Кох И.А., Орлов В.А. Профессионально-трудовая социализация молодежи в реформируемом обществе // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 109-122
4. Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторопин С.А. Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе // Вопросы управления. 2017. № 4 (47). С. 70-78.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

*Панова Екатерина Александровна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Управление персоналом как функция и неотъемлемая часть деятельности любого руководителя возникла одновременно с появлением разделения труда на управляющих и подчинённых. По мере эволюции менеджерских отношений совершенствовались используемые в практике управления кадровые методы и технологии. В XX-м веке в управлении персоналом наметились тенденции активной имплементации в него научного подхода, научных разработок и достижений. Это позволило вывести функцию управления персоналом на новый качественный уровень, реализуя её как эффективный организационный тактический и стратегический инструментарий.

Основные характеристики методов и подходов управления персоналом во многом определяются сложившимся в обществе в тот или иной временной период типом социально-экономических отношений. Текущее состояние общества и экономики а, как следствие, особенностей менеджмента в целом и управления персоналом в частности, характеризуется акцентированным вниманием к теме возможности развития уровня и степени цифровизации кадровых процессов и процедур. Автоматизированные системы анализа резюме, роботизация процесса предварительного собеседования, искусственный интеллект в оценке компетенций работников – эти и другие подобные явления стали укоренившейся практикой кадровых политик всё возрастающего числа современных компаний.

Сегодня поле цифровых трансформаций в кадровом менеджменте не лимитируется только областью подбора и оценки персонала. Широкое распространение получают программы интерактивного он-лайн и цифрового обучения. Методы мотивации персонала также «выходят» за рамки классических форм и «переходят» в мобильные приложения и корпоративные порталы. Пандемия 2020 года ещё больше усилила развитие информационных технологий, в том числе существенно изменив стиль коммуникаций между руководителями и подчинёнными, «смыв» во многом весь тот налёт офисной статусной важности и элитной недоступности, который присущ многим менеджерам. «Погружение» системы организационного управления в информационное пространство стало не только вызовом и тестом на умение руководителей управлять персоналом на расстоянии, но и выступило драйвером развития неформальных служебных контактов и связей между сотрудниками, которые раньше были разграничены офисными стенами и кабинетами.

Виртуальные команды (формальные и неформальные) – явление, существовавшее в практике управления и ранее. Но их возможности и особенности управления персоналом подобных единиц особенно ярко проявились в ситуации лимитированности территориальной мобильности работников. Управление персоналом не через личные контакты, а посредством информационных технологий ставит перед научным сообществом и представителями практики управления новый вызов – как и насколько эффективно можно адаптировать существующие инструменты и методы управления персоналом к условиям цифрового общества и экономики, цифровой модели менеджмента.

«ЦИФРОВЫЕ» КАЧЕСТВА В ЦЕННОСТНОЙ СЕТИ: СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЦИФРОВЫХ ФОРМАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ

Рассказов Сергей Вениаминович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сморгунов Леонид Владимирович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Лукьянченко Владислав Сергеевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Работа выполнена по гранту РФФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

В рамках формирующегося научного направления «Цифровая социогуманитаристика» важным исследовательским вопросом является междисциплинарный анализ социально-политической природы цифровых технологий и ее влияния на управляемость публичной сферой. Цель данного выступления – раскрыть ценностную основу для построения цифровых форматов государственной управляемости.

Теоретико-методологический базис работы составляет расчет сети ценностей и их корреляционных связей с представляющими интерес показателями политического поведения российских граждан. В основу положена методика П.П. Дерюгина [1], дополненная нами группой цифровых ценностей. Эту новую группу составили качества, условно названные нами как «Алгоритмичный», «Датацентричный», «Кибермен», «Инновационный». Разработанная анкета устанавливалась на онлайн-платформе Google.Форм и была доступна в мае – июне 2020 года. Число респондентов составило 153 человека, преимущественно - молодежь. Тип выборки – стихийная; использовался метод снежного кома.

Сравнение плотностей связей цифровых качеств для положительного эталона с общими ценностями (коммуникационные, деловые, коллективистские, качества «хорошего человека») показывает, что цифровые качества признаются людьми важной составляющей последних. Однако, сопоставление со случаем самооценки вносит важное уточнение в данное утверждение, а именно: «цифра» пока еще не укоренилась в сети ценностей. В дополнение к сказанному, отметим связь цифровых и общих ценностей с цифровой компетентностью (цифровыми навыками).

Новым результатом работы также является выявление статистически значимых связей ценностей со следующими показателями публичного управления: управляемостью населения (на примере выполнения людьми требований COVID-карантина); «цифровой» активностью граждан (частота участия в электронных слушаниях); оценкой респондентами текущего уровня развития механизмов «цифровой» обратной связи от населения к российскому правительству (косвенно: через цифровые навыки и «цифровую» активность).

Полученные знания дают основу для конкретизации требований к цифровым форматам государственной управляемости. Например, имеет место положительное значение коэффициента корреляции между, с одной стороны, степенью удовлетворенности полнотой информации о жизни страны/города на государственных/ муниципальных интернет-сайтах и, с другой, - частотой участия в электронных слушаниях по актуальным вопросам жизни государства/города/района. Дизайн соответствующего формата должен

предусматривать обеспечение участников необходимым объемом актуальной информации, а интерфейс системы – учитывать их возраст и «цифровые» навыки.

В более общем случае, речь может идти о разработке сетевых платформ и сервисов, соответствующих наиболее важным человеческим ценностям или учитывающих их посредством аффордансов. Важно предусмотреть, чтобы используемые для этих целей цифровые технологии обладали необходимыми свойствами (как, например, блокчейн можно рассматривать как институт процедурной справедливости [2]).

1. Дерюгин П.П. *Диагностика социальных сетей в управлении корпорацией: ценностный подход / Корпоративное управление: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. - Гл. 5 (с. 177 – 206).*

2. Сморгун Л. В. *Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018, № 5. - С. 88-99.*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО

Савченко Ирина Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

На сегодняшний день многие люди, в том числе работники государственной службы стараются не отставать от информационного развития общества и создают личные аккаунты в социальных сетях. Стоит учитывать, что для успешного формирования имиджа необходимо ответственно отнестись к наполнению данной страницы [1]. Для государственных служащих важно не только дублировать информацию о деятельности организации, в которой он служит, но и активно освещать личную деятельность, ведь чем ближе госслужащих станет к народу, тем больше доверия он будет вызывать, и как следствие имидж будет формироваться в благоприятном направлении. Для эффективного формирования имиджа через социальные сети, необходимо учитывать следующие рекомендации:

- Непрерывная обратная связь. В настоящий момент, все больше обращений к государственным служащим поступает через социальные сети, нужно стараться давать ответ или направлять в другую организацию каждому из них [2]. Если нет возможности своевременно отвечать общественности, следует уделять проверке наличия обращений, вопросов и отзывов хотя бы 15 минут в день.

- Использование возможностей социальных сетей. Многие социальные сети предлагают пользователям геймифицировать общение. Геймификация - это применение игровых технологий в социальных сетях для подкрепления лояльности к бренду [3]. С помощью повышения охвата и вовлеченности пользователей формирование имиджа государственного служащего будет происходить легче и быстрее.

- Реагирование на негатив. Формирование имиджа во многом зависит от того в каком ключе ведутся обсуждения на личной странице в социальной сети, поэтому стоит соблюдать правила этикета и быть искренними в общении с гражданами. Пользователь нашел время на то, чтобы найти аккаунт и оставить негативный отзыв или жалобу, исходя из этого необходимо дать понять общественности, что вы слышите свою аудиторию и готовы активно решать ее проблемы.

- Избегание официального тона. Общественность ждет достоверную и искреннюю информацию, которая предоставляется доступным для них способом. Стоит избегать некоторых фраз, которые пользователи считают неинформативными или могут вызвать негативный отклик [4].

- Озвучивание проблем. На имидж может повлиять даже самая незначительная негативная информация, поэтому необходимо освещать проблемные аспекты своей деятельности и признавать свои ошибки, ведь так или иначе правда может всплыть и лучше, чтобы такая информация доводилась до пользователей от первого источника.

- Поддержание интереса. Обезличенная информация вызывает меньший интерес у читающих, поэтому следует разбавлять сухой официальный контент, например, рассказывать о том, каким спортом занимаетесь, сколько лещей поймали на рыбалке, какой фильм посмотрели на выходных или за кого болели на чемпионате.

Разумеется, не у каждого будет хватать времени или навыков для реализации контента в личном аккаунте, в таком случае можно нанять отдельного человека, который смог бы реализовать эту деятельность в полной мере.

1. Ганьшина Е.Ю., Смирнова И.Л., Иванова С.П. Факторы цифровизации в обеспечении устойчивого развития организаций // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 2 (110). С. 5-12.

2. Нерекин К.С., Какадий И.И. Система защиты информации в государственных организациях // Научный журнал Дискурс. 2017. № 4 (6). С. 81-89.

3. Николаева А.А., Павлова Т.С. Специфика формирования инновационного трудового потенциала в современной организации // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3 (29). С. 59-64.

4. Сергеева Т.А., Савченко И.А. Проблема имиджа государственных служащих в России // Вестник университета. 2020. № 5. С. 32-40.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Сибирев Владислав Владимирович
(СЗИУ РАНХИГС)*

Появление информационных технологий повлияло на все отрасли экономики, в том числе это касается сферы управления коммерческой компании и государством. Появляются новые подходы к управлению, такие как Scrum и Agile, которые направлены на совершенствование проектной работы и в основе, которых лежат следующие принципы: итеративность работы, постоянное обучение, адаптация к изменениям и фокус на желаниях заказчика.

Безусловно, государственное управление предполагает в некоторой степени бюрократизацию всех процессов, что обусловлено огромным количеством задач, которые стоят перед ней, от здравоохранения до обеспечения правопорядка. Огромное количество государственных органов требует в некотором роде централизации управления и формирование четкой иерархии между ними. При этом вряд ли кто будет спорить, что в первую очередь перед государственными органами стоит выполнение социально-экономических функций, призванных повысить качество жизни граждан.

В этих условиях, безусловно информационные технологии призваны в первую очередь облегчить получение государственных услуг населением и усовершенствовать внутренние управленческие процедуры в органах власти, это касается в том числе и

взаимодействие друг с другом. Цифровизация государственного управления должна быть в первую очередь направлена на повышение его результативности. При этом процедура проведения цифровизации обладает зависимостью от учета при ее проведении и реализации универсальных требований к управлению по результатам.

В этом направлении работа со стороны государства ведется, а именно [1]:

- созданы многофункциональные центры (МФЦ) и Единый портал государственных услуг (начал работать в 2009 году);
- формирование системы межведомственного электронного взаимодействия;
- развитие базовых государственных информационных ресурсов (национальных баз данных);
- предоставление общих сервисов.

При этом законодательно мероприятия по цифровизации государственного управления закреплены в федеральном проекте «Цифровое государственное управление», которое включено в состав национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Сроки реализации проекта 2018 – 2024 годы. Данный федеральный проект предполагает реализацию следующих задач:

Среди ключевых показателей, которые планируется достигнуть к 2024 году [3]:

- государственные (муниципальные) услуги преимущественно должны предоставляться онлайн, должны действовать 25 цифровых «супер-сервисов» по жизненным ситуациям;
- 90% внутри - и межведомственного юридически значимого электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений должно быть автоматизированным;
- 60% граждан должны иметь цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью;
- доля электронного документооборота между органами государственной власти России и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в общем объеме документооборота должно составлять 90 %.

Если анализировать зарубежный опыт по цифровизации государственного управления, то здесь необходимо учитывать экономическую составляющую проводимых процедур [1, с. 45]:

- с целью обоснования перехода на электронное правительство необходимо четко рассчитать фактические транзакционные издержки;
- произвести технологическую оценку бизнес-кейсов, а именно должно произойти сокращение издержек на исполнение государственных функций, для реализации которых внедряются информационные технологии.

При этом государствам необходимо с помощью законодательных актов снять ряд правовых, экономических, технологических, организационных и инфраструктурных ограничений цифровизации государственного управления. Без этого невозможно эффективное развитие данного направления.

При этом процесс цифровизации предполагает анализ рисков от внедрения информационных технологий в государственное управление [4, с. 85]:

- потеря управляемости в критических сферах государственного управления;
- несанкционированное использование персональных данных;
- возможность нарушений прав человека при автоматизированном принятии управленческих решений;

– организационные риски, в том числе сопротивление органов власти переходу от ведомственной информатизации к платформенным решениям.

Но в целом можно утверждать, что эффект от внедрения цифровых технологий должен в первую очередь привести к сокращению вмешательства государства в социально-экономические процессы, повышения качества жизни граждан, а также к повышению результативности и эффективности государственного управления.

Всемирный банк. 2016. Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. – URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf> (дата обращения: 19.09.2020).

Добролюбова, Е. И., Южаков, В. Н., Ефремов, А. А., Клочкова, Е. Н., Талапина, Э. В., Старцев, Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, Е. Н. Клочкова, Э. В. Талапина, Я. Ю. Старцев. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 114 с.

Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 25.09.2020).

Косоруков А.А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. – 2017. – № 4. – С. 81–96

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Трофимова Ирина
(ФНИСЦ РАН)

Согласно экспертным прогнозам, цифровизация экономики России может способствовать увеличению ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн. руб., что составит от 19 до 34% общего ожидаемого роста ВВП [4, 8]. Для реализации этих возможностей в 2018 г. была принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», а с 2020 г. цифровая трансформация определена как национальная цель развития страны [2]. Составной частью Национальной программы является Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», который устанавливает целевые значения по доле россиян, обладающих цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики: от 30% населения в 2020 г. и до 40% в 2024 г. по завершении проекта. Предпосылками для достижения этих показателей можно считать увеличение числа интернет-пользователей, рост спроса на цифровые продукты и услуги, цифровизация производственных и управленческих процессов, быстрое развитие ИКТ-отрасли. Так, удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, вырос с 48% в 2010 г. до 77% в 2018 г., доля взрослого населения, использующего интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, составила 75%, для заказа товаров и услуг – 35% [1, 13-14].

Трудностями могут стать региональные и территориальные различия, социальные неравенства, диспропорции экономического развития, которые обуславливают неравномерную адаптацию общества к цифровой реальности. Постоянное обновление технологий, концентрация инновационных производств, конкуренция знаний и компетенций определяют рост цифрового неравенства. Цифровая дискриминация на рынке труда вполне может стать частью «новой реальности», поскольку большинство компаний, в том числе российских, предпочитают нанимать новых сотрудников с соответствующим

уровнем цифровых навыков, чем организовывать обучение имеющегося персонала [6, 92-93].

В целом, консенсус по поводу того, насколько существенно влияние цифровизации на экономику, какой вклад в рост ВВП она может дать, возможны ли мультипликативные и кросс-отраслевые эффекты, еще не выработан [5, 5]. Степень оптимизма/пессимизма в этих вопросах зависит от того, как оценивается разрыв между существующей технологической базой и технологическим фронтиром, позволяющим использовать преимущества передовых разработок.

1. *Индикаторы цифровой экономики: 2019.* / Г. Абдрахманова, К. Вишневецкий, Л. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.
2. *Указ о национальных целях развития России до 2030 года.* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата просмотра: 5.10.2020)
3. *Цифровая грамотность россиян: исследование 2020.* М.: НАФИ, 2020. 7 с.
4. *Цифровая Россия: Новая реальность.* М.: Мак-Кинзи, 2017. 132 с.
5. *Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса.* М.: ВШЭ, 2019. 121 с.
6. *The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution.* Geneva: WEF, 2018. 135 p.

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ НЕПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОВЫШЕНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Файзуллин Ильгиз Фанилевич
(Институт стратегических исследований Республики Башкортостан)

Файзуллин Фаниль Саитович
(Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН)

Аннотация. В статье определяются роль и значение сокращения скрытой безработицы в преодолении бедности работающего населения. Скрытая безработица рассматривается как состояние рабочей силы формально занятой, но не настолько полно и эффективно используемого населения трудоспособного возраста. На основе статистических материалов определяется структура скрытой безработицы, её особенности в Республике Башкортостан, и её влияние на бедность работающей части трудоспособного населения. Обосновывается необходимость разработки долгосрочной экономической программы и плана регулирования безработицы с учётом специфики скрытой безработицы и соответственно сокращение удельного веса бедных слоёв внутри занятого населения.

Ключевые слова: Занятость населения, неполная занятость населения, безработица, открытая и закрытая безработица, регулирование безработицы, экономическая политика.

Annotation. The article defines the role and significance of reducing hidden unemployment in overcoming the poverty of the working population. Hidden unemployment is considered as the state of the labor force formally employed, but not so fully and effectively used by the working-age population. Based on statistical data, the structure of hidden unemployment, its features in the Republic of Bashkortostan, and its impact on the poverty of the working part of the working population are determined. The author substantiates the need to develop a long-term economic program and plan for regulating unemployment, taking into account the specifics of hidden unemployment and, accordingly, reducing the proportion of the poor within the employed population.

Keywords: Employment, underemployment, unemployment, open and closed unemployment, unemployment regulation, economic policy.

Неполная занятость населения, являющееся основным компонентом скрытой безработицы в условиях современного общества стало одним из существенных факторов бедности работающего населения. Поэтому решение проблем обеспечения полной занятостью работающих стало одним из актуальных вопросов. Политика регулирования безработицы сегодня требует новых подходов, учитывающих современные особенности этого феномена. В настоящее время нет программ, в которых осуществляется дифференцированный анализ открытых и скрытых форм безработицы, как на уровне страны, так и её регионов. Это в свою очередь мешает конкретизации в социальных программах основных направлений сокращения бедности, в состоянии которой в 2019 году находилось 19% населения России.

О сущности понятия открытой и скрытой форм безработицы высказаны различные точки зрения [1, с.34]. Некоторые считают, что открытая безработица – это часть безработицы, обязательно регистрируемая в службах занятости. Нам представляется более точным ее определение сделанное Павленковым В.А., который пишет: «...к открытой безработице нужно относить ту ее часть, которая охватывает постоянно и частично безработных, находящихся в поисках постоянной полной занятости и образующих основную часть циркулирующего, открытого рынка рабочей силы, независимо от степени учета официальными органами занятости и статистики его масштабов, структуры и продолжительности безработицы» [2,76]. В существующей отечественной литературе по-разному трактуется и содержание категории «скрытая безработица». Одни исследователи утверждают, что она отражает неполную занятость, другие – сумму избыточной и неполной занятости, третьи – отождествляют с избыточной занятостью. Более полно раскрывает, на наш взгляд, сущность скрытой безработицы определение, данное В.И. Плакся, утверждающий, что нужно «...трактовать скрытую безработицу как состояние формально занятой, но не полно и не эффективно используемой рабочей силы. [3, с.21]

Основными составляющими скрытой безработицы являются:

- 1) Больше чем необходимые количества работающих на предприятиях и в организациях, которые не выполняют работу в полном объеме, однако, получают зарплату полностью;
- 2) Наличие занятых неполное рабочее время и соответственно получающие низкую заработную плату за свой труд;
- 3) Оформление административных отпусков с частичным сохранением или вообще без сохранения заработной платы;
- 4) Направление на отпуск определённой части работающих на более длительный срок, сохраняя при этом минимальную заработную плату;
- 5) Увеличение различных простоев, которые устранимы путём повышения эффективности научной организации труда.

Таким образом, понятия скрытая безработица и неполная занятость населения в основном совпадают.

Явление скрытой безработицы связано с экономической политикой, которая в нашей стране сводилась к попытке предотвращения единовременного выброса излишней рабочей силы из сферы занятости. Кроме того, в условиях хронического дефицита финансовых ресурсов предприятия оказались не в состоянии выплачивать выходные пособия, что привело к консервации неэффективных рабочих мест и сохранению неизменной

численности персонала. Сравнительно низкие показатели безработицы в настоящее время в стране связаны наличием огромного количества работников с неполной занятостью.

Скрытая безработица стала развиваться быстрыми темпами в условиях перехода к рыночной экономике, когда первая попытка проведения жесткой кредитно-денежной политики привела к резкому усилению финансового давления на предприятия. Тогда сокращение вакансий перестало быть источником экономики фонда оплаты труда, предприятия перешли к практике использования режимов неполной занятости и неоплачиваемых отпусков. Оценить масштабы скрытой безработицы трудно. Разброс цифр, которыми оперируют разные ведомства, очень велик и, уже поэтому, сами эти цифры в известной мере вызывают сомнение в их достоверности.

По данным Росстат в 2018 году численность работников организаций, работавших неполное рабочее время в целом составляла 11%. Из них 8% к списочной численности находились в отпуске без сохранения заработной платы, но по заявлению работников. 2,3% работали неполное рабочее время, по соглашению с работодателем, 0,5% были в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от него, 0,2 % по инициативе работодателя [4, с.77]. Больше всего неполная занятость в сфере обрабатывающей промышленности - 21,2% (к списочной численности), в строительстве – 18,6%, сельского и лесного хозяйства – 10,7%, гостиничного бизнеса и общепита – 29,8%, научно-технических исследовательских организаций – 21,1%.

В связи с распространением коронавируса, по данным полученным министерством труда и занятости к этим показателям добавились ещё 1,5 млн. работников, направленных в простой, 1,3 млн. занятых неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, около 280 тысяч работников отправлены в неоплачиваемый отпуск. О состоянии скрытой безработицы в Республике Башкортостан свидетельствуют данные Башстата [5], о том что 11% работников находились в режиме неполной занятости в 2018 году. Что составляет 88,8 тыс. человек (Статистическим наблюдением было охвачено 802,0 тыс. человек). Неполное рабочее время по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем работали 10,1 тыс. человек (1,3% к списочной численности). В простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, находились 4,3 тыс. человек (0,5% к списочной численности работников). Отпуск без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника был предоставлен 74,4 тыс. человек (9,3% к списочной численности)[2]. Начиная с 2000 годов в сфере неполной занятости населения наблюдается следующая тенденция - прослеживается сокращение удельного веса численности трудящихся, работающих неполное рабочее время по инициативе администрации. Если этот показатель в 2000 г. составлял 4,5 %, то к концу 2004 г. снизился до 2,5 % то в 2018 году он составляет 1,3%. Но вместе с тем увеличилось число работников, находящихся в отпусках по инициативе администрации с 5,5% в 2000 году и до 9,3% в 2018 году.

В режиме неполной занятости в начале 2020 года в Башкортостане работало 88,8 тысяч человек. При этом 17,1 тыс. человек были заняты неполное рабочее время по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем, что составляет 2,1 % от списочной численности работников. 4.9 тысяч человек, то есть 0,6% находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от обеих сторон субъектов трудового процесса. 66,0 тысяч работников, что составляет 8,2 % от общей численности работающих, был предоставлен отпуск без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника. В общей сложности таким образом, в начале 2020 года в Республике в состоянии неполной занятости находилось 16,1% работающего населения.

По сравнению с 2018 годом в 2020 году существенные изменения в широте охвата работающего населения с таким явлением как неполная занятость не произошли. Здесь лишь имеются некоторые сдвиги в структуре неполной занятости [6].

Следует отметить, что показатели неполной занятости работников существенно отличаются на предприятиях и организациях различных отраслей экономики. Наибольший удельный вес людей, работающих неполное рабочее время по инициативе администрации на предприятиях и организациях, занимающихся заготовками, металлообработкой, в легкой промышленности. Так в начале 2020 года 22,5% работающих в обрабатывающей промышленности в Башкортостане были не полностью занятыми, в строительстве - 23,4%, среди занимающихся профессионально научно-технической деятельностью – 11,1%, в сельском и лесном хозяйстве - 10,9%, в сфере транспортировки и хранения 12,7%, в то время когда этот показатель составлял в сфере обеспечения электроэнергией и газом – 2,6%, в области информации и связи 5,2%, в системе государственного управления и силовых структур – 1,9%. Следует отметить, что предприятия с неполной занятостью преимущественно являются нерентабельными, либо низкорентабельными, оснащены устаревшим оборудованием и технологией, государство поддерживает их из за потребности обеспечения местом работы некоторого количества населения.

В странах с рыночной экономикой положение частично безработных, как правило, находит отражение в законодательстве. Для них установлены определенные трудовые и социальные гарантии. Работающие, неполное рабочее время, имеют ряд льгот. Некоторые из них носят общий характер, например, отмена налогового бремени. У других - льготы носят адресный характер, они имеют, прежде всего, отношение к ветеранам, людям семейным, учащимся и инвалидам. Работодатели лишены права самостоятельно, без согласования с местными властями решать вопрос о переходе на сокращенное рабочее время. План сокращения рабочих часов должен быть обязательно одобрен местными властями. Следовало нам этот опыт учесть при разработке политики управления занятостью населения.

В большинстве индустриально развитых стран наблюдения за уровнем безработицы ведутся посредством регулярных выборочных опросов трудоспособного населения, наши службы занятости не располагают сетью подобных исследовательских центров и предоставляют статус безработного только обратившимся при наличии полного набора необходимых документов. В нашей стране скрытая безработица, прежде всего, характеризуется отсутствием официального статуса безработного и по инициативе администрации, запрещение и изменение установленного законом продолжительности рабочего времени. К сожалению, в России нет единой системы регулярного изучения материального состояния работников, которые находятся в состоянии неполной занятости. Это существенно затрудняет возможности разработки программ сокращения социальной группы работающих бедных.

Скрытая безработица – явление сложное, имеющее свои плюсы и минусы с позиций работодателя и работника. К положительным моментам для работодателя можно отнести сохранение работников без выплаты зарплаты (в случае отпусков без содержания) или выплаты только ее части (при неполной рабочей неделе), что позволяет маневрировать персоналом. Для работника хорошо то, что сохраняется непрерывный стаж работы и то, что он считается работником предприятия независимо от того, работает он фактически на предприятии или нет. Отрицательным моментом для работодателя является угроза потери специалистов, не согласованных со статусом скрытых безработных, и, как следствие потеря наработанного опыта, возможность утечки конфиденциальной информации. Самым

отрицательным последствием «скрытой безработицы», неполной занятости для работников является сокращение средств к существованию, увеличения уровня их бедности. На первый взгляд, складывается впечатление будто работники при неполной занятости как бы трудоустроены и получают некоторую, хотя в большинстве случаев мизерную заработную плату, если они не находятся в неоплачиваемом отпуске. Но это явление в настоящее время в нашей стране стало существенным фактором расширения бедности работающего населения. К этому следует добавить, что людям приходится менять привычный ритм жизни, работать в отрицательном психологическом климате, нести затраты времени и средств на вынужденное переобучение с целью приобретения новых навыков и знаний, которые могут и не дать результатов. Следует согласиться с мнением, что часть скрытых безработных крайне нежелательна как работодателю, так и наемному работнику. Часть скрытых безработных, нашедших временную работу на стороне, уже не вернется на прежние места работы, что в недалеком будущем приведет к дополнительным трудностям, особенно в сфере товарного производства [7, с.123].

Необходимо особо подчеркнуть, что скрытая безработица представляет собой «бомбу замедленного действия», она в любой момент может обвалиться и выплеснуться в открытую и создать в стране экстремальную социальную напряженность и резко усилить протестные настроения среди различных слоев населения. В связи с этим необходимо создать специальные центры по изучению скрытых форм безработицы, основной формой которой является неполная занятость работающего населения, и разработать долгосрочную стратегическую программу и план решения проблем, имеющихся в этой области с максимальным учётом всех её форм и особенностей. Социальная программа сокращения скрытой безработицы должна разрабатываться на всех уровнях: на уровне страны, регионов, муниципалитетов, отраслей и конкретных предприятий.

1. Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. *Безработица и её регулирование*. Уфа, РИО РУНМЦ, 2006. -135 с.
2. Павленков В.А. *Рынок труда. Занятость. Безработица*. –М.: Изд-во МГУ, 2004. –278 с.
3. Плакся В.Н. *Безработица: теория и современная российская практика*. -М.: Изд-во РАРС, 2004. -384с.
4. *Труд и Занятость в России. Статсборник*. -М., 2019. -135с.
5. Федеральная служба государственной статистики по Республике Башкортостан. <https://bashstat.gks.ru/folder/261376>.
6. Федеральная служба государственной статистики России. https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1
7. Амонский Н.З., Вейхер А.А. *Региональное управление трудовыми ресурсами: пути совершенствования*. – СП-б.: Лениздат, 2008. -С.205

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННЫМИ РИСКАМИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Швыряев Павел Сергеевич
(Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова)

В исследовании предпринята попытка обосновать необходимость системного подхода к управлению информационными рисками в постиндустриальных организациях.

По мнению автора, международные и национальные стандарты и предписания в области информационной безопасности не обеспечивают в полной мере и на должном уровне защищенности информационной системы организации. На смену преобладающим

законам и нормам государства и профильных учреждений главенствующие роль должны занять социальный контроль и общественные санкции в рамках системной модели управления информационными рисками. Такая модель включает в себя три базовых составляющих:

1. Образование и цифровая грамотность населения.
2. Социальные движения.
3. Социальный контроль и общественные санкции.

Кратко рассмотрим каждую составляющую.

В условиях постиндустриальной экономики изменение структуры национального богатства в сторону увеличения доли не вещественных элементов (научных достижений, уровня образования населения и качества здравоохранения) приобрело первостепенное значение для обеспечения устойчивого развития [1]. В информационном обществе на ведущее место выходит цифровая грамотность как одна из базовых компетенций современного индивида. Цифровая грамотность включает в себя: цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность [2]. Данный набор цифровых компетенций позволяет индивиду, например, здраво анализировать происходящие в цифровой среде события и принимать на основе этого взвешенные и обдуманые решения, использовать только безопасные и проверенные устройства и каналы связи, вести деятельность в социальных сетях в соответствии с нормами сетевого этикета.

Вторая составляющая модели – различные социальные движения и группы интересов. Под социальными движениями будем иметь в виду деятельность различных социальных групп, которая направлена на поддержание и стабильное развитие личности, организаций и всего общества в цифровой сфере. В качестве яркого примера можно привести этичный хакинг.

Третья составляющая - контроль со стороны общества. Организация в лице ее руководства должна всегда осознавать свою ответственность перед обществом при проведении своей информационной политики, внедрении новых ИТ-процессов или изменении существующих. Такая ответственность возможна, по мнению автора, исключительно в демократических условиях, где развито гражданское общество и общественные институты. В таком обществе к организациям предъявляются определенные общественные требования касательно проводимой ими внутренней и внешней цифровой политики, и, в случае отклонения от нее, накладываются определенные санкции как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества.

По мнению автора, в наибольшей степени к данной модели управления цифровой политикой близки западные страны, такие как США, Великобритания, Германия и др. Россия, ввиду несовершенства законодательства и недостаточной развитости гражданского общества, находится на текущий момент на начальных этапах перехода к данной модели.

1. Семеко Г. В. *Образование как фактор экономического роста* // ЭСПР. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta-1> (дата обращения: 07.10.2020).
2. Берман Н.Д. *К вопросу о цифровой грамотности* // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovoy-gramotnosti> (дата обращения: 07.10.2020).

СЕКЦИЯ 5. ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ И ЭКОНОМИКЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ МИНИМИЗАЦИИ РИСКА БЕДНОСТИ

*Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет)*

*Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31435.

Риск попасть в категорию бедных в результате пандемии повысился для всех слоев населения, в том числе молодежи как одной из наиболее уязвимых групп на рынке труда. Современные молодые люди испытывают постоянное напряжение и боязнь возможных негативных изменений, что в свою очередь приводит к недоверию к существующим экономическим и политическим институтам. Социальный проект современного общества носит в какой-то степени защитный и негативный характер: ключевой ценностью стала безопасность, тогда как ранее нормативным идеалом было равенство.

В структуре социальных страхов населения происходит взаимоподкрепление кризиса этих двух базовых ценностей: на первом месте находятся опасения роста социальной несправедливости (68% среди россиян, 58% среди молодежи до 24 лет), на втором – страх снижения доходов (63% и 61% соответственно) [1].

Исследователи цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в экономику полагают, что риски связаны не только с ожидаемой безработицей, но и с уже начавшимся ростом неравенства и исключением граждан из экономики: по уровню компетенций, по возрасту и т. д. В итоге речь идет об ограниченности инклюзивного роста, когда блага будут распределяться все более неравномерно среди жителей. [2]

Недоверие и страхи побуждают молодежь вырабатывать защитные механизмы, направленные на снижение риска утраты своего положения. О. Н. Яницкий разработал концепцию «общества всеобщего риска», в котором нет согласованного проекта будущего, а мир представляется гражданам потенциально опасным. Озабоченность личной безопасностью отягощается страхом потерять накопленное или ранее приобретенное. Выход из этой ситуации видится О.Н.Яницкому в интенсификации социокультурной рефлексии, то есть постоянного критического осмысления меняющейся ситуации и возникновения новых социальных акторов и институтов в ответ на «вызовы» общества риска. [3]

Одним из результатов такой рефлексии выступает выбор молодежью стратегий экономического поведения, обеспечивающих преодоление страха обнищания. Стратегии, направленные на минимизацию риска бедности, можно определить как комплекс действий, направленных на сохранение и улучшение материального положения индивида на основе имеющихся ресурсов в ситуации нестабильности и неопределенности. Прежде всего, эти стратегии включают практики экономии, сберегательного и трудового поведения, а также планирования жизни.

Успешное социально-экономическое развитие молодежи, преодоление катастрофического сознания и социальных страхов во многом связано с выработкой активных эффективных стратегий, направленных на улучшение материального положения на основе личностных качеств и имеющихся ресурсов.

1. Карта страхов россиян: осень 2019 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9999> (дата обращения: 08.10.2020)
2. Земцов С. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. – 2017. – №7. – С. 1–16. – DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-142-157.
3. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 2. – С. 85–98.

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ, ОСНОВАННАЯ НА ДОВЕРИИ?

Амбарова Полина Анатольевна
(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Ермолаева Светлана Георгиевна
(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158

Одним из источников возникновения недоверия в российской высшей школе выступает политика в сфере высшего образования и способ ее реализации на вузовском уровне. Цель настоящей публикации – обосновать направления корректировки государственной политики в области высшего образования для создания оптимальных условий для формирования в нем отношений доверия.

Современная образовательная политика в высшем образовании по своей идеологической направленности базируется на принципах капитализма и тейлоризма [1, 6–7]. Академический капитализм и менеджериализм исключают мобилизацию доверия как ресурса управления, поскольку априори строятся на недоверии руководителя к добросовестности и самомотивированности исполнителя и взаимном недоверии исполнителя к ответственности и добрым намерениям руководства.

Исходя из этого, первым условием «возвращения» доверия в высшую школу становится изменение типа образовательной политики – с академического капитализма и менеджериализма на социально ответственную политику, базирующуюся на принципах гипер-менеджериализма. Дж. Мейер определил гипер-менеджериализм как особый тип управленческой политики, основанной на лидерстве и «soft skills», а не императивной управленческой власти [2, 129].

Нарастающая бюрократизация управления в высшей школе деструктивно влияет на различные стороны доверительных отношений [3]. Очень остро преподаватели и студенты воспринимают формализацию управленческого контроля, особенно в тех сферах академической жизни, которые всегда базировались на саморегулировании и самоконтроле.

Соответственно, вторым направлением трансформации образовательной политики в высшем образовании, должно быть снижение бюрократического «бремени».

Дебюрократизация будет способствовать восстановлению уважения к академическим традициям и их носителям.

Естественной средой, в которой вызревает и сохраняется доверие в высшей школе, является открытое коммуникативное пространство. Сегодня это пространство разорвано, мозаично, непрозрачно, конфликтно, наполнено имитационными практиками, манипулятивными технологиями с опорой на страхи.

Изменение характера коммуникаций в высшем образовании – третье важнейшее направление корректировки образовательной политики. Оно включает обеспечение транспарентности коммуникаций в высшей школе на всех уровнях управления ею, создание условий для горизонтальных отношений между менеджментом и академическим сообществом, развитие практик неформальных коммуникаций, ориентированных на авторитет знания, научную репутацию и другие ценности традиционной академической культуры.

1. Ушаков К.М. Зачем мы работаем // Журнал руководителя управления образованием. 2012. № 1. С. 6–9.
2. Interview with John W. Meyer: «If you study organizations you should not believe in them» (interviewed by Elena Gudova) // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 127–139.
3. Шаброва Н.В. Доверие и бюрократизация в вузах // Вестник СурГПУ. 2019. № 5. С. 224–232.

ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ТРУДА.

*Астахов Александр Михайлович
(ООО "Агентство информационно - социологических технологий")*

В ближайшие годы сферу труда России ждут значительные изменения. По данным экспертов, исследователей, значительная часть профессий перестанет существовать. Следствием данных процессов станет то, что миллионы россиян будут вынуждены приспосабливаться к изменившимся условиям.

Одним из основных способов преодоления потенциального кризиса является развитие малого и микробизнеса. В случае недостаточно активного привлечения этого ресурса, основная нагрузка ляжет на государство, что, учитывая масштабность явления, приведет к увеличению нагрузки на бюджет, уменьшению конкурентоспособности экономики на международных рынках, и как следствие нарастанию социальных проблем, обострению внутренних противоречий.

При этом, учитывая остроту и скорость развития процесса, данный путь становится не просто способом активизировать развитие экономики, но и позволит обеспечить её выживание.

Ситуация с развитием малого бизнеса остаётся сложной. Существуют объективные проблемы, мешающие его развитию: такие как нехватка денежных средств, высокие налоги и т. д. [1]. Вместе с тем, данные проблемы являются симптомами, следствием общей неготовности экономической, политической и институциональной структуры России к значительному росту малого бизнеса.

На сегодняшний день, государство предпринимает попытки решить проблему. Выбранный подход можно обозначить как эволюционный, основанный на внедрении малого бизнес в устоявшиеся структуры экономической, политической подсистемы,

бюрократического аппарата. Обоснованность данного выбора вызывает серьезные опасения поскольку: 1. проводимая политика не приводит к ощутимым результатам (учитывая специфику 2020 года); 2. основывается на устоявшейся системе, которая не способствует развитию и существованию малого бизнеса; 3. вызывает сомнения потенциальная возможность подобного включения; 4. ожидаемая скорость развития (в случае успешного осуществления) отстаёт от требований времени.

В период резко меняющихся условий, российская экономическая система, в целом, и рынок труда в частности, оказывается в ситуации неготовности к этим изменениям. Вызовы новой эпохи требуют быстрого и эффективного ответа, при этом, предложенные и осуществляемые меры вызывают сомнения в их эффективности и соответствия стоящей проблеме. В итоге экономика России может оказаться в ситуации, когда необходимые для развития ресурсы используются не для развития, а для поддержания устоявшихся, исторически обусловленных, но устаревших форм и типов взаимодействия.

1. Подведены итоги первого года реализации нацпроекта по поддержке малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] Режим доступа: https://finance.rambler.ru/other/43332594/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 06.10.2020).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЯ К БЛИЖАЙШЕМУ ГОЛОСОВАНИЮ

*Басимов Михаил Михайлович
(Российский государственный социальный университет)*

Басимова Полина Михайловна

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов была решена задача множественного сравнения (метод [1-3], апробация [4-7 и др.]) групп по политическим предпочтениям в рамках интервальных шкал шести личностных методик.

В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по пяти невырожденным номинальным группам респондентов, сформированным по предполагаемому действию респондентов, если им придется участвовать в следующем голосовании. Эти группы определяли результаты ответов на следующий вопрос социологической анкеты: «Если Вы примете участие в голосовании, то»:

G14-01. Проголосуете как в прошлый раз.

G14-02. Проголосуете из протеста за другую партию.

G14-03. Осознанно измените свои предпочтения.

G14-04. Проголосуете спонтанно.

G14-05. Осознанно проголосуете (при голосовании впервые).

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Для примера рассмотрим результаты наиболее яркой из пяти групп. Группа G14-02, респонденты которой в случае принятия участия в голосовании, проголосуют из протеста за другую партию (6 респондентов), оказалась группой с самыми экстремально выраженными личностными качествами.

По шкалам методики Кеттелла представители группы характеризуются развитым воображением (фактор М), что определяется значительной положительной сравнительной весомостью (+2062) по шкале «Практичность – развитое воображение», а также подверженностью чувствам (фактор G), что определяется значительной отрицательной сравнительной весомостью (-3520) по шкале «Подверженность чувствам – высокая нормативность поведения».

В рамках методики Лири группа положительно экстремальна по шкале «Зависимый тип», со сравнительной весомостью (+6753).

Но особенно ярко характеризует ее пятифакторная модель личности, в рамках которой можно отметить 6 шкал. Представителей группы можно охарактеризовать как пассивных (сравнительная весомость по шкале «Активность – пассивность» равна +7161); подчиняемых (сравнительная весомость по шкале «Доминирование – подчиненность» равна +6919); неаккуратных (сравнительная весомость по шкале «Аккуратность – неаккуратность» равна +6261; неответственных (сравнительная весомость по шкале «Ответственность – отсутствие ответственности» равна +6193); консервативных (сравнительная весомость по шкале «Любопытство – консерватизм» равна +5180); ненастойчивых (сравнительная весомость по шкале «Настойчивость – отсутствие настойчивости» равна +5017).

В рамках опросника DSM со знаком плюс, т.е. что свойственно представителям группы, можно отметить альтруистический тип с вероятным для этого типа расстройством «самоуничужение» (сравнительная весомость равна +2254), а со знаком минус, что явно несвойственно группе, бдительный тип с вероятным для этого типа расстройством «параноидальный» (сравнительная весомость равна -2620).

По результатам представленной информации можно говорить, что отношение респондентов к ближайшему голосованию во многом определяется их психологическим своеобразием.

1. Басимов М.М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография.* Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>
2. М.М. Basimov *Methods of multiple comparison in psychological research* // *Ponte. International Scientific Researches Journal.* Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.
3. Basimov М.М. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods).* Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
4. Basimov М.М. *Multiple comparison in sociology of family* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 684.
5. Basimov М.М. *Multiple comparison in sociology of profession* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 906.
6. Basimov М.М. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent* // *Russian sociology in the period of crisis, critique and changes* / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.
7. Basimov М. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers)* // *(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov.* Moscow: RSS, 2017. – P. 7–28.

http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ КАК АТРИБУТ ЦИФРОВОГО МИРА

*Вавилова Юлия Александровна
(НГТУ)*

Аннотация: Цифровое доверие – это новое явление в эпоху цифровых технологий. В статье исследуются проблемы цифрового доверия к цифровым институтам, технологиям и цифровым платформам. Цифровое доверие рассматривается как уверенность пользователей в способности цифровых институтов, предприятий, организаций, технологий и процессов создать безопасный цифровой мир и измеряется степенью уверенности потребителей, партнеров и сотрудников в способности организации защитить личные данные и конфиденциальность цифровых потребителей. Составляющими элементами цифрового доверия являются: безопасность, конфиденциальность, надежность, этичность отношений между поставщиками и потребителями при предоставлении цифровых услуг.

Ключевые слова: цифровое доверие, цифровая среда доверия, кибербезопасность, риски цифровизации, конфиденциальность информации.

Мир вошел в цифровую экономику, и ее развитие становится стратегической целью для большинства стран мира. Цифровая экономика основана на принципиально новых технологиях: искусственный интеллект, большие данные, «Интернет вещей», квантовая и постквантовая криптография, кремниевая фотоника, технология распределенных реестров и т.д. В России отмеченные тенденции отражены в «Стратегии научно-технологического развития» (Указ Президента РФ от 1.12.2016 № 642) [1], «Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг.» (Указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203) [2], программе «Цифровая экономика РФ». Страны Евразийского экономического совета (2017) утвердили основные направления цифрового развития до 2025 г [3].

Важную роль в развитии цифровой экономики играет доверие. Цифровизация охватывает все сферы жизни, анализ доверия людей к цифровым устройствам, цифровым услугам и стоящим за ними организациям становится все более актуальным. В заявлении министров стран G20 по торговле и цифровой экономике (Япония, 8-9 июня 2019 г.) отмечена задача укрепления доверия к цифровой экономике, что позволит воспользоваться преимуществами цифровизации и противостоять связанным с ней вызовами [4].

Цифровое общество основано на доверии всех заинтересованных сторон, включая правительство, гражданское общество, международные организации, ученых и компании, посредством обмена общими ценностями и принципами, включая равенство, справедливость, прозрачность и ответственность. В то же время по данным Gartner доверие к цифровым институтам снижается, растет обеспокоенность пользователей по вопросам защиты данных и конфиденциальности [5].

«Цифровое доверие» стало предметом исследований. Также используются понятия «единое пространство электронного доверия», «цифровая среда доверия». В англоязычной литературе используются термины: «digital trust» (цифровое доверие) и the digital trust environment (цифровая среда доверия). Среди зарубежных исследований доверия обращают на себя внимание исследования компаний KPMG [6], Accenture [6], Дж. Харлея (JimHurley) [7]. Следует отметить, что большая часть работы по цифровому доверию имеет

практическую направленность, в которых по-разному раскрывается содержание цифрового доверия.

Американские и английские исследователи (Chon Abraham, Ronald R.Sims, Sally Daultrey, Anne Buff, Anne Fealey) определяют доверие как поведенческие и культурные принципы, которые включают конфиденциальность, безопасность, защиту и управление данными [8]. В исследовании Accenture цифровое доверие рассматривается как безопасные и прозрачные отношения и взаимодействие между компанией, ее сотрудниками, партнерами и клиентами [9]. По мнению Дж. Харлея цифровое доверие включает в себя удобство, опыт пользователя, репутацию, прозрачность и целостность [10]. Составители Digital Evolution Index утверждают, что: а) доверие - ключевой фактор, определяющий конкурентоспособность цифровой экономики страны; б) поддержание темпов инновационного развития требует приоритета в повышении уровня доверия к цифровым технологиям [11]. Структура цифрового доверия включает: среда, опыт, отношения и поведение [11].

Обобщая вышесказанное, можно определить цифровое доверие как доверие пользователей к способности цифровых институтов, предприятий, организаций, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир. Составляющими элементами цифрового доверия являются безопасность, конфиденциальность, надежность, этичность отношений между поставщиками и потребителями при предоставлении цифровых услуг. Степень цифрового доверия определяется степенью уверенности потребителей, партнеров и сотрудников в способности организовать защиту персональных данных и конфиденциальности потребителей цифровых услуг.

1. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 [Электронный ресурс]: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. [Электронный ресурс]: № 203 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
3. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/555625953>
4. Осацкая декларация лидеров стран «Группы двадцати» [Электронный ресурс]: <http://www.kremlin.ru/supplement/5425>
5. Computerworld Россия [Электронный ресурс]: <https://www.computerworld.ru/news/V-Gartner-sformulirovali-printsipy-regulirovaniya-tsifrovogo-obschestva>
6. Building digital trust: The role of data ethics in the digital age. Accenture Labs [Электронный ресурс]: <https://nifi.ru/images/FILES/trends>
7. Accenture Technology Vision for Banking. Digital Trust: Erase the trust paradox in banking [Электронный ресурс]: https://www.accenture.com/t20160529t211723_w/us-en/_acnmedia/pdf-20/accenture-banking-tech-vision-digital-trust.pdf
8. Digital Trust –The Foundation of Digital Transformation [Электронный ресурс]: https://www.unisys.com/Style%20Library/Unisys/usi2018/reports/DigitalTrust_TheFoundationofDigitalTransformation.pdf
9. Chon Abraham, Ronald R. Sims, Sally Daultrey, Anne Buff, Anne Fealey. How Digital Trust Drives Culture Change [Электронный ресурс]: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-digital-trust-drives-culture-change>
10. The State of Cyber security and Digital Trust 2016. Identifying Cyber security Gaps to Rethink State of the Art [Электронный ресурс]: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-22/accenture-data-ethics-pov-web.pdf
11. The Digital Evolution Index 2017 [Электронный ресурс]: https://globalrisk.mastercard.com/wpcontent/uploads/2017/07/Mastercard_DigitalTrust_PDFPrint_FINAL_AG.pdf

ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Веселов Юрий Витальевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

*Тезисы представлены при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А
«Доверие в цифровом обществе и экономике»)*

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты доверия как социального института в отношении к экономике и обществу. Обобщаются результаты исследования, проведенного автором в Петербурге в июле 2020 г., эмпирическая база – телефонный опрос населения Петербурга (выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам, N=1032). Рассматриваются вопросы цифрового доверия.

Annotation

The article examines some aspects of trust as a social institution in relation to the economy and society. The results of a study conducted by the author in St. Petersburg in July 2020 are summarized; the empirical base is a telephone survey of the population of St. Petersburg (the sample is representative in terms of the main socio-demographic parameters, N = 1032). Issues of digital trust are considered.

Ключевые слова: доверие, цифровое доверие, экономический рост, социальное благосостояние

Key words: Trust, Digital Trust, Economic Growth, Social Wellbeing

Доверие выступает важным социальным институтом современного общества. Именно в обществе модерна, начиная с XX в. значение религиозной веры уменьшается, а значение секулярного, повседневного «до-верия» возрастает. В досовременных обществах доверие существует как правило в виде личностного доверия (например, в крестьянских сообществах индивид доверяет либо своим родственникам, либо тем, кого он лично знает, ко всем остальным отношение только полного недоверия). В это время доверие еще социальное и личное чувство, а вот с семнадцатого столетия доверие становится все больше рациональной конструкцией. В обществе модерна с развитием городской культуры и индустриальной экономики доверие все больше становится безличным (доверять теперь надо учиться чужим, незнакомым людям, как говорили еще в позапрошлом столетии: «в городе человек человеку – бревно»). Доверие приобретает институциональную форму (то есть становится институтом современного общества). Возникают установленные городским сообществом правила и нормы доверия. Ребенка учат этому, Адам Смит пишет в работе «Теория нравственных чувств», 1759 г., что ребенок рождается с чувством доверия (впоследствии психологи назвали такое врожденное чувство «basic trustfulness» - базовое доверие, это доверие, прежде всего, самому себе, относительной неизменности и постоянству своего «Я» в окружающем мире, доверие устойчивости этого мира по отношению к своему «Я»), а вот семья и школа потом обучают его рациональному недоверию. И доверять теперь учат не столько людям, сколько общественным институтам.

Доверие (как и многие другие социальные институты) приобретает экономический характер и способствует экономическому росту. Каким образом? В новой

институциональной экономической теории (Р.Коуз; О. Уильямсон; Д. Норт) подчеркивается, что доверие сокращает транзакционные издержки (то есть издержки обменов). Доверие институциональное (например, правительству страны) также способствует привлечению внутренних и внешних инвестиций. Доверие межличностное повышает экономическую активность (чем выше доверие, тем больше сделок осуществляется в единицу времени). В рамках социальных взаимодействий доверие принципиально меняет структуру времени, поскольку способствует сокращению социальных издержек (например, кардинально сокращается время ожидания в системе поиска романтических отношений: приложение Tinder, что переводится как «запал», создает 26 млн. пар ежедневно).

В целом доверие как форма социального капитала (то, что может накапливаться и потом использоваться) обеспечивает стабильность в развитии экономики и общества. В конечном счете доверие способствует росту общественного благосостояния. Приведу только один пример: в Китае уровень межличностного доверия составляет около 60% (по оценке World Values Survey, Wave 6: 2010-2014), темпы экономического роста в среднем около 7% в год; в России уровень межличностного доверия - 28%, и темпы экономического роста с 2014 г. не превышают 1%. В России сейчас около 20 млн. граждан живут за чертой бедности, а в Китае за последние 20 лет удалось поднять из уровня крайней бедности 800 млн. чел.

В обществе постмодерна, формой которого является цифровое общество (как, например, и постиндустриальное общество), доверие приобретает цифровой характер. Что такое цифровое доверие? Я определяю цифровое доверие в широком смысле не как какой-либо определенный тип доверия, а просто как доверие (личностное, институциональное, сетевое), которое существует в нашу цифровую эпоху. В узком смысле цифровое доверие - это доверие цифровым системам и технологиям. Например, сетевое доверие в современном цифровом мире никуда не уходит, но меняет свою форму - теперь это не только доверие в сети своих личных взаимоотношений, а доверие доверие в социальных сетях интернет (типа Facebook, ВКонтакте, LinkedIn, What's App, Instagram и др). Здесь не предполагается даже личное знакомство или взаимодействие индивидов, так называемым “другом” может быть совсем незнакомый прежде человек, возможно из другой страны, который активно реагирует на ваши посты, оставляет комментарии или ставит лайки.

Означает ли этот процесс цифровизации доверия, что доверие в нашем мире снижается? И какой в целом уровень цифрового доверия в России? Именно эти вопросы в центре нашего исследования (проводимого при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А «Доверие в цифровом обществе и экономике»). Для этого мы провели телефонный опрос населения Санкт-Петербурга (N=1032, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; исследование проводилось в июле 2020 г. Центром социологических и интернет исследований Санкт-Петербургского государственного университета, рук. С.М. Снопов). Конечно, данные только по Петербургу не могут репрезентативно отражать то, что происходит в России, но все же некоторую картину доверия в экономике они представляют.

Анализ данных нашего исследования показывает, что уровень межличностного доверия в Петербурге составляет 25,7% (вопрос для измерения уровня доверия мы намеренно оставили идентичным вопросу в анкете World Values Survey «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»). Это ниже, чем в целом по России - 27,8%, и существенно ниже в сравнении с другими странами; Швеция - 60,1%; Новая Зеландия - 55,3%; Германия - 44,6%; США -

34,8%. Но вот положительный фактор – среди представителей бизнеса и индивидуальных предпринимателей уровень межличностного доверия достаточно высокий – 44,6%. Это в определённой степени подтверждает нашу гипотезу, что доверие создается и воспроизводится в рамках рыночных отношений, более подробно см. [1].

Уровень институционального доверия также низкий; мы спросили респондентов «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?»; «Скорее не доверяет, чем доверяет» - 19,2% и «Совсем не доверяет» - 30,7%. Для бизнеса уровень полного недоверия правительству – 37,3%. Закономерен вопрос: возможны ли инвестиции при таком уровне недоверия правительству? Парадоксально, что самый высокий уровень недоверия правительству среди государственных служащих – 42,9%.

В противоположность низкому уровню межличностного и институционального доверия в России уровень цифрового доверия в экономической и социальной сфере достаточно высок. Мы спросили респондентов «Доверяете ли Вы друзьям или подписчикам в социальных сетях (типа ВКонтакте, Facebook, Instagram)?» «Полностью доверяет» - 15,2 % респондентов и частично доверяет 44,3% , в среде бизнеса эти показатели еще выше - 16,9 % и 61,4%. Вот как распределяется это цифровое доверие по таким социальным факторам, как пол, возраст, образование и доход.

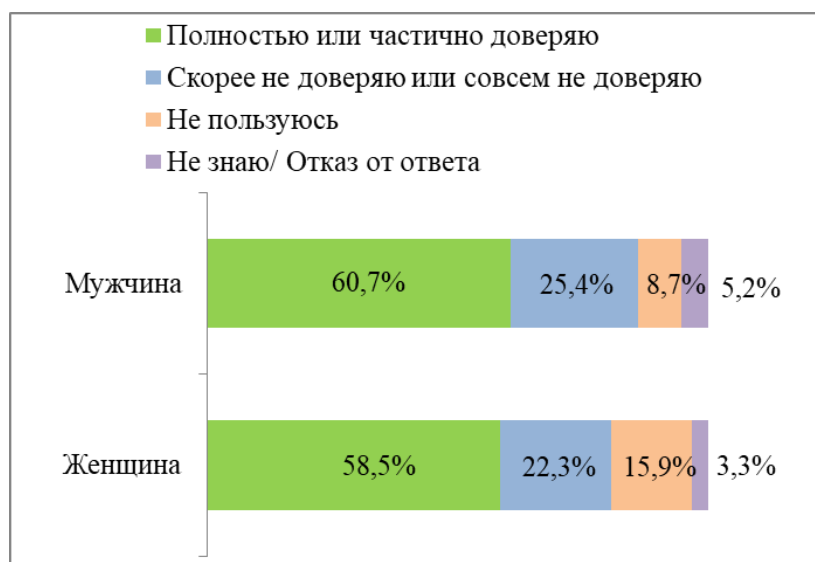

Табл.1 Распределение сетевого доверия по полу

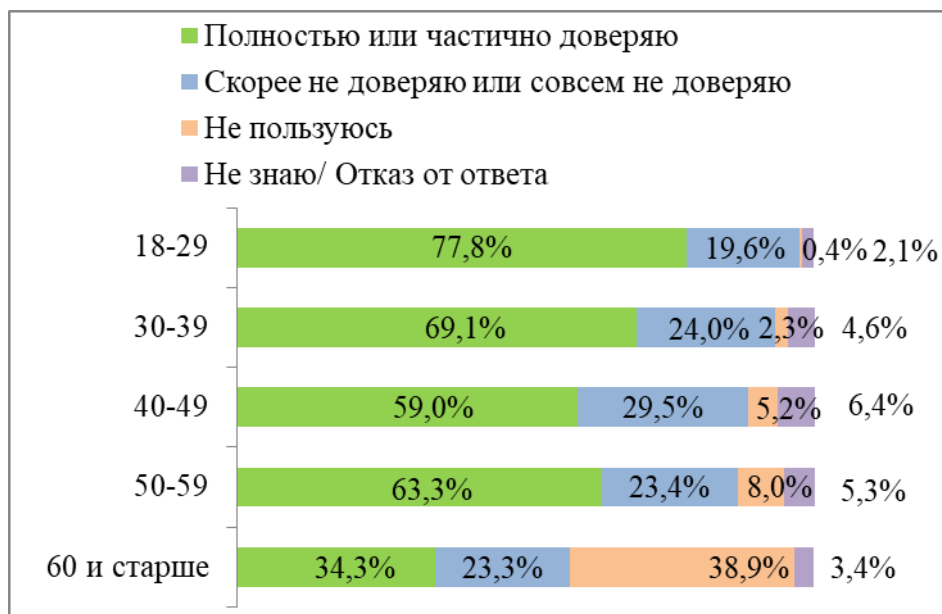

Табл.2 Распределение сетевого доверия по возрасту

Табл.3 Распределение сетевого доверия в зависимости от образования

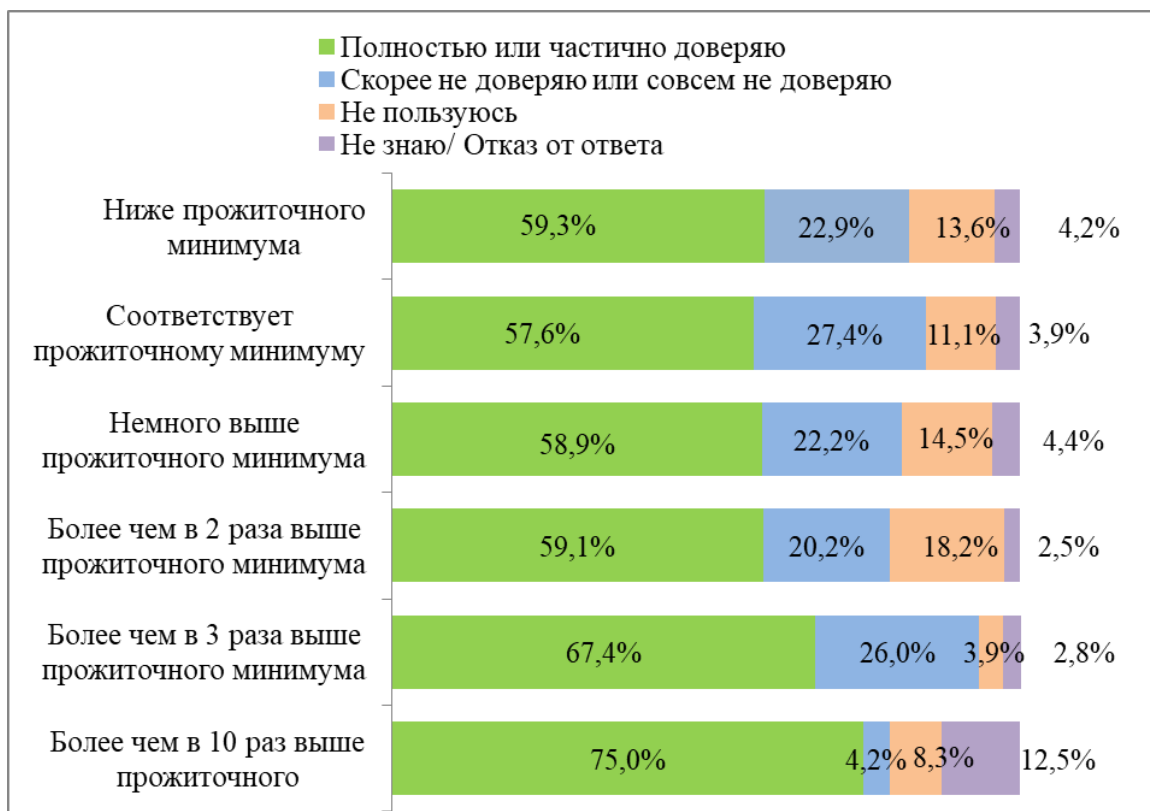

Табл.4 Распределение сетевого доверия в зависимости от дохода

Другая сторона цифрового доверия – это доверие цифровым экономическим институтам. Мы спросили респондентов: «*Насколько Вы доверяете мобильным приложениям банков (типа Мобильный Сбербанк)?*» Как оказалось, уровень охвата цифровыми банковскими приложениями высок – в среднем ими пользуются 90% населения крупного города. Вот как распределяются ответы в зависимости от пола, возраста, образования и дохода.

Табл.5 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от пола

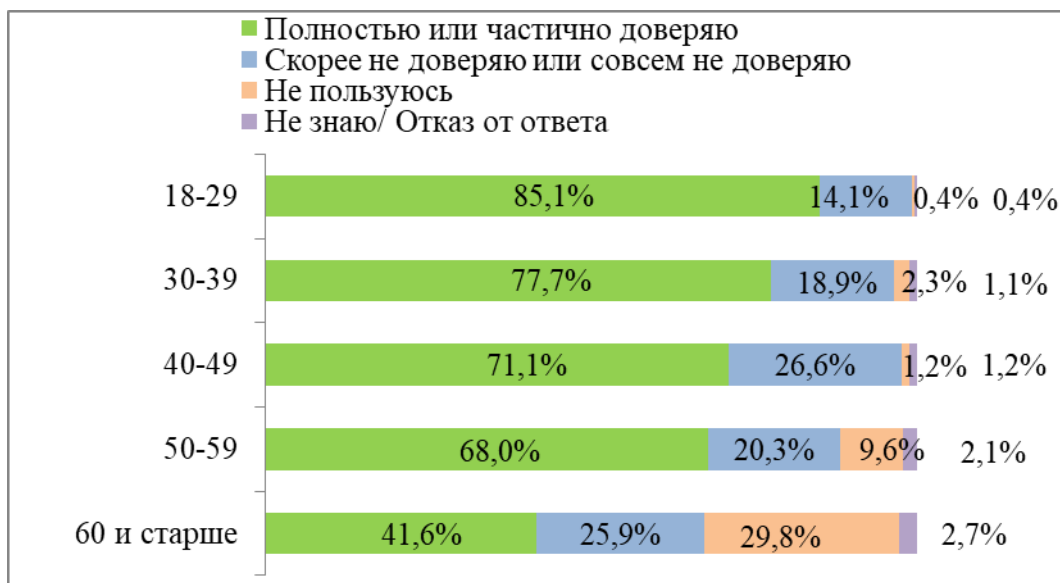

Табл.6 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от возраста

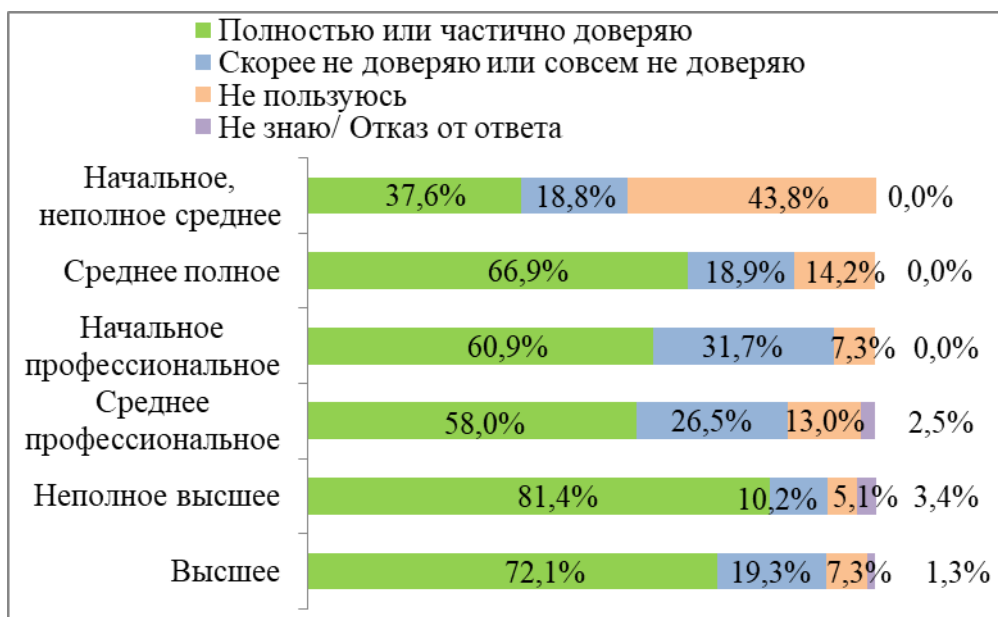

Табл.7 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от образования

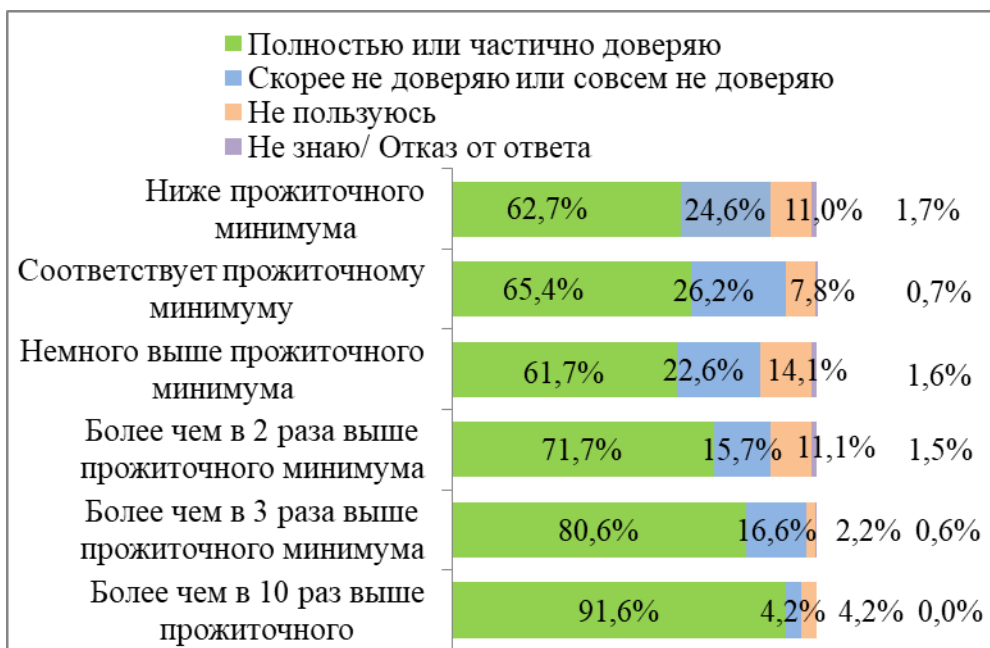

Табл.8 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от дохода

Вот еще некоторые показатели цифрового доверия в Петербурге: около 87% населения города доверяет оплату коммунальных услуг различным цифровым порталам и приложениям; пользуется доставкой еды или продуктов через интернет приложения 92% населения города; около 70% доверяет интернет-магазинам.

Итак, наше исследование (на примере Санкт-Петербурга) показало, что **уровень цифрового доверия в экономике и обществе достаточно высок, а вот уровень межличностного доверия и институционального доверия отстает**. Для всех показателей доверия его уровень выше среди лиц с высшим образованием; как правило уровень доверия у молодежи выше, чем в среднем и пожилом возрасте; уровень цифрового доверия выше у мужчин, чем у женщин.

Что тормозит развитие цифровой сферы и сдерживает цифровое доверие? Прежде всего, низкий уровень цифровой грамотности. Вот какими навыками цифровой грамотности обладает наше российское население: работа с текстовым редактором - 41.1% (для возраста 55 - 64 лет - 28%); отправка электронной почты с прикрепленными файлами - 36.8 % (для возраста 55 - 64 лет - 24,7%); копирование или перемещение файла - 34,5 % (для возраста 55 - 64 лет - 20,5%); использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов - 21,2 % (для возраста 55 - 64 лет - 9,8%) [2]. Уровень риска обмана в цифровой среде очень высок. Мы спросили наших респондентов: «Как по-вашему, велик ли риск обмана в интернет-среде?» «Очень велик» – ответили 52,6% и «средний уровень риска» - 38,8%. Бизнес и предприниматели оценивают этот риск еще выше - 49,4% и 42,2% соответственно. «Сталкивались ли Вы лично с попыткой интернет-мошенничества, фишинга, хищения денежных средств?» - 16 % респондентов сталкивались с этим часто и 51,3% иногда. Около 90% бизнесменов и предпринимателей сталкивались с утечкой личных данных в интернет.

Мы убеждены, что в цифровом мире (и особенно в России) возрастающее цифровое доверие будет способствовать росту межличностного и институционального доверия. Что в итоге обязательно найдет свое отражение в создании благоприятных условий для экономического развития и роста общественного благосостояния.

1. Веселов Ю.В., Липатов А.А. Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте // *Российский журнал менеджмента*, том 13, №4, с. 85-104; Veselov Y., Sinyutin M., Kapustkina E. *Trust, Morality, and Markets: Rethinking Economy and Society via the Russian Case*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016; Веселов Ю.В. *Институциональное и сетевое доверие* // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: Изд.дом ГУ-ВШЭ, 2013, с. 263-290; Веселов Ю. В., Капусткина, Е. В., Синютин М. В. и др. *Экономика и социология доверия*. СПб: Социологическое общество им.М.М.Ковалевского, 2004.
2. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. *Индикаторы цифровой экономики: 2019 : статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ, 2019, с.130

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА В БРЕНДИНГЕ И КОНСТРУИРОВАНИИ ДОВЕРИЯ К НЕМУ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*Волкова Анастасия Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В современном мире, где цифровые технологии приобрели широкое распространение, сложно определить объём информации, поступающий к человеку каждый день. При этом лидирующим каналом восприятия информации является зрение, в фокусе которого чаще других сообщений оказывается реклама. Рекламы много, она есть везде, начиная с огромных билбордов у городского шоссе, заканчивая рекламой в мобильных приложениях. В такой ситуации многие компании вынуждены бороться за каждого потенциального потребителя всеми возможными методами, а самый эффективный инструмент привлечения внимания к компании и товару – это бренд, то есть ключевой символ, концентрирующий идею компании/товара.

Бренд того или иного товара обеспечивает ему узнаваемость. Аудитория реагирует и распознает бренд во многом, ориентируясь на цвет. По данным Color Marketing Group, грамотно подобранный цвет способен до 80% повысить уровень распознавания бренда, до 73% улучшить понимание рекламного сообщения и до 40% улучшить его читаемость [1, 114]. 85% покупателей называют цвет в качестве главной причины выбора конкретного товара [1, 114]. До 90% потребителей могут сложить своё мнение о бренде, опираясь лишь на цвет [2, 784]. Цветовое воздействие может повлиять или изменить решение: из нескольких похожих компаний мы выберем ту, чей логотип мгновенно узнаётся.. Выбор цвета зависит от эмоций, которые компания хочет внушить своим цветом, однако нельзя утверждать, что есть универсальный цвет или цветовая гамма, обеспечивающая 100% успех как самого бренда, так и рекламы. Особенно если речь идёт про глобальный рынок. У разных стран и культур – разные интерпретации одного и того же цвета, что необходимо учитывать при создании бренда, если компания планирует выходить на мировой рынок.

Удачно составленная реклама и её цветовое решение составляют немалую часть от успеха компании и/или её бренда на рынке. Доверие к компаниям, безусловно, в первую очередь, воплощается в доверии бренду, его узнаваемости, в том числе, в принятии цветовых особенностей бренда.

Однако нельзя утверждать, что правильно подобранные цвета, соответствующие желаемому воздействию, которое рекламодатель/производитель хочет оказать на аудиторию, обеспечат 100% успех компании на рынке. Доверие действительно легко завоевать с помощью бренда, однако никакой бренд, никакая цветовая гамма не удержит потребителя, если компания продаёт сугубо некачественные продукты.

1. Созинова А.А. Использование психологии цвета для эффективного бизнес маркетинга. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, — 2014. — №1 — с. 113-118.
2. Singh, S. Impact of color on marketing // Management Decision. - 2006. - Vol. 44 No. 6. - P. 783-789.

АНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ ДОВЕРИЯ

*Кавецкий Святослав Тихонович
(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)*

Трансформационные процессы, протекающие в белорусском обществе на рубеже веков, привели к системным изменениям социальной структуры, в политической и духовной сферах породили новые социальные конфликты и противоречия, активизировали поиск новой модели развития суверенной Беларуси.

Общество погрузилось в состояние аномии, то есть ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются. На современном этапе важно доверие всех социальных групп населения, единство власти и народа, в том числе оценка основных структур вертикали власти.

Таблица 1. – Отношение граждан к властным структурам в 2005 и в 2016 гг.

	Достаточно эффективная		Удовлетворительная		Малоэффективная		30	
	2005	2016	2005	2016	2005	2016	2005	2016
1. Национальное собрание	16,4%	10,4%	21,6%	17,6%	39,2%	43,2%	32,8%	38,8%
2. Правительство	17,1%	15,1%	27,2%	25,2%	38,5%	39,5%	27,2%	29,2%
3. Облсполком	13,5%	15,4%	31,4%	33,3%	34,3%	32,4%	30,7%	28,6%
4. Горисполком	15,7%	18,7%	20,8%	22,8%	29,3%	26,3%	32,1%	29,1%
5. Министерств	14,3%	15,3%	20%	22,%	23,5%	22,5%	52%	51%

По данным Социологического барометра аномии (СБА) 22,5% респондентов считают, что руководителей, способных управлять, в белорусском обществе достаточно, 35% считают, что бывает по-разному, 42,5% ответили, что недостаточно. Полностью удовлетворены юридической помощью в защите своих прав и интересов 34,6% респондентов, считают, что бывает по-разному 27,2%, ответили, что недостаточно 38,3%. Согласно индекса социального самочувствия 25% респондентов считают, что наше общество и государство развиваются стабильно, бывает по-разному – 35%, ответили, что недостаточно стабильности, 40%.

Комплексный показатель индекса социального самочувствия стабильности в государстве и обществе составил 0,80.

Таким образом, население проявляет готовность принимать активное участие в обсуждении законопроектов и принятии государственных решений, в деятельности политических партий и общественных движений, в выборах местных органов государственной власти и самоуправления, контроле деятельности органов государственной власти и управления и в других формах общественно-политической жизни

страны. Одновременно с этим социологические опросы свидетельствуют, что в деятельности органов государственной власти и управления в настоящее время имеется много недостатков: волокита (44,1 %), невнимание к гражданам (39,2 %), использование должности в личных целях (37,8 %), непрофессионализм (28,7 %), взяточничество, коррупция (27,4 %), принятие решений в обход закона (20,4 %).

Высокая степень аномичности белорусского общества распространяется на все сферы и на все уровни социума, а именно на микро уровень (отчуждение), мезо уровень (классическая аномия), макро уровень (мегааномалии). Это особенно проявилось в Республике Беларусь 2020 г. в период президентских выборов, когда трёхуровневый характер аномии проявился практически одновременно: 1) отчуждение от власти; 2) аномия во всех сферах общества; 3) коронавирус. Этот процесс можно определить, как тотальная аномия.

Во время политического кризиса проблемой является доверие граждан к органам госуправления, силовых структур и бизнеса, к результатам исследований ученых – социологов, экономистов, политологов и т.п. «Из всех элементов цивилизации только наука, – по мнению Э. Дюркгейма, при известных условиях носит нравственный характер» [1, с. 333]. Он аргументирует свой вывод тем, что обязанностью каждого человека является развитие своего ума путем усвоения определенного количества знаний. Чтобы общество могло жить в современных условиях перехода от индустриальной к информационной стадии необходимо, чтобы рамки и общественного и индивидуального сознания расширились и прояснились. Среда, в которой мы живем, становится более сложной и динамичной. Чтобы долго существовать, нужно часто изменяться. Наука же, по мысли Э. Дюркгейма, есть не что иное, как сознание, доведенное до высшей ступени своей ясности. Объективность и честность экономического анализа требуется сегодня для органов госуправления, растущего бизнеса в стране. Однако качество все новых правительственных программ (общеекономических и отраслевых, среднесрочных и долговременных) пока еще невысоко.

У современной экономической науки недостает проработанных предложений на опережение спроса органов государственного управления, в частности по обоснованию нормативов экономической безопасности, механизмов увеличения инвестиций отечественных предприятий. Исходя из особенностей Беларуси как страны с экспортным потенциалом и углублением интеграционных процессов, важнейшим условием является обеспечение устойчивости национальной валюты. Девальвация белорусского рубля в новогодний день 2009 года на 20% по отношению к американскому доллару, хотя и была вынужденной, снизила авторитет и подорвала доверие к ведущим государственным институтам.

В этой ситуации важно доверие всех социальных групп населения. Среди моральных ценностей, влияющих на доверие, следует особо выделить социальную справедливость. Под ней понимается то, как воспринимает массовое сознание распределение доходов в обществе, честных выборов, а также наличие равных возможностей для самореализации и продвижения личности по социальной лестнице. Нравственной проблемой является также доверие граждан к органам госуправления и бизнеса, к результатам исследований ученых: социологов, экономистов, политологов.

Природа аномии заявляет о себе наличием разнообразного и постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций во всех сферах жизнедеятельности и всех социальных группах общества. В зоне риска оказались целые поколения, рожденные и взрослеющие на нормах реальной аномии.

1. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 575 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА И ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

*Каранетян Рубен Варданович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Сизова Ирина Леонидовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-511-00011\20*

Трансформация в социологии понимается как преобразование (часто коренное) институтов и структур общества. Обращается внимание на необратимость данного процесса, приводящего к формированию новых социальных отношений, качественного преобразования социальной среды, глобального изменения социума. Социологическая наука часто отождествляет понятия трансформация и инновация, прогресс, эволюция, революция. Данная категория в социологии является относительно новой, она получает свое распространение в научной литературе 80-х годов XX века как устоявшийся впоследствии термин «социальная трансформация», хотя предтечи ее применения в контексте фундаментального преобразования обнаруживаются в классических социальных теориях. По сути первым, кто озвучил трансформационный переход к «индустриальному обществу», был А. Сен-Симон. Классическим произведением середины XX века, стала «Великая трансформация» К. Поланьи, где автор рассмотрел причины и следствия институциональной трансформации человечества [1].

Частое использование современными социологами категории «трансформация» определено необходимостью более четкого (конкретного) отражения нарастающих изменений в обществе, описания качественных преобразований социальных сред.

Одним из таких драйверов сегодня уже, пожалуй, аксиоматично, считают цифровизацию. Цифровая трансформация (трансформация, основанная на распространении и использовании во всех сферах общественной жизни цифровых технологий) несет в себе коренное (цифровая революция) изменение миропорядка в направлении постиндустриализма, глобализации и деглобализации (с 2020 г.). Данный термин получил широкое распространение в экономической науке, создающей модели ресурсосберегающих организаций, где цифровую трансформацию рассматривают как главный на сегодняшний день инструмент эффективизации (рационализации) производства и труда. Социология не сформировала своего однозначного отношения к данному явлению, хотя часто подменяет понятие цифровой трансформации категорией «цифровизация». К настоящему времени она выработала алгоритмы изучения корреляции цифровизации сферы труда и некоторых других общественных сфер. Однако, по нашему мнению, в содержательном плане это разные явления, и в отличие от цифровизации, цифровая трансформация представляет собой реформирование различных общественных систем в формате их «оцифровывания». Представим (с некоторыми нашими уточнениями), основываясь на предложенных Р. Дарендорфом социальных изменениях, произошедших

под влиянием индустриализации [2, с.54], радикальность данных трансформаций для современного общества:

1. Глобализация социальной мобильности и формирование «новой дифференцированной структуры» социальных слоев.
2. Образование новых линий социального расслоения среди промышленных рабочих.
3. Постепенное «прояснение» новых, специфически постиндустриальных форм жизни.
4. Признание социального права на пожизненный гарантированный доход, находящего свое законное осуществление в государстве благосостояния.
5. «Институционализация классовой противоположности», благодаря которой часть рабочих из получателей заработной платы превращаются в «носителей информационного капитала».

Следует заметить, что цифровая трансформация нивелирует устои индустриального труда, выводя его в сферу виртуальной занятости.

Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002.

Dahrendorf R. Industrie- und Betriebssoziologie, de Gruyter, Berlin, 1956.

РОЛЬ ОФИЦИАЛЬНЫХ АККАУНТОВ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДОВЕРИЯ К РЕГИОНУ В ГЛОБАЛЬНОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Комков Константин Анатольевич
(Центр регионального развития Курской академии государственной и муниципальной службы)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011- 31535

Глобализация для регионов создает условия постоянной конкуренция за инвестиционные ресурсы. Успех стратегии территориального развития и социально-экономических преобразований во многом зависит от имиджевой политики органов власти. При этом работа над позитивным имиджем регионов позволяет привлечь бюджетные и внебюджетные источники на проекты и программы субъекта РФ. А презентация результатов реализации таких проектов и программ в целевых аудиториях целенаправленно синтезируются в положительном образе региона и его руководителей.

В условиях современного сетевого общества регионы получают новые ниши для своего продвижения. Сегодня невозможно доминировать в конкурентной борьбе за инвестиции, ведущие позиции в социально-экономических рейтингах, туристические потоки без применения современных социально-коммуникативных технологий в сетевом пространстве, позволяющих сформировать социальное доверие к региону. Ситуация такова, что без адекватной информации не будет доверия представителей заинтересованных сторон к планам и проектам региональных властей по развитию региона, а без доверия не будет инвестиций ни в производство, ни в строительство, ни в иные сферы.

При этом следует констатировать, что доверие к региону – это, в первую очередь, доверие к органам его власти – к администрации субъекта федерации. Социальное доверие к органам власти – это, прежде всего, есть ожидание того, что её представители при

выполнении своих функций будут вести себя предсказуемо, в соответствии с взятыми на себя обязательствами. По мнению Ф. Фукуямы, успех «самореализации» конкретного общества зависит не от приверженности традициям или рыночным принципам, а от уровня доверия, существующего в обществе [1]. Конечной целью установления социального доверия является стабилизация, предсказуемость социальной жизни [2], уменьшение уровня неопределённости и снижение рисков. Социально доверие позволяет организовать диалог и партнерство между всеми заинтересованными сторонами. В то время как, значительный поток негативной информации в социальных сетях, а также замалчивание или отсутствие положительной информации о событиях в регионе способствуют снижению социального доверия. Исследование активности пользователей на официальных аккаунтах Администраций субъектов ЦФО показывает, что идет рост интереса к публикуемому госорганами контенту, а также росту дискуссий в комментариях. Особенно это проявляется в тех регионах, где глава демонстрирует большую открытость (в Курской и Тульской областях, а также в Москве).

Для продвижения региона необходимо максимально использовать ресурсы официальных аккаунтов субъекта РФ для информационной работы в социально-сетевом пространстве. Построение диалога и налаживание партнерства посредством социальных медиа выступает одним из важнейших и вместе с тем недоиспользованных резервов развития региона.

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во «АСТ», 2004. С. 5.

2. Преликова Е.А., Зотов В.В. Социальное доверие как основа системы социальных коммуникаций местного сообщества // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 1. С. 121-133.

ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Кривоухов Анатолий Анатольевич

(Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова)

Сегодня не уместно ограничиваться рассуждениями о преимуществах цифрового развития российского общества, а следует поднимать вопрос о продуцируемых им рисках и угрозах.

С одной стороны, увеличение киберпреступлений - это естественное следствие цифровизации сегодняшнего мира. И несмотря на начальный этап цифровизации, киберпреступность уже превратилась в одну из глобальных опасностей современности. По данным МВД России в 2020 году число киберпреступлений выросло более чем на 90 % по сравнению с прошлым годом. При этом большинство преступлений приходится на финансовые мошенничества. На рост числа киберпреступлений повлияло повсеместное внедрение цифровых технологий и необходимость более часто их использования в «ковидной» самоизоляции. Сегодня многие пользователи интернета пострадали от «взломов» электронной почты личных аккаунтов.

С другой стороны, вполне некриминальная работа с большими данными позволяет более успешно проводить рекламные и политические кампании, поскольку становится возможным более персонализированное и адресное обращение к людям, исходя из их предпочтений, построенных на основе психолого-цифрового «портрета» [1]. Человек

поставлен перед фактом появления мощного инструмента проникновения в сферу его приватной жизни.

С учётом выше сказанного, отчётливое понимание неизбежности трансформации социальной жизни под воздействием новейших цифровых технологий необходимо сочетать с повышенным вниманием и к безопасности личности. Тем более, что согласно проведенному нами опросу для 1/3 жителей региона идет нарастание ощущения незащищенности в информационно-коммуникационной среде (Курск, 2019, N=1000).

Новые цифровые технологии и сервисы, проникая во все сферы социальной жизни, существенно изменяют качество повседневной жизни граждан, создавая угрозы для информационной безопасности личности. Будущее нашего государства в целом, так и отдельных его граждан, требует понять и выявить сущность складывающихся отношений между ними в области обеспечения информационной безопасности: кто государство или индивид должен обеспечить информационную безопасность повседневной жизни человека?

Более 2/3 опрошенных считают, что каждый человек должен сам заботиться о своей безопасности в информационно-коммуникационной среде (Курск, 2019, N=1000). В современном обществе интернет-пользователь учится жить в условиях постоянных угроз и опасностей. Личность крайне заинтересована в нахождении безопасных способов вхождения в информационно-коммуникационную среду и нахождения в ней, т.е. в создании лично-безопасной модели поведения. В отсутствии подобной модели личность, с учетом совокупных возможностей акторов социально- сетевого пространства и характера распространяемого информационного содержания, в слишком многих случаях подвергается риску вторжения в свою жизнь, нарушения его нормального протекания. По существу, одним из условий сохранения личности в цифровом социуме является выработка практических умений и навыков безопасной жизнедеятельности в цифровом пространстве.

Горбунов А.С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 8-16.

ОСОБЕННОСТИ КИБЕРДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Куваева Елена Евгеньевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В современном мире стремительно развиваются новые технологии и различные формы коммуникации. Вместе с технологическим развитием происходит резкое изменение форм девиантного поведения, которое становится связанным с интернет-пространством.

Я.И. Гилинский определяет девиантное поведение как «поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующее официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [1, С. 23]. Кибердевиантность имеет специфическую информационно-технологическую сферу проявления.

Стоит отметить анонимность в Интернет-пространстве, благодаря ей индивиды более склонны участвовать в кибердевиантном поведении. [2, С. 27].

Девиация, а именно кибердевиация, охватывает все сферы жизни общества, в том числе и организации. Робинсон и Беннет предложили типологию форм девиантного поведения на рабочем месте. В наше время, основываясь на том, что модус

функционирования организаций сместился в онлайн-формат, данную классификацию можно адаптировать и для компьютерных коммуникаций. Можно выделить следующие типы кибердевиаций на рабочем месте: производственная кибердевиация (production cyber-deviance) – голдбриккинг (goldbricking), личное использование сети и др.; имущественная кибердевиация (property cyber-deviance) – пиратство, дата дидлинг (data diddling); политическая кибердевиация (political cyber-deviance) – киберклевета, доносительство, разоблачение; личная агрессия (personal aggression) – виртуальный харассмент, кибербуллинг и др. [3].

Девиации на рабочем месте имеют antecedенты на индивидуальном, диадическом и организационном уровне [4, С. 7-8].

Antecedентами индивидуального уровня являются эксплуататорские черты личности, потребность во власти, выгорание, ролевой конфликта, стресс и др.

Предпосылками девиантного поведения на диадическом уровне являются проблемы во взаимодействии между сотрудниками внутри организации (посягательство на власть, автономию и чувство справедливости), а также взаимодействие с клиентами.

Antecedенты организационного уровня – это уязвимость базы данных компании, дисбаланс власти, высокая рабочая нагрузка, конкуренция, несправедливость, а также специфические организационные характеристики и др.

Стоит отметить, что результаты девиантного поведения затрагивают не только межличностный уровень, на котором могут иметь место как положительные (укрепление статуса, восстановление, снятие стресса и др.), так и отрицательные (формальные и неформальные негативные санкции, конфликты, отсутствие карьерного роста и др.) последствия, так и организационный. На организационном уровне главные угрозы заключаются в ущербе репутации, подрыве доверия, снижении эффективности, финансовых убытках, сокращении объемов производства, утечке конфиденциальной информации, истощении ресурсов компании и др.

[1] Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 520 с.

[2] Barlett, C.P., Prot, S., Anderson, C.A. & Gentile, D.A. (2017). An empirical examination of the strength differential hypothesis in cyberbullying behavior. *Psychology of Violence*, 7(1), 22-32.

[3] Weatherbee, T.G. (2010). Counterproductive use of technology at work: Information & communication technologies and cyberdeviancy. *Human Resource Management Review*, 20(1), 35-44.

[4] Ford, D.P., Garmsiri, M., Hancock, A.J., & Hickman, R.D. (in press). A Review and Extension of Cyber-Deviance Literature: Why It Likely Persists. Landers, R. N. (Editor), *Technology in Motivation and Performance*, Cambridge: London, UK.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В РАЗВИТИИ И ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОПЫТ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

*Мазалева Марина Сергеевна
(АУ ВО ОЦМиГИ "Содружество")*

*Чернышева Наиде Сефтеровна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.)*

Необходимым стратегическим ресурсом для развития малого и среднего предпринимательства является молодежное предпринимательство [1].

По данным Федерального агентства по делам молодёжи интерес молодых людей к своему делу растёт - бизнесом занимается около 4% молодых граждан, что, согласно данным Ассоциации молодых предпринимателей, составляет более 1 млн. бизнесменов в возрасте до 30 лет [2].

На сегодняшний день большое влияние в развитии молодежного предпринимательства, а именно использование новых форм и инструментов предпринимательской деятельности, внедрение онлайн технологий в механизмы продвижения бизнеса, может оказать цифровая экономика.

Ежедневное погружение молодых предпринимателей в информационное поле сети Интернет характеризуется амбивалентными проявлениями: с одной стороны, фиксируется повышение доверия к цифровой информации, а с другой - фиксируется и низкая информированность участников бизнес-процессов о государственных и региональных мерах поддержки молодых предпринимателей.

С целью определения содержательной составляющей информационного контента и для оценки влияния уровня медиаинформированности на практики ведения бизнеса в молодежной среде, авторами было проведено социологическое исследование методом полуструктурированное интервью (280 молодых предпринимателей Вологодской и Ярославской областей).

Средний возраст опрошенных составил 27 лет. Доминирующей сферой деятельности для молодых предпринимателей в обоих регионах является сфера услуг (в области образования, проведения мероприятий и т.д.): 66,7% - в Вологодской области, тогда как в Ярославской области 55,6%. Однако обнаруживается и региональная специфика: если в Вологодском регионе на второй позиции – собственное производство (15,2% ответов), то в Ярославской области – торговля и общественное питание (22,2%).

Как показало социологическое исследование 86,7% респондентов не обращались за государственной поддержкой для развития бизнеса потому, что не знали, куда обращаться за помощью; стараются обходиться только собственными силами.

По результатам исследования ответы респондентов обнаруживают, что для молодых предпринимателей в регионах имеющиеся на государственном уровне формы содействия развитию бизнес-среды трудно поддающимися оценке, в связи с тем, что они не знают о существующих мерах поддержки и механизмах их реализации, что в свою очередь влияет на уровень доверия к государственным структурам.

Таким образом, исследование показывает, что низкий уровень медиаинформированности в регионах негативно сказывается на развитии молодежного предпринимательства в целом, а также крайне отрицательно отражается на уровне доверия

молодых предпринимателей к партнерскому взаимодействию с государственными структурами.

Практическая значимость работы представлена разработанными нами методическими рекомендациями, реализация которых связана с содействием в организации ряда научно-просветительских и практико-ориентированных мероприятий, принятие программных документов, разработку социально-ориентированных проектов для активного расширения числа участников сферы молодежного предпринимательства в региональных масштабах, что безусловно окажет конструктивное влияние на интенсификацию цифровой экономики в государственном масштабе в целом.

1. Бляхман Л. *Предпринимательство в России. Экономика и организация.* / Л.Бляхман. - СПб.: СПб ГУ, 2011.
2. *Дело молодое: начинающие российские предприниматели выбирают сферу торговли и услуг* - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/481083-molodyzhnoe-predprinimatelstvo-gospodderzhka> (дата обращения 02.04.2020).
3. *Концепция Стратегии развития молодежного предпринимательства в Российской Федерации на период до 2020 года.* – Режим доступа: – URL: http://www.ccitula.ru/ru/business/проект_20_05_2012.doc. (дата обращения 01.04.2020).

ДОВЕРИЕ И АНОНИМНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Малолетнева Ирина Владимировна
(МГТУ им.Н.Э.Баумана)*

Интернет стал неотъемлемой частью жизни практически любого современного человека. Интернет-общение успешно предоставляет возможность удовлетворения потребности в самореализации, при сохранении независимости и анонимности, что привлекательно для молодых людей, и людей авантюрного склада характера независимо от возраста. В сети существует возможность выступать под любой маской, представляться любым человеком, показывать себя самым экстравагантным и необычным способом, воплощать фантазии, невозможные в повседневной жизни, Люди с заниженной самооценкой идут в интернет-пространство, чтобы получить уважение и любовь, подтверждение собственной значимости, стремясь при этом сохранить анонимность.

Интернет избавляет от плохого настроения, чувства боли и унижения, проблем, комплексов и тревоги. Анонимность, допустимая в Интернете, позволяет человеку экспериментировать с разными социальными ролями и разными «Я», не боясь негативной оценки или социальных санкций. А может ли современный обычный человек чувствовать себя защищенным и испытывать доверие к тем, с кем общение становится значимым и жизненно необходимым? Ведь поведение людей в сети отличается от поведения в реальной жизни. Без угрозы наказания и социального неодобрения зачастую в интернет-общении люди говорят и делают то, что не позволяют себе в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания перед партнерами по общению.

В результате интернет-опроса студентов московских вузов (N=250), сентябрь 2020г., нами было выявлено, что 23% респондентов общаются не под своим именем. Из их числа 18% считают, что анонимность дает возможность реализовать свободу действий в интернете, не считая при этом, что анонимность подрывает доверие участников процесса общения друг к другу. При этом 20% всех респондентов признают, что их интернет-общение отличается от реального. Люди чувствуют полную свободу действий, даже

зарегистрировавшись под своим настоящим именем, чтобы общаться в Интернете с теми, с кем регулярно видятся в обычной жизни. При этом 15% опрошенных отмечают, что ощущают большую свободу в выражении своих чувств и оценок, и 2% респондентов отмечают в некоторой степени снижение социальной ответственности за свои слова.

ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Микиденко Наталья Леонидовна

*(Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Новосибирский государственный технический университет)*

Доверие относится к числу феноменов, оказывающих решающее воздействие на качество коммуникаций, значение которого возрастает в условиях цифровизации социального контекста. Форсирование цифровизации образовательного пространства вследствие пандемии актуализировало целый ряд вопросов, связанных с организацией цифровых образовательных коммуникаций, в том числе и в контексте доверия.

Вопросы необходимости, направлений, качества развития цифровых образовательных коммуникаций рассмотрены в работах А.Г. Безпаловой О.Н. Миргородской, Н.А. Дадаян, А.Н. Легконогих [1], Э.Н. Бердниковой [3], А.К. Калиш-Островской [2]. Цифровые коммуникации рассматриваются как важнейший инструмент взаимодействия субъектов образовательного процесса [1, с. 123]. Вопросы обучения студентов навыкам учебно-профессиональной коммуникации в цифровой среде обсуждаются в исследовании Е.В. Дудышевой, О.В. Солнышковой [4], но и в целом вопросы цифровых коммуникаций сегодня относятся к числу широко обсуждаемых.

Массовый переход образовательного процесса в онлайн-формат как вынужденная мера обнаружил целый ряд сложностей в организации цифровых образовательных коммуникаций. Образовательные коммуникации в цифровой среде выстраиваются по правилам цифровой среды, одно из которых требует решения вопроса идентификации участников цифровой коммуникации. Вынужденный переход в онлайн-формат, с одной стороны, показал недостаточность опыта и готовности участников образовательного процесса к решению вопросов идентификации, с другой стороны, отсутствие доступных инструментов идентификации для участников цифровой образовательной коммуникации. Стихийно найденные решения (как, например, запись видеороликов с демонстрацией паспорта участника, активно использовавшиеся в период приемной компании лета 2020 или демонстрация паспорта/зачетной книжки во время видеоконференции) не в полной мере обеспечивают безопасность участников такой коммуникации, но и слабо информативны в том случае, если участники образовательных коммуникаций не имели ранее личных контактов. Возникает проблема доверия как цифровым техно-логиям (насколько мое участие с их использованием безопасно для меня (студента/абитуриента/школьника)) (опосредовано эта форма доверия через цифровые технологии людям, которые проектируют и используют цифровые технологии), так и доверия партнеру по взаимодействию, если нельзя быть уверенным в идентификации партнера. Другим аспектом сложностей цифровых образовательных коммуникаций стали сложности, связанные с оригинальностью представляемых учащимися работ. Актуализируются вопросы доверия (как я (преподаватель) могу быть уверенным, что эта работа выполнена этим учеником/студентом) и как я (преподаватель) могу быть уверен в том, что оцениваю именно этого ученика, а не другого, а значит могу как эксперт

подтвердить сформированность профессиональных знаний/навыков. В условиях относительной неопределенности вопросы доверия в цифровых образовательных коммуникациях становятся актуальными и требуют исследования. Отсутствие доверия между партнерами по цифровым образовательным коммуникациям может разрушать кооперацию и сотрудничество, эмпатию и сопереживание, солидарность как необходимые основания эффективных образовательных коммуникаций. Доверие есть фундаментальное основание взаимодействия человека с окружающим миром [5, с. 3].

1. Безпалова А.Г., Миргородская О.Н., Дадаян Н.А., Легконогих А.Н. Цифровые коммуникации - доминанта образовательного процесса в региональных вузах // *Современные наукоемкие технологии*. 2019. № 9. С. 122-125. eLIBRARY ID: 40868729
2. Бердникова Э.Н. Использование инновационных цифровых коммуникаций в образовательном процессе // *Вестник современных исследований*. 2018. № 10.5 (25). С. 16-18. eLIBRARY ID: 36465681
3. Бердникова Э.Н., Калиш-Островская А.К. Цифровые коммуникации в системе высшего образования как фактор повышения мотивации студентов к самореализации в образовательном процессе // *Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education. Materials of the VIII international scientific conference*. 2018. С. 19-22. eLIBRARY ID: 36487034
4. Дудышева Е.В., Солнышкова О.В. Вопросы формирования навыков продуктивной коммуникации студентов в условиях цифровизации // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 4. С. 83. eLIBRARY ID: 39251251
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. Учебное пособие для студ. высш. уч. заведений. М., 2000. – 264с.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

*Ровбель Светлана Владимировна
(Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ")*

Современное общество, характеризующееся как общество потребления, формируется с середины XX века. Меняется соотношение потребления для действительных нужд, и знакового, служащего кодом, символом взаимодействия. Реальность «общества потребления» воспроизводится символизацией потребления, наличием индивидов в качестве объектов потребления («тело стало тем, чем была душа в свое время, – исключительной опорой объективации, главным мифом этики потребления») [1, 167], устойчивой активностью потребительских практик, направленным воздействием корпораций и государства на потребительские предпочтения и ожидания.

Понятийное содержание позволяет характеризовать несколько исследовательских подходов в изучении феномена общества потребления [5, 47].

В антропологическом подходе потребитель – это тип человека. Формирование типа человека потребляющего – homo consumens является целенаправленным результатом функционирования общества «расточительного потребления» [4, 157]. Уравновешивание разрастания «истерических» потребительских практик возможно посредством актуализации осознанного, этического потребления.

Трансформационный подход включает изучение социально-политических и идеологических механизмов, постепенно приводящих к новому состоянию общества. Завершается эпоха европейского универсализма, преобладания западного образа потребления. При этом «важность основополагающего выбора становится все более

настоятельной как раз потому, что значимость индивидуального вклада в этот коллективный выбор выросла неизмеримо» [2, 53] Логичными представляются два пути решения проблем современного общества потребления: путем создания социальной системы, которая манипулятивно будет увеличивать неэгалитарное потребление и изменением цивилизационных ценностей современных обществ.

Поведенческий подход фиксирует внимание на анализе потребительского поведения. Модернизация и новации процесса потребления, взаимосвязь его с изменениями социальных институтов потребления выражаются в новых потребительских практиках. Люди живут в структурах, которые, с одной стороны, их не ограничивают, а с другой — порождают желания и дают возможности для их реализации [3, 3]. Перспективными являются исследования новых каналов коммуникации потребителей, специфики получения, восприятия, оценки и передачи потребительской информации.

В центре экономико-культурного подхода роль потребления в экономической системе. Люди как потребители отличаются друг от друга по вкусам и предпочтениям, то есть симпатиям и антипатиям в отношении к каким-либо товарам. Это влияет на спрос, а значит, и на производителей товаров. То есть культура отражается на экономических отношениях и функционировании экономических систем. «Растущая экономика означает, что производимые товары и услуги обладают более высокой денежной стоимостью» [7]. Потребление и экономическая система меняются согласно глобализационным тенденциям, усилению инновационности НТП, формированию сервисной экономики как сочетания экономики знаний и экономики впечатлений.

1. Бодрийяр, Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Перевод на русский язык: Е. А. Самарская. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Валлерстайн, И. *Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис: журнал о будущем*. 2008. № 2. С. 3–56
3. Ильин, В. И. *Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России*. 2005. Т. 14. № 2. С. 3–40.
4. Лукьяненко В. И. *НОМО CONSUMENS – человек потребляющий / В. И. Лукьяненко, М. В. Хабаров, А. В. Лукьяненко // Век глобализации*. 2009. № 2. С. 149–159
5. Максименко, С. В. *Общество потребления: проблема генезиса и методологии социально-философского анализа // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. 2017. № 2. С. 44–48.
6. МакФадден Д. *Проблема экономического выбора / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. М., 2005. Т. 5. Кн. 2. С. 392-443.
7. Lewis N. *The Service Economy URL: <https://goldenfront.ru/articles/view/servisnaya-ekonomika/>*

« ПРОФЕССИЯ МЕЧТЫ »: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЫНОЧНОГО МИФА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ СВАДЕБ

Рубцова Татьяна
(Université Grenoble-Alpes)

В обществе, где социальные отношения в значительной степени опосредуются цифровыми технологиями, их влияние на экономическую жизнь не ограничивается сферой повседневности. Они становятся неизменным атрибутом не только разрывающих рутину праздничных практик, но и прочно входят в профессиональные практики тех, кто занимается производством самих праздничных событий.

Организация свадеб «под ключ» имеет имидж новой и динамично развивающейся профессии, а уровень затрат на проведение праздника формирует стереотипы о высоких доходах её представителей. Однако функционирование рынка организации свадеб не укладывается в стандартную равновесную модель, и во многом парадоксально. Так, резильентность рынка специалистов при стабильно невысоком эффективном спросе на их услуги поднимает вопросы о формировании доверия между участниками рынка в условиях цифровизации рыночной координации.

Цифровые технологии в свадебном бизнесе это прежде всего использование интернета, как пространства, где специалисты имеют возможность «представить себя» [3], и который зачастую становится единственным источником информации о существовании и активности предприятия для внешнего мира. Чтобы ответить на вопрос, как в данных условиях возможно доверие, нужно более детально рассмотреть содержание и форму подачи информации и функционирование этих «представлений».

Такой виртуальный «фасад» как веб-сайт агентства по организации свадеб содержит тексты и изображения в форме нарративов, тематически посвященных профессии организатора свадеб (чем занимается веддинг-планнер, зачем нужны его услуги), личности организатора и/или команды агентства (кто мы такие и почему мы организуем свадьбы) и деятельности данных специалистов (как мы делаем свадьбы и какие услуги предлагаем). Структурно нарративы представляют собой версии определенного профессионального «мифа» [4, 5, 6], и несут послание о деятельности по организации свадеб в терминах фундаментальных ценностей, целей и идеалов общества [2]. Отсылая к сакральному, миф делает возможным некий «когнитивный скачок», необходимый для убеждения аудитории на уровне эмоций, в некотором смысле берущих верх над требующим логических процедур рассудком. [1].

Аудитория мифа не ограничена действительными и потенциальными клиентами агентств, для которых миф конструирует и легитимирует потребность в делегировании на рыночных условиях труда по организации праздника. Миф оказывается убедительным и для самих «рассказчиков» его многочисленных версий, а также привлекает в профессию будущих свадебных организаторов. Многие из них вскоре покинут эту сферу деятельности, рискованной и нестабильной, часто не приносящей желаемого дохода, но они успеют поучаствовать в коллективном воспроизводстве и распространении профессионального мифа «профессии мечты», который обеспечит не иссякающий поток новых претендентов, поддерживающий существование рынка.

1. Bouchard, Gérard. 2013. « Pour une nouvelle sociologie des mythes sociaux. Un repérage préliminaire ». *Revue européenne des sciences sociales. European Journal of Social Sciences* (51 1):95 120.
2. Bouchard, Gérard. 2017. *Social Myths and Collective Imaginaries*. University of Toronto Press.
3. Goffman, Erwing. 1996. *La présentation de soi*. Paris: Ed. de Minuit.
4. Guevara, Berit Bliesemann de, éd. 2016. *Myth and Narrative in International Politics: Interpretive Approaches to the Study of IR*. Palgrave Macmillan UK.
5. Hendy, Andrew Von. 2002. *The Modern Construction of Myth*. Indiana University Press.
6. Segal, Robert Alan. 2004. *Myth: a very short introduction*. Oxford ; New York: Oxford University Press.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МЕДИЦИНЕ

*Рудакова Екатерина Константиновна
(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.
Добролюбова)*

Цифровая революция затрагивает не только сферу коммуникации, высокоточные цифровые технологии позволили совершить небывалые открытия в цифровой нано медицине. Мир столкнулся с беспрецедентными экспериментами в виде новых репродуктивных технологий, именно в этой сфере возникают наиболее острые этические и правовые вопросы, при этом растет давление со стороны определенных групп ученых с тем, чтобы трансформировать современные нормы международного права и снять ограничения Международного этического комитета, например, в области генной инженерии, эмбриональных исследований, исследований стволовых клеток, эвтаназии, донорства и пересадки органов, смене пола и вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатное материнство, эко, донорство спермы и яйцеклеток) [1].

Все больше врачей отказываются по этическим причинам выполнять медицинские процедуры, однако данное право не имеет четкого международного оформления, а на национальном уровне закреплено не во всех государствах. Врачи отмечают возможность в будущем нарушения естественного процесса воспроизводства человека из-за вмешательства цифровых медицинских технологий, наблюдается попытка взять под контроль естественные демографические процессы, начиная от зачатия человека и до смерти. Данные технологии не должны нарушать общепризнанные права человека и лишать человека основных прав и человеческого достоинства. Анализ показал, что большинство репродуктивных технологий нарушают общепризнанные права человека [2, 139].

Например, суррогатное материнство нарушает целый ряд положений Конвенций о правах ребенка, о правах человека, о защите от эксплуатации и торговли людьми - «право ребенка на здоровье в дородовый и послеродовый период», «право знать своих родителей и право на их заботу», «недопущение торговли детьми или их контрабанды в любых целях и в любой форме», «право на честь и достоинство», право на защиту «от любых форм эксплуатации, особенно женщин и детей». По этой причине суррогатное материнство во многих странах запрещено (в Италии суррогатное материнство запрещено по причине особой роли материнства и детства, в Германии по причине того, что дети не могут быть предметом договора купли-продажи, в Канаде человеческое тело и репродуктивные органы не могут являться товаром, а эксплуатация женских и мужских репродуктивных органов признается формой эксплуатации человека, во Франции суррогатное материнство признается формой торговли людьми и эксплуатации женщин и детей, в Австралии по причине того, что последствия для здоровья подобного рода экспериментов непредсказуемы). Отметим, что в России разрешены все виды суррогатного материнства и ЭКО [3, 4].

Необходимо признать, что сегодня новые цифровые технологии в медицине стали одним из самых прибыльных направлений индустрии репродуктивных технологий, которая фактически рассматривает медицинские услуги как товар. Тем не менее все больше стран вводят законодательные запреты на подобного рода технологии. В мире растет число так называемых профессиональных клиник, которые гарантируют своим пациентам

выполнение медицинских процедур с соблюдением моральных предписаний той или иной религии.

Таким образом, общепризнанные права и достоинство человека, недопустимость трансформации неприкосновенности человеческой жизни, места материнства и детства в обществе, запрет на эксплуатацию репродуктивных возможностей женщин и мужчин, недопущение превращение человеческого тела в товар, а также возможности рождения детей, которые могут быть использованы в трафике органов, детской проституции и прочих противоправных деяниях, должны стать основным критерием в решении вопроса о легализации тех или иных медицинских технологий.

1. *Kastro Rosa. 2016. The next frontier in reproductive tourism? Genetic modification. – The Conversation. 18.11. Досмун: <https://theconversation.com/the-next-frontier-in-reproductive-tourism-genetic-modification-67132> (проверено 13.11.2019).*
2. *Рудакова Е.К., Шумакова О.Н. Правовые и этические проблемы использования вспомогательных репродуктивных технологий в зарубежном дискурсе в контексте демографической безопасности России Научный журнал «Власть». 2020. Т. 28. № 2. С. 138-145.
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42780677>*
3. *Bishop Liz, Loff Bebe. 2014. Making surrogacy legal would violate children's rights. – The Conversation. 20.08. Досмун: <https://theconversation.com/making-surrogacy-legal-would-violate-childrens-rights-30716> (проверено 13.11.2019).*
4. *Jeffreys Sheila. 2014. Reject commercial surrogacy as another form of human trafficking. – The Conversation. 11.08. Досмун: <https://theconversation.com/reject-commercial-surrogacy-as-another-form-of-human-trafficking-30314> (проверено 13.11.2019).*

ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОГО ДОВЕРИЯ НА РЫНКЕ ОНЛАЙН-СЕРВИСОВ ДОСТАВКИ ЕДЫ.

*Сахнова Марина Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Акопян Анна Вартановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Лисненко Дмитрий Антонович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Герасимов Кирилл Андреевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Цифровизация с каждым днем всё больше внедряется в производство и в повседневную жизнь человека, охватывая многие аспекты человеческой жизни, включая сферу питания. В развитых капиталистических странах происходят постоянные изменения, связанные с технологиями: автоматизация, уберизация. Подобные процессы, с одной стороны, подходят под динамику современного общества, а с другой - меняют рынок услуг, в том числе рынок питания, приводя к трансформациям в бизнесе. Такого рода изменения связаны с появлением новой бизнес-модели, (такого типа фирмы) – цифровой Платформы, в основе которой лежит способность извлекать и использовать данные. Под такими данными стоит понимать действия пользователей (или же, как утверждает Н.Срничек, данные – это сырьё, подлежащие извлечению, а действия пользователей - естественные источники данного сырья) [1, 74 с.]. С каждым днем фирмы все больше начинают зависеть

от цифровых коммуникативных технологий во всех аспектах бизнеса, а данные как ресурс занимают главенствующие позиции, обретая все большую значимость. Однако, функционирование рынка цифровых услуг невозможно без доверия, т.к. именно оно обеспечивает связанность субъектов и технологий в единый рынок. Отсюда появляется такой вид доверия, как цифровое доверие (доверие цифровым технологиям, за которыми стоит старое ролевое доверие).

Цифровая платформа выступает не только как новая рыночная площадь, но и как базовая инфраструктура, соединяющая между собой производителей товаров и услуг-поставщиков, покупателей-пользователей. Одним из типов таких платформ являются «продуктовые платформы»: Delivery club, Яндекс. Еда, выступающие в качестве посредника между предприятиями общественного питания и потребителями. Они представляют конечному потребителю меню и цены различных предприятий общественного питания, затем принимают заказ и передают его в службу доставки заведения, после чего ресторан готовит заказ, упаковывает его для доставки, а курьер привозит заказ в нужную точку. Эти платформы оптимизируют производственный процесс, делают его более гибким, резко реагируют на повышение спроса и устанавливают наценку, обеспечивают приток клиентов, помогают предприятиям экономить на собственной службе доставки, персонале и создании сайтов.

Чтобы воспользоваться предоставляемой услугой, мы вынуждены доверять платформе, а точнее всем тем субъектам, которые эта платформа связала, доверяем, что каждый субъект выполнит свою роль в соответствии с ролевыми ожиданиями. Так, например, заказывая еду на Яндекс. Еда, потребитель доверяет: менеджеру службы доставки и его добросовестной работе, повару, который обещает, что блюдо будет вкусным, доставщику, обязующемуся привезти коробку с едой в нужное время, а также самой компании, которая обещает высокое качество доставляемой продукции. Кроме этого, потребитель все чаще сталкивается с «анонимным доверием». [2, 59 с.] Ему приходится пользоваться услугами того человека, которого он совершенно не знает. Это и вынуждает его прибегнуть к доверию.

1. Срничек Н. *Капитализм платформ*. Москва. 2019 г., 72-80 С.

2. Штомпка П. *Доверие - основа общества*. Москва. 2012 г., 440 С.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Смелова Алена Андреевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Согласно исследованиям ОЭСР, цифровая экономика используется как термин для описания рынков, поддерживаемых Интернетом и другими информационными и коммуникационными технологиями. Цифровая экономика связана с торговлей информационными (цифровыми) товарами или услугами посредством электронной коммерции. Она существует наряду с другими секторами экономики (аграрной экономикой, индустриальной экономикой, экономикой услуг), трансформирует их и перераспределяет большую часть добавленной стоимости в рамках мировой (или национальной) экономики в свою пользу.

Цифровая экономика предлагает цифровые технологии, по меньшей мере, для трех ключевых субъектов общества: государства, бизнеса и науки (субъектов общественной морали). При этом главенствующая роль в процессе формирования цифровой экономики

принадлежит бизнесу. Так, к примеру, бизнес предлагает правительству цифровые технологии управления страной и городами, важными социальными сферами – здравоохранением, образованием, культурой, пенсионным обеспечением. С наукой бизнес вступает в отношения конкуренции в вопросах производства баз данных и процедурах верификации полученной информации, подвергая сомнению подлинность и объективность данных, полученных традиционными научными методами [1]. Так на базе корпораций создаются научные лаборатории, которые генерируют массив данных на основе следов пользователей Интернет-сайтов, также используются технологии глубокого обучения для создания новых профилей товаров и услуг, отвечающих индивидуальным потребностям клиентов [2].

Как и любой рыночный организм, цифровая экономика не может существовать без доверия. Формирование доверия к цифровым технологиям играет важную роль не только для продвижения бизнеса и экономического роста, но и для развертывания процесса цифровизации общества в целом. Основу доверия к цифровой экономике составляют, прежде всего, показатели экономического роста страны и ее место в социальной структуре мировой экономики. Соответственно, уровень доверия в разных странах будет различаться, что подтверждает статистика CIGI-IPSOS GLOBAL SURVEY 2019 [3]. И этот факт представляет предмет сравнительного эмпирического исследования для социологов.

Важным моментом определяющим уровень доверия к цифровой экономике является уровень системного доверия в стране, включая доверие к работе органов государственной власти всех уровней, экономических и финансовых институтов, СМИ и социальным медиа, и др. Согласно «Барометру доверия Эдельмана 2020», в России зафиксирован самый низкий уровень доверия к СМИ и социальным медиа на глобальном рынке – 28%, при среднем показателе в 49%. Самый высокий показатель зафиксирован в Китае – 80%. Общемировые тенденции показывают, что наибольшим доверием пользуется информация из поисковых систем (62%), далее идут традиционные (60%) и собственные медиа (46%). В среднем в мире большим авторитетом пользуются технические специалисты корпораций (68%) и академики (66%), низшие позиции в рейтинге производства экспертного мнения занимают журналисты (36%) и государственные служащие (33%) [4].

Как правило, в научной литературе проблема доверия в цифровой экономике рассматривается через призму доверия технологиям и сети организаций, создающих институты для его воспроизводства. Доверие выступает механизмом, заменяющим такие традиционные формы социальной интеграции, как социальная кооперация, солидарность и согласие. Доверие создает связь в условиях неопределенности и в отсутствии четко заданной ценностно-нормативной структуры. Как и в аналоговой экономике, эта связь поддерживается институтом денег. Так, по данным CIGI-IPSOS GLOBAL SURVEY 2019, 56% населения мира уверены, что онлайн и мобильный банкинг положительно влияет на их уровень доверия цифровым технологиям. В то же время ряд исследователей (например, в Национальном центре цифровой экономики при МГУ им. М.В.Ломоносова, Институте статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, ОСЭР и др.) фокусируют свое внимание на решении проблемы национальной цифровой безопасности, защищенности информационных ресурсов и личных данных пользователей в Интернете как решающем факторе, определяющем общественный спрос на цифровые технологии.

Цифровое или онлайн-доверие социальными учеными часто определяется как доверие к технологии (веб-сайту), как положительные ожидания относительно намерений или поведения другой стороны, чья деятельность опосредуется Интернет-сайтом или Интернет-платформой. Соответственно, учеными предлагаются различные программы

исследования драйверов для запуска механизма доверия. Так, Я.Барт, Г.Урбан и В.Шанкар (2005) указывают на следующие системные факторы: наличия финансового риска, информационного риска, степени вовлеченности потребителя в процесс покупки на сайте, полноту информации, представленной на сайте, способы поиска информации на веб-сайте. Также они изучают характеристики непосредственно веб-сайтов, способствующие повышению уровня цифрового доверия: конфиденциальность, безопасность, навигацию и представление, силу бренда, наличие советов/рекомендаций, информацию о выполненных заказах, возможность общения с другими покупателями из сообщества, отсутствие ошибок. Положительное влияние на формирование доверия оказывает также и степень знакомства потребителя с конкретным сайтом, положительный опыт других пользователей, наличие положительного опыта онлайн-покупок в целом, наличие опыта общения в социальных медиа и др. При этом степень влияния тех или иных факторов будет различаться в зависимости от выбора сферы экономики [5]. Социальной значимостью данного исследования является возможность экстраполировать его выводы на процесс запуска цифрового доверия в социальной сфере и сфере государственного управления.

Таким образом, бизнес, формируя цифровую экономику, выступает не только инициатором предложения тех или иных цифровых технологий в обществе, но и транслятором положительного опыта создания его регуляторов – в частности, цифрового доверия.

Журавлева Е. Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 25-33.

Urban G.L., Timoshenko A., Dhillon P., Hauser J.R. Is Deep Learning a Game Changer for Marketing Analytics? Sloan Management Review. Vol.61, №2, 2020. Pp. 71-76.

CIGI-Ipsos Global Survey on Internet Security and Trust 2019. <https://www.cigionline.org/internet-survey-2019> (дата обращения: 09.10.2020)

Барометр доверия Эдельмана 2020. <https://www.edelman.com/trustbarometer> (дата обращения: 09.10.2020)

Bart Y., Shankar V., Sultan F., Urban G.L. Are the Drivers and the Role of Online Trust the Same for all Web Sites and Consumers? A Large Scale Exploratory Empirical Study. Journal of Marketing. Vol.69. October. 2005. Pp. 133-152.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ВОСТОЧНО- АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Соколова Дарья Андреевна

(Дальневосточный федеральный университет Школа экономики и менеджмента)

Селиванова Татьяна Валерьевна

(Дальневосточный федеральный университет ДВ РУМЦ, Инженерная школа)

Данное исследование выполняется в рамках проекта "Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах AKS-2015-OLU-2250003"

Для России представляет интерес плодотворное экономическое сотрудничество с ведущими мировыми державами – Китаем, Кореей и Японией на территориях Дальнего Востока. Уже сегодня наши государства взаимодействуют в режиме наибольшего благоприятствования. Экономическое развитие Дальнего Востока направлено не столько на увеличение общего числа предпринимателей, сколько на развитие бизнеса с высоким

потенциалом роста, который смог бы гармонично войти в высокоразвитую бизнес-экосистему Северо-Восточной Азии, что неизбежно приведет к формированию нового для Дальнего Востока типа деловых отношений. Нарращивание взаимной выгоды от делового сотрудничества видится через активность социальных сетей с их потенциалом личных связей, присущего им климата доверия и культуры общения. Предполагается, что использование этого потенциала для расширения делового сотрудничества даст наибольший инвестиционный эффект в развитии регионов Дальнего Востока России. Проведенные автором исследования, подтвержденные эмпирическими данными, выявили основные социокультурные характеристики деловой среды, определили доминирующие паттерны современного дальневосточного бизнес-сообщества в процессе расширения делового международного сотрудничества регионов Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии. В настоящий момент необходимо оценить эмерджентные свойства формирующихся сетевых структур международного бизнес-взаимодействия с позиции их влияния на поведение, принятие решений сетевых акторов и выбора стратегий бизнес-взаимодействия. В качестве «доминирующей социальной практики» в рамках концепции «пространства потоков» будем рассматривать «целенаправленное взаимодействие и обмен между социальными акторами» [2]. Опираясь на структуризацию социальных установок М. Смита [1] можем предположить, что доминирующими при формировании социоцентрических сетей взаимодействия российско-корейского бизнеса будут и поведенческая социально-психологические установки. Для базы сбора эмпирического материала выбраны компании «LSNetwork», «Kia Motors», «Lotte», «Sollers», «Hyundai», осуществляющие свою экономическую деятельность на территории Дальнего Востока России.

В рамках исследования впервые будут осмыслены происходящие социальные процессы международного бизнес-взаимодействия с позиции реляционного социологического знания. Принципы социометрического подхода впервые будут применены для анализа процесса международного делового сотрудничества предпринимателей Дальневосточного региона. Дана оценка интерпретационных возможностей сетевой теории, уточнены и дополнены ее концептуальные основы применительно к социально-экономическим условиям Дальнего Востока.

Разработанная модель взаимодействия основных социальных акторов международного делового сотрудничества будет положена в основу теоретико-методологического обоснования дальнейших полномасштабных социо-экономических исследований кооперации российских дальневосточных компаний со странами Северо-Восточной Азии.

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. *Социальная психология.* - М.: Аспект Пресс, 2003. - 474 с.

2. Птицына С. *Теория сетевого общества М. Кастельса. Социологический анализ.* - М.: LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING. 2011.- 60 с.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЭЛЕКТРОННЫМ ДОКУМЕНТАМ

Цветкова Галина
(Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ))

Актуальность данной проблемы безусловна, ибо одно из основных требований законодательного процесса - учет мнений и интересов различных социальных групп, что предопределяется необходимостью дальнейшей разработки и реализации механизма

внедрения законов в социальное пространство. В рамках данного посыла, злободневность вопросов многократно возрастает при формировании нормативной базы, которая прямо затрагивает потребности россиян. Речь идет о принятии федерального закона от 16.12.2019 N 439-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде". Регламент его исполнения в действии уже с 1 января 2020 г., но как его восприняли россияне? Что они думают по этому поводу? Не станет ли принятие этого государственного документа федерального уровня очередной социальной проблемой? Осмысление сложившейся ситуации и является нашей целью.

Большинство представителей органов власти, доказывая преимущества электронного формата трудовой книжки, указывают на потребность принципиально нового уровня организации и управления процессом документооборота. И, по сути, с этим сложно не согласиться. Действительно, это расширяет возможности эффективного решения многих вопросов, например, при оформлении визы, загранпаспорта или кредита в банке нужные сведения можно будет получить в различных организациях: через портал госуслуг, многофункциональный центр предоставления услуг, в Пенсионный фонд России (ПФР) или у работодателя.

Однако другие преимущества перехода на электронный формат пока вызывают большие размышления. Из них главная проблема – заявление о том, что ПФР будет надежно защищать данные электронной трудовой книжки, поэтому их утрата и утечка невозможны. Но доверяют ли россияне данной государственной организации? К сожалению, немногие. По данным Центробанка России, в январе 2016 г. о своём доверии ПФР заявлял каждый третий опрошенный, а к концу года лишь 21%. Сложность ситуации обусловлена и тем, что это был единственный финансовый институт, отношение к которому у россиян значительно ухудшилось.

Прошли годы, но доверие к ПФР практически не изменилось. Доказательством может служить его проверка Счетной палатой России в текущем году. В работе фонда выявлены, по утверждению депутата Государственной Думы С. Миронова, чудовищные ошибки (технические погрешности, просчеты в системе персонифицированного учета и пр.). В частности, в 2017–2019 гг. не начисляли доплаты к пенсиям более чем в половине случаев. После аудита пенсионерам было доплачено 2,2 млн. рублей [1], что свидетельствует о чрезвычайно низком качестве деятельности ПФР. Хотя организация действует уже более 25 лет. Важно и то, что со стороны представителей органов власти поступали предложения даже о радикальной мере к ПФР (о его роспуске). Одним словом, с одной стороны, федеральные органы власти видят и признают значительные проблемы ПФР, но с другой стороны, закрывают на них глаза, убеждая россиян доверить фонду новый объем работ.

Что касается россиян, то большинство критических отзывов с их стороны касается безопасности, устойчивости системы и сохранности персональных данных, то есть то, что является слабым звеном в работе ПФР. Абсолютно против закона 19%, 16% скорее его не одобряют. Полностью согласны с переходом на электронные трудовые книжки 18%, скорее одобряют — 25%. Следовательно, преимущество у тех, которые скорее согласны на электронный формат (9%). 22% и тех, кому нововведение безразлично [2]. Отсюда вывод: россияне (как и представители органов власти) знают о проблемах ПФР, но закрывают на них глаза. Ибо решают лишь один из многочисленных этапов перехода: выбор между "бумажной" и "электронной" трудовой книжкой.

Ситуацию усугубляет и другое объявленное преимущество - обеспечение высокой степени защиты персональных данных. Однако практика указывает на неопровержимые факты: регулярно происходят крупные утечки персональных данных (на продажу выставляются и продают данные клиентов "Сбербанка", Альфа-Банка, "АльфаСтрахования" и пр.[3]) у ведущих банков страны, поэтому доверие у россиян и в этом вопросе отсутствует.

Следовательно, создавая новое и перспективное направление (переход на электронные документы), необходимо более тщательно прорабатывать все элементы его механизма, включая отбор организаций, способных успешно решать задачи государственного уровня. Тогда, реализация нормативных актов не выльется в социальную проблему, а законы будут востребованы россиянами.

1. Бардак или стабильность? Нужно ли ликвидировать структуру ПФР. //ТВ Москва-24, 28 августа 2020.

2. Данные социологического опроса, проведенного Исследовательским центром портала Superjob.ru в декабре 2019 г. Опрошены 1600 человек из всех регионов страны. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/112270/3-iz-10-rossiyan-protiv-elektronnyh-dokumentov/>

3. Гайва Е. Персональные данные россиян снова выставили на продажу в интернете. //Российская газета, 06 февраля 2020.

ОБЪЯВЛЕНИЯ КАК РЕСУРС ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ОБЪЯВЛЕНИЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» В ГРУППЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ДАГЕСТАНСКУЮ МОЛОДЕЖЬ, ПРОЖИВАЮЩУЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ).

*Шекера Екатерина Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Термин «повседневность» в широкий научный оборот ввел Ф. Бродель. «Повседневное» – это то, что происходит каждый день, в силу чего не удивляет [2, 9-11]. Не претендуя на обзор подходов, ограничимся лишь кратким перечислением исследователей: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Барт, М. Фуко, Дж. Остин, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, Л. Витгенштейн, Б. Латур, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, М. Мид, К. Гирц, И. Утехин, В. Ильин и др.

Мигранты, приезжающие в регион с иными культурными, религиозными, социальными, экономическими и т.д. характеристиками вынуждены встраиваться в функционирующее социальное пространство: «сталкиваясь с многочисленными повседневными потребностями и не находя возможности удовлетворить их с помощью имеющихся в российских городах институций, мигранты начинают искать собственные пути посредством различных стратегий самоорганизации» [3, 131]. Создание таких сетей также актуализируется при наличии ксенофобии в отношении мигрантов, вследствие которой приезжие дискриминируются принимающим обществом на бытовом уровне (отказ сдавать в аренду жилье, при приеме на работу и др.).

Современные возможности цифровых технологий намного облегчают процессы создания социальных сетей мигрантов. Мы предприняли попытку изучения повседневности посредством проведения контент-анализа объявлений, опубликованных за период с 1 мая 2018 по 1 мая 2019 гг. в крупной группе, ориентированной на дагестанцев,

проживающих в Санкт-Петербурге, функционирующей в социальной сети «ВКонтакте». Все объявления были разбиты на категории: аренда недвижимости, запрос информации, объявления о покупке/продаже, просьба о помощи и т.д., выявлены наиболее частые запросы и предложения.

На основании проведенного исследования выявлены основные функции социальной сети:

- крупный информационный хаб, ориентированный на потребности данной аудитории;
- удовлетворение национально-религиозных потребностей, специфичных для региона-реципиента (блюда национальной кухни, медицинские препараты и процедуры «по сунне», мусульманская одежда и т.д.);
- стабильная связь с регионом исхода (передача посылок, вещей и документов, поиск попутчиков и т.д.);
- доверие (аренда недвижимости, запросы информации, рекомендации и т.д.). Как отмечают О. Бредникова и О. Паченков: «границы доверия зачастую совпадают с границами контроля: доверяют тем, кого можно проконтролировать» [1, 78];
- взаимопомощь (просьба о помощи будет услышана, т.к. существует вера в условие, что свои своих не бросают);
- групповая солидарность (совместное переживание радости, чувства гордости за своих, скорби, выражение соболезнований и др.);
- досуг (общение «со своими»);
- площадка для рекламы частного и малого предпринимательства, товары и услуги которого ориентированы на данную аудиторию;
- поиск людей через сеть (пропавших родственников и друзей, а также людей с целью наказания, за совершенные проступки против своих).

1. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. Т.3. №2. 2002. С. 74-80.

2. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

3. Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России*. Т. 2. 2015. С. 129–151.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ НА ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ В ЭКОНОМИКЕ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ В РОССИИ, КИТАЕ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ярлова Татьяна Викторовна
(МГИМО МИД России)

Елисеев Филипп Андреевич
(МГИМО МИД России)

Аннотация. Пандемия 2020 года значительно ускорила переход всех областей человеческой деятельности к цифровому формату, однако каждая область имеет свою специфику, которая не может не повлиять на быстроту, качество и эффективность таких изменений. В данной статье автор ставит задачей привести данные по агрегированному

уровню цифрового доверия, показать детализированные компоненты, влияющие на уровень цифрового доверия, а также выделить те современные тренды и технологии из опыта как России, так и других стран - КНР и Великобритании, которые могут в перспективе существенно повысить уровень доверия к цифровым технологиям.

Ключевые слова и фразы: цифровое доверие, цифровизация, цифровая экономика, инновации, реакция на эпидемию, риски, безопасность, информационная безопасность, кибербезопасность.

Введение.

Глобальная угроза, неожиданно настигшая мир в 2020 году, потребовала принятия довольно серьёзных решений, которые, в отсутствие такого весомого стимула, вряд ли были бы реализованы в столь короткие сроки. Вирусная опасность естественным образом спровоцировала человечество на введение "удалённого режима", причём режим этот коснулся всех сторон людской деятельности: от образования и питания до экономики и бизнеса. Логично предположить, что из-за неизбежности применения цифровых и сетевых технологий у общества не останется выбора, кроме как принять эти технологии и начать активно ими пользоваться, однако, как оказалось, далеко не каждый и не во всём готов положиться на "цифру" и Интернет, и, к сожалению, к тому есть основания. Далее мы попытаемся проанализировать существующие проблемы перехода в цифровой мир, рассмотрим динамику изменений доверия населения к цифровым технологиям и, что самое главное, попробуем выделить те современные тренды, технологии, инновации, опыт, которые приводят или могут привести к повышению уровня такого доверия.

Установление используемых понятий. Нельзя рассматривать доверие к "цифре" в отрыве от понятия цифровизации. Итак, цифровизация - современное направление развития компаний и организаций, направленное на перемещение информационного, финансового и документарного оборота в цифровую среду [4]. Более того, в наши дни особенно актуальна такая грань цифровизации, как цифровое общение и цифровые отношения с клиентом. Так, например, создание электронного личного кабинета на сайте организации может стать базой для дальнейшего сотрудничества и работы.

Теперь необходимо понять, что же характеризует уровень цифрового доверия. Многие зарубежные исследователи сходятся во мнении, что уровень цифрового доверия характеризуется следующими объективными параметрами: конфиденциальность, защита, безопасность и возможность управления данными [3].

Заметим, что в качестве пользователей продуктов цифровизации выступают не только рядовые потребители, но также и производители в лице фирм и компаний, переходящих в сетевую среду. Таким образом, давайте посмотрим на основные опасения по этому вопросу за 2017 год, сравним их с реальными потребительскими проблемами и выделим направления, в которых необходимо вести работу для повышения цифрового доверия [1].

	Россия	Все страны
Перерывы и сбои в работе ИТ-систем	89	90
Взлом систем кибербезопасности, наносящий ущерб бизнес-информации или основным системам организации	83	91

Нарушение конфиденциальности персональных данных и этических норм	81	93
Риски, связанные с использованием социальных сетей	75	88
Отсутствие четкой структуры владения цифровыми активами	70	69

Таблица. Результаты опроса глав компаний о наиболее значимых негативных модификаторах цифрового доверия.

По таблице видно, что наибольшую озабоченность фирмы проявляют по отношению к качеству физической работы IT-систем, наличию сбоев в их работе. Однако не менее важный пункт - конфиденциальность. И его стоит отдельно выделить, так как он же интересует и потребительскую сторону, в чём мы можем убедиться, обратив внимание на следующую таблицу [2].

	Процент опрошенных среди	Процент пострадавших среди
Несанкционированная рассылка (спам)	19,7	63,7
Заражение вирусами	8,9	28,8
Несанкционированный доступ к данным	1,4	4,5
Несанкционированное пользование личными электронными адресами	0,7	2,3
Хищение денежных средств, персональных данных	0,2	0,7

Таблица. Столкновение с угрозами информационной безопасности при использовании Интернетом населением.

Довольно большой процент опрошенных пользователей сталкивался с различного рода информационными опасностями, большинство из которых являлись по существу посягательствами на конфиденциальность. В частности, спам-рассылки свидетельствуют об утечках баз данных пользователей.

Итак, мы перечислили основные критерии, которые тянут общий уровень доверия к цифровым технологиям вниз, будь то сторона пользователя-потребителя или пользователя-производителя. Следовательно, необходимо сфокусироваться на проблемах надёжности и конфиденциальности. Решение такого рода проблем можно искать под эгидой направлений кибербезопасности.

Обстановка на сегодняшний день. Важно в контексте цифровизации рассмотреть переломный момент - момент вирусологического кризиса 2020 года: обстановку незадолго

до эпидемии, реакцию бизнеса и общества на сам кризис, отзывы о проделанной работе через некоторое время после пика кризиса.

Незадолго до эпидемии вируса Covid-19 по результатам опроса вырисовывалась вполне неоднозначная ситуация: на вопрос о том, способна компания обеспечить уровень операционной устойчивости, способный нивелировать негативный эффект от угроз, лишь 49% глав компаний ответили, что их организации имеют функциональные подразделения по управлению рисками, внутреннему аудиту и кибербезопасности, но и те работают разобщённо, не давая единого представления о рисках и угрозах в рамках целостной бизнес-экосистемы [6].

На вопрос же о доверительных отношениях с третьими сторонами в цифровой области 54% руководителей ответили, что это ведёт в существенному увеличению уязвимости и тех самых информационных рисков [6].

Можно заметить, что бизнес-сообщество имело и имеет крайне неоднородное отношение к проблеме цифровизации и кибербезопасности. Показания в районе 50% выражают абсолютную неуверенность, непонимание происходящей трансформации, будто компании пока идут в темноте, пытаясь нащупать лучший для себя путь.

Теперь обратимся к более благоприятной на мой взгляд статистике, связанной уже с непосредственно антикризисными мерами, то бишь с реакцией на внешние вызовы.

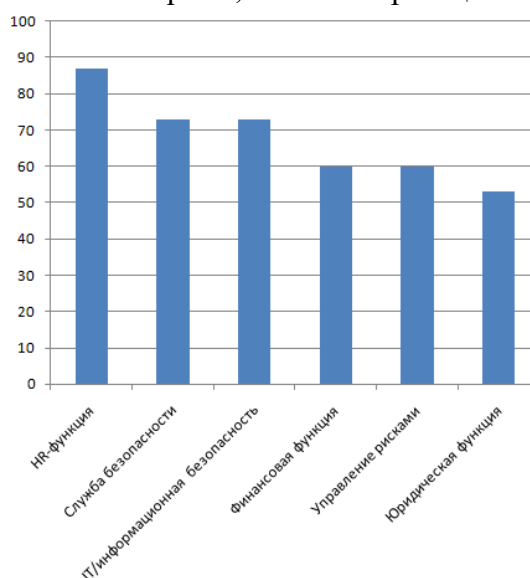

Диаграмма. Структурные подразделения (в процентах от опрошенных), которые вошли в оперативный штаб/ кризисный ситуационный центр по реагированию на изменение ситуации в связи с COVID-19.

По представленной диаграмме видно, что в качестве реакции на, казалось бы, не связанную с информационной безопасностью угрозу компании предпочли формировать подразделение информационной безопасности [5]. Причём количественно их получилось сравнимо со службой безопасности и даже больше, чем у финансового отдела. Это говорит о том, что в компаниях, по мере осознания способов борьбы с экономическими последствиями пандемии, стали формироваться естественные ответы и на новые угрозы - информационные. Это большой шаг ко всеобщему пониманию важности цифровизации и безопасности в этой сфере.

Теперь особенно важно и интересно проследить логику компаний спустя некоторое время после самого острого момента кризиса наших дней.

По результатам очередного опроса, проходившего в июне-июле 2020 года, большинство руководителей считают, что вызванные пандемией COVID-19 изменения, выразившиеся в переходе на удаленный режим работы (78 %), ускорении автоматизации (76 %) и снижении численности сотрудников в офисах (61 %), останутся с нами надолго. В целом, 61 % опрошенных говорят, что в будущем их бизнес-модель будет более цифровой – это то изменение, которое только ускорилося в результате пандемии [7].

Итак, мы выяснили, что пандемия и вызванный ею удалённый режим работы, как основной тренд нашего времени, вызвали принудительную трансформацию цифрового доверия как минимум среди компаний. Однако по прошествии времени такая вынужденная мера была подкреплена усиленными системами кибербезопасности, большей ответственностью в этой сфере и формированием чёткого понимания угроз, которые могут возникнуть при её реализации.

Как же происходили и происходят трансформации доверия в России и, для сравнения, в Великобритании. Давайте рассмотрим (*Таблица*) глобальный индекс кибербезопасности и его субиндексы в России и стране-лидере — Великобритании - за 2018 год [2]:

Показатель	Значение показателя		Отставание России, %
	Великобритания	Россия	
Глобальный индекс кибербезопасности	0,931	0,836	-11,4
Законодательные аспекты кибербезопасности	0,200	0,197	-1,5
Технические аспекты кибербезопасности	0,191	0,162	-17,9
Организационные аспекты кибербезопасности	0,200	0,177	-13,0
Навыки страны в построении системы кибербезопасности	0,189	0,166	-13,9
Международное сотрудничество в области кибербезопасности	0,151	0,135	-11,9

Видно, что самое сильное отставание есть по техническим аспектам кибербезопасности.

Если же сравнивать Россию и Китай, то стоит отметить, в Китае было сформировано особое отношение к цифровому способу обмена данными. Поскольку активное пользование финансовыми услугами и цифровыми продуктами и технологиями проходили в тесной взаимосвязи, у населения Китая менее остро вставала дилемма «Удобство или сохранность?» [4]. Более того, в международных рейтингах кибербезопасности Китай не может занимать лидирующей позиции по понятной причине - из-за наличия всеобъемлющего государственного контроля за информационными потоками, практически исключая конфиденциальность.

Теперь, проведя сравнительный анализ, можно выделить основные направления работы для повышения уровня цифрового доверия не только в рамках организации, но и применительно к государству.

Итак, необходима работы одновременно в двух направлениях:

сокращение технологического отставания России в области кибербезопасности и сетевой инфраструктуры

сохранение текущего уровня конфиденциальности, недопущение необоснованных вторжений в частное цифровое пространство организаций

Касательно второго пункта, объективно сложно сочетать государственную безопасность с кибербезопасностью экономики, ведь сильное влияние в первом может вызвать отток инициативы во втором со стороны бизнеса.

Существует мнение, что новые технологии - информационно-коммуникационные технологии пятого и шестого технологических укладов - способны разрешить эту дилемму "свободы и безопасности". Перечислим те из предлагаемых технологий, которые, в соответствии со всем вышесказанным, могут стать ключевыми:

Переход от локальной защиты к облачной, переход к облачным операциям. Это позволяет предприятиям лучше защищать мобильных сотрудников и облачные приложения путем маршрутизации трафика через облачные решения в области безопасности, чем в «классическом» варианте обработки входящего трафика в собственном дата-центре [11].

Применение решений XDR для повышения точности и продуктивности работы систем защиты. Автоматический сбор и сопоставление данных, полученных из нескольких систем безопасности [11].

Внедрение сети Wi-Fi 6 и 5G. Скорость - ключевой момент, который поможет реализовать остальные проекты безопасности. Кроме того, быстрота передачи данных непосредственно влияет на уровень принятия цифровой технологии простым потребителем [10].

Блокчейн технологии. На них следует обратить внимание финансовым организациям, для которых единство информации предстаёт одним из важнейших условий. Внесение сторонних изменений в такую структуру практически невозможно, что делает блокчейн отличной системой для стандартизации.

Это лишь малый список технологий, на которые компаниям следует обратить внимание [12]. Преимущество их в том, что они на слуху, а для потребителя частота упоминания того или иного объекта в наши дни является чуть ли не основным критерием субъективной оценки качества, надёжности (ещё один феномен трансформации доверия). Таким образом, даже знакомство потребителя с технологиями, с которыми он напрямую связан не будет, может сильно повлиять на степень его вовлечённости.

Следовательно, в качестве эффективного метода повышения цифрового доверия можно рассматривать открытые презентации, мастер-классы, вне зависимости от специфики организации или фирмы.

И тут следует отметить очень важный эффект, являющийся противоположным тому, о чем мы говорили выше. Сейчас происходит инверсия доверия потребителя: если раньше хорошая, качественная продукция была стимулом положиться на информационную сеть фирмы (скажем, заказать товар через сайт, рискуя суммой покупки), то в наше время происходит ровно противоположное. Если пользователь видит красивую "информационную обёртку", то он будет расположен воспользоваться услугой, которая в неё завернута.

Давайте обратим внимание на очень показательный, по моему мнению, пример: грядущее противостояние сверхкомпаний - "Яндекса" и "Сбера". Начав с совершенно противоположных ситуаций, эти компании пришли к одному результату. Так, "Яндекс", будучи вначале исключительно информационно-поисковым сервисом, дифференцировал

услуги на сферу такси, сферу доставки еды, и, по последним данным, пришёл к покупке банка "Тинькофф" [9], то есть вышел на банковские и финансовые операции. В то же время "Сбербанк", являясь банком по сути и назначению, стал активно переходить в информационную сферу, начав с мобильных и онлайн-платежей. Затем он взял под крыло службу доставки еды "Delivery Club", и почти одновременно с последним преобразованием "Яндекса" заявил о переименовании в "Сбер" [8]. Это является демонстративной попыткой ухода от устоявшегося понятия "Сбер"-банка, то есть притязание на более широкий спектр услуг и товаров. Есть вероятность, что через несколько лет мы можем наблюдать на российском рынке противостояние двух равномогущих корпораций, которые волею судьбы были сведены вместе именно благодаря цифровизации.

Вывод. Подводя итог, хочется отметить последующие основные пункты. Доверие к цифровым технологиям в наши дни проявляет не только потребитель, но и производитель - и это необходимо учитывать. Пандемия коронавируса сильно подтолкнула компании к переходу в "цифру", пусть для многих из них этот переход был болезненным. За крайне небольшой срок были сформированы новые задачи и проблемы, связанные с цифровизацией, и, что самое главное, выделены силы на их решение. Сравнивая Россию с Великобританией и Китаем, хочется отметить, что она, как и во многих других аспектах, впитала достоинства и недостатки и Запада, и Востока, а посему может воспользоваться опытом решения проблем как с той, так и с другой стороны. Наиболее эффективный метод повышения уровня цифрового доверия - внедрение новых технологий и предание информации о них в массы, чтобы повысить частоту упоминания. За образец для крупных компаний необходимо брать те, которые уже гипердифференцировали продукт в цифровой сфере. В России уже есть две компании, которые могут послужить примерами подобной успешной цифровизации, имеющими высокую степень доверия в себе. Ключевым для поддержания цифрового доверия является соблюдение баланса между удобством - поддерживаемым технологиями и маркетингом, - и сохранностью - поддерживаемой юридически и институционально. В заключение, хочется сказать, что цифровизация и цифровое доверие - те потенциальные области и, фигурально, хвост фортуны: в них Россия может стать действительно передовой державой, и за эту возможность нужно ухватиться.

1. В. Соколов, "Доверие к цифровым технологиям"
2. М. Кевеш, Г. Ковалёва, М. Коцемир, исследование ВШЭ "Доверие населения к сетевым технологиям и сервисам"
3. С.С. Торин, Р.К. Нурмухаметов, "ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ (DIGITAL TRUST): СУЩНОСТЬ И МЕРЫ ПО ЕГО ПОВЫШЕНИЮ"
4. Т.В. Ярлова, Ф.А. Елисеев, " ОПЫТ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КИТАЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКОЙ ОТРАСЛИ"
5. PwC (PricewaterhouseCoopers), отчёт об опросе, опрос руководителей функции управления рисками, апрель 2020 г., "Управление рисками: испытание кризисом и грядущие изменения работы в новых условиях"
6. [Электронный ресурс] PwC (PricewaterhouseCoopers), "Глобальное исследование по рискам 2020 года" // <https://www.pwc.ru/ru/publications/2020-global-risk-study.html>
7. [Электронный ресурс] PwC (PricewaterhouseCoopers), "78% руководителей крупнейших компаний мира признали режим удаленной работы долгосрочным последствием от пандемии COVID-19" // <https://www.pwc.ru/ru/press-center/2020/rukovoditeli-priznali-rezhim-udalennoy-raboty.html>
8. [Электронный ресурс] РБК, "Греф объяснил смысл нового логотипа Сбербанка" // <https://www.rbc.ru/finances/24/09/2020/5f6c11709a7947374ee6b0f5>

9. [Электронный ресурс] РБК, "Тинькофф Банк предварительно договорился о своей продаже «Яндексу»" // <https://www.rbc.ru/business/22/09/2020/5f6a27009a79477552822c96>
10. [Электронный ресурс] "Пятёрка ключевых сетевых трендов 2020 года по версии Cisco" // <https://servernews.ru/1000101>
11. "Gartner: 9 most important trends in security" "Гартнер: 9 важнейших трендов в области безопасности"
12. Т. Клау, "Укрепление доверия: как расти в эпоху цифровых технологий"

САМОЗАНЯТОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ

Яцунова Анна Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Новый специальный налоговый режим был введен в Российской Федерации с 1 января 2019 года и получил название «Налог на профессиональный доход» (НПД). К сентябрю 2020 года налоговый режим действует практически на всей территории РФ [1]. Всё взаимодействие с налоговыми органами происходит в онлайн-режиме: становление на учет НПД, ведение трудовой деятельности и снятие с учета НПД. Взаимодействие с государственными органами сведено к минимуму, а приложение, через которое предлагают вести деятельность, выполнено максимально просто и интуитивно понятно.

Одну из проблем, которую должен был решить новый налоговый режим, это легализация теневой экономики. По данным Росстата на конец 2018 года в российской экономике неформально заняты 14 млн человек (19,3% в общей численности занятых) [2]. Практически за два года существования НПД в системе зарегистрировались один миллион человек.

НПД вызвало больше негативных эмоций со стороны россиян: одни боялись тотального контроля банковских операций со стороны налоговых органов, другие не доверяли приложению «Мой налог» и считали, что их данные утекут в сеть, также опасение вызывала теоретическая сложность регистрации дохода и уплаты налога только с помощью Интернет-ресурсов и т.д.

К одной из причин такого поведения можно отнести то, что само понятие самозанятость является достаточно размытым, поскольку в разных нормативно-правовых актах это понятие трактуется по-разному. Например, в ГОСТ 12.0.004-2015 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ)» самозанятое лицо трактуется как человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства [3]. В свою очередь в проект Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан" (подготовлен Минюстом России 29.05.2018) самозанятыми считались граждане, отвечающие следующим критериям:

- физические лица, осуществляющие основанную исключительно на личном участии предпринимательскую деятельность по продаже произведенных такими лицами товаров, оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, в том числе во время, свободное от исполнения обязанностей по трудовому договору;
- не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей;
- представившие уведомления об осуществлении указанной деятельности в налоговый орган в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах." [4].

Усугубляющим фактором является недоверие граждан РФ к общественным институтам (правительству в частности), а также к организации защиты данных от утечек в сеть, в связи с этим возможен выход граждан, задействованных в теневой экономике, сопровождается преувеличенными и зачастую придуманными страхами.

1. *Что такое «налог на профессиональный доход». Федеральная налоговая служба. Режим доступа: <https://nrd.nalog.ru/> (дата обращения 08.10.2020)*
2. *Росстат измерил «невидимую» экономику России Какие отрасли глубже всего ушли в тень. РБК от 29 августа 2019. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/29/08/2019/5d651ed89a79474a0d725030> (дата обращения 08.10.2020)*
3. *ГОСТ 12.0.004-2015 Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Организация обучения безопасности труда. Общие положения. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200136072> (дата обращения 08.10.2020)*
4. *Проект Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан" (подготовлен Минюстом России 29.05.2018). Режим доступа: <https://base.garant.ru/56753994/> (дата обращения 08.10.2020)*

СЕКЦИЯ 6. АНТРОПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Бурганова Лариса Агдасовна

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Мягков Герман Пантелеймонович

(Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова)

Юрьева Оксана Владимировна

(Казанский федеральный университет)

Проблема цифровизации высшего образования в России нуждается прежде всего в методологической проработанности. На сегодняшний день можно выделить как минимум три методологических подхода к ее изучению и решению. Первый из них по своей сути технократический, поскольку для него характерно сведение этого процесса к «оцифровке», то есть к техническим инновациям, направленным на решение практической проблемы перевода в цифровой формат всех учебных материалов и создания общедоступных баз знаний, привлечение к управлению учебным процессом технологий web 3.0, интеллектуальных систем, различных мобильных и облачных технологий для организации обучения.

Конечно, все это должно значительно изменить как содержание учебной деятельности, так и ее организацию. У студентов и преподавателей уже сейчас есть возможность широкого применения новых платформ для обучения – массовых открытых образовательных курсов, использования ряда полезных ресурсов для автоматизации и упрощения ряда рутинных функций, организации продуктивной учебной деятельности. Однако при всей значимости технологического аспекта цифровизации следует признать, что «оцифровка» не может стать целью новой модели образования, это лишь средство ее реализации. Добавим, при условии учета других составляющих этого процесса – организационных, социальных, культурных и пр.

Второй подход к анализу и практической реализации проблемы цифровизации высшего образования фиксирует внимание на осуществлении структурных изменений самого института образования. Поэтому его можно определить как институциональный подход. Необходимо учитывать, что цифровая модель обучения должна быть обеспечена не только технико-технологическими инновациями, но и академическими, организационными преобразованиями самой системы. Здесь ключевое значение приобретают процессы трансформации организационной структуры (выделение функциональных служб, ответственных за внедрение технологий цифрового обучения, налаживание межфункциональных горизонтальных связей между ними, с одной стороны, и деканатами и кафедрами, с другой) и адекватной ей организационной культуры, соответствующих норм и ценностей, определяющих правила взаимодействия ключевых акторов этого процесса. Однако, как отмечают зарубежные и российские исследователи, пока важнейшим результатом внедрения цифровых технологий в систему взаимодействия в высшей школе, является усиление роли университетской бюрократии, рост

административного контроля над деятельностью преподавателей в форме «оцифрованного администрирования» [1; 2].

Третий подход к исследованию проблемы цифровизации образования — это рискологический анализ, в рамках которого основное внимание уделяется анализу социальных рисков этого процесса [3; 4]. Это направление исследований выдвигается сегодня на передний план, оно актуализирует проблему управления рисками цифровизации высшего образования, важнейшим элементом которого должно стать установление постоянной обратной связи, анализ поступающей снизу – от преподавателей и учащихся информации о проблемах освоения и использования цифровых технологий в обучении.

1. Тульчинский Г.Л. *Цифровая цивилизация: вызовы и трансформации современности* // *Философские науки*. – 2017. – № 6. – С. 121-136.
2. Selwyn N. *Minding our language: Why education and technology is full of bullshit... and what might be done about it* // *Learning, Media and Technology*. – 2016. – N 41 (3). – P. 437-443. – URL: <https://doi.org/10.1080/17439884.2015.1012523>.
3. Бурганова Л.А. *Социальные риски цифровизации высшего образования* // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2019. – № 4. – С. 224-227.
4. Стрекалова Н.Б. *Риски внедрения цифровых технологий в образование* // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2019. – Вып. 2. – С. 84-88.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ПОДВИЖНОСТИ

Васильва Дарья Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Классический антропологический вопрос о создании домашнего пространства (homemaking) приобретает новое значение в рамках интенсификации подвижности социальных агентов и появления новых форм мобильности. В мире, где у человека есть потребность каждый день «возвращаться домой» при том, что он ездит в командировки, работает и учится за границей, «кочует» между разными городами и странами, куда забрасывает его карьера, и в то же время, где «дом» все еще ассоциируется с местом рождения, сама идея «дома», по-видимому, должна соотноситься как с фиксированностью, паттернами регулярных действий и принадлежностью (belonging), так и с современным понятием текучести. Ситуационная, индивидуальная, и парадоксальная идентичность современного человека предполагает, что ведение создание домашнего пространства может быть проанализировано, через понятия сборки или асамбляжа (2, 1988), взаимосвязности, гибридности (1, 1994), транслокальности. Невозможна четкая граница между "близкими людьми", "близкими практиками" и "близкими вещами" внутри дома и далекими Другими, "далекими-вещами", "далекими-практиками" во вне.

Взаимодействие с близкими, приобретая транслокальный характер, в большинстве изученных кейсов становится даже более интенсивным стала, и приобретает другую природу. Символический ряд, лежащий в основе взаимодействия, который ранее формировался на основе разделенного опыта, теперь создается в контексте существования общего информационного поля.

Другим важным фактором трансформации домашнего пространства является то, что человек начинает свое «перемещение» с конструирования образа будущего дома, в который он придет, и образов вещей, которые «роднят» с новым местом проживания. Например, «у них есть совершенная антропологическая школа, их подход, который они используют,

гораздо ближе ко мне» - «близкие люди есть», это родина моего ума» - подобные установки основаны на политических и интеллектуальных моделях мышления, которые позволяют найти «близкое» и домашнее, где бы вы не были.

Следующий уровень пересборки домашнего пространства в условиях передвижения основан на взаимодействии с мобильными объектами и паттернах организации домашнего пространства. Домашнее блюдо, ноутбук, ожидаемый способ организации спального места и многое другое позволяют быстро реконструировать границы «дома».

Воображаемый мир «моего родного дома», множественное понимание домашних объектов и текучая принадлежность перемещающихся людей - это 3 основных фактора трансформации отношений «близкого и дальнего» и «я и другой».

1. Bhabha H.K. (1994) *The Location of Culture*. Routledge
2. Deleuze, G. and Guattari, F. (1988). *A Thousand Plateaus*. London: Athlone
3. Frost, Nicola and Selwyn, Tom (eds.). 2018. *Travelling Towards Home: Mobilities Homemaking*. Berghahn Books.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПЕРЕНАСЫЩЕНИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Воробьева Надежда Юрьевна

(Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет))

Роль цифровых технологий в условиях пандемии COVID-19 трудно переоценить. Вынужденные условия самоизоляции заставили коммуникаторов и реципиентов по-новому осмыслить «амбивалентность электронной культуры» [3], сконцентрироваться на выявлении положительных сторон цифровых реалий современного общества. Потребительское общество получило «ускорение в пустоте, избыточность производства при отсутствии конечных целей» и «дестабилизацию, сходную с вирусными процессами», как провидчески заметил о кризисе П.С. Гуревич [1, 38].

Существует древняя история обоснованной критики свободного распространения информации в обществе. Будучи включенными в систему общественных отношений, информационные технологии становятся важнейшим фактором социокультурных изменений. Традиционные информационные технологии касались лишь способов фиксации, тиражирования и распространения информации, не затрагивали процесс создания и смысловой ее переработки. Изобретение печатного станка дало возможность безграничного роста производства «бумажной» информации, но способы ее переработки по-прежнему зависели от физических данных человека. Это свойство книгопечатания породило противоречие между возможностями накопления информации и ее использования [6, 388].

Специфика современных цифровых технологий такова, что они являются культурогенными, формируя личность, определяя формат образования, систему социальных коммуникаций. Цифровизация претендует на радикальные изменения всей системы духовно-практической деятельности и культурного творчества человека, как отмечают исследователи в области цифровой социологии [5] и цифровой антропологии [4, 389].

В начале XX в. Г. Зиммель писал о кризисе культуры [2, 236-240], который проявляется в конфликте объективной культуры с ее многообразным сложным наследием

и субъективной культуры личности. М.Н. Эпштейн в 1998 г. характеризует проблему информационного перенасыщения в качестве «основного закона истории» [11, 34]: отдельный человек все более ощущает себя неспособным освоить мир культурных ценностей, человечество в целом продолжает наращивать технико-информационную экспансию.

Сегодня речь идет о необходимости всестороннего анализа проблемы информационного перенасыщения с целью нахождения баланса в системе «человек – общество - информация» [9]. Цифровизация может быть интерпретирована как вызов светскому мировоззрению, вызов свободе и ответственности человека перед Богом за себя и других участников коммуникации. Апостол Павел предупреждал: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12). Освободиться от рабства и не потерять себя как личность, не лишиться возможности «социокультурного семиозиса» [8] можно, начав строить духовно мышление и поведение. Актуальна разработка концепта «общение» с точки зрения православной богословской антропологии [10], понимание идеала поможет избежать рисков обезличенного общения. Также необходимы навыки самодисциплины христианина [7, 121-127].

1. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. *Философия культуры*. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2014. 424 с.
2. Зиммель Г. *Кризис культуры // Логика культуры. Антология / Отв. ред.-сост. С.Я. Левит*. СПб.: Университетская книга, 2009. 864 с.
3. Касавина Н.А. *Человек и техника: амбивалентность электронной культуры*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-tehnika-ambivalentnost-elektronnoy-kultury> (дата обращения: 21.09.2020).
4. Манович Л. *Язык новых медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
5. Ницевич В.Ф. *Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-teoretiko-metodologicheskie-istoki-i-osnovaniya> (дата обращения: 21.09.2020).
6. Сидорская И.В. *Информационные технологии // Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко*. Мн.: Книжный Дом, 2010. 1312 с.
7. Симеон (Томачинский), архимандрит. *Добродетель интернет-воздержания // Симеон (Томачинский), архимандрит. Мягкая сила культуры*. М.: Данилов мужской монастырь, 2015. 160 с.
8. Сулимов В.А., Фадеева И.Е. *Антропология современности: экзистенция, социальность, когниция*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-sovremennosti-ekzistentsiya-sotsialnost-kognitsiya> (дата обращения: 22.09.2020).
9. Труфанова Е.О. *Информационное перенасыщение: ключевые проблемы*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-perenasyschenie-klyuchevye-problemy> (дата обращения: 22.09.2020).
10. Чурсанов С.А. *Богословский концепт «общение» и цифровые информационно-коммуникативные реалии современного социума*. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41848749> (дата обращения: 22.09.2020).
11. Эпштейн М.Н. *Информационный взрыв и травма постмодерна // Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория*. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

*Воронина Александра Сергеевна
(ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова)*

Постепенно в современном обществе широкое использование Интернета превратилось в повседневность. Основной характеристикой новой социокультурной среды является свободный доступ к различным источникам информации [1].

Информационная доступность и образованность становятся не столько средствами достижения целей, сколько стимуляторами стремления все больше времени проводить в интернет-пространстве – в виртуальной реальности сетевой публичности [3, 109].

С распространением беспроводных сетей и смартфонов, дающих каждому пользователю возможность ничем не ограниченного пребывания в социальных сетях, наблюдаются и трансформации в поведении самого индивида [2].

Трансформационные и глобализационные процессы обусловили видоизменение традиционных и появление новых видов идентичности. В частности, появилась виртуальная идентичность. Хотим мы того или нет, но в настоящее время интернет-коммуникации влияют на процесс социализации многих индивидов, для которых Интернет стал пространством развлечения, делового общения, местом отдыха, виртуальных знакомств и встреч. В отличие от привычных традиционных коммуникаций, взаимодействия в среде Интернета приобретают новые возможности, несущие в себе как позитивный, так и негативный потенциал, формирующий самоидентификацию в виртуальной среде. С каждым годом число пользователей Интернета увеличивается: в 1995 г. при появлении первой социальной сети количество ее пользователей составляло менее 35 млн человек, в 2020 г. оно увеличилось до 5,19 млрд и продолжает расти [4, 59].

Автором методами участвующего включенного наблюдения и глубинного интервью проведено исследование, участниками которого стали пользователи сети Instagram. Критерий отбора - пользователи, ежедневно ведущие свои страницы (блоги). Все участники исследования назвали себя блогерами, а своё времяпровождение в Инстаграм - блогерством. Большинство информантов зарабатывают посредством этой социальной сети деньги. У половины опрошенных инстаграм является основным источником заработка. С того момента как блогер решает монетизировать свой блог, его презентация себя (тексты постов, комментарии другим пользователям, визуал) претерпевает изменения. Сам блогер становится более аккуратен в комментариях. Он старается создать некий образ себя.

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. Москва, 1986. 451 с.
2. Мясникова Л. А., Дроздова А. В., Архипова Ю. В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 168–172
3. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. Том 20, № 5. 2018. С. 105–124
4. Тихонова В. Л. Культурная самоидентификация в социальной сети интернета // Вестник АГТУ. 2016. № 1 (61). С. 59–63

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КАК АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Выхованец Алена Егоровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Широкое распространение социальных сетей в современном медиaproстранстве формирует новую среду для социального взаимодействия со специфическими особенностями и широкими возможностями для произвольного конструирования идентичности. Важными характеристиками цифрового взаимодействия являются анонимность и ограниченный сенсорный опыт.[5] Благодаря этому в рамках виртуального взаимодействия индивид имеет возможность экспериментировать с гендером, этнической принадлежностью, возрастом, именем и т.д.[3] Репрезентация индивида в медиaproстранстве становится важным аспектом его социальной идентичности.

"Социальное конструирование — это процесс превращения словесных определений в более или менее устойчивые формы поведения, социального взаимодействия".[2] Таким образом, конструирование идентичности предполагает совокупность различных практик, целью которых становится легитимация присвоения личностью определенного статуса. Для анализа самопрезентации личности используется драматургический подход, заложенный Ирвингом Гофманом [1] и концепция перформативной идентичности, предложенная Дж. Батлер [4]. В данной работе предлагается применить данный метод для анализа социального взаимодействия и конструирования идентичности в медиaproстранстве и рассмотреть, какие поведенческие особенности в рамках виртуальной коммуникации служат механизмами конструирования идентичности, и как они соотносятся с различными социальными ролями за пределами цифрового пространства.

Эмпирическим материалом данного исследования служат 10 глубинных интервью, проведенные с петербургскими женщинами, которых объединяет интерес к русской традиционной культуре и стремление внедрить ее элементы в современный образ жизни. В ходе интервью им предлагалось составить список из 20-ти идентичностей и сопоставить с ними их потребительские привычки и поведенческие особенности. Отдельно анализировались личные страницы информантов в социальных сетях, и полученные данные сопоставлялись с текстами интервью. В ходе анализа контента в социальных сетях были выявлены следующие поведенческие особенности представителей целевой группы: публикация фотографий в этнической одежде, транслирование тематической информации, некоторыми информантами использовался специфический понятийный аппарат и манера текстового общения, в частности, выделять заглавными буквами некоторые слоги и слова, такие как "РА", "БЛАГО" и т.п.

Сопоставляя полученные данные с текстами глубинных интервью, удалось сделать следующие выводы: идентичность, конструируемая в рамках социальной сети не является отражением комплекса реальных идентичностей, а скорее раскрывает те аспекты личности, которые труднее демонстрировать в рамках повседневного взаимодействия вне медиaproстранства, в частности, такие как "человек, увлекающийся русской культурой", "патриот", "творческий человек". Таким образом, идентичность, конструируемая в виртуальной среде, становится своего рода, дополнительной идентичностью со специфическим набором поведенческих практик.

*Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц,
Кучково поле, 2000
Ильин В.И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008.*

Мазурик А. В. Культурный перформанс как способ конструирования культурной идентичности // Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Материалы международной заочной научно-практической конференции. — Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. — С. 27–33

Butler, Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Routledge. 1990

B Turkle Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs // Kiesler S. (ed.) Culture of the Internet. — Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1997. — P. 143–155.

«НОМО-USER» - НОВЫЙ ФОРМАТ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА)

*Галич Людмила Петровна
(БГПУ имени Максима Танка)*

Современные коммуникативные технологии меняют способ существования людей в различных сферах жизнедеятельности. Как объект, они являют собой фоновый элемент повседневной жизни, находящийся всегда под рукой; как медиа – они предоставляют множество услуг, источников информации и видов развлечений; как культура эти технологии порождают господствующие формы коммуникационного взаимодействия семьи и внешнего мира. Уже можно говорить о том, что на фоне онлайнизации практически всего жизненного пространства формируется новый человек цифровой эпохи, так называемый хомо-юзер. Происхождение слова «юзер» связано с английским «user», что в переводе означает «пользователь». В компьютерном мире существует своя иерархия людей, построенная на онлайн-навыках, которыми владеет человек, включающая высший слой «хакеров», низший слой «чайников», и средний слой – «юзеров», т.е. продвинутых пользователей, владеющих достаточными знаниями для реализации своих реальных потребностей в онлайн-пространстве. Юзеры представляют собой уже продвинутый вариант или умелых пользователей, которые способны решить свои жизненные задачи при помощи онлайн-пространства. Скажем, юзер может осуществлять онлайн-покупки, реализовывать финансовые функции, например, оплачивать по счетам, не говоря уже о поиске необходимой информации, посредством так называемого «загугливания». Таким образом, основными базовыми критериями для включения человека в категорию «homo-user» являются наличие электронного ящика и знаний, как получать и отправлять электронные сообщения, умения, связанные с регистрацией на различных онлайн-площадках (форумах), а также навыки поиска необходимой информации в виртуальном пространстве. Так, в 2018 году 79,2 % белорусов являлись ежедневными Интернет-пользователями, 11,0% из всех, кто пользуется услугами сети Интернет, входит в онлайн-пространство не менее одного раза в неделю, и каждый десятый пользователь прибегает к Интернет-услугам от случая к случаю. Наиболее активной возрастной категорией «хомо-юзеров» является молодежь в возрасте от 16 до 24 лет, поскольку 96% молодых людей из этой возрастной группы ежедневно выходят в Интернет-пространство. Среди людей среднего возраста (25-54 года) 83% ежедневно пользуются онлайн-услугами, 76,3% - детей и подростков в возрасте от 6 до 15 лет. У людей старше 55 лет ежедневная онлайн-активность падает с 65% среди людей 55-64 лет, и до 52% среди населения 65-72 лет. 79,1% белорусского населения пользуется услугами Интернет. Компьютер или мобильный телефон практически всегда находится под рукой современного человека, является уже не только его продолжением, но и необходимым дополнением, частью «физического Я», то,

что человек считает своим, что создает его собственную идентичность. Технология срослась с деятельностью человека, практически, со всеми общественными институтами, придавая им ускорение и обновление, и со всем социумом в целом, выступая одновременно как символ, инструмент, и носитель изменений, в том числе и социальных, оказавший влияние на образ жизни человека, порождающий новые жизненные практики, а, следовательно, и новый тип личности – «homo-user».

АНТРОПОЛОГИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: СТОП-ФАКТОРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИСТЕМ.

Гвоздикова Денис
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сегодня становится все более очевидно, что ответы на вызовы современности, от эпидемий до коллапса экологии, связаны с эффективностью социальных систем: способностью вызовы опознать и возможностью их разрешить. Последнее сводится к лимиту трансформаций, на которые способны социальные системы в отношении самих себя. К таким лимитам относятся возможности саморегуляции и границы роста системы. Совокупность принципов и параметров развития социальных систем, обусловленных базовой конституцией человека как вида, составляют антропологическую модель (АМ).

В исследовательском плане АМ представляет собой направление поисков хорошо сформулированных проблем и заполнение карты пробелов, относящихся к тем или иным областям знания о базовой конституции человека. Формулировка проблем в рамках АМ предполагает принятие метатеоретической позиции относительно специфики вызовов, обусловленных развитием систем. Например, отмечалось, что критериев, выработанных религиозными и этическими институтами недостаточно, чтобы сформулировать метаэтические основания глобальной биоэтики, за исключением очевидного – сохранение человека, сохранение биосферы [1].

Ядро проблем АМ формулируется следующим образом: опознание вызовов обусловлено спецификой саморегуляции человеческих систем. Принципы такой саморегуляции формировались в ходе эволюционной истории нашего вида и не были приспособлены для комплексных и масштабных изменений современного мира.

Частный случай проблемы стоп-фактора сформулируем в общем виде: если принятие паттерна n дает больше ресурсов на группу A , то n будет закрепляться в поведении и культуре A . Вопрос в рамках АМ: существуют ли внутренние регуляторные механизмы A , соответствующие АМ, при которых ни n , ни альтернатива n' не будут приняты?

Аналогично: если паттерн n группы A включает в себя паттерн m группы B , и принятие m дает больше ресурсов на группу B , а принятие n дает больше ресурсов на группу A , существуют ли внутренние регуляторные механизмы AB , соответствующие АМ, при которых ни n, m (ни n', m') не будут приняты? Представим, что ответ отрицательный, и, что следствием принятия n является принятие n_1 , также не лимитируемого внутренними механизмами. При этом негативный эффект n может не опознаваться или не влиять на принятие n_1 .

1. Chiarelli, B. 2014. *The Bioecological Bases of Global Bioethics. Global Bioethics 25 (1): 19–26.*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КИНОГЕРОЕВ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

Глотова Анастасия
(РГСУ)

Введение. Образ персонажа в кино может сказать о состоянии социума гораздо больше, чем история времени, а кинопрофессия героя является «отпечатком» эпохи, по которому можно судить о том, чем жило общество.

Цель. Выявление профессиональных образов главных героев кино в современных российских фильмах.

Методы. Для достижения цели исследования были проведены 3 фокус-групповые дискуссии. Основным принципом подбора участников являлась их компетентность в сфере кинематографического искусства и опыт работы в ней не менее 3-х лет.

Результаты. Анализ данных, полученных в ходе исследования показал, что в российском современном кинематографе наблюдается «циклическая тенденция», подразумевающая под собой массовое появление типажей и создание нового фильма по мотивам уже успешно реализованного: «Как начали про спорт с «Легенда 17» все подряд снимать, и «Тренер», и «Лед» - все однотипное, по одному и тому же сценарию...» (мужчина, 37 лет), «В прошлом году все про войну делали: то битва Сталинградская, то про Крым...» (женщина, 42 года). В связи с этим, профессиональные образы героев можно дифференцировать по укрупнённым сферам деятельности: бизнес, спорт, космос, воинская деятельность. Необходимо отметить, что практически все транслируемые образы основаны на профессиональной успешности киногероя.

Бизнес. Ключевым индикатором профессиональной успешности киногероя в данной сфере является материальный достаток, который пропагандируется в виде «красивого» образа жизни - деловой костюм, уложенные волосы, ухоженное лицо героя свидетельствуют о наличии больших денег: «Смотришь на таких, у них все в жизни есть, хоть самой в бизнес иди».

Спорт. Герои ищут себя и массового признания – успешные спортсмены наделены силой воли, трудолюбием и целеустремленностью. Чаще всего спорт в фильме изображен как хобби, постепенно перерастающее в профессиональную деятельность, а герой, не обладающий поддержкой близких, преодолевает все трудности и достигает высот: «Соревнования, тренировки – это огромная работа над собой, это большой путь».

Космос. Главный герой-космонавт – это молодой и здоровый мужчина, наделенный высокими интеллектуальными качествами, сильной волей, выдержкой, и способностью принимать адекватные решения в опасных для жизни ситуациях: «Он наделен максимально всем, что есть у человечества, обычным людям это не дано».

Воинская деятельность. Главные герои фильмов о военных действиях изображены сильными, мужественными, наделенными маскулинными чертами характера, независимо от пола персонажа патриотами, которые готовы пожертвовать собой во благо родины: «И мужчины и женщины стойко переносят все тяготы. Такие герои нужны зрителю, чтобы понимать, что такое война».

Заключение. Резюмируя, можно сделать вывод о том, что при просмотре кино у зрителя формируются определенные стереотипы о профессиях, которые в дальнейшем могут переноситься на его повседневную жизнь и оказывать влияние на профессиональный выбор.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Данилова Ксения Михайловна
(СПбГУ, Факультет социологии)*

*Провоторова Нина Леонидовна
(СПбГУ, Факультет социологии)*

При участии в онлайн-коммуникации каждый пользователь сети Интернет конструирует собственную виртуальную личность. В данном процессе реализуется две стратегии: самоизобретения и самовыражения – “отличие лишь в том, что в последнем случае речь идет о раскрытии уже имеющейся личности, в то время как в первом – личность творится заново” [2; 242]. Виртуальную личность конструирует коммуникативное взаимодействие, а наполнение этой личности зависит от ожидания других. Так, возникает понятие цифровой идентичности: “эхолалический автопроект прямо формирует идентичность” [1; 18].

В данном исследовании рассматриваются особенности формирования цифровой идентичности в контексте виртуальной сетевой коммуникации. Для проведения исследования нами было выбрано цифровое пространство астрологического сообщества “my astrology” в социальной сети Вконтакте, которое является пространством сетевого взаимодействия и формирования идентичности. В комментариях к записям, которые опубликованы в данном сообществе, подписчики обязательно указывают свой знак зодиака. Такая специфика позволяет конструировать идентичность не только среди людей одного знака зодиака, но внутри сообщества “my astrology” в целом, выделяя его среди прочих подобных цифровых пространств в социальных сетях.

С помощью метода наблюдения было выявлено, как пользователи проявляют свою идентичность в комментариях астрологического сообщества. Полученные эмпирические данные были зафиксированы в антропологический дневник с насыщенным описанием. Форма фиксации наблюдения была представлена в виде скриншотов комментариев, каждый из которых сопровождался кратким описанием. В ходе анализа эмпирических данных была составлена упорядоченная классификация названий сформированных идентичностей в данном цифровом пространстве: полное название знака зодиака на русском языке; сокращение длинного полного названия знака зодиака на русском языке; написание знака зодиака производным способом, использование англоязычного названия (полного и производных сокращений) знака зодиака, написанного русскими буквами; использование к знаку зодиака дополнительных характеристик или испытываемых на тот момент эмоций; написание названия знака зодиака на русском языке английскими буквами; использование эмодзи знака зодиака вместо написания текста.

Таким образом, цифровая идентичность формируется посредством её “изобретения” пользователями (виртуальными личностями) и выражается в вариативных формах в контексте коммуникативного взаимодействия. Полученные данные могут быть использованы для дальнейших исследований цифровой среды.

1. Кадырова С. В., Немцева Е. А., Тульчинский Г. Л. “Селфменеджмент” / СПб.: Питер, 2013

2. Кэмпбелл Дж. “Тысячеликий герой” / пер. с англ. – К.; М.: Ваклер; Рефлбук; АСТ, 1997;

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИГРАНТОВ: ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР В ЕС (В КОНТЕКСТЕ ХИП-ХИП ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НА YOUTUBE)

Егян Артем Арсенович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Культурные аспекты цифровизации мигрантов: идентичность этнических диаспор в ЕС (в контексте хип-хип исполнителей на Youtube)

Современный мир молодежи в большей или меньшей степени тесно пересекается с музыкальной культурой. В силу американизации и глобализации Европы в целом, Евросоюза в частности, необходимо отметить значительную скорость распространения паттернов мира хип-хоп культуры в общем размере музыкальных жанров и концептов.

Страны и культуры, входящие в ЕС, безусловно, имеют свои подходы, школы, стили и интерпретации внутри мировой хип-хоп индустрии. Особенным образом здесь выделяются крупнейшие по населению страны ЕС: Франция, Германия, а также их соседи (Нидерланды, Бельгия, Испания, Италия). Однако нельзя не отметить значительную вовлеченность и колоссальный рост индустрии в выбранном контексте исследования со стороны Северной и Восточной Европы.

Целью и контекстом исследования являются трансформации идентичности мигрантов и цифровые реализации на Youtube (в рамках ЕС). Задачами являются: изучить фокусы и формы реализации этнических и мигрантских идентичностей в разных странах ЕС; установить общих закономерностей и различий; определить рост и развитие жанровых и этнокультурных контекстов в разные годы цифровизации.

Подразумевая аспект мигрантов и диаспор в Евросоюзе, нужно отметить, что контекст вовлеченности и реализации меньшинств (в численном и культурно-историческом понимании) совпадает с фокусами США, особенно афро- и латиноамериканцы США выступали и выступают значительными фигурами жанра. Похожим образом это реализовано и в Евросоюзе на примере крупнейших меньшинств стран. [Daniel Tödt: Vom Planeten Mars. Rap in Marseille und das Imaginäre der Stadt, Wien, 2012. P. 9].

Например, суммарное количество просмотров клипов Youtube франкоязычных хип-хоп исполнителей с алжирским бэкграундом (идентичностью, репрезентацией и акцентом) превышает суммарное количество населения Франции и Алжира (Sofiane, Kofs). То же самое актуально и для германо-турецких исполнителей (Mero), и для марокканско-нидерландо-бельгийских (Lijre, Ismo).

Таким образом, существенные трансформации в цифровой репрезентации мигрантов приводят к вовлеченности и популяризации жанра в ЕС, его диверсификации; закономерности культурных контекстов совпадают преимущественно по признаку исторических соответствий мигрантского бэкграунда (например, в Нидерландах, Бельгии и Германии в отношении турецкого населения; Швеции, Дании и Германии в отношении афганского и палестинского).

Также важно отметить, что значительное распространение хип-хоп композиций отчетливо прослеживается на Youtube (показатели количества просмотров и комментариев), что говорит о контекстуальной вовлеченности мигрантов в цифровом измерении в глобальные процессы, связанные с репрезентацией идентичности и социокультурными процессами трансформации в виртуальном пространстве.

1. Daniel Tödt: *Vom Planeten Mars. Rap in Marseille und das Imaginäre der Stadt*, Wien, 2012. P. 9.
2. Amenzou Rashead. *Zoom, l'Univers de la Danse Hip Hop*, 2019, P. 30.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АФРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ АФРО-ТАНЦЕ

*Калашиникова Екатерина Владимировна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Современные процессы социокультурной динамики к открытости приводят к нарастанию тенденций преемственности и заимствования культур. Поскольку в проведённом исследовании рассматривается репрезентация культуры через современный афро-танец, полезно осмысление феномена танца [2, 87], [4, 446–462], [13, 233–254], [16], [20, 666–670] с точки зрения социокультурной и этнографической оптики, социологических и антропологических аспектов практик танца, социокультурных смыслов афро-музыки, символического, ценностного и религиозного значения движений. Представляется важным осмысление роли культурной репрезентации в механизмах культурного обмена на примере такого социально значимого и популярного сегодня явления, как школы африканских танцев («афро»). Паттерны культурных заимствований традиционно находятся в центре внимания социальной антропологии, однако специфика и характерные аспекты обмена культурным материалом часто остаются недостаточно освящёнными. На основе актуализации в антропологическом знании проблематики соотношения идентичности-прототипа («африканскости») и её репрезентации через танец исследуется танцевальное афро-сообщество Санкт-Петербурга в качестве поля исследования. Среди методов сбора информации – включённое наблюдение, интервью, анализ фото- и видеоматериалов. Благодаря полученным материалам и анализу теорий репрезентации [3], [6], [8], [15], африканской идентичности [5], [9], [12], [18, 77–122], этномузыкологии [14], [17], [19, 254] и культурных элементов афро-танца [1], [7], [10], [11] среди паттернов репрезентации и идентификации афро определяются роль носителей-экспертов как легитимных агентов репрезентации и роль репрезентации в культурных заимствованиях и инновациях. Выявленные паттерны культурных заимствований обучающихся афро-танцу (научения), критерии носителя культуры, способы идентификации и паттерны репрезентации афро-стиля позволяют сделать вывод о природе соотношения «африканскости» и её репрезентации через танец. Современные реалии Африки, её мигрантов по всему миру, повседневность, все появившиеся и связанные с этим индустрии – пример танца как изменчивой модерна. Культурные процессы, охватывая все социальные сферы, порождают новую эклектичность танца. Именно это репрезентирует современный афро-танец, и именно через такую репрезентацию происходит культурное заимствование, а с научением возможны и легитимные инновации не только носителей культуры.

1. Бергер Р. *Африканский танец - прошлое и настоящее // Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе*. - М., 1996
2. Гевленко Ю. А. *Семиотический анализ танца // Вестник Томского государственного университета. № 320. Томск, 2009*
3. Severi C. *Le principe de la chimère. Une Anthropologie de la mémoire* © 2007, 2012 Éditions Rue d'Ulm / Presses de l'École normale supérieure – Paris. English Translation © 2015 HAU Books and Carlo Severi. ISBN: 9780990505051
4. Evans-Pritchard, E.E., 1928. *The dance. Africa*

5. Frobenius L. *Der Ursprung der Kultur*. Berlin, 1898. Bd. 1: *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*.
6. Gell A. *Art and agency// An Anthropological Theory* – Oxford, 1998
7. Gore G. *Present Texts, Past Voices: the Formation of Contemporary Representations of West African Dance*. 2001
8. Hall S. *The work of representation//Representation: cultural representations and signifying practices*. 1997
9. Hanna J. L. *Identity in African Dance—Myth and Reality*. 2019
10. Heine, Bernd and Derek Nurse, eds. *African Languages: An Introduction*. 2000
11. Jean Comaroff, John Comaroff (2012) *Theory From the South: Or, How Euro-America is Evolving Toward Africa* DOI: 10.1080/00664677.2012.694169
12. Jean Comaroff, John Comaroff *Ethnography and the Historical Imagination// Journal of Interdisciplinary History* 25(3):456 · December 1996 DOI: 10.2307/205698
13. Kurath, G.P., 1960. *Panorama of dance ethnology*. *Current Anthropology* 1 (3)
14. Malone J. *Steppin' on the Blues*, 1996
15. Peirce Ch. S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, Harvard University Press, vol. 1–6, 1931–1935; vol. 7–8, 1958
16. Schechner, Richard, *Performance Studies: An Introduction*. London: Routledge, 2013
17. Southern E. *The Music of Black Americans: A History*, W. W. Norton & Company, 1997 ISBN 0-393-02156-4
18. Turner J.C. *Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // E.J. Lawler (Ed.) Advance in group processes*. Vol. 2. Greenwich, CT: JAI Press, 1985
19. Welsh Asante K. (ed.), *African Dance: an artistic, historical and philosophical inquiry*. Trenton, N.J.: Africa World Press, 1996
20. Wulff, H. *Dance, Anthropology of*. In: James D. Wright (editor-in-chief), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol 5. Oxford: Elsevier. 2015. ISBN: 9780080970868

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

Коркия Эка Демуриевна
(МГУ имени М.В.Ломоносова
Социологический факультет)

Липатова Мария Евгеньевна
(МГУ имени М.В.Ломоносова
Социологический факультет)

Глобализация и цифровизация различных сфер человеческой жизнедеятельности способствовали появлению целого ряда проблемы, связанных с сохранением, развитием, передачей национальной и общемировой культуры, формированием национальной идентичности [3, 4-6]. Анализ складывающейся культурной картины современного общества позволяет увидеть векторы развития современного общества и трансформацию существующих коммуникативных практик человек в деление освоения культурного наследия и его ретрансляции следующим поколениям.

Как отмечают исследователи, техническая составляющая занимает всё большее место в расширении способностей и возможностей человек, становится его продолжением и одним из основных инструментов формирования личностной идентичности, обеспечивает социальную динамику человека [1, 130]. В сфере культуры и искусств компьютеризация и цифровизация деятельности носит прикладной характер. Развитие компьютерных технологий позволяет облегчать расчётные моменты в подготовке

мероприятий, использование виртуального пространства даёт возможность моделировать площадку и тестировать варианты постановки культурного мероприятия. Мультимедийные носители упрощают работу с цифровой аудио-визуальной информацией, специальные программы совершенствуют управление техническим обеспечением сценической площадки. Задействование гипермедийных устройств позволяет одному человеку отправлять сигналы с пульта управления команды непосредственно на оборудование и одновременно руководить большим количеством световой и звуковой техники, создавая сложную, многомерную и динамичную свето-музыкальную реальность, изменять атмосферу на сцене или площадке.

В качестве примера можно привести использование подобных технологических новшеств при проведении крупномасштабных мероприятий и различных видов перформанса во Дворце искусств в Будапеште. Не менее технически насыщены сегодня и радиовещательные студии: в передвижной радиовещательной студии Sound 4 (BBC Radio&Music) установлена 52-канальная цифровая консоль Studer Vista 8, обеспечивающая нужные условия прослушивания для продюсера или менеджера в зависимости от жанра транслируемых и записываемых программ.

Активно современные технологии используются и такой, считающейся консервативной, институцией как музеи. По данным мониторинга Museum Analytics голландского агентства INTK из более чем 3000 обследованных музеев 2044 активно используют сервис Твиттера для осуществления коммуникации как между специалистами для обмена информацией и опытом, так и для общения с заинтересованной аудиторией [2, 178-179].

Повсеместное задействование новейших технологий и Интернета в различных сферах культурной деятельности влияет на социокультурные связи, сложившиеся в обществе и способствует переходу учреждений культуры на новые цифровые формы работы. Одновременно меняются принципы отбора и организации культурных мероприятий, информационного контента, экспонатов для выставок и перформансов, презентации и репрезентации уже накопленного опыта.

1. Korkiya E.D., Lipatova M.E., Mamedov A.K. *Virtual Personality: A Search for New Identity* в журнале *Indian journal of science and technology*, издательство *Indian Society for Education and Environment (Chennai, India)*. 2016. Т. 9, № 36. С. 1-6.
2. Касавина Н.А. *Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 4. С. 129-142.
3. Сергеева И.Л. *Репрезентация музея в плоскости цифровой массовой культуры (на примере сервиса микроблоггинга Твиттер) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 3. С. 176-182.

КОНТЕКСТЫ СУПЕРРАЗНООБРАЗИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

*Куропятник Марина Степановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Цифровизация – это только один из модусов трансформации социокультурных ландшафтов современности, отягощенных избытком перемен. Будучи сопряжены с перманентной мобильностью населения, цифровые технологии и социальные медиа становятся значимым фактором делокализации культуры, идентичности и социальных отношений, порождая воображаемые, в том числе и транснациональные сообщества,

глобальные диаспоры и суперразнообразие. В социальных науках концепт суперразнообразия, предложенный С. Вертовеком, не исчерпывается только этническими характеристиками, а основывается на многомерном видении и измерении социальных и культурных процессов, включая в свои конфигурации паттерны социальной дифференциации и фрагментации, новые формы креолизации, расизма и космополитизма, множественные миграционные каналы и социальные статусы мигрантов. Эта теоретическая модель может быть дополнена цифровым измерением суперразнообразия, подразумевающим культурную специфику локальных и национальных контекстов Интернета, культурные паттерны онлайн взаимодействий, различия «цифровых аборигенов» и «цифровых неофитов», доступ к Интернету, владение мобильными устройствами и цифровыми технологиями как индикатор социального статуса (наряду, например, с образованием).

Вместе с тем, техносоциальность не только сопрягает производство культурных форм и значений с новыми – цифровыми – технологиями (А. Эскобар), но и способствует формированию антропологической перспективы вне привычных коннотаций «человеческого». Ранее эта перспектива в антропологии была обозначена в контексте исследования социальных и культурных аспектов репродуктивных технологий (М. Стрэттерн, Д. Харауэй) и биотехнологий в целом. Потенциально выходящий за рамки конвенционального понимания человека эффект развития новых цифровых технологий, связан, например, с созданием искусственного интеллекта или антропоморфизацией роботов (Д. Миллер). То, каким образом люди, имеющие разный культурный background, вовлечены в создание и использование цифровых технологий – вездесущих и ставших неотъемлемой частью современных образов жизни – привносит новые смыслы в контексты разнообразия.

РЕМЕДИАЦИОННЫЙ ПРЕДЕЛ: НЕВЫНОСИМЫЙ ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

*Ленкевич Александр Сергеевич
(Университет ИТМО)*

Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта РФФИ-18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

1. Цифровой поворот, о котором с энтузиазмом говорят на фоне текущей пандемии коронавируса (COVID-19), на самом деле произошел раньше. Он связан с трансформацией нашего воображения, для которой конкретные технические артефакты — только случайные формы, самоорганизующиеся баррикады и фильтры, улавливающие самые легкие фракции текущих изменений. Воображение приобрело цифровую форму намного раньше вторжения в нашу жизнь агентов медиареальности — Zoom'a, Telegram'a, Instagram'a, Facebook'a или Twitter. По крайней мере с 1980-х гг. — с публикации первых произведений У. Гибсона, Б. Стерлинга, М. Суэнвика, Р. Рюкера и Н. Стивенсона — мы живем в предчувствии цифрового настоящего.

Впрочем, точку отсчета — вслед за Л. Мамфордом — можно разместить и в архиве — в той символической работе, которая сопровождает человечество с самых первых его шагов. Как заметил Ф. Киттлер, мир символического — мир машины. Вступая в координаты символической реальности, мы уже находимся на полпути к алгоритмам реальности цифровой. Но это допущение требует большого количества дополнительных

аргументов, поэтому достаточно обратить внимание на расцвет киберпанк-литературы в 1980-е гг., чтобы сказать: мы давно уже стали цифровыми. Техника и социальные практики только подстраиваются под произошедшую метаморфозу.

При этом, конечно, пандемия коронавируса обострила эти процессы. Как пишет философ Поль Пресьядо: «...домашнее пространство, а не традиционные институты социального заключения и нормализации (больница, фабрика, тюрьма, школа и т.д.), в настоящее время оказываются новым центром производства, потребления и политического контроля». Пресьядо отмечает, что первым местом для подобных преобразований стал нашпигованный техникой особняк порномагната, создателя Playboу Хью Хефнера. Но именно геймеры раньше других пользователей медиа прошли по пути добровольной самоизоляции, контуры которого были обозначены Хефнером. Прошли и обнаружили способы деконструкции машин контроля. Геймер — агент, активирующий пути в будущее. При этой активации (строго по заветам М. Маклюэна) перестраиваются социальные связи и пропорции чувственности, игра же позволяет найти альтернативные траектории, стратегии сопротивления и ускользания. Кроме того, игра предоставляет нам пространство резервного опыта (по аналогии с концептом «резервного субъекта» К. П. Шевцова).

2. Вопрос, требующий исследования, связан с пределами этих трансформаций. Маклюэн указывал, что медиум воплощает в себе предшествующие медиа: «Содержанием письма является речь, точно так же, как письменное слово служит содержанием печати, а печать — содержанием телеграфа». Этот процесс американские теоретики медиа Дж. Болтер и Р. Грусин назвали ремедиацией, подчеркивая два смысла процедуры: 1) ремедиация как усиление медиации (гипермедиация); 2) ре-медиация как преодоление медиации (непосредственность).

Продолжая эту логику, можно говорить о ремедиационном пределе: так, фильм не способен вобрать в себя весь опыт романа, а компьютерная игра — опыт литературы или кино. Верно и обратное: игровой опыт с потерями переводится на язык других медиа (яркий пример — фильм «Хардкор», эксплуатирующий эстетику шутера от первого лица). Более того, даже в рамках одной медиаформы явственно ощущается предел в переносе опыта: так, навыки, подходящие для одних стратегий легко переносятся в другие, но те же навыки (и схемы управления) необязательно работают в шутерах или гоночных симуляторах. Ремедиационный предел обозначает: 1) границу сокрытия опосредования (до какой степени я могу быть обманут иллюзией, созданной медиа); 2) границу перевода опыта (просмотр летсплея (записанного прохождения игры) не позволяет понять, что значит быть в игре, играть в нее); 3) предел абсорбирования медиа (что может быть поглощено игровым медиумом из фотографии, кино, литературы, а что — нет).

3. В компьютерных играх можно выделить две ремедиационных границы: одна связана с телом, другая — с воображением.

3.1. Тело геймера, его композиция и организация определяются интерфейсами, контроллерами, игровыми механиками (визуальные и нарративные конвенции здесь не играют существенной роли). Тело геймера — это дисциплинированное и выдрессированное тело. Воспроизвести этот опыт на других платформах по меньшей мере затруднительно (наблюдатель/зритель никогда не сможет вжиться в опыт игрока).

3.2. Но игры не только дрессируют тела в новом приступе биополитического контроля. Игры воплощают желания (как сон и кино, по замечанию Н. М. Савченковой). И тенденция последнего времени — переводить игры в VR — только расширяет масштаб стоящих за играми реальных переживаний. Игры — это объективированные фантазии («быть гонщиком», «быть стратегом», «быть стрелком на Диком Западе», «управлять

колонией на Марсе» и т.п.), а поскольку то, чего мы желаем, мы на самом деле вовсе не хотим, или хотим не того, что желаем (Фрейд/Жижек), власть и влияние игр экспоненциально растут. Лучшие игры, такие как *Braid* (2008), *The Stanley Parable* (2011), *Dear Esther* (2012), *The Beginner's Guide* (2015) или — совсем из другого ряда — *Hotline Miami* (2012), *Katana Zero* (2019), оставляют что-то недоопределенным, невыразимым, недообъективированным — сохраняют в силе вопрос, который мы обращаем к себе, когда возвращаемся в игру. Это и есть невыносимый опыт игры (разрывающий/переполняющий нас и не транслируемый за ее пределы).

1. Bolter J. D., Grusin R. *Remediation. Understanding New Media*. Massachusetts Institute of Technology Press, 2000. 312 p.
2. Кумтлер Ф. Мир символического — мир машины // *Логос*. № 1 (74). 2010. С. 5–21.
3. Латыпова А. Р. Забыть *game studies*, или Почему геймеру не нужна инструкция по сборке? // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 235–251.
4. Ленкевич А. С. На пути к медиаэстетизму: производство присутствия в компьютерных играх // *Международный журнал исследований культуры*. № 1 (34). 2019. С. 20–33.
5. Маклюэн М. Г. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
6. Мамфорд Л. *Миф машины. Техника и развитие человечества*. М.: Логос, 2001. 408 с.
7. *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр*. Коллективная монография. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 498 с.
8. Очеретяный К. А. Изобретение тела геймера // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 252–274.
9. Пресьядо П. Мягкая тюрьма: добро пожаловать в домашнюю теле-республику // Центр политического анализа URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/mjagkaja-tjurma-dobro-pozhalovat-v-domashnju-tele-respubliku> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Савченкова Н. М. Кино как существование // *Syg.ma*. URL: <https://syg.ma/@sygma/nina-savchienkova-kino-kak-sushchiestvovaniie> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Савчук В. В. *Медиафилософия. Приступ реальности*. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
12. Шевцов К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // *Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. Вып. 1. С. 98–103.

РЕЖИМЫ ВЗГЛЯДА В «ОТКРЫТЫХ ШКОЛАХ» СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.

Ленкевич Денис
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Педагоги в странах Скандинавии и Финляндии активно используют в образовании новые достижения IT-сферы (смешанное обучение, геймификацию, обучающие сайты) [1, С. 144]. Опыт цифровизации в североευропейских образовательных учреждениях показывает, что цифровые технологии расширяют доступность знаний и увеличивают интерес учащихся к поиску новой информации.

Массовое внедрение цифровых устройств в Северной Европе (BYOD) не привело к полному переводу на удаленное обучение, но изменило конституцию взгляда учащихся в учебной аудитории [2]. Ситуация, когда каждый учащийся обладает планшетом или ноутбуком, поставила под вопрос необходимость учебных аудиторий и показала, что резко изменяется направленность и расстояние взгляда учащегося. Между глазами учащегося и предметами в аудитории возникают неравномерные отношения: при интенсивной работе с цифровыми устройствами короткий взгляд начинает доминировать над дальним.

Подходы к организации пространства в североευропейской образовательной архитектуре позволяют ослабить контроль над взглядом учащегося парадоксальным образом — внутри школ и университетов разрушаются традиционные оппозиции организации пространства и появляются предметы, которые дополнительно привлекают внимание.

В типизированных «школах-заводах» XIX-XX века учащиеся могли легко предугадать расположение аудиторий. Точки сбора внимания находились перед учениками. Это были учительская кафедра, классная доска, окна и двери. Переход от массового строительства «школ-заводов» к проектированию нестандартных и уникальных «открытых школ» в Северной Европе изменяет локусы учебных заведений [5]. «Открытые школы» отличаются запутанными планировками аудиторий, обильной фенестрацией межкомнатных перегородок, нестандартным дизайном [3]. Это приводит к фрагментированному восприятию здания — учащиеся вынуждены переключать режимы взгляда, получая информацию и изображения из разных точек аудитории. Архитектура открытых школ создает единое пространство визуального: части школ и университетов не мыслятся как отдельные структуры, а являются продолжением друг друга, что подчеркивается незамкнутым пространством комнат, атриумов, коридоров. Даже на акустическом уровне пространство связывается вместе [4, С. 28–39].

Студенты, оказавшись в пространстве североευропейского университета, из-за конфигурации архитектуры постоянно на виду у коллег (в «открытых школах» много зон-паноптикумов) или наоборот сами ищут удобную позицию для наблюдения. Хорошим примером образовательного пространства, в котором обнаруживается необходимость в точке обзора, является колледж Ореста в Копенгагене, где круглые ярусы на разной высоте предназначены как для встречи небольших сообществ, так и для просматривания других комьюнити.

Таким образом, на оптимальный баланс режимов взгляда в учебных заведениях влияют конфигурация архитектурного пространства, дизайн образовательной среды и наличие дополнительных аттрактивных объектов в аудиториях.

1. Стуколова Е. А. Реализация инновационных дидактических моделей в процессе модернизации школьного образования Швеции // Вестник ТПУ. — 2013. — № 9 (137). — С. 143–145.

2. Лещенко М. П., Капустян И. И. Информатизация непрерывного педагогического образования в Швеции // Образовательные технологии и общество. — 2013. — № 1. — С. 800–844.

3. Billmayer J. Time and space in the classroom — lessons from Germany and Sweden // Nordic Journal of Studies in Educational Policy. — 2019. — 5 (1). — P. 8–18.

4. Dudek M. (Ed.) Schools and Kindergartens. — Berlin: Springer Science & Business Media, 2007. — 255 p.

5. Tapaninen R. What is Good Quality Physical Learning Environment? // coebank. URL:

https://coebank.org/media/documents/School_Design_and_Learning_Environments_in_Seine_Saint_Denis_France.pdf (дата обращения 30.09.2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РИТУАЛА: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИЛИ СМЕРТЬ?

Лепешкина Лариса Юрьевна
(Поволжский государственный университет сервиса)

В современных обрядах жизненного цикла, прежде всего в свадебных и похоронно-поминальных, активно проявляются игровые элементы, отличные по своей сути от тех, что присутствуют в традиционных обрядах. Наилучшим образом подобные игровые элементы отражает глобальная сеть Интернет. В ней создаются сайты, посвященные различным ритуальным практикам, новые понятия и способы коммуникации. Формируется так называемая область переживаний в режиме «онлайн». Тема цифровизации ритуалов стала особенно актуальной в условиях пандемии COVID-19, когда проведение свадеб и похорон в их традиционном формате оказалось под запретом. Применительно к обрядам погребения и поминовения умерших получило распространение явление танатосенситивности, т.е. осмысления смерти и связанных с ней процессов в цифровой среде [1]. Танатосенситивность предполагает создание аккаунтов или виртуальных территорий, где существует возможность онлайн выразить своё горе, находиться в трауре, скорбеть, устраивать поминки, приглашая на них других участников цифровой среды. Причём деятели данных виртуальных площадок сами разрабатывают тактику поминовения умерших.

Сегодня одной из самых популярных виртуальных территорий для проведения поминок является социальная сеть Facebook. Множество аккаунтов умерших людей там уже функционирует на уровне «виртуальных личностей»: им могут писаться письма и комментарии, предлагаться вступить в новые Интернет-сообщества. Но, как предсказывают зарубежные исследователи, данная сеть к 2070 году превратится в «цифровое кладбище», поскольку к этому периоду умрёт примерно 750 млн. пользователей, но их аккаунты сохранятся [2].

Более того, с виртуализацией представлений о смерти вводится понятие «мемориальная экология», где пользователь социальной сети самостоятельно создаёт и редактирует материалы для поминовения и скорби и применяет собственную символику траура. Очевидно, что дальнейшая цифровизация ритуалов может «обеднить» обряды жизненного цикла, совершаемые в реальности. К примеру, отсутствие потребности провожать умершего в последний путь, организовывать поминки, посещать кладбище приведёт к утрате живой коммуникации среди участников похоронно-поминальных обрядов и соответственно к разрыву межпоколенных связей. Но именно существование межпоколенных связей помогает в действительности психологически пережить трагическое событие и защитить человеческое сознание от давления цифровой повседневности.

1. Мороз О. Феномен танатосенситивности цифровой среды // ПостНаука. 23 октября 2018. URL: postnauka.ru.

2. Öhman C.J. Watson D. Are the dead taking over Facebook? A Big Data approach to the future of death online // Big Data & Society. 2019. Vol. 6. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2053951719842540>.

ЗВУКОВАЯ ЭКОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОМАШНИХ САУНДСКЕЙПОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

*Лермонтов Даниил Андреевич
(Факультет социологии СПбГУ)*

В рамках моего выступления будут представлены результаты моего антропологического исследования социокультурного пространства городской среды в контексте пандемии. Исследование было проведено в период с начала марта по конец июня 2020 года. Из-за ограничений, возникнувших в следствие пандемии, мне пришлось сосредоточиться на дистанционных методах сбора данных, поэтому основанием моих выводов послужат дистанционные полуструктурированные интервью.

Ключевыми понятиями для моего исследования являются термины «звук» и «шум». Для отличия звуков от шумов я прибегаю к помощи когнитивной парадигмы в социологии и антропологии, которая утверждает, что в сознании человека существуют определенные категории, возникающие в результате его осмысления окружающего мира. На мой взгляд, осознаваемые аудиальные ощущения можно называть звуками, а неререфлексируемые звуки я называю шумами, поскольку они не верифицируются сознанием человека. Шум не всегда нарушает состояние человека, однако он может вторгаться в обыденность слишком сильно и тем самым мешать нам, заглушая осознаваемые нами звуки.

В 1967 году канадский композитор, профессор и защитник окружающей среды Р.М. Шейфер пришел к мысли, что городское пространство наполнено звуковой материей, изучением которой он стал заниматься совместно с командой других исследователей. В своей книге [1] он произвел попытку впервые концептуализировать звуковую среду и призвал студентов Университета Саймона Фрейзера (Ванкувер, Британская Колумбия), проходящих его курс, развивать у себя навык активного внимательного слушания. Кроме того, он ввел новый термин «саундскейп», который обозначает звуковой ландшафт среды, чьими составляющими являются различные звуковые элементы, составляющие неповторимую атмосферу любого места.

В книге Б. Трюакса [2, 13-24] раскрывается суть звуковой экологии, отрасли «sound studies» (исследований звуковой среды), которая занимается изучением влияния качества звукового ландшафта на состояние людей и животных, проживающих на определенной территории. В связи с этим Б. Трюакс выделяет проблему шума в городе, пагубно воздействующего на качество жизни обитателей городов.

Кроме того, я основываюсь в своем исследовании на антропологической теории о загрязнении М. Дуглас. В своей книге [3, 102] она охарактеризовала социальные категории «грязи» и «чистоты» и раскрыла, как именно эти культурные конструкты упорядочивают социальную структуру современного общества. Я считаю, что звуки и шумы также можно подвергнуть анализу при помощи данных категорий уместности / неуместности, чистоты / загрязнения.

Так или иначе, аспекты звуковой экологии присутствуют даже при анализе саундскейпов домашних пространств, в которых мы присутствуем большую часть времени в период пандемии. Необходимо отслеживать динамику аудиального измерения нашей повседневности, чтобы понимать, как оно воздействует на наш уровень жизни.

1. Schafer, R. M. *Ear cleaning. Notes for an Experimental Music Course.* // Toronto: Clark & Cruickshank, 1967.

2. Truax, B. *Acoustic Communication.* // New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1984.

3. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу.
— М.: 2000.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Лисенкова Анастасия Алексеевна
(ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры")*

В современном мире внимание к идентичности связано, в первую очередь, с тем, что в XX и начале XXI столетия произошел ряд существенных парадигмальных изменений, причем как в социальной реальности в целом, так и в коммуникативной практике в частности, что выразилось в появлении и легитимации новых форм фиксации культурного опыта и его публичной нарративизации. Развитие цифровых технологий, интерактивности, зрелищности, гипертекстуальности и виртуальности представляют собой одну из наиболее значимых тенденций в современном культурном и коммуникативном ландшафте оказывающую колоссальное влияние на трансформацию параметров идентификационных границ личности. При этом определение и самоопределение идентичности, становятся постоянным процессом идентификации вынуждая человека обращаться к поиску относительно устойчивых позиций, которые позволили бы сделать ясной и определенной его ориентацию в мире.

Очевидно, что современная цифровая среда способствует изменению характера коммуникационной деятельности, где знание и мнение «одного» обращается к знанию и мнению «многих», попадая в полимерное пространство бесконечного удвоения идентичностей «Я» и «Мы» в гибких границах виртуальности. Основным коммуникационным стержнем, в рамках, которого формируется эта постоянно трансформирующаяся идентичность, оказывается принцип «потока» - потока коммуникации, потока информации, потока трансформации.

Особенно ярко данные тенденции проявляются у молодежи. Сегодня выросло поколение, вся жизнь которого связана с цифровыми технологиями. Поколение, которое дальний и ближний круг «чужих» и «своих» обретает в цифровом мире, в нем же проходит их социализация и репрезентация. И если ранее виртуальный мир был привлекателен тем, что позволял экспериментировать с идентичностями и статусами, гарантируя определенную анонимность, то сегодня виртуальное присутствие в цифровой среде максимально зримо, а за счет развития искусственного интеллекта, сбора и анализа цифровых данных происходит сращивание виртуальной и реальной личностей. Таким образом, трансформация границ публичного и приватного, уход от анонимности и «принудительная публичность» стали основными признаками и векторами развития общества.

Цифровая деанонимность и прозрачность, тотальная визуализация, постоянная коммуникационная включенность (необходимость быть все время «на связи»), трансформация границ виртуального и реального, приватного и публичного предъявляют новые требования к человеку. А процессы идентификации и явления себя миру все более приобретают характер проектности на основе сращивания разных модальностей «Я» через публичное маркирование, самокатегоризацию и самоподтверждение. Данные тенденции, позволяют верифицировать идентификационные фреймы и реализовывать персональные жизненные стратегии и идентификационные проекты, изменяют привычки, поведение, способы восприятия, общения и репрезентации, формируют новое миропонимание, создают новое пространство формирования единой цифровой идентичности.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Макшанова Анна Максимовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Появление Интернета и развитие социальных сетей произвело значительные изменения в музейной коммуникации. С одной стороны, цифровизация музейной коммуникации позволяет вовлекать публику в культурный процесс, с другой же, деятельность музеев в интернет пространстве связана с коммерциализацией культуры.

Музейная коммуникация может включать в себя просветительскую деятельность музеев, то, как посредством экспонатов и сотрудников музея информация передается посетителям. В подобном ключе писал канадский музеолог Дункан Ф.Кэмерон, который рассматривал музеи как коммуникационную систему [1]. Тем не менее, музейную коммуникацию можно воспринимать и как совокупность мер по связям с общественностью [2, 1]. Музейная коммуникация посредством цифровых технологий может сочетать в себе обе трактовки.

Большое значение в цифровизации музейной коммуникации занимает появление социальных сетей, их часто связывают с появлением так называемой «культуры участия», которая позволяет пользователям самим участвовать в процессе вместо пассивного потребления [3]. Идея о том, что музеи должны поощрять участие посетителей вместо того, чтобы предоставлять готовую информацию, часто появляются в современных исследованиях, посвященных музеям. Примером может послужить книга Нины Саймон «Партиципативный музей». По мнению автора, чтобы сохранить свою популярность музеи должны вовлекать посетителей в участие в культурных практиках [4, 2].

Тем не менее, цифровизация музейной коммуникации также связана с коммерциализацией культуры. Социальные сети позволяют музеям общаться с посетителями напрямую, однако во многих случаях коммуникация стала больше напоминать рекламу: вместо обычных описаний, подчеркиваются положительные черты объекта или музея в целом [2, 6]. Некоторые также утверждают, что само устройство социальных сетей с рейтингами и системой положительных оценок со стороны пользователей побуждает музеи рассматривать посетителей в качестве потребителей определенной услуги [5, 6-7].

Таким образом, цифровизация произвела значительные изменения в музейной коммуникации: с одной стороны, новые медиа позволяют вовлекать посетителей музеев в культурный процесс, с другой стороны, современные технологии также способствуют тому, что музеи начинают ассоциироваться с предоставлением рыночных услуг.

1) Cameron, D.F. (1968) "A viewpoint: the museum as a communications system and implications for museum education," *Curator: The Museum Journal*, 11: 33-40.

2) Lazzarotti, C. (2016) *The language of museum communication: a diachronic perspective*. Palgrave Macmillan UK

3) Jenkins, H., Purushotma R., Clinton K., Weigel M., Robison A.J. (2006). *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Chicago, Illinois: The McArthur Foundation.

4) Simon N. (2010). *Participatory museum*. CA: Museum.

5) Drotner, K., Schröder, K. (2013). *Museum communication and social media*. New York: Routledge.

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС

*Марьина Людмила Петровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Специфика современных культурных коммуникаций все явственнее демонстрирует, что массмедиа занимают особое место в системе материального, духовного и художественного общения. Это обусловлено цивилизационными факторами: техногенной составляющей, знанием — приоритетной ценностью современности, преобладанием материальных ценностей над духовными в обществе потребления и массовой культуры. Сегодня в социокультурном пространстве журналист организует духовное общение, формирует политическую, эстетическую, нравственную, экономическую культуру, различным образом организуя художественно-творческую деятельность.

Информационные технологии, ценности массовой культуры обуславливают появление новых форм подачи информации. Так, профессор Санкт-Петербургского государственного университета И. Н. Блохин акцентирует внимание на специфике воплощения театральной концепции коммуникации в медиaprостранстве. [2, с. 176-177]. Медиaprостранство – это, во многом, продукт «мозаичной» культуры, которая проникает в массовое сознание, в том числе посредством СМИ. «Мозаичная» культура не является результатом конкретного знания, она складывается под ежедневным воздействием информации, нового опыта, информации. Джеффри Александер подчеркивает, что «...внутренняя среда ...влияет на жизнь людей куда сильнее, чем принято считать в социальных науках, и не является всего лишь проводником более «серьезных» сил, таких как экономика, власть, социальная структура и т. д.» [1, с. 8]. Исследователь обращает внимание на роль события в изменении культурного ландшафта, рассматривает механизм социального конструирования нравственных универсалий. Безусловно, масс-медиа начала нового тысячелетия - неисчерпаемый источник изучения социальной действительности и культурной коммуникации. В системе знаковых средств культуры именно журналистской деятельности принадлежит ключевая роль. Продуктивна для анализа ценностной специфики медиaprостранства теория концепта, которую разрабатывали многие исследователи. Конструктивна концепция модальности М. С. Кагана при изучении массмедиа как системного образования, которое представляет информационный ресурс. А журналист в социокультурном пространстве организует духовное общение, используя инновационные технологии цифрового общества.

В XX веке зарождаются новые виды культурной коммуникации, аналогов которым нельзя найти в предшествующих культурах. Речь идет, к примеру, о появлении инсталляций, хэппенингов, перформансов. Эти произведения искусства становятся достоянием общественности благодаря средствам массовой информации, а журналист помогает понять язык культуры, ее семиотику. Исследования социокультурной системы позволяют увидеть общность генезиса журналистики и культуры как явлений духовной жизни общества. Ценности, создаваемые журналистами, – продукт культурной среды и одновременно ее преобразователь. Культурологический аспект освоения действительности журналистом – это результат духовного общения, основу которого составляет культура [3].

Сегодня мультимедийная репрезентация мегаполиса создает новое арт-пространство, формирует креативную индустрию и транслирует новые представления о художественной культуре, которая транслируется с помощью медиаресурсов и

популяризируется средствами массовой информации. Например, в Северной столице – это креативные пространства Севкабель и Новая Голландия, культурно-исторический кластер «Остров фортов» в Кронштадте. Именно технологии цифрового общества обеспечивают информационную составляющую этих культурных проектов.

Духовные ценности, создаваемые в медийном пространстве, – продукт культурной среды и одновременно ее преобразователь, который трансформирует ценностный потенциал социальной системы. Так, в современном искусстве мы наблюдаем появление новых художественных направлений, аналога которым нельзя найти в предшествующих культурах. В наступившем тысячелетии заявили свои права на то, чтобы реально войти в художественную культуру, компьютерные и сетевые арт-проекты, "сетевое искусство" (net-art). Фото, видеополиэкраны, многоканальная звукозапись, лазерная светотехника, компьютерная поддержка, проектирование, моделирование, анимация уже сегодня позволяют создавать новые произведения, которые выходят за рамки прежних изящных искусств. Техногенная цивилизация изменяет традиционные ценности, а информационные технологии обуславливают новые формы коммуникации [4, с. 6]. Понимание и принятие обществом процессов слияния классической и современной культур, культуры Запада и культуры Востока, интеграции различных видов искусства от театра до кино, от музыки до изобразительного искусства требует успешного освещения межкультурного взаимодействия в массмедиа.

1. Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология/ пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина.* – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с.

2. Блохин И. Н. *Медиапространство как социологическая категория // Век информации. 2016. № 1. 22-30 с; Феномен медиаидентичности в массовой коммуникации // Век информации. 2016. № 4. С. 11-19.*

3. Марьина Л. П., Ван Хаоюань. *Интеграция традиционных СМИ и новых СМИ// Journal of news research, China, 2020, №4, P. 184-185. . URL <https://www.xwdk.chinajournal.net.cn>. (на кит. яз.).*

4. Сидоров В. А., Нигматуллина К. Р. *Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки // Zeitschrift fur Slavische Philologie. 2016. Т. 72. № 2. 413-447.*

СИМВОЛИКА СМЫСЛОВ ЕДИНСТВА ИСПАНИИ И БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КАТАЛОНИИ В ВИЗУАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИЙ В СЕТИ ТВИТТЕР)

*Матвеева Наталья Юрьевна
(Российский университет транспорта (РУТ-МИИТ))*

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00608
А «Противостояние между Испанией и Каталонией: социокультурные смыслы участников».*

Современная цифровая культура повысила значение визуальной информации в процессе коммуникации. Одновременно с этим можно говорить о наличии более глубокого процесса, состоящего в усилении значения символической составляющей в процессе передачи смыслов социальной жизни, смыслового обмена и формулирования смысловых нарративов сообществ. О роли символизма в современной культуре писали такие ученые,

как П.А. Флоренский, С. Лэш, Ж. Бодрийяр и др. [1, 2, 3]. Визуализация цифрового пространства как социальный процесс идет, таким образом, рука об руку с процессом символического оформления социальных смыслов.

Данные процессы методологически могут быть прослежены при помощи изучения визуальной информации социальных сетей. Мы исследовали смыслы социальной коммуникации сторонников единства Испании и сторонников независимости Каталонии при помощи анализа визуальных изображений, в которых преобладают образно-символические репрезентации смыслов, – политических плакатов, рисунков и карикатур, распространяемых в сети Твиттер. Исследование охватило 2-х летний период с октября 2017 г. по октябрь 2019 г. и включило более чем 300 визуальных изображений, собранных от обеих сторон противостояния.

В результате проведенного анализа были получены следующие выводы.

Сторонники единства Испании опираются на традиционалистский нарратив великой страны, гордятся своим имперским прошлым. Это выражено в частом использовании символики испанского государства – флага и герба, причем нередко данная символика имеет черты эпохи франкизма, что призвано усилить акцент на единстве и величии страны. Эта сторона конфликта положительно воспринимает католическую и историческую символику (такую, как изображения кораблей Колумба, Дон-Кихота с Санча Пансой, морских просторов, флага Испанской империи, Богоматери Пилар – символа праздника «Испанидад» (испанского мира)). Однако методы достижения такого единства в символических средствах не выражены.

Сторонники независимости Каталонии опираются на нарративную конструкцию молодой, только что рожденной республики (подразумевается референдум 1 октября 2017 г.), что находит выражение в использовании цветов флага «Эстелада» (флаг Каталонии с синим республиканским треугольником и звездой на нем), флага республиканства, а также изображений цыпленка, маленькой девочки, матери с новорожденным ребенком, с использованием символов Каталонии. Наблюдается акцент на необходимости защиты молодой республики. В противоположность сторонникам единства, здесь используется символика, указывающая на средства достижения цели – это воля к борьбе (сжатый кулак), движение, развитие (транспортные средства, самолет, ракета) и, конечно, символика референдума (урны и бюллетени для голосования) как народного волеизъявления и его «права решать».

Таким образом, исследование показало значение символических рядов (наборов взаимосвязанных символов) для выражения смыслов социальной коммуникации в современном цифровом пространстве, а также доказало возможность «прочтения» нарративно-смысловых конструкций сторон конфликта при помощи анализа этих рядов.

1. Baudrillard J. *In the Shadow of Silent Majorities or the End of the Social and Other Essays*. N.Y., 1993.

2. Lash S. *Another Modernity. A Different Rationality*. Oxford, 1999.

3. Флоренский П. *Symbolarium (Словарь символов)*. Вып. 1. Точка / Некрасова Е.А. Неосуществленный замысел 1920-х годов создания *Symbolarium'a* (словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // *Памятники культуры. Новые открытия*. 1982. Л.: Наука, 1984.

ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВОГО ТЕЛА В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

*Меренков Анатолий Васильевич
(Уральский федеральный университет)*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00150/20).

В условиях пандемии, вызванной коронавирусом, обострилась проблема сохранения психофизического здоровья активно работающего населения. В исследовании, проведенном по этой проблеме весной 2020 года методом анкетирования было опрошено 250 преподавателей Уральского федерального университета, работающих в условиях самоизоляции. Среди опрошенных по полу 26% мужчин и 74% женщин; занимающих должность ассистента 18%, старшего преподавателя 24%, доцента 45%, профессора 13%. Выяснялось влияние ограничений в передвижении, невозможности обучать студентов в традиционной форме, необходимости освоения методов дистанционного образования на психическое и физическое состояние респондентов.

Опрос показал, что 18% ощутили значительные изменения в психическом здоровье, 34% - незначительные. Его ухудшение выразилось в том, что у 53% стало часто возникать раздражение, вызванное необходимостью осваивать новые программы дистанционного обучения, проверять большое количество студенческих работ, невозможностью непосредственного общения с обучающимися. 45% отметили, что раздражение привело к устойчивому состоянию стресса. Он усилился страхом у 19%, вызванным в первую очередь опасностью заболевания коронавирусом. В целом среди респондентов сильно боялись им заразиться 14%, а у 56% это чувство возникало, когда они получали информацию о заболевших родственниках, знакомых, соседях.

Опрос показал, что негативные психические переживания привели к изменениям в физическом состоянии преподавателей. 23% заявили о том, что существенно ухудшилось здоровье, 34% считают, что незначительно. Каждый второй опрошенный отметил появление слабости в теле из-за снижения физической активности, длительного стресса. 27% указали на усиление прежних болезней, 17% - снижение жизненного тонуса, а 12% - появление новых заболеваний.

Актуальной проблемой стало использование доступных практик сохранения физических сил в новых условиях жизни. 73% увеличили время на ежедневную зарядку; 32% - совершали прогулки рано утром или вечером, когда было меньше людей на улицах; 9% купили разные тренажеры, укрепляющие мышцы спины в условиях длительной сидячей работы за компьютером. 8% в связи с большой нагрузкой на зрение стали использовать различные упражнения для восстановления работы глаз. Обострение прежних болезней вызвало необходимость более жесткого соблюдения рекомендаций врачей по их профилактике.

Для снижения раздражительности, преодоления стрессовых переживаний 64% стали чаще слушать приятную музыку, смотреть фильмы, создающие позитивное настроение, 23% обратились к юмористической литературе, описывающей жизнь до пандемии; 15% искать в интернете информацию о способах преодоления негативных психических переживаний.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Михеев Денис Александрович
(СПбГУ, Кафедра культурной антропологии и этнической социологии)

Ассоциация современного крупного города с присутствием разнообразия к сегодняшнему дню прочно закрепилась в дискурсе социальных наук. К такому умозаключению сложно не прийти, рассматривая историю человеческой жизни в городских поселениях. Как утверждает Р. Сеннет, столкновение горожанина с различиями является одним из составляющих самого опыта городской жизни, которому свойственны «разнообразие, сложность и чуждость» [1, 27]. Понимание урбанизации как разрушения традиционных форм общности людей и формирования нового типа социальной организации незнакомцев в особым образом адаптировавшейся для их взаимодействия институциональной среде, сложившееся на фоне интенсификации урбанизации и индустриализации в конце XIX – начале XX века, актуализировало проблему разнообразия в социологии и смежных дисциплинах. Это позволило, например, позднее утвердить идею разнообразия в качестве одного из нормативных ориентиров градостроительной практики и социально-экономического развития городов [2] [3].

Процесс формирования культурной сложности современного мегаполиса, таким образом, представляет собой своеобразный городской «модус вивенди». Однако, отличительной чертой городского культурного разнообразия сегодня является то, что оно играет ключевую роль в протекании основных тенденций современности – детерриторизации, транснационализации, глобализации в целом. Укореняясь в сети глобальных потоков, современный мегаполис становится центром притяжения в циркуляции не только капитала, технологий, ресурсов и информации, но и, в первую очередь, «множества людей, движущихся через множество мест к множеству мест» [4]. На основе данных за период 2015-2019 гг. [5] [6] можно утверждать, что в структуре населения ряда глобальных городов доля жителей иностранного происхождения, так или иначе учитываемых официальными статистическими процедурами, на сегодняшний день составляет в среднем от 20% до 30%.

Традиционно принято рассматривать проблему культурных различий как целиком и полностью зависящую от действий государственных акторов, разрабатывающих разнообразные решения по устранению несоответствий идентичностей мигрантов и национальной культуры принимающего общества. Сегодня же, как утверждает Р. Сапато-Баррера, «эффекты человеческой мобильности оказываются наиболее заметны в локальной политической повестке» [7, 242], что приводит к формированию «локального поворота» в изучении культурного разнообразия и актуализацию локального измерения культурной сложности современного мегаполиса. Ряд эмпирических исследований [8] [9] демонстрирует основные отличительные характеристики локальных контекстов культурного разнообразия в европейских городах.

[1] - Сеннет Р. *Плоть и камень: Тело и город в цивилизации Запада*. М.: STRELKA PRESS, 2016.

[2] - Джекобс Дж. *Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство, 2011.

[3] - Флорида Р. *Креативный класс. Люди, которые создают будущее*. М. МИФ, 2019.

[4] - Бауман З. *Город страхов, город надежд* // *Логос*, №3 (66), 2008. Стр. 24-53.

[5] - База данных IOM. URL: www.gmdac.iom.int/

[6] - База данных World Cities Culture Forum. URL: www.worldcitiescultureforum.com/data

[7] - Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the “local turn” in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies // *International Review of Administrative sciences*, vol. 83(2), 2017. Pp. 241-246.

[8] - Schmidt G. “Let’s Get Together”: Perspectives on Multiculturalism and Local Implications in Denmark. In: Kivisto P., Wahlbeck Ö. (eds) *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States. Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series*. London: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 197-218.

[9] - Hoekstra M. Diverse cities and good citizenship: how local governments in the Netherlands recast national integration discourse // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 38(10), 2015. Pp. 1798-1814.

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКИХ ДИНАСТИЙ

*Нор-Аревян Оксана Аведиковна
(Южный федеральный университет)*

Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320

Изучению реальности повседневной жизни уделяют внимание Т. Лукман и П. Бергер и приходят к выводу о том, что в основе социальных явлений лежат социальные и коммуникативные практики, их воспроизводство и влияние их результатов на дальнейшие действия социальных акторов [1].

Династийность в медицине – не редкость. Медицинская династия – это отличный канал профессиональной коммуникации, который работает безбарьерно и сложившиеся в семье социальные и коммуникативные практики успешно проецируются на взаимоотношения с пациентами. Ведь, что такое династия? Это «опыт, регалии, весомость, преемственность», - так коротко охарактеризовала молодая врач в четвертом поколении (врач-кардиолог, 35 лет, жен., г. Ростов-на-Дону).

Из материалов автобиографических интервью [2], информанты отмечали необходимость онлайн продвижения в современной реальности и в условиях цифровизации здравоохранения: У нас есть пиар-служба, которая рекламирует больницу, есть сайт, страницы в Инстаграме, Фейсбуке. Продвижение должно быть (врач, зав. отделением, 43 года, муж, г. Москва).

Очень важно, когда учреждение здравоохранения или медицинский центр независимо от формы собственности будет представлен в сети Интернет. Пациентов интересуют не только штатный состав клиники и перечень оказываемых ими услуг, но и такие репутационные вещи, как регалии, образование, стаж, отзывы. Династийные врачи убеждены, что пациентам важны регалии, что в их глазах потомственные врачи имеют преимущества и сама династия выступает таковым: Для пациентов очень важны статус и регалии... Ну и плюс опять-таки у меня династия, те, кто знают об этом, для них это тоже весомо – опыт передается из поколения в поколение (врач-кардиолог, 35 лет, жен., г. Ростов-на-Дону).

На сайтах медицинских учреждений г. Ростова-на-Дону представлена такая информация. Опыт широкого представительства семейных династий врачей имеется только в двух крупных медицинских учреждениях: Ростовский государственный университет на своем сайте в разделе «Музей» разместил рубрику «Династии», где представлена

информация о 42 профессиональных медицинских династиях [6]; на сайте <https://vrach-profi.ru> представлена информация о медицинских династиях Дорожной клинической больницы Северо-Кавказской железной дороги [7], о семейных династиях врачей Ростовской области написаны целые книги [4]. Есть и опыт создания персонального сайта, например, известная династия Балязиных имеет свой сайт baiazin.rf [3].

Сегодня есть частные клиники, небольшой штат которых полностью состоит из родственников и это не обязательно плохо. Рассказ о семейных династиях на официальном сайте учреждения может стать хорошим рекламным инструментом для частной клиники, как например, это сделали на сайте Семейного медицинского центра (г. Ростов-на-Дону) [5].

В заключении отметим, что цифровизация здравоохранения развивается очень быстрыми темпами, и уже сегодня в сети Интернет можно получить информацию широкого спектра: от персональных резюме врача, включая династийный след, до возможностей телемедицины, включающей онлайн консультации врачей и онлайн консилиумы для профессионального медицинского сообщества.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.
2. В 2019-2020 гг. проведены 20 интервью с представителями профессионального медицинского сообщества в рамках исследования при поддержке Российского научного фонда по теме "Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе" (руководитель к.с.н., доцент Посухова О.Ю.).
3. Династия Балязиных. URL: <https://xn--80abteno7j.xn--p1ai/> (дата обращения 10.10.2020)
4. Книги о выдающихся врачах Ростовской области. URL: <https://vrach-profi.ru/onas/knigi-o-vyidayushhihsya-vrachah-rostovskoy/> (дата обращения 10.10.2020)
5. Медицинская династия Харатегезян. URL: <https://med-centr.ru/specialisti/semya-professionalov/medicinskaya-dinastiya-haragezyan.html> (дата обращения 10.10.2020)
6. Официальный сайт Ростовского государственного медицинского университета // <http://museum.rostgmu.ru/%d0%b4%d0%b8%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%82%d0%b8%d0%b8> (дата обращения 22.08.2020 г.)
7. Семейные династии врачей больницы СКЖД. URL: <https://vrach-profi.ru/onas/seteunyie-dinastii-vrachej/> (дата обращения 10.10.2020)

ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД ИСПАНСКИХ УЧЕНЫХ

*Певная Елизавета Ивановна
(Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова, фак-тет журналистики.)*

Каждый, кто сталкивается с термином "цифровизация", рано или поздно вынужден обратиться к трудам испанского социолога М.Кастельса, чьи междисциплинарные исследования позволяют рассмотреть цифровизацию как глобальный процесс, который влияет на все аспекты экономической и общественной жизни. Это не удивительно, ведь с конца 80-х годов XX века в Испании был зафиксирован бум интереса к социологическим исследованиям, вызванный институционализацией социологии в стране и реакцией общества на падение франкизма: 1) переходом к анализу реальных общественных практик, поведения, мнений и взглядов испанских граждан; 2) необходимостью решить целый

спектр социальных и экономических проблем (безработица, рост преступности, кризис систем образования и здравоохранения); 3) попыткам восстановить и переосмыслить забытое наследие (в особенности работы Х.Ортеги-и-Гассета), а также выстроить коммуникацию с мировым научным сообществом. "На фоне интереса к осмыслению теоретически сбалансированных подходов, способных раскрыть специфику и многомерность процессов кардинальных преобразований испанского общества, усилилось и стремление исследователей к синтезу самых различных концептуальных построений". [1,45] Сложившаяся в конце XX века традиция поддерживает интерес общества к рефлексии и до сих пор отражается на практикоориентированности испанских исследований. Кроме того, крупнейшие медиа страны, например, La Vanguardia или El País, активно привлекают социологов и данные исследований к созданию публицистических материалов.

Анализ публикационной активности в международной базе данных Scopus показал, что Испания занимает 4-е место по количеству публикаций о диджитализации в кластере общественных наук, в то время как при полном предметном охвате – лишь 10. С 2011 года в базу было индексируется 415 статей. Среди исследовательских организаций лидерами по публикационной активности являются Политехнический университет Мадрида, Университет Комплутенсе и Автономный Университет Барселоны. Стоит отметить, что большинство (19%) публикаций относятся к кластеру social sciences, computer science (17%) и engineering (15%). Если ограничить поиск по "общественным наукам", то в топе появятся Университет Помпеу Фабра и Университет Гранады, представители школы которого поддерживали ход независимых исследований еще при Франко.

Для анализа тематических направлений в испанских научных исследованиях цифровизации из 415 статей и обзоров (2011-2020) в международной базе данных Scopus были выбраны 103 публикации в сфере общественных наук, индексируемые туда с 2018 по 2020 год (точка роста исследовательской активности). С помощью программы обработки библиометрических данных VOSviewer были построены ментальные карты терминов и выявлены 4 основных тематических кластера, интересующие испанских исследователей: устойчивое развитие, инновации, образование, индустрия 4.0.

1) Деев В.А. *Социология в современной Испании // Навстречу XII Всемирному социологическому конгрессу.* - М.: Издательство МГУ, 1990. -124 с.

2) Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М.: ГУ ВШЭ, 608 с.*

3) Morente-Mejías, F. (2000). *Sociología en España: Una aproximación sintética. Revista de estudios políticos, ISSN 0048-7694, N° 108, 2000, pags. 271-292.*

«АНАЛОГОВЫЙ» АКТИВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ ТЕЛЕСНОГО КАПИТАЛА

Пивоваров Александр Михайлович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31138

Слово «аналоговый» в названии доклада мы ставим в кавычки поскольку таким образом хотим показать «нецифровой», не дискретный, целостный характер телесности как капитала, дающего индивидам дополнительные ресурсы движения и продвижения в

социальном пространстве, и способного раскрыть свой социальный потенциал лишь в ситуации физического соприсутствия.

Согласно П. Бурдьё, «физический капитал» [2, 830] или «телесный капитал» [3, 206] формируясь во взаимоотношениях социальной локации, габитуса и вкуса, является частью культурного капитала в его инкорпорированной форме и выражается в качествах внешности, здоровья и поведения конкретного индивида.

По вопросу о том, достаточно или нет понимать телесный капитал по П. Бурдьё, т.е. как «инкорпорированный культурный капитал», в литературе развернулась заочная дискуссия. Например, Л. Вакан [11] и А. Мирс [9], полностью поддерживают идею подчиненности телесного капитала культурному. В работах других авторов, например, К. Шиллинга, утверждается, что «физический капитал слишком важен, чтобы рассматриваться его как просто компонент культурного капитала» [10, 654]. Д. Хатсон теоретически и эмпирически обосновывает тезис о том, что телесный капитал как «стоимость, генерируемая внешностью, привлекательностью и физическими возможностями» [8, 63], должен рассматриваться как самостоятельная форма капитала, наряду с тремя остальными, именно потому, что телесность современного человека является не просто «дисплеем» культурного капитала, как полагал П. Бурдьё, а сама по себе обладает «трансформирующей силой» [7, 50], позволяющей создавать, поддерживать или преодолевать отношения неравенства.

Эта идея Д. Хатсона выглядит гораздо менее уязвимой, чем более известная концепция К. Хаким, согласно которой в качестве четвертого актива, дополняющего экономический, культурный и социальный капитал, должен рассматриваться «капитал эротический» [6].

Идея, которой мы предлагаем дополнить модель Д. Хатсона, заключается в том, чтобы не просто объединить под рубрикой «телесный капитал» все уже известные и возможные в будущем, связанные с телом, виды капиталов, поставив их в равное положение. Вместо этого мы считаем, что наиболее значимые (обладающие широкой областью применения) и несводимые друг к другу виды телесно связанных капиталов можно рассматривать и как направления (измерения) капитализации телесности. В качестве таковых мы предлагаем рассматривать физический, эротический [5], гендерный [4] и эстетический капитал [1].

1. Anderson T. L., et al., 2010. *Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties*. *Sociology Compass*, 4/8, pp. 564–575.
2. Bourdieu, P. 1978. *Sport and social class*. *Social Science Information*, №. 17, pp. 819-40.
3. Bourdieu P. 1984 [1979]. *Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste*. Massachusetts: Harvard University Press. Translated by R. Nice. 614 p.
4. Bridges, T.S. 2009. *Gender Capital and Male Bodybuilders*. *Body & Society*, 15 (1), pp. 83-107
5. Green, A. 2008. *The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach*. *Sociological Theory*, 26(1), pp. 25–50.
6. Hakim, C. 2010. *Erotic capital*. *European Sociological Review*, 26(5), pp. 499–518.
7. Hutson, D. 2012. *Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry*. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.
8. Hutson, D. 2013. *Your body is your business card: Bodily capital and health authority in the fitness industry*. *Social Science & Medicine*, 90, pp. 63–71
9. Mears, A. 2015. *Girls as elite distinction: The appropriation of bodily capital*. *Poetics*, 53, pp. 22–37

10. Shilling C. 1991. *Educating the body: Physical capital and the production of social inequalities. Sociology*, 25 (4), pp. 653-67.

11. Wacquant, L. 1995. *Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers. Body & Society* 1(1), pp. 65-93.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ МЕМОВ СТУДЕНТАМИ ИЗ ГЕРМАНИИ И КИТАЯ

Плутов Леонид Евгеньевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Моисеева Мария Борисовна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Артёмова Маргарита Владимировна
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Релевантность исследования феномена «мемов» подкрепляется эволюцией «*theme theory*», начатой в конце 1990-х годов дебатами о меметике: «мем», определённый Р. Докинзом как базовый элемент культурной трансмиссии [1], претерпел существенные изменения [2], был сделан акцент на культурной составляющей термина.

Ключевым понятием исследования выступает «интернет-мем» - «группа цифровых объектов (изображения, видео) с общими характеристиками, обладающих общепонятным смыслом и распространяемых между реципиентами онлайн» [3]. Глубокая связь между мемами и культурой сообществ делает мемы индикаторами членства. [4].

Мемы являются объектом исследований цифровой культуры. Мемы содержат различные символы, включая языковые. Мемы также целесообразно рассматривать в контексте адаптивных стратегий, особенно адаптации [5, 786].

Придерживаясь позиций культурного релятивизма, авторы провели пилотажное анкетирование. Анкеты распространялись онлайн среди студентов из Германии и Китая, обучающихся в ВУЗах Санкт-Петербурга, и состояли из трёх частей: социально-демографические данные; мемы, требующие интерпретации; вопросы, выявляющие отношение к мемам. Выборка включала 9 немецких и 15 китайских студентов.

Результаты исследования показали, что:

1. Иностранцы студенты понимали смысл мемов, если они были связаны с обыденным жизненным опытом или представляли общеизвестные символы, ассоциирующиеся с Россией. Однако некоторые специфичные символы оказались сложными для декодирования.

2. Студенты могли правильно интерпретировать смысл без полного понимания языка, посредством осведомлённости о других символах. И наоборот, некоторые студенты могли перевести текст мема, но не могли понять его значение.

3. Информанты предлагали собственные культурно специфичные способы интерпретации.

4. Отношение респондентов к русским мемам демонстрирует более общую тенденцию к переходу от сегрегации к интеграции иностранных студентов.

Таким образом, анализ способов интерпретации русских мемов позволяет определить отношение иностранных студентов к русской культуре. Объектом исследования могут быть не только мемы, но и другие проявления онлайн-культуры.

Рассмотрение их с позиции интерпретации открывает широкие возможности для изучения культурных паттернов.

[1] Dawkins, R. (1989). "11. Memes: the new replicators". *The Selfish Gene* (2nd ed., new ed.), Oxford: Oxford University Press, 368.

[2] Blackmore, S. J. (1999). *The meme machine*. Oxford [Oxfordshire]: Oxford University Press, 288.

[3] Shifman, L. (2013). *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press.

[4] Nissenbaum, A. & Shifman, L. (2017). *Internet memes as contested cultural capital: The case of 4chan's/b/board.* *New Media & Society*, 19, 4, 483-501.

[5] Bourhis R. Y., Montaruli E. El-Geledi S., Harvey S.P., & Barrette G. (2010). *Acculturation in Multiple Host Community Settings. Journal of Social Issues*, 66, 4, 780-802.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. ЦИФРОВОЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ.

Руднев Вячеслав Валентинович
(Институт этнологии и антропологии РАН)

Новые технологии всегда активно влияют на жизнь социума, стимулируя трансформации и рождение проблем. Появление цифровых технологий создало условия для кардинального изменения в разных сферах жизнедеятельности общества: от банковской сферы, транспорта, торговли и т.п. до появления проблем связанных с развитием цифрового мира (от хакерских атак до психологических проблем личности, активно вовлеченной в работу с виртуальной реальностью, проблем освоения новой реальности представителями разных поколений). Стремительное распространение информационно-компьютерных технологий в мире сопровождается появлением аналогичных проблем в разных регионах мира.

Великобритании принадлежит лидирующая роль в создании цифровых технологий. Это определяет целесообразность обращения к опыту Великобритании в данной сфере. Именно в Великобритании появились (и были реализованы) проекты «электронное правительство» и «умный город» и были созданы условия для широкого вовлечения населения страны в активное использование новых технологий. Уже к 2010 г. большинство жителей королевства (82 %) пользовались возможностями цифровых технологий в банковской сфере (вели переписку с налоговой службой и получали социальную поддержку). Реализация проекта «электронное правительство» обеспечило рост компетентности британцев в вопросе использования цифровых технологий.

Новые возможности и высокие требования, предъявляемые цифровыми технологиями, способствовали появлению проблем у разных слоев британского общества (1). Если у старшего поколения это выражалось в неуверенном обращении с техникой и приложениями, то у молодежи возникли проблемы связанные с зависимостью от компьютерных игр и общения.

Решением стало, в частности, появление компьютерных программ обеспечивающих возможность минимального отвлечения пользователя на компьютерные игры и общение в чатах. Например, приложение "Hold" позволяет контролировать количество времени потраченного на пользование смартфоном (чем реже пользователь заходит на смартфон, тем больше баллов ему начисляется). Учащийся может конвертировать эти баллы, посетив студенческое кафе или кинотеатр. Система уже активно работает во многих британских университетах.

Многообразие проблем, возникающих у пользователей осваивающих цифровые технологии, связано с разными факторами (от целевых установок личности и особенностей социально-культурного порядка, до представлений о степени актуальности) и определяет целесообразность применения многовариантного «адресного» подхода (2) для ликвидации «цифрового» неравенства.

Сегодня проблема цифровой грамотности актуальна повсеместно и анализ опыта разных стран в области повышения цифровой грамотности населения – перспективный путь для минимизации опасности «цифрового разрыва» (угрожающего странам своевременно не осознавшим значение новых цифровых технологий) и гармоничного развития общества.

1. Bakardjieva, M. (2005). *Internet society: The internet in everyday life*. London: Sage.
2. Gregor, P., Newell, A.F., & Zajicek, M. *Designing for dynamic diversity - interfaces for older people*, ASSETS 2002: July 2002 Pages 151–156. <https://doi.org/10.1145/638249.638277>

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ В УСТАНОВКАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

*Сикевич Зинаида Васильевна
(Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет социологии)*

*Федорова Анна Александровна
(Санкт-Петербургский филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
РАН.)*

*Выполнено по гранту РФФИ 19-011-00219 А "Модель соотношения
виртуальной и реальной этничности"*

Под этническими предубеждениями понимаются негативные социальные установки по отношению как к этническим группам в целом, так и отдельным индивидам по признаку их членства в данных группах.

Благодаря развитию средств дистанционного анкетирования в сети интернет, изучение данного феномена стало доступно не только при личном контакте с опрашиваемой аудиторией лицом-к-лицу, но также дистанционно в режиме традиционного анкетирования или при использовании неактивных методов. Так, в рамках создания модели онлайн- и оффлайн-этничности нами был проведен опрос 340 пользователей интернета со всех регионов России (выборка, выровненная на основании половозрастных квот) на платформе Anketolog.ru.

Для выявления предубеждений на эмпирическом уровне использовалась шкала Богардуса. Как оказалось, от четверти до трети участников опроса ориентируются на моноэтническую среду жизнедеятельности. Они предпочли бы, чтобы люди только одной с ними национальности: жили в их городе (25,9%); были соседями по дому (35,8%); сослуживцами (25,7%). У 24,2% - друзья исключительно их национальности.

Только 45,5% респондентов отнеслись бы терпимо к вступлению в брак близкого родственника с представителем другой национальности. 18,1% участников опроса выступают категорически против подобной перспективы. Наиболее частые мотивы –

сохранение «чистоты крови» (37,9% из их числа), неприятие смешанных браков (21,3%), уверенность в недолговечности таких браков из-за различий менталитетов и традиций (17,1%). Более трети (36,4%) респондентов обозначили свое согласие /несогласие со смешанным браком определенными условиями. Для них неприемлемыми в качестве членов семьи чаще всего оказываются мусульмане (51,3% из их числа), представители народов Кавказа (19,1%); выходцы из Средней Азии (12,8%) и евреи (9,7%).

Как выяснилось, степень терпимости уменьшается в зависимости от размера этно-контактной дистанции. Если полиэтнический состав городского населения не вызывает негативной реакции почти у $\frac{3}{4}$ респондентов, то в самый ближний круг (семью) принять «чужака», прежде всего, иноверца не готовы более половины участников опроса.

По данным, приведенным выше, с учетом специфики аудитории, тем не менее очевидно то, что носители этнических предубеждений в среднем составляют не менее трети активных пользователей Интернета. Судя по корреляционным плеядам, пол и возраст на негативные установки влияет незначительно, хотя среди носителей предубеждений несколько больше мужчин возрастной группы 18-25 лет. Аналогичные тенденции, была обнаружена и в более ранних исследованиях лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ (в частности, 2003 и 2011 гг.), проведенных оффлайн.

Таким образом, по нашему опыту, способ проведения опроса (оффлайн или онлайн) не влияет на содержательные характеристики, отражающие уровень этнической терпимости, который на протяжении почти 20 лет остается неизменным.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Скоробогатская Наталья Александровна
(Уральский Федеральный университет имени первого президента России
Б.Н.Ельцина)

Скоробогатский Вячеслав Васильевич
(Уральский институт управления - филиал РАНХиГС)

Традиции в обществе принадлежит основополагающая роль: она обеспечивает возможность устойчивого порядка в условиях институциональных перемен. Социальное конструирование реальности предполагает хабиутализацию, делающую «мой» мир, «здесь-и-сейчас» человеческого существования, чем-то реальным, объективированным и приведенным в систему (упорядоченным) посредством культурных образцов [1, с. 41-42]. В силу этого традиция имеет большое значение не только в традиционном, но и в индустриальном обществе. Оппозиция традиции и модерна не заключала в себе антагонизма, традиция – это наследие, втягиваемое в состав современности [4, с. 327]. Модернизация не устраняла традиции, но видоизменяла ее, приспособив к переменам и отводя ей роль фактора, упорядочивающего разнообразие и изменение, вносящего в жизнь человека стабильность и ясность, уверенность в реальности существующего. В этом отношении модернизация была многошаговым процессом перемен, структурированным во времени, что позволяло поколениям (хронологическим стратам) жить в относительно стабильном, упорядоченном мире.

Ситуация кардинально меняется в последние десятилетия. По утверждению К. Шваба, четвертая технологическая революция (Индустрия 4.0), вызывающая переход общества в «цифровое» состояние, характеризуется невиданным ранее темпом, широтой и глубиной (масштабом) перемен и их системным проявлением на всех уровнях социальной

организации, от повседневности до глобальных структур [5, с. 8-9]. Что происходит при этом с традицией, как бы мы ни понимали ее – как (1) социальное наследование, как (2) собственно наследуемое или как (3) отношение нового поколения к нему (к прошлому) [4, с. 284]? Еще недавно вопрос стоял так: следовать обычаю или моде, и выбор элит так или иначе регулировал темп и направленность перемен. Сегодня подобный выбор отсутствует, он онтологически невозможен в цифровом обществе.

В первую очередь потому, что меняется статус институтов и, возможно, характер социальной реальности и механизма ее конструирования. С наступлением цифрового общества происходит сдвиг, который называют виртуализацией. Это явление не новое, оно было зафиксировано еще в анализе общества постмодерна [2, с. 174], когда выход за пределы той традиции, на которой держалось общество модерна при всей его декларируемой страсти к новизне, стал очевиден, но смысл и характер подступающего нового оставались чем-то гипотетическим. Уже отмечалось в литературе, что в новом обществе виртуализация проявляется в виде функционализации знания, когда в качестве скрепляющих «узлов» социального порядка оказываются не институты, но особого рода информационно-когнитивные продукты – инструментальное знание, а по существу – инструкция для пользователя информационной техники и технологий [3, с. 401]. В отличие от институтов с их тормозящим эффектом, который обусловлен воздействием традиции, подобные когнитивные продукты вполне совместимы с темпом и масштабом перемен, характерных для цифрового общества. Вытеснение институтов из пространства Большого общества в частные миры межличностного общения делает проблематичным статус культурной традиции в цифровом мире. Отныне перемены приобретают все более отчетливую антитрадиционалистскую, более того – контркультурную направленность.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Грицай Е.В. *Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра)* // *Вопросы философии*. 2003. № 9. – С. 171- 179.
3. Скоробогачкий В.В. *Анти-Сизиф, или Человек в зеркале философии*. Екатеринбург, изд. УрАГС, 2008. – 480 с.
4. Шацкий Е. *Утопия и традиция*. М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
5. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Б.м.и.: «Эксмо», 2016. – 138 с.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ

**Смирнов Прохор Сергеевич
(МГИМО)**

Понятие «цифровизация» очень прочно вошло в современный обиход. Чаще всего под ним понимается «процесс внедрения цифровых технологий и систем передачи на уровне телекоммуникационных сетей, средств коммутации и управления, обеспечивающих передачу и распределение потоков информации в цифровой форме» [5]. Также в ходу и более узкое определение понятия, «процесс преобразования информации в электронный формат» [2]. Цифровизация подразумевает множество преимуществ, среди которых самое существенное – повышение эффективности процесса производства [2]. Однако, что особенно наглядно было продемонстрировано за время коронавирусной инфекции, этот процесс также влияет на функционирование трудовых коллективов.

Трудовым коллективом считается группа трудящихся людей, объединённых общей работой, интересами и целями [1]. Люди объединяются в коллективы стихийно ввиду

единства рабочего пространства. Понятие «трудовой коллектив» относится преимущественно к наёмным рабочим. Согласно данным Росстата, в 2017 году таковых было 93,6% от общей массы работоспособных граждан в стране [4] (на 2019 год их насчитывалось около 76 176 тысяч [3]). Таким образом, любое изменение в характеристиках, способе функционирования или условий существования трудовых коллективов коснётся существенной части российского общества.

Так как цифровизация подразумевает перенос данных в электронный формат, то для многих профессий, не связанных напрямую с производством товаров, это обозначает гораздо большую гибкость для трудовых отношений. В частности, это выражается в появлении новых правовых форм занятости [5]. Одним из наиболее наглядных примеров этих новых форм является фриланс. К ним же можно отнести и набирающий популярность статус самозанятого.

Кроме того, сама суть процесса цифровизации как одного из прогрессивных процессов в современном обществе требует от работников постоянного совершенствования собственных навыков, а также приобретения новых. В связи с этим рабочая сила станет более подвижной, так как работники, чьи знания и навыки устарели, будут с большей вероятностью заменяться новыми, обладающими необходимыми навыками [5]. Таким образом, сами трудовые коллективы станут менее прочными и сплочёнными ввиду постоянной ротации кадров. Тот факт, что новые рабочие места, появляющиеся в ходе цифровизации, не подразумевают под собой образования трудовых коллективов старого типа, наряду с исчезновением менее прогрессивных форм занятости только подкрепит эту тенденцию.

При этом, однако, нельзя однозначно утверждать, что трудовые коллективы как таковые уйдут в прошлое. Вместе с техническим прогресс неизбежен и прогресс общественный. В частности, многие формы взаимодействия работников между собой также с большой вероятностью перейдут в цифровой формат [5].

Таким образом, процесс цифровизации необратимым образом повлияет на форму и прочность трудовых коллективов, что, в свою очередь, повлечёт заметные изменения в облике всей трудовой сферы Российской Федерации в экономическом и правовом отношении.

1. Большая советская энциклопедия [электронный ресурс] / Прохоров А. М. и др. – под редакцией Прохорова А. М.; Советская энциклопедия – Москва, 1978 / режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article062821.html>;

2. Гусев А. А., Цифровизация трудовых отношений и ее влияние на производительность труда и стоимость компаний [электронный ресурс] / Экономика. Налоги. Право – 2019 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-trudovyh-otnosheniy-i-ee-vliyanie-na-proizvoditelnost-truda-i-stoimost-kompaniy>;

3. Министерство труда Российской Федерации, Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации [электронный ресурс] / Министерство труда – 2020 – режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/inform/1#:~:text=Twitter-,%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BA%D0%B5%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8,%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D>

0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E%20%D0%B8%203%20507%20%D1%82%D1%8B%D1%81;

4. Росстат, Официальный сайт [электронный ресурс] / Росстат – 2020 – режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>;

5. Томашевский К. Л., Цифровизация и её влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) [электронный ресурс] / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право – 2020 – режим доступа: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/5622/5637>;

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Снегур Маргарита Романовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

В настоящий момент в период активной цифровизации и преобладания техногенного характера общества, особую роль играют электронные технологии и инновации, которые позволяют решить самые разнообразные проблемы. Согласно Дж. Урри, можно также утверждать, что современные технологии способствуют повышению уровня мобильности разного типа [3, 49-77]. В том числе, это отражается на формировании идентичности молодого человека.

Особый интерес представляет формирование идентичности современных молодых людей, активно участвующих в программах академической мобильности, организуемых университетами России в партнерстве с ВУЗами по всему миру. Большая часть программ, оказывающих финансовую поддержку российских студентов, направлена на получение опыта обучения в Европе (Erasmus +, Jean Monnet, стипендия DAAD и тд). Официальные документы ЕС включают ряд специализированных программ, цель которых содействовать развитию человеческого и социального капитала в Европе и за ее пределами, развивать международное сотрудничество, обеспечивать обмен опытом, а также предоставлять возможность знакомства с новой культурой для улучшения навыков межкультурной коммуникации. В том числе, одной из задач программ европейской академической мобильности является укрепление европейской идентичности на основе разделения единых ценностей и норм.

Стили европеизации российских студентов в процессе обучения за рубежом могут быть различны [1, 113]. Большинство студентов предпочитают погружаться в межкультурную коммуникацию. Связи, которые создают студенты за время пребывания за рубежом, закрепляются общением в социальных сетях. В то же время, студенты, которые испытывают трудности в построении общения на иностранном языке в новой стране пребывания, находят выход в переписке и видео звонках близким, оставшимися на Родине.

Социальные сети создают иллюзию присутствия и осведомленности в жизненных ситуациях своих друзей в виртуальном мире. Так, например, имея аккаунт в «Инстаграмме» или «Вконтакте», студент, обучающийся за несколько тысяч километров от дома, видит регулярные посты и сторис своих близких, проживающих в родной стране, также имеет доступ к новостям о событиях дома, музыке и видео на родном языке. Использование этих возможностей создает для него иллюзию участия в жизни страны исхода.

В свою очередь, студенты, выбравшие путь глубокой интеграции в принимающее общество, активно используют ресурсы социальных сетей как инструменты, способствующие ускорению и упрощению данного процесса. Таким образом, социальные

сети и интернет-технологии являются одним из важнейших элементов, формирующих транснациональную идентичность студентов, участвующих в программах академической мобильности. В то же время, они являются и инструментом для реализации полярных стилей жизни в период пребывания в европейской стране: полное погружение, стремление к интеграции и адаптации; стремление сохранить и репрезентировать национальную идентичность.

1) Осипова М.Р. Трансформация образа жизни на стыке европеизации и локализации: опыт молодых россиян в Испании // Сборник по итогам конференции «Социологической конференции молодых ученых» под ред. А.В. Петрова, 2019, сс 106-107.

2) Erasmus +: General information [online] https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/about_en.

3) Urry J. *Sociology beyond societies: mobilities for 21st century*, Routledge, 2000 (pp. 49-77).

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В КОРЕЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тангалычева Румия Кямильевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002)

Доклад посвящен социологическому анализу фильма «Поезд в Пусан» южнокорейского режиссера Ён Сан Хо, в котором изображается ситуация зомби-апокалипсиса после химической утечки из научной лаборатории. Фильм получил большие кассовые сборы во многих странах мира, а также высокие положительные отзывы кинокритиков. Актуальность сюжета обусловлена теми техногенными рисками и угрозами, которые вызваны техническим прогрессом, с одной стороны, и отсутствием рационализации «жизненного мира» человека, с другой. Ю. Хабермас назвал этот процесс «патологией современности» [Habermas, 1986, 96]. Такого рода ситуации мы наблюдаем в современном обществе повсеместно. Однако одним из наиболее необычных и сильных по воздействию на сознание и поведение людей событием последнего времени стала всеобщая пандемия коронавируса, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 12 марта 2020 г. и изменившая нормальное функционирование социальных институтов и привычных повседневных практик людей во всех уголках мира.

На основе контент-анализа фильма «Поезд в Пусан», обзора рецензий и интервью в исследовании осуществляется социологический анализ кинокартины. Режиссер фокусируется на реакции представителей разных слоев, групп и социальных институтов общества на случившуюся трагедию. В конечном счете идеология фильма приводит к дилемме между капиталистической эффективностью и социальной справедливостью.

Особая тема в фильме – новости и информация официальных органов власти. Реальность нынешнего времени такова, что подлинные события далеко не всегда соответствуют новостной повестке дня. Тема информационной коммуникации представляется чрезвычайно актуальной для оценки данного фильма и отчасти, помогает

объяснить его кассовый успех: правительство в нем изображается саркастически, поскольку не может справиться с текущими событиями. В Южной Корее в декабре 2016 г. президенту Республики Корея Пак Кын Хе был объявлен импичмент, а накануне по стране прошли массовые народные протесты против взяточничества, злоупотребления властью, а также передачи секретной информации людям, далеким от правительства. Однако, трактовать новостную повестку в фильме, несомненно, можно и в более широком ключе: буквально во всех обществах сегодня мы наблюдаем идейную разрозненность информационных источников, формирующих параноидальную картину происходящего в сознании обычных людей, которые, не доверяя официальным источникам информации, действуют в соответствии со своими представлениями и ценностями.

ТЕЛЕСНАЯ АНОНИМНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Тихонова Кристина Валерьевна

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Цифровое общество характеризуется смещением межличностных и межгрупповых отношений в сферу социальных сетей, что влечет за собой утверждение личности, её статуса в этом пространстве и неограниченные возможности взаимодействия с другими людьми. Однако подобное повсеместное распространение ведет не только к расширению круга общения индивидов, но и к потере значительного пласта информации о собеседнике – его половая принадлежность, местонахождение, система ценностей и намерения могут быть как скрыты, так и искажены в зависимости от целей коммуникации [4, 31].

Индивиды стремятся к созданию «идеального Я» - виртуального образа, существующего только в пределах социальной сети и отражающего сильные стороны его реального носителя. Физическое тело как первичный, природой данный объект [5, 52] при таких условиях «растворяется» [6, 10]. Это характеризуется тем, что «устойчивое», материальное тело перестаёт существовать и может приобретать любую форму – изменение черт лица, фигуры и прочие модификации, позволяющие пользователю создать собственный усовершенствованный прообраз, который преобразуется в процессе взросления, социализации и принятия личностью определенных социокультурных норм в социальное тело.

Причинами преобразования телесности могут являться не только эстетические соображения, но и желание включенности. Это характерно для людей с инвалидностью, использующих анонимность социальных сетей и возможность сокрытия собственной телесности для интеграции в Интернет-сообщества [3, 1]. Подобная деятельность индивида отражает отсутствие принятия собственного тела в отрыве от созданного образа. Другим вариантом сокрытия или модификации собственной телесности является конструирование виртуальной гендерной идентичности. Индивид может стремиться к созданию аватара, отражающего его самоощущение, попытка преобразования телесности при этом – это попытка отражения реальной идентичности в онлайн пространстве [7, 82].

Стоит отметить, что в противовес существующей идеализации тела начинает активно развиваться движение бодипозитив. Его целью является разрушение негативных стереотипов общества по отношению к людям, чья внешность отличается от общепринятого стандарта. Эта тенденция прослеживается в Instagram – площадке, делающей акцент на визуальную составляющую профиля [2, 176]. Появляется все больше блогеров, предлагающих отказаться от создания не отражающих реальность профилей.

Таким образом, социальные сети – пространство, которое можно использовать для закрепления, модификации и сокрытия собственной телесности в зависимости от существующих у индивида потребностей.

1. Беттельгейзе Д.Д. Концепция «культуромир» и роль искусства в эпоху гипермодерна // Вестник национального технического университета «ХПИ»: сб. науч. тр. Философия. Харьков, 2009. № 26. С. 29-36.
2. Грахова И. А. Анализ социальной сети Instagram как инструмента формирования общественного сознания / И. А. Грахова, Я. А. Дрынть // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Том 3. – С. 175-177.
3. Демичева К. А. Проблемы социальной интеграции людей с инвалидностью посредством социальных сетей / К.А. Демичева // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – С. 1-2.
4. Кригер Е.Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 29–39.
5. Меренков А.В., Антонова Н.Л. Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 Общественные науки. - 2018 - Т. 13, № 1 (173). - С. 51-58.
6. Сколота З. Н. Эстетика «новой телесности» в виртуальном пространстве // Международный научно-исследовательский журнал Research Journal of International Studies : в 2-х ч. – 2012. – № 6. – Ч. 2. – С. 9–12.
7. Щекотуров А. В. Гендерные самопрезентации подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 80–88.

СПУТНИКОВЫЕ ТЕЛЕКАНАЛЫ РЕГИОНОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тхакахов Валерий Хазраилович

*(Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии,
кафедра теории и истории социологии)*

Региональные спутниковые телеканалы появились в российском медиапространстве относительно недавно. Один из последних – «Осетия-Ирыстон» - приступил к полноформатному вещанию только с прошлого года. Три ключевых фактора сыграли, на наш взгляд, свою определяющую роль. Во-первых, это появление технических и экономических условий для трансляции создаваемого регионального контента за пределы административной территории субъектов РФ. В эру традиционного телевидения местные студии в основном распространяли сигнал внутри собственного региона. Такова была политика и идеология центра – привязывать этничность и её воспроизводство рамками фиксированной территории. В раздаточной экономике местам выделялись объёмы вещания в соответствии с их статусом и иерархией в административно-территориальной и политической структуре страны. Это была своеобразная ранговая система стратификации телепространства, в которой время выступало ресурсом распределения и квотирования. С появлением новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) прежние ограничения стали преодолеваются и этническая культура в телепроектах уже не локализуется в географических границах регионов. Во-вторых, внутренние социокультурные обстоятельства оказывают влияние на создание спутникового формата в региональном телевидении. Региональная культура России в силу программной политики основных федеральных телеканалов не имеет доступа в общенациональное

телепространство. Специально созданный в своё время канал «Культура» по факту изменил изначально заявленные цели вещания и ориентируется преимущественно на трансляцию различных образцов зарубежной и отечественной классической музыки, оперы, балета, документалистики и наследия художественных фильмов прошлого. В-третьих, можно утверждать, что большая часть новой постсоветской элиты в национально-территориальных образованиях страны использует этничность как важный ресурс власти, суверенитета и интеграции. Спутниковые телеканалы в этом смысле – проводники определённой политики и идеологии идентичности. Культура и идентичность в цифровую эпоху – ключевые ресурсы и капитал. Особое значение имеют консолидирующие элементы этнической культуры (язык, историческая мифология, обычаи и традиции, музыка, коммеморативные мероприятия и т.п.). В качестве ещё одного дополнительного обстоятельства можно указать на плановый переход в РФ с аналогового на цифровое телевидение. Анализ регионального пакета спутниковых телеканалов (национальный провайдер Триколор ТВ) показывает, что из 22 телеканалов 10 ориентированы на этнокультурную проблематику («ТНВ-Планета», «БСТ», «Чаваш Ен», «Удмуртия», «Грозный», «Дагестан», «Ингушетия», «Архыз 24», «Осетия-Ирыстон», «Юрган»). За исключением телеканала «Архыз 24» все вышеупомянутые являются двуязычными или многоязычными. Таким образом, здесь языковая матрица спутниковых телеканалов является одной из ключевых составляющих концепции вещания. Данный аспект этнической культуры (язык) приобрёл в последнее время более актуальное звучание в связи с дискуссиями и практикой сокращения школьных и иных программ на родных языках. Ресурсы спутниковых телеканалов – новое окно возможностей в переносе образовательных и политических стратегий из одних институтов (школа, вуз) в другие (в семью, в пространство новых ИКТ). Часть телеканалов («ТНВ-Планета», «Грозный», «Чаваш Ен», «Осетия-Ирыстон» и др.) создают и демонстрируют как собственные, так и зарубежные художественные фильмы, переведённые на родные языки. Регионы ищут различные варианты адаптации к текущей социокультурной ситуации и разрабатывают стратегии выхода за пределы физической территории в пространства диаспор в других регионах и странах. Наиболее активно в данной политике идентичности участвуют спутниковые телеканалы «ТНВ-Планета», «Грозный», «БСТ». Однако важно понимать, что сами по себе новые ИКТ не позволяют автоматически поддерживать или изменять этническую идентичность. Определяющим здесь выступают: а) конкретная культурная политика властей в сфере вещания СТ; б) агентская структура драйверов процесса; в) содержание телеконтента и формат телепередач.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Фомичева Татьяна Владимировна

(Российский государственный социальный университет)

Развитие современной молодежи тесно связано с техническим прогрессом общества, выражающимся, прежде всего, в развитии средств массовой коммуникации. Основой теории поколений является дифференциация по типам ценностей представителей различных поколений социума.

В связи с тесной «технологической» корреляцией с интернет-средой, поколения молодежи, в частности миллениалы, демонстрируют свою зависимость от виртуального общения и интернет-среды в целом. Их даже можно назвать «сетевым поколением» [2].

На современном этапе развития российского общества, можно отметить, что поколение миллениалов объединяют следующие ценности, ценностные ориентации и иные характеристики: активное общение во всех форматах, а преимущественно в сетевом; повышенный учет в собственном ценностном сознании интересов и влияния социума; аполитичность; ориентация на гедонистические ценности; прагматическое отношение к трудовой занятости; склонность к работе фрилансером, индивидуальной трудовой занятости (и в целом к сетевой занятости); можно отметить также нестабильность межличностных отношений [1].

Учитывая формат социализации молодого поколения, необходимо отметить контекстную социальную реальность, которая оказывала давление на формирование поколения миллениалов и смогла конкретизировать структуру их жизненных запросов и ожиданий.

1. Султанов К.В., Воскресенский А.А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // *Общество. Среда. Развитие*. 2015. № 3. С. 150-153.
2. Tapscott D. *Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation*. McGraw-Hill Companies, 1999. 338 p.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ

*Целищева Вероника Геннадьевна
(ВШТЭ СПбГУПТД)*

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (18-09-00537 Исследования народов Сибири и московская этнографическая школа: методология, материалы и коллекции Тунгусской экспедиции 1927-1928 гг., рук. В.Н. Давыдов)

Современное коммуникативное пространство наполнено изображениями – смайлики, магнитики, мемы, открытки в мессенджерах, презентации, каталоги, выставки и фотографии, фотографии, фотографии. Мы моментально «считываем» заключенную в них информацию, не задумываясь над тем, что, несмотря на всю ее оче-видность, для понимания требуется дешифровка, знание контекста, то есть, визуальная информация социально обусловлена. В докладе, на полевом материале, полученном в ходе экспедиций в Хабаровский и Приморский края, на Сахалин и Камчатку, будут рассмотрены логика и смыслы, заключенные в визуальном комплексе, представленном фотографиями, музейными экспозициями и коллекциями, выставками декоративно-прикладного искусства и каталогами, документальными фильмами, и, учитывая современные реалии – материалами из тематических групп соцсетей и мессенджеров о культурах коренного населения российского Дальнего Востока.

Анализ трех взглядов на этническую специфику: научного, реализуемого в музейных экспозициях и виртуальных презентациях, публикациях каталогов коллекций и т.д.; искусствоведческого – выставки, каталоги, декоративно-прикладное и народное творчество; неинституционального – тематические группы соцсетей и мессенджеров, а также, их пересечений и оппозиций, должен способствовать прояснению ряда значимых вопросов, касающихся значения этнокультурного разнообразия в современном обществе.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВЫХ КУЛЬТУР

*Шаронов Дмитрий Иванович
(философский факультет МГУ имени М.В.Ломоносова)*

Шаронова Алла Адольфовна

В нулевых годах нынешнего века наблюдался устойчивый рост исследовательского интереса к процессам ко-эволюции цифровых объектов и сообществ (Л. Манович, Г. Ловинк). Гипер-усложнение технологических и социальных структур требуют принципиально новых аксиоматических моделей концептуализации различных предметных областей. В процессе их поиска некоторые эксперты склонны подчеркивать радикальный характер смены парадигмы (З.А. Кучкаров, П.Г. Щедровицкий). Они говорят о «волнах» концептуальных и технологических революций.

Наступающая эра гипермедиа, «постязыка» и «постправды» стала вполне ожидаемым продуктом целого ряда технологических прорывов, задающих принципиально иные конфигурации воспроизводства смысла в рамках сетевого образа жизни новых поколений. Алогизмы массового карнавального действия стали сплетаться в плотный клубок культурных парадоксов уже задолго до нынешней пандемической ситуации.

В этих условиях функционально – структурные методы решения организационных и управленческих задач действительно могут показаться старомодными или требующими радикального обновления. Строй ключевых исследовательских концептов, кажется, утрачивает рефлексивную чувствительность под напором лавинообразно усложняющихся комплексов алгоритмов и данных. Роющие эти «большие данные» трекеры грозят тотальной автоматизацией интеллектуальных процессов. Появление функционально разветвленных экосистем даже на месте привычных банковских структур, казалось бы, надежно закрепляют окончательную победу цифровых платформ над традиционным разделением труда.

Способно ли имеющееся терминологическое наследие социальных наук отладить исследовательскую оптику в изменившейся среде? Экология идей с ее центральным понятием поступательного эволюционизма эффективно микширует риски концептуального коллапса, как и издержки революционного визионерства. Продвигая в свое время модель «истории понятий», Рейнхарт Козеллек предлагал исследовательскому сообществу сосредоточить внимание на проблеме долговременного конструирования общего смыслового «горизонта» конкретной области знания, не исключаяющего в то же время множества взаимных переходов и пересечений цепочек значений.

С такой точки зрения спонтанные исторические силы непрерывно «намыывают» слой за слоем ключевые концептуальные тезаурусы той или иной субкультуры. Наряду с ситуативно значимыми неологизмами (типа сегодняшней «поисковой оптимизации») страты таких осадочных семантических хранилищ неизбежно содержат термины, доказавшие вековую смысловую устойчивость. Но такого рода сети процессов предполагают и симбиотические мутации. Примером может послужить история термина «медиазация», прошедшего в своем развитии целый ряд коренных переопределений.

Методологическая рефлексия концептуальной динамики предполагает именно анализ процессов становления понятий, историю взаимных ассоциаций терминологии конкретных предметных областей. Революционные же сдвиги имеют место скорее по отношению к порядкам и уровням контекстуальных окружений, порождающих неожиданные интерпретации семантического события.

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шевченко Ульяна Дмитриевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Интернет-пространство образует специфическую среду, в которой складываются социальные отношения и взаимодействия, а виртуальная коммуникация – это объективная реальность нашего времени. Исследования последних лет показывают, что Интернет используется в большей степени для коммуникации на сайтах социальных сетей, аудитория мессенджеров для обмена сообщениями неуклонно растет. Сегодня виртуальная коммуникация – неотъемлемая часть жизни не только молодежи, но и всего общества.

Формирование виртуальной коммуникативной среды приводит к появлению присущего ей неформального языка, частью которого становятся Интернет-мемы. Мем - феномен спонтанной репликации единиц текстовой и визуальной информации [1, 2]. Появление данного социокультурного явления относится к недавнему времени и связано с развитием цифрового общества, но особенности мемов как части массовой культуры определяют его экспансию в коммуникацию пользователей разных слоев населения.

В виртуальной коммуникации особая функция Интернет-мема заключается в отделении «своих» от «чужих» [2, 411]. При использовании Интернет-мемов «не для всех», то есть для понимания которых необходимо знание контекста, можно найти «товарища по интересам», поучаствовать в обсуждении, виртуальной коммуникации с «себе подобными». В этой связи выделяют две основные группы Интернет-мемов в коммуникационной среде – «локальные» и «общие». Индивид при использовании «локальных» Интернет-мемов заявляет о принадлежности к определенной группе и отождествляет себя с ней. В данном случае можно говорить об Интернет-мемах как о форме проявления коммуникативной солидарности [3, 14] между пользователями в Интернет-пространстве.

Таким образом, феномен Интернет-мемов изучается как актуальный признак особого виртуального коммуникационного пространства.

1. Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *Культура в современном мире*. - 2013. - № 3. - URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf. (Дата обращения: 06.10.2020). - С.2.
2. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. – 2017 - №10(4) – С.410-424.
3. Батаева Е.В. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе // *Гуманитарный часопис*. - 2015. - № 2. - С.12-18.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Щенина Ольга Геннадьевна
(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук)

1. Цифровизация, информатизация, сетевизация, гибридизация фактически являются маркерами происходящих в современном мире процессов общественного развития. В социально-гуманитарном знании осуществляется научный поиск идей, парадигм, дефиниций в инфо-цифро-сетевом контексте, «идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации» [Политическая наука, 2020, 9]. Иной ракурс

приобретают и параметры измерения осуществляющихся перемен, на первый план выходит их антропологическая составляющая - «камертон повестки: сложный человек в сложном мире» [Некlessа, 2018, 84].

2. Цифровые технологии принципиально изменяют мир и формируют новую цифровую реальность. Цифровые практики современного человека и цифровая коммуникационная реальность в свою очередь изменяют его сознание и мышление, мировоззрение и деятельность, в том числе коммуникативные связи и отношения между людьми. Таким образом возникает вопрос: «Цифровизация – за или против человека?». И хотя ответ на данном этапе представляется очевидным, ведь цифровизация преобразует внешнюю среду современного человека для удовлетворения его постоянно растущих потребностей, она приносит в его жизнь новые риски.

3. Возникают новые вызовы и угрозы для современного человека, например, фактически абсолютный контроль за частной жизнью человека, его деятельностью в разных сферах на основе развития цифровых платформ. Недооценивается опасность развития технологий для современного человека с точки зрения гуманитарной составляющей – во многом лишая его личного пространства и свободы выбора.

4. В частной жизни людей проявляется проблема цифровых аддикций человека – их симптомы выражаются в ряде поведенческих зависимостей, например, от гаджетов (с мобильным телефоном «всегда на связи», все шире распространяющаяся игровая зависимость, потребность находиться и поддерживать контакты в социальных сетях и виртуальной реальности – чаты, форумы и т.д.), а также в «...постоянно преследующей нас цифровой болтовне» [Вайсман, 2019, 146].

5. В инновационной цифровой среде складывается цифровая культура человека. И она во многом отличается от реальной, например, в контексте ее языковой составляющей.

6. Одна из серьезных проблем современного общества - достижение цифрового равенства граждан на основе равного доступа к информации. Поскольку цифровое неравенство уже сегодня рассматривается как проявление социального неравенства.

7. Цифровая эпоха предполагает наличие у человека цифровых компетенций и цифровой грамотности.

8. Востребована гуманитарная экспертиза процесса цифровизации.

1. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 1. С. 6-11.

2. Некlessа А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. №1. 2018. С. 80-95.

3. Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: РАНХиГС, 2019. 304 с.

«ТРУДНОСТИ И РИСКИ ТВОРЧЕСКОГО БИЗНЕСА, НА ПРИМЕРЕ МАСТЕРОВ, СОЗДАЮЩИХ УКРАШЕНИЕ ИЗ ПОЛИМЕРНОЙ ГЛИНЫ»

Щепкина Софья Андреевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Все больше проявляются тенденции к стремлению не столько к карьере, сколько к интересной работе, как форме самореализации. Стабильная работа больше не воспринимается как безусловное благо [1].

В современном мире люди уже не так сильно привязаны к жесткому графику, а многие и вовсе стремятся работать удаленно, чтобы не быть привязанными территориально. Следующей ступенью для них выступает работа на себя: открытие своего ИП или регистрация статуса «самозанятого». Такой формат прельщает многих своей свободой, человек сам определяет с кем работать, что делать, какой график составлять, что является одной из основных ценностей среди творческих людей, которые в этих условиях могут более полно раскрыть свой потенциал.

Однако, помимо различных благ, такой формат работы предполагает и трудности, которые возникают уже на этапе принятия решения об открытии своего бизнеса на творчестве. Мастер сталкивается с неодобрением со стороны друзей и родственников, из-за стереотипов, что творческие профессии не приносят стабильного и удовлетворительного дохода. Кроме того, перед открытием своего дела человек должен освоить множество новой информации и овладеть новыми навыками: как оформить ИП или самозанятость, как вести бухгалтерию и оплачивать налоги, как продвигать свои работы.

Уже на этой стадии часть творческих людей отказывается от собственного бизнеса, вплоть до нахождения прямо противоположной работы и оставляя творчество как хобби, разделяя работу «ради денег» и «занятия настоящим творчеством»[3].

Вступая на путь бизнеса, мастера сталкиваются с эмоциональным давлением, депрессией, неизвестностью, нехваткой времени, финансовых ресурсов, запасом идей, необходимостью заниматься сторонними, не связанными непосредственно с самим творчеством делами. Некоторые из этих затруднений существуют уже долгое время (такие как финансовые), а некоторые появились в связи с развитием технологий (необходимость ведения социальных сетей и незамедлительного ответа клиенту).

Креативные профессии постоянно сталкиваются с рисками, они не уверены в своем завтрашнем финансовом положении, не имеют стабильной карьеры. Порой они встречаются с социальной незащищенностью, эмоциональными проблемами и множеством стереотипов. Даже родные не всегда выказывают поддержку и одобрение выбранным ими жизненным путём. Те, кто занимается творчеством, брошены в глубокие воды экзистенциальных опасностей с вероломными течениями [2].

Несомненно, творческие профессии имеют и положительные стороны. При правильно организованной работе, занятие любимым делом приносит удовольствие и умиротворение. Свобода от того, что можно самому выбирать, что и как делать, что высоко цениться креативным классом.

1. Волков Ю. Г. Креативный класс как интегрирующее ядро российского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №2
2. Гилен П. Борьбание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 288 с.
3. Пивоваров А.М, Хохлова А.М. Петербургские арт-сообщества: стратегии и тактики совладания с рисками креативного труда // Многоликая современность. – СПб.:Интерсоцис, 2014. 303-340 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Щербина Александра Вениаминовна
*(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, РФ)*

Конструируемые социологами типологические понятия задают схемы интерпретации событий и оестествляются в разделяемых социальных представлениях. Конструкт «цифровое общество» типологически сходен с понятиями жидкого (liquid), сетевого, постиндустриального, информационного общества. В концептуальном плане эти конструкты выражают «факторный детерминизм» (М. Арчер). Цифровые технологии (далее – ЦТ), – технологии связи, вычислений и управления, влияют на глобальный «символический универсум», на эмоциональное единение, язык, нормы и ценности сообществ. Предикат «цифровой» в социальных представлениях становится «подлежащим», цифровые технологии наделяются субъектностью. Полемика о личности искусственного интеллекта сигнализирует о распространении в массовом сознании технократической веры, конститутивной для религии человекобожества (трансгуманизм – ее современная версия).

Технократические интерпретации социальных изменений в дискурсе научно-технической революции XX века опирались на конкурирующие идеологически вооруженные социально-экономические проекты – «социально ориентированную рыночную экономику» и «развитой социализм», которые предполагалось развивать, используя возможности высоких технологий. Предпосылки цифрового общества – материально-техническая база, инвестиционные ресурсы – в лидирующих странах были созданы мощной индустриальной экономикой и неэквивалентным экономическим обменом предшествующих десятилетий. Рост цифровой экономики (распространение интернета, растущая капитализация гигантов IT индустрии, доминирование финансового капитала) сопровождается деиндустриализацией, прекарризацией труда и гиганомикой, которые пропагандируются в качестве новых измерений индивидуальной свободы и экологически ответственного сознания.

Перспективы цифрового общества в культурно-историческом измерении выглядят неоднородно. Цифровое общество в этнически сложной КНР реализуется в системе «социального рейтинга», а в сравнительно однородной Японии – в стратегии «общество 5.0». Дискуссия о конвенциональной морали и правовом регулировании взаимодействия биологических и искусственных интеллектов разворачивается в США и Западной Европе и не находит серьезного отклика в России. Толерантное отношение граждан КНР к системе социального рейтинга культурно-исторически детерминировано и поддерживается высоким уровнем национализации интернета. В России растущая обеспокоенность цифровизацией, связанная с неопределенностью целей на будущее, усугубляется массовым распространением, вопреки рассуждениям о соборности и общинности, индивидуализма как стратегии выживания.

Технологические революции создают потенциал для развития личности, корпораций, государств. Но и углубляют глобальное разделение труда, сокращая пространство и сжимая время для принятия коллективных решений. Культурно-исторические различия сообществ, отрицаемые трансгуманизмом, - ресурс и условие национально-государственных моделей управления, дифференцировано вписывающих ЦТ.

СЕКЦИЯ 7: СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ: АССОЦИАЦИИ И ЭМОЦИИ БЫВШИХ ВЫПУСКНИКОВ (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

*Абросимова Наталья Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

С 1 по 5 сентября 2020 года автор статьи проводила опрос студентов 1 курса КФКиСЭТ СПбГУ (142 бывших учащихся 9-х классов школ различных городов России). Им было предложено написать 1-3 слова, с которыми у них ассоциируется дистанционное обучение, на котором они находились этой весной в связи с ограничениями из-за COVID-19. Пятерку самых часто упоминаемых составили четыре группы слов.

Группа № 1 «сон и отдых» (34 упоминания, среди них: «хороший сон», «здоровый сон», «сон до часу дня», «высыпание» и вариация: «бессонница», «отдых», «свободное время», «необычные каникулы», «беззаботность», «релакс», «гулянки», «прогулы», «халява»). Группа № 2: «дом» (18 упоминаний (вариации: квартира, комната) в сочетаниях: «учиться не в школе, а дома», «сидение дома», «сидишь дома за компьютером», «много домашних заданий», «домашняя работа»). Третья группа «компьютер» (15 упоминаний, в том числе: «Интернет», «электронная почта», Zoom, «видеосвязь», «видеоуроки», «видеосвязь». «планшет», «телефон»). Группа № 4 - «много» (12 упоминаний, вариации: «много вопросов, мало ответов», «много домашних заданий», «очень много заданий», «много неясностей», «много писать, много информации», «много уроков», «много» в сочетании с «трудно», «сложно»).

Опрошенные упоминали и такие негативные ассоциации: «скука» (8 раз), неудобство, дискомфорт (4 раза), «лень» (4), «муки», «мучения» (3), отмечали отсутствие интереса (2), ощущение «пустой траты времени» (2), «грусти» (2), по одному разу писали о «нехватке живого общения», огорчениях, «запаре», одиночестве, перегрузках и «тяжелой нагрузке на нервную систему», тоске, о том, что они скучали по одноклассникам и друзьям. Говорили об «аде», «тюрьме», «изоляции», «завале», «монотонности», «брёде», «непредсказуемости», «мучениях», «боли» и др. Были и такие ассоциации: «поесть» и «перекус в любой момент»; «удивление», «круто», «веселье», «безалаберность», «счастье», «спокойствие», «вау». Среди положительных ассоциаций, касающихся учебы, были такие: «хорошие оценки», «больше времени для саморазвития», «свой ритм выполнения задания», «самообразование», «без ОГЭ».

На вопрос «Какие эмоции у вас возникают, когда вам говорят о прошедшем дистанционном обучении?», респонденты ответили: «скорее положительные, чем отрицательные» – 28,2%, «скорее отрицательные, чем положительные» – 24%, «положительные» – 22,5%, «отрицательные» – 22,5%, затруднились ответить 2,8% ответивших.

О предпочтениях относительно формата обучения опрошенные высказались таким образом: «только в аудиториях» - 49,3%, «и дистанционно, и в аудитории» - 43%, «только дистанционно» 7,7%. При этом, у респондентов, предпочитающих только дистанционное обучение, возникали положительные эмоции относительно данной формы обучения. В случае же наличия отрицательных эмоций по поводу этого формата, опрошенные выбирали занятия в «только в аудитории». Можно предположить, что отрицательные эмоции - один

из основных факторов, объясняющих причины негативного отношения к тем или иным форматам обучения, в том числе и дистанционному. Учитывая, что анализируемый формат позволяет индивидуализировать процесс обучения, «создать комфортную среду для тех, кто учится, и для тех, кто обучает» [1], вспомним, его положительные свойства: свобода доступа, гибкость обучения, право выбора темпа [2]. Но есть и отрицательные черты: 1) отсутствие возможности задать преподавателю вопрос «здесь и сейчас», 2) недостаток дополнительной информации, 3) пробелы в обратной связи, 4) контроль осуществляется, в основном, в виде тестирования, что не всегда позволяет полноценно оценить, что усвоено, 5) несовершенство технических устройств у преподавателей и учащихся (как Soft, так и Hard-составляющих), 6) невысокий уровень Usability Interface образовательных курсов (плохое качество видеозаписи лекций, неудобное сочетание видеолекций, текста и заданий, проблемы с внешним видом преподавателя: дефекты речи и внешнего облика (раздражающее поведение, манеры, мимика, одежда и т.д.), что в итоге «вызывает скрытую неприязнь, понижает качество усвоения знаний» [2], сводит на нет мотивацию пользоваться данным форматом. Некоторые исследователи делают выводы, что понижение уровня тревожности у обучающихся, связанного с обучением в дистанционном формате возможно, в случае наличия сформированной у них психологической готовности, когда «дистанционное обучение будет отвечать потребностям и доставлять удовольствие тем, кто его использует..., когда оно помогает решать личные проблемы» [3]. В свою очередь, высокая психологическая готовность (вооруженность знаниями, навыками и способностями; готовность к действию; согласие, решимость совершить действие [3]) и наличие обновленной техники позволить избежать в процессе обучения негативных реакций как со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся.

1. Щадная М.А. Дистанционное обучение в современной реальности // Наука, техника и образование. - 2020. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnoe-obuchenie-v-sovremennoy-realnosti> (дата обращения: 28.09.20)

2. Бабушкин А.Н., Соколова Э.Г., Рязин Ю.И. Восприятие студентов как фактор развития электронного обучения // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voSPIriatie-studentov-kak-faktor-razvitiya-elektronno-go-obucheniya> (дата обращения: 28.09.20)

3. Семенова Г. В., Гусева Ю. Е., Поссель Ю. А. Структура психологической готовности к использованию дистанционных образовательных технологий у педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-psihologicheskoy-gotovnosti-k-ispolzovaniyu-distsionnyh-obrazovatelnyh-tehnologiy-u-pedagogov> (дата обращения: 28.09.20)

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аносов Юрий Александрович

*(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(СПбГМТУ))*

Панова Алина Сергеевна

Пандемия вируса Covid-19 коренным образом изменила ход жизни российского общества и населения всего мира. Перед исследователями возникают новые цели и задачи. Следует пересмотреть социальный опыт последних лет, чтобы выработать новые методы и сформировать тактики поведения в подобных условиях в будущем. На сегодняшний день сложно делать общие выводы, можно только обозначить меняющиеся общемировые

течения и попробовать проанализировать их с позиций новой социально-политической реальности.

Очевидно, что последствия пандемии затрагивают области не только здравоохранения или медицины. Это совокупное явление, касающееся всех сфер жизни: социальной, экономической, духовной, политической. Covid-19 внес коррективы в обыденное течение жизни, обнажив новые, ранее неизученные угрозы и риски. Всплеск пандемии пришелся на динамичный этап глобальной цифровизации и привнес в нее новый смысл. Цифровой инвентарь стал еще более востребованным во многих жизненных отраслях, таких как: онлайн коммуникации, торговля, финансы, образование, медицина и др. Для большинства людей в наше время мобильные приложения, соц. сети и другие интернет-площадки являются необходимым атрибутом и выполняют роль не только источников информации, но и выступают как главные каналы связи. В России по данным на апрель 2020 г. в цифровую среду были вовлечены 82% жителей, 71% из них пользовались интернетом каждый день, среди основных причин – общение с близкими и получения новостей о стране и мире. Значительное число работников перешло в режим домашних офисов, многие госуслуги было переведены в цифровой формат, в 2 раза увеличился спрос на дистанционный формат учёбы. Заметно увеличилась роль онлайн-сервисов в финансовых и торговых отраслях.

В социуме, который вынужден жить в режиме самоизоляции, невольно увеличивается потребление цифрового контента; повышается информационно-коммуникационная включенность людей. Но каким окажется эффект от такой цифровизации? На сегодняшний день нет четко выработанного взаимодействия цифровых площадок, технологий и услуг, которые могли бы означать переход к цифровому обществу. Субъекты политической, экономической, социальной сфер многих стран воспринимают обстановку с пандемией как временную, которая требует усиления работы до конца самоизоляции. Таким образом, сегодня даже не обозначена потребность в устойчивом переходе к новому формату цифровой жизнедеятельности государства и социума. К такому переходу не подготовлены ни социальные институты, ни субъекты экономики, ни сам социум. В целом идея цифровизации на данный момент не имеет подготовленных решений и методов функционирования на системном уровне. Несомненно, можно отметить наличие цифрового пространства общественно-политических связей, цифровизации экономического сектора, процессов управления, администрирования и контроля. Но создание глобального цифрового социального пространства пока невозможно. Безусловно, можно предсказывать возникновение новых технологических идей, услуг, изделий и инструментов в цифровом секторе, опираясь на анализ актуальной обстановки. Но все же качественный цифровой скачок является неосуществимым без целостной работы по созданию на основе синергетического приема глобального цифрового социума, которому присущи такие характеристики, как: наличие стабильных социальных связей, как среди людей, так и среди социальных институтов; наличие совместных цифровых идеалов, идей, стратегий общественно одобряемого поведения, которые подкреплены подходящими практиками.

1. *Сеть как спасение // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221>; Три сферы, которые могут полностью перейти в онлайн // Проект коронаФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/tri-sfery-kotorye-mogut-polnostyu-perejti-v-onlajn>*

«ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ» *

Байша Наталья Сергеевна

*(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Волгоградский государственный университет»)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта №
19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на
региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».*

Неожиданные «каникулы», возникшие по причине распространения коронавирусной инфекции COVID–19 во многих организациях и отраслях, в целом, способствовали появлению не только новых социальных рисков (возможно, существовавших и ранее и бурно развивающихся на фоне пандемии в настоящее время), но и переосмыслению всеми активными агентами, задействованными в социально-экономической сфере, сущности привычных форм осуществления трудовых практик, ощущения стабильности в ранее не столь активно изведенном многими поколениями людей цифровом пространстве.

Со всей очевидностью стоит признать, что пандемия оказала мощнейшее влияние на организацию коллективных действий различными компаниями, вынужденными переходить на удаленную работу и вместе с тем, приспосабливаться к новым форматам работы и находить новые, быстродействующие способы получения прибыли. Но наряду с актуализацией коллективных действий и управленческих практик в условиях «коронакризиса» и его неминуемых последствий, следовало бы сделать акцент на оценке социальных рисков сотрудниками организаций разных возрастов, подвергнутых немалому влиянию со стороны разрушающихся привычных трудовых практик, корпоративной культуры, в которой, в свою очередь, было «подорвано доверие между сотрудниками и руководителями, что приводило к деформации взаимных ожиданий» [1, 20].

Необходимо отметить, что по мнению более половины россиян (54,6%), принявших участие в кризисном мониторинге, проводимом ВЦИОМ в марте 2020 г., проблема социальной несправедливости и развитие социального неравенства между людьми уже существует. Из них, согласно полученным результатам проведенного вторичного анализа данных, взятых из общего массива (доступного на официальном сайте ВЦИОМ [2]), лишь 11,5% молодых людей (в возрасте от 18 до 35 лет) и 13,3% представителей предпенсионного возраста (от 55 до 65 лет) придерживаются данной позиции. Прочие варианты ответа, характеризующие наступление социальной несправедливости или ее отсутствие в период пандемии являются не столь популярными среди выбранных групп респондентов. Но важно обратить внимание на то, что среди молодых людей выделенная проблема не столь актуализирована по сравнению с мнением предпенсионеров: так, взятый возрастной диапазон молодежи: 17 лет и диапазон предпенсионеров: 10 лет позволяет нам прийти к развитию гипотезы о том, что цифровое неравенство как форма социального неравенства между людьми и как новый вид социальных рисков набирает обороты среди более старшего поколения.

Опираясь на вышепредставленные результаты и принимая во внимание активное развитие социального неравенства, в частности, цифрового неравенства в условиях социально-экономической турбулентности, возникшей на фоне пандемии, появляется

необходимость в дальнейшем рассмотрении социальных ожиданий, особенностей коллективного трудового поведения людей, задействованных на «удаленном» рынке труда и их оценок развития социальных рисков, воздействующих на их трудовые практики и на занятость различных поколений людей.

1. СоциоДиггер. 2020. Август. Том 1. Выпуск 1: Труд и занятость. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger.pdf – Время доступа: 10.10.2020. – Загл. с экрана.
2. ВЦИОМ. Кризисный мониторинг. Массив. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://profi.wciom.ru/open_projects/krizisnyi_monitoring/ – Время доступа: 10.10.2020. – Загл. с экрана.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ И ФАКТОР ЦИФРОВОГО КАПИТАЛА НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Беля Анна Ильинична
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Леванина Мария Романовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Практика удаленной работы в настоящее время используется во всем мире из-за пандемии COVID-19. Сложившаяся ситуация немедленно привлекла внимание и широкое распространение темы исследования удаленной работы. Вирус потребовал быстрого и радикального перехода всех производств на удаленную работу. Традиционные формы занятости были практически невозможны и удаленная работа стала новой реальностью. Широкое распространение этой практики из-за обязательных требований самоизоляции показывает, что эта система работы эффективна и адаптируема. Стало ясно, что организации могут создавать и использовать системы удаленной работы для поддержки сотрудников, работающих из дома.

Удаленная работа стала новой нормой во многих организациях; пандемия позволила сотрудникам всех поколений оказаться в роли удаленных работников. В ситуации «вынужденной удаленки», очевидно, что удаленная работа вполне возможна для некоторых должностей и сотрудников. В первую очередь это связано с фактором цифрового капитала на современном рынке труда.

Капиталы как ресурсы и структуры господства были рассмотрены французским социологом П. Бурдьё еще в 1993 году [2, 218]. П. Бурдьё были выделены четыре основных капитала — экономический, культурный, социальный и символический [1, 196]. Позже зарубежными и отечественными учеными к ним были добавлены и другие формы капитала. Одним из них был человеческий капитал, под которым мы понимаем «совокупность качеств, которые определяют производительность и могут стать источниками дохода для человека, семьи, предприятия и общества» [3, 142]. В современном информационном обществе понятие человеческого капитала неразрывно связано с понятием цифрового капитала. Рассматривая определение информационного общества с точки зрения экономического критерия, выделенного Ф. Уэбстером, можно сказать, что информационное общество возникает тогда, когда информационная деятельность занимает в экономической сфере более значительную роль, нежели промышленная или сельскохозяйственная [5, 19]. Безусловно, абсолютное большинство развитых стран и доля некоторых развивающихся стран давно шагнули в сторону информационного общества, где

стал активно развиваться цифровой капитал, под которым понимается «интегральная совокупность доступа пользователей к цифровым информационным технологиям, цифровой коммуникационной среде и умения применять их в профессиональных и личных целях [4]. Формирование цифрового капитала у современного человека теперь является первостепенной задачей не только в личностных, но и профессиональных сферах. «Вынужденная удаленка» в условиях нынешней ситуации показала насколько доступ к ИКТ и умение их применять важны для современных работников. Цифровой капитал стал определяющим фактором для продолжения трудовой деятельности в условиях пандемии и переходе на удаленную работу. Таким образом, можно сделать вывод, что трансформация форм занятости от традиционной к удаленной неразрывно связана с уровнем цифрового капитала.

1. Бурдьё П. Начала. *Choses dites*: Пер. с фр./Pierre Bourdieu. *Choses dites*. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./— М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.
2. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./— М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Бочкаева И.В. Взаимодействие социального и человеческого капитала организации // *Вестн. Челябинск. гос. ун-та*. 2011. № 6 (221). С. 142–147.
4. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // *Медиаскоп*. 2020. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2614> (Дата обращения 05.09.2020)
5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. Арапова М. В., Малыхиной Н. В.; Под. ред. Вартановой Е. Л. - 2 изд. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 400 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Беляева Екатерина Александровна
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Ложкин Дмитрий Викторович
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Иванова Любовь Борисовна
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Пандемия существенным образом изменила социальную реальность, внеся коррективы в общественное сознание, в представление о повседневных социальных практиках. В старшей возрастной группе ценой рискованного поведения может стать жизнь, поскольку вирус поражает прежде всего людей со слабым иммунитетом и сопутствующими заболеваниями. Родственники, социальные работники, волонтеры, в процессе общения с пожилыми людьми не всегда понимают опасность заражения для пенсионеров, не могут положительно влиять на их отношение к данной проблеме.

В странах Европы происходит мониторинг смертности, направленный на выявление и измерение избыточной смертности, связанной с сезонным гриппом, пандемиями и другими угрозами общественному здоровью. Официальные национальные статистические данные о смертности еженедельно представляются из 24 европейских стран в рамках совместной сети EuroMOMO при поддержке Европейского центра по профилактике заболеваний и борьбе с ними (ECDC), ВОЗ, а также Института сыворотки, Дания [1].

Согласно данным EuroMOMO на Рис. 1 видно, что общая картина смертности по всем возрастам однозначно увеличилась.

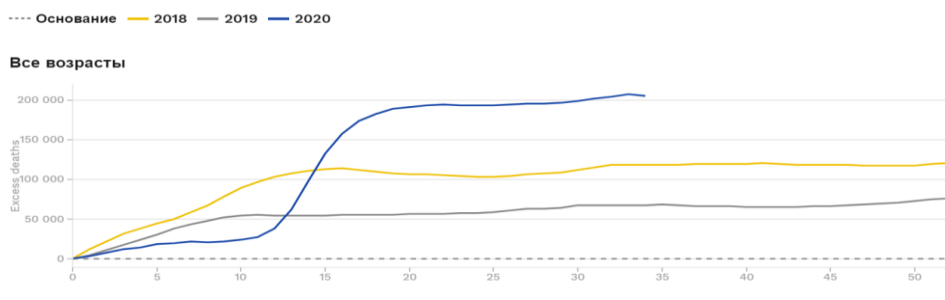

Рис.

1. Еженедельное превышение смертности по всем возрастам в странах-партнерах EuroMOMO

Тревожные данные складываются в возрастных группах старшего поколения (рис. 2), где наблюдается значительное превышение избыточной смертности в период пандемии.

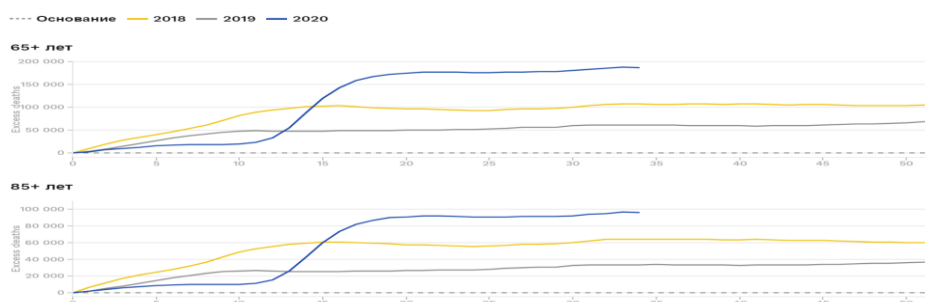

Рис. 2. Смертность в возрастной группе 65+ и 85+

Несмотря на подробный анализ европейской статистики, в нашей стране трудно оценить масштабы эпидемии: во многих регионах показатель умерших от коронавирусной инфекции представляется слишком низким при существенном увеличении общей смертности. На сайте Росстата за июнь 2020 года указано число умерших по России (162758 человек), что в сравнении с 2019 годом на 25521 человек больше, при этом конкретно с диагнозом COVID-19 скончались только 7037 человек, и зафиксировано 4880 смертей, где в причинах смерти вирус не является основной причиной смерти [2].

Росздравнадзор выявил разночтения при регистрации летальных исходов пациентов. Медицинские учреждения по-разному кодируют причины смерти пациентов, умерших в стационарах, предназначенных для лечения больных COVID-19. Часть из них регистрируются как умершие от сердечно-сосудистых и других заболеваний. Об этом сообщила глава Росздравнадзора Самойлова А.В. на XIV Общероссийском семинаре «Репродуктивный потенциал России: версии и контраргументы» со ссылкой на данные анализа медицинских карт пациентов. [3].

Глава Росстата Малков П.В. признал существующие проблемы в социальной работе с пожилыми людьми, а также обрисовал логику грядущих радикальных реформ в сфере сбора и учёта статистической информации, отметив, что нынешняя система крайне неэффективна [4]. Кроме того, Малков П.В. отметил, что Росстат, помимо публикации данных, будет их анализировать, используя опыт других стран. Сотрудничество с EuroMOMO, задачей которого является включение в сеть новых стран, позволит обмениваться передовым опытом применения данных мониторинга о смертности для оценки рисков, в отношении трансграничных угроз и групп риска, пожилых людей [1].

При смягчении ограничений, в отношении пожилых людей нужно соблюдать меры предосторожности, не забывая, что главное для людей старшего поколения, это не чувствовать себя изолированными, вовлекать пожилых людей в социально активную деятельность, развивая цифровую грамотность без ущерба для их здоровья.

1. <https://euromomo.eu/about-us/mission-and-vision/>
2. <https://rosstat.gov.ru/>
3. <https://medvestnik.ru/content/news/Glava-Roszdravnadzora-podtverdila-netochnost-rossiiskoi-statistiki-smernosti-ot-COVID-19.html>
4. <https://f-husainov.livejournal.com/661611.html>

ЖИЗНЬ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

*Будылёва Анастасия Дмитриевна
(«Технологический университет» Московской области)*

8 декабря 2019 года [5] началось распространение коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 [1]. Первая вспышка заражения была зафиксирована в китайском городе Ухань [2], после чего коронавирусная инфекция и начала свое распространение по всему миру.

В конце января 2020 года появилось сообщение о том, что в России было выявлено два первых случая заражения COVID-19 [3], с 30 марта по 11 мая 2020 года начал действовать режим нерабочих дней [4].

В период режима самоизоляции все студенты и школьники российских школ и университетов перешли на дистанционное обучение, это коснулось и подавляющего большинства рабочего населения страны, которое перешло на удаленную работу. В связи с этим гражданам России пришлось научиться жить в новых условиях.

В целях изучения отношения россиян к новым условиям жизни в период коронавирусной инфекции в мае 2020 года нами было проведено социологическое исследование, проходившее в форме анкетирования, среди жителей Москвы и Московской области в возрасте от 13 до 68 лет.

В ходе проведенного исследования было важно узнать насколько участники опроса обеспокоены за себя и своих близких. В равной мере (46,2%) оказалось, что респонденты «очень боятся» и «в какой-то мере опасаются» заболеть COVID-19. Около пятой части опрошенных (19%) заявили, что коронавирус вообще не опасен так, как о нем говорят.

В период самоизоляции, когда люди пытались по максимуму сократить посещения мест массового скопления людей, во многих продуктовых магазинах начали действовать услуги доставки еды. Наиболее популярным сервисом доставки еды у респондентов оказался iGoods (43,3%). Доставкой из магазина «Пятерочка» воспользовались 33,3% опрошенных.

Одной из задач нашего исследования было выявление мнения опрошенных о том, чем они занимались в свободное от работы и учебы время. Более половины участников опроса (56,7%) в свое свободное время читали книги. Более трети (39,6%) респондентов начали заниматься саморазвитием.

Что касается использования сервисов, которые стали бесплатными в период эпидемии, наибольшую популярность (67,9%) получили сервисы для просмотра фильмов/сериалов: «Кинопоиск HD», Okko, Premier, ivi. Около половины участников опроса (49,1%) воспользовались сервисами для чтения: Storytel, MyBook, Bookmate, Альпина.

Вспышка коронавирусной инфекции затронула все аспекты жизни людей. Скорее всегда жизнь больше не станет прежней.

На данный момент нашей задачей все еще остается соблюдение мер самозащиты, которые заключаются в ношении масок в местах массового скопления людей, мытье рук, соблюдение социальной дистанции, а также немедленное обращение в здравоохранительные органы при обнаружении у себя симптомов COVID-19.

1. Всемирная организация здравоохранения// Наименование заболевания, вызванного коронавирусом (COVID-19), и вирусного возбудителя// URL: [Электронный ресурс] [https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-\(covid-2019\)-and-the-virus-that-causes-it](https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/technical-guidance/naming-the-coronavirus-disease-(covid-2019)-and-the-virus-that-causes-it) Дата обращения 24.09.2020
2. Всемирная организация здравоохранения// Ранее неизвестный коронавирус — Китай// URL: [Электронный ресурс] <https://www.who.int/csr/don/12-january-2020-novel-coronavirus-china/ru/> Дата обращения 24.09.2020
3. РБК// В России выявили первых зараженных коронавирусом из Китая// URL: [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308> Дата обращения 24.09.2020
4. РБК// Путин объявил следующую неделю нерабочей// URL: [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/25/03/2020/5e7b5c939a7947f15a9150f0> Дата обращения 24.09.2020
5. Huang C. et al. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China //The lancet. – 2020. – Т. 395. – №. 10223. – С. 497-506.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОПАГАНДА В СИТУАЦИИ ИНФОДЕМИИ COVID-19

Василькова Валерия Валентиновна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Легостаева Наталья Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31318 «Коммуникативные стратегии политико-ориентированных онлайн-сообществ в социальных сетях».

Эпидемическая ситуация, связанная с COVID-19, породила новый феномен инфодемии, под которой понимается распространение совокупности текстов, включающих недостоверную, ложную информацию, слухи, страхи, панические настроения, некомпетентные советы и т.д., происходящее с невиданной прежде скоростью и масштабом. Одним из концептуальных оснований, которое может быть продуктивным для изучения подобных латентных механизмов информационного воздействия, может служить

концепт компьютерной пропаганды, разрабатываемый междисциплинарной группой исследователей (специалистов в области компьютерных наук, политологов, социологов и т.д.) в рамках проекта COMPROP на базе Оксфордского института Интернета (Oxford Internet Institute). Компьютерная пропаганда трактуется как новая область исследования цифровой дезинформации и манипуляции, которая анализирует, каким образом различные политические субъекты и структуры манипулируют общественным мнением через социальные сети, используя различные компьютерные технологии, в том числе, конструируя ложные сообщения (фейковую информацию) и распространяя ее при помощи специальных алгоритмизированных программ (социальных ботов).

Авторы представляют аналитический обзор источников, в которых описаны новые формы и способы дезинформации в различных социальных сетях, возникшие на волне коронавирусной инфодемии, а также результаты эмпирического исследования, посвященного выявлению инструментов компьютерной пропаганды в деятельности социальных ботов социальной сети «ВКонтакте» в период эпидемической ситуации. Исследование проводилось на базе Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ в период с 16.03.2020 г. – 26.05.2020 г. в рамках тематического мониторинга социальной сети «ВКонтакте» по инфоповодам, связанным с пандемией COVID-19. Была использована авторская методика анализа всплесков сетевой публикационной активности в сочетании с комплексной методикой выявления ботнетов, включающей метод частотного анализа размещаемых сообщений, профайлинг бот-аккаунтов, статистический анализ текстов, анализ структурной организации бот-сети, а также анализ контента публикаций. В результате был обнаружен ряд ботнетов, которые, используя волну популярной темы коронавируса в пропагандистских целях, осуществляют продвижение в информационном поле социальной сети: 1) оппозиционного политического контента с критикой действующей власти и отечественной системы здравоохранения; 2) конспирологических нарративов, связанных с опасностью массового отравления продуктов, воды и лекарственных препаратов, а также с опасностью «цифрового рабства» населения путем массового введения биометрических данных.

ЭЛЕКТРОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

*Власова Наталья Владимировна
(ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет")*

Цифровизация общества и широкое распространение цифровых технологий является необходимым условием развития современного российского общества. Проблема внедрения и использования различных дистанционных практик в современном высшем образовании становится все наиболее актуальной. Успешность развития дистанционного обучения определяется следующими факторами: подготовленностью преподавателей и студентов к работе в цифровом пространстве, наличием сети Интернет, разработанностью специальных методик дистанционного преподавания дисциплин в целом и конкретных тем и др.

В марте 2020 г. в Ульяновском государственном университете было проведено социологическое исследование на тему: «Дистанционное обучение в ВУЗах города Ульяновска»[1]. В исследовании приняли участие студенты трех вузов: УлГУ, УлГТУ, УлГПУ. Всего было опрошено 352 студента в возрасте 18-24 лет. Во всех трех

университетах введена Электронная информационно-образовательная среда, которая является основным дистанционным инструментом взаимодействия студентов и преподавателей. Она используется наравне с традиционными формами обучения в особых условиях (распространение COVID-19).

Процесс перехода с традиционной системы образования на дистанционную у большинства студентов прошел успешно – 46,58%, у остальной части опрошенных возникли разного рода затруднения. Результаты исследования показали, что 77,71% респондентов в целом относятся удовлетворительно к данной системе обучения. Цифровое дистанционное обучение, несомненно, имеет ряд преимуществ перед традиционными формами: отчасти позволяет решать социально-психологические проблемы студентов, снимает некоторые временные и пространственные ограничения, помогает получать образование людям с физическими особенностями, расширяет коммуникативную сферу. 52,85% студентов назвали основные недостатки дистанционного обучения: отсутствие традиционного общения между студентами и преподавателем, а также между самими студентами; отсутствие хорошей технической оснащенности и выхода в Интернет и др.

Резкий переход с классической системы обучения на дистанционную затрагивает не только студентов, но и преподавательский состав, к которому относятся люди разных возрастных групп и навыков использования современных технологий. Исследование показало различия в оценке работы преподавателей со стороны студентов (нерегулярный контроль дисциплин отметили 47,4). Это обстоятельство, вероятно, связано с недостаточными навыками у преподавателей в использовании интернет-технологий. Преподаватели отмечали низкую активность и нерегулярность работы студентов при дистанционной форме обучения.

Таким образом, электронная информационно - образовательная среда трех вузов г. Ульяновска является несовершенной, и для перехода с классической системы крайне важно создать цифровой базис, включающий подготовленность студентов, обучение преподавателей навыкам использования интернет-ресурсов, работу в электронной информационно-образовательной среде и работу со студентами.

И.Тихова Н.В., Власова Н.В. Онлайн образование в России: социологический аспект исследования // сборник работ по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества. Составитель и ответственный редактор Михайлова И.В., 2020. С. 260-263.

САМОИЗОЛЯЦИЯ 2020 КАК ВЫЗОВ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

*Воробьева Ирина Николаевна
(Череповецкий государственный университет)*

*Мехова Альбина Анатольевна
(Череповецкий государственный университет)*

События 2020 года остро обозначили возросший запрос на цифровую компетентность граждан. Вынужденный перевод большинства потребительских практик в онлайн режим в связи с ограничительными мерами по пандемии коронавируса стал для многих, в первую очередь людей старшего возраста, серьезной проблемой. Наше исследование нацелено на выявление дифференциации населения по уровню цифровой грамотности в аспекте вовлеченности в онлайн потребление. Эмпирической базой стал

опрос жителей города Череповца, проведенный в марте 2020 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Квотная выборочная совокупность объемом 600 чел. репрезентирует население города старше 18 лет по социально-демографическим признакам.

Измерение цифровой грамотности включает целый комплекс индикаторов. В контексте заявленной темы статьи проанализируем только один аспект – использование самых распространенных практик Интернет коммуникации и онлайн потребления. В опросник был включен перечень самых распространенных Интернет практик, в который вошли умение пользоваться компьютером и Интернетом, пользование пластиковыми картами, поиск информации, переписка по e-mail, общение в соцсетях, ведение собственного блога или инициирование группы в соцсетях, онлайн оплата коммунальных услуг, покупка товаров в Интернет магазинах, организация туристических поездок (заказ авиа и ж/д билетов, отелей, трансферов, экскурсий и т.п.), мобильные и онлайн банки, обучение и повышение квалификации, работа в Интернете. Респондентам предлагалось выбрать те, которыми они пользовались последние 2 года.

В зависимости от количества выборов все респонденты были разбиты на три группы: первая, которую мы условно назвали «цифровые аутсайдеры», используют не более четырех самых простых из названных практик. Вторая – «начинающие онлайн потребители» - от четырех до восьми практик, третья - «онлайн потребители» - более 8 практик. Исследование показало, что среди взрослого населения Череповца 33% - «цифровых аутсайдеров», 39% «начинающих онлайн потребителей» и 28% «онлайн потребителей». Для сравнения, только 4% «аутсайдеров» практикуют онлайн оплату коммунальных услуг, среди онлайн потребителей таковых 85%. 8% «аутсайдеров» покупают билеты онлайн, среди онлайн потребителей таковых 70%. Вполне закономерно, что аутсайдеров больше среди возрастного населения. Среди горожан 65+ их 80%, среди молодежи от 18 до 30 лет - 12%. Очевидно, что в условиях самоизоляции цифровая некомпетентность стала отягчающим фактором для всех, но особенно для возрастных групп населения. Только 16% тех, кому за 65, могут самостоятельно найти нужную информацию в Интернете, 27% - купить продукты через Интернет, 30% - вести переписку по e-mail и т.д. Становится очевидным, что цифровая грамотность населения, формирование навыков онлайн потребления – это насущная проблема, требующая системы подготовки самых разных форматов для всех возрастов.

УРОКИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Головчин Максим Александрович
(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН))*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00811 «Smart-образование как вектор развития человеческого потенциала молодого поколения».

Пандемия коронавируса (COVID-19), объявленная Всемирной организацией здравоохранения 12 марта 2020 г., внесла значительные коррективы в жизнедеятельность общества и экономики. Согласно выводам Всемирного банка, эффективный ответ на сложившуюся ситуацию может предоставить именно система образования, сформировав

фундамент для развития «навыков будущего» и новой грамотности [1]. Однако в период пандемии образование само оказалось в кризисных условиях, столкнувшись с двумя трендами: 1) нарушение образовательного процесса, приводящее к «закрытию школ»; 2) временный переход образования на дистанционное обучение [3]. Также, согласно данным организации «Международное образование», этот кризис негативно сказался на положении всех без исключения категорий образовательных агентов, но, прежде всего, на наименее устойчивой в правовом положении их части – педагогов, которые трудоустроены на неполную рабочую ставку по срочному контракту [4].

В апреле-мае 2020 г. Вологодским научным центром было проведено социологическое исследование с целью оценки итогов развития системы общего образования в Вологодской области в период пандемии. Исследование было проведено в форме онлайн-опроса, в котором приняли участие 172 учителя школ региона. Результаты опроса показали, что большинство (75%) педагогов еще до «закрытия школ» в марте 2020 г. применяли цифровые образовательные технологии в своей профессиональной деятельности. Несмотря на это, учителя эксплуатируют возможности онлайн-ресурсов от случая к случаю. Треть из них использует эти ресурсы время от времени (от 16 до 30% в зависимости от ситуации); часто – чуть более 10% респондентов. Подобная же ситуация, как свидетельствуют данные Финансового университета при Правительстве РФ, характерна не только для региона, но и для страны в целом [2, с. 194-202].

Несмотря на вовлеченность большинства педагогов в работу с инновациями, переход на дистанционное обучение в связи с «закрытием школ» в марте 2020 г. оказался настоящей неожиданностью для образовательных организаций, поскольку они не в полной мере были готовы к использованию новых технологий (об этом свидетельствуют 45% респондентов). Правда, более подготовленными оказались элитные школы (лицеи, гимназии, школы с углубленным изучением отдельных предметов).

Вынужденная реализация дистанционного обучения сопровождалась рядом проблем разной природы и силы воздействия. При этом они неоднозначно отразились на стремлении учителей работать с новыми цифровыми образовательными технологиями в своей профессии. Так, в группах педагогов, использовавших в различных целях цифровые продукты ранее (до ситуации марта-апреля 2020 г.), удельный вес желающих прибегать к ним после стабилизации ситуации и возвращения детей в классы уже не превышает 80%. Это говорит о том, что проблемы дистанционного обучения на первых этапах его реализации были настолько серьезны, что скорее «отпугнули» часть учителей от эксплуатации новейших онлайн-ресурсов.

Таким образом, работа образовательных организаций в «удаленном» формате во время борьбы с угрозами коронавирусной инфекции проходила неординарно. Уроки нового эпидемиологического вызова говорят о том, что в будущем образовательная цифровизация может столкнуться с препятствиями на пути ее распространения именно в общем образовании. Многие школы без продуманной стратегии цифровизации могут оказаться в числе «отстающих». Вместе с тем актуальным остается вопрос оценки рисков цифровизации на профессиональную устойчивость работников общеобразовательных школ.

1. Доклад об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во время пандемии. Специальный раздел: образование. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

2. Полевая М.В. и др. *Необходимость перехода на дистанционный формат обучения: результаты исследования // Проблемы теории и практики управления. 2020. №9. С. 194-209.*

3. *Эпидемия коронавируса: воздействие на сферу образования. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-edu.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).*

4. *COVID-19 and Education: How Education Unions are Responding, Survey Report. URL:*

https://issuu.com/educationinternational/docs/2020_covid19_survey_report_eng_final (дата обращения: 06.10.2020)

НЕРАВЕНСТВО ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ

*Голоухова Дарья Валерьевна
(МГИМО МИД России)*

*Кузьмина Елена Игоревна
(МГИМО МИД России)*

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Актуальность обращения к теме цифровизации образования вызвана различными причинами. Среди них – глобальный тренд на распространение цифровых технологий, а также пандемия COVID-19, которая обнажила перед российским обществом возможности и уязвимости цифровых решений в экономике, политике и, конечно, в образовательной сфере. Будучи одним из важнейших социальных институтов, образование либо может предоставлять человеку шансы на улучшение своей позиции в социуме [1], либо становится инструментом для укоренения существующего социального устройства [2]. Цифровизация образовательной сферы неизбежно приводит к изменениям в образовательных стандартах, процессе обучения, переосмыслению ролей и функций основных акторов, задействованных в системе образования [3].

Авторы статьи в составе группы участников Президентского гранта РФ провели исследование среди студентов российских вузов (N=433), целью которого было выявить отношение обучающихся к разным аспектам дистанционного образования в связи с вынужденным переходом на дистанционное обучение из-за пандемии COVID-19. Одной из задач исследования было понять, как может повлиять цифровизация образования на неравенство в образовательной сфере.

По мнению студентов, онлайн-образование сокращает статусные различия между вузами (76,9%). Однако данный факт рассматривается, скорее, как негативный. Говоря о рисках дистанционного образования, студенты отмечали проблемы универсализации систем образования и потери вузами своей уникальности (80,6%), а также потери ими своей идентичности как студентов определенного вуза.

Оценки влияния онлайн-образования на проявления социального неравенства во многом обусловлены эмоциональным отношением студентов к вынужденному переходу на онлайн-обучение. Студенты с позитивными эмоциональными реакциям склонны видеть в онлайн-образовании силу, нивелирующую социальное неравенство. Такие студенты чаще отмечали, что онлайн обучение делает качественное высшее образование более доступным для всех слоев населения (49,2%), оно позволяет уравнивать профессиональные шансы

студентов из разных социальных слоев населения из-за его доступности (60,8%). Значимый разрыв наблюдается по вопросу возможности полного перевода университетского образования в онлайн-формат. Среди студентов с негативными эмоциональными реакциями 92,4% уверены, что очное обучение всегда будет более актуальным, среди студентов с положительными реакциями эту позицию разделяют 55,4%, тогда как остальные полагают, что все высшее образование можно перевести в онлайн-формат. При этом, более двух третей всех опрошенных студентов (69,1%), говоря об идеальной ситуации выбора формы обучения, предпочли бы смешанный формат.

В заключение отметим, что феномен неравенства цифровой образовательной среды является сложным и многомерным, зависит от множества факторов – от личностных и региональных до глобальных, поэтому нуждается в дальнейшем более комплексном изучении.

1. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин. П. Человек. Цивилизация. Общество / Под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992.
2. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Les Héritiers. Les étudiants et la culture*. Paris: Minuit, coll. «Le sens commun», 1964.
3. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России, 2018. № 8

ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

*Грунт Елена Викторовна
(Уральский федеральный университет)*

Пандемия коронавируса существенно изменила социальную реальность. COVID-19 явился катализатором многих процессов, активно развивающихся в предыдущий период: цифровизация всех сфер жизнедеятельности российского общества, переход высшей школы на дистанционную форму обучения и пр.

В настоящее время доля дистанционного образования в российской системе высшего образования незначительна. По некоторым данным, она составляет около 1,1% (для сравнения, в США, Японии и некоторых европейских странах – 20–30%), но темпы роста российского рынка дистанционного образования в настоящее время опережают общую динамику мирового рынка [1]. Однако, как мы указывали выше, пандемия ускорила переход на дистанционную форму обучения. В начале 1997 года в России вышел приказ № 1050 Минобрнауки России, позволяющий внедрять дистанционное обучение в сферу образования [2]. Эту дату можно считать датой официального развития дистанционного образования России. В Приказе Министерства образования и науки Российской Федерации «Об использовании дистанционных образовательных технологий» от 6 мая 2014 года № 137 говорится о реализации образовательных программ с использованием технологий электронного и дистанционного обучения [3].

Вместе с тем, проблема дистанционного образования не является новой для мировой образовательной системы. Первый в мире университет дистанционного обучения был открыт в Великобритании в 1969 году — Открытый Университет Великобритании. Его целью явилось создание доступного обучения большому количеству студентов за счет низкой цены и отсутствия необходимости часто посещать лекционные занятия. Сегодня Интернет, с одной стороны, стал сильным толчком развития дистанционного образования.

У студента появилась возможность получать обратную связь с преподавателем, где бы он ни находился. При появлении «быстрого интернета» появилась возможность использовать «онлайн» семинары (вебинары) для обучения и пр. С другой стороны, пандемия коронавируса ускорила переход высшей школы на дистанционную форму обучения.

Переход на дистанционную форму высшей школы в условиях пандемии коронавируса привел к трансформации образовательных практик преподавателей и студентов, вынужденных работать с учебными материалами он-лайн. Это создало ситуацию вызова системе высшего образования и обнажило ряд проблем.

Социологическое исследование, проведенное в ряде вузов г. Екатеринбурга, Челябинска и г. Москвы в марте - мае 2020, выявило следующие проблемы, которые возникли в вузах России при тотальном переходе на дистанционную форму обучения:

- необходимость адаптации студентов и преподавателей к работе в режиме он-лайн;
- снижение качества образования;
- низкий уровень удовлетворенности платных студентов высокой стоимостью обучения;
- изменение роли преподавателя в учебном процессе, превращение его в тьютора студентов;
- невысокий уровень цифровой грамотности преподавателей, цифровой разрыв в цифровой культуре молодого и старшего поколения преподавателей;
- неудовлетворенность \ разочарование части студентов выбранной специальностью;
- страх перед будущим трудоустройством студентов и страх преподавателей перед будущей профессиональной деятельностью и др.

1. Анализ российского рынка дистанционного образования: итоги 2018 года, прогноз до 2021 года. <https://marketing.rbc.ru/articles/10886>. [Дата обращения: 5 июня 2020 г.].

2. Положение о проведении эксперимента в области дистанционного образования, утвержденное приказом Министерства образования Российской Федерации от 30 мая 1997 года № 1050. <https://base.garant.ru/1586912>. [Дата обращения: 5 июня 2020 г.].

3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об использовании дистанционных образовательных технологий» от 6 мая 2014 года № 137. <https://base.garant.ru/188453>. [Дата обращения : 24.06.20 г.].

СЕТЕВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ПАРАДОКСЫ И ПРОБЛЕМЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КИТАЯ, ИНИЦИАТИВНЫЙ ПРОЕКТ)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Лебединцева Любовь Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Попов Роман
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сидорова Анна Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)
И Ши

Предпринимательство справедливо рассматривается как особая форма проявления человеческого капитала и считается атрибутом капиталистического общества. На практике, напротив, можно видеть, как в стране, строящей социалистическое общество – в Китае, созданы все условия для расцвета предпринимательства. Напротив, в России, заявившей курс на строительство рыночного общества, предпринимательство, особенно среди молодежи, оказывается в разы ниже, чем в Китае. Очевиден парадокс.

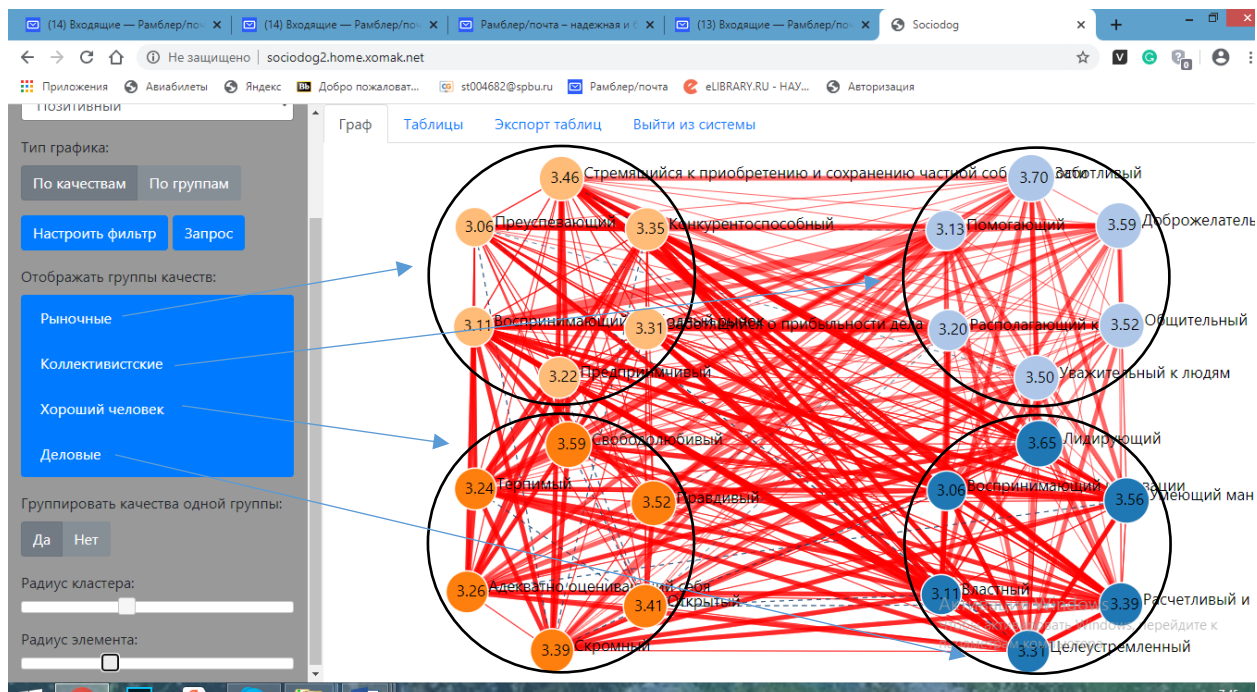
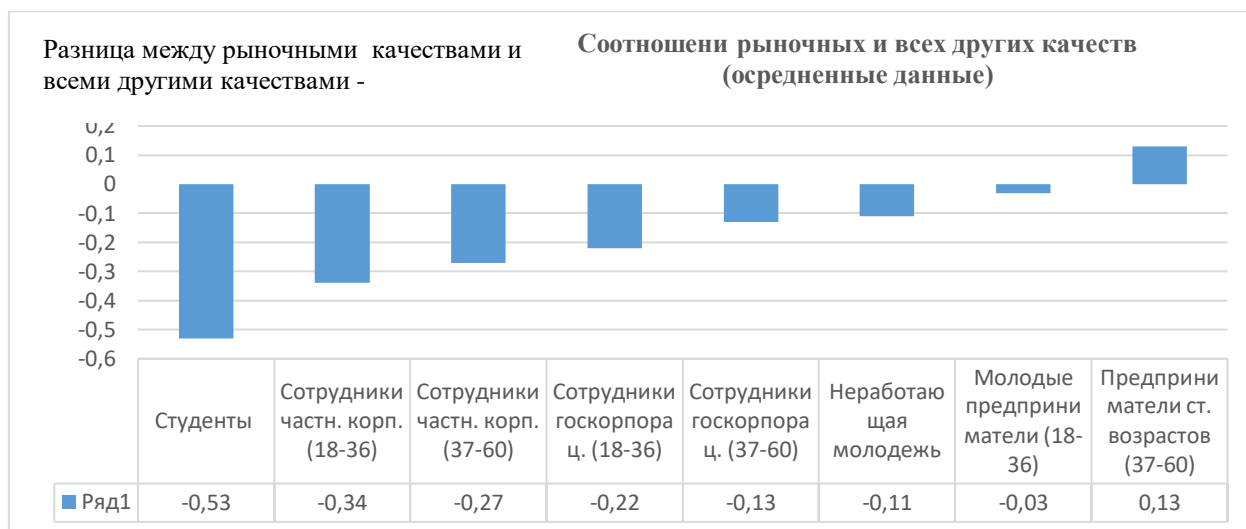

Рис. 1. Визуализация сетей ценностей различных групп качеств (Вариант)

В этой методике [1] осуществляется сравнение ценностного потенциала четырех групп качеств. С одной стороны, - осредненные сетевые данные по ценностному

потенциалу качеств коллективизма, коммуникативных качеств и качеств хорошего человека, с другой – рыночных качеств. На основе анализа литературы, к рыночным качествам были отнесены: предприимчивость, стремление к обладанию частной собственностью, конкурентоспособность, восприятие свободного рынка как ценности, стремление к преуспеванию, оценка прибыльности как центрального критерия предпринимательской активности (График № 1).

График № 1. Соотношение ценности рыночных качеств и ценности всех иных качеств среди различных групп населения Китая.

Полученные результаты подтверждают, что, действительно, в системе ценностей предпринимателей с опытом предпринимательской деятельности, рыночные качества составляют ядро ценностей – человеческий капитал. Ценность рыночных качеств для этой группы респондентов самая значимая.

Далее следуют молодые предприниматели, у которых ценность рыночных качеств примерно равна всем иным качествам. На следующей позиции – неработающая молодежь. На последнем месте оказывается студенческая молодежь. Здесь очевиден парадокс: обучение в вузе нацеливается на формирование ценностей, которые плохо состыкуются с ценностями рыночного общества.

Парадоксальным выйдит и тот факт, что респонденты, работающие рыночных структурах собственно рыночные ценности оценивают ниже, чем сотрудники государственных организаций.

Сетевые измерения человеческого капитала предпринимателей Китая показывает ряд парадоксальных ситуаций, которые предстоит проанализировать в последующей работе нашего инициативного проекта. К тому же, проведенные подобные исследования среди предпринимателей России, Белоруссии, Вьетнама, Испании, Германии, и других стран, также фиксируют целый ряд показанных и других парадоксов.

1. Дерюгин П.П., Рассказов С.В., Лебединцева Л.А., Сивоконь М.В. Два методических подхода к диагностике ценностей в современных корпорациях. Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения сборник материалов Международной научной конференции. 2018. С. 158–161.

2. Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 124–134.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ВОСПРИЯТИЕ РИСКОВ ЗДОРОВЬЮ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ

*Дудина Виктория Ивановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

При финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00726

Пандемия коронавируса затронула практически все области социальной жизни. Особый интерес социологов вызывает реакция общества, различных социальных групп и отдельных людей на риски, связанные с заболеванием. В современном обществе такая реакция находится под влиянием средств массовой информации и социальных медиа. Исследования показывают, что использование социальных медиа во время различных кризисов, является эффективным способом доведения информации до населения. Когда традиционные СМИ не предоставляют своевременную информацию, социальные медиа служат важным информационным источником. Например, информация о вспышке гриппа H1N1 в 2010 году впервые появилась именно в социальных медиа [1]. Исследователи из Южной Кореи отмечают, что во время вспышки MERS (ближневосточного респираторного синдрома), социальные медиа использовались как важные каналы обмена информацией в режиме реального времени [3].

Информация, распространяемая в социальных медиа, имеет как позитивные (осознание угрозы и просоциальное изменение поведения), так и негативные последствия (повышение беспокойства, уровня стресса, чрезмерное обращение к услугам медицины и гипердиагностика). Хотя использование социальных медиа во время различных кризисов является эффективным способом доведения информации до населения, в то же время перегруженность информацией, распространяемой в социальных медиа, может повышать восприятие риска и вести к росту страхов, связанных со здоровьем [2]. В соответствии с концепцией «Социального усиления риска» [4], медиа могут усиливать восприятие риска. В современном цифровом обществе информация о рисках часто не соответствует тому масштабу угрозы, который наблюдается в реальности, что может влиять на неадекватную оценку рисков в конкретных сообществах. Стресс, вызванный информацией из медиа, может влиять на перегрузку учреждений здравоохранения, которые имеют дело с наплывом обеспокоенных пациентов. Например, во время эпидемии гриппа H1N1, высокий уровень воздействия СМИ привел к резкому увеличению посещений отделений неотложной помощи даже в тех регионах, где не наблюдалось увеличения заболеваемости [5]. Исследование связи между использованием социальных медиа, восприятием риска и превентивным поведением показало, что использование социальных сетей положительно связано с такими эмоциями, как страх и гнев, которые, в свою очередь, положительно коррелируют с восприятием риска. Полученные данные также продемонстрировали, что использование социальных медиа может существенно повысить вероятность профилактического поведения [6]. В случаях отсутствия личного опыта столкновения с заболеванием, люди в значительной мере полагаются на информацию из медиа. Поскольку роль социальных медиа в современном обществе возрастает, их влияние на восприятие рисков здоровью в период эпидемий требует дальнейших исследований.

1. Ding H., Zhang J. *Social media and participatory risk communication during the H1N1 flu epidemic: A comparative study of the United States and China. China Media Research*, 6(4), 2010, 80–91.
2. Garfin D., Silver R., Holman E. *The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. Health Psychology*, Vol 39(5), 2020, 355-357.
3. Jang K., Paek Y. *When information from public health officials is untrustworthy: The use of online news, interpersonal networks, and social media during the MERS outbreak in South Korea. HealthCommunication*, 34(9), 2019, 991–998.
4. Kasperson, R., et al. *The social amplification of risk: A conceptual framework. Risk Analysis*, 8(2), 1988, 177–187.
5. McDonnell W., et al. *Should we fear “flu fear” itself? Effects of H1N1 influenza fear on ED use. The American Journal of Emergency Medicine*, 30, 2012, 275–282.
6. Oh S.-H., Lee S.Y., Han C. *The Effects of Social Media Use on Preventive Behaviors during Infectious Disease Outbreaks: The Mediating Role of Self-relevant Emotions and Public Risk Perception, Health Communication*, 2020, 1-10.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Дудина Виктория Ивановна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

При финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00726

Пандемия коронавируса дала толчок развитию дистанционного взаимодействия в самых разных сферах, в том числе там, где раньше дистанционные контакты рассматривались только как дополнительные или вынужденные, как, например, в сфере здравоохранения. Несмотря на идеи внедрения цифрового здравоохранения на уровне программ и правительственных заявлений в самых разных странах, в медицинской повседневности, дистанционные консультации занимали очень скромное место и подвергались критике с самых разных позиций. Пандемия поставила пациентов в условия самоизоляции, увеличила нагрузку на медицинских работников, тем самым, создав реальные предпосылки для распространения цифрового здравоохранения. Пытаясь уменьшить количество личных контактов между пациентами и врачами для предотвращения распространения инфекции, системы здравоохранения разных стран пытаются внедрить виртуализированные подходы к лечению. В этих условиях интересен опыт Китая, который в самом начале эпидемии посоветовал пациентам обращаться за медицинской помощью виртуально, а не лично. Трансформация здравоохранения Китая в сторону виртуализации приобрела широкие масштабы, когда Национальным агентством по страхованию было принято решение оплачивать виртуальные консультации [1]. Хотя онлайн-консультации позволяют значительно повысить доступность медицинских услуг и скорость обслуживания пациентов, существует множество формальных юридических правил, неформальных профессиональных и повседневных барьеров, препятствующих быстрому внедрению подобных методов работы. Также существуют опасения ухудшения качества медицинской помощи. Важный момент состоит в том, что внедрение онолайн-консультаций – это сложная инновация, которая нарушает установленные процессы. Таким образом, неготовность и врачей и пациентов использовать подобные технологии и отсутствие соответствующего оборудования для проведения онлайн-консультаций могут стать серьезным препятствием. Пандемия COVID-19 показала всю сложность внедрения

цифровых технологий в общественное здравоохранение. Чтобы повысить эффективность применения цифровых технологий, надо учитывать различные социокультурные характеристики пользователей. На данный момент и в России и в мире в целом сохраняется значительное цифровое неравенство, цифровые подходы могут оказаться непонятными или недоступными некоторым людям или подгруппам. К таким категориям могут относиться люди с низким уровнем медицинской или компьютерной грамотности, пожилые люди, люди, живущие в сельской местности – то есть те группы, которые как раз более всего могут нуждаться в дистанционной медицинской помощи. Нужно учитывать, что не каждый человек может быть интернет-пациентом. Минимальные условия для использования онлайн-медицины включают в себя следующее: доступ к цифровым технологиям, умение пользоваться цифровыми технологиями, физическое состояние, позволяющее цифровую коммуникацию; специфика заболевания, позволяющая осуществлять самоменеджмент здоровья в определенных пределах; уверенность в конфиденциальности взаимодействия с врачом. Еще один важный аспект - использование для коммуникации с врачами тех цифровых ресурсов, которыми люди уже привыкли пользоваться. В этом отношении важен опыт участия в онлайн-сообществах здоровья. Предположительно, пользователям, которые привыкли обсуждать проблемы здоровья онлайн, легче будет перейти к телемедицине.

1. Webster P. Virtual health care in the era of covid-19, The Lancet, vol. 395, no. 10231, pp. 1180–1181, 2020.

ЦИФРОВЫЕ ФОРМАТЫ ОБУЧЕНИЯ В МНЕНИЯХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКИХ ВУЗОВ)

Зинурова Раушания Ильшатовна

(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 18-011-00981*

Цифровой формат образования широко заявил о себе еще десяток лет назад, однако ситуация пандемии резко его актуализировала. В использовании цифровых технологий обучения (дистанционные формы, MOOC, аудиовизуальные модули, TED платформы и др.) имеются «скептики» и «энтузиасты». «Скептики» – отмечают обезличенность цифровых форматов и ограниченность личностного влияния преподавателя в процессе дистант-коммуникации, зависимость от иностранных технологий, а «энтузиасты» акцентируют внимание на доступность и гибкость занятий, расширенные возможности контроля знаний, предоставления учебно-методических материалов и, наконец, большее соответствие онлайн технологий обучения поколению Z.

Нами был проведен ряд интервью со студентами 4 вузов г. Казани. Всего было опрошено 400 студентов очных отделений, обучающихся на образовательных платформах (MOODLE и т.п.) и проведено порядка 30 формализованных интервью. Нас интересовало отношение студентов, как получателей образовательных услуг к процессу обучения в дистанционном формате. Задачами стали - выяснение мнений студентов об организации дистанционного обучения и связанных с этим трудностях. На вопрос " Как бы Вы охарактеризовали сам процесс обучения он-лайн? Около 70% ответили, что это традиционное обучение, но с применением цифровых технологий. В тоже время, до 80% респондентов уверены, что за такими технологиями будущее. Однако, почти 2/3 считают,

что цифровой формат не заменит личное общение с преподавателем. Был также выражен скепсис относительно более низкого качества дистанционного обучения по сравнению с традиционным (около 80%). Наибольшее удовлетворение студенты выразили лекционными занятиями (до 30%) и организацией самостоятельной работы (27%).

Абсолютными лидерами с точки зрения платформ для цифрового образования выступили MOODLE и BLACKBOARD (Zoom и Skype заняли третье и четвертое место но с огромным отставанием от лидеров).

Однако, в качестве "цифрового следа" были указаны эссе, рефераты, решения задач, доклады, домашняя работа, отправленная на проверку либо "по почте, либо в том ресурсе, где проходили семинары."

Наиболее часто студенты использовали в учебном процессе материалы онлайн курсов размещенных на Лекториуме (20%), Универсариуме (10%) Coursera (7%). Главными гаджетами в онлайн обучении для студентов были смартфон и планшет (для 2/3 респондентов).

Интервьюирование показало, что для большинства студентов сдача сессии в дистанционном режиме вызвала меньше трудностей, проходила легче, чем в аудиториях. Но, желание вернуться в аудитории также было высказано: «Многие хотели бы вернуться в аудитории. Минусом дистанционного обучения я бы назвал отсутствие личного общения. Не только с преподавателями, но и с одногруппниками».

Исследование позволяет предположить, что наиболее востребованным у студентов окажется в ближайшее время смешанный формат обучения, сочетающий онлайн и офлайн обучение.

СОЦСЕТИ КАК ПЛОЩАДКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПАНСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Кашина Алина Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

На сегодняшний день социальные сети являются популярным ресурсом взаимодействия людей в интернет-пространстве, а с появлением пандемии и связанной с ней необходимости ограничить прямые контакты, люди стали использовать дистанционные технологии еще интенсивней.

Активными пользователями социальных сетей являются не только обычные граждане, но и политическая элита[1]. Для политических лидеров крайне важно поддерживать прямую связь со своими избирателями и создавать положительный имидж.

В последние годы социальная платформа Твиттер все больше приобретает популярность в политических кругах и служит инструментом ведения внутренней и международной политики. На 2019 году Мадрид занял первое место в рейтинге испанских городов с самыми активными пользователями Твиттера[2]. В Мадриде основная роль в управлении городом принадлежит членам Городского совета, где 35 из 57 членов имеют свои личные страницы в соцсети Твиттер[3]. Наиболее активными пользователями являются представители разных политических партий, чьи кандидатуры выдвигались на пост мэра города в 2019 году: Мануэла Кармена, Хосе Луис Мартинес-Альмеида, Бегонья Вильясис, Пепу Эрнандес и Франциско Ортега- Смит[4].

На основе трех выбранных этапов (период муниципальных выборов 2019 года, массовые протесты в октябре 2019 года и начало эпидемии коронавируса в Испании в марте 2020 года) было выявлено, что наибольшую активность в Твиттере политики проявили в

период эпидемии. Все представители политических партий писали слова поддержки населению и благодарность медицинским работникам, а мэр города Хосе Альмеида и вице-мэр Бегонья Вильясис ежедневно информировали граждан и участвовали в различных флешмобах, которые сопровождались хэштегом #AplausoSanitario (исп. аплодисменты медицинским работникам) и #GraciasHéroes (исп. спасибо, герои), символизирующих сплочение испанского народа[3].

На протяжении многих лет испанские власти отличаются своей активностью и свободой выражения в интернет-пространстве, устраивая дебаты на глазах сотен тысяч подписчиков. Однако в период начала эпидемии коронавируса в марте 2020 года мадридские лидеры были объединены одной целью - поддерживать и информировать население о принятых мерах в такое сложное для страны и города время.

Ceron A. Social media and political accountability: Bridging the gap between citizens and politicians // L.: Palgrave Macmillan, 2017. 236 p.

10 leading cities with the highest number of Twitter active users in Spain // Statista: [сайт]. URL: <https://www.statista.com/statistics/750074/spanish-cities-with-more-active-users-on-twitter/> (дата обращения: 09.10.20).

Кашина А.М. Роль социальных сетей в политике на примере политической элиты Мадрида: диплом. работа бакалавра. СПбПУ, СПб, 2020.

Ley de capitalidad y de regímen especial de Madrid // Boe.es: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2006/07/05/pdfs/A25202-25215.pdf> (дата обращения: 08.10.2020).

Павлютенкова М. Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. №3. С. 71-78 // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-sotsialnyh-setey-v-publichnoy-politike> (дата обращения: 09.10.2020).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Князева Вера Владимировна

(Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение "Инженерно-технологическая школа № 777" Санкт-Петербурга)

В современных условиях массового перехода общеобразовательных учреждений на реализацию основных и дополнительных образовательных программ в дистанционном формате с применением электронного обучения цифровые технологии в образовании стали играть особую социальную роль. В силу сложившихся обстоятельств школа выполняет объединяющую функцию, выступает в роли координатора и регулятора процессов совместного и индивидуального образования учащихся в коллективном и самостоятельном формате с применением дистанционных технологий. В цифровой образовательной среде Инженерно-технологической школы № 777 Санкт-Петербурга (ИТШ) осуществляется процесс обучения на уроках, во внеурочной деятельности, в детских творческих объединениях, реализуются воспитательные события, а также мероприятия в рамках внутренней системы повышения квалификации педагогов, обеспечивается обростающая связь с участниками образовательных отношений.

На школьном уровне были разработаны локальные акты об организации дистанционного обучения, сформирована рабочая группа, которая подготовила программу мониторинга для оперативной оценки уровня готовности педагогов по организации дистанционного обучения. Используя полученные данные в рамках внутренней системы

повышения квалификации прошли мастер-классы, обучающие семинары, индивидуальные консультации с педагогами школы, подготовлены необходимые методические рекомендации. Была организована необходимая техническая поддержка практически круглосуточно в удаленном режиме.

На онлайн уроках активно используются и успешно применяются два режима обучения. Живое (онлайн) общение – это общение с обучающимися посредством онлайн платформы Zoom. Удаленное обучение - использование платформы Google Classroom при активной роли учителя и каждого ученика, что даёт возможность детям, которые не имеют доступа к интернету, быть на связи с учителем. В результате совмещения этих двух режимов создается эффект реального урока, где учитель имеет возможность объяснить новый материал с помощью современных технологий, организовать опрос и контроль, провести рефлексию урока. Благодаря правильному выбору платформ и профессионализму педагогов нам удалось сохранить мотивацию школьников не только в рамках урочной и внеурочной деятельности, но и в дополнительных платных образовательных услугах.

Приоритетным направлением деятельности школы является интеграция основного и дополнительного образования. В школьном Центре дополнительного образования более 75 % детей продолжили занятия в своих объединениях в дистанционном формате. Педагоги использовали дистанционные технологии, а также самостоятельно создавали видеоматериал. Еженедельно проходили внутренние дистанционные соревнования, выставки. Результат – положительное отношение к школе, несмотря даже на такой тяжелый период.

Педагоги ИТШ взяли на себя ответственность за развитие у детей цифровой грамотности и обучение их навыкам безопасной работы в киберпространстве. Эти направления стали обязательными компонентами образовательной программы как необходимое условие развития школьной информационной образовательной среды. Стимулируя детей к более широкому разнообразию деятельности в Сети, обучая их критически оценивать Интернет-ресурсы, развивая навыки безопасного поведения в Интернете, мы увеличиваем те преимущества, которые дает онлайн обучение, укрепляем цифровое гражданство и усиливаем защиту ребенка как пользователя цифрового мира.

Представители цифрового поколения по сравнению с родителями и учителями имеют не только более высокий уровень активности в Интернете, но значительно быстрее накапливают пользовательский опыт. Поэтому особенно важно, чтобы родители и педагоги, осознав значимость Интернета в жизни школьников, сами могли соответствовать новой социальной ситуации их развития. Только тогда станут реальными и эффективное использование возможностей Глобальной Сети в обучении и воспитании, и выработка адекватных стратегий защиты подростков от рисков в Интернете.

Важным достижением Центра дополнительного образования ИТШ можно считать победу проекта «Карта цифрового будущего: «IT-инсайт» в конкурсном отборе на предоставление грантов в рамках Государственной программы РФ «Развитие образования» Министерства просвещения. Целевая аудитория проекта «Карта цифрового будущего: «IT-инсайт»: обучающиеся 5-9 классов. Обучение проходит по программам, развивающим современные компетенции и формирующим у обучающихся изобретательское, креативное, критическое и продуктивное мышление. Таким образом создаются дополнительные условия для развития Талантов в ИТШ, формирования инновационного образовательного поведения участников образовательных отношений.

Модель организации дополнительного образования детей, основанная на сотрудничестве и кооперации школы с предприятиями-партнерами, обладает

когнитивными преимуществами, повышает межличностную чувствительность и способность разрешать конфликты в группах. Реализация модели обучения, основанной на кооперативном подходе, расширяет видовой состав просоциальной деятельности, которая требуется в любом обществе, где важной становится способность ладить с другими. Кооперация – одна из прогрессивных форм социального взаимодействия и способствует достижению целей реализации ФГОС, планируемых результатов реализации образовательной программы, учебного прогресса школьников. Обучение в кооперации помогает развивать социальные умения школьников в сотрудничестве с предприятиями-партнёрами.

Развитию цифровой образовательной среды ИТШ способствует реализация инновационного образовательного проекта «Модель инженерно-технологической школы - инновационная архитектура образовательной сферы» в рамках деятельности ИТШ в статусе Федеральной инновационной площадки (2020-2024 гг.). Целью проекта является отработка эффективной модели инженерно-технологической школы, ориентированной на развитие ключевых компетенций XXI века, основ инженерного мышления школьников, обеспечивающей раннюю профессиональную ориентацию обучающихся на основе идеи конвергенции наук, интеграции основного общего и дополнительного образования, реализации тернарной модели обучения, в т.ч. с использованием возможностей информационно-образовательных сервисов.

Главной фигурой и главным ресурсом подготовки школьников к выбору профессии инженера является учитель. От профессиональной компетентности, заинтересованности, активности учителя во многом зависит готовность и интерес школьников к выбору профессии инженера. В ИТШ работает педагогический коллектив, способный обеспечить высокую степень обучения школьников базового и повышенного уровней, в соответствии с требованиями ФГОС, создать условия для индивидуального развития учеников. В 2019-2020 учебном году учебно-воспитательный процесс осуществляли 99 педагогических работников. Особое место мы отводим вопросам повышения квалификации и методической поддержке педагогических кадров, осуществляемое с акцентом на мотивацию и особенности подготовки школьников к освоению инженерных профессий. Необходимо отметить, что инициативно педагогами ведется разработка информационно-образовательных ресурсов для решения образовательных задач, например, по компьютерной графике [1]. Сервис при этом играет роль «комплекса средств интерактивного взаимодействия, обслуживающий участников образовательного процесса на уровне школы, органов управления образованием» [2]. В ИТШ в рамках региональной инновационной площадки реализуется проект опытно-экспериментальной работы, который ориентирован на создание, апробацию и распространение информационно-образовательного сервиса для педагогов «Орион-лайн» (ИОС), обеспечивающего реализацию профессиональной деятельности педагога в цифровой образовательной среде и его профессиональный рост с учётом андрагогических аспектов повышения квалификации [3].

Наше глубокое убеждение, что работа с родителями – это всегда очень важное направление деятельности для руководителя и коллектива ИТШ. Профилактика конфликтов, позитивное взаимодействие, партнёрство. Включение родителей в жизнь школы позволяет понять родителям и педагогам друг друга. Мы постарались, чтобы диалог школа-ученик-родители был позитивным, чтобы родители могли увидеть и почувствовать труд учителя, понять, что именно родители являются для ребенка первыми педагогами и наставниками. В условиях дистанционного обучения ежедневно педагоги-психологи ИТШ

отвечали на 12-15 обращений родителей по телефону горячей линии, которая была специально открыта для работы специалистов службы сопровождения в режиме оперативного реагирования на поступающие запросы. В рубрике «Мы обязательно справимся, но только вместе» осуществлялась публикация рекомендаций психологов родителям: «Как организовать рабочее пространство?», «Хвалите детей правильно», «Понедельники и синдром отложенной жизни», «Оставайтесь дома». В рамках Родительских университетов состоялся вебинар на тему «Как поддержать своих детей-школьников в период дистанционного обучения?». Выстроенные эффективные коммуникации позволили нам сделать родителей соратниками и сподвижниками. Результат – это позитивное отношение к школе. В социальной сети «ВКонтакте» был открыт проект «Говорим спасибо», где родители смогли поддержать своих педагогов, высказать слова благодарности.

В настоящее время мы переживаем цифровую трансформацию образования – это обновление содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстро развивающейся цифровой среде для кардинального улучшения образовательных результатов. Развивающиеся цифровые технологии создают условия для решения новых задач за счет совершенствования средств планирования и организации образовательного процесса, широкого использования активных методов обучения и перехода к лично ориентированной (персонализированной) организации образовательного процесса.

Цифровая трансформация образования – этот отход от «прохождения материала», переход к формированию у каждого обучающегося требуемых компетенций. Решить эту задачу помогает переход к лично ориентированной (персонализированной) организации образовательного процесса. Это требует специально организованной цифровой образовательной среды, которая помогает дифференцировать учебную работу каждого обучающегося.

Развитие цифровой образовательной среды ИТШ является важнейшей задачей педагогического коллектива ИТШ. Система образования ИТШ использует новые технологические инструменты и практически неограниченные информационные ресурсы. Технологии виртуальной реальности создают возможность использования цифровых тренажеров для освоения инженерных профессий. Практика онлайн-курсов и смешанного обучения (когда онлайн-курсы сопровождаются семинарами и консультациями на местах, а контроль проводится в очном формате) создает практически безграничное поле образовательных возможностей. Все это формирует предпосылки роста качества образования, обеспечивает создание условий для развития Талантов.

Новой характеристикой образования станет баланс единства и персонализации. Образовательные платформы, включающие знания, тренажеры, тесты с обратной связью станут пространством, в котором группы и отдельные учащиеся двигаются по индивидуальным образовательным траекториям. Таким образом вырастет гибкая образовательная экосистема ИТШ.

1. Фельк К. А. Разработка информационно-образовательного ресурса по компьютерной графике с применением сервиса Sites Google [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). — СПб.: Заневская площадь, 2014. — С. 236-239.

2. Недосыт О.В., Пиотух Е.И. Электронный сервис как один из механизмов поддержки школ// Источник: Информационно-методический и научно-педагогический журнал, №3, 2019.

3. Андрагогические аспекты повышения квалификации педагогов: информационно-методический сервис «Профиль роста»: монография — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2019. — 112 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Константинова Лариса Владимировна
(Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова)*

Сфера образования одной из первых ощутила на себе влияние коронавирусной пандемии и одной из первых относительно успешно адаптировалась к введенным в связи с ней ограничениям, переведя образовательный процесс в дистанционный режим. В результате, в целом в условиях достаточно жестких ограничений российская система высшего образования сохранила свою работоспособность. Более того, пандемия способствовала ускоренной реализации цифровых технологий в учебном процессе. По сути, можно говорить о произошедшем цифровом прорыве в высшем образовании. Поначалу среди экспертов даже появилось устойчивое мнение, что после пандемии мир высшего образования уже не окажется прежним. Возникло предположение, что на смену Университету 3.0. придет безлюдный цифровой Университет 4.0[1]. Однако, несмотря на то, что в условиях пандемии российская система образования и ее основные акторы (студенты, преподаватели, руководители и сотрудники вузов) в целом справились с возникшими проблемами, стал более явным ряд угроз тотальной цифровизации образования, который в дальнейшем может привести к значительным рискам в этой сфере.

1. Риск увеличения неравенства в сфере образования, усиливающегося под влиянием цифрового неравенства [2].
2. Риск десоциализации и дезинтеграции молодежи.
3. Риск снижения качества образования в условиях распространения онлайн-образования [3, 5].
4. Риск существенного увеличения нагрузки как на студентов, так и на преподавателей при обучении в дистанционном режиме, что негативно сказывается на их социально-психологическом самочувствии и состоянии здоровья [4].
5. Риск повышения стоимости обучения в связи с ростом затрат на организацию дистанционного и онлайн-образования [5].

Анализ уроков и рисков перехода высшего образования в дистанционный режим в связи с пандемией свидетельствует о том, что с одной стороны, переход в онлайн помог вузам, преподавателям, студентам, руководителям увидеть новые возможности, обрести новый позитивный опыт и серьезно продвинуться в сфере цифровизации образования, но с другой, - убедиться, что дистанционное образование не может полностью заменить классическое очное образование. Следует ожидать, что на дальнейшее пост пандемическое развитие цифровизации образования будут влиять два разнонаправленных тренда. С одной стороны, значительная часть образовательных учреждений научилась и адаптировалась к новым реалиям дистанционного образования, смогла извлечь уроки и сейчас гораздо лучше готова использовать все преимущества цифровизации, видя в ней серьезные перспективы. С другой стороны, ввиду вынужденного, внезапного, неподготовленного массового перехода к дистанционному обучению, связанного с самоизоляцией и значительными социальными ограничениями, затянувшимися на несколько месяцев, цифровой формат образования оказался под влиянием негативных факторов, был встречен с малой

поддержкой вначале, а к настоящему моменту по отношению к нему накопилась определенная усталость со стороны участников образовательного процесса. А это может грозить в определённой степени отторжением его дальнейшего развития со стороны значительной части вузовского сообщества. Об этом свидетельствуют и обострившиеся в последнее время дискуссии о целесообразности и эффективности перевода значительной доли обучения в цифровой формат.

1. Чепуренко А. *Вынужденная дистанция: каким будет общество после пандемии* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/01/04/2020/5e8306e79a79473434a103da>
2. Савицкая Н. *После пандемии высшее образование уже не будет прежним* [Электронный ресурс]. URL: https://ng-ru.turbopages.org/h/ng.ru/education/2020-03-25/8_7826_education1.html
3. Гришин В.И., Домащенко Д.В., Константинова Л.В., Кошкин А.П., Устюжанина Е.В., Штыкно Д.А., Шубенкова Е.В. *Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия* // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. №3. С.5-18.
4. *Преподаватели российских вузов о развитии онлайн-среды в условиях пандемии* [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/documents/2020_14-116_May.pdf
5. Заверняева С. *Сколько стоит лекция в дистанте* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/skolko-stoit-lekciya-v-distante.html>

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА «СИНОЛОГИЯ ОНЛАЙН» В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СОРЕВНОВАНИЯМ ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

*Круглов Владислав Владиславович
(МГИМО МИД России)*

1. После резкого перехода на дистанционный формат подготовки московских школьников к интеллектуальным соревнованиям по китайскому языку (ВсОШ), международному конкурсу «Мост китайского языка») тренерскому составу пришлось адаптировать стратегии и технологии учебного процесса к новой среде. Основной проблемой стало психологическое состояние одаренных детей, которые посвящают себя полностью учебному процессу и подготовке к олимпиадам. Более того, состояние неопределенности проведения олимпиад вводило детей еще в более стрессовую ситуацию. Преподаватели сборной постоянно вели диагностику и эмпирические беседы со школьниками, выявляя их предпочтения и желаемые стратегии подготовки. Одной из наиболее успешных стратегий подготовки до пандемии было привлечение известных синологов, профессоров к проведению мастер-классов для олимпиадников. Данный формат был переведен в дистанционное пространство и преобразован в инновационный образовательный проект «Синология онлайн». Таким образом, была решена задача организации предпрофессиональной (китаеведческой) и профориентационной работы со школьниками через общение с известными российскими и зарубежными синологами, учеными с мировым именем.

2. Проект получил поддержку Департамента образования и науки города Москвы и российских и зарубежных вузов, таких как МГУ, МГИМО МИД России, СПбГУ, ИГУ, СФУ, КФУ, НГУ, БГПУ, ИДВ РАН, Парижского католического университета и

Венского университета, профессора которых стали лекторами образовательного проекта. Для школьников это стало уникальной возможностью выбрать вуз поступления и приобщиться к высокой академической культуре, что способствовало пропаганде научных знаний среди обучающихся школ.

3. В ходе регистрации на образовательный проект не стояло ограничений как на количество участников, так и на их статус. Среди зарегистрировавшихся на проект было много школьных учителей, которые также слушали лекции и мастер-классы известных востоковедов. В дискуссии активно участвовали обучающиеся, учителя и сам лектор, обсуждались важные вопросы выстраивания стратегически важного для современного образовательного процесса взаимодействия «ученик школы – учитель школы – преподаватель вуза». Тем самым это способствовало налаживанию процесса преемственности «школа – вуз» в рамках востоковедческого образования.

4. Одной из прикладных задач образовательного проекта было оказать помощь учителям в процессе подготовки обучающихся к Единому государственному экзамену в условиях пандемии. Решению этой задачи огромное внимание было уделено со стороны Министерства Просвещения РФ. Нами был организован отдельный проект «Синология онлайн. Версия ЕГЭ», в рамках которого выступили 7 экспертов ЕГЭ 2020 года с мастер-классами по каждому разделу ЕГЭ. Обучающиеся, участвующие в проекте, получили высокие баллы на экзамене. Средней тестовый балл по Москве составил 72,06. Количество обучающихся, которые получили от 81 до 99 баллов, повысилось по отношению к прошлому учебному году на 11, 26%.

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ ОНЛАЙН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Курская Вера Александровна

Пандемия COVID-19 нарушила привычный образ жизни людей по всему миру. Режим самоизоляции сказался и на религиозной сфере жизни. Мы рассмотрим изменения в традициях христианского благочестия, затронувшие жизнь верующих в условиях пандемии, на примере мирян Русской Православной Церкви (далее - РПЦ) и Римско-католической Церкви (далее - РКЦ).

Каждый христианин обязан в воскресенье присутствовать на литургии.[1; 2] Исключение возможно только по уважительным причинам: болезнь, сложные обстоятельства, физическая невозможность доехать до храма. Посещение храма рассматривается как причастность Церкви Христовой, собранию верующих, посещение дома Божьего и возможность подойти к Причастию.

В условиях пандемии патриарх РПЦ Кирилл и Папа Римский Франциск призвали верующих оставаться дома и молиться, относясь к вынужденному удалению от церкви как к духовному подвигу, напомнив, что семья рассматривается в традиции обеих Церквей как малая Церковь.[1; 2; 3] У верующих есть возможность смотреть мессы в режиме трансляции онлайн на сайтах церковных приходов или архиепархий.

Самое главное в литургии - претворение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову и последующее таинство Евхаристии.[1; 2] Если возможность участвовать в молитве онлайн не подлежит сомнению, то в таком режиме причащаться верующие не могут. В период самоизоляции на facebook.com в группе московских католиков "Приходские объявления" был сделан репост с другого сайта, в котором один из мирян поделился специфической практикой: во время участия в литургии онлайн мирянин помимо молитвенника с чином мессы держит перед экраном компьютера кусочки хлеба и бокал вина. По его мнению, в

момент пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы в храме благодать передается через экран, после чего мирянин причащается. Участники группы "Приходские объявления" сравнили эту практику с деятельностью экстрасенса А. Чумака, "заржавшего" воду через экран телевизора.

Отметим, что подобная практика полностью противоречит христианским нормам. Однако месса по сути своей является трапезой.[1; 2] Описанный пример можно рассматривать в русле современной практики "совместных ужинов онлайн" по Skype, к которой прибегают люди, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, но желающие провести вечер вместе. В условиях пандемии расширение использования современных технологий приводит к обмирщению традиций благочестия и нарушению религиозных норм.

1. Катехизис Католической Церкви. Электронный источник. Режим доступа: <http://ссонline.ru/> (последнее обращение - 09.10.2020).

2. Пространный православный катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Электронный источник. Режим доступа: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/349> (последнее обращение - 08.10.2020).

3. Сайт Римско-католической Архиепархии Божией Матери в Москве. Электронный источник. Режим доступа: <https://cathmos.ru> (последнее обращение - 09.10.2020).

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ COVID-19

*Лапуцкий Виктор Сергеевич
(Белорусский государственный университет)*

На сегодняшний день доминантные потоки въездной мобильности в рамках белорусской высшей школы приходятся на страны вне интеграционных объединений (ЕПВО, ЕАЭС). Вопреки деятельности государства в рамках Болонского процесса, это не получило значимого отражения в составе иностранных студентов в белорусских вузах – в 2019/2020 учебном году в Беларуси обучалось 18,4 тыс. иностранных студентов, из которых 60,1% приходится на Туркменистан и КНР [1, с. 47]. Значительные потоки студентов из этих стран обусловлены накопленным опытом взаимодействия на государственном, университетском и межличностном уровне.

С учетом внешних факторов и геополитики потоки мобильности вне интеграционных объединений, при всей своей масштабности, являются наиболее уязвимыми. Особенно явным это стало в контексте распространения COVID-19 по миру в 2020 году. Тяжелая эпидемиологическая ситуация в мире создала объективные трудности для мобильности (повышение стоимости междоуниверситетской мобильности, персональные страхи студентов и т.д.).

Данное обстоятельство актуализировало вопрос о статусе онлайн-образования для иностранных студентов. Онлайн-образование как направление образовательной деятельности уже существует в рамках ограниченного круга дисциплин в ведущих вузах страны для местных студентов. Однако дистанционное образование для иностранцев пока еще не получило отражения в белорусском законодательстве и деятельности университетов на системном уровне – присутствуют точечные инициативы по переводу процесса учебы в удаленный режим, существующие в большей степени по инициативе самих преподавателей.

В России предпринята попытка по решению схожей проблемы за счет систематического введения дистанционного образования для иностранцев. В 2020 году дистанционное обучение было узаконено в университетах Калининграда, Владивостока, Санкт-Петербурга и др. При этом инициатива исходила от самих университетов (преимущественно тех, где удельный уровень иностранных студентов выше среднего), и пока не приобрела всероссийский масштаб. Однако дистанционное образование как направление деятельности в российском законодательстве гораздо более развито, чем в белорусском, что и дало возможность оперативного внесения изменений в образовательный процесс вузов России.

Проблема дистанционного образования для иностранцев в Беларуси требует решения сразу на двух уровнях. Во-первых, внедрение на системном уровне дистанционного аспекта для иностранцев на уровне университетов, разработка единой целостной системы по удаленному обучению. Во-вторых, развитие самого направления дистанционного образования на законодательном и процессуальном уровне. Подобные изменения позволят минимизировать потери от внешних факторов как в рамках нынешней эпидемии COVID-19, так и от потенциальных проблем в будущем, негативно влияющих на мобильность лиц, перемещающихся в образовательных целях.

1. Медведева И.В. *Образование в Республике Беларусь (учебный год 2019/2020)*. Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. 48 с.
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. *Социология высшего образования: монография*. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ТЕХНОЭЙДЖИЗМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Лебедева Елена Викторовна
(Белорусский государственный университет)

Титаренко Лариса Григорьевна
(Белорусский государственный университет)

Исследование выполнено при поддержке гранта БРФФИ (договор № Г20Р-109 от 04.05.2020 г.), тема исследования «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Минска и Санкт-Петербурга)».

Цифровые технологии относятся к числу стратегических приоритетов развития инновационной составляющей государства. Однако перемены, вызванные цифровой трансформацией могут иметь негативные последствия. Наиболее острой проблемой является цифровое неравенство – ситуацию, когда у какой-либо группы людей отсутствует или ограничена возможность доступа к современным информационным технологиям, а также к овладению цифровыми компетенциями. Особенно уязвимы к этому пожилые люди. Существующие исследования фокусируются на результатах эксклюзии пожилых людей, показывая, как можно сократить уже образовавшиеся цифровые разрывы – превратить пожилого человека в пользователя персонального компьютера (например, работа А. Кузнецова и О. Сергеевой [3]), выявить причины и потребности старшего поколения в освоении и использовании интернет-технологий [2], обозначить риски включения в интернет-пространство пожилых пользователей [1]. С нашей точки зрения, в детальном

анализе нуждается динамика процесса исключения пожилых людей из цифровой трансформации – с чего он начинается, какие стадии проходит, какие факторы на него влияют и пр.

Мы полагаем, что техноэйджизм на рабочем месте (в том числе и в предпенсионный период) приводит к негативным последствиям в повседневной жизни – когда человек завершает трудовую деятельность. Ограниченное использование новых технологий работниками старшей возрастной группы негативно влияет на их адаптационные возможности в случае каких-либо кризисных ситуаций, значительно повышая риск социальной исключённости. Особенно остро данная проблема проявилась в условиях пандемии Covid-19. Введённые в крупных городах запреты и ограничения глубоко затронули жизнь пожилых людей: многие оказались отрезанными от услуг, поддержки и ухода, на которые привыкли рассчитывать ранее. Лишившись возможности реализовывать повседневные практики традиционным способом, они зачастую были не готовы одномоментно «виртуализировать» их. Обычная в таких случаях поддержка со стороны детей, внуков, консультантов в банке или в отделении почты была недоступна. Как результат, пожилые люди фактически оказались в полной социальной изоляции, что негативным образом сказалось на их психологическом самочувствии и сделало лёгкой мишенью для болезни.

Техноэйджизм, помимо очевидного негативного влияния на профессиональную жизнь работников старшего возраста, приводит к их зависимости, лишает уверенности в своих силах, приучает в решении любых проблем полагаться на других людей (часто, более молодых), значительно увеличивает риски социальной исключённости, что в кризисных ситуациях может иметь катастрофические последствия. И наоборот, минимизация случаев исключения пожилых людей из цифровой трансформации в профессиональной деятельности способна значительно снизить издержки по их адаптации к новым технологиям в послетрудовой период, поскольку познакомившись с возможностями компьютера и интернета на рабочем месте, они более уверенно будут чувствовать себя, применяя новые технологии в повседневной жизни.

1. Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Адаптация пенсионеров к интернет-среде // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 150–164.
2. Воронин Г.Л., Курьячева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. №3(51). С. 55–65.
3. Кузнецов А., Сергеева О. «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // *Социология власти*. 2014. №3. С. 99-125.

ПОДДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД COVID-19 И УСИЛЕНИЯ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН.

*Любимова Владлена Константиновна
(Уральский Федеральный Университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина)*

*Тихонова Кристина Валерьевна
(Уральский Федеральный Университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО
ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31435.*

Период COVID-19 характеризуется увеличением социальной дистанции между людьми. Оксфордский словарь определяет «social distancing» как практику сохранения определенного физического расстояния от других людей или ограничения доступа и контактов между людьми, чтобы избежать заражения или передачи инфекционной болезни, или как часть инициативы общества для сдерживания ее распространения. Термин имеет также и немедицинское значение: «практика поддержания определенной удаленности или эмоциональной отделенности от другого человека или социальной группы» [1]. Таким образом, в период пандемии возникает существенное противоречие: с одной стороны, необходимо социальное дистанцирование, позволяющее минимизировать риски заражения и распространения вирусной инфекции, с другой стороны — это дистанцирование может привести к размыванию культурной идентичности внутри страны.

Рассматривая каждого гражданина как потенциального переносчика вируса и возможную угрозу, индивид перемещает его из позитивно окрашенной категории «сограждане» в негативную «гражданин страны с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией». Катастрофическое сознание, основой которого выступает страх перед будущим, актуализируется с невероятной скоростью, в том числе и благодаря информационным потокам, а слова В. Э. Шляпентоха становятся пророческими: «страх за свою жизнь омрачает теперь почти каждое решение, которое должны принимать российские жители» [2]

В этом контексте важной проблемой становится поддержание культурной идентичности и сохранение менталитета, которые в рамках глобализации являются барьером для полного растворения культур. Ощущение и оценка социального процесса как «катастрофы» возможно только в рамках определенной системы ценности, а оценка жизненного социального пространства как «непригодного» для жизни способна приводить к отказу от данных социокультурных ценностей, и в том числе к поиску новой, более «пригодной для жизни» культурной идентичности.

Стоит заметить, что пандемия коронавируса также затормозила туристический, деловой и иной обмен между странами, что осложнило межкультурную коммуникацию. Если до введения режимов ограничений мир представлял из себя «глобальную деревню», функционирующую в информационном пространстве, в рамках которой пересечение фактических территориальных границ государств не требовалось для взаимодействия [... с.], то нынешняя ситуация иллюстрирует невозможность полного включения в культуру другой страны лишь за счёт использования онлайн технологий.

Таким образом, одновременно с тем, что ориентир предыдущих лет на взаимодействие культур начинает смещаться на внутреннее развитие, культурная

идентичность внутри страны деформируется – человек дистанцируется как от граждан своей страны, так и от представителей других культур.

1. Оксфордский словарь URL:

https://www.lexico.com/definition/social_distancing (дата обращения: 07.10.2020)

2. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. (По материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. – М. : Моск. обществ. науч. фонд : Ин-т социологии РАН : Ун-т Штата Мичиган, 1999. – 347 с.

ЦИФРОВЫЕ СЕТИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

*Малышева Галина Анатольевна
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)*

Первая волна пандемии Ковид-19 в России и во всем мире выявляет особую роль цифровых сетей в социальной коммуникации граждан. В условиях комплексных карантинных мер происходит виртуализация моделей и форм повседневной жизни, значительная часть которых переходит в онлайн-режим. Цифровые сети позволяют реализовывать удаленное взаимодействие и служат инструментом мобилизации и солидаризации общества перед лицом биологических и социальных угроз [2].

Самоизоляция и ограничение физических контактов обуславливают приоритетное позиционирование онлайн-сетей в информационно-коммуникационной сфере. Перенос информационно-коммуникационных практик в виртуальную среду вписывается в общую картину структурных изменений в медиаповедении российских граждан последних лет. Фокус их потребительских предпочтений постепенно смещается от традиционных СМИ к цифровым социальным медиа [3, 108-109].

Вместе с тем при пандемии медийное воздействие на потребителей осуществляется в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. Происходит инфодемическое заражение сетевого киберпространства, что обостряет социально-коммуникативные риски.

Свойством веб-сетей является наличие пользовательского «несистемного» контента при дефиците профессиональных критериев отбора фактов, в то время как контролирующие и регулятивные функции государства и крупных сетевых платформ ограничены технологически и специфичны в силу политических и бизнес-интересов. Все это формирует питательную среду для распространения недостоверной информации и интернет-контента манипулятивного характера.

Инфодемия онлайн-типа более опасна, чем инфицирование медийного пространства посредством классических СМИ, за счет игровизации и интерактивного характера виртуального информационного обмена, а также формирования у потребителей психологической зависимости от социальных медиа [1, 329]. Кроме того, наличие цифровой медийной альтернативы заставляет пользователей более настороженно относиться к информации из официальных источников [2]. При этом следует подчеркнуть, что доверие к медиа в целом коррелирует с уровнем доверия граждан к большинству государственных и общественных институтов, которое в нашей стране остается невысоким [3, 107-108].

В то же время опыт первой волны Ковид-19 показывает, что цифросетевая коммуникационная среда обладает известной способностью к саморегулированию и выработке информационного иммунитета. На определенном этапе возникает стихийный

низовой фактчекинг, когда пользователи социальных медиа начинают сами стремиться к поиску достоверных данных [4, 8].

Анализируя гуманитарные аспекты цифросетевой дистанцированной коммуникации, надо помнить, что при всех своих преимуществах она не является эквивалентом социальных связей офлайнового мира и не может служить полноценной заменой живого человеческого общения. Учет этого фактора, наряду с другими, важен при формировании взвешенной оценки социальной роли и информационно-коммуникационного потенциала цифровых сетей в период пандемического кризиса.

1. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Фейки и особенности их распространения в СМИ и социальных сетях в период инфодемии, вызванной COVID-19 // *European Scientific Conference. Сборник статей XX Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2020. С. 326-340.
2. Мальшиева Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. 2020. № 3. Doi:10.18384/2224-0209-2020-3-1025
3. Назаров М.М. Политическая коммуникация в обществе постправды: граждане и доверие к информационным источникам // *Власть*. 2020. №1. С. 105-114. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7049
4. *Assessing the risks of "infodemics" in response to COVID-19 epidemics* / R. Gallotti, F. Valle, N. Castaldo, P. Sacco, M. De Domenico. medRxiv preprint. 2020. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.08.20057968v2> (accessed: 07.09.2020). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.08.20057968>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК РОССИЯН В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

Махова Ксения Борисовна
(Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова)

Вынужденная самоизоляция стала серьезным вызовом для повседневной жизни россиян. Среди основных причин для беспокойства российские граждане называли здоровье (66%), личное благосостояние (59%), а также цены на товары и услуги (56%) [1,17].

В начале марта 2020 года продажи «кризисных» продуктов росли быстрее, чем в обычном периоде: продажи макаронных изделий увеличились в России в 1,5 раза, гречки – в 2 раза, риса – в 1,8 раза. В то же время продажи аналогичных продуктов в Москве росли быстрее по сравнению со всей территорией России [1,23]. Большинство россиян (69%) старалось питаться дома, соблюдая привычную культуру питания. Свыше трети опрошенных (41%) стали потреблять более здоровую и полезную еду [2,19].

Особого внимания заслуживают способы борьбы со стрессом в условиях роста заболеваемости и, как следствие, неопределенности. Наиболее распространенным методом поддержания психического здоровья стал сон (41%), чтение (37%) и личностное развитие (32%) [2,21].

Наивысший уровень популярности запроса «чем заняться на карантине» российское интернет-пространство продемонстрировало в период с 29 марта по 4 апреля 2020 года. Данное обстоятельство можно связать с объявленным государством периодом нерабочих дней, достаточно неожиданным для российского населения. Согласно исследованию, которое провел ВЦИОМ, структуру досуга россиян на фоне самоизоляции составляли домашние дела (63%), просмотр телевизора и прослушивание радиопередач (30%), чтение

книг (26%), общение по телефону и через интернет с друзьями и родственниками (24%), просмотр фильмов и видео (21%) [3].

Период самоизоляции стал, бесспорно, психологически тяжелым для российского населения, однако нельзя не отметить и положительные изменения в их повседневных практиках. Россияне стали проводить больше времени с близкими и заниматься домашними делами.

1. *Коронавирус и FMGG-тренды в России: новая реальность и новые возможности* [Электронный ресурс]

<https://www.nielsen.com/ru/ru/insights/webinar/2020/webinar-koronavirus-i-fmcg-trendy-v-rossii/> (дата обращения: 18.07.2020)

2. *Covid-19 Barometer. Трейлер 1* [Электронный ресурс] <https://kantartns.ru/covid-19-barometer/> (дата обращения: 18.07.2020)

3. *Досуг на фоне самоизоляции* [Электронный ресурс] <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/dosug-na-fone-samoizoljacji.html> (дата обращения: 18.07.2020)

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НКО В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ, ВЫЗВАННОЙ COVID-19.

Миронова Марина

(Уральский Федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина)

Кириллова Анастасия

(Уральский Федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина)

Пандемия COVID-19, представляет собой проблему еще не оцененного масштаба, которая потребовала от НКО активного использования новых компетенций для оказания помощи нуждающимся. То, насколько быстро и успешно смогут сориентироваться в это сложное время некоммерческие организации, имеет решающее значение как для третьего сектора экономики, так и для всех, кто в этой помощи нуждается.

В данной статье представлены актуальные стратегии развития некоммерческих организаций в условиях пандемии, вызванной вирусом COVID-19. Исследование основывается на данных, полученных методом экспертного интервью с руководителями крупных НКО г. Екатеринбурга.

Новый взгляд на миссию

Социально ориентированные НКО, в соответствии со своей миссией, осуществляют помощь различным группам населения. В ситуации с пандемией, особенно в период самоизоляции, организации столкнулись с невозможностью осуществлять свои ключевые виды деятельности офлайн. НКО стали по-новому транслировать свою миссию обществу: искать доступные форматы взаимодействия и помощи через социальные сети, обучающие платформы и видеоматериалы, индивидуальные и групповые онлайн - вебинары.

Удаленная работа

Организация рабочего процесса в удаленном формате стала единственным выходом остаться на рынке в условиях пандемии. Работа на дому, в том числе, в сфере социальных услуг, является одной из самых трансформируемых областей рабочего процесса, связанных с влиянием COVID-19. Руководители НКО стараются поддерживать привычный формат взаимодействия команды своих сотрудников в общих чатах мессенджеров (Telegram,

Whatsap), в группах в социальных сетях. Также успешно реализованы новые форматы организации работы (конференции в Zoom, Skype), предлагается участие в бесплатных конференциях, обучающих курсах и марафонах. Набор новых сотрудников также перешел в онлайн – режим.

В условиях самоизоляции становится очевидной необходимость развития новых компетенций у сотрудников НКО, особенно SMM-специалистов (Social Media Marketing), выстраивающих работу социальных сетей. Присутствие некоммерческих организаций в социальных сетях и грамотная работа с интернет-аудиторией позволит расширить географию присутствия участников совместных проектов и настроить деятельность организации в целом в новом формате.

Изменение характера проектной деятельности НКО

Привычные формы взаимодействия НКО с получателями социальных услуг и с донорами, которые выстраивались годами, были приостановлены. Некоторые НКО достаточно успешно переформатировали свою деятельность в онлайн-режим, оценив ее мобильность и низкую трудозатратность. Главный толчок пандемия дала для реализации новых проектов в цифровом формате. Стартовали каналы на YouTube, а также проекты на краудфандинговых платформах. Некоторые НКО перепрофилировали часть своих проектов в формат социального бизнеса.

Таким образом, необходимость в социальной изоляции в условиях пандемии, стала мощным толчком к поиску новых стратегий реализации миссии НКО.

1. Ермаков В.Г. Влияние политики цифровизации на развитие институтов гражданского общества в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук: журнал.: том 15, - №1. – 2020. - с. 51-60.

2. Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 г. // Государственное управление. Электронный вестник. Факультет государственного управления МГУ. - №80. – 2020. - с. 5-21.

3. Шарипова В. Д. Способ выбора CRM-системы как инструмента цифровой трансформации в некоммерческом секторе // Системный анализ и логистика: журнал.: СПб.: ГУАП. - №3(25). - 2020. – с. 9- 17.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.

Михайленок Олег Михайлович

(Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук)

Пандемия Covid-19, как модель социального сосуществования, и обусловленный ею режим самоизоляции и физического дистанцирования ярко высвечивают роль сетевых аспектов общественного бытия, прежде всего в их виртуальном проявлении. Таким образом, в контексте цифровой сетевизации кризис пандемии коронавируса является для нас уникальным общественно-историческим опытом, и его научная оценка призвана выявить заложенные в нем социальные и политические риски и возможности.

В контексте пандемии виртуальная социальная реальность проявляет свой потенциал, подвергая проверке способность представителей политического мира и властных структур реагировать на новую действительность, координировать настроения в обществе и реализовывать управленческие задачи.

В ситуации массовой социально-психологической травмы усиливается фактор горизонтального социального контроля, т. е. стремления формировать посредством онлайн-сетей общественно приемлемые модели поведения, в качестве антитезы контролю властно-иерархическому. Параллельно обостряется проблема суверенитета цифросетевого пространства, цифровой и информационной безопасности (включая борьбу с фейковой информацией в интернете), которые в наши дни рассматриваются как одно из главных условий социальной и внутривластной стабильности.

В цифровых сетях, где проблемы, связанные с коронавирусом, становятся самыми обсуждаемыми, выдвигаются covid-инфлюенсеры – новые лидеры мнений, которые зачастую лоббируют вполне определенные бизнес-интересы (к примеру, скрытые агенты фармацевтических производств или лоббисты востребованных дистанционных сервисов). Формально не будучи связанными с политической сферой, они образуют сетевые узлы влияния и формируют социальные настроения в интересах тех сил, которые представляют. Таким образом, мы видим ситуацию, когда неполитические сетевые игроки продвигают альтернативные сценарии реагирования на кризис, фактически вмешиваясь в прерогативу власти, в область принятия политико-управленческих решений.

Говоря о социальных уроках пандемии и факторах ее влияния на структуру общества, следует отметить, что наибольшую приспособляемость сегодня демонстрируют работники, способные получать стабильный доход, используя альтернативные (онлайн-овые) формы занятости, люди, которые обладают необходимыми для этого знаниями, навыками и специализациями. Кризисный опыт, таким образом, подчеркивает роль технологической компоненты социального развития – чем органичнее человек вписан в цифровую реальность, тем больше у него возможностей сохранить свой материальный статус и положение на рынке труда.

С определенностью можно сказать, что представители социальных слоев, которые не имеют достаточных умений, а также технических возможностей доступа к высокоскоростному интернету, будут находиться в уязвимом, маргинализированном положении. Это вновь возвращает нас к проблеме цифрового неравенства как одной из форм неравенства социального, характерной для эпохи цифросетевого развития.

ГОТОВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ К ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ

*Мосиенко Ольга Сергеевна
(ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет")*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-04-60466.*

Завершается первая волна пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и пора вернуться к решению актуальных системных проблем российского здравоохранения. Одной из которых является реализация федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ» в 2019-2024 гг. в рамках выполнения Национального проекта «Здравоохранение». Целью проекта, с объемом финансового обеспечения в 600 млн. руб. из федерального бюджета, заявлено повышение эффективности функционирования системы здравоохранения путем создания механизмов

взаимодействия медицинских организаций на основе ЕГИСЗ и внедрения цифровых технологий, платформенных решений до 2024 года, формирующих единый цифровой контур здравоохранения [1,1].

Основное препятствие, мешающее развитию цифрового здравоохранения – это консервативность медицинского сообщества и недоверие к новым технологиям. Врачи старшего поколения в основном скептически относятся к инновациям, предпочитая традиционный порядок работы больницы и взаимодействия с пациентами. В начале 2020 г. компания «Медицинские информационные решения» [2], создатель таких цифровых сервисов и мобильных приложений как «Справочник врача», «Мое здоровье», «Медицинская Россия» провела всероссийский опрос с целью оценки готовности врачей к применению новых цифровых технологий. В опросе приняли участие 3,264 врачей из 85 субъектов РФ. Среди респондентов 87,3% работают в государственных медучреждениях, 6,7% - в коммерческих, 5,9% - в ведомственных [3].

Полученные результаты свидетельствуют, что почти половина врачей не может отказаться от бумажных медицинских карт: 37% респондентов совсем не могут отказаться, «иногда» без них могут обойтись 11% респондентов. Полностью перешли на электронный формат работы только 2,7% врачей в государственных медучреждениях, 15,7% - в коммерческих медучреждениях, в ведомственных - 2,3%. Об использовании системы электронных больничных в ходе обследования рассказали 77% врачей, из которых три четверти работают в регионах, а в Москве - меньше половины. Аналогичная ситуация и с выдачей электронных рецептов. В регионах 6,4% респондентов рассказали, что электронные рецепты передаются из медучреждений в аптеки автоматически. В столице этот показатель достигает только 5%. В бумажном виде рецепты заполняют 57% опрошенных врачей в регионах, 49% врачей в Москве. Сопредседатель Гильдии защиты медицинских работников, правовой эксперт в сфере здравоохранения А.М. Юсуфов отметил, что в некоторых регионах цифровые сервисы действительно внедряются в медицину быстрее, чем в Москве, например, в Татарстане и нескольких районах Подмосковья. Около 40% врачей хотя бы раз за последний месяц проводили дистанционные консультации, почти половина которых - телемедицинские услуги по телефону. Предпочтительными средствами связи с пациентами являются телефонные звонки и мессенджеры, реже врачи пользуются электронной почтой и социальными сетями. При этом в исследовании подчеркивается, что подавляющее большинство врачей (97,6%) оказывают телемедицинские услуги бесплатно, т.е. неофициальные консультации по телефону без использования необходимых инструментов: защищенных каналов связи, безопасного хранения персональных данных, соответствующей идентификации пациентов и врачей. Лишь 3,5% опрошенных отметили, что в их организации используют технологии виртуальной или дополненной реальности.

1. Паспорт федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)».
2. Медицинские информационные решения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medsolutions.ru/#/> (дата обращения 01.10.2020)
3. Эксперты оценили готовность врачей к цифровым технологиям (22.04.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pro.rbc.ru/news/5e9f4b499a7947a4a82869bc?utm_source=tw_rbc&utm_medium=social&utm_campaign=preview&utm_content=5e9f4b499a7947a4a82869bc (дата обращения 01.10.2020)

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Новоселова Елена Николаевна
(*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова*)

В современных условиях научно-технического прогресса и глобальной информатизации цифровизация процессов оказания медицинской помощи и здравоохранения в целом становится объективной реальностью. Мировая практика демонстрирует как социальную (повышения доступности и качества медицинского обслуживания) и экономическую эффективность (снижение расходов, связанных с госпитализацией и реабилитацией пациентов) цифровизации здравоохранения, так и определенные ограничения и риски (один из них - безопасность данных пациентов) с нею связанные [1]. На 2019 год мировой рынок диджитал-медицины составил \$175 млрд и прогнозируется рост почти в четыре раза к 2026 (\$657 млрд) [2].

Пандемия коронавируса «добавила масла в огонь» и показала необходимость ускорить цифровизацию здравоохранения. Речь здесь идет о цифровизации в широком смысле, а не только получении консультации врача он-лайн. Например, очень актуален вопрос дистанционного мониторинга медицинского оборудования, который помог бы, в условиях эпидемии, снизить риски для ответственного за него технического персонала. Еще более важен дистанционным обменом опытом врачей, сопровождение больных на амбулаторном лечении, моментальный доступ к анамнезу пациента в критической ситуации.

Для России переход части здравоохранения на цифровую платформу очень актуален, как по причине низкого уровня здоровья населения, так и из-за необъятных размеров нашей страны и огромного количества отдаленных малых населенных пунктов, в которых сложно получить квалифицированную медицинскую консультацию оф-лайн. Правда здесь стоит отметить, что в этих же регионах более всего действуют и барьеры для развития телемедицины, такие как недостаточная техническая оснащенность и цифровая грамотность населения, а подчас простое отсутствие желания у медицинских работников подключать к процессу постановки диагноза и выработки плана лечения коллег из центра, посредством он-лайн консилиума, например.

Тем не менее, цифровое здравоохранение может стать инструментом улучшения качества, доступности, эффективности оказания медицинских услуг в России. И здесь надо сказать, что цифровые технологии уже сегодня активно используются: бумажная работа постепенно переводится в электронную форму (правда от этого ее не стало меньше и она все также занимает большую часть от времени приема пациента), автоматизируются процессы медицинского обслуживания, такие как запись на прием, получение лабораторных анализов, вызов врача на дом. Понятие «телемедицина» уже не вызывает удивления, россияне информированы о возможности обратиться к врачу дистанционно (62%) и допускают для себя эту возможность: по телефону (53%) или в интернете (48%) [3].

Хотим мы этого или нет, но цифровизация – это будущее здравоохранения. Правда еще предстоит решить ряд вопросов: как связанных с технологическим фактором (проблему цифрового неравенства, неудовлетворительной подготовки медперсонала с точки зрения владения информационными технологиями), так и проблем в сфере законодательства.

1. Лясников Н.В., Хамбазаров Ш.Б. Цифровые технологии в здравоохранении как инновационный вектор развития отрасли: телемедицина // Креативная экономика. № 11. 2017.
2. Markets and Markets, Grand Market View, Transparency Market Research, BCC Research, Roland Berger analysis.
3. Телемедицина в России: сегодня и завтра // ВЦИОМ. №4246. 26 Мая 2020. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10302>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНТРОЛЯ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Попов Никита Георгиевич
(Социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова)

Научный руководитель - Добринская Д.Е.

Любое общество в целях саморегуляции продуцирует системы, координирующие поведение индивидов или их групп с социальными предписаниями и ожиданиями. В ходе общих социальных трансформаций изменяются и формы социального контроля.

Так М.Фуко описывает «общество наказания» с характерными для него формами социального контроля, осуществляющегося быстро: за проступком сразу же следует публичное жестокое телесное наказание [3, 8-10]. «Общество наказания» под воздействием культурных сдвигов, смещения акцента с тела на «душу» преступника, с искупления вины на осознание своих ошибок [3, 15], трансформировалось в общество дисциплинарное, основанное на поглощении свободы индивида, где власть дисциплины охватывает не только тело, но чувства, мысли и поступки человека [3, 63]. В 1990 году в интервью журналу «Futur antérieur» Ж.Делёз обозначил новую трансформацию: «мы приближаемся к обществу контроля, которое также функционирует уже не через изоляцию, но через постоянный контроль и мгновенную коммуникацию» [1, 222-223].

Современное общество контроля наследует основной механизм функционирования дисциплинарного общества – «паноптизм» – всеподнадзорность. Впервые в качестве социального принципа паноптизм описал М.Фуко, но метафора была заимствована у И.Бентама, предложившего в XVIII веке проект «Паноптика» – тюрьмы, где камеры образуют круг, внутри которого располагается центральная башня, служащая местом наблюдения за заключёнными. Такая архитектура тюрьмы создаёт у арестантов чувство постоянной подконтрольности. М.Фуко, перекладывая этот механизм на общество, описывал его как установление ощущения перманентного надзора, заставляющего самостоятельно следить за собственными поступками и поведением с целью избегания потенциального наказания.

В условиях пандемии COVID-19 Правительство Москвы использовало технологии «паноптизма» в целях сокращения уровня заболеваемости. С 15 апреля по 9 июня для поездок по территории Москвы и Московской области на личном и общественном транспорте требовались специальные цифровые пропуска. При передвижении по городу уполномоченные лица проверяли цифровые пропуска. В случае его отсутствия или несоответствия на индивида налагался штраф [4]. В апреле в Москве запустили систему мониторинга за пациентами с COVID-19, пребывающих на карантин в домашних условиях. Больные получали смартфоны с предустановленным приложением «Социальный мониторинг». Оно контролировало соблюдение карантина и выявляло случаи его нарушения. Приложение отслеживало геолокацию пользователя и периодически

отправляло ему уведомления с запросом дополнительной идентификации с помощью фотографии [2].

Современные общества, сталкиваясь с новыми проблемами, испытывают всё большую потребность в усилении контроля, особенно – в кризисных ситуациях. Привлекая новые технологии, они сохраняют черты дисциплинарных обществ, заставляя индивида ощущать постоянный контроль, порождая внутренний социальный контроль, выражающийся в стремлении к соблюдению дисциплины и порицанию нарушителей.

1. Делёз Ж. Переговоры, 1972–1990: [собрание писем и статей] / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. – 232 с.
2. Начала работу система контроля за больными коронавирусной инфекцией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/72140073/>.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение Тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
4. Цифровые пропуска: как будет работать пропускная система в городе [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/6434050/?utm_source=search&utm_term=serp.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО УРОВНЯ В РАМКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Попов Роман Евгеньевич

(Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии)

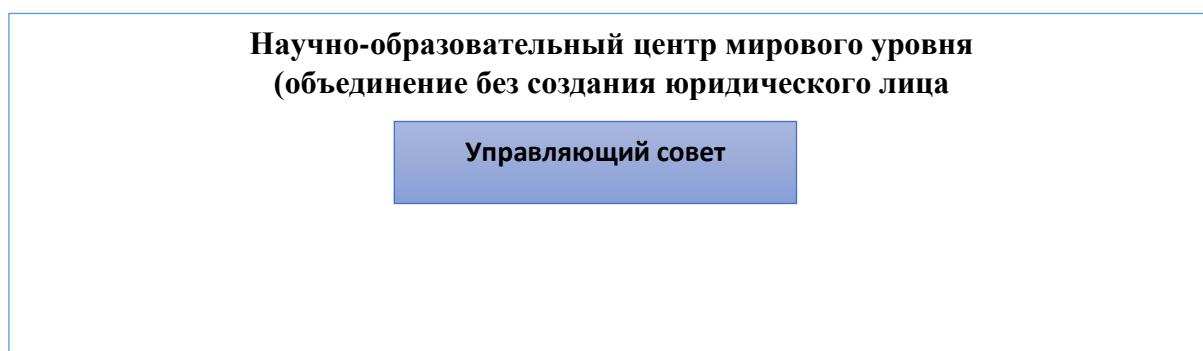
Классическим определением социального института является – приспособительное устройство общества, созданное для удовлетворения его потребностей и регулируемое социальными нормами [1,103]. В настоящее время происходит формирование социального института национальных образовательных центров мирового уровня. (далее – НОЦ) Социология не может оставаться в стороне от формирования нового социального института.

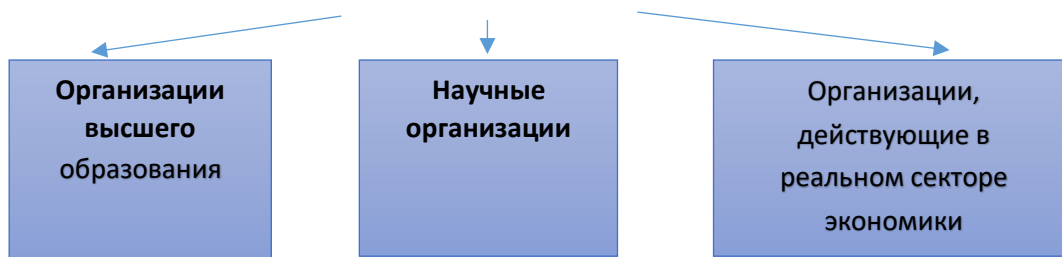
НОЦ в России созданы в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[2,18]. К октябрю 2020 года в России создано 5 НОЦ [3].

НОЦ – представляют собой поддерживаемые субъектом Российской Федерации объединения без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики, и осуществляющий деятельность в соответствии с программой деятельности центра [4, 4].

Исходя из определения можно схематично представить основную структуру НОЦ в России (рисунок 1).

Рисунок 1. Структура НОЦ в России.

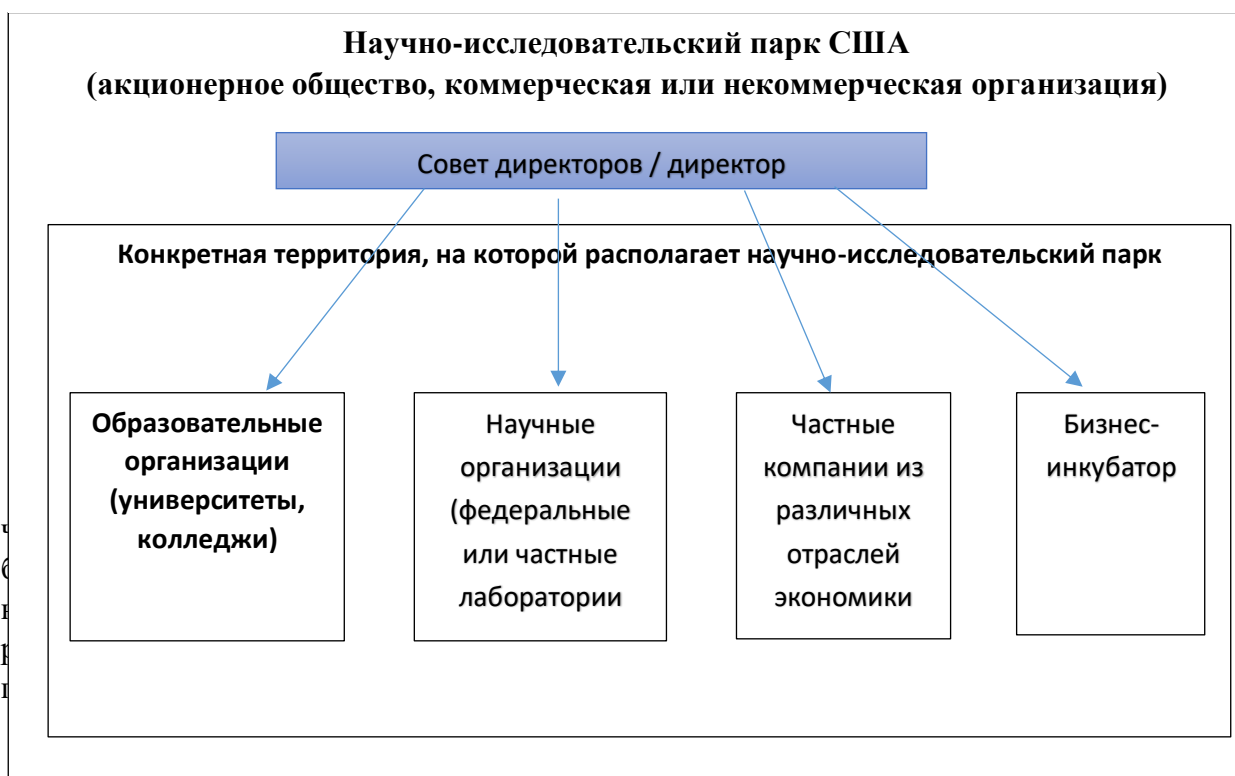
При рассмотрении зарубежного опыта стоит отметить, что организации или объединения с идентичным названием в мире отсутствуют. Однако функционируют организации со схожими целями, что и НОЦ, называются они научно-исследовательские парки (далее – НИ).

НИ можно определить как организацию, которая имеет активные связи с университетами, исследовательскими центрами и другими институтами высшего образования, созданную с целью формирования инновационной промышленности или высокотехнологических фирм, которая имеет определенную территорию, управленческую команду, активно вовлеченную в экспертизу бизнеса компаний-арендаторов». [5,440]. В США действует более 400 НИ [6].

Особенность НИ состоит в том, что каждый из них имеет собственную уникальную структуру, потому что каждый из парков самостоятельно принимает решения с какими учреждениями/компаниями им сотрудничать. Это могут быть и университеты, и государственные лаборатории, и некоммерческие организации, фирмы из различных отраслей экономики.

Приблизительную структуру научно-исследовательского парка в США можно представить следующим образом (рисунок 2).

Рисунок 2. Структура НИ в США.

Стоит подчеркнуть, что институционализация НИ в США давно закончена и НИ являются устойчивым социальным институтом государства, в то время как НОЦ еще только предстоит пройти этот путь.

Научный руководитель: Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

1. Кравченко А.И. Социология: учебник и практикум для вузов. 4-е издание. Москва: издательство Юрайт, 2020. 389 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
3. Электронный ресурс. Национальные образовательные центры международного уровня <https://xn--m1acy.xn--p1ai/centers/>.
4. Методические рекомендации по формированию программ деятельности научно-образовательных центров мирового уровня, утвержденные Заместителем Министра науки и высшего образования Российской Федерации 23.09.2020.
5. Семенова И.В., С.С. Лачинский. Научно-технологические парки в системе регионального развития США. Вестник Чувашского университета. 2010 № 2. с. 446.
6. Электронный ресурс. Ассоциация университетских исследовательских парков www.aurp.net.

КУБИНСКОЕ ЦИФРОВОЕ ЗДОРОВЬЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Пуно Очоа Ярима
(Университет Ольгин. Куба)

Санчес Родригес Виктор
(Университет Ольгин. Куба)

Пандемия Covid-19 оказалась очень неожиданной неожиданностью. Как никогда раньше здоровье населения было так под угрозой из-за болезни. Это беспрецедентная проблема, с которой сталкиваются страны по-разному, в зависимости от наличия у них индивидуальных ресурсов, организационного и дисциплинарного потенциала их обществ. Меры реагирования на пандемию были приняты не только секторами здравоохранения. Это был процесс, на который облагались налогом многие сектора, и в то же время он привел к самому развитию цифрового здравоохранения. Настоящий тезис призван показать, каким образом пандемия Covid-19 послужила катализатором развития цифрового здравоохранения на Кубе.

Национальная Система Здравоохранения Кубы является универсальной, бесплатной и инклюзивной. Его основой является первичная медико-санитарная помощь, охват которой составляет 100% населения. С точки зрения цифрового здравоохранения прибытие пандемии на остров в марте этого года является поворотным моментом. До этого Министерство Общественного Здравоохранения уделяло основное внимание поощрению использования электронной истории болезни. Это является важным рабочим инструментом в системах здравоохранения, и его использование в клинической практике приводит к повышению качества медицинской помощи. Его доступность обеспечивает немедленный доступ медицинских работников из любого уполномоченного учреждения [1, 4]. В настоящее время все медицинские учреждения не имеют нового инструмента, но ведется

работа по обобщению его использования в зависимости от технологической структуры, расположенной в этих учреждениях, и экономической доступности сектора.

На сегодняшний день эпидемиологическая ситуация на острове резко изменилась, и потребовались изменения, чтобы приспособиться к новой реальности и каким-то образом поддержать работу сектора здравоохранения. Одним из ключевых мероприятий стратегии, осуществляемой Министерством здравоохранения Кубы в борьбе с пандемией, является активное рыболовство в общине.

По словам Диаса-Канеля и Нуньеса Джовера, во время пандемии Куба показала результаты в компьютерных приложениях на службе здравоохранения, таких как: COVID-19-InfoCU, хранилище COVID-19, система управления и анализа эпиднадзора и реагирования на вспышки, виртуальный исследователь, COVID19CUBADATA, Andariego, активный промысел CINESOFT [2, 8].

В сценарии, характеризующемся изоляцией и карантином, необходимо своевременно выявлять подозрительных пациентов, что влияет на своевременное лечение и препятствует насыщению медицинских учреждений. В связи с этим было выделено инновационное технологическое применение для самовывоза: виртуальный исследователь COVID-19. Это новый инструмент для виртуальных обследований, который дополняет и поддерживает активное участие национальной системы здравоохранения в эпидемиологической борьбе. Основная цель аутопискиса заключается в выявлении в режиме реального времени лиц, которые распознаются с респираторными симптомами и могут быть подозреваемыми в этом заболевании, что ускоряет реагирование медицинского персонала и принятие решений [3].

Что касается достоверной информации, то Covid19CubaData представляет собой информационную доску в режиме реального времени о развитии пандемии на Кубе. В то же время COVID-19-InfoCU представляет собой еще один пример информационно-коммуникационных технологий, которые предоставляют обновленную информацию из Министерства общественного здравоохранения.

В целом можно утверждать, что на Кубе пандемия послужила стимулом для развития цифрового здравоохранения. Об этом свидетельствуют результаты совместной работы университета компьютерных наук, Министерства информатики и связи и Минсип, которые объединили усилия по продвижению цифрового здравоохранения в пользу стратегии здравоохранения, осуществляемой на острове. Эффективное использование этих инструментов обеспечивает сектор здравоохранения информацией в режиме реального времени, что позволяет быстро действовать медицинским персоналом. В то же время он предоставляет актуальную и достоверную информацию, которая незаменима во время заключения.

1. Orellana A. G; Vega L.I; López F. C; Salas P.O. *Plataforma cubana de Historias Clínicas Digitales eVitaе. Concepción y metodología para su desarrollo // Convención Internacional de Salud, Cuba. 2018. <http://www.convencionsalud2018.sld.cu/index.php/convencionsalud/2018/paper/viewFile/216/1005>*
2. Díaz-Canel M.; Núñez Jover J. *Gestión gubernamental y ciencia cubana en el enfrentamiento a la COVID-19 // Anales de la Academia de Ciencias de Cuba. 2020. Vol. 10, № 2. 10 p.*
3. *Ministerio de Salud Pública. Pesquisador Virtual para el enfrentamiento a la COVID-19: una autopesquisa responsable / Portal Cuba.cu, 2020. <http://www.cuba.cu/ciencia-y-tecnologia/2020-04-22/pesquisador-virtual-para-el-enfrentamiento-a-la-covid-19-una-autopesquisa-responsable/51431>*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Раитина Маргарита Юрьевна

(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники)

Покровская Елена Михайловна

(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники)

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания

«Наука», код научной темы FEWM-2020-0036

Комплексное междисциплинарное рассмотрение вопросов цифровизации образования актуализировано пандемией 2020. Сегодня формируются исследовательские подходы к осмыслению проблем общества в условиях COVID-19. В статье рассмотрены функции виртуальной коммуникативной модели интернационализации в рамках образовательной парадигмы.

Постмодерн задает вектор глубокой трансформации социальных институтов, доминирования сетевых структур [2], что востребовано процессом цифровизации образования. В свою очередь, интернационализация как способ повысить качество образования и научных исследований [1, 13], требует формирования модели и обоснования ее функций. Современные реалии в условиях пандемии обострили digital detonation («цифровую детонацию») и привели к очевидной модернизации социальности. Идеи постмодерна оказали существенное влияние на международное образовательное пространство, что проблематизировало его модернизацию. Феномен COVID-19 по сути экстренно создал условия для виртуализации образовательного пространства, что обусловило цифровизацию всех средств для достижения баланса составляющих образовательной среды.

Одной из ключевых миссий современного университета выступает дуплексное взаимодействие, включающее подготовку высококвалифицированных кадров для обеспечения технологического прорыва страны, а с другой, создания образовательной, научной, инновационной инфраструктуры как порождающей их среды.

В качестве модели управления интернационализацией в университетской среде посредством цифровых технологий предложим многовариантную матрицу коммуникативного плюрализма, предполагающую кластеризацию образовательной структуры и конструирование идентичности на основании индивидуального выбора. Данная модель носит универсальный характер, может быть использована как офлайн, так и онлайн режимах, позволяя комбинировать мировые достижения, интернациональные традиции, а также соединяя их с национальными интересами и создавая условия для непрерывного образования, социализации и самореализации. Смысл управления интернационализацией в образовании в том, чтобы развить систему, включающую триаду «человек-общество-университет», что является основой международного многоуровневого взаимодействия.

Определим основные функции модели:

- координирующая, обеспечивающая центральную администрацию с целью воздействия на поведение общества;

- модернизирующая, содействующая развитию новых форм и структур взаимодействия в образовательной среде;
- стабилизирующая \ поддерживающая, направленная на поддержание уровня фундаментальности образования;
- коммуникативно-командная, способствующая коллегиальности и выработке оптимальных решений.

Интегральное взаимодействие вышеобозначенных функций в рамках предложенной модели управления интернационализации увеличивает результативность качественных и количественных показателей при формировании высокотехнологичной интернациональной среды вуза, обусловленное социально-демографическими, геополитическими и экономическими факторами.

1. Де Вит Ханс Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mirovyh-kontseptsiy-tendentsiy-i-vyzovov-v-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya-per-s-angl> (дата обращения: 17.07.2020)

2. Раитина М.Ю., Покровская Е.М. К вопросу о методологическом обосновании этноинклюзии в обществе постмодерна // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 437. DOI: 10.17223/15617793/437/13

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МСП В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

*Сачук Денис Игоревич
(Петрозаводский государственный университет)*

Пандемия COVID-19 оказала и продолжает оказывать существенное воздействие на ключевые сферы жизни современного общества. Можно сделать предварительные выводы, что существенным изменениям подвергся стиль жизни - структурированные в пространстве и времени образцы жизнедеятельности, зависящие от материальных и культурных ресурсов и проявляющиеся в способах устройства дома, потреблении и т.п. [2;66].

Существенно изменившийся стиль жизни членов общества наносит дополнительный удар по субъектам МСП, которые испытывают не только давление объективных факторов, ограничивающих их деятельность (временное прекращение деятельности, сокращение числа клиентов, трудности личного взаимодействия с клиентом, давление ограничительных мер и пр.), но и давление изменяющегося стиля потребления, который дифференцирует субъектов МСП.

В сложившихся реалиях инструментом, позволяющим держаться субъектам МСП на плаву стало использование социальных сетей, через которые оказалось возможным поддерживать контакты с целевой аудиторией и широкой общественностью. Отличительной особенностью современного ответа на вызовы пандемии COVID-19 стало фактическое использование опыта слабых социальных связей [1;49], позволяющих существенно расширить круг потенциальных «спасателей бизнеса».

В рамках разведывательного социологического исследования нами было осуществлено 12 интервью с представителями субъектов МСП г. Петрозаводска. Была выявлена возрастающая роль слабых социальных связей по мере углубления кризисных явлений, когда помощи целевой аудитории перестаёт хватать для поддержания жизнеспособности субъекта МСП. По словам одного из респондентов: «В основе, конечно

, поддержали постоянные (клиенты), однако были Гости, помогавшие нам, с которыми лично не знаком. Под конец один из самых нечастыхGuestей закинул внезапно очень большую сумму, что стало самым неожиданным и приятным сюрпризом».

На основе разведывательного исследования нам удалось сформировать предварительную классификацию возможностей, предоставляемых современными социальными сетями для поддержания жизнеспособности субъектов МСП в условиях пандемии COVID-19:

- Переориентация деятельности для удалённого оказания услуг;
- Бронирование услуг и товаров на период после окончания или смягчения ограничительных мер;
- Поддержание взаимодействия с целевой аудиторией, чтобы не растерять её за время работы ограничительных мер;
- Поиск и привлечение новой клиентуры «на будущее» в высвободившееся время;
- Осваивание социальных сетей для привлечения средств на базе фандрайзинга;
- Поддержание интереса к субъекту МСП в глазах широкой общественности.

Данные направления использования социальных сетей, с одной стороны, носят временный характер и решают сиюминутные задачи по выживанию субъектов МСП, с другой стороны задействуют новые возможности слабых социальных связей, расширяя инструментарий современных субъектов МСП, наделяя их принципиально новой устойчивостью к кризисным явлениям, что в современных реалиях пандемии COVID-19 внушает робкий оптимизм.

Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabuyh-svyazeu> (дата обращения: 30.09.2020);

Киселев, Е. А. Основные подходы к исследованию стиля жизни в социологии / Е. А. Киселев // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 63–67.

КАРАНТИН И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

*Селиверстова Надежда
(ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет")*

О. Пивень рассуждает, что сложно представить, как бы перенесли карантин люди, далекие от технологий, которые не жили в социальных сетях, не знали о существовании онлайн-заказов еды или вещей [1]. Такая трактовка ведет к тому, что Covid 19 обострил восприимчивость российского общества к цифровым технологиям, ускорила цифровизацию российской действительности.

Более того, органы власти пришли к заключению о том, что он-лайн формат экономит временные ресурсы и повышает удовлетворенность граждан от взаимодействия с ними. Данный вывод исходит из заявления главы Минкомсвязи РФ М. Шадаева 8 сентября 2020 года. По заявлениям должностных лиц государства в России прослеживается стойкий интерес к обслуживанию он-лайн.

Своеобразным продолжением интенсификации цифровой действительности можно считать готовящийся законопроект, который обяжет ведомства формализовать процессы

оказания госуслуг и сделает возможным их полную автоматизацию, приведет к созданию «умных сервисов», минимизирующих личные контакты заявителей.

В обозначенной ситуации наблюдаются свои «плюсы» и «минусы». Полагаем, что техническая дифференциация не позволит равномерно осуществить переход к «умным услугам» [2], поставив в невыгодное положение отдаленные от центра регионы России. Кроме того, демографическая дифференциация может обострить ситуацию, поставив региональные органы власти перед выбором: какую категорию населения считать приоритетной в данных условиях.

Усложняющаяся в ряде регионов пандемическая ситуация, скорее всего, приведет к переосмыслению он-лайн формата организации жизнедеятельности в целом и на отдельных территориях, ускорит переход к «умным» сервисам повсеместно, что актуализирует возросшую нагрузку на IT-специалистов, ставя их перед новым объемом задач.

Не все области жизнедеятельности в регионе с благодарностью воспринимают наступающую цифровизацию. Региональное здравоохранение оказалось и вовсе не готово к новым реалиям: если ранее электронные услуги в здравоохранении были, но наблюдались сложности с их практической реализацией, то в современных условиях речи об ускорении получения обозначенных услуг нет в силу, по мнению министра, кадровых проблем: «Министр здравоохранения Оренбургской области не отрицает, что последние десять дней поликлиники региона очень перегружены. Болеет и огромное количество врачей. «Кадровый ресурс, к сожалению, конечен. Мы снимаем врачей узких специальностей и сажаем их на общие приемы. К работе привлечены и студенты шестого курса ОрГМУ», - сообщила Татьяна Савинова» [3].

Ранее принципы электронной очереди не работали в поликлиниках, преимущественно, ввиду наличия параллельных «живых» очередей и субъективного восприятия врачей о необходимости получения медицинской помощи. В настоящее время карантин выявил более острые проблемы в рассмотренной сфере.

Таким образом, карантин обнаружил сложности цифровой трансформации, усилил внимание региональных властей к цифровой дифференциации в территориальном развитии.

1. Пивень О. Как цифровые технологии продолжают менять современный мир // *Официальный сайт Сайта Snob.ru*. – Режим доступа: <https://snob.ru/entry/196939/>
2. Электронные госуслуги // *Официальный сайт ZDRAV. Expert Medtex-портал*. – Режим доступа: http://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8
3. МИНЗДРАВ ПРОКОММЕНТИРОВАЛ ОГРОМНЫЕ ОЧЕРЕДИ В ПОЛИКЛИНИКАХ ОРЕНБУРЖЬЯ // *Официальный сайт Вконтакте*. – Режим доступа: https://vk.com/orenburg_vk

СЛОВАРЬ ПАНДЕМИИ В ИГРОВЫХ СТРИМАХ И LET'S PLAY-ВИДЕО

*Сергеева Ольга Вячеславовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00625А "Развитие компьютерных игровых проектов в социологических исследованиях"

Одно из главных медийных изменений десятых годов XXI века – массовизация практики просмотра видео в социальных сетях, в том числе потоковых трансляций, что теснит обращение к традиционным вещательным СМИ, таким как телевидение. Развитие онлайн-платформ для обмена контентом преодолело разрыв между создателями и потребителями и значительно изменило способ производства (user-generated content), распространения и потребления новостей, развлечений, образовательной информации и т.д. В ряду популярных феноменов - игровые стримы и летсплеи («Let'sPlay»), которые, по мнению автора, выходят за рамки только игровой культуры, становясь публичными аренами, где озвучиваются и получают общественное внимание различные идеи.

Весна 2020-го года дала огромное количество инфоповодов, обусловленных пандемией. Игровые стримы и летсплеи наряду с другими коммуникативными средами освоили COVID-тематику. В связи с чем автор дает анализ того, как в развлекательных медиа - игровых стримах и летсплеях - преломляется актуальная общественная повестка дня, связанная с коронавирусом. Корпусом анализируемых материалов стали русскоязычные стримы и летсплеи, опубликованные с марта по июнь включительно на платформах Youtube и Twitch, в названии которых фигурирует «словарь пандемии» (COVID19, ковид, коронавирус и т.п.). С помощью дискриптивно-аналитического метода анализировалась вербальная составляющая, так называемых, «этикеток» видео-текстов – названий, слоганов, модификаций имени комментаторов. Были рассмотрены также реплики в чатах игровых стримов.

Выводы о словаре пандемии строились в перспективе социологических идей о публичных аренах. Автор показывает, как событийный контекст пандемии представлен в медийном сегменте игровых развлечений и обосновывает понятие – disastainment или рассказ о рисках в развлекательной форме. Обсуждается также фольклорный аспект стримов и летсплеев, поскольку этот контент хотя и связан с какой-либо комментируемой компьютерной игрой, но игра в данном случае становится паратекстом, а в центре оказывается комплекс высказываний народных лидеров мнения.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ТРИГГЕР ЦИФРОВИЗАЦИИ.

*Сошнев Александр Николаевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Сошнев Елена Борисовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Пандемия COVID-19 стала вызовом для всего мирового сообщества. Темпы распространения коронавирусной инфекции оказались беспрецедентно высокими. Они стали испытанием не только для медицины и вирусологии, но для социально-экономической организации общества.

Современное состояние мирового сообщества можно охарактеризовать как системный кризис. Политический и экономический кризис, в свою очередь, проявляется в социальном кризисе, в неудовлетворенности своим социальным положением и, как следствие, властью разных уровней. Социальный кризис выражается в разных странах различным образом – как движение за права социальных групп, меньшинств, религиозных общностей. По сути формируются принципиально новые взаимоотношения между государством и гражданами. Государство становится крупнейшим субъектом сферы мобильных приложений.

Карантинные условия на всех уровнях изменили привычный образ жизни. Образовательные учреждения, организации сферы услуг, предприятия транспорта, производственной сферы установили ограничения на присутствие сотрудников на рабочих местах в соответствии с рекомендациями Роспотребнадзора. Введенные ограничения во всех сферах деятельности негативно отразились на экономических результатах. Сфера туризма, транспорта, гостиничный бизнес, деятельность театров и концертных залов понесли существенные убытки. Для их восполнения приняты меры экономической поддержки, включающие целевое финансирование и налоговые льготы.

Сфера информационных технологий в условиях пандемии COVID-19 оказалась в двойственном положении. С одной стороны, существенно сократились заказы на разработку. Больше всего пострадали ИТ-компании, разрабатывающие решения для туризма, гостиниц, пассажирского транспорта. Рынок программного обеспечения упал на 30-50 %. Введение жестких ограничений, особенно в начале пандемии, способствовало оттоку ИТ-специалистов за рубеж.

Вместе с тем компании, предлагающие дистанционные сервисы, сохранили рост. К сожалению, отечественных разработок в этом направлении не очень много. Применяемые в образовательных технологиях платформы MS Teams, Zoom – зарубежные.

ИТ-технологии как коммуникативный инструмент в условиях пандемии часто оказывается единственно возможным для жизнеобеспечения граждан, особенно возрастной категории 65+. Можно наблюдать активное вовлечение в ИТ-сферу граждан старших поколений. Они вынуждены осваивать различные приложения и сервисы. В этом отношении пандемия действительно оказывается триггером цифровизации. Она заставляет людей осваивать цифровые технологии.

К сожалению, пандемия выявила наличие узких мест в цифровизации. В первую очередь необходимы отечественные ИТ-разработки, которые бы носили комплексный характер, составили бы полный стек ИТ-продуктов. Отдельные ИТ-решения, разрабатываемые как альтернатива зарубежным аналогам, представляют собой «заплатки». Доля отечественных ИТ-разработок в отраслях экономики остается не очень высокой. Многие предприятия работают с зарубежными поставщиками.

Пандемия не изменила технологическую базу, но она поставила проблемы цифровизации в число приоритетных.

ОПЫТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ.

*Титова Юлия Сергеевна
(МГППУ)*

В столь тяжелое для всего мира время, связанное с распространением коронавирусной инфекции, в сфере образования России происходят тотальные изменения. Пандемия заставила родителей, учащихся и учителей взглянуть на мир образования под новым углом. В частности, был разрушен традиционный подход к обучению «ученик – учитель», и в тоже время открыты новые грани образования.

Как же начиналось дистанционное обучение в большинстве школ города Москвы, особенно в начальных классах? Учителя просто пересылали задания по электронной почте, для самостоятельного выполнения. И весь процесс обучения ложился на плечи родителей.

Необходимо было в кратчайшие сроки провести обучение учителей, подключить и запустить дистанционные сервисы. Были подключены онлайн сервисы, такие как

Яндекс.Учебник, МЭШ, Учи.ру, ЯКласс, Фоксфорд. Широко использовался мессенджер WhatsApp.

И только к концу учебного года, преподаватели начали использовать облачные платформы (Zoom, Skype и т.п.) и организовывать конференции для ребят, которым плохо удалось усвоить весь пройденный материал или кто желал закрепить пройденное.

Среди основных причин трудностей, возникших при переходе на дистанционное обучение, явилась низкая компьютерная грамотность всех участников образовательного процесса. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ только лишь у 12% россиян компьютерная грамотность выше базового уровня [2]. Среди педагогов школы ситуация с компьютерной грамотностью не лучше. Каждый третий учитель слабо владеет компьютером [7]. Кроме того, только в каждой пятой школе скорость интернета позволяла полноценно работать в Сети [1]. По данным опроса 34% родителей российских школьников отмечают низкое качество Интернет-соединения [3].

Так же проблемой для родителей стало техническое обеспечение ребенка, не в каждой семье имелся компьютер или ноутбук, были случаи, когда ребята занимались посредством мобильного телефона или планшета. А если в семье не один ребенок, как поделить в среднем один компьютер на семью.

Несмотря на все проблемы, связанные с переходом на дистанционное обучение, все участники процесса смогли полностью адаптироваться к нововведениям. Конечно, живое общение еще никто не смог заменить. Однако цифровизация школы позволит качественное образование сделать общедоступным [5]. Так как расширяя границы дистанционного обучения, можно в «глубинке» получать образование не хуже, чем в крупных городах, привлекая к этому процессу педагогов, обладающих высокими профессиональными качествами [6].

По мнению экспертов ОНФ, после первого шока и появления новых специалистов по налаживанию дистанционного образования интерес к нему значительно вырастет, в том числе с точки зрения получения дополнительного образования несмотря на нынешние проблемы [4].

И все же необходимо учиться находить «золотую середину», наряду с традиционной формой преподавания открывать и воплощать новые цифровые возможности преподавания.

1. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире <https://ioe.hse.ru/news/380040817.html>
2. Баранников А.Л., Иванова С.П. Проблемы создания эффективных систем современного бизнес-образования в России // В сборнике: Вузское образование как новая реальность. Сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции. Москва, 2020. С. 5-9.
3. Итоги опроса оценивших дистанционное обучение родителей и школьников <https://onf.ru/2020/04/14/onf-predstavil-itogi-oprosa-ocenivshih-distancionnoe-obuchenie-roditeley-i-shkolnikov/>
4. Кухмарь К. Россияне назвали основные недостатки дистанционного обучения // Тасс <https://tass.ru/obschestvo/9547511>
5. Савченко И.А., Сошникова К.М., Скундина Е.А., Борисов А.А. Актуальные проблемы управления образованием в современной России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1 (68). С. 191-194.
6. Смитюк Ю. Компьютерная грамотность россиян оказалась ниже, чем у жителей Евросоюза // Тасс Наука <https://nauka.tass.ru/nauka/8924327>
7. Dunets A., Penkova A., Potekhina E., Gribkova O., Nikolaeva A., Smirnov D. Cluster as a form of resort development: organizational and managerial structure // International

ЦИФРОВАЯ СРЕДА В БИЗНЕСЕ.

*Хижнякова Марина Сергеевна
(МГТУ им. Н.Э. Баумана)*

Высокие темпы цифровизации всех сфер жизни человека нашли отражение и в бизнесе: появляются новые технологии и много новых функций, с помощью которых, мы можем, не выходя на работу в офис, провести заседание или презентацию из любой точки мира. Особенно это движение стало заметно в условиях пандемии. Коммуникация с коллегами и руководством происходит online, также, все важные документы хранятся в компьютере в постоянном доступе, облачные сервисы хранения данных становятся повседневным инструментом работы.

Цифровизация в современном бизнесе - это внедрение современных технологий, таких как роботизация, чат-боты, анализ больших данных и машинное обучение в бизнес-процессы предприятия, а также пересечение реального и виртуального мира. Так, автор теории «виртуального общества» А. Бюль называет виртуальный мир «зеркальным». Ведь в каждой подсистеме общества образуются «параллельные» миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов. А процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства – как место воспроизводства общества, - пространством виртуальным А. Бюль называет виртуализацией [1]. Примером «зеркальности» миров может служить хранение документов, как на бумажных носителях, так и в компьютере, коммуникационные процессы перенесены в онлайн пространство, выполнение задач и отслеживание их выполнения – всё это составная часть виртуализации бизнеса.

Процессы цифровизации не прошли стороной и Россию, хотя бизнесмены видят смысл и реальную эффективность внедрения новых технологий, но страх перед новым и боязнь рисков присутствует. Основные риски – это несоответствие соотношения затрат и выгод, кадровые вопросы (нежелание сотрудников осваивать новые технологии и приобретать новые навыки), безопасность, стоимость или финансовые риски. Но, с другой стороны, цифровизация необходима в бизнесе для упрощения работы и развития большего спектра возможностей. Конечно, здесь играет роль и мотив престижа - не отставать от партнеров и общаться с ними наравне. Например, Болат К.Е. и Новокшанов Н.А. в статье «Влияние автоматизации на будущее рабочей силы» пишут, что «Несмотря на то, что ИИ и автоматизация приносят пользу бизнесу и обществу, нам нужно подготовиться к серьезным сбоям в работе. Применение ИИ и автоматизации могут угрожать социальной стабильности, способны вызвать экономическую напряженность, если экономические блага не распределены равномерно» [2]. То есть, риски существуют и возможно даже серьезные, но, полная цифровизация, «комфортный» и удобный бизнес, подразумевают необходимость перемен. В плюс информатизации бизнеса можно отнести и сокращение безработицы за счет формирования новых рабочих мест, будут появляться новые профессии, ориентированные на модернизацию в бизнес сфере.

Главное в цифровизации это переход реального мира в виртуальный и возникающий, в связи с этим вопрос: «Виртуальность в бизнесе и есть реальность?». Скорее всего, да и это обусловлено тем, что все процессы коммуникации и обработки документов происходят в компьютерах – в виртуальном мире. Так что для сотрудников виртуальный мир уже как

вторая реальность, где они проводят весь свой рабочий день. Но работа в таком формате, гораздо удобнее – сокращается количество бумажной работы, доступность любых документов, простота организационной коммуникации внутри компании. Так что, чем больше функций и возможностей будет в виртуальном мире для бизнеса, тем удобнее и быстрее будет идти работа.

Цифровизация в той или иной степени коснулась каждой отрасли бизнеса, и это только начало. Предприятия, нацеленные на успех и развитие, обязаны принимать вызовы современной экономики - только в таком случае они смогут стать лидерами. Именно в этом им и поможет цифровая трансформация. Внезапно человечество столкнулось с пандемией и с новой реальностью, так как пандемия стала самым сильным фактором, ускоряющим технологические изменения на данном этапе развития цифровых технологий [3]. В связи с пандемией, всем компаниям пришлось перейти на удаленную работу, что напрямую связано с цифровизацией и именно в данный период можно увидеть, что бизнес в России готов к цифровизации, но не в полной мере. Так как большинство компаний впервые попали в подобную ситуацию, это принесло много сложностей. Одно из последних исследований на тему: «Цифровая экономика. Российский бизнес и искусственный интеллект: от бизнеса к обществу» провела доцент департамента социологии НИУ ВШЭ - Ольга Логунова. Данные по исследованию были представлены на конференции ВЦИОМ на тему «Люди и цифра: в поисках синергии». Исследование было направлено на определение затрат, пользы и рисков цифровизации в бизнесе в будущем, а также на определение того, что сейчас происходит с внедрением искусственного интеллекта в бизнес.

По результатам исследования, внедрение ИИ улучшает экономику и повышает ВВП страны. Но главная проблема в том, что 94% руководителей считают, что ИИ поможет решить стратегические задачи развития бизнеса, но только 27% компаний в мире уже интегрировали ИИ в ключевые процессы и сервисы и 46% компаний реализуют один или несколько пилотных проектов. Это только начало цифровизации и пока большинство только планирует, некоторые уже внедряют в бизнес новые технологии и в ближайшие 5 лет в качестве экономической выгоды их ждёт: 90%- рост бизнеса, 86% - увеличение производительности, 84% - развитие инноваций, 68% - создание новых рабочих мест. Наиболее часто в бизнесе используют такие технологии как анализ изображений, виртуальные помощники, предиктивный анализ, машинное обучение, обработка естественного языка. В настоящее время лидерами по внедрению и использованию искусственного интеллекта на российском рынке являются промышленные предприятия, банки, телекоммуникационные компании и ритейл. Именно в данных сферах было положено начало цифровизации бизнеса, со временем скорее всего будут добавляться новые сферы, но главное, что процесс перехода на цифру начался и людям придется адаптироваться к новым вызовам XXI века.

По данным опроса 58% российских специалистов и экспертов в области искусственного интеллекта считают, что оптимизация бизнес-процессов является основным преимуществом использования технологий ИИ для бизнеса. И действительно, с появлением ИИ в бизнес-процессах будут разрабатываться новые продукты и услуги, которые будут необходимы для усовершенствования и упрощения работы, а также которые будут наиболее востребованы среди пользователей. Качество данных услуг и продуктов должно поднять производительность труда, также будет улучшено взаимодействие с клиентами благодаря ботам, которые смогут всегда ответить на любые вопросы клиентов в режиме online.

Ещё один результат опроса показал, что 48% российских специалистов и экспертов в области искусственного интеллекта называют риски проектной реализации (нехватка кадровых или инструментальных ресурсов для эффективного внедрения) основным риском использования технологии ИИ бизнесом, так как инновации всегда сопровождаются высокой степенью рисков. Один из главных рисков - это несоответствие соотношения затрат и выгод [4]. Ещё одним немаловажным риском является кадровый вопрос – желание и способность осваивать новые технологии персоналом. Рисков много, и главная задача цифровизации в бизнесе – это формирование представления и механизма перехода к новым технологиям без больших потерь.

Таким образом, проанализировав ситуацию с цифровизацией в современном бизнесе, можно отметить, что бизнесмены видят стимул к внедрению технологий, но боятся рисков. В некоторых сферах, таких как, например, банки, промышленные предприятия, телекомы и ритейлы, это удалось особенно хорошо, что дало положительный результат и возможность развиваться дальше. Так как большинство развитых стран уже перевели большую часть организационной деятельности в виртуальный мир, то со временем и не затронутые сферы перейдут на новый уровень и проведут цифровизацию. Следует отметить, что цифровизация играет очень важную роль в бизнесе, поэтому несмотря на риски нужно стараться переходить на новые технологии, которые будут только способствовать росту бизнеса.

Источник № 1. Становление информационного общества: Эффект присутствия и виртуальная реальность, Алиева Н. З., Ивушкина Е. Б., Лантратов О. И. [Электронный ресурс]/Научная электронная библиотека. 2008 г. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=642> (Дата обращения: 26.07.20)

Источник № 2 Влияние автоматизации на будущее рабочей силы, Болат К.Е., Новокшанова Н.А. [Электронный ресурс]/ CyberLeninka: Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2018 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-avtomatizatsii-na-buduschee-rabochey-sily/pdf> (Дата обращения: 31.07.20)

Источник № 3 Технологии карантина: какую цифровизацию ускорила пандемия, Павел Гонтарев [Электронный ресурс]/РБК: 2020 г. URL: <https://www.google.ru/amp/s/pro.rbc.ru/amp/news/5e85ee949a7947feab2c9156>

Источник № 4 Цифра: возможности и риски, Тутов Д. [Электронный ресурс]/Экономика и жизнь. 2019 г. URL: <https://www.eg-online.ru/article/398960/> (Дата обращения: 26.07.20)

ПОКОЛЕНИЕ COVID-19: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРИВЫЧЕК

*Цыма Ираида Сергеевна
(Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого)*

Дашкова Екатерина Игоревна

Пандемия представила миру новые условия социальной реальности: самоизоляция, цифровизация всех общественных процессов и перенос практически всей жизни в онлайн. Под влиянием нового общества неизбежно произошла трансформация потребительских привычек как в мире, так и в России. Многие исследования говорят, что определенные тренды поведения людей развиваются именно в ответ на воздействие пандемии.

Американское коммуникационное агентство Hotwire Global выпустило исследование о том, какие новые потребности возникли у потребителей [1]. Главная и все

еще растущая тенденция — инвестиция в себя, не только посредством обучения новым навыкам, но и, например, путем скачивания приложений для медитации.

Несмотря на массовую озабоченность сохранностью своего здоровья от COVID-19, есть обратная сторона: все остальные проблемы со здоровьем игнорируются, потребители избегают врачей других специальностей.

Постоянный поиск развлечений приводит потребителей к поглощению новых для них форматов контента. Также появляется своеобразный страх, что однажды развлечения закончатся.

Приближаясь к российской реальности, стоит рассмотреть исследование технологической компании Criteo о потребительском поведении, проведенное в мае 2020 года [2]. Среди множества новых цифровых привычек россиян указаны: покупка товаров онлайн (35,06%), совершение покупок через мобильное приложение (26%), заказ еды с доставкой на дом (24%), покупка продуктов питания онлайн (22%), видеозвонки с друзьями и семьей (41%), работа из дома (40%), смотреть фильмы на стриминговых платформах (32%).

Так, выяснилось, что каждый 4 из 10 потребителей за время самоизоляции впервые сделал покупку в онлайн-магазине. Отмечается, что рост покупок в онлайн-среде будет расти перманентно, став новой потребительской привычкой.

Более 90% респондентов, которые открыли для себя услугу онлайн-шопинга, отметили, что будут продолжать пользоваться новой функцией. Важными аспектами покупки являются предлагаемые компанией условия доставки: бесплатно или по разумной цене, бесконтактно, то есть без общения с курьером, предварительно оплатив заказ на сайте. Наиболее популярными категориями покупок стали хозяйственные товары, продукты питания, косметика и средства личной гигиены.

О позитивном отношении россиян к их новым потребительским привычкам говорят следующие результаты: 44% респондентов отметили, что кризисный период COVID-19 был хорошей возможностью внести изменения в их образ жизни и привычки.

1. Исследование Hotwire Global Considerations for marcomms professionals in adapting to new consumer needs. URL: <https://insights.hotwireglobal.com/post/102gczr/whats-trending-technology-topics-in-the-covid-19-era>

2. Исследование Criteo's Peakto Recovery Survey, весь мир, 13-29 мая 2020 года URL: https://www.criteo.com/ru/wp-content/uploads/sites/10/2020/07/Deck-Top-10-Consumer-Survey-Trends-2020_RU.pdf

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Шаброва Нина Васильевна
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Ершова Виктория Эдуардовна
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Исламутдинов Тимур Илясович
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности»

Пандемия коронавируса оказала влияние на все сферы жизни. Не обошла она и образование. Процесс обучения в краткие сроки был переведен в дистанционный формат. Это актуализировало полемику относительно достоинств и недостатков дистанционного обучения, идущую в научном поле последнее десятилетие. Целью данной работы является анализ возможностей и рисков онлайн-обучения в высших учебных заведениях, актуализированных условиями пандемии.

Дистанционное обучение открывает для обучающегося ряд возможностей. К ним можно отнести: открытость информационной образовательной среды [1, 29]; взаимодействие между участниками учебного процесса на расстоянии; низкая стоимость обучения, обеспечивающая доступность для населения [2, 7]; высокий уровень окупаемости и т.д.

Вместе с тем выделяются и риски дистанционного обучения: высокие требования к мотивации обучающихся, умению самостоятельно учиться; ограниченные возможности использования традиционных технологий обучения, формирования некоторых компетенций; технические барьеры для жителей территорий, удалённых от центра [3, 221]; особый тип взаимодействия с преподавателем [4, 45] и т.д.

Для изучения оценки молодежью аспектов онлайн-обучения в условиях пандемии в исследование авторского коллектива УрФУ, проведенного в летом 2020 г., было включено ряд вопросов по данной теме (выборка квотная, n=1042 чел.).

В качестве переменных для оценки были предложены такие как качество информационных технологий, качество образования, учебная успеваемость, мотивация к образованию и умение самостоятельно учиться. Выяснилось, что переход на онлайн-обучение в большей мере негативно отразился на качестве образования (65,9%) и мотивации студентов (53,2%). Вместе с тем более трети опрошенных студентов (34,1%) отметили улучшение учебной успеваемости. Полученные данные свидетельствуют о противоречии, возникающем при онлайн-обучении студентов: повышении академической успеваемости при снижении качества образования.

Полагаем, что для преодоления данного противоречия необходимо уделить особое внимание 1) формированию образовательной мотивации молодого поколения; 2)

разработке и внедрению новых педагогических технологий обучения в онлайн формате и обучению им преподавателей.

1. Курицына Г.В. *Сущностно-содержательные характеристики дистанционного обучения в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. №2. С. 26-39.*
2. Андриухина Т.Н. *Дистанционное обучение в вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. №2 (26). С. 6-10.*
3. Горovenko Л.А. *Организация дистанционного обучения с использованием Интернет-технологий // Вестник АГУ. 2018. №4 (231). С. 220-225.*
4. Киреев Б.Н. *Онлайн обучение и «смешанное» обучение в вузе: плюсы и минусы // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке. 2019. Т.10 (36). С. 42-49.*

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Шушунова Татьяна Николаевна

(Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка)

Актуальная ситуация сейчас такова, что угроза здоровью человека, вследствие охватившей мировое пространство пандемии, приобретает угрожающий характер. Вынужденная и осознанная самоизоляция населения как мера предотвращения распространения «ковид 19» является наглядным примером того, что самосохранение индивида - это не столько показатель инстинктивного импульсивного действия, сколько результат сформированных ранее установок на сохранение себя, выступающих в качестве регуляторного механизма в индивидуалистических поведенческих моделях.

Процесс цифровизации в самом широком смысле означает внедрение преобразованной цифровой информации в различные сферы общественной жизни, в следствие чего каждый желающий получают доступ к ее результатам.

Изучение биологической ориентации самосохранительного поведения методом неоконченных предложений, позволило выделить ряд маркеров в свободных высказываниях, на примере которых можно рассмотреть реальные цифровые возможности по сохранения себя в домашних условиях. Это, прежде всего, физическая активность, питание, безопасность.

Так, физическая активность в условиях самоизоляции может реализовываться через ряд обучающих мобильных приложений (Fitbit Coach, MyFitnessPal, Nike Training Club, и т.д.), которые предлагают освоить йогу, накачать мышцы, получить план силовых тренировок т.д. Востребованность домашних тренировок подтверждают результаты бесплатного марафона, организованного Всероссийским физкультурно-спортивным обществом «Трудовые резервы», в котором приняло участие более 11,8 тыс. человек из Украины, Финляндии, Беларуси, Германии, Испании, Черногории, Латвии, Казахстана, Таиланда и Турции и т.д..

Питание играет важную роль в профилактике нарушений здоровья в период эпидемии COVID-19. Принципы правильного питания в режиме самоизоляции были открыты в широком доступе на сайте ВОЗ. Результаты международного исследования, в котором приняло участие 15 государств, изучающее изменения пищевых привычек во время карантина на примере Литвы показало, что каждый второй опрошенный во время карантина ел больше, чем обычно, а также увеличил частоту перекусов.

Безопасность человека при всеобщей самоизоляции в связи с распространением пандемией поставила мир перед необходимостью по-иному взглянуть на цифровые возможности. Сохранять превентивно безопасность человека можно путем отслеживания перемещения людей по смартфонам для получения данных о возможных маршрутах распространения вируса, путем предоставления по запросу властей свои «селфи» с GPS-координатами, а также носить специальные браслеты, позволяющие отслеживать месторасположение и т.д..

Таким образом, реализация биологической направленности самосохранительного поведения в условиях цифровизации обеспечивается широким диапазоном возможностей, которые облегчают доступ к адаптированной по форме информации, призванной реализовать практически биологическую ориентацию самосохранительного поведения, через физическую активность, принципы правильного питания и безопасность.

1. Костенко Я. Шаговая доступность: кто эффективнее занимается спортом на самоизоляции [Интернет]. – Режим доступа : <https://iz.ru/999365/iaroslava-kostenko/shagovaia-dostupnost-kto-aktivnee-zanimaetsia-sportom-v-samoizoliatcii> . Дата доступа 5.10.2020.
2. Полезные продукты и здоровое питание: как правильно питаться во время самокарантина [Интернет]. – Режим доступа: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/technical-guidance/food-and-nutrition-tips-during-self-quarantine> . Дата доступа 5.10.2020.
3. Фастфуд не ели, но в весе прибавили: как питались жители Литвы на карантине [Интернет]. – Режим доступа: <https://lt.sputniknews.ru/society/20200606/12322724/Fastfud-ne-eli-no-v-vese-pribavili-kak-pitalis-zhiteli-Litvy-v-karantin.html> . Дата доступа 5.10.2020.
4. Технологии vs. коронавирус: взгляд из Беларуси [Интернет]. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/tehnologii-vs-koronavirus-vzglyad-iz-belarusi/> Дата доступа 5.10.2020.
5. Шуцунова Т.Н. Изучение биологической ориентации самосохранительного поведения студенческой молодежи с использованием метода незаконченных предложений // Весці БДПУ». - 2011. - №3. - Сер.2. - С.43 – 47.

СЕКЦИЯ 8. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Бистяйкина Динара Асымовна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва)

Соловьева Татьяна Владимировна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва)

Панькова Елена Геннадьевна

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва)

Информационные технологии в последние годы радикально изменяют производство, быт, досуг, удовлетворение социальных потребностей и способы социальной адаптации и социализации индивидов и групп.

В современной России проблема совершенствования социальной сфера является одной из актуальных задач, поскольку только ее эффективное функционирование может обеспечить стабильность и прогресс развития общества. Одним из важнейших направлений инновационного развития социальной сферы, в условиях информационного развития, является применение информационных технологий.

Одним из ключевых законодательных документов, регулирующих использование информационных технологий в практике социальной работы, стал Федеральный закон от 28 декабря 2015 г. № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» [1]. Данным законом были внесены изменения в Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который законодательно закрепил введение единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО).

ЕГИССО – федеральная государственная информационная система, создаваемая в целях обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также организаций, предоставляющих меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты, информацией о мерах социальной защиты (поддержки), социальных услугах в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантиях и выплатах, предоставляемых населению в Российской Федерации за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, путем использования инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и

муниципальных функций в электронной форме, входящей в инфраструктуру электронного правительства [2].

Охарактеризуем состояние информатизации органов социальной защиты населения как основного звена социальной поддержки населения России.

1. Программная Система «Общегородской интегрированный банк данных распределенной автоматизированной системы обработки информации по СЗН» предназначена для сбора, хранения, обработки данных и проведения комплекса расчетов по формированию всех видов документов по выплате пенсий и пособий населению.

2. Программная Система «Запросная система «Соцзащиты»». Реализована в архитектуре «клиент-сервер» с применением средств графического интерфейса INGRES OpenRoad. Связь удаленных пользователей осуществляется по выделенным каналам на основе использования технологий Frame Relay в режиме on-line.

3. Пакет Программная Система для автоматизации деятельности администрации Комитета СЗН и его муниципальных управлений из ПС.

4. Автоматизированная информационная система (АИС) «Молодежь» Комитета по делам семьи и молодежи Правительства Москвы содержит подсистемы: образование, культура, социальное обеспечение, работа и конъюнктура, юридические справки. Назначение- предоставление необходимой информации представителями различных молодежных и семейных категорий населения.

5. Программная Система «Ведение базы городских ИС» для формализованного представления, хранения и обработки данных.

6. Программная Система «Введение и обслуживание классификаторами городских ИС» предназначена для обслуживания потребителей общегородскими и общероссийскими классификаторами на магнитных носителях или средствами телекоммуникаций.

7. Технология «Социальное пособие» – это составная часть автоматизированной системы обработки информации, накапливаемой в центрах социального обслуживания населения. Обеспечивает облегчение работы при приеме граждан, предусматривает ввод данных, доступ к ним и многократное их использование.

8. Активно действует информационная система – «Адресная помощь», целью которой является создание единого банка данных, обеспечение адресного представления услуг, льгот, предоставление информации сотрудникам в нужный момент.

9. В сфере пенсионного обеспечения действует программа «Назначение и выплата пенсий и пособий».

В Республике Мордовия использование информационных технологий в практике социальной работы поддерживается, в первую очередь, подпрограммой «Цифровое развитие отраслей экономики и социальной сферы Республики Мордовия» Государственной программы Республики Мордовия «Цифровая трансформация Республики Мордовия», целью которой является внедрение цифровых технологий и платформенных решений в ключевых отраслях экономики и социальной сферы Республики Мордовия для достижения значимых социально-экономических эффектов [3]. В рамках реализации мероприятия 9 «Цифровое развитие социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия» программа предусматривает, в частности:

– проведение модернизации информационной системы используемой в Центрах занятости населения, включая приобретение необходимого программного обеспечения и технических средств;

– проведение работ по переводу информационных систем и ресурсов, используемых Центрами занятости населения, в Центр обработки данных Республики Мордовия;

– проведение работ по созданию Единого центра социальных выплат в сфере занятости населения Республики Мордовия и т.д.

Информационная составляющая информационных технологий в общем случае служит обогащению управленческой культуры, интеграции современного гуманитарного, естественно-научного и технического знания в решении задач социальной работы.

Государство ведет активную политику в области информатизации всех сфер жизни общества и социальная сфера как мы видим не является исключением. Помимо глобальных целей, таких как интеграция в мировое информационное пространство, опережающий рост российского рынка информационных технологий по отношению к общемировому уровню, преследуются и социально ориентированные в виде поддержки социально значимых проектов в сфере средств массовой информации, развития сервисов оказания услуг на основе информационных технологий, содействия в организации доступности информационных ресурсов в сфере социальной защиты и социального обслуживания.

В настоящее время в России наличие и применение информационных технологий в деятельности учреждений социальной защиты населения становится не инновацией и нововведением, а насущной необходимостью.

Опыт использования информационных технологий в социальной работе значительно увеличивает оперативность и качество информационного обслуживания населения в различных направлениях повседневной жизни и деятельности, выступая компонентом для активизации способностей человека в решении собственных проблем. Значительно уменьшается нагрузка на органы и учреждения социальной сферы, что содействует профилактической работе по предотвращению иждивенческих позиций в обществе. В настоящее время активно прослеживается тенденция к получению тех или иных услуг в дистанционной форме.

1 О создании отраслевой автоматизированной системы обработки информации (ОА СОИ) в органах социальной защиты населения [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 27 августа 1992 г. № 629 // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2020]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru>

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости [Электронный ресурс] : Федер. Закон Рос. Федерации от 28 декабря 2015 г. № 388-ФЗ // Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2020]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191260/

3 Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Цифровая трансформация Республики Мордовия» и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Мордовия [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РМ от 15 октября 2019 г. № 404 // Консорциум Кодекс : [электронный фонд правовой и норм.-техн. документации]. – [М., 2020]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/561565587>

МОТИВАЦИОННЫЕ ИНДИКАТОРЫ БУДУЩЕГО У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СКЛОННОСТИ К РИСКУ

Загребин Илья Юрьевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Проблема, которую рассматривает временная перспектива связана с влиянием мироощущения на поведение и жизнь человека в целом, принятие прошлого, понимание настоящего, состояние планов на будущее. Часто перед человеком встает выбор: либо сохранять накопленные жизненные блага и оставить все по-прежнему, либо рисковать для улучшения своего благосостояния. Термин «временная перспектива» зародился только в начале XX-го века и рассматривался с разных точек зрения отечественными и зарубежными авторами, но наиболее полно - в США.

Развитие личности требует самосознания, понимания роли времени в жизни и формирования на этой основе активной позиции к временному параметру, планированию будущего, преодолению ситуативности настоящего, накоплению и применению прошлого опыта для оправданного риска и оценки выгод и затрат в случае успеха и неуспеха. Временная перспектива, как и склонность к риску, существенно различается у людей разного возраста и гендера

Проведенное исследование было направлено на выявление особенностей мотивационных индикаторов будущего у студентов с разным уровнем склонности к риску. Выборку составили 73 человека из различных населённых пунктов, учащиеся и работающие (28 юношей, 45 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет.

На основании полученных данных было установлено, что студенты преимущественно воспринимают настоящее, в котором нужно получать удовольствие и наслаждаться моментом вне зависимости от склонности к риску. Прошлое девушек напрямую влияет на их риск. При положительном прошлом желание рисковать пропадает, при негативном приводит к склонности совершить рискованные поступки. Также на основании полученных результатов исследования можно сделать вывод, что девушки и юноши в возрасте 18–25 года зачастую подвержены больше рисковать при оценивании своего прошлого или настоящего с негативной точки зрения. Это означает, что мотивационные индикаторы будущего встречаются не только в ориентации на будущее, но и в шкалах фаталистического настоящего и негативного прошлого.

Данные исследования показали, что студенты обоих полов, зачастую, больше склонны к риску при оценивании своего прошлого или настоящего с негативной точки зрения. Статистический анализ показал, что несмотря на то, что само «будущее» с точки зрения риска напрямую не влияет на юношей и девушек, но респонденты обоих полов не имеют и достоверных различий мотивационных индикаторов будущего с разным уровнем склонности к риску.

Таким образом можно предположить, что несмотря на цифровизацию предоставляемых услуг большое количество девушек будет всё равно пользоваться заявительной, очной формой подачи заявлений, а также консультаций, в то время как юноши в большей части предпочтут производить такие запросы в онлайн-формате, уменьшив посещения центров по предоставлению соц. услуг.

РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Иванова Мария Евгеньевна
(УГНТУ)

Гареев Эдуард Сагидуллович
(УГНТУ)

Валитова Ника Эдуардовна
(УГНТУ)

Аннотация. Обосновывается возможность применения символических конструктов в цифровых технологиях мегаполиса с позиции символического интеракционизма с акцентом на культурологический фактор с учетом особенностей ментальной деятельности индивида.

Ключевые слова: символы, символический конструкт, символическая информация, бессознательное, цифровое общество.

Феномен цифровой среды сегодня обсуждается широко с учетом ее влияния на психическое, физическое, духовное развитие современного человека и общества в целом.

В этом смысле не утрачивает своей актуальности использование ментальных и психо-эмоциональных конструктов, выраженных, прежде всего, визуальными средствами, которые мы понимаем как символическую информацию, рассматривая ее с позиции символического интеракционизма, гласящего, что реальность осмысливается субъектами в некоторых символах, продуцируемых людьми в ходе общения, культурологическое значение которых может восприниматься как бессознательно [1,4], так и осознанно, т.к. ассоциативно-мнемонические связи, которые включаются у субъекта при столкновении с визуальными конструктами, можно отнести к продукту коллективного бессознательного [2,3]. Эти связи, стремясь к осознанному восприятию, могут проходить через фиксацию внимания на себе, через образное мышление и поступать в сознание индивида в форме ассоциации, эмоционально окрашенного образа, семантического конструкта. Именно здесь огромное значение имеет культурологический базис субъекта, его социальный опыт, среда. При восприимчивости к устойчивому или протекшему образу, при сознательном внимании к нему, индивид может дать ему интерпретацию и использовать как символ для подкрепления своих личных целей - в формировании своего мировоззрения, своего будущего, своего окружения, отношения к себе, другим, государству, т.е. моделей социального поведения человека в обществе и государстве.

С нашей точки зрения, в этом может заключаться одна из функций символических конструктов, влияющих на социальное поведение людей.

В качестве верификации обозначенной позиции можно обратиться к исследованию, проведенному в 2019-2020 гг. на кафедре политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, в ходе которого было проанализировано использование символических элементов в сегменте «туризм, культура» на примере «города в городе», ключевого элемента нового делового центра в Дубае, изначально планировавшегося как самое высокое здание в мире - башни Бурдж-Халифа.

Весь аттракцион со всей инфраструктурой разделен на 4 части: 2 – до подъема, 2 - после и сама смотровая площадка. Каждый этап имеет свой слоган и смысловое наполнение, которое работает системно, задействуя образное мышление и логику. Музыкальное сопровождение в лифте на подъем представлено нарастающим крещендо, на спуске – звучит природная релаксирующая музыка. После посещения смотровой площадки вас окружает обильная цифровая информация на плазме с возможным интерактивным участием (с акцентуацией на логические мозговые центры).

Таким образом, высокое качество ментальных конструкторов социально-национального звучания, плотно сопряженных с интересами бизнеса, безусловно, влияет на имидж страны как в мировом сообществе, так и внутри государства, выполняя разнообразные поставленные задачи: туристическую привлекательность, усиление лояльности населения и т.д.

И чем выше качество ментальных конструкторов, функциональнее креатив и разнообразнее звучание, тем шире и мощнее эффективность их применения в различных сферах человеческой деятельности, в чем, с нашей точки зрения, может заключаться одна из функций символических элементов.

1. Алахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивной бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2008. - № 2. - С.10-20.

2. Пиаже Ж. аффективное бессознательное и когнитивные бессознательное // Вопросы психологии. - 1996. - № 6. - С. 125-132.

3. Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / пер. с англ. А. Киселева. - М.: АСТ, 2004.

4. Kihlstrom J.F., Barnhart T.M., Tatein D.J. The psychological unconscious: Found, lost and regained // American Psychologist. - 1992. - № 47. - P.788 -791.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Иванова Мария Михайловна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Тезисы подготовлены в рамках проекта РНФ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Миграционное присутствие является фундаментальным, демографическим, социальным, культурным и экономическим фактором, формирующим местные условия, на которые влияет пандемия COVID-19. Для местного сообщества учёт или отсутствие учета мигрантов в рамках мер реагирования и восстановления COVID-19 влияет на траекторию развития кризиса.

Как и во многих других кризисных ситуациях, мигранты могут быть особенно уязвимы для прямых и косвенных воздействий пандемии COVID-19. Их способность избежать инфекции, получать адекватную медицинскую помощь и справляться с экономическими, социальными и психологическими последствиями пандемии обусловлены следующими факторами: условия их жизни и работы, наличие или отсутствие

правового положения, знание языка, наличие социальных сетей, уровень включённости в принимающие сообщества [1, 20].

Мигранты одна из незащищенных групп населения, поскольку существующие программы помощи, санкционированные государством, направлены исключительно на граждан Российской Федерации. Кроме того, у многочисленного числа мигрантов трудовые отношения с работодателем до пандемии COVID-19 носили неформализованный характер. Большое количество иностранных граждан работало по гражданско-правовому договору или в принципе без каких-либо юридически договорных отношений, что привело к массовым увольнениям и сокращениям рабочих мест.

В среднем мигранты менее финансово стабильны в сравнении с гражданами Российской Федерации, поскольку значительную часть своих доходов отправляют на родину.

В этой связи миграционное сообщество характеризуется рядом проблем, требующих социальной поддержки: потребность в гуманитарной помощи, рост семейного насилия, ограниченность информации о поведении, о регулировании на законодательном уровне, о мерах профилактики и медицинской помощи в условиях пандемии, невозможность вернуться в страну-исхода.

Ключевые формы поддержки трудовых мигрантов в период действия коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге в большей мере носили информационный характер и включали следующие мероприятия: распространение информационных материалов в электронном и печатном виде через тематические информационные ресурсы профильных общественных (ПСП-Фонд, РОО «Дети Петербурга», Санкт-Петербургское региональное отделение РКК) и государственных организаций (Комитет по межнациональным отношениям и миграционной политике СПб, Инспекция по труду СПб), органов местного самоуправления, а также в местах проживания и нахождения мигрантов (информационные материалы распространялись при участии представителей как миграционного сообщества, так и местного населения); размещение актуальной информации по ситуации, связанной с пандемией (законодательные изменения, возможность получения медицинской и социальной помощи) на тематическом Межрегиональном интернет-портале «Миграция и мигранты», на информационных ресурсах партнерских организаций в России и Средней Азии, в социальных сетях [2]. Сотрудниками некоммерческой общественной организацией «ПСП-Фонд» были проведены тематические онлайн консультации для мигрантов и работающих с ними специалистов по вопросам, связанным с пандемией COVID-19 и возможностям получения бесплатной поддержки от государственных и общественных организаций.

1. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.2020 № 392 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006150016> (дата обращения 04.10.2020).

2. Помощь мигрантам и членам их семей в условиях пандемии коронавируса. Национальная премия «Гражданская инициатива». URL: <https://premiagi.ru/initiative/5445> (дата обращения 04.10.2020).

3. Liem, A., Wang, C., Wariyanti, Y., Latkin, C. A., & Hall, B. J. (2020). The neglected health of international migrant workers in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*, 7(4), p. 20. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30076-6](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30076-6).

ДИСКУРСЫ ВРАЧЕЙ И ПАЦИЕНТОВ НА МЕДИЦИНСКИХ ОНЛАЙН- ФОРУМАХ

*Искандерова Лилия Витальевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

Сегодня все большее распространение получает цифровое здравоохранение, частью которого выступает телемедицина или медицинское консультирование онлайн. Сегодня существует множество интернет-площадок, позволяющих получать медицинскую информацию и помощь дистанционно: сайты врачей и медицинских учреждений, медицинские онлайн-форумы и другие виды виртуальных площадок. В связи с этой особой актуальностью приобретает анализ новых форм взаимодействия между врачом и пациентом. Онлайн-площадки представляют собой ценный исследовательский ресурс, позволяющий получить информацию, которую было бы сложно получить другими способами. Информация с онлайн-площадок позволяет провести исследование нереактивно [3].

Нами было проведено эмпирическое исследование дискурсивных практик взаимодействия врачей и пациентов на медицинских онлайн-форумах на примере онлайн-форума «Health.mail.ru» [1]. Теоретико-методологической рамкой исследования выступила трехмерная модель анализа дискурса Н. Феркло [2], согласно которой на основе анализа текста и дискурсивных практик могут быть сделаны выводы о социальных практиках. В ходе исследования было проанализировано 28 800 сообщений форума «Health.mail.ru», из которых 14 400 сообщений врачей и столько же сообщений пациентов. Обработка и анализ данных осуществлялись в программе «R».

В результате были сформулированы выводы о социальных и дискурсивных практиках врачей и пациентов, взаимодействующих в дистанционном формате. Основным поводом обращения пациента на онлайн-форум является замена очного посещения врача. Для специалиста целью взаимодействия служит продвижение своих услуг. Онлайн-коммуникация предполагает запрос со стороны пациента и экспертную оценку со стороны врача. Если пациенты на форуме обычно предпочитают сохранять анонимность, то медики, напротив, подчеркивают идентичность — для них данная практика выступает способом поддержания имиджа и обеспечения легитимности экспертизы. Дискурсы участников онлайн-взаимодействия содержат специализированную медицинскую терминологию, которая не расшифровывается ни одной из сторон, что требует от пациента быть компетентным в вопросах заботы о своем здоровье.

Онлайн-консультирование в медицине — это новый тип взаимоотношений врача и пациента. Он подразумевает большие равноправие и демократичность в традиционно асимметричном взаимодействии. В то же время медицинская коммуникация при переходе в сеть Интернет становится более безличной и не предполагает глубокого анализа ситуации пациента со стороны врача. Уникальный случай подгоняется медиками под общий шаблон. Таким образом, можно сделать вывод, что, в ходе онлайн-взаимодействия межличностные связи между врачом и пациентом становятся менее устойчивыми по сравнению с традиционной коммуникацией «лицом-к-лицу».

1. «Health.mail.ru». URL: <https://health.mail.ru/consultation/> (Дата посещения: 03.10.2020).
2. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual analysis for social research*. London, 2004. 270 P.
3. Николаенко Г. А., Федорова А. А. *Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data*. // *Социология власти*. 2017. №4. С.37-56.

ЭТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ПЕНСИОНЕРАМ

Козырев Артём Артурович

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»))

Цифровизация социальных услуг в России охватывает все больше сфер жизнедеятельности населения, и является одной из национальных целей стратегического развития страны[1].

Внедрение цифровых технологий в систему деятельности ПФР поднимает этические вопросы. Они касаются не только деятельности ПФР, но прежде всего потребителей – пенсионеров. Использование информационных технологий влечет определённые трудности и имеет последствия для пользователей. Важно соблюдать при их использовании не только правовые, но и этические нормы. Цифровизация данной сферы не должна создавать напряжение в их использовании.

В настоящее время при разработке новых цифровых продуктов учитывается, прежде всего, техническая сторона информатизационного процесса, в меньшей степени этико-социальные аспекты данной сферы. А, именно, данная сторона цифровизации социальных услуг наиболее значима для самой нуждающейся когорты населения, как пенсионеры. Для данной категории населения, цифровые сервисы, с одной стороны, могут облегчить коммуникацию с государственными органами, с другой, усложнить её, создав непреодолимый барьер на пути к получению социальных услуг от государства. Негативные последствия тотальной цифровизации государственных услуг для старшей возрастной группы населения допустимо определить, как – «дискриминация цифрового общества» к неподготовленным слоям населения.

Основная задача государственных структур, обеспечивающих цифровое сопровождение услуг для пенсионеров – это поддержание достойного уровня жизни и недопустимость социального неравенства. Равный доступ к социальным выплатам, льготам и другим государственным услугам призван исключить дискриминацию в системе социальной поддержки.

В настоящее время в рамках социальной политики государства предоставляются социальные услуги, оказываемые посредством сети интернет на портале «Госуслуги», а так же другими государственными сервисами, которые регулируются федеральными законами[2]. Процесс получения услуг и льгот с помощью цифровых технологий остаётся сложным и даже непосильным для части пенсионеров, ввиду их не подготовленности к использованию информационных технологий.

Современные пенсионеры охотно осваивают компьютерные технологии: государству необходимо поддерживать и развивать эти стремления посредством различных программ и специальных курсов.

В рамках социологического исследования: «Третий возраст: социальные роли и социальное самочувствие», проведенного в ноябре 2014 - апреле 2015 гг. в Республике Татарстан, были получены материалы для обсуждения вопросов пенсионного обеспечения социально-демографической группы пенсионеров[3].

По данным опроса пройти обучение на специальных курсах указали – 27,0% респондентов. Цель посещения данных курсов респонденты видят в необходимости овладения цифровыми технологиями для использования полученных знаний на бытовом уровне в сети интернет (49,5%). Согласно полученным данным респонденты существенно нуждаются в обучении компьютерным технологиям, в использовании сети интернет. Респонденты плохо информированы об услугах государственных служб. Следует подчеркнуть, что даже те респонденты, которые знают о социальных выплатах (39,7%), редко ими пользуются(16,0%).

В настоящее время службы занятости организуют для пенсионеров бесплатное обучение компьютерным технологиям, а также организывает курсы для повышения квалификации[4].

Внедрение цифровых технологий в сферу государственных услуг должно обеспечить социальную поддержку населения, в особенности пенсионеров, как нуждающуюся группу потребителей данных услуг.

В целом, облегчение каналов коммуникаций для граждан «третьего возраста» и государственных органов посредством цифровизации услуг, оказывает позитивное влияние на их взаимодействие. Однако, информатизация социальных услуг может привести к новым проблемам незащищенных слоев населения.

Важные изменения в оказании социальных услуг, должны быть ясно озвучены государством: необходимо в доступной форме информировать население; в период адаптации оставлять «аналоговые», а не исключительно цифровые каналы связи для пенсионеров; технологии должны внедряться постепенно для того, чтобы все слои населения имели возможность обучиться новой модели коммуникаций с государственными ведомствами.

Этические проблемы цифровизации сферы услуг для пенсионеров будут и дальше возникать в РФ, и их необходимо прогнозировать, чтобы не допустить «цифровой дискриминации» граждан «третьего возраста».

1. Указ президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 05.09.2020г.).
2. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ. – URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/112> (Дата обращения: 05.09.2020г.).
3. Шангареева З.С., Козырев А.А., Вахитова С.М. Построение выборки социологического исследования социально-демографической группы пенсионеров (на примере республики Татарстан) // ВЭПС. – 2015. – № 4. – С.349-351.
4. «О занятости населения в Российской Федерации» Федеральный закон от 02.07.2013 № 162-ФЗ // Российская Газета. – URL: <http://rg.ru/2013/07/05/zanyatost-dok.html> (Дата обращения: 10.09.2020г.).

РЕЕСТР ДЕТЕЙ, НУЖДАЮЩИХСЯ В ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В РОССИИ

*Кочеткова Анна Павловна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Паллиативная помощь детям - деятельность, направленная на всестороннее улучшение качества жизни детей, страдающих неизлечимыми и ограничивающими срок жизни заболеваниями, и членов их семей [1, 5]. Оказание этой помощи относится к полномочиям региональных властей [2, 5] и является зоной ответственности нескольких ведомств (здравоохранения, социальной защиты, образования) одновременно. Ключевое условие эффективного оказания паллиативной помощи детям – согласованность действий всех субъектов, задействованных в её оказании: соответствующих государственных учреждений и НКО.

Результаты первой волны Всероссийского мониторинга качества оказания паллиативной помощи детям свидетельствуют о том, что одна из ключевых проблем в данной сфере – отсутствие межведомственного взаимодействия [3]. Важным шагом в решении этой проблемы является создание реестра детей, нуждающихся в паллиативной помощи, в каждом регионе РФ. Оно будет способствовать повышению эффективности коммуникации между госучреждениями разного подчинения; обоснованному принятию управленческих решений (в том числе подготовке кадров и набору сотрудников), грамотному распределению финансирования и взвешенному планированию объемов предоставления услуг, переходу от заявительной системы поддержки к проактивной.

Продуманное создание региональных реестров детей, нуждающихся в паллиативной помощи, предполагает:

1. Широкий перечень сведений, отражаемых в реестре – включение в реестр данных о семье ребёнка, о потребности в социальных и образовательных услугах, о потребности в психологической и духовной поддержке, помимо медицинской и юридической информации.
2. Обеспечение доступа к данным реестра организаций, подведомственных министерствам социальной защиты и образования, а также частных организаций, имеющих лицензии на оказание паллиативной медицинской помощи детям, с учетом необходимости защиты персональных данных.
3. Назначение медицинской организации, ответственной за ведение реестра в целях регулярного обновления его данных.
4. Обеспечение быстрой передачи данных о детях, нуждающихся в паллиативной помощи, из других организаций, оказывающих паллиативную помощь детям, в организацию, ответственную за ведение реестра.
5. Организация одинакового перечня сведений, отражаемых в реестрах всех регионов страны в целях обеспечения возможности получения помощи за пределами одного региона.
6. Согласование перечней сведений, отражаемых в реестрах взрослого и детского населения, нуждающегося в паллиативной помощи, в целях быстрого переноса данных о детях, достигших 18-летнего возраста, в другой реестр.

Соблюдение всех указанных выше требований будет способствовать увеличению эффективности межведомственного взаимодействия в регионах, а значит и повышению качества оказания паллиативной помощи детям в России.

1. Ткаченко А., Кушнарёва И., Крауш В. Организация паллиативной помощи детям на региональном уровне. СПб: Типография Михаила Фурсова. 2016.
2. Постановление Правительства РФ №1610 от 7 декабря 2019 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».
3. Мониторинг ситуации с паллиативной помощью детям в РФ будет постоянным // РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20201006/pomosch-1578449990.html> (дата обращения: 06.10.2020.).

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ларин Андрей Александрович
(РГСУ)

В России широкими темпами продолжается цифровизация социальных сфер услуг, чему способствует цифровая трансформация общества. Одним из основных направлений модернизации в России становится цифровизация различных хозяйственных отраслей [3, 5]. В этих новых условиях важное значение приобретает цифровая грамотность населения, без которой крайне трудно пользоваться интернет-услугами. Однако процесс цифровизации социальных услуг сопровождается социальными рисками.

Способствует цифровизации социальных развитие данных электронных сервисов, которые создают доступную среду с точки зрения получения информации и услуг. Например, Фонд социального страхования ввёл электронные больничные листы, мобильное приложение для доступа к услугам ФСС «Социальный навигатор». Такое внимание к цифровым социальным услугам проявляется не только в государственной, но и в частной сфере. Так, можно привести в пример проект «Кнопка жизни», созданный для экстренной связи с пожилыми и детьми (сейчас у проекта 40 тыс. клиентов), проект «Сурдо онлайн» — сурдоперевод для глухих с помощью видеосвязи.

Обширная цифровизация многих аспектов предоставления социальных услуг способствует радикальному изменению природы и объемов данных, трансформации социальной практики пользования такими услугами [1, 3]. Так как цифровое развитие направлено на организацию максимально персонализированного взаимодействия по цифровым каналам связи, то должны создаваться условия, когда получение социальных услуг «цифровым способом» будет максимально доступным. Это поможет избежать изоляции той части населения Северного Кавказа, которая пока не использует цифровые возможности для получения социальных услуг [2, 85]. Такой формат предоставления социальных услуг охватывает людей, частный бизнес, государство и предполагает актуальность для каждого человека. Также в развитии таких услуг в электронном виде значительное внимание должно уделяться безопасности хранения и использования данных, во избежание попадания личной информации третьим лицам. Особа важна в цифровом формате предоставления социальных услуг точность внесения информации и ее достоверность, так как, например, из-за неправильного написания фамилии пользователь может не получить необходимую услугу.

Таким образом, в развитии сферы социальных услуг в электронном виде заинтересованы как государство и частный бизнес, так и население страны. Цифровизация этой сферы является важным фактором повышения цифровой грамотности населения Северного Кавказа. Население должно обладать необходимыми навыками и компетенциями, а сайты социальных услуг должны быть удобны с точки зрения пользования, получения нужной информации, доступны в плане дизайна и «размещения» услуг, безопасны для хранения информации и обладать высокой степенью точности.

1. Громов И.А. Влияние цифровых технологий на сферу государственных и бизнес-услуг в России // ПСЭ. 2018. №3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-sferu-gosudarstvennyh-i-biznes-uslug-v-rossii> (дата обращения: 09.10.2020).

2. Барина В. А., Земцов С. П. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. Т. 13, № 2, 2019. URL: <https://foresightjournal.hse.ru/data/2019/06/24/1490439825/7-Земцов-84-96.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).

3. Студеникин Н. В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-sotsialnye-uslugi-mirovoy-opyt-i-perspektivy-v-rossii> (дата обращения: 09.10.2020).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Лебединцева Любовь Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Дерюгин Павел Петрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Фролова Арина Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование было проведено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФ (проект №19-18-00246).

Смешанная миссия социального предпринимательства, направленная как на достижение социальных, так и на достижение экономических целей, в современных условиях уже не подвергается сомнению. В каких терминах описываются социальные цели? Известно, что это решение или смягчение социальной проблемы, создание социальной ценности, социальная ответственность и т.д. Однако интересно посмотреть на то, каким образом складывается, т.е. формируется и реализуется в деятельности, такая важная составляющая любого типа предпринимательства (не только социального) как человеческий капитал, в частности, человеческий капитал руководителей социальных предприятий или, другими словами, социальных предпринимателей. Какая мотивация лежит в основе стремления к достижению подобных (перечисленных) целей? Какими ресурсами необходимо обладать, чтобы успешно развивать созданное «детиче»? Как происходит накопление человеческого капитала? В каких плоскостях оценивается успешность работы? Что препятствует достижению успеха? Отдельно необходимо посмотреть на аспекты цифровизации социального предпринимательства как сферы деятельности (используются ли современные цифровые стандарты, в каких масштабах,

если используются, и т.д.), а также с позиций выстраивания отношений «организация-клиент».

Ответы на эти и другие вопросы важны для понимания процесса развития социального предпринимательства в современной России, в частности в Санкт-Петербурге. В докладе будут представлены обобщенные результаты нескольких глубинных интервью с руководителями социальных предприятий Санкт-Петербурга.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО, ЗДОРОВЬЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ И РИСКИ

Лядова Анна Васильевна

(МГУ имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, кафедра современной социологии)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106

Впервые в новейшей истории человечество оказалось в ситуации кризиса, причиной которому стали не противоречия геополитики, различия в экономических интересах, а инфекционное заболевание COVID-19, распространение которого обернулось настоящим потрясением для населения практически всего мира. Однако главная проблема заключается не только в том, что пришедший вирус оказался малознакомым, что вызвало сложности в лечении: поставив новые вопросы, пандемия обострила уже существующие противоречия, обусловленные социальным неравенством, и прежде всего, в отношении здоровья. Эти различия оказались значимыми как при сравнении возможностей населения отдельных стран, так и между социальными группами внутри государств. Пандемия стала серьезным испытанием для национальных систем здравоохранения. Сравнительный анализ данных об уровне заболеваемости по странам и основных характеристик существующих в них служб охраны здоровья позволил выделить несколько ключевых факторов, которые оказали существенное воздействие на статистику распространения вируса и уровень смертности населения от него. Это: наличие централизованной системы управления и распределения медицинских ресурсов (как пример – Германия); система корпоративного медицинского страхования (Китай); активное внедрение цифровых технологий (Германия, Китай, Южная Корея) [1; 2; 3; 4]. Если создание универсального страхового покрытия можно считать практически реализованным для большинства стран Европы, то в сфере цифровизации здравоохранения пандемия, по сути, оказалась «долгожданным» стимулом для широкого признания и внедрения цифровых технологий. Среди наиболее востребованных в условиях распространения COVID-19 можно выделить: онлайн-мониторинг; онлайн-консультирование; цифровой обмен данными (не только о состоянии больных, диагностических результатах, но и в области фармацевтики, а также отслеживании контактов заболевших с целью предотвращения распространения вируса); диагностика на основе искусственного интеллекта с целью снижения рисков для персонала и других пациентов клиник; электронные сервисы-посредники, направленные на обеспечение беспрепятственного доступа к медицинским ресурсам, включая чат-боты [5]. Однако, на наш взгляд, цифровые технологии, хотя и предлагают эффективные инструменты при разработке ответных мер, они не являются «панацеей», что связано с рядом практических

ограничений, которые затрудняют преодоление с их помощью социального неравенств в сфере здоровья. Это: а) цифровое неравенство (различия в доступе и уровне владения цифровыми устройствами); б) этические вопросы, связанные с конфиденциальностью в цифровой среде (проблема «цифровых следов»); в) цифровая колонизация (вынужденный выбор определенных провайдеров, обеспечивающих доступ к соответствующим ресурсам); г) цифровая грамотность. Поэтому цифровизация сферы здравоохранения при наличии очевидных преимуществ носит амбивалентный характер, что ставит вопрос о необходимости комплексного подхода к разработке и внедрению новых технологий.

1. *European Observatory on Health Systems and Policies, Germany: Country Health Profile 2019, State of Health in the EU, OECD Publishing, Paris/European Observatory on Health Systems and Policies, Brussels. 2019. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/36e21650-en.pdf> (дата обращения: 03.10.2020).*
2. *E-Health in Germany: Market Study. Opportunities for the Dutch Life Sciences & Health sector in Germany. 2019, June. Available at: <https://www.tfhc.nl/wp-content/uploads/2019/08/eHealth-in-Germany-barriers-and-opportunities.pdf> (дата обращения: 03.10.2020).*
3. *Ma X., Wang H., Yang L., Shi L., Liu X. Realigning the incentive system for China's primary healthcare providers // British Medical Journal. 2019. 365:l2406. Published 2019 Jun 21. Available at: <https://doi.org/10.1136/bmj.l2406> (дата обращения: 03.10.2020).*
4. *Zastrow M. South Korea is reporting intimate details of COVID-19 cases: has it helped? Nature. 2020. Available at: <https://doi.org/10.1038/d41586-020-00740-y> (дата обращения: 03.10.2020).*
5. *Ting D. S. W., Carin L., Dzau V., Wong T. Y. Digital technology and COVID-19 // National Medicine. 2020. No.26.P.459–461.*

ОНЛАЙН-ВОЛОНТЁРСТВО КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

*Мельникова Валентина Валентиновна
(ФГБОУ ВО МГППУ)*

В докладе внимание уделено таким понятиям, как социальный феномен, социальное волонтерство, онлайн-волонтерство, оффлайн-волонтерство.

Современный мир диктует правила жизни, главным образом связанные с использованием передовых технологий (Интернет, социальные сети, моментальные мессенджеры и т. д.). Мировая пандемия, вызванная Covid-19, спровоцировала создание новых форматов коммуникации, взаимодействия, помощи и поддержки в дистанционном режиме среди людей.

Социальное волонтерство в последнее время приобретает новый формат. Одна из форм добровольческой деятельности проявляется в дистанционной помощи, консультировании и поддержке посредством Интернета, социальных сетей, моментальных мессенджеров и т. д., что можно назвать социальными феноменами современности. Тот факт, что Интернет стал основным пространством для коммуникации большинства людей разных возрастных категорий, позволяет рассмотреть его как инструмент современного онлайн-волонтерства. Подобные феномены отмечаются в ряде зарубежных статей [6; 7], одной из которых является «Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared» [4]. Главными особенностями онлайн-волонтерства является то, что волонтерская деятельность становится все более доступной, что снимает проблему определенной стратификации этой сферы. И то, что в область

волонтерства включаются даже те, кто прежде не был готов к формату волонтерской деятельности оффлайн.

В сетевом сообществе наблюдаются частные гражданские инициативы, которые можно отнести к формам добровольческой деятельности для поддержки социально уязвимых категорий граждан. Ранее такую форму деятельности Уилсон рассматривал как спонтанное волонтерство «любую активность, при которой время свободно используется в интересах другого человека, группы или организации» [5, 215]. В наши дни появление таких частных инициатив приобретает частый характер. Таким образом, речь идет о появлении и структуризации полноценных неформальных форм волонтерской деятельности в онлайн пространстве, которые отдельно хотелось бы рассмотреть в докладе.

1. Башева О.А. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. No 2.
2. Кутаев-Смык Л.А. 1983. Психология стресса. М.: Издательство «Наука».
3. Яницкий О.Н. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо, Сирия. Социологическая наука и социальная практика, 2017, No 1.
4. Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. 2018. Volume: 20 issue: 12, page(s): 4453-4472
5. Wilson J. Volunteering. Annual Review of Sociology, 2000, Vol. 26, pp. 215–240.
6. Joe Cox, Eun Young Oh, Brooke Simmons, Gary Graham, Anita Greenhill, Chris Lintott, Karen Masters, Jamie Woodcock. Doing Good Online: The Changing Relationships Between Motivations, Activity, and Retention Among Online Volunteers. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. Vol. 47, 5: pp. 1031-1056.
7. Joe Cox, Eun Young Oh, Brooke Simmons, Gary Graham, Anita Greenhill, Chris Lintott, Karen Masters, Royston Meriton. Getting Connected: An Empirical Investigation of the Relationship Between Social Capital and Philanthropy Among Online Volunteers. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. Vol. 48, 2_suppl: pp. 151S-173S.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОКАЗАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ МОЛОДЫМ ИНВАЛИДАМ В УСЛОВИЯХ COVID-19

*Новожилова Ольга Алексеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

В настоящее время в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 основные вызовы брошены людям, работающим с незащищенными слоями населения – медицинским и социальным работникам. В группе риска оказались пожилые люди и люди с хроническими заболеваниями, с ослабленным здоровьем, в том числе молодые инвалиды. Эпидемия, в результате которой социальная изоляция стала повсеместным явлением, усугубила проблему социального дистанцирования инвалидов от других людей, а социальные услуги, которые предоставляются инвалидам, традиционно способствующие адаптации данной социальной группы в обществе, перешли на дистанционный формат.

В последние несколько лет в России происходит «цифровизация» всех сфер экономики и общественной жизни. С 2017 г. принята новая государственная политика уровне в форме госпрограммы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1, 33], значительное место в которой занимает создание «цифровых платформ» в основных

направлениях социально-экономической жизни в России, в том числе создаются удобные сервисные системы для использования в системе социального обслуживания. Так, Пенсионный фонд России запустил большую информационную систему – Федеральный реестр инвалидов. С 2018 года в Ханты-Мансийском автономном округе реализуется пилотный проект по созданию единой региональной информационной системы «Портал социальных услуг». В Москве разработан проект «социальный помощник», позволяющий инвалидам делать запрос на социальные услуги через мобильное приложение. В Санкт-Петербурге создан портал city4you.ru, где собрана информация о реабилитационных услугах для инвалидов, об услуге социального такси, об объектах социальной инфраструктуры, в том числе вопросы, касающиеся безбарьерной городской среды. Кроме того, каждый поставщик социальных услуг обязан иметь официальный сайт, где размещена подробная информация о его деятельности.

В условиях COVID-19 необходимость использования цифровых технологий существенно возросла, возникла потребность в оказании дистанционных социальных услуг согласно Постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 [2]. Но на практике на местах возможности использования цифровых технологий оказались весьма ограничены. На примере одного из районных центров социальной реабилитации инвалидов Санкт-Петербурга можно отметить такие недостатки, как нехватка технического оборудования как у поставщика социальных услуг, так и у получателя, отсутствие высокоскоростного интернета для использования приложений видеосвязи Zoom, Skype и др., и, как следствие, снижение заинтересованности у молодых инвалидов к онлайн-занятиям. Как отмечают многие исследователи, «современные информационные технологии предоставляют неограниченные возможности для свободной социализации и адаптации всех социальных групп» [3, 105]. С другой стороны, рассмотренный кейс показывает, что не все поставщики социальных услуг имеют достаточную материальную базу, и не все потребители достаточно навыков и мотиваций для более продуктивного оказания дистанционных социальных услуг.

1. Студеникин Н.В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. 2018. С. 32-36.
2. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»
3. Гасумова С.Е. Информационные технологии в социальной сфере. М.: Дашков и К.: 2015. 312 с.

АКТИВИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ ГРАЖДАН ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Нордлунд Евгений Игоревич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Проблемы граждан предпенсионного возраста и связанные с этим процессы находятся в орбите внимания представителей органов власти и местного самоуправления, социальных служб, образовательных учреждений, служб занятости и юридических организаций. Адаптируясь к новому состоянию, люди старшего поколения перестраивают прежний образ жизни, происходит переосмысление их жизненных установок, стереотипов, поведения. В связи со стремительным увеличением новой социальной группы, важнейшим

аспектом социальной стабильности является предоставление возможностей, укрепление потенциала и придание внутренней силы лицам старшего поколения. Эти задачи должны решаться в русле профилактической социальной работы, предполагающей активизацию, усиление ресурсов как на личностном, так и на организационном уровне. Личностный уровень требует от индивида оценивать себя независимо от мнения окружающих и придерживаться позитивной самооценки.

Перестройка прежнего образа жизни граждан предпенсионного возраста усложняется необходимостью адаптации их к условиям пандемии COVID-19, проводить которую предпочтительно в дистанционном формате. Для реализации подобного цифрового общения следует развивать через доступные и приемлемые для этих граждан онлайн ресурсы.

Помощь гражданам предпенсионного возраста также может осуществляться в форме "горячей линии" - индивидуальной консультации, которое позволит принять меры по требуемому информационному обеспечению. Ранее в случае необходимости лица предпенсионного возраста направлялись в требуемые организации очно с пакетом документов.

На индивидуальном уровне также следует выделить важный аспект активизации в сфере отстаивания прав гражданином предпенсионного возраста, в связи с вступлением в силу дополнительных законодательных актов, например, статья 144.1 УК, вводящая ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. В результате у граждан предпенсионного возраста появились дополнительные возможности сохранения и продолжения рабочей деятельности. Разумеется, гражданину важно научиться отстаивать свои интересы в правовом поле.

Одним из эффективных методов, способствующих адаптации, является включение гражданина предпенсионного возраста в образовательные группы, в том числе для снижения риска изоляции. Меняя или повышая свою квалификацию на более актуальную, гражданин создаёт себе определенную гарантию будущего. В настоящее время сайт <https://express.worldskills.ru/> предоставляет возможность дистанционного получения новых востребованных компетенций в Санкт-Петербурге по 19 направлениям. Сайт <https://express.worldskills.ru/> в иных городах предоставляет и ряд других возможностей, включая создание групп IT-волонтеров, которые помогут организовать переход на дистанционное обучение, подсказать как настроить, использовать IT-сервисы и программное обеспечение. Далее они делегируют свои полномочия лицам предпенсионного возраста для самостоятельного пользования новыми ресурсами.

Среди групп самоподдержки или самоактивизации особо можно выделить интернет сайт: Пред-пенсионер - <https://pred-pensioner.ru/>. Данный сайт позиционирует себя как клуб для тех, кто готовится к пенсии и для тех, кто уже стал пенсионером. Данный сайт имеет свою группу в одноклассниках, фейсбуке, где граждане предпенсионного возраста могут принять непосредственное участие в формировании новых вопросов, идей. В качестве одного из направлений можно выделить создание таких организаций, как онлайн клуба предпенсионеров (в рамках которого будет организовано их непосредственное взаимодействие друг с другом в цифровом варианте, например с использованием интернет-площадки ZOOM).

Пенсионная реформа в Российской Федерации, на которую наложилась ситуация пандемии коронавируса, заставила пересмотреть сложившиеся подходы к изучению трудового потенциала людей старшего поколения; побуждает искать новые средства

мотивации продолжения трудовой деятельности и разрабатывать новые правовые нормы, гарантирующие реализацию их права на труд.

МОБИЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ УЯЗВИМЫХ ГРУПП К УСЛОВИЯМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Олейников Андрей Григорьевич

Келасьев Вячеслав Николаевич

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Внедрение цифровых технологий с каждым днем происходит все более активно в различных сферах нашей жизни.

Ситуацию в том числе обострила и начавшая набирать обороты эпидемия коронавируса, изменившая формат коммуникации людей на формат общения онлайн, ставшим превалировать над живым общением

Это повлекло за собой активное использование современных технологий: программного обеспечения, мобильных приложений и сервисов, работающих посредством сети Интернет и помогающих людям удовлетворять различного рода потребности, не вынуждая при этом нарушать правила социальной дистанции.

Однако далеко не все представители общества смогли адаптироваться к новым условиям. И для многих представителей старшего поколения (особенно людей пожилого возраста), а также мигрантов из стран СНГ, освоение современных технологий оказалось непростой задачей.

Мы убеждены в том, что современные технологии, которыми будут пользоваться пожилые люди и мигранты, должны отличаться по своим функциональным особенностям и целям.

В данном выступлении мы рассмотрим мобильные приложения, призванные помогать пожилым людям удовлетворять собственные базовые и социальные потребности, а также рассмотрим какими функциональными особенностями они должны обладать для их быстрого освоения пожилыми и комфортности их использования.

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Панюшкина Елена Владимировна

(Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I)

В условиях трансформации современного общества экономическая теория исследует новые феномены, предлагаемые научным сообществом. В частности, процессы цифровизации экономической деятельности содействовали появлению феномена «цифровой капитал». По мнению В.К. Крутикова и Е.В. Гераевой, исчерпывающего, общепринятого понятия «цифровой капитал» пока не существует, однако, в настоящее время его понятийный аппарат включает в себя такие определения, как: возможности разработки технологии анализа больших данных для формирования новой бизнес-модели; подходы к обработке потока данных, позволяющих сформулировать предпочтения пользователей; создание уникального дизайна информационных систем, наделенных разнообразными цифровыми сервисами и пр. [1, 703]. С точки зрения Ю.В. Коречкова и Л.А. Лежениной, новые экономические модели цифровой экономики создают новую форму

интеллектуального капитала – информационный капитал, создающий новый продукт с информационными свойствами, способный приносить специфический доход, превышающий первоначально авансированный капитал на величину информационного дохода [2].

Предложенные варианты описания кардинальных изменений традиционных экономических процессов, несомненно, заслуживают интерес и дальнейшего исследования. Но создавая новое, экономическая наука всегда опирается на собственный «фундамент». Так, определяя капитал как самовозрастающую стоимость, экономическая теория предлагает определиться с его носителем для отнесения информационных технологий либо к физическому капиталу, либо к денежному или к финансовому и человеческому капиталам. Признавая наличие «цифрового» или «информационного» капиталов, экономической теории придется столкнуться с дублированием экономических процессов, потоков, агентов, интересов и т.д. Внедрение цифровых технологий придает ускорение всем процессам, но товарно-денежные отношения и факт создания продукта или услуги при этом остаются. Меняется оболочка, формируются новые модели (например, цифровые платформы), упрощаются транзакции и т.п. Но все это обновляет структуру основного и оборотного капиталов и их ранее перечисленных форм.

Таким образом, цифровизация экономических процессов и сопровождающая ее трансформация социально-экономического уклада еще не накопила достаточного количества предпосылок для выделения новых форм капитала.

1. Крутиков В.К. Цифровой капитал и инновационная предпринимательская деятельность [Электронный ресурс] / В.К. Крутиков, Е.В. Гераева // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 3. – С. 703-706. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/324966326_Cifrovoj_kapital_i_innovacionna_a_predprinimatelskaa_deatelnost

2. Коречков Ю.В., Леженина Л. А. Информационный капитал как новая форма интеллектуального капитала в экономических моделях цифровой экономики [Электронный ресурс] / Ю.В. Коречков, Л.А. Леженина // Вестник Евразийской науки – 2018. – №3. – [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN318.pdf>

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С УЯЗВИМЫМИ ГРУППАМИ

Первова Ирина Леонидовна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Келасьев Вячеслав Николаевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Существует большое число сервисов и интернет ресурсов, направленных на оказание информационной поддержки и консультаций для разных уязвимых групп. Однако не во всех из них функциональность и содержание достаточно качественны и учитывают полный спектр возможностей и технологий, улучшающих обслуживание и повышающих успешность работы профессионалов с каждой целевой группой.

Предлагается алгоритм информационного продукта в сети интернет для разных уязвимых групп, целью которого является оказание информационной поддержки, консультаций и помощи в повышении социальной компетентности, который включает в себя: интернет портал; сообщество в социальной сети; сообщество в популярных

социальных сетях; бот-консультант. Каждый из перечисленных компонентов должен представлять собой единую систему, которая в совокупности должна работать на повышение информационной компетентности как составной части социальной компетентности и оказывать помощь в адаптации к возникшей ситуации и реализовать имеющийся потенциал индивидов той группы на которую направлен информационный продукт.

Интернет портал представляет собой полноценный веб-ресурс, сайт используется для привлечения новых участников, предоставления услуг и консультаций онлайн по ключевым вопросам целевой группы. Важной особенностью предложенного сайта является наличие его представительства в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники» и других и оказание информационной поддержки он-лайн. Сообщество в социальных сетях является местом своего рода «онлайн встреч» людей, относящихся к одной и той же социальной группе, имеющих схожий социальный статус и более менее идентичные проблемы. Специалист, курирующий сайт, имеет возможность налаживать онлайн связь с любым из участников сообщества и работать с ним непосредственно - напрямую.

Дополнительным преимуществом предлагаемого сайта является разработка и интеграция в сообщество в социальных сетях «чат-бота» – специализированной онлайн программы для социального консультанта клиентов в реальном времени при отсутствии профессионалов на местах. Эта программа является своеобразным социальным путеводителем для клиента и одновременно может снизить нагрузку на специалистов и администраторов сайта.

«Чат-бот» представляет собой программу, которая может в режиме реального времени отвечать на запросы и вопросы клиентов по заранее заготовленному сценарию. «Чат-бот» может также поддержать беседу и по-настоящему пообщаться с участником, если в его коде прописаны ответы на те или иные задаваемые вопросы. Сценарии ответов на вопросы для «чат бота» строятся на основе статистики по самым часто задаваемым вопросам. «Чат-бот» способен оперативно и содержательно ответить на задаваемые вопросы, указав примерный алгоритм решения проблемы. Технология «чат-бот» выступает как виртуальный онлайн помощник как для клиентов, так и специалистов по социальной работе, помогая первым - найти ответ на интересующий вопрос, а вторым – оптимизировать необходимую социальную поддержку и помощь.

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫМИ НКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

*Платонова Лилия Алексеевна
(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
Кафедра социальной работы)*

*Федорова Айтилина Аяновна
(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
Кафедра социальной работы)*

*Исследование проведено при поддержке проекта РНФ №19-18-00246
«Вызовы трансформации социального государства в России:
институциональные изменения, социальное инвестирование,
цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.*

В России происходит развитие некоммерческого сектора в сфере социального обслуживания населения. В каждом регионе данный процесс имеет свою специфику. Наше исследование было проведено в двух субъектах, входящих в Дальневосточный федеральный округ – в Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия). Использован метод интервью с руководителями СО НКО (n=9) и анализ данных, размещенных в открытых источниках. Выбор регионов был обусловлен тем, что Хабаровский край в рейтинге субъектов РФ по развитию некоммерческого сектора занимает 3-е место, а Республика Саха (Якутия) – 7-е место. [4]

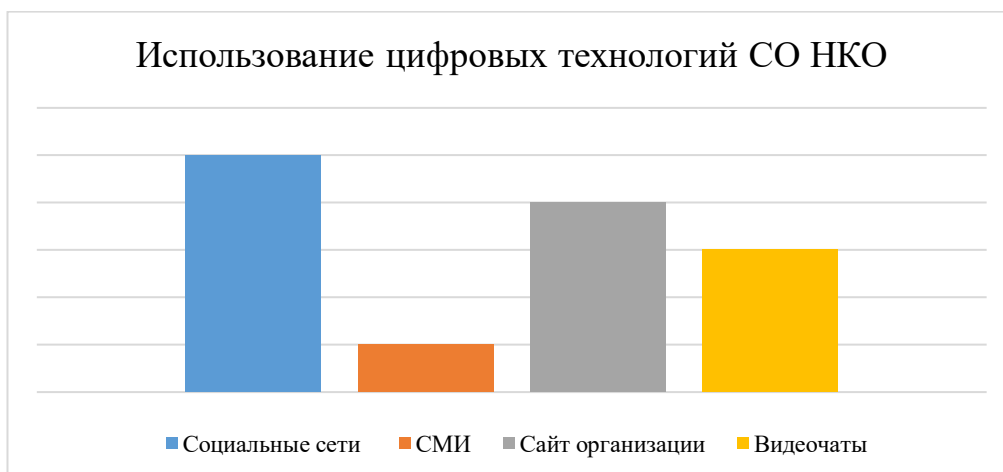
На сегодняшний день в реестре поставщиков социальных услуг Хабаровского края состоят – 71 поставщиков, 23 – некоммерческих организаций [6]. В Республике Саха (Якутия) в реестре поставщиков социальных услуг состоят 101 поставщиков, из них 10 – некоммерческих организаций. [5]

Анализ статистических данных развития негосударственных поставщиков социальных услуг регионов и интервью с руководителями СО НКО позволил выявить некоторые тенденции, характеризующие цифровизацию их деятельности в сфере социального обслуживания населения.

Участники интервью отмечали наличие у НКО официальных сайтов, где подробно представлены технологии работы, социальные услуги, порядок их предоставления. Многие организации используют социальные сети для продвижения своих услуг, часть организаций работают со СМИ.

Во время пандемии коронавируса большинство НКО перешли на дистанционную работу с населением. Проводятся вебинары, видео чаты, онлайн тренинги и курсы (Диаграмма №1). Благодаря переходу на цифровые технологии организациям удалось сохранить число потребителей услуг. Практически все НКО для ведения, создания и хранения документов используют цифровые платформы.

Диаграмма №1

Наши информанты подчеркивали значение применения разнообразных цифровых технологий в работе с потребителями социальных услуг: «У нас есть свой сайт официальный dobrosakha.ru, потом есть страница в инстаграм «Добрая страница», в контакте, в фейсбуке, во всех социальных сетях и в ютубе тоже есть канал «Харысхал».

Везде, где есть коммуникация, стараемся непрерывно информировать, не только там. У нас же еще есть местное телевидение «НБК-Саха», и там у нас есть вестник «Харысхал», передача о семьях детей с инвалидностью, все эти передачи вы можете найти на ютуб канале» (Руководитель благотворительного фонда «Харсыхал»).

Проблема, выявленная в процессе исследования, заключается в том, что не все потенциальные и постоянные клиенты могут воспользоваться цифровыми сервисами в силу своей некомпетентности в отношении цифровых технологий. В условиях пандемии региональные НКО оказались готовы к предоставлению социальных услуг с помощью интернет, но клиенты, тем не менее, предпочитают традиционную форму взаимодействия.

1. Романова Н.В. *Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы*. – М.: Вестник УГНТУ, 2020.
2. Студеникин Н.В. *Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы России*. – М.: МГИМО, 2018.
3. *Рейтинг субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства (письмо Минэкономразвития России от 01.10.2019г. №33112 – ИТ/Д01и)* – https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/socialno_orientirovannye_nekotmercheskie_organizacii/
4. *Реестр поставщиков социальных услуг Республики Саха (Якутия)* – <http://reestr442.sakha.gov.ru/rpost/reestr.html>
5. *Реестр поставщиков социальных услуг Хабаровского края* – <http://socuslugi.mszn27.ru/sonhub/orglist.html>

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ И ДЕТЬМИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ.

Рогова Анна Михайловна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Давыдов Сергей Анатольевич
(СпбГЭУ (Санкт-Петербургский государственный экономический университет))

В условиях становления и развития постиндустриального общества электронные ресурсы становятся частью и инструментом деятельности учреждений социального обслуживания. Развитие и использование электронных ресурсов является одной из государственных задач и отражено в государственной программе «Информационное общество до 2020 года», а также в документе «Стратегия развития информационного общества до 2030 года»[2,4].

Согласно ГОСТ 7.82—2001 электронные ресурсы - это электронные данные (информация в виде чисел, букв, символов или их комбинаций), электронные программы (наборы операторов и подпрограмм, обеспечивающих выполнение определенных задач, включая обработку данных) или сочетание этих видов в одном электронном ресурсе. В зависимости от режима доступа различают электронные ресурсы локального доступа и удаленного доступа.[3]

В современных учреждениях социального обслуживания семей с детьми электронные ресурсы выполняют следующие функции:

- 1)консультативную
- 2)информационно-просветительскую

- 3) образовательную
- 4) коммуникативную
- 5) посредническую
- 6) создание банка данных о клиентах
- 7) оформление пособий и социальных выплат на сайте госуслуг

Не только учреждения социальной помощи семье и детям разрабатывают и используют электронные ресурсы. Также сами семьи с детьми могут объединяться в группы в целях развития самопомощи и создавать свои электронные ресурсы, например, платформы для общения, группы в социальных сетях. Такими примерами могут служить ресурс «Многодетки.ру» или группа в «Контакте» - «Многодетные семьи Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Чаще всего, такие ресурсы создаются и пользуются семьями с детьми-инвалидами, многодетные, неполные, а также семьи с детьми по месту жительства для развития взаимопомощи.

Использование электронных ресурсов позволяет охватить информацией большое число семей, экономить время и силы для оформления материальной помощи, получать онлайн консультации специалистов.

В тоже время, развитие и использование электронных ресурсов вызывает ряд трудностей: недоверие к электронным ресурсам, техническая обеспеченность учреждений компьютерами, профессионализм и практические навыки специалистов учреждений социальной помощи семьям с детьми [1]

Одной из проблем остается взаимодействие человеческих и электронных ресурсов при оказании помощи семьям с детьми. В «Стратегии развития информационного общества до 2030 года» сказано, что «информационные технологии будут применяться не в ущерб традиционным, до-интернетовским формам взаимодействия граждан друг с другом и государством». [4]. Таким образом, широта использования, граница внедрения электронных ресурсов в работе с семьями и детьми остаются актуальными проблемами на сегодня.

И Нефедьева Елена Ивановна, Гуляева Анастасия Ивановна «Информационная открытость и доступность как направление социального маркетинга» (на примере учреждений социального обслуживания) // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. №3. URL:

64 <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-otkrytost-i-dostupnost-kak-napravlenie-sotsialnogo-marketinga-na-primere-uchrezhdeniy-sotsialnogo-obsluzhivaniy>

2. <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>

3. <http://docs.cntd.ru/document/1200025968>

4. <https://d-russia.ru/strategiya-razvitiya-informatsionnogo-obshhestva-2030-osnovnye-svedeniya.html>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ОНЛАЙН: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ДИАЛОГА С ГОСУДАРСТВОМ

***Романенко Вероника Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)***

Исследование выполнено в рамках Проекта № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг» выполнено в СПбГУ при поддержке Российского Научного Фонда

Активное развитие цифровой культуры существенно сказалось на модернизации интеракций государства и российского общества. Появились различные супер-сервисы электронного правительства, среди них - портал Российская общественная инициатива (РОИ), где граждане России могут выносить на всеобщее голосование свои предложения по развитию социально-экономической и политической жизни. Нельзя недооценить роль данного сервиса как инструмента гражданского общества для заявления о своих интересах и потребностях. Именно их анализ и стал целью представленного исследования.

Опираясь на теории гражданского общества и сетевого взаимодействия в ходе коллективного принятия решений (Гидденс, Штомпка, Володин, Капустин и др.), мы стремились ответить на вопросы о включенности россиян в работу данного портала, о том, какие темы их больше всего волнуют. Методами получения результатов стали:

- телефонный опрос (702 респондента) для выявления тенденции использования цифровых сервисов электронного правительства, с последующей статистической обработкой данных в IBM SPSS Statistic,

- контент-анализ портала ROI.RU (РОИ) и описание социально-демографических характеристик участников одноименной группы (15500 человек) в электронной социальной сети (<https://vk.com/rosiniciativa>).

Несмотря на то, что Интернет и цифровые сервисы в повседневной жизни используют подавляющее большинство россиян, только 2% респондентов обращались к portalу РОИ. Наиболее инициативная группа социальной сети РОИ – мужчины от 30 до 35 лет.

В рамках контент-анализа портала определены наиболее часто встречающиеся темы - финансовое положение россиян, политика и экология. По количеству отданных голосов наиболее поддерживаемыми являются предложения о преобразованиях в сферах (по убыванию): экологии, финансов, политики, медицины, транспорта и безопасности. Анализ смысловых выражений показал, что предложения о политическом реформировании часто сопряжены со словами «депутат», «чиновник», «коррупция», «запретить», «снизить», «уравнять», «выборы». Вопросы экологии ассоциированы с мусором, животными, лесами, продуктами, упаковкой и строительством нежелательных объектов. Финансовое положение сопряжено с налогами, пошлинами на жилищно-коммунальное хозяйство, заработанными платами и банковской сферой.

На сегодняшний день только 34 инициативы были рассмотрены экспертной комиссией (сейчас активно 2376 проектов, с учетом ушедших в архив – более 16 тысяч). Несмотря на то, что некоторые проекты федерального уровня перешагнули установленный для рассмотрения комиссией порог (100000 голосов), многие из них были отклонены (например, отмена повышения пенсионного возраста, запрет на блокировку Интернет-ресурсов, уголовная ответственность для недобросовестных чиновников).

Таким образом, практический интерес к portalу скорее основан на возможности изучить нужды и пожелания населения РФ, нежели на оценке его работы как эффективного рычага гражданского общества в ходе принятия коллективных решений.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ ПУТЕМ РАЗВИТИЯ WELFARE SERVICE STATE

Сибирев Владимир Анатольевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда в рамках Проекта № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Для современного общества цифровизация — ключевой драйвер развития. Управление социальной сфера не является исключением. Современные электронные сервисы создают доступную среду с точки зрения получения информации, тем самым, позволяя упростить жизнь всех, кто хочет получить социальные услуги. Благодаря внедрению цифровых технологий, социальная сфера становится мобильной, гибкой, способной к изменениям, а значит, повышается и качество оказываемых услуг.

Принципиально важную роль в решении данной задачи играет Национальный проект «Цифровая экономика», который сейчас активно реализуется. Он включает в себя в частности федеральный проект «Цифровое государственное управление». Последний предусматривает в том числе цифровую трансформацию государственных (муниципальных) услуг и сервисов. Стоит отметить еще одну важную новацию: на смену заявительному подходу со стороны потребителя услуги, который предполагает для получения того услуги подготовить требуемый к представлению пакет документов и написать заявление, должен прийти проактивный со стороны государства, когда услуга предоставляется без обращения гражданина, а иницируется самим госорганом.

Помимо совершенствования механизмов предоставления государственных (муниципальных) услуг приоритетным направлением развития социальной политики является цифровизации механизма получения адресной социальной помощи на основе критериев нуждаемости.

Это означает, что роль и значение Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО) будет кардинально меняться.

ЕГИССО является федеральной государственной информационной системой, позволяющей получать гражданам и органам власти актуальную информацию о мерах социальной поддержки, оказываемых из бюджетов всех уровней, как в отношении отдельно взятого человека, так и в целом по стране, а также получать сведения, необходимые органам власти для планирования мер социальной поддержки.

Безусловно, создание ЕГИССО важнейший этап перехода к цифровой системе социальной поддержки, которая исключает дублирование сведений в различных ведомствах. Она позволяет в едином формате обеспечивать актуальность и полноту данных обо всех мерах социальной защиты (поддержки) граждан, выплатах и компенсациях, которые предоставляются в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований, а также об их получателях и их правах на такие меры социальной защиты.

Социальное обслуживание граждан сегодня обеспечивается как государственными структурами, так и негосударственными организациями. Развитие государственных сервисов предоставления социальных услуг не отрицает усиления роли негосударственных

игроков в сфере социальных услуг, направленных на создание и расширение индивидуальных возможностей для получения необходимых услуг.

Несмотря на то, что такие центры являются относительно молодыми, они успешно дополняют государственную систему социального обслуживания, предоставляя широкий спектр услуг высокого качества. Активную поддержку со стороны государства получают различные пилотные проекты, направленные на удобство получения социальных услуг путем создания социальных цифровых сервисов. В качестве примера можно привести прежде всего «Кнопку жизни» для экстренной связи с пожилыми и детьми, а также Платформа SOL («Сурдо-онлайн») и т. д.

ВОЛОНТЕРСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБАХ: РОЛЬ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

Смолина Наталья Сергеевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина")

Современный этап развития сферы социального обслуживания характеризуется поиском новых технологий привлечения ресурсов, в том числе волонтеров, чьи усилия, заинтересованность, мотивация могут значительно повлиять на деятельность социальных служб. Потребность в волонтерах ощущается всеми «игроками» квазирынка социальных услуг: и государственными социальными службами, и негосударственными, и органами управления, чья роль в данном вопросе во многом сводится к организационной. Волонтеры в данном случае выступают яркими представителями наиболее активных социальных групп, обладая значительными личностными ресурсами, активной гражданской позицией, ориентацией на социальный эффект своих волонтерских усилий. Подобная ориентация может способствовать развитию самих социальных служб, внедрению социальных инноваций, объединению усилий разных субъектов при проектировании и внедрении инновационных технологий в деятельность социальной службы. Тенденции цифровизации, в том числе социальных услуг, влияют на технологии и формы работы, используемые для привлечения волонтеров, организации их деятельности.

Для подтверждения значимости данных тенденций в отношении социальных служб г. Екатеринбурга проведено эмпирическое исследование: серия интервью с руководителями и специалистами государственных и негосударственных социальных служб (N=9), волонтерами, вовлеченными в деятельность данных социальных служб (N=5). По результатам интервью обозначена роль цифровых технологий и сервисов в использовании волонтерской активности, организации волонтерских практик. Обозначены различия, обусловленные контекстными особенностями социальных служб.

1) В силу ориентации негосударственных социальных служб, представленных в основном социально ориентированными организациями «третьего сектора», на гибкость, адаптивность, динамичность в отношении изменяющихся условий внешней среды, сами негосударственные социальные службы активнее используют цифровые сервисы и технологии в поиске волонтеров (СО НКО в поиске волонтеров, прежде всего, ориентированы на социальные сети, мессенджеры, сайты организации, где максимально открыто представлены проекты и требования к волонтерам). Государственные социальные службы в поиске волонтеров практически не используют цифровые сервисы, ориентируясь на лояльность «бывших» получателей социальных услуг.

2) «Цифровые» компетенции специалистов социальных служб (любой секторальной принадлежности) определяют возможности взаимодействия с неформальными волонтерами, связь с которыми поддерживается от проекта к проекту, благодаря чему формируется крепкая, стабильная команда постоянных волонтеров. Наличие таких компетенций позволяет искать волонтеров с использованием цифровых сервисов, а в дальнейшем использовать подобные компетенции и самих волонтеров. В отсутствие подобных компетенций социальные службы предпочитают взаимодействовать с волонтерскими организациями, которые на время проекта предоставляют волонтеров в соответствии с требованиями социальной службы.

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ КАНАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА С АУДИТОРИЕЙ С ЦЕЛЬЮ ИЗМЕНЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

*Сыртланов Руслан Вячеславович
(Российский университет транспорта (МИИТ))*

В современном мире ключевым каналом взаимодействия дистрибьюторов услуг с целевой аудиторией становятся социальные сети. Активное ведение аккаунтов компаний, яркие рекламные кампании, привлекающие внимание не только потенциальных клиентов, но и широких слоев пользователей, а также постоянное информационное взаимодействие с действующими пользователями услуг являются основными компонентами успешной маркетинговой работы компании в социальных сетях [1].

В условиях необходимости формирования устойчивой мобильности населения в городах при имеющихся темпах автомобилизации и повышения конкуренции на рынке городских транспортных услуг перед городскими администрациями встает вопрос о необходимости активизации работы по изменению транспортного поведения городского и агломерационного населения с целью большего использования общественного транспорта, снижения загруженности дорог и повышения объемов мобильности населения.

В рамках исследования были проанализированы аккаунты и официальные сайты предприятий городского общественного транспорта Лондона (Transport for London), Берлина (BVG), Москвы (ГУП «Московский метрополитен», ГУП «Мосгортранс» и Департамент транспорта г. Москвы) и Лос-Анджелеса (LA Metro) с целью определения факторов взаимодействия с аудиторией и выявления успешных практик по формированию паттернов транспортного поведения населения с использованием устойчивых видов мобильности.

По итогам проведенного анализа были выявлены следующие выводы:

Ключевыми каналами информационного взаимодействия в сети «Интернет» помимо официальных сайтов являются аккаунты в социальных сетях «YouTube», «Twitter», «Instagram». Особенности предоставления транспортных услуг формируют необходимость быстрого информирования пользователей о текущих изменениях в движении, чрезвычайных происшествиях и поломках; для такого рода информирования компании используют «Twitter».

Рекламные кампании по повышению привлекательности общественного транспорта проводятся на платформе «YouTube» и «Instagram». В этой ситуации привлекателен кейс Берлина, чей транспортный оператор регулярно выпускает резонансные видео в сети «YouTube» с элементами самоиронии, высмеивающие недостатки предоставляемых услуг

компании. Данная деятельность является осознанной и приносит необходимый результат – количество пассажиров растёт, количество подписчиков в социальных сетях и узнаваемость бренда увеличивается [3].

При формировании вектора информационного взаимодействия необходимо учитывать особенности местного населения. Лондонский оператор делает упор на краткое информирование с выделением ключевой информации [1], в то время как берлинская компания использует молодежный и, зачастую, жаргонный сленг, а ГУП «Мосгортранс» в своих социальных сетях делает упор на вежливость и позитивный контекст в информационных сообщениях.

Таким образом, исследование показало векторы социального взаимодействия транспортных операторов с аудиторией в сети «Интернет», а также выделило необходимость учета местной специфики при определении формата сообщений и жанровой окраски.

1. *From Here To Here - A creative guide to making public transport the way to go, EMBARQ, 2014.*
2. *How TfL put social media at the centre of customer service, Institute of Practitioners in Advertising, 2014.*
3. *„Image verbessert, ohne Produkt wesentlich zu verändern“, Tagesspiegel.de, 2020.*

ВОЛОНТЕРСТВО В ВИДЕОБЛОГОСФЕРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Филипова Александра Геннадьевна
(Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

Абросимова Евгения Евгеньевна
(Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 20-011-31374*

Видеоблогинг прочно вошел в жизнь современных подростков и молодых людей. Videоблогеры становятся образцами для подражания, вдохновляя или провоцируя аудиторию на совершение разных действий. Волонтерство не стало исключением, оно также проникло в видеоблогосферу [1].

Ряд популярных видеоблогеров, осознавая популярность волонтерства, а также факт положительной оценки зрителями данного видеоконтента, приобщаются к добровольческой деятельности. Так, видеоблогер Dava снял видеоролик «Брошены, но не забыты. Я волонтер» о помощи пожилым людям в период пандемии [2].

Существуют личные каналы о волонтерстве как The Alice Twins, Polina Experience [3,4]. Они содержат информацию о том, как волонтерство включены в повседневную жизнь обычного человека. Контент данных видеоблогов направлен на мотивацию зрителей к помощи нуждающимся.

Однако намного больше социальных роликов о волонтерстве, которые создаются различными общественными организациями, деятельность которых связана с благотворительностью, помощью людям и волонтерством. Многие видеоролики размещаются на интернет ресурсах, принадлежащих непосредственно организации, но с целью популяризации и продвижения своей деятельности подобного рода ролики размещаются на видеохостинге You Tube. Можно выделить каналы таких организаций как «Перспектива», «Школа социального волонтерства», «Фонд Подари жизнь».

Нами были организованы групповые дискуссии в двух студенческих группах. Общее количество участников составили 25 человек в возрасте от 19 до 24 лет. Участникам задавались вопросы относительно их включенности в волонтерскую деятельность, влияния видеоблогосферы на отношение к волонтерству, мотивационном потенциале влогов и пр.

Предварительно полученные данные демонстрируют в целом положительное отношение студентов к видеоблогосфере, видеоблогам и видеороликам о волонтерах и т.п.

Как верно заметила одна из участниц обсуждения, видеоблоги воздействуют на разные органы чувств подписчиков, в т.ч. зрение:

Освещение волонтерами проблемы в интернете, да еще и в визуальной (видео) форме может привлечь внимание к социальным проблемам (Лиза, 21 г.)

Для детей-подписчиков видеоблогов важен личный пример видеоблогера: Если любимый блогер ребёнка скажет, что волонтерство это круто и полезно, то он будет считаться с его мнением. На своём примере блогеры показывают, как важно помогать людям. (Люба, 20 л.)

Участники дискуссии в большей степени говорили о социальных роликах, созданных для информирования аудитории о возможностях включения в добровольческую деятельность:

Узнать контакты волонтерских организаций, понять интересно ли им это или нет и какие трудности и обязанности их ждут впереди. (Юля, 20 л.)

Видеоблоги могут быть ответами на некоторые вопросы тех, кто хочет заняться волонтерством, но ничего еще не знает. (Юля, 21 г.)

Однако студенты также говорили о рекламном характере видеороликов, собственном пиаре за счет демонстрации собственного включения в социально значимую деятельность:

многие используют это для собственного самоудовлетворения и выгоды (Елена, 22 г.)

Таким образом, можно констатировать огромный потенциал видеоблогосферы в привлечении внимания аудитории к решению социально значимых проблем, в т.ч. через участие молодежи в волонтерской деятельности.

1. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ардалянова А.Ю. *Видеоблогинг глазами детей и взрослых: социологический анализ.* – СПб.: Астерион, 2019 – 230 с.
2. *Видеоблог DAVA. Ролик «Брошены, но не забыты. Я волонтер»* Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ijvw5QjtVvA>
3. *Видеоблог The Alice Twins.* Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fypw3nMxdUQ>
4. *Видеоблог Polina Experience.* Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aPLBMJjsSR0>

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Холоденко Юрий Александрович
(МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии
государственного управления)

Динамика современных социальных процессов носит противоречивый и непредсказуемый характер. Она обусловлена сложностью происходящих социальных изменений на фоне усиления конфликтности общественных отношений. Обостряются социальные проблемы современного общества, актуализируется общественный запрос на

социальную справедливость. Одним из важнейших факторов социальных изменений выступает цифровая революция. Цифровизация обостряет социальные риски, оказывая трансформирующее воздействие на структуру рынка труда и занятости населения, выбор форм и методов социальной политики современного государства.

Цифровая трансформация принципиально меняет характер социального неравенства. Усложняя конфигурацию социальных изменений, она наделяет неравенство принципиально новыми качествами, создавая так называемое цифровое неравенство, проявляющееся в неравном доступе к Интернету, цифровым технологиям, образовательным услугам и информации в данной сфере. Возникает риск быстрого обесценивания человеческого капитала. Без доступа к Интернету человек нередко теряет возможность повысить профессиональную квалификацию, получить высокооплачиваемую работу. В современном мире граница неравенства проходит внутри каждого государства, углубляя пропасть между теми, кто сумел использовать возможности цифровой революции и остальной частью населения [3,76].

Цифровизация создаёт дополнительные риски для занятости населения, в том числе в результате роботизации производственных и управленческих процессов. На это обращает внимание К. Шваб, подчеркивая, что роботизация «для многих людей ... непоправимо изменит то, как выглядит их работа, среда, семейная жизнь и сама идентичность» [4, 38]. Роботизация – процесс противоречивый. Выводя на новый уровень технологические новации, она одновременно обостряет проблему структурной безработицы. Россию пока трудно отнести к странам – лидерам в области роботизации. Эксперты утверждают, что она отстает от группы ведущих экономик мира на 7–10 лет. Так, в промышленности на 10 тыс. работников в 2016 году в России приходился один промышленный робот, в то время как в Южной Корее – 531, а в Китае – 49 [2].

Цифровая трансформация стимулирует развитие нестандартных форм занятости на базе Интернет, переход к дистанционной работе, к труду на основе гибкого графика. [1,43]. Однако цифровой переход обостряет проблему неформальных социально – трудовых практик, что представляет серьёзную проблему для государства. Попытки поставить под контроль «теневую» занятость вряд ли можно признать успешными.

Таким образом, под влиянием цифровой трансформации возникают риски масштабной безработицы. В этих условиях государство должно предпринять шаги в направлении формирования системы подготовки и переподготовки работников, способных адаптироваться к цифровому переходу. Другим направлением политики государства должно стать цифровое выравнивание для всех россиян, независимо от уровня достатка и региона проживания.

1. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019. Т.15. № 4. С.39-45.
2. Роботы не приживаются на российских заводах// *Ведомости*. 13.10.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya> (дата обращения 09.10.2020).
3. *Социальные изменения в условиях цифровой среды: коллективная монография*. Под ред. В.П. Васильева. М: МАКС Пресс, 2020. -240 с.
4. Шваб К. *Четвертая промышленная революция* М.: Эксмо, 2016. - 139с.

В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ ГРАЖДАН

Цзо Ци

(*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*)

В цифровой жизни граждан появляется модель данных, которая формируется в результате обработки цифровых технологий с использованием сети и программного обеспечения в повседневной жизни людей. Эта модель данных может отражать личность, мышление, поведение человека и т. д. И она будет становиться все ближе и ближе к реальному человеку и даже может заранее предсказать будущее поведение человека.

Данные для информационного общества являются топливом для промышленной революции [1,230]. Как рационально использовать модель данных при защите информационной безопасности граждан стало одной из основных проблем. В прошлом политики защиты конфиденциальности информации и разрешений, скрытые или анонимные, принятые компаниями, работающими с данными, стали недействительными. В прошлом стратегии защиты конфиденциальности «информация и разрешения», скрытые или анонимные, принятые на предприятиях, стали недействительными [1,200]. Таким образом, на мой взгляд, предоставление государству возможности взять на себя ведущую роль в создании институтов данных, а также создание и постепенное совершенствование соответствующих правовых механизмов может не только гарантировать интересы граждан, но и обеспечить безопасность данных и информации граждан.

Кроме того, использование данных должно быть открытым и прозрачным, поскольку их характеристика предсказания будущего не ограничивается служением гражданам, но в то же время ограничивает свободу граждан. При неправильном применении они могут даже стать инструментом подавления людей [2,265]. В то же время государственные учреждения обработки данных чрезвычайно инклюзивны. Они не только поддерживают крупные предприятия, но и предоставляют гарантии для операций с данными малых и средних предприятий. Действительно добиться беспроектной ситуации для всех сторон и способствовать честной конкуренции.

Кроме того, использование данных должно быть открытым и прозрачным, поскольку их характеристика предсказания будущего не ограничивается служением гражданам, но в то же время ограничивает свободу граждан. При неправильном применении они могут даже стать инструментом подавления людей [1,195]. Следовательно, следует ускорить разработку и совершенствование соответствующих законов и постановлений.

Как сказал Жан Тироль: «Признание цифровизации зависит от нашей уверенности в том, что наши данные не будут использованы против нас самих...» [3,393] Национальный надзор является гарантией безопасности наших данных, а законы и постановления - это последняя линия защиты, обеспечивающая безопасность наших данных.

1, Виктор Майер-Шенбергер. *Большие данные. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2012. 261с.*

2, Ма Хуатэн и другие. *Цифровая экономика новая движущая сила инновационного роста Китая. Пекин: CITIC Publishing Group, 277с.*

3, Жан Тироль. *Экономическая наука для общего блага. Пекин: Коммерческая пресса, 575с.*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Чикова Евгения Викторовна
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Тезисы подготовлены при поддержке РНФ, по теме проекта «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», №19-18-00246, реализуемого в СПбГУ

В условиях цифровой экономики увеличивается частотность использования представителями третьего сектора цифровых технологий. Существует целый комплекс причин, побуждающих социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) к цифровой трансформации: необходимость увеличения информационного охвата целевой аудитории, привлечение различных инструментов для адресного общения с донорами, повышение прозрачности организации с целью снижения репутационных рисков, повышение качества внутренних управленческих процессов и т.д.

Прежде всего, обращает на себя внимание высокий спрос СО НКО на продукцию, создаваемую ИТ-сектором: социальные сети, мессенджеры, CRM-программы, сервисы электронной рассылки, чат-боты, облачные хранилища, программы для создания интерактивных презентаций, сайтов, краудфандинговые платформы, системы он-лайн оплаты и дополнительные плагины для сбора пожертвований, программное обеспечение для планирования и управления проектами, qr-коды, площадки для проведения видеоконференций [1].

С помощью вышеупомянутых цифровых инструментов ряд СО НКО уже сегодня оказывает дистанционные услуги, формирует дополнительные источники бюджета, строит омниканальные коммуникации с клиентами, создает и распространяет собственные обучающие материалы, видеоролики, проводит вебинары, стримы, собирает волонтерские и донорские базы данных.

Одновременно, используя индивидуальный дизайн, хештеги, внедряя удобный интерфейс и дополнительные плагины для сайта и социальных сетей, многие некоммерческие организации, выстраивают долговременную стратегию самопозиционирования, закрепляющую за ними узнаваемый и визуально привлекательный имидж. При этом для СО НКО, поставщика социальных услуг, информационная открытость т.е. наличие сайта является необходимостью [2].

С другой стороны, СО НКО используют социальные сети для нетворкинга и фасилитации, то есть для выстраивания партнерских отношений и поиска решений с помощью инструмента группового обсуждения. Они создают профессиональные группы по интересам, в которых анонсируют мероприятия, высказывают свое отношение к тем или иным действиям властей различного уровня, ищут партнеров/специалистов для реализации совместных проектов и т.д.

Наконец, СО НКО привлекают медиаволонтеров и ИТ-волонтеров, с помощью которых приобретают дополнительные возможности для создания и распространения контента, связанного с их деятельностью, и решают задачи технического и дизайнерского профиля для своих цифровых площадок.

п.1. Как российские НКО используют ИТ в своей работе [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2019/11/15/nko-it/>

п.2. Статья 13. Информационная открытость поставщиков социальных услуг // Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 13.07.2020) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ab00061ff8f42314348c8bf85a5f67d5f2914b4c/

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИКТ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ.

Чулков Сергей Сергеевич

(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Проблема цифрового неравенства резко обострилась в период самоизоляции. Если раньше многие пожилые могли относиться к ИКТ пренебрежительно, то теперь включенность в цифровые практики стала важным фактором, определяющим их качество жизни на карантине.

Менее заметным, но не менее значимым проявлением цифрового разрыва является неравенство результатов использования технологий. «Этот цифровой разрыв присутствует тогда, когда владение цифровыми навыками и использование Интернета не приводят к благоприятным результатам». [1, 1609]

В исследовании анализируются данные «выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей», проведенного Росстатом в 2019 году, объем выборки составляет 153 912 респондентов по всей России в возрасте от 15 лет. Рассматриваются ответы на вопросы о том, какими функциями компьютера и интернета пользуются пожилые, что позволяет понять, какие результаты от этого они получают.

Пожилые люди используют меньше функций компьютера. Из 12 возможных функций, в возрасте 60-64 лет они используют 1 функцию, а в возрасте 75-79 лет – 0,16, в то время как 15-19 летние используют 4,6 функций компьютера. Это показывает, что даже сам по себе доступ к компьютеру еще не решает проблему цифрового разрыва.

Пожилые люди используют меньшее количество функций интернета. Из 26 возможных, в возрасте 55-59 используют 3,6 функций, в 65-69 – 1,8, а после 80 лет – только 0,18 функций. Для сравнения, в возрасте 20-24 года люди используют 7,5 функций.

Главным образом пожилые люди используют интернет для общения: около половины респондентов старше 55 лет используют эти функции. Причем среди людей старше 65 лет самыми популярными становятся именно телефонные звонки. Получается, что многие из них используют новое устройство привычным для них способом – просто как телефон, а популярное общение в мессенджерах – аналог привычных СМС.

Покупают в интернете только 22%, а осуществляют банковские операции – 35% старше 55 лет, хотя эти действия могли бы сильно облегчить жизнь пожилым людям.

Интернет не воспринимается пожилыми людьми как площадка для развлечений, но при этом культурные и познавательные цели, а также обсуждение общественно-политических вопросов имеют относительную популярность по сравнению с другими видами деятельности.

Само по себе наличие компьютера и доступа в интернет не создает равенства, важнее то, насколько человек умеет извлекать выгоду из этого доступа. Как мы видим, пожилые используют намного меньше возможностей, что приводит к неравенству в результатах, и это неравенство углубляется с возрастом.

Scheerder A., van Deursen A., van Dijk J. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second-and third-level digital divide //Telematics and informatics. – 2017. – Т. 34. – №. 8. – С. 1607-1624.

ЭКСТРЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ МУЗЕЕВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ 2020: ОПЫТ ИТАЛЬЯНСКИХ ГАЛЕРЕИ УФФИЦИ И ПИНАКОТЕКА АМБРОЗИАНА

Шевлякова Дарья Александровна

(МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

В докладе планируется к исследованию деятельность двух ведущих музейных комплексов Итальянской республики – Галереи Уффици в г. Флоренция и Пинакотека Амброзиана в г. Милане – в условиях пандемии 2020 г. Выявляются новые подходы двух музеев к взаимодействию со зрителем, анализируется эффективность выбранных инструментов, в частности: новые виртуальные площадки для коммуникации с современной аудиторией, экстремальная дигитализация основных коллекций и фондов, использование новых медиа для продвижения своего продукта и взаимодействия с посетителями. В докладе будет предпринята попытка обобщить опыт двух музейных комплексов Италии и предложено практическое применение их результатов для цифровой трансформации современного музея.

Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: подходы к типологии // Вестник МГУКИ. № 4 (48), 2012. С. 186–190.

Новосельцев С. Мультимедиа — синтез трех стихий // Компьютер пресс. Обзорение зарубежной прессы. 1991. № 7. С. 3–14.

Пилко И. С, Савкина С.В. Электронные выставки музеев: специфические особенности, видовая классификация // Вестник КемГУКИ. № 29, 2014. // [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru / 61609772-Udk069-i-s-pilko-s-v-savkina.html> (Дата обращения: 15.12.2018).

Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2018. 588 с.

Пустовойт Ю. В. Педагогические аспекты применения цифровых технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея // Научный поиск. № 4 (30), 2018. С. 20–23.

Черненко В. В. Современные информационные технологии в музее: экспозиционно-выставочный аспект // Музей и современные технологии: Материалы Всероссийских научных конференций. Томск, 20–23 мая 2003 г., 20–24 сентября 2004 г., 19–22 67 Музееведение и охрана культурного наследия ноября 2005 г./Отв. редактор Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 116–127.

Шляхтина Л.М. Музей в современном мире: тенденция развития // Значение и возможности музеев в современном мире (Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2005). СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 15–22.

СЕКЦИЯ 9. ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: СМЫСЛЫ, СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКИ

ЭКЗАМЕНЫ КАК ФАКТОР СТРЕССА У СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ (ПО ИТОГАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

*Абросимова Наталья Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Стресс в период сдачи экзаменов в учебных заведениях является состоянием, которое «затрагивает все системы организма человека: нервную, сердечно-сосудистую, иммунную» [1], что может выражаться, например, «в повышении частоты сердечных сокращений, повышении артериального давления, возрастании уровня мышечного и психоэмоционального напряжения» [2, 34]. В то же время стрессоры, вызывающие вегетативные изменения в организме (повышение сахара в крови, учащение пульса, увеличение артериального давления), говорят нам о том, что стресс является защитной реакцией, неспецифическим психофизиологическим проявлением адаптации организма человека «на воздействия, инициирующие физическую или психическую травму» [3].

Актуальность изучения данной темы состоит в уникальности ситуации, сложившейся в период пандемии COVID-19 в первой половине 2020 года, когда студенты и школьники столкнулись не просто с экзаменационным периодом, а вынуждены были учиться в довольно необычных условиях: без непосредственного контакта с преподавателями и одноклассниками/одногоруппниками, обучение происходило исключительно с помощью технических устройств дома, в присутствии родственников (либо работавших удаленно, либо потерявших работу), в некоторых случаях – без возможности посещать привычные места общения сверстников и организации.

Данные факторы наложили отпечаток на реакции по отношению к экзаменам у обучающихся. Именно с 28 мая по 6 июня 2020 года автором был проведен опрос школьников и студентов колледжей города Санкт-Петербурга на тему их отношения к экзаменам как фактору стресса. Внимание было заострено на процессе снятия напряжения, возникающего в процессе подготовки к испытаниям. В данном пилотном социальном обследовании респондентами были 428 юношей и девушек в возрасте от 14 до 24 лет.

Выдвинув предположение, что экзаменационная сессия в колледжах для студентов и период экзаменов для школьников, является фактором стресса для учащихся, респондентам было предложено ответить на несколько вопросов. К примеру, на вопрос «Как чаще всего вы предпочитаете снимать стресс и умственное напряжение?» (можно было выбрать от 1-го до 3-х вариантов) были получены такие ответы. Варианты «люблю поговорить с кем-нибудь» и «слушаю больше музыки» набрали по 19,3% каждый; 18,3% ответивших на вопрос респондентов остановились на ответе «люблю побольше двигаться: ходить куда-нибудь, бегать, заниматься спортом и т.п.»; 17,0% сказали, что они смотрят что-нибудь: видео в интернете, ТВ-программы и т.п. 15,0 % респондентов сообщили, что они начинают больше и чаще есть; 6,5% - читают больше книг, а 4,6% выбрали вариант «другое».

Неотъемлемой частью состояния стресса является способность снять психическое и физическое напряжение, с которым сталкиваются, например, студенты и школьники в период сдачи экзаменов. Умение достичь поставленной цели с наименьшими потерями для своего психического и физического здоровья можно считать признаком такого

интегративного свойства личности как стрессоустойчивость, которая «определяет успешность социального взаимодействия индивида, характеризуется эмоциональной стабильностью, высоким уровнем саморегуляции, низким уровнем тревожности и высоким уровнем психологической готовности к стрессу» [3].

Немаловажное значение имеет способность и возможность переключаться с процесса обучения на иные виды деятельности. Как видно из ответов, обучающиеся смогли найти для себя такие занятия, несмотря на сложности, связанные с периодом ограничений, совпавшим с временем сдачи экзаменов весной 2020 года.

1. Хвалина С.А. Экзаменационный стресс // Бюллетень медицинских интернет-конференций. - 2013. - Т. 3 (2). - С. 466. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzamenatsionnyy-stress> (Дата обращения: 29.08.2020 г.)

2. Фатеева Н.М., Арефьева А.В. Экзаменационный стресс и психофизиологические показатели студентов // Образовательный вестник «Сознание». - 2015. - Т. 17 (3). - С. 3-37. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzamenatsionnyy-stress-i-psihofiziologicheskie-pokazateli-studentov> (Дата обращения: 29.08.2020 г.)

3. Андреева Е. А., Соловьева С. А. Особенности проявления стресса у студентов во время сдачи экзаменационной сессии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2016. - <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-stressa-u-studentov-vo-vremya-sdachi-ekzamenatsionnoy-sessii> (Дата обращения: 29.08.2020 г.)

ФОРМАТ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Алексеевко Мария Александровна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002)

Развитие Интернета повлекло за собой переход некоторых видов деятельности из оффлайн сферы в онлайн. Люди стали чаще пользоваться интернет-магазинами, проводить банковские операции и записываться к врачам через Интернет. Также с развитием интернет пространства процесс знакомств и поиска будущего партнера трансформировался и приобрел новые формы, такие как использование мобильных приложений и сайтов для знакомств и подбора партнера для брака, в том числе среди иностранцев. Культура онлайн знакомств в Южной Корее среди молодого поколения не стала исключением и имеет долгую историю развития, начиная с 1980-х годов [1, 1123].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что культурные особенности непосредственно влияют на те паттерны, которыми пользуются люди в процессе выбора партнера [2, 1]. Следовательно, изучение новых современных норм знакомств с целью сексуального контакта, отношений или брака позволит исследователям понять механизмы структуризации и социокультурные особенности данного феномена.

Южнокорейский традиционный способ знакомств можно описать следующим образом: как правило, молодые люди знакомятся в университете или клубах по интересам, однако важным принципом остается момент, когда двух людей представляет друг другу

общий знакомый. В корейском языке есть даже слово согетинг (кор. 소개팅; пер. на англ. blind date), когда партнера для свидания посоветовали друзья, родственники или коллеги [3]. Таким образом, социально неактивные или психологически замкнутые и стеснительные люди выпадают из этой системы, и могут иметь трудности в любовной сфере. Только последние годы благодаря Интернету это стало больше похоже на классические свидания вслепую [3].

Исследователи отмечают, что с появлением интернет-знакомств люди стали более социально активны и вовлечены в те практики, которые до этого вызывали дискомфорт [4, 47]. Существует немало корейских приложений для знакомств, среди которых можно отметить Скайпипл (кор. 스카이프플), Аманда (кор. 아만다), Сомдей (кор. 썸데이) и другие. Также можно найти по несколько приложений в таких категориях как подбор случайного партнера, поиск по критериям идеального образа, имитация общения в социальных сетях и подобные [5, 339].

Резюмируя описанное выше, в Корее популярен онлайн формат знакомств, а в последние годы молодое поколение активно использует специальные приложения для поиска партнера. Их разнообразие свидетельствует об актуальности такого способа, что порождает интерес для дальнейшего изучения положительных и отрицательных черт южнокорейского стиля, критериев подбора в онлайн пространстве и основных перспектив развития новых форматов онлайн-знакомств.

Стоит также отметить, что паттерны знакомств разных культур могут иметь принципиальные различия. Поэтому изучение данного вопроса позволит лучше понять особенности социальных, культурных и брачных аспектов повседневной жизни в контексте различных культур.

1. Lee S. *Effect of online dating on assortative mating: Evidence from South Korea* // *Journal of Applied Econometrics*. – 2016. – Т. 31. – №. 6. – С. 1120-1139.
2. Ye J. *Seeking love online: A cross-cultural examination of personal advertisements on American and Chinese dating websites* // *Global Media Journal*. – 2006. – Т. 5. – №. 8.
3. <http://seoulsync.com/lifestyle/blind-dating-in-korea> (дата обращения: 09.10.2020)
4. Jung J. H. et al. *Love unshackled: Identifying the effect of mobile app adoption in online dating* // *MIS Quarterly*. – 2019. – Т. 43. – С. 47-72.
5. Lee H. J. et al. *Analysis and Design on Mobile Application Based Social Dating Contents* // *The Journal of the Korea Contents Association*. – 2014. – Т. 14. – №. 4. – С. 336-345.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ)

*Аллахвердиева Лейла Мадат кызы
(Московский гуманитарно-экономический университет
Гжельский государственный университет)*

В современном обществе последовательное и целенаправленное развитие системы образования становится невозможным без активного использования цифровых технологий в образовании, которые дают возможность студентам целенаправленно использовать глобальные информационные сети, тем самым способствуя более успешному восприятию учебного материала. Пандемия COVID-19, несмотря на ее явные негативные последствия, привела к пониманию ряда важных проблем новой цифровой реальности, в частности того,

что специалисты обозначили как «цифровой разрыв», преодоление которого «сможет обеспечить устойчивость в самом важном секторе человеческого развития – образовании».
[1]

Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в систему образования является несомненно позитивным процессом, но у него есть и своя обратная проблемная сторона, поскольку «практики онлайн-обучения серьезно трансформируют организационные принципы и формы обучения, виртуализируют образовательное пространство и тем самым усиливают опосредованность цифровыми технологиями субъект-субъектные взаимодействия». [2, 47-48]

В отношении же обучения студентов с ОВЗ в системе инклюзивного образования необходимо отметить, что в нем обязательно предполагается специальное педагогическое сопровождение, нацеленное на усиления эффекта их социализации и социальной адаптации. Отсутствие же личностных, субъект-субъектных взаимодействий при их обучении в дистанционном формате во многом затрудняет эти процессы. По опыту работы в инклюзивном вузе можно отметить, что реализация инклюзии в период пандемии стало достаточно тяжелым испытанием для студентов-инвалидов во многом в силу недостаточной психолого-педагогической поддержке.

Цифровой формат обучения в системе инклюзивного образования имеет своей положительной стороной облегчение затрат труда студентов, но не всегда достаточно способствует получению ими крайне необходимых навыков социального общения. В то же время, нельзя не признать важность и преодоления обозначенного выше «цифрового разрыва», и необходимость цифровой социализации как процесса овладения социального опыта посредством современных информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, для обучения в дистанционном формате в системе инклюзивного образования следует искать современные эффективные формы специального педагогического сопровождения в процессе обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.

1. Агранович М. Л. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР [Электронный ресурс] // Федеральный институт развития образования. Официальный сайт. - URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza> (дата обращения 04.10.2020).
2. Кротенко Т.Ю. Цифровая социализация в образовании // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 2 (44). С. 46-49. С.47-48.

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ «ПОТРЕБЛЕНИЯ ГОРОДА» МОЛОДОЙ СЕМЬЕЙ

Антонова Наталья Леонидовна
(Уральский федеральный университет)

Абрамова Софья Борисовна
(Уральский федеральный университет)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a

Современное городское пространство предлагает широкий спектр возможностей для реализации досуговых интересов горожан, в том числе и молодой семьи. Молодое поколение – наиболее мобильная социально-демографическая группа, открытая инновациям. Молодая семья заявляет собственное «право на город» (концепт представил

французский социолог А. Лефевр [2]), присваивая и потребляя городское пространство в досуговых практиках.

Мы провели пилотное исследование в городе Екатеринбурге в начале 2020 года, объектом которого выступила молодая семья, не имеющая детей. Методом стандартизированного интервью опрошено 20 молодых людей (10-девушек, 10 – юношей), состоящих в браке. Основной целью исследования стал анализ досуговых практик молодой семьи.

Результаты исследования показали, что практически все информанты свободное время проводят совместно. При этом досуговая деятельность разнообразна: просмотр фильмов/сериалов, слушание музыки, Интернет-коммуникации. Такой «домашний» режим досуговой деятельности характерен в будние дни. Что касается выходных дней, то, по оценкам информантов, в структуру свободного времени закладывается общение и встречи с родственниками/родительской семьей, а также «выходы» в город, в том числе и для взаимодействия с друзьями/знакомыми.

Досуговая инфраструктура центра города разнообразна, именно поэтому молодая семья в выходные дни стремится в центральную часть города. Досуговые практики нацелены на культурное потребление и потребление развлечений. Информанты отметили, что посещают кафе/рестораны, ходят в кино, а также бывают в музеях, на выставках и концертах. Исследования показывают, что большая численность культурных/досуговых центров, нацеленных на реализацию широкого спектра потребностей разных групп, выступает важной характеристикой при оценке места проживания [1, 106].

Взаимодействие с родительской семьей осуществляется, как правило, вне «домашних стен», но скорее в местах, близких к проживанию родственников. Как отмечают информанты, обеды в кафе в выходные дни с родителями приобретают характер ритуала, укрепляющего родственные связи и поддерживающего родственную сеть. Следует отметить, что отношения с родительской семьей в большей степени наделены обязательствами и, соответственно, свободное время, проведенное с родителями, приобретает характер регламентации и необходимого исполнения. Отсюда, гедонистическая функция досуга трансформируется. Поэтому, для молодой семьи важным остается получение удовольствия от досуговой деятельности.

Особое внимание в ходе исследования было обращено анализу инициативности и городского активизма. Однако, молодая семья нацелена на потребление, а не на производство городского пространства. Маршруты «воскресных» перемещений молодой семьи сосредоточены в центральной части города: Площадь 1905 года, набережная реки Исеть, пешеходная зона на улице Вайнера. Публичные места в пространстве города становятся средоточием символического капитала территории [3], потребляемым молодой семьей, и фактором формирования ее локальной идентичности. Вместе с этим, полагаем, что назрела насущная необходимость включения молодой семьи в производство городского пространства. Одним из инструментов привлечения могут стать городские паблики и информационные сайты, способные мобилизовать молодых горожан и скоординировать разные виды социальных активностей.

1. *Абрамова С.Б., Антонова Н.Л., Пименова О.И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // Образование и наука. 2019. № 21(1). С. 97-123. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-97-123*

2. *Lefebvre H. Writings on cities. Oxford: Blackwell Publishers, 1996.*

3. *Zukin S. The Culture of Cities. London: Blackwell, 1995*

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Армянинова Дарья Андреевна
(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет")

Певная Мария Владимировна
(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет")

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления» № 20-011-00471».

The report

Аннотация. В докладе анализируются некоторые характеристики цифровой активности молодежи, обозначаются теоретические подходы к оценке формирования конструктивного цифрового поведения, цифровое волонтерство раскрывается как практический подход в развитии компетенций молодежи и ресурс для реализации социальных проектов в некоммерческом секторе.

Ключевые слова. Цифровое гражданство, цифровая активность, цифровое волонтерство, молодежь

Характер социального взаимодействия молодежи во многом определяется проникновением интернета и доступностью технических средств для коммуникации в онлайн пространстве. Молодое поколение, «родившееся с планшетом и телефоном», с легкостью использует цифровую среду и ее ресурсы в повседневной жизни и учебе. По данным ФОМ, к суточной аудитории интернета (пользуется им каждый день) 95% россиян в возрасте от 18 до 30 лет [12]. Молодежь использует интернет для самовыражения, отдыха, для получения информации и как способ заработка [8, С. 41]. Реализуя себя в онлайн среде по разным направлениям, молодые люди и девушки формируют круг своего взаимодействия, свою информированность по разным вопросам. Среди 18-30 летних россиян 70% узнают новости с сайтов в Интернете (среди населения в целом 51%), 65% – на форумах, блогах, социальных сетях и мессенджерах (соответственно 32% в целом среди россиян) и только 31% получают информацию по телевидению (среди населения в целом 62%) [13].

Молодежь становится не только потребителем новых медиа, но и производителем информации. Однако смена среды коммуникации не исключает многие социальные и психологические проблемы, которые характерны для этого поколения. Более того, многие из них усложняются, перечень возникающих сложностей социализации и социального взаимодействия серьезно расширяется.

Одной из основных таких проблем, о которой сегодня пишут специалисты, является сложность формирования цифровой культуры и цифровой грамотности. «Цифровая грамотность – это способность человека использовать цифровые инструменты, знания и умения необходимые для эффективного и безопасного изучения цифровых технологий и ресурсов интернета с пользой для себя» [3, С. 36]. Концепт цифровой грамотности охватывает по своему содержанию процесс цифрового потребления, цифровые

компетенции пользователей, а также нормы цифровой безопасности. Рассмотрим каждую из этих частей в концепции информационной жизни. Цифровое потребление включает в себя возможности и реальные практики получения цифровых либо оцифрованных данных. Обычно оно измеряется наличием у разных социальных групп технических средств коммуникации, доступностью интернета и частотой их использования. Молодое поколение в основном бывает обеспечено необходимыми для этого устройствами и быстро развивает навыки их использования в повседневной жизни. Цифровые компетенции помогают людям в поиске информации. В общем их можно охарактеризовать как запас сведений о ресурсах, поисковых системах, локациях и ресурсах размещения информации различного типа в сети интернет.

Европейские исследователи характеризуют цифровое гражданство по формируемым компетенциям молодежи как феномен демократической культуры. Они обозначают следующие его элементы: «присутствие в цифровом пространстве, цифровое благополучие и цифровые права». Присутствие в цифровом пространстве затрагивает сетевое взаимодействие и практики, которые реализуют дети и молодежь в интернете. Исследователи особо выделяют проблемы доступа и инклюзии, обучения и творчества, а также медиа и информационной грамотности сетевых пользователей. Цифровое благополучие охватывает социально-психологические и этические проблемы, которые возникают в коммуникативной среде виртуального пространства. Цифровые права затрагивают ответственность, конфиденциальность, безопасность и информационную осведомленность молодежи. С 2016 года Экспертная группа обобщает и тиражирует лучшие практики формирования цифрового гражданства молодежи в контексте формального и неформального образования [10].

Цифровая среда без специального участия заинтересованных сторон не формирует цифровую грамотность потребителей в части критической оценки качества информации. Поэтому определенную важную роль в ее содержании играют нормы цифровой безопасности. Цифровая безопасность – это знания о нераспространении личной информации в сети интернет, о нормах поведения в цифровом пространстве, об экономических и социально-психологических проблемах и их последствиях, которые сегодня появляются у пользователей, нарушающих эти нормы чаще всего неосознанно.

Социологи НИУ ВШЭ к таким проблемам относят здоровье и сон, психологическое благополучие, общение, образовательные результаты, безопасность: кибербуллинг [4, С. 3-18]. В качестве актуального практического решения обозначенных проблем исследователи и практики видят целенаправленное формирование среди молодежи «цифрового гражданства». Последнее социологами определяется как «совокупность ценностей, норм, установок, обеспечивающих безопасное, ответственное и эффективное использование интернет-коммуникаций» [6, С. 153].

Цифровое гражданство предполагает целенаправленную разработку информационно-просветительских материалов о безопасном использовании интернет-ресурсов и их распространение среди целевых аудиторий. Цифровая грамотность позволяет формировать устойчивость к проявлениям социально-психологического насилия в виртуальном пространстве, предотвращать аддиктивное поведение со стороны детей, подростков и молодежи через их просвещение. В другом своем функциональном значении цифровая грамотность может способствовать переориентации поведения пользователей с деструктивных форм к конструктивным – самообучению, саморазвитию, поиску качественного, познавательного контента.

Формирование цифровой грамотности молодого поколения – это комплексные усилия, которые необходимо предпринять против насилия между людьми, как физического, так и эмоционального [1, С. 31-34]. Одним из направлений формирования и распространения цифровой грамотности и цифровой культуры является цифровое волонтерство [5, С. 94]. Данное направление волонтерства быстро распространяется в условиях социальных ограничений. Особую актуальность, востребованность в социальной сфере и популярность среди молодежи оно начало набирать именно в период пандемии. Цифровое волонтерство формирует культуру взаимодействия в сети, расширяет поле информационных ресурсов, которые становятся для молодежи видимыми и доступными. Соответственно формируются и новые платформы для выражения своего мнения на острые социальные, либо политические темы [9, С. 18-24]. Цифровое волонтерство формирует определенные знания, как правило, конструктивные, в соответствии с теми социальными целями, которые решаются в проектах и программах. Для того чтобы стать частью команды виртуальных волонтеров не нужно на старте иметь специальных навыков и опыта работы. Однако, именно данный вид волонтерства помогает приобрести конкретные навыки, отработать свои профессиональные компетенции по различным направлениям [7, С. 79-88]. Волонтеры приобретают неоспоримо богатый практический опыт работы именно в той сфере, которая интересно непосредственно им самим. Это одно из самых перспективных направлений для развития волонтерства, которое не связано с конкретным промежутком времени и местом, может быть инклюзивным, вовлекая людей с ограниченными возможностями [2, С. 49-71].

В сети интернет все больше появляется ресурсов, которые популяризируют цифровое волонтерство, в доступной форме описывают функционал и возможности цифровых волонтеров в решении как глобальных социальных проблем (расширение компьютерных мощностей исследователей, сбор важной для понимания экологической информации и т.д.), так и локальных проблем конкретного сообщества (ведение сайта или группы в социальных сетях конкретной некоммерческой организации, участие в создании информационного контента, продвигающего конкретный проект или акцию и т.д.). В период пандемии повысился интерес к волонтерству онлайн как со стороны социальных учреждений и некоммерческих организаций, так и со стороны цифровых потребителей. В связи с переходом на дистант особое развитие получило участие цифровых волонтеров в образовательной сфере [11].

С одной стороны, различные аспекты цифровой активности молодого поколения определяют важность одного из актуальных направлений деятельности некоммерческих организаций, работающих с детьми и подростками. Содержание социальных проектов и программ, формирующих цифровое гражданство, развивающих цифровую грамотность молодого поколения с активным участием самой молодежи, обладающей определенным жизненным опытом, – общемировой тренд развития некоммерческого сектора разных странах. С другой стороны, ресурсы самой молодежи, имеющей определенные цифровые компетенции и широко вовлеченной в цифровые практики, крайне востребованы для развития некоммерческого сектора в целом и конкретных организаций в частности.

Такие характеристики цифрового волонтерства как, возможности индивидуального выбора функционала безвозмездной деятельности, отсутствие физических, пространственных и временных ограничений социального участия, возможности для приобретения и проработки конкретных, иногда специфических профессиональных компетенций, востребованных в цифровом взаимодействии, раскрывают потенциал

данного направления волонтерства для молодых профессионалов, а также для повышения эффективности социальных проектов некоммерческих организаций.

1. Анцупов И. С., Тимофеев В. А., Акимов А. Н. О проблемах повышения цифровой грамотности молодежи: генезис проблемы, подходы психолого-педагогической науки / И. С. Анцупов, В. А. Тимофеев, А. Н. Акимов // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №. 67-4.

2. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11. – №. 1.

3. Берман Н. Д. К вопросу о цифровой грамотности / Н. Д. Бердман // Russian Journal of Education and Psychology. – 2017. – № 6-2.

4. Благополучие детей в цифровую эпоху / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М.А. Новикова, Е. В. Сивак, И. Б. Смирнов. – М. : Издательский дом ВШЭ, 2019.

5. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде / Е. В. Бродовская [и др.] // Власть. – 2019. – №1.

6. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2019. – №5.

«УЛОВКИ СЛАБЫХ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ

*Астоянц Маргарита Сергеевна
(ФГАО ВО "Южный федеральный университет")*

Вследствие угрозы распространения Covid-19 университеты во всем мире были вынуждены перенести образовательную деятельность в онлайн для сохранения здоровья своих студентов и сотрудников. Система высшего образования была втянута в беспрецедентный по своим масштабам эксперимент по ускоренной цифровизации, что не могло не отразиться на образовательных практиках студентов, под которыми мы понимаем «совокупность опривыченных действий, навыков, сконструированных в условиях приобретения и усвоения определенных знаний, включающих в себя также типизированные способы поиска и отбора новой информации с помощью различных средств и ресурсов и типизированные способы взаимодействия с другими участниками учебного процесса» [5, 323].

С 16 марта 2020 года Южный федеральный университет (ЮФУ) также перевел студентов на обучение с использованием технологий дистанционного образования. Проведенное нами в период с 30 марта 2020 г. по 7 июня 2020 г. исследование повседневных практик студентов ЮФУ в период самоизоляции (в исследовании участвовало 56 студентов; общая продолжительность составила 10 недель) предполагало ежедневную фиксацию изменений повседневных практик (появление новых, трансформации старых, отказ от некоторых из них) и описание чувств, которые при этом возникают. Основным исследовательским вопросом для нас было, что происходит с типичными социальными практиками в условиях «поломки повседневности» [1], как «в ходе крупномасштабных изменений ... задействуются адаптивные практики повседневного существования» [2]?

Подстраиваясь под новые «правила игры» в цифровой образовательной среде, студенты действовали творчески, активно применяя обходные тактики в противовес противоречивым и постоянно меняющимся правилам: «определенно, дистанционка – это

самое адовое, что могли придумать люди. Начинаю очень сильно злиться на некоторых преподавателей, которые скидывают задание в последний день вечером. А потом еще и на их парах пахать приходится...» (дневник 27). В ходе анализа дневниковых записей мы постоянно замечали эти «удачные повороты «слабого» внутри порядка, установленного «сильным», искусство делать ходы внутри поля другого, хитрость охотника...» [4, 115], которые Мишель де Серто называет «тактиками» или «уловками слабых».

Многие студенты отмечали совмещение прослушивание лекций с другими занятиями, например, с принятием душа, приготовлением завтрака, выполнением дел по дому. В дистанционном формате студентам удавалось получить больше свободного времени для сна или досуга, чем в обычном учебном режиме: «учебный день с 8 утра, теперь получилось просто подключиться и продолжить спать» (дневник 24); «играла в The Sims 3 во время семинара» (дневник 33); «завтракаю во время лекции, могу сделать какие-то домашние дела» (дневник 37); «сегодня отлично поспала на дистанционной паре» (дневник 55).

В то же время, распространенными практиками дополнительного образования студентов за период самоизоляции стали онлайн-курсы и изучение иностранных языков: «не хотелось заниматься какими-либо учебными делами в течение дня, однако я почувствовала острую необходимость начать практиковать английский ежедневно» (дневник 43). Также неоднократно встречались такие практики как просмотр научных программ и видео, программирование, чтение научной литературы и просмотр документальных фильмов.

Наши респонденты успешно «маневрируют на поле, организованном по законам противника» [3, 76], проявляют конформизм и гибкость, умудряясь одновременно не нарушать правила формально и имитировать активность, минимизируя усилия и добиваясь собственных целей.

1. Гарфинкель, Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. - 2002. - №1.
2. Гнатюк, М.А. Социальная инерционность в российском обществе в адаптивных практиках повседневного существования // Гуманитарий Юга России. – 2017. - Том 6. №5.
3. Логика повседневности М. де Серто: блуждающие траектории // Объемы обыкновенное: повседневность как текст по-американски и по-русски / Под ред. Т. Д. Бенедиктовой. Материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы. М.: Изд-во МГУ, 2004.
4. Серто Мишель де Изобретение повседневности. I. Искусство делать / Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
5. Пинчук, А. Н. Образовательные практики в концептуальном поле социологии // Знание. Понимание. Умение. – 2016. - №4.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОЛОДЫХ РЕСПОНДЕНТОВ НА ИХ ПАРТИЙНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Басимов Михаил Михайлович
(Российский государственный социальный университет)

Басимова Полина Михайловна

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01071а

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов были решены, наряду с другими, задачи множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.].

В одной из задач исследовались политические предпочтения молодежи (формирование групп по результатам ответов на вопросы с номинальными ответами) и их личностные особенности по шести методикам: ММРІ, 16-факторный личностный опросник Кеттелла, методика DSM Дж. Олдхема и Л. Морриса, методика Т. Лири, 5-факторный личностный опросник Р. МакКрея, П. Коста, методика Смишека.

В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по пяти невырожденным номинальным группам респондентов, сформированным по итогам голосования на выборах депутатов Государственной Думы РФ. Эти группы определяли результаты ответов на следующий вопрос социологической анкеты: «За какую партию Вы проголосовали на выборах депутатов Государственной Думы РФ?»

G07-01. Единая Россия.

G07-02. КПРФ.

G07-03. ЛДПР.

G07-10. Не голосовал(а).

G07-11. Не помню, затрудняюсь ответить.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Для примера рассмотрим отдельные результаты для группы респондентов G07-02, которые проголосовали за КПРФ на выборах депутатов Государственной Думы РФ (8 респондентов), которые среди 89 групп оказалась на третьем месте по совокупной экстремальности (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) личностных качеств.

Представители данной группы характеризуются (опросник Кеттелла) ярко выраженным радикализмом (фактор Q1), что определяется значительной положительной сравнительной весомостью (+4209) по шкале «Консерватизм – радикализм», а также еще значительно более выраженной расслабленностью (фактор Q4), что определяется значительной отрицательной сравнительной весомостью по шкале «Расслабленность – напряженность» (-5595).

В рамках 5-факторной модели личности их можно охарактеризовать в первую очередь как эмоционально стабильных (сравнительная весомость по шкале «Эмоциональная лабильность – стабильность» (+5542); далее можно отметить следующие в меньшей степени проявляющиеся характеристики группы: беззаботность (сравнительная весомость по шкале «Тревожность – беззаботность» (+3239); расслабленность (сравнительная весомость по шкале «Напряженность – расслабленность» (+2678); эмоциональную комфортность (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» (+2534); настойчивость (сравнительная весомость по шкале «Настойчивость – отсутствие настойчивости» (-2919).

В рамках опросника DSM со знаком минус, т.е. что абсолютно не свойственно представителям группы, можно отметить, прежде всего, чувствительный тип с вероятным для этого типа расстройством «уклонение» (сравнительная весомость (-4640).

По результатам представленной информации можно говорить, что выбор респондентами партии при голосовании на выборах депутатов Государственной Думы РФ во многом определяется их психологическим своеобразием.

1. Басимов М.М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография*. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>
2. М.М. Basimov *Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.*
3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.*
4. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*
5. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*
6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.*
7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – P. 7–28.
http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40*

ОРИЕНТАЦИЯ СТУДЕНТОВ НА ПРЕКАРНУЮ ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Бахтин Евгений Леонидович
(Уральский федеральный университет)*

Доходы населения Российской Федерации падают несколько лет подряд [1]. Сильнее всего это отражается на малозащищенных слоях населения с традиционно низким доходом, к которому можно отнести и студенчество. В настоящий момент, государственная академическая стипендия для учащихся в высших учебных заведениях не покрывает даже базовые потребности студента (сумма стипендии ниже прожиточного минимума в несколько раз). Некоторым студентам материально помогают родители, но всё же большинство студентов вынуждены искать работу, чтобы обеспечивать свой минимальный уровень жизни.

Тощенко [2] относит студентов, занятых подработками во время учебы в ВУЗе, к прекариату. Гай Стэндинг одним из первых начал говорить о новом классе прекариата [3]. Стэндинг не затрагивает вопросы работающих студентов, но говорит о том, что некоторые выпускники ВУЗов, имеющие проблемы с поиском работы, могут пополнять ряды прекариата. Для определения прекариата он выделяет следующие черты [3]:

- неустойчивое социальное положение;
- слабая социальная защищённость;
- отсутствие многих социальных гарантий;
- нестабильный доход;
- депрофессионализация.

Стэндинг характеризует прекариат как класс с «урезанным статусом», так как они в крайней степени отчуждены от результатов своей деятельности. Прекариат ни разу не видел

своего работодателя, не имеет понятия, сколько сотрудников на него работают сейчас и сколько еще он намерен нанять в будущем.

По мнению Бусыгиной [4], одна из важнейших особенностей прекариата состоит в том, что эта социальная группа «не видит будущего», живя здесь и сейчас, она принципиально не способна (не видит смысла) позиционировать себя в долгосрочной перспективе. А это делает ее склонной к оппортунизму и в то же время к радикальным реакциям.

Рынок труда предлагает студентам в основном малоквалифицированный или физический труд, не требующий профессиональных знаний. Следовательно, в такой ситуации невозможно связывать трудовую занятость с приобретением необходимых компетенций в сфере будущей профессии [5].

1. Реальные доходы россиян продолжили падение :: Экономика :: РБК // РБК.
URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2019/5d2f07959a79477db606e26f> (Дата обращения: 29.07.20).

2. Тоценко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-15.

3. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс: *The Precariat: The New Dangerous Class* // Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.

4. Бусыгина И.М. Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 34–47.

5. Тоценко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: Монография // ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1.

МОЛОДЫЕ РАЗВЕДЕННЫЕ ОТЦЫ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВОДА: АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Безрукова Ольга Николаевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Куклина Элина Эдуардовна
(СПбГУ)

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

Анализ данных статистики о браках и разводах показывает, что в последние десятилетия Россия находится в числе лидеров в списке стран по числу разводов. Распадается более чем каждый второй брак, в большинстве разводящихся семей есть дети. Наиболее уязвимы к расторжению брака молодые семьи, имеющие детей, специфическими особенностями разводящихся молодых семей выступают конфликты, в основе которых лежат существенные сдвиги в социокультурных смыслах и жизненных ценностях молодежи, изменения гендерных норм, противоречия между традиционными и современными представлениями о материнстве и отцовстве, идеальными моделями и их практическим воплощением в жизни семьи [Безрукова, Самойлова 2020: 466].

Молодые мужчины, относящиеся к новому поколению отцов, стремятся реализовать более равноправный сценарий родительства, стараются дольше оставаться в жизни своих детей по сравнению с поколением своих отцов, в т.ч. после развода. Для них свойственны вовлеченность, приверженность идеологии равной ответственности родителей за заботу о детях, открытость новому опыту, нежелание повторять жизнь с одним

родителем, практики борьбы против дискриминации в судах и потери прав на опеку над детьми, активность в отцовских и мужских сообществах [LaRossa, 1988; Coltrane, 2004; Кон, 2009; Безрукова, Самойлова, 2019, 2020 и др.]

Цель исследования состояла в анализе социальных проблем молодых отцов после развода, а также изучение практик отцовства в мужских сетевых сообществах. Актуальность исследования мужских сообществ обусловлена их значительным влиянием на отцов в постразводной ситуации. Анализ полученных данных показал, что участники мужских сообществ образуют референтную группу, формирующую экосистему экологической ниши отца, находящегося в процессе развода. Групповая рефлексия, взаимная социальная и психологическая поддержка мужчин, находящихся в схожих жизненных ситуациях, обмен опытом, дружеское общение помогают в решении социальных проблем, выработке стратегий и практик отцов на разных стадиях развода и в постразводной ситуации.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498.

Безрукова О.Н. Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы по неволе», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. №.7. С. 90–100.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Coltrane S. Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas. Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future. 2004. Thousand Oaks: Sage Publications.

LaRossa R. Fatherhood and Social Change. Family Relations. 1988. No 37(4): 451–457.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ

Белова Татьяна Павловна

(Ивановский государственный университет, кафедра социологии, социальной работы и управления персоналом)

Рычкова Ксения Павловна

(Ивановский государственный университет)

В цифровом обществе процесс социализации подрастающего поколения перемещается в Интернет, прежде всего в виртуальные социальные сети, где коммуникация отличается от реального взаимодействия анонимностью, опосредованностью, неконтролируемостью. Это выступает факторами для новой формы девиантного поведения кибербуллинга — преднамеренного, повторяющегося враждебного поведения отдельных лиц или групп с целью нанесения вреда другим посредством информационных и коммуникационных технологий.

Последствия кибербуллинга — заниженная самооценка, депрессия, ухудшение здоровья, формирование установки на суицид и попытки его осуществить. Таким образом, они имеют исключительно негативный, травматичный характер. Кибернасилие наносит ущерб и жертвам, и агрессорам. И те, и другие испытывают трудности социализации и решение своих проблем часто находят в девиантном поведении. Таким образом, кибербуллинг является угрозой для социализации подрастающего поколения. Наиболее подвержена данной проблеме молодежь в возрасте 15-20 лет. Поэтому именно эта категория является наиболее релевантным объектом эмпирического исследования.

В июне 2020 г. был проведён Интернет-опрос, в котором приняли участие 100 чел. из данной возрастной категории, 36 % юношей и 64 % девушек.

Более 2/3 опрошенных наблюдали за проявлениями Интернет-травли в социальных сетях. Как правило, агрессия проявлялась в социальных сетях: Вконтакте (91,3 %) и Инстаграмм (43,5 %).

О личном столкновении с агрессией в Интернете (с ситуацией кибербуллинга) сообщили 30,6 % опрошенных юношей и 18,2 % девушек в основном из возрастной группы 15-16 лет.

Часто жертва и агрессор не знакомы друг с другом (77 %). Однако почти каждый четвертый подросток сталкивается с агрессией со стороны знакомого человека (23 %) в лице одноклассника, приятеля. Зачастую травля и угрозы переносятся из реального мира в виртуальный.

Нередко для травли в Интернете агрессорами используются фейковые страницы. О наличии фейкового аккаунта сообщил каждый четвёртый участник опроса. В основном фейковые страницы используются для слежения за бывшей девушкой, бывшим парнем или незнакомыми людьми.

В роли агрессора в Интернете когда-либо выступали 7 % опрошенных. В основном они оставляли негативные комментарии либо размещали чужие фотографии с целью оскорбления. Объектами кибербуллинга девушки являются вдвое чаще, чем юноши.

Согласно результатам анкетирования, юноши и девушки не склонны рассказывать кому-либо о негативном опыте кибербуллинга (60,9 %), даже если понимают, что не справляются самостоятельно с негативной ситуацией.

Большинство участников опроса в качестве мотивов Интернет-агрессии назвали зависть (72 %) и способ развлечься (65 %)

Важно, чтобы молодёжь соблюдала правила безопасности при ведении личных страниц в Интернете, не замыкалась в себе, не скрывала факты кибербуллинга, открыто обсуждала возникающие проблемы со взрослыми, с квалифицированными специалистами.

РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19: ВЫЗОВЫ И КОНФЛИКТЫ.

*Божичко Олеся Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

*Божичко Петр Феликсович
(Нахимовское военно-морское училище)*

Эпидемия COVID-19 выдвинула особые требования к использованию цифровой среды в рамках молодежной политики.

Разумеется, возможности цифровой среды для работы с молодёжью активно использовались и ранее: специалистами по работе с молодёжью, молодежными организациями и др. Однако, несмотря на консенсус представлений всех специалистов данной сферы о том, что «молодежь нужно искать в Интернете», на практике этот ресурс использовался слабо.

Субъекты молодежной политики, в основном, использовали технологии web 2.0: «Вконтакте», в гораздо меньшей степени Instagram и Twitter. Однако аккаунты в социальных сетях не стали филиалами молодежных организаций и пространств в виртуальности: не предлагали особую активность, включая в сферу работы молодёжь, территориально отделенных и недоступных для обычной, очной работы молодых людей, а

были просто «досками объявлений», на которых публиковали пресс- и пост-релизы мероприятий. Это напрямую связано с изоморфизмом среды: аккаунты в социальных сетях создаются не для молодежи, а для проверяющих органов.

Переход на дистанционную форму работы поставил перед специалистами по работе с молодежью новые задачи: не только проводить работу онлайн, но и убедительно доказать проверяющим органам успешность своей работы. И именно последнее стало вызовом: несмотря на существование SMM-методик для оценки качества работы в социальных сетях, измерить с помощью стандартных методов (например, с помощью коэффициента EP) качество работы специалиста невозможно: большой пласт работы – личное общение с молодыми людьми, общение в чатах и др. остается закрытой для оценки. Важно отметить и особенности поведения молодежи в социальных сетях: конструирование собственного аккаунта для молодых людей является не менее важным, чем конструирование своего образа в реальной жизни. Молодые люди крайне избирательно относятся к контенту, с которым взаимодействуют, постоянно сверяя, насколько он соответствует конструируемому образу.

Таким образом, специалисты по работе с молодежью оказались в ситуации конфликта: они должны выполнять свою работу в абсолютно новых условиях, конструируя интересное и понятное для молодежи пространство в цифровой среде, осваивая работу SMM-специалиста, контент должен соответствовать всем методическим рекомендациям и, в то же время, находить отклик (выраженный в комментариях, лайках, репостах) у молодых людей.

Ситуацию осложнила перегруженность молодежи цифровой средой. В связи с уходом на дистанционную форму работы не только молодежной политики, но и образования, молодые люди вынуждены были проводить онлайн большую часть дня, а мероприятия онлайн стали восприниматься как продолжение занятий в учебном заведении. Молодые люди начали «убегать» из онлайн.

Все это привело к нерешенному на данный момент конфликту между работой специалистов и работой контролирующих органов. В условиях возможного возвращения ситуации пандемии данный конфликт, видимо, будет развиваться.

НЕЕТ-МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Буланова Марина Борисовна

(ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет")

грант РФФИ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества»

Официально название NEET (Not in Employment, Education or Training) получила группа молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, не имеющая постоянного места учебы или работы, не участвующая в профессиональной подготовке и не занимающаяся их поисками. С 2010 г. Евростат собирает статистику по NEET-молодежи (масштабы, динамика, отличительные характеристики) на основе общенациональных обследований рабочей силы в каждой европейской стране. В настоящее время в Европе (в том числе и в России) численность NEET-молодежи в среднем составляет 14,1% трудоспособного населения в возрасте 15-34 лет с некоторым разбросом по странам [1].

Опираясь на классификацию NEETодного из ведущих специалистов рынка труда Рэйко Косуги (Япония), в этой группе молодежи можно выделить четыре подгруппы, имеющие разнородные каналы взаимодействия с цифровым обществом.

Первая подгруппа – те представители NEET, которые чувствуют себя комфортно лишь в том случае, если они не работают и не учатся.

Они - настоящие цифровые аборигены (digital natives), для которых естественно жить в социальных сетях: там документируются события, приходит отклик на презентацию их внешнего вида и возможностей (эффект Instagram). Находясь в виртуальном мире, они ждут своей очереди, чтобы быть принятыми в сообществе себе подобных.

Вторая подгруппа – те представители NEET (в Японии их называют хикикомори), которые не в состоянии в какой-либо форме взаимодействовать с обществом.

Они отличаются стремлением к пребыванию в замкнутом пространстве и единоличному потреблению разнообразной информационной продукции. Тем самым виртуальное пространство воспринимается ими как идеальная среда, свободная от бытовых проблем и затрат времени на общение с родственниками или друзьями.

Третья подгруппа – те представители NEET, которые оказались не в состоянии найти себе работу из-за нехватки уверенности в себе, а не учатся вследствие отсутствия мотивации.

Среди них могут наблюдаться случаи Интернет-зависимости: либо онлайн-игры (одна или несколько), либо общение на веб-сайтах, гарантирующих полную анонимность. В пределах такого самостоятельно выстроенного виртуального пространства они чувствуют себя максимально комфортно, заполняя нишу своей социальной несостоятельности или невостребованности.

Четвертая подгруппа – те представители NEET, которые разочаровались в жизни, т.к. имеют крайне негативный опыт на работе или на месте учебы, а потому предпочитают отказаться от дальнейшего поиска и того, и другого.

По собственной воле они сводят количество социальных контактов к минимуму, а прямую коммуникацию заменяют на технически опосредованную, тем самым строя защиту от, как им кажется, агрессивного настроенного мира.

Итак, группа NEET-молодежи неоднородна, выстраивает разные способы коммуникации в цифровом обществе, но объединяет их одна черта: имея большие потребности, эта часть молодежи, как правило, не имеет ни материальных, ни духовных возможностей для их полной реализации.

1. Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labor status (NEET rates). URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en (дата обращения: 9 окт. 2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Быков Владимир Петрович

*Быть или вовсе не быть -
Вот здесь разрешенье вопроса. -
Парменид.*

Практика показывает, что развитие цифровых технологий приносит человечеству множество благ. Однако становится всё более очевидным, что оно порождает ряд проблем, серьёзно угрожающих человечеству. Если абстрагироваться от вероятности выхода

«цифры» из-под человеческого контроля, то можно констатировать, что в технологически и технически развитых странах в результате цифровизации неуклонно растёт количество «лишних рук» и, вообще, «лишних людей»; появляются невиданные ранее возможности надзора за людьми; разрабатываются всё более эффективные способы вторжения в сознание, в психику человека, - в том числе с целью разрушения не только его самого, но и социума, в котором он живёт; множество людей впадает в зависимость от социальных сетей, компьютерных игр и, вообще, от «гаджетов», «дивайсов» и т.д., и т.д.

В ряду этих и подобных им проблем, как говорят научные исследования и наблюдения за повседневной практикой, находится одна из самых незаметных, самых «тихий», но всё более радикально разрушающих основы существования человека и общества проблем - проблема гиподинамии и утраты людьми необходимой для их нормального существования физической активности и, как следствие, - сил и воли, т.е. того, что Л.Н. Гумилёв назвал пассионарностью.

На значение физического развития человека как на важнейшую, наряду с интеллектуальной подготовкой, часть человеческого бытия, указывали многие мыслители прошлого. Так, например, Сократ, сам «всегда приучавший тело упражнениями ко всяким случайностям» [1, 33], считал, что, поскольку характер сильного, мужественного человека формируется, прежде всего, занятиями спортом и военной подготовкой, постольку они должны быть важнейшей обязанностью человека. И если Аристотель полагал, что раб, обычно, по природе сильнее свободного гражданина, проводящего досуг в нравственном совершенствовании [2; 4, 377, 383, 384], то Сократ доказывал, что свободный человек должен быть сильнее раба не только духом, но и телом, чтобы эффективно управлять последним [1; 4, 109, 166, 216, 233-237]. Именно поэтому, заключал он, правильно делают в тех государствах, в которых рабам не дозволяют заниматься гимнастическими упражнениями в палестре [3; 374]. По убеждению Сократа, сила человеку нужна во всех делах, в том числе и в науке, а слабый человек неизбежно попадает в зависимость и, в итоге, в рабство к сильному [1; 40, 108].

Платон целиком и полностью разделял точку зрения Сократа, полагая, что гражданин должен готовиться не только к жизни как таковой, но и к жизни воина, готового защищать отечество [4; 3, 303]. Хотя он считал, что государством должны управлять наиболее знающие и мудрые люди [4; 3, 199, 216, 251-256, 282-283], однако он был согласен с утверждением, что, вообще говоря, «править должен сильный, а слабый ему подчиняться» [4; 4, 141].

Вместе с появлением человеческого общества появилась точка зрения, что главное в жизни человека - приобретение всё большей силы, и, соответственно, - власти [5; 2, 633]. Платон смотрел на проблему силы существенно иначе и не был согласен с теми, кто проявляет «излишнюю заботу о своём теле». По его представлению, люди, слишком увлечённые приобретением физической силы, «становятся грубее, чем следует». «Но самое главное, - утверждал Платон, - такая излишняя забота служит препятствием для приобретения любых знаний, для размышлений и работы над собой...» [4; 3, 174-175, 178-179]. По убеждению Платона, воспитание человека должно быть гармоничным. И поэтому он полагал, что, наоборот, излишнее увлечение «мусическим искусством» приводит к тому, что люди становятся «настолько мягкими, что это их не украшает» [4; 3, 179].

Большое внимание мыслители прошлого уделяли вопросу меры и способа обучения подрастающего поколения. Тот же Сократ считал, что, поскольку «все науки изучить невозможно» [1, 215], постольку учитель должен ограничиться лишь теми, которые действительно важны для жизни конкретного человека [1, 148-150]. Этой же точки зрения

придерживался и Платон, выступая также резко против «принудительной формы обучения», поскольку, по его убеждению, «насильственно внедрённое в душу знание непрочно» [4; 3, 321].

Следует отметить, что если И. Кант считал самым первым и самым важным в воспитании человека воспитание последнего как дисциплинированного члена общества [6], то Ж.-Ж Руссо полагал, что ребёнок обязательно должен, прежде всего, познакомиться с предметами окружающего его мира, «потрогать» их. «Только благодаря движению, - писал Руссо, - мы узнаем, что есть вещи, отличные от нас; и только благодаря нашему собственному движению мы приобретаем идею пространства» [7, 41]. Он призывал помнить, что ребёнок - не взрослый, и что подходить к нему следует соответственно этому обстоятельству [7, 8].

Чрезвычайно интересна точка зрения на процесс обучения детей Л.Н. Толстого. Толстой считал, что нагружать детей многими, ненужными для них, знаниями, крайне вредно. В письме дочери Софье он писал, что детей надо учить, соблюдая меру. По его убеждению (на первый взгляд, парадоксальному), «надо детей учить как можно меньше. Это потому, что если дети вырастут, не научившись чему-нибудь, - это далеко не так опасно, как то, что случается почти со всеми детьми, ... именно то, что они получают indigestion учения и потому отвращение к нему. Учиться, и успешно, может ребёнок, если у него есть аппетит к изучаемому. Без этого же это вред, ужасный вред, делающий людей умственными калеками» [8, 515]. Толстой был также категорически против «барского воспитания». Он считал, что детей надо с самого раннего возраста приучать к труду. «Пусть всё, что они (т.е. дети – В.Б.) в силах сделать для себя, - выносить свои нечистоты, приносить воду, мыть посуду, убирать комнату, чистить сапоги, платье, накрывать на стол и т.п., - пусть делают сами», - писал он [8, 516].

Центральное внимание вопросам трудового воспитания детей уделял выдающийся советский педагог А.С. Макаренко. Макаренко доказывал, что «правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое», ибо «труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры» [9, 223]. Это воспитание, полагал он, должно начинаться в семье. В семье ребёнок должен приучиться к работе, сначала в игре, а затем регулярно выполнять не менее 22 видов домашней работы [9, 227]. Это воспитание, по его убеждению, обязательно должно продолжаться в школе [9, 337].

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: правильно ли поставлен процесс обучения и воспитания в современной российской школе как институте, который решает, после семьи, главную задачу формирования подрастающего поколения? Думается, не совсем, несмотря на многие его, этого процесса, положительные стороны. Как представляется, главные недостатки современного российского школьного образования и воспитания заключаются в том, что а) процесс обучения в нём носит почти исключительно интеллектуальный, теоретический характер; в нём полностью исключено практическое, трудовое воспитание: в современной российской школе нет мастерских, в которых дети могли бы хоть что-нибудь делать своими руками; ЕГЭ доводит борьбу за многознание до крайней степени; очевидно также, что WorldSkills решает проблему лишь частично; б) сведена к минимуму физическая подготовка школьников: дети в основном ведут сидячий образ жизни, приобретая, в конце концов, множество заболеваний; реанимированный комплекс ГТО реализуется за рамками учебного процесса; в) обучение слабо адаптировано к возрасту, интересам и способностям учащихся; г) в результате реализации торжественно провозглашённого лозунга «знаний мало не бывает» имеет место перенасыщение процесса

обучения количеством единиц («битов») информации, которые должны быть усвоены учащимися; в итоге имеет место перенапряжение психики множества детей; знания, полученные учащимися в спешке и зубрёжке, - во многом поверхностны и вскоре «благополучно» забываются.

Как представляется, устранить недостатки, присущие нынешней системе школьного образования в Российской Федерации, будет нелегко. Прежде всего, следует отметить, что согласно Федеральному закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» общеобразовательные учреждения не отнесены к субъектам физической культуры и спорта (Статья 5). Далее. Ни в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)», ни в «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016 - 2020 годы» от 29.12.2014 № 2765-р., ничего не говорится о роли физического труда и физкультуры в воспитании школьников непосредственно в рамках учебного процесса, а также о создании надёжного механизма выявления природных способностей детей и возможно более ранней профилизации процесса обучения.

Следует отметить, что против усиления внимания на трудовое и физическое воспитание выступают нередко и учителя, и родители, а также те, кто управляет системой образования в Российской Федерации. Немало учителей, которые, во-первых, считают свои предметы самыми важными и не согласны на уменьшение количества уроков, а, во-вторых, не готовы к трансформации школьных программ с целью их адаптации к интересам и способностям школьников. В свою очередь, родители подчас убеждены, что привлекать детей к труду - «неправильно», «неконституционно» и т.д., а к занятиям физкультурой – не стоит, поскольку это, якобы, вредит учебному процессу, подготовке к ЕГЭ и т.д. Что касается управляющих сферой образования, то многие из них убеждены, что качественно повысить эффективность процесса обучения - «довольно просто. Наблюдатели на последней парте. 300 уроков в самых разных школах. Фиксация общей активности класса: что именно делают, сколько времени тратится на бессмысленное времяпровождение и т.д. Плюс хронометраж активности отдельного ученика. Все открыто и ничего не скрывается» [10].

Конечно, школа закладывает лишь начало отмеченным здесь негативным процессам. Разрушение здоровья молодых (а затем и немолодых) людей малоподвижным образом жизни продолжается в вузах, в лабораториях и исследовательских центрах, а также на заводах и фабриках, куда всё чаще вторгаются искусственный интеллект, роботы и прочие новшества. Исследования показывают, что ежегодно в мире непосредственно от гиподинамии умирает порядка миллиона человек, что слабые и нездоровые люди рожают всё меньше детей и всё меньше здоровых детей [11].

Вывод здесь, как представляется, такой: нам необходима коррекция школьного образования и, конечно, изменение сложившегося к сегодняшнему дню образа жизни большой массы населения Российской Федерации. Если мы хотим сохраниться как народ и государство.

1. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. - М.: Наука. 1993.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. - М.: Мысль. 1976-1983.
3. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. - М.: Academia. 1935.
4. Платон. Сочинения в 4-х томах. - М.: Мысль. 1990-1994.
5. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. - М.: Мысль. 1990.
6. Кант И. О педагогике / Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука. 1980.
7. Руссо Ж.-Ж. Эмил, или О воспитании. - Санкт-Петербург. 1912.

8. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в двадцати двух томах. Т. XIX-XX.* - М.: Художественная литература. 1984.

9. Макаренко А.С. *О воспитании.* - М.: Издательство политической литературы. 1990.

10. Газета «Взгляд». 3 сентября 2018 г.

11. Улумбекова Г.Э., Калашикова А.В., Мокляченко А.В. Показатели здоровья детей и подростков в России. - *Вестник ВОШУЗ.* 2016. №3.

МОДЕЛИ ИНТИМНЫХ ЗНАКОМСТВ: ИНТЕРНЕТ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Варганова Валерия Валерьевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

С одной стороны, знакомства все больше смещаются в интернет, где появляются все новые технически изощренные сайты поиска партнеров, но с другой стороны, существенная часть молодежи по-прежнему отдает предпочтение традиционным моделям встреч лицом к лицу. В чем причина сосуществования двух совершенно разных моделей? Этот вопрос стоит в эмпирическом исследовании, которое проводится в Санкт-Петербурге с опорой на методы наблюдения и глубинного интервью. Объектом является молодежь города.

Консервативная модель — это совокупность форм поведения, направленных на поиск интимных партнеров в реале. В чем причины ее живучести в условиях достаточно развитого цифрового общества?

Во-первых, для коммуникабельных людей, ведущих тусовочный образ жизни, виртуальные площадки не нужны. Потому что они включены в разные социальные сети в сфере учебы, работы и досуга, и не находят необходимости в виртуальных знакомствах.

Во-вторых, хотя прежняя стигматизация сайтов знакомств как мест, где встречаются либо нелюбимые неудачники или искатели коммерческих отношений, уходит в прошлое, этот процесс не завершился. Часть молодежи относится к этим площадкам скептически, считая зазорным пользоваться их услугами.

В-третьих, распространены опасения того, что знакомство в интернете чревато встречей с «неадекватным» человеком, в крайнем варианте — маньяком.

В-четвертых, многие считают, что по анкетам трудно узнать, кто реально придет на встречу, что чревато разочарованиями, проблемой выхода из ситуации, рисками бессмысленной траты времени на общение с человеком, который при личной встрече сразу распознается как «чужой».

Цифровая модель — это совокупность форм поведения, опирающихся на использование разного типа компьютерных устройств для поиска

партнеров в интернете (в основном на сайтах знакомств). Каковы факторы, стимулирующие ее использование?

(1) Некоммуникабельность, замкнутость индивида часто являются непреодолимыми препятствиями для использования возможностей знакомства в реале, а в сети гораздо легче преодолеть стеснение [1, 136].

(2) Изолированный образ жизни, сформированный совокупностью социальных, культурных и личностных факторов резко сужает возможности знакомства в реале.

(3) Деловой образ жизни, поглощающий очень много времени, не оставляет в графике возможностей для знакомств в реале. Преимущество виртуальных знакомств часто видится в огромной экономии времени [1, 137].

(4) Завышенные критерии выбора партнера нередко делают маловероятным его встречу в узком кругу контактов в реале. Только мэтчинг в рамках огромных баз данных с использованием компьютерных технологий дает шанс найти искомый вариант.

Таким образом, несмотря на растущее количество молодежи, использующей сервисы для знакомств, все еще остаются люди, не признающие поиск пары таким образом, предпочитающие традиционные способы. Есть и те, кто рационализирует отказ от виртуальных знакомств с позиций общей критики технического прогресса – т.н. неолуддиты

1. Двое в обществе: интимная пара в современном мире / В.И. Ильин [и др.]; под науч. ред. И.В. Ломакина. — М.: ВЦИОМ, 2020. — 652 с.

2. Мороз, О. Отношения в цифровой среде [Электронный ресурс] / О. Мороз. — Режим доступа: <https://postnauka.ru/longreads/102298> (дата обращения: 07.10.2020).

3. Урусова, Е.А. Неслучайные встречи: как технологизируются знакомства и отношения в условиях общества постмодерна [Электронный ресурс] / Е.А. Урусова, Т.М. Хусяинов. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesluchaynye-vstrechi-kak-tehnologiziruyutsya-znakomstva-i-otnosheniya-v-usloviyah-obschestva-postmoderna> (дата обращения: 07.10.2020)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД. НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Васильев Николай Александрович
(ФНИСЦ РАН)

Вряд ли стоит сомневаться в том, что существует связь – пусть опосредованная – между падением лояльности к брендам, в том числе традиционным иностранным маркам, и процессами изменений культурного кода и национальной идентичности. С усилением американской поп-культуры, с навязыванием новым национальным рынкам иностранных, главным образом, американских товаров, постепенно происходит «реконкиста», молодые потребители теряют лояльность к брендам транснациональных компаний, возникают и увеличиваются социальные группы (глокеры), выбирающие качественные национальные товары, растет доля национальных брендов, которые, в свою очередь, опять приносят на благоприятную почву, казалось бы, уже навсегда забытые национальные рецепты, вкусовые национальные особенности, элементы национальной одежды и т.д.

На уже, казалось бы, навсегда поработанных национальных рынках начинаются процессы возврата к традиционным национальным товарам, способом проведения досуга, другим привычным формам деятельности. Возможно, это и есть одна из главных неразгаданных характеристик изменения культурного кода. Достигая минимума, он, пока не известно по каким причинам, открывается вновь. Молодые люди, которых можно было бы смело назвать поколением «без рода и племени», «просыпаются» и перестают быть адептами американского образа жизни, пытаются создать собственную жизненную позицию, направленную на созидание и развитие. Мы можем предположить, что российская молодежь реально оценивает изменения в российском обществе как позитивные, способные принести много нового и хорошего в их жизнь.

В информационно - аналитическом бюллетене ИС РАН «Жизненные устремления российской молодежи» академик РАН М.К. Горшков обращает внимание читателей на то, что: «современному поколению молодежи сегодняшняя жизнь в стране нравится гораздо больше, чем их предшественникам, а также поколению отцов. Об этом, в частности, говорят

почти две трети (64%) представителей молодого и меньше половины (45%) старшего поколения». При этом если еще 10 лет назад российская молодежь делилась на две одинаковые по величине части: тех, кому нравилась (или скорее нравилась) и не нравилась (или скорее не нравилась) жизнь в тот период, то сейчас молодые люди более чем в два раза чаще заявляют о том, что сегодняшняя жизнь в России им нравится (скорее нравится). Чем вызван подобный оптимизм? Прежде всего, тем, что становление нынешнего молодого поколения происходило в совершенно иных социальных условиях, чем становление поколения 90-х, когда страна находилась в условиях жесточайшего социально-экономического кризиса, политической нестабильности, войны на части ее территории и т. п.

Сегодня уже нет ничего похожего. Напротив, на протяжении последних 6—7 лет экономика страны последовательно растет, так же, как и растут доходы населения, а плодами экономического роста, как показывают исследования, пользуется главным образом молодежь. Многие молодые россияне, находясь еще «на старте» своей профессиональной карьеры, лучше своих предшественников и лучше старшего поколения оценивают свое материальное положение. Почти каждый пятый из представителей сегодняшних молодых людей говорит о нем как о благополучном (в старшей возрастной группе этот показатель равен 15%).

Фактически продолжительные волны исследования российской молодежи ИС РАН при поддержке Фонда Эберта, приводят нас к выводу, что через глубочайший социально-экономический и культурный кризис российская молодежь выходит на новый уровень оценки происходящих изменений и готова лично участвовать в изменениях, надеясь на дальнейшее улучшение жизни при фактически уже достигнутых результатах. При этом российская молодежь ориентирована на более высокий уровень потребления отечественных товаров, брендов российского происхождения, что дает новый импульс особенно малому и среднему бизнесу. Но главный вывод относится все-таки к социокультурному российскому полю: вектор изменений в нем меняется в сторону России, ее истории, ее культуры, исторических традиций.

1. Горшков М.К. Молодежь и экономика будущего // *Управленец*. 2018. Т. 9, № 3. С. 2–7.

2. https://en.wikipedia.org/wiki/Clotaire_Rapaille

3. <https://avidreaders.ru/read-book/kulturnyy-kod-kak-my-zhivem-chto.html?p=5>

4. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_код_\(книга\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_код_(книга))

5. *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17 / отв. ред. М. К. Горшков – М.: Новый Хронограф, 2019. – 576 с.9 стр.*

6. *Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 7. Саморегуляция деятельности молодежи: исследование социокультурного механизма. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 48 с.48.10 стр.*

7. <https://wavex.umwww.com/>

8. УМ, проект «Wave X - Remix Culture», 2019. Отчет УМ Wave X, посвященный изучению культурных аспектов, содержит результаты глобального количественного исследования с участием 56 397 активных интернет-пользователей, использующих интернет каждый день или через день. Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования на 44 языках в 81 стране мира и репрезентирует 1.73 миллиарда активных интернет-пользователей. По России было опрошено 1000 человек в возрасте 16-54 лет, проживающих в городах с населением 100 тысяч и более.

9. <https://www.prnewswire.com/il/news-releases/otchet-um-wave-x-remix-culture-chetyre-kliuchevykh-tendentsii-formiruiut-sovremennoe-potrebitel-skoe-povedenie-852496429.html>

10. *Россия на новом переломе: страхи и тревоги* / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: Альфа-М, 2009. — 160 с. 139 стр.
11. https://report.ru/press/issledovanie_um_wave_x_remix_culture_chetyre_klyuchevy_h_tendencii_formiruyushie_sovremennoe_potrebitelskoe_povedenie/
12. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. *Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis)*. — М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 263 с.
13. *Сравнение данных по лояльности 2010-2019 Mediascope M-Index 2010-2019*
14. <https://www.nielsen.com/us/en/insights/article/2019/battle-of-the-brands-consumer-disloyalty-is-sweeping-the-globe/>
15. https://en.wikipedia.org/wiki/Influencer_marketing
16. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований*. М. ФНИСЦ РАН, 2020, С. 180
17. <https://www.nielsen.com/us/en/insights/article/2019/battle-of-the-brands-consumer-disloyalty-is-sweeping-the-globe/>
18. <https://mediascope.net/data/>
19. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты*. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — 6 с. М.К. Горшков, В.В. Петухов ISBN 978-5-89697-131-3
20. *Россия и Китай: молодежь XXI века* / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014.
21. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты* / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. *Молодежь России: ретроспектива и перспектива*. 2012. Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2012/molodeg_perspektivy.pdf#1.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЕГО ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Васильева Дарья Игоревна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Глобализация, цифровая трансформация, а также происходящие демографические изменения оказывают значительное влияние на вектор преобразования мирового рынка труда. В результате использования информационных и телекоммуникационных технологий в данной сфере возникает ряд проблем, обусловленных влиянием вышеуказанных аспектов на занятость населения, в особенности на молодежь.

В цифровом пространстве возникают новые трудовые ориентиры, изменяется мнение о необходимости и возможных путях карьерного роста, о важности профессионального развития.

Для перехода к модели цифровой экономики, который произошел вследствие нового этапа изменения постиндустриального общества, характерно развитие системы информационного воспроизводства, ориентирующейся прежде всего на интеллектуальный потенциал человека. В результате этого преобразуется и трудовая модель поведения молодежи на рынке труда. Можно отметить следующие особенности данного процесса: изменение системы ценностей и мотивации работников, усиление роли информации как необходимого ресурса для формирования конкурентоспособного человеческого капитала, трансформация понятия «экономическая ценность», перенос ее в нематериальную сферу; изменение системы передачи знаний, возрастание значимости soft skills [1, 141].

Необходимо отметить также появляющиеся эффекты деструктивного воздействия цифровой среды на формирование профессиональных стратегий молодежи.

Во-первых, проявляется когнитивная редукция. Для нее характерно не критическое отношение к информации, получаемой из сети интернет; в данном случае возникает проблема выбора и применения информации, отличающейся качеством и достоверностью. Кроме этого, данное явление характеризуется поверхностным восприятием информации, необходимой для выполнения трудовых функций, а также трудностями при работе с большими массивами данных, невозможностью фильтрации информации и в итоге — информационной перегрузкой. Второй негативный эффект связан с цифровым алармизмом, он находит свое отражение в отсутствии навыка управления рисками интернет-коммуникации, в уходе от объективной реальности в виртуальную.

Третий — коммуникативная деструкция, нарушение деловых коммуникаций [2, 246].

Таким образом, модель поведения на рынке труда молодежи характеризуется некоторыми особенностями, изучение которых необходимо для ее гармоничного функционирования.

1. Башина О. Э., Васютина Е. С., Матраева Л. В. Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2018. №3 С. 133-145.

2. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228—251.

ТИКТОК ВО ВРЕМЯ САМОИЗОЛЯЦИИ – РАЗВИТИЕ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

*Воронина Анастасия Викторовна
(МГТУ им. Н.Э.Баумана)*

*Малолетнева Ирина Владимировна
(МГТУ им. Н.Э.Баумана)*

Аннотация: Авторы статьи выделяют положительные и отрицательные аспекты дистанционного обучения во время самоизоляции и представляют TikTok как популярную и перспективную платформу для развития молодежи

Ключевые слова: самоизоляция, дистанционное обучение, студенты, социальные сети, TikTok

Во время самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19, все ВУЗы были вынуждены перейти на дистанционное обучение, в ходе которого появлялись сложности, связанные с быстрой адаптацией учебного процесса к новым условиям: неработоспособные сайты, электронные университеты, и т.п.

В апреле с.г., в результате онлайн-опроса в рамках исследования на тему: «Гендерные аспекты использования технологий в условиях повседневности и самоизоляции студентов МГТУ им. Н.Э.Баумана» мы узнали, что студенты стали активно использовать различные образовательные платформы (Универсариум, TED); платформы для видеосвязи (Zoom, Discord); соцсети (Instagram, Вконтакте); развлекательные (Steam, Origin), а также платформы для просмотра фильмов и сериалов (Netflix, IVI).

Респонденты также добавили к самым используемым приложениям: «сайты с доставкой» и «ТikTok», который во время карантина перешел отметку в 2 млрд. скачиваний во всем мире, и имел большой прирост аудитории в первом квартале 2020 г., фактор роста — начало карантина. “ТikTok” — это соцсеть, полностью построенная на видеоконтенте, создающая эффект присутствия с друзьями. На этой платформе пользователи называют себя «Тик-Токерами» и выкладывают короткие «вертикальные» видео до 15-60 секунд.

Интересен стал тот факт, что студенты скачивали хотя бы раз ТikTok во время самоизоляции, из них юноши в среднем проводили до 30 мин, а девушки находились по 1-2 часа в данном приложении. Девушкам это было наиболее интересно, так как они снимали ролики с целью подняться в рейтингах и зарабатывать на рекламе, а юноши заходили, чтобы просто провести время.

ТikTok притягивает молодежь своими возможностями: самовыражение через видео; заработать деньги на своих короткометражках; познакомиться с интересными людьми; попасть в команду и снимать совместные видео (формируются группы, планирующие снять какой-нибудь дом, и там совместно разрабатывать, обдумывать контент). Здесь работает тот же таргетинг, когда видео формируются под интересы пользователя за счёт его оставленных ‘лайков’ и подписок.

Таким образом, ТikTok, учитывая тенденции рынка, привлек активный интерес во время самоизоляции у молодёжи и послужил своего рода заменителем живого общения, показав новые возможности.

ЦИФРОВОЙ СЛЕД СТУДЕНТА В РАМКАХ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

*Глазунова Галина Дмитриевна
(ФГАОУ ВО СПбПУ)*

*Редькина Анна Дмитриевна
(ФГАОУ ВО СПбПУ)*

Условия пандемии поспособствовали установлению нового, дистанционного формата обучения высшей школой в кратчайшие сроки. В рамках перехода была создана электронная информационно-образовательная среда: были разработаны онлайн-программы, личные кабинеты студентов и преподавателей, методические материалы переведены в онлайн формат, а все занятия проводили с использованием электронных средств [1].

Однако за время дистанционного обучения возник вопрос идентификации себя как студента: как выделить себя и свои способности в онлайн-формате? Каким образом продемонстрировать свою успеваемость, подготовленность к занятиям без личного общения с преподавателем? Для исследования данной проблемы была проведена фокус-группа со студентами третьего курса, которые в последние месяцы приобрели опыт нового, дистанционного формата обучения.

Изучая вопрос адаптации к онлайн формату проведения занятий, студенты позитивно отнеслись к полученному опыту. Среди плюсов были отмечены экономия времени, возможность многозадачности, отсутствие необходимости посещать людные места.

Обсуждая тему демонстрации своих способностей, студенты выделили не только нежелание, но и отсутствие необходимости включения камеры во время онлайн-занятия. По мнению участников фокус-группы, включенная камера лишает возможности отвлечься

от учебного процесса. Микрофоном пользовались намного чаще: во-первых, для того, чтобы провести переключку присутствующих, во-вторых, его включали для возможности участия в дискуссиях, высказывании своего мнения относительно вопроса. Однако на лекциях, во избежание посторонних шумов, микрофоны были выключены.

Для привлечения внимания преподавателя во время онлайн-занятия студенты прибегли к новым техническим возможностям. Например, нажатие на значок «поднятой руки», который есть на платформе MS Teams. Данный знак транслируется на экран преподавателя, и он видит желающего ответить. Также студенты отметили, что для сдачи заданий, сделанных за время занятия, они используют чат онлайн-конференции, куда можно и писать, и отправлять документы. Чтобы работу заметил преподаватель, студенты чаще всего включают микрофон и предупреждают об отправлении документа. Если же возникло сомнение о получении преподавателем работы, студенты дублируют свое письмо с заданием на электронную почту.

Говоря о командной онлайн-работе, студенты выделили чаты в социальных сетях как наиболее удобный формат общения. Более того, переписка сохраняет всю историю обсуждений, в сравнении с очной встречей, где есть возможность упустить часть информации. Однако некоторые все же применяют видео-формат общения, например, используя FaceTime или MS Teams.

1. Маскина О.Г., Чучкалова Е.И. Дистант: полет нормальный! // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. №2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distant-polet-normalnyy>

КОНТЕНТ СТРИМОВ КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

*Глебов Даниил Александрович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00625А «Развитие компьютерных игровых проектов в социологических исследованиях»

Цель данного доклада заключается в проблематизации социологического исследования стриминговых платформ, где проводятся онлайн-трансляции прохождения компьютерных игр и где собирается сообщество пользователей, заинтересованных в данном контенте. Сегодня реальное и виртуальное пространства не рассматриваются аналитиками как две не пересекающиеся области, скорее, все чаще о них говорят, как о единой среде существования и активности наших современников. Особенно для современных поколений молодежи онлайн-среда – это реальность, вплетенная в их образ жизни, мировоззрение и миропонимание. По мнению Дж. Пэлфри и К. Гассер, представители данного поколения «не воспринимают свою идентичность в цифровом и реальном пространстве как нечто обособленное; они считают, что их идентичность представлена сразу в нескольких пространствах»[1, 332]. Необходимость принадлежности к сообществу и общения тесно связана с потребностью в личном продвижении, возникающей как ожидаемое вознаграждение за определенное социальное поведение. Как отмечает А.Ю. Авдеев, «социализация подростка в информационной среде отражает не пассивное их приспособление, а активное построение образа себя в реальном и виртуальном мирах»[2, 69]. В связи с этим все большую популярность приобретает взаимодействие подростков и их участие в «виртуальных сообществах» в цифровой среде,

к числу которых сегодня можно отнести стриминговые сообщества. При этом особенностью данных виртуальных сообществ является создаваемая во время стрима атмосфера, основанная на взглядах и ценностях стримера, что, безусловно, входит в резонанс ожиданиями зрителей стримов. Эта проекция личности стримера затем влияет на всех тех, кто участвует в сообществе, поскольку есть эмоциональная связь и включенность зрителей-участников, общающихся на пересечении характеристик “горячих” медиа (изображение в стриме) и “холодных” медиа (текст чата в стриме). Для социологов важно изучать стримеров как новых агентов социализации и новых лидеров общественного мнения.

Интернет-коммуникации сегодня оказывают значительное влияние на формирование самосознания, системы ценностей, потребностей и интересов современных подростков. Поэтому необходимо рассмотреть стриминговые платформы как новый институт социализации подростков для определения получаемого ими социального опыта и уровня распространения социокультурных ценностей, которые транслирует стример, тем самым влияя на мировоззрение зрителей-подростков, а также адаптировать нынешние социологические или разработать новые методы для их изучения.

1) Lee, C. S., & Ma, L. News sharing in social media: The effect of gratifications and prior experience// *Computers in Human Behavior*, 2012, 28(2), 331–339.

2) Авлеев А.Ю. Современный подросток в пространстве информационных технологий / А.Ю. Авлеев // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2012. № 3. Т. 18. С. 67-72.

МОЛОДЕЖЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Гужавина Татьяна Анатольевна

(ФГБУН "Вологодский научный центр Российской академии наук")

Благодарности. Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 20-011-00326\20 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Цифровизация стала основным трендом развития современного общества. Интернетом пользуется каждый второй житель планет. Она создает и новые возможности для развития. С другой стороны, цифровизация порождает и новые виды рисков. Цифровизация требует от человека не только технических навыков использования гаджетов, но и овладения принципиально новыми умениями и навыками, обозначаемыми как цифровая грамотность. Благодаря цифровой грамотности индивид получает возможность использовать принципиально новый инструментарий. Уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации по оценкам Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ в 2018 году составил 58 %. К 2024 году этот показатель должен быть доведен до 75 % [1]

Значительная часть населения России проживает в малых городах, большая часть которых имеет стандартный набор социальных проблем таких как отсутствие высокотехнологичных рабочих мест, ограниченная экономическая база, низкие зарплаты и т.д. Особое значение имеет создание условий для развития таких поселений и сохранение в них молодежи, носителя новых идей и стремлений. Именно эта категория населения могла бы стать драйвером информационного развития в своих населенных пунктах. Как показали

результаты исследования около 85% молодых людей активно пользуются смартфонами [2]. Его наличие можно рассматриваться как показатель технической компетентности как части цифровой грамотности. Индикатором когнитивных компетенций служит информация об использовании интернет для получения различной информации. Доля молодежи малых городов, давших положительный ответ, составила около 40%. Одна из причин – это отсутствие необходимости в он-лайн практиках. Важным цифровым навыком является наличие и использование личного кабинета. По данным исследования менее половины молодых респондентов используют личные кабинеты в различных сферах. Как показывают полученные данные, почти две трети молодых людей не активны в сетевом взаимодействии и не реализуют тем самым свои когнитивные компетенции. Об этом же свидетельствуют и ответы на вопрос об участии в обсуждении общественно-значимых проблем. Доля такой молодежи чрезвычайно мала. И составляет не более 2 - 4%.

Таким образом, молодежь малых российских городов владеет цифровыми компетенциями в определенной степени, необходимо ее более эффективное вовлечение в процессы цифровизации.

- 1. Официальный сайт Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Официальный сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/540/> (дата обращения 12/03/2020)*
- 2. Опрос проводился в 2019 г. на территории Вологодской области специалистами ВолНИЦ РАН. Объем выборки составил 1900 человек в возрасте старше 18 лет. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Выборка квотная, репрезентативная Молодежь составляет в выборке 18% от ее общей численности, что соответствует структуре населения области, которое рассматривается в качестве генеральной совокупности исследования.*

СЕКСТИНГ КАК СЕКСУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА МОЛОДЕЖИ ОНЛАЙН

Гузева Дарья Васильевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Короева Вероника Алановна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Комиссарова Анастасия Дмитриевна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

С возможностями цифрового общества стала доступна реализация сексуальных практик в онлайн режиме. После введения мер самоизоляции для предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-19 многие пары были вынуждены отказаться от встреч лицом к лицу, ввиду чего сексуальные практики во взаимодействии с партнёром оказалось невозможным. Выходом для многих пар стала возможность реализовывать сексуальные практики в онлайн-пространстве. Примером таких практик является секстинг – обмен сообщениями и/или фотографиями и иными материалами (аудио- и видеозаписями) интимного характера. По данным новостного интернет-канала Mash, в условиях самоизоляции женщинам удалось раскрыть свою сексуальность, в том числе и посредством онлайн-практик, среди которых большую долю составляет секстинг.

[1]

Впервые определение было применено в Новой Зеландии в 2005 году, задолго до введения мер самоизоляции. Сегодня секстинг является укоренённой сексуальной практикой онлайн у молодёжи: 14,8% молодёжи отправляют сообщения интимного характера, 27,4% - получают их. Примерно 12,5% сообщают о получении «секстов» без их согласия. [2] Почти 66% девушек в возрасте 12-18 лет заявляли о просьбе прислать интимные фотографии. [3]

Секстинг может являться не только правонарушением (в отношении несовершеннолетних), но и потенциальной угрозой репутации. Распространены случаи мошенничества, вымогательства большого количества интимных фотографий жертвы, угрозы распространения фотографий и/или иных материалов среди знакомых, коллег и родственников отправлявшего или отправлявшей. В Интернете есть большое количество рекомендаций, что необходимо делать в ситуации шантажа интимными материалами.

Рассмотрение секстинга как молодёжной сексуальной практики онлайн чаще всего предполагает обращение к проблемам секстинга в отношении несовершеннолетних. С социологической точки зрения, данный вопрос можно рассматривать со следующей позиции: что мотивирует молодых людей использовать именно такие сексуальные практики в онлайн-пространстве? Чем отличаются эти практики от сексуальных практик оффлайн? Как сексуальные практики онлайн, в том числе и секстинг, трансформируются и являются качественным заменителем взаимодействия оффлайн, например, в условиях самоизоляции в 2020 году? Эти вопросы требуют детального изучения ввиду обострения эпидемиологической ситуации и второй волны коронавирусной инфекции.

1. Секс на карантине. Электронный ресурс, URL: <https://mash.ru/letter/quarantine-sex/> (дата обращения: 04.10.2020)
2. Madigan S, Ly A, Rash CL, Van Ouytsel J, Temple JR. Prevalence of Multiple Forms of Sexting Behavior Among Youth: A Systematic Review and Meta-analysis. *JAMA Pediatr.* 2018;172(4):327–335. doi:10.1001/jamapediatrics.2017.5314
3. Sara E. Thomas. What Should I Do?: Young Women's Reported Dilemmas with Nude Photographs. *Sex Res Soc Policy* (2018) 15:192–207 <https://doi.org/10.1007/s13178-017-0310-0>

УДАЛЕННАЯ РАБОТА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Данилова Елена Олеговна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»)

Аникина Яна Васильевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»)

Ефремова Юлия Вячеславовна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»)

Вынужденные ограничения во всем мире повлияли на доходы, взгляды и приоритеты молодежи. Организации меняют представления о менеджменте и внедряют новые цифровые решения, создают нестандартные должности для увеличения эффективности своей работы.

Ученые Ванкевич Е.В. и Зайцева О.В. отмечают следующие формы нестандартной занятости: временная (непостоянная) занятость, неформальная занятость; неполная (частичная) занятость, сверхзанятость; дистанционная занятость (по степени использования ИКТ, по специфике рабочего места); заемный (привлеченный) труд, самозанятость; дополнительная (вторичная занятость) [1, 132]. Разумова Т.О., Артамонова М.В. заметили, что наметилась тенденция доминирования гибких форм занятости над жесткими, что свидетельствует о необходимости их регулирования и прогнозирования негативных последствий [2, 22]. Для выхода на траекторию устойчивого экономического роста важно своевременно выявлять проблемы, разработать рекомендации.

Непрерывность деятельности и скорость – именно это становится важным фактором формирования социально-экономической активности молодежи в период пандемии. Тем не менее, удаленная работа или «home-office» может как положительно, так и отрицательно влиять на самого работника. Реальные условия в организациях показали, что целостная цифровая среда и IT-инфраструктура находится на стадии формирования. Васильева Е.Н. и Канищева Л.Н. указывают на открытость молодежи к новому, ее потенциале преобразовывать внешнее пространство и проявлять инициативу [3, 109].

В ходе анкетного опроса (N = 90) выявлялось положение на рынке труда и отношение к удаленной работе молодежи г. Волгограда. Выборка по полу, возрасту и месту жительства. Проведенное исследование показало, что 34% респондентов неудовлетворительно оценивают свое положение на рынке труда, почти уверены в увольнении и опасаются стать безработными; постараются сохранить работу 28% респондентов; уверенную позицию в сохранении работы заняли 21%; остальные 17% затруднились с ответом. В случае поиска работы респонденты придерживаются разных критериев отбора: это интерес к работе, достойная заработная плата, дополнительные бонусы вроде медицинского страхования, хороший офис компании, адекватные коллеги и руководитель, крупность и известность компании и многое другое.

Молодые люди отметили, что согласны работать удаленно 73%; отказались 14,6%; проявили затруднение при ответе 12,4%. В числе преимуществ удаленной работы респонденты назвали гибкий график, возможность избежать безработицы, совмещать работу и уход за детьми. В то же время, на удаленной работе необходима более жесткая дисциплина, при отсутствии тайм менеджмента происходит нарушение баланса между работой и личной жизнью, что может привести к повышению уровня стресса. Таким образом, прослеживается необходимость дальнейшего исследования проблемных вопросов удаленной работы молодежи и flexicurity на рынке труда.

1. Ванкевич, Е. В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулирование / Е.В. Ванкевич, О.В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. 2015. № 3. С. 129-146.

2. Разумова Т.О. Гибкие формы занятости в системе критериев концепции «будущее в сфере труда» / Т.О. Разумова, М.В. Артамонова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Том 9. Выпуск 4. С. 7-27.

3. Васильева Е.Н. Результаты социологического исследования практик и ценностей молодежи как основа выбора педагогических технологий работы с обучающимися / Е.Н. Васильева, Л.Н. Канищева // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.К. Ростовской. 2019. С. 107-111.

РОЛЬ ЦИФРОВОГО СЕЛФ-ТРЕКИНГА В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Дупак Анна

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, "Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст".

Цифровизация здравоохранения - один из трендов современности. Новые технологии позволяют сделать медицинскую систему более гибкой, доступной и эффективной. Устройства для селф-трекинга берут на себя функции по отслеживанию здоровья пользователей, предоставляя пациентам больше возможностей для самостоятельного контроля своего состояния. При этом, в литературе присутствует и другой взгляд на цифровизацию здравоохранения. Социологи отмечают, что данный процесс ведет к растущему неравенству в доступе к электронному здравоохранению, а также способствует формированию общества контроля и надзора, где каждый следит за каждым. Именно такие возможности предоставляют множественные приложения и программы для трекинга здоровья. Противоречивое отношение к селф-трекингу дополняется недостатком эмпирических исследований в этой области, что ставит под вопрос аргументы как сторонников, так и противников цифрового отслеживания здоровья.

Мы провели интервью со студентами из России с целью выяснить, каким образом их опыт селф-трекинга влияет на практики заботы о здоровье, и выделили следующие тенденции:

Цифровые устройства способствуют изменению ежедневной рутины, внедрению новых привычек. Студенты отметили, что стали больше заниматься спортом и больше двигаться. Физическая активность, по их мнению, один из ключевых элементов здорового образа жизни, и обязательная цель для каждого. Несмотря на то, что одним достаточно пеших прогулок, а другие видят необходимость в регулярных тренировках, все они идут к своим целям при поддержке устройств, которые мотивируют не только путем напоминаний, но и за счет игрового дизайна и различных бонусов.

Пользователи не видят прямой связи между своим опытом в трекинге и заботой о здоровье. Несмотря на то, что отслеживаемые показатели часто являются теми шкалами, по которым оценивается здоровый образ жизни, сами студенты не воспринимают свои практики как ведущие к долгосрочной цели - здоровью. Для важен сам процесс достижения ежедневных/ежемесячных норм. Исключения составляют трекинг критических дней, пульса и, иногда, сна. Именно эти показатели студенты отслеживают не только ради интереса, но и с целью собрать информацию для дальнейшей самодиагностики или для обсуждения с врачом.

Трекинг ассоциируется у пользователей не только с получением удовольствия и развлечением, но и с негативными эмоциями: обидой, злостью, чувством стыда. Чаще всего такие эмоции возникают при недостижении назначенных целей. Неприятные чувства от низкой активности или употребления "вредной" пищи усугубляются необходимостью внесения этой информации в устройство. Получая негативную оценку от приложения пользователи могут испытывать чувство стыда, как если бы не сдержали данное обещание и поступили безответственно.

Таким образом, в коммуникации с человеком устройство выполняет функцию социального контроля, наблюдая за поведением и корректируя его при помощи мотивации/демотивации/напоминаний и оценок.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ: РАЦИОНАЛИЗМ & ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Зарубин Валерий Григорьевич

(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена)

Человек прошлого повсюду оставил следы своего пребывания: в производстве, в культуре и в повседневной жизни. Он был ограничен рамками пространства и времени. Его следы видимы, осязаемы, предметны. Иное дело – наши дни. Информационные потоки снесли временные и пространственные барьеры. Человек постсовременности обрел новый вид телесности – телесность виртуальную. В сетевых потоках сохраняются цифровые следы. Кибер-тень неотступно шествует за реальным человеком.

Цифровые следы (digital footprint - англ.) — это индивидуальные наборы действий отдельных людей или организаций в Интернете или в других цифровых устройствах.

Социологи различают несколько видов цифровых следов. К пассивным следам относятся посещаемые ресурсы и просматриваемая или загружаемая из сети информация, которую можно разделить на текстовую, фото-, аудио- и видеoinформацию. Активный цифровой след появляется тогда, когда пользователь намеренно публикует свои персональные данные, чтобы рассказать о себе на веб-сайтах и в социальных медиа. Пользователь может оставлять информацию намеренно или неосознанно; заинтересованные стороны пассивно или активно собирают эту информацию. Особым следом являются поисковые запросы, которые совмещают активность и пассивность. С одной стороны, запрос – это акт человека, проявление активности, а с другой стороны – этот акт в основном происходит тогда, когда человек хочет получить, а не разместить информацию.

Цифровой след помимо технической составляющей имеет не менее значимую гуманитарную составляющую. Помимо узкоспециализированных вопросов (например, вопросы безопасности или вопросы рекламно-маркетинговые) цифровой след оказывается слепком жизни и личности человека. В этом слепке отражаются интересы конкретного человека, его потребности, социальный статус и интеллектуальный уровень развития. Следовательно, в Интернете происходит зарождение цифровой личности. Каковы границы человеческой деятельности в сетевом потоке?

Что явилось катализатором доминирующих тенденций сегодняшнего дня? Несомненно – это цифровая революция. Постсовременность открывает перспективы виртуализации для социальных взаимодействий, внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизни, сращивания традиционных институтов с постоянно возникающими социальными сетями. Цифровизация порождает новый этап столкновения между рационализмом и турбулентностью.

Рационализм содержит в себе потенциал подчинения общественного сознания, поведения, развития общества, хозяйственного уклада и культуры. Процесс рационализации привел к возникновению рыночного хозяйства и оживлению экономики. Рационализация обогатила научное знание, расширила контроль над различными областями жизни, кардинально преобразовала этику, религию, психологию и культуру.

Рационализм — это ускоритель, стимулирующий развитие общественных отношений, и в то же время результат этого развития.

Но рационализм имеет и обратную сторону.

Зарождение рационального капитализма и рациональной бюрократии, по мнению М. Вебера, меняет стиль жизни не только представителей бюрократии и предпринимателей, но и окружающего их множества людей. В ситуации рационализма востребованы не только инициатива и предприимчивость, но также дисциплинированная рабочая сила и организованные потоки инвестиций. В результате рационализм образует «стальной панцирь» [2, 206] порядка.

По мнению Джеффри Александера, рационализм представляет собой «мертвую руку современности» [1, 472-504], обнаруживая растущую подчиненность человеческой жизни сфере объективированных безличных смыслов. Рационализм определяет содержание социальных действий и культурных ценностей. Отсюда, естественно, возникает вопрос: возможен ли мир чисто технической рациональности, а если нет, то можем ли мы и далее утверждать автономию культурных содержаний, когда речь идет о технике?

Джордж Ритцер отождествляет рационализм с явлением магнальдизации. Понятно, что речь идет не столько о работе ресторана быстрого питания, сколько о принципах деятельности современной системы образования и средств массовой информации.

Принципы работы ресторана «Макдональдс» формируют ядро рациональности [4, 75-78]. Эти принципы таковы.

Принцип эффективности состоит в выборе оптимальных средств для достижения требуемой цели. Высокая скорость обслуживания посетителей - несомненное конкурентное преимущество сети ресторанов «Макдональдс».

Исчислимость предполагает количественный учет услуг. Количество превращается в синоним качества.

Предсказуемость ориентирована на то, что клиенты рассчитывают получить необходимые им услуги в любое время в любом месте по предсказуемым ценам. Коммерческий успех обусловлен тем, что многие люди предпочитают жить без неожиданностей.

Контроль включает стандартизированный набор технологий, которые направлены на автоматизацию процессов производства и деквалификацию рабочей силы. Контролю подчинены как посетители, так и работники ресторана.

Исследовательские подходы М.Вебера, Дж. Александера и Дж. Ритцера позволяют измерить параметры формального рационализма, получившего название «железная клетка рационализма».

Цифровизация придает железной конструкции рационализма дополнительную прочность. Это происходит по нескольким причинам.

Во-первых, углубляется представление о макро- и микро- уровнях познания, создаются способы динамического моделирования, разрабатываются технологии работы с большими базами данных и формируются новые способы публичной презентации результатов.

Во-вторых, открывается возможность внедрения процессов и технологий контроля сверху и контроля снизу, а также контроля по горизонтали между участниками социального взаимодействия.

В-третьих, в сфере производства и потребления происходит вытеснение человека и замена его искусственным интеллектом.

Что помешает захлопнуть «железную клетку рационализма» в условиях постсовременности?

На смену рационализму и предсказуемости пришли турбулентность и неопределенность. По мнению О.Н. Яницкого повсюду проявляется всепроникающий риск деградации и разрушения нестабильности [6, 158]. С.А. Кравченко относит турбулентность к «нормальной аномии» [3, 7]. В таком контексте турбулентность предстает как негативное явление.

Меняющееся соотношение между управляемостью и неуправляемостью обнаруживает в турбулентности позитивный контекст. В условиях постсовременности отсутствует прямая связь между управляемостью и подчинением, а акцент смещается на то, что неуправляемость – это не только неподчинение и неподконтрольность, но и созидательное начало. Неуправляемый объект в отличие от неподчиняющегося объекта способен к самоорганизации, автономии и творчеству.

Каковы очертания созидательного начала в турбулентности?

Первый признак обусловлен «эффектом бабочки». Локальные события, несущественные на первый взгляд, вызывают значимые, лавинообразные и непредсказуемые последствия в будущем.

Другой признак основывается на «силе слабых связей». Сильные связи возникают в результате родства и иерархической субординации, а слабые связи образуются между знакомыми, одноклассниками, сослуживцами и коллегами по работе.

Еще один признак определяется существованием «черных лебедей» [5, 115-126]. Столь яркая метафора служит для обозначения события, ускользающего из поля зрения управленцев или экспертов. Данное событие, казалось бы, аномально, ничто в прошлом его не предвещало. Кроме того, оно таит в себе потенциал огромной силы. И наконец, наш опыт заставляет нас выдвигать объяснения случившемуся уже после того, как событие произошло, превращая его сначала в неожиданный сюрприз, а затем, при помощи объяснений, – в тривиальное и предсказуемое действие.

Таким образом, эвристический потенциал определения границ рационализма и турбулентности позволяет выявить различия между неопределенностью и устойчивостью, непредсказуемостью и прогнозируемостью в условиях постсовременности.

1. Александр Дж. *Сакральная и профанная информационная машина / Смыслы социальной жизни: культуросоциология* – М.: Праксис. 2013.
2. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения*. – М.: Прогресс. 1990.
3. Кравченко С.А. *Усложняющиеся метаморфозы – продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. №11. – с. 3-10.*
4. Ритцер Дж. *Макдональдизация общества 5*. – М.: Праксис. 2011.
5. Талеб Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. – М.: КоЛибри, Азбука Антикус. 2015. – 736 с.
6. Яницкий О.Н. *“Турбулентные времена” как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. – с.155-164.*

РИСКИ ОНЛАЙН ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ

Зборовский Гарольд Ефимович
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Чебыкина Юлия Александровна
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016

В современном обществе возрастает потребность в людях неординарно мыслящих, творческих, активных, способных нестандартно решать поставленные задачи и формулировать новые, перспективные цели. Талантливая молодежь – молодые граждане в возрасте от 14 до 30 лет, обладающие исключительными творческими способностями, талантом и добивающиеся высоких результатов в области науки, образования, искусства, культуры и спорта. Талантливые люди могут сделать кардинальные открытия и перевороты в науке и обществе. Обучение и воспитание юных талантов в настоящее время вызывает острый интерес во всем мире.

Существует несколько важных институтов, влияющих на жизнедеятельность, развитие и поведение молодежи. Это институт семьи, образования и государства. Цифровизация образования означает социализацию детей и молодежи в условиях широкого распространения IT-технологий в ходе образовательного процесса. Наряду с определенными преимуществами, прежде всего, обеспечением большей доступности образовательных и иных поддерживающих таланты и способности ресурсам, у онлайн образования имеются серьезные ограничения.

Первое ограничение связано с широким применением тестовых процедур. Многие педагоги и психологи отмечают, что их применение зачастую бывает абсолютно неэффективно как для выявления талантов, так и для оценки их способностей и компетенций [1]. Тестовые процедуры унифицируют подход к оцениванию и пониманию природы образовательной успешности, в то время как способные дети уникальны и требуют неалгоритмизированных образовательных технологий.

Второе ограничение связано с опосредованным характером онлайн коммуникации между учащимися и преподавателями. Массовизация и обезличенность – характеристики, как правило, сопровождающие реализацию онлайн образования. Между тем, работа с талантами возможна только в отношениях «face-to-face» [2].

Третье ограничение – отсутствие при онлайн обучении возможностей для компенсации различных психологических и социальных дефицитов талантливых детей [3]. Как известно, часто они испытывают серьезные трудности в выстраивании коммуникаций со взрослыми и сверстниками. Им трудно регулировать свои эмоциональные реакции или эгоцентризм, особенно если они связаны с оцениванием их образовательных достижений. Любое некорректное резюме по итогам работы, провал на олимпиаде или конкурсе вызывает у таких детей и подростков сильнейший стресс, который может привести даже к суициду. При онлайн образовании подобные ошибки или обезличенная форма сообщения результатов приводят к усилению названных социальных рисков.

Некоторые форсайтеры российского образования предлагают для талантливых детей особое – кастовое – образование, подразумевая под ним обычное «живое» обучение. Безусловно, это выход для качественного образования талантливых и способных детей. Но

это не решение для российской системы образования, которая в этом случае создаст новый вид образовательного неравенства.

1. Система поддержки талантливых детей в России стоит перед выбором: прорыв, стагнация, провал [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/61151/> (дата обращения: 09.10.2020).
2. Зборовский Г.Е. Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 49–58.
3. Щербинина О.С. Проблема социального развития одаренных детей // Вестник КГУ им. Н.В. Некрасова. 2013. № 5. С. 180–183.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ЗА И ПРОТИВ.

*Зверева Татьяна Федоровна
(ГБОУ СОШ № 186)*

*Старосельская Екатерина Александровна
(ГБОУ школа "ТУТТИ")*

По данным опроса, проведенного среди учителей и старшеклассников наших школ, выявлены положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения:

1. Плюсы ДО:

- 1) свободный и достаточно гибкий график;
- 2) нет жесткого ограничения времени в 45 минут при выполнении заданий по предмету;
- 3) повышается уровень осознанного отношения к учебе, развиваются навыки самостоятельности и организованности;
- 4) тихая спокойная обстановка способствует сосредоточенности;
- 5) задания даются на несколько дней, можно сделать их не торопясь и качественно;
- 6) ДО развивает навыки работы с информационными технологиями.

Учителя среди плюсов ДО отметили:

- 1) возможность больше времени уделять подготовке учащихся к ЕГЭ;
- 2) рекомендации по выставлению оценок за 4 четверть и за год позволили некоторым ученикам получить конкурентный аттестат;
- 3) родители стали уделять больше времени детям, что создавало условия для большей доверительности отношений в семье.

2. Большая часть опрошенных детей назвала среди минусов ДО:

- 1) сложность изучения нового материала самостоятельно и отсутствие возможности подойти к учителю для уточнения непонятных и трудных вопросов;
- 2) не хватает живого общения со сверстниками и учителями;
- 3) большие временные затраты, особенно при выполнении заданий по новым темам;
- 4) нет возможности выйти к доске и проверить промежуточные результаты;
- 5) можно что-то не доучить, пропустить, сделать не вовремя, а долги накапливаются.

Риски ДО, озвученные коллегами:

- 1) некачественное усвоение программы;
- 2) большой объем заданий при дефиците времени на выполнение;
- 3) невозможность своевременно откорректировать понимание смысла заданий;
- 4) свободное время тратится на интернет-серфинг и не всегда информация, полученная из интернета, безопасна и достоверна;
- 5) большая возможность списать задание из ГДЗ;

б) отсутствие непосредственного контакта приводит к внутреннему опустошению, что теперь в условиях очного обучения приводит к сложностям в усвоении материала;

7) стресс для педагогов – новые навыки и увеличение нагрузки по подбору и проверке заданий;

8) большое количество платформ, на которых приходилось регистрироваться;

9) в связи с отменой экзаменов для 9 класса профессиональные учреждения ввели конкурс аттестатов, который не все смогли преодолеть.

3. Цифровые платформы в условиях эпидемии коронавируса COVID-19:

Каждая не была готовой и идеальной, техника не выдерживала нагрузки, урочное время тратилось не рационально. И готовые уроки не всегда воспринимались детьми на ожидаемом уровне. Программные ошибки в тестах и некорректное их составление создавали дополнительные трудности.

4. Новые коммуникативные паттерны и практики:

учителям пришлось совершенствовать навыки работы и с информационными технологиями, с интернетом, и коммуникации в условиях отсутствия непосредственного контакта, когда не видно аудитории и которые требуют большего времени.

Подводя итог опроса среди детей и учителей, можно отметить совпадение точек зрения:

«Выходить на такой формат обучения нужно только в крайнем случае».

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ДИСТАНЦИОННОГО И ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

*Зинченко Ярослава Геннадиевна
(Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)*

Развитие качественного дистанционного обучения является необходимой частью управленческого и педагогического процесса в высшей школе, поскольку позволяет вовлечь в вузовскую среду значительно большее количество участников; снизить материальные издержки и цену образовательной услуги, оптимизировать режим обучения; модернизировать содержание образования и педагогические методы.

Демократичный дистанционный формат открывает стены вуза для лиц, которые в силу объективных обстоятельств не имеют возможностей посещать аудиторные занятия. К таким субъектам можно отнести молодых матерей; лиц с ограниченными возможностями здоровья; работающих специалистов; проживающих вдали от университетских городов.

Доступность, технологичность, гибкость и адаптивность образовательных курсов позволяет выстраивать персональный образовательный вектор, выбирать индивидуальный график обучения, знакомиться с достижениями наиболее профессиональных преподавателей и научных школ, и в конечном счёте, реализовать принцип непрерывного образования для всех.

Однако, наряду с существенными плюсами цифровизации образовательного процесса, новая социальная реальность карантинных ограничений выявила ряд социальных рисков дистанционного и онлайн-обучения.

Прежде всего это риски, связанные с мотивацией обучающихся. Инвестиции студента в процесс обучения, связанные со сборами, преодолением физического расстояния до места учебы, планированием временного ресурса – придают ценность присутствию в аудитории и настраивают на соблюдение дисциплины и результативную работу.

Специфика же программных продуктов, обеспечивающих работу канала видеосвязи, обезличивает участников онлайн-занятий и придаёт им, зачастую, имитационный характер, поскольку проконтролировать вовлечённость в учебный процесс на протяжении полутора часов всю студенческую аудиторию преподаватель не может.

Одна из базовых функций образования – социализирующая, реализующаяся через коллективные формы работы, общение между учащимися, внеаудиторную спортивную, культурную, волонтерскую активность не может быть полноценно перенесена в дистант, что затрудняет развитие способностей студентов к эффективной коммуникации и взаимодействию.

Текущий и промежуточный контроль знаний в онлайн-режиме не позволяет в полной мере верифицировать личность обучающегося, оценить самостоятельность студенческой работы и сформированность заложенных образовательным стандартом компетенций.

Часть учебного плана, корреспондирующая с требованиями профессиональных стандартов, представленная практиками и стажировками в организациях-партнёрах вуза, являющихся потенциальными работодателями, неизбежно теряется. Вследствие этого, размывается представление об идеальной референтной группе – профессиональном сообществе, в которое обучающийся-практикант желает влиться; не происходит соприкосновения с нормами и ценностями организационной и профессиональной культуры; проблемное поле будущей профессиональной деятельности не находит разработки в исследовательской части выпускных квалификационных работ.

Процедуры государственной итоговой аттестации, предполагающие присутствие представителей работодателя, в онлайн-режиме также ограничивают возможности взаимодействия выпускников и их будущих коллег, поскольку, не видя друг друга лицом к лицу, – одни сосредоточены на презентации текста своей выпускной работы, а вторые – обращены к параллельно происходящим рабочим процессам. Ввиду этого несостоятельного взаимодействия перспектива трудоустройства выпускников вуза становится проблемной.

Таким образом, дистанционная форма обучения создаёт значительное количество социальных рисков, которые при несвоевременном реагировании педагогического сообщества, администраторов разных уровней внутривузовского социального пространства, представителей регулирующих и контрольно-надзорных органов в сфере высшего образования могут привести к кризисной ситуации, негативно влияющей на престижность и востребованность высшего образования потенциальными абитуриентами и их работодателями, а также снизят конкурентоспособность российской высшей школы на мировом рынке образовательных услуг.

МОЛОДЫЕ ПРЕКАРИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Зотова Варвара Алексеевна

(ФГБОУ "Российский Государственный Гуманитарный Университет" (РГГУ))

Статья написана в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ 18-18-00024)

В отечественной социологии на сегодняшний день нет единого подхода к определению содержания понятия «прекарная молодежь». Это обусловлено разнообразием методологических подходов к операционализации прекарности и широте трактовки этого

явления. Авторский коллектив под руководством М.К. Горшкова, опираясь на определение precariousности, сформулированное Международной Организацией Труда, предлагает операционализировать часть прекариата через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. С точки зрения этого подхода к прекарной молодежи относятся выпускники вузов и других учебных заведений, работающие по временному трудовому или гражданско-правовому договорам, или работающие без какого-либо оформления трудовых отношений, а также сезонные работники, и молодые специалисты-стажеры [2]. Мы считаем, что такая трактовка содержания понятия «молодой прекарий» близка к оптимальной.

К объективным признакам precariousности мы относим: (1) оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год; (2) полное несоответствие образования работе; (3) постоянные переработки (более 8 часов); (4) регулярные или нерегулярные подработки в своей или сторонней организации; (5) систематическое или периодическое получение зарплаты «в конверте»; (6) смена работы за последние 3 года более 1 раза; (7) невозможность влиять на решения в своей производственной организации [1]. Этот набор признаков precariousности, предложенный И.О. Шевченко, позволяет выделить т.н. «ядро» прекариата.

Согласно официальной статистике, в 2018 году численность занятой молодежи (от 15 до 29 лет) составила 14124 тыс. чел., из них 55% - юноши, 45% - девушки. Треть молодежи (34%) работает в наиболее прекаризованных отраслях: торговля, строительство, транспортные услуги. Высокая степень precariousности этих сфер экономической деятельности была выявлена в ходе исследований, проведенных РГГУ в 2018 и 2019 гг. Результаты исследования 2018 в целом совпадают с данными статистики – молодежь действительно в основном работает в сфере торговли (28%), на производстве (13%), в строительстве (13%), а также в бюджетной сфере – образовании, науке, здравоохранении (15%).

В 2017 году не по специальности работало 30% выпускников ВУЗов, 40% выпускников ССУЗов и 45% (!) выпускников, получивших среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих. О чем говорят эти цифры? Они свидетельствуют, что система профориентации фактически не работает, школьники и студенты выбирают специальности для поступления, не задумываясь на тему того, где они в дальнейшем будут работать. Они свидетельствуют о том, что подготовка специалистов среднего уровня должна быть реформирована в соответствии с потребностями рынка и ожиданиями молодежи от качества образования. Эти цифры также свидетельствуют о том, в России отсутствует механизм, регулирующий трудоустройство выпускников учебных заведений, из-за чего возникают серьезные проблемы [5].

Прекарность определяется не только по объективным признакам, но и по субъективным оценкам. В ходе опроса в 2018 г. респондентов просили оценить уровень удовлетворенностью работой. Результаты опроса показали, что четверть молодых людей (25%) не удовлетворены своей работой. Для сравнения, в других возрастных группах уровень неудовлетворенности работой оказался меньше – 21%.

На общественном уровне прекарнизация молодежи работает на усиление классового неравенства. В условиях плохо функционирующих социальных лифтов, молодые прекарии объединяются по принципу гомогенности, отдаляясь от своих более обеспеченных сверстников, замыкаясь в своем социальном круге. Это неизбежно приведет к социальному взрыву, когда разрыв между богатыми и бедными достигнет критического значения. На индивидуальном уровне precariousность оказывает негативное воздействие на

психологическое состояние человека. Длительное нахождение в состоянии неопределенности повышает нервозность, снижает самооценку, побуждает к девиантному поведению. Мы считаем, что цифровизация образования и развитие сети Интернет могут способствовать снижению этого социального разрыва.

1. Анисимов Р.И., Кученкова А.В., Шевченко И.О. Тощенко Ж.Т. Критерии определения прекарной занятости//Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) /Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
2. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении [Электронное издание] / [М. К. Горшков и др.]; Отв. редактор М. К. Горшков. – Электрон. текст. дан. (объем 1,5 Мб) – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. – 129 с. 1
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс = <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html>]
4. Расстегаева А.В. Прекаризация труда среди молодежи// Вестник СГСЭУ. 2018. № 1 (70)157-160

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА «АУЕ» В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

*Иванова Маргарита Сергеевна
(Администрация Краснодарского края)*

*Исследования проведены за счёт средств гранта РФФИ № 19-011-00440
«Глубинные причины подростковой (нео)криминализации в современной
России».*

Уже несколько лет в подростково-молодёжной среде распространён негативный социальный феномен «АУЕ» («арестанский уклад един», «арестанское уркаганское единство»), который сопровождается отрицанием законопослушного поведения, пропагандой преступного образа жизни, использованием жаргонной лексики. Значительная часть подростков состоит в интернет-сообществах, пропагандирующих различные деструктивные движения, в том числе движение «АУЕ» [1].

С целью определения основных причин и условий, способствующих вступлению подростков и молодёжи в такие сообщества, группой учёных Кубанского государственного университета проведены исследования за счёт средств гранта РФФИ № 19-011-00440 «Глубинные причины подростковой (нео)криминализации в современной России». В опросе, проведённого путём анкетирования приняли участие 410 респондентов.

Самые популярные ответы респондентов на вопрос «Как ты обычно проводишь свободное время?»: слушаю музыку – 13,6 %, «сидят» в социальных сетях – 9,2 %, готовятся к занятиям – 8,7 %. Практически половина респондентов – 49,5 % указали что почти всегда при проведении времени с друзьями они гуляют на улице. Уровень доходов своих семей 61,5 % респондентов отметили – экономим.

По мнению силовых структур основными причинами и условиями, способствующими вовлечению в субкультуру «АУЕ» являются низкий материальный достаток в семьях, незанятость подростков и ослабленный контроль как со стороны родителей, так и со стороны органов системы профилактики. Наш опрос также подтвердил этот факт.

На наш взгляд следует отметить, что также повышенное внимание подростков и молодежи к деструктивному движению «АУЕ» вызвано чрезмерным освещением деятельности движения в средствах массовой информации [2].

Проведя краткий мониторинг Instagram на предмет выявления криминальной субкультуры мы можем видеть, что одни из самых популярных хештегов: #ауе, #ауежизньворам, #ауешники, и другие. За этими хештегами скрыты несколько тысяч публикаций продвигающих криминальную субкультуру. К примеру, хештег #ауе в декабре 2019 года выдал более 340К публикаций, в июне 2020 года – более 570К публикаций, в октябре 2020 года – 600К публикаций. Хештег #ауежизньворам в декабре 2019 года выдал более 48,5К публикаций, в июне 2020 года – более 120К публикаций, в октябре 2020 года – более 130К публикаций. Хештег #ауешники в декабре 2019 года выдал 1000 публикаций, в июне 2020 года – более 18,5К публикаций, в октябре 2020 года – более 20,1К публикаций. Мы видим, что количество публикаций растёт и это несмотря на то, что в августе 2020 года решением Верховного Суда Российской Федерации по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации движение «АУЕ» признано экстремистской организацией. С 1 сентября 2020 года решение вступило в законную силу. Следствием этого является то, что те, кто причисляет себя к этому движению могут быть привлечены к уголовной ответственности [3].

Исходя из этого, можно сделать вывод что закон пока не начал работать, в интернете по-прежнему активно пропагандируется движение «АУЕ» и даже набирает свои обороты судя по количеству прибавляющихся публикаций. Действенной мерой могла бы стать массовая блокировка групп, в которых размещаются публикации. Над этим процессом сейчас работают силовые структуры, что может занять продолжительное время.

1. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н., АУЕ – криминальное молодёжное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.

2. Большчев Н.И. Противодействие вовлечению молодёжи в радикальные организации, осуществляемому с помощью сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 10.

3. <https://super-interes.ru/news-388591-verhovnyj-sud-rossii-priznal-ekstremis-tskim-dvigenie-ae.html>.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК РЕФЕРЕНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМА ДЕПОПУЛЯЦИИ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ

Ильин Владимир Иванович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Грант РФФ №19-18-00562

В центре нашего исследования (грант РФФ №19-18-00562) стоит вопрос: «Почему люди веками жили в малых населенных пунктах Русского Севера, а современная молодежь активно оттуда уезжает?» Одна из причин состоит в формировании параллельной виртуальной реальности, которая формирует референтное пространство как для оценки своей нынешней жизни, так и для конструирования горизонта жизненных устремлений. Этот процесс прошел целый ряд этапов.

1. Веками абсолютное большинство жителей глубинки не имели референтного пространства, для оценки своей жизни. Она воспринималась как естественная и само собой разумеющаяся.

2. Появление газет и большого количества людей, способных их читать, не изменило ситуацию. Советские газеты работали по трафаретам идеологических штампов, поэтому распознать в них повседневную реальность иных мест было проблематично.

3. Распространение советского кинопроката впервые создало основы параллельной референтной реальности. В ней Москва представлялась в виде сказочной реальности. Один из наиболее ярких образов этого сказочного места представлен в фильме «Свинарка и пастух». Образ столицы, противостоящий реальности жизни в глубинке, приобрел силу притяжения.

4. Советское телевидение пришло в северную глубинку с большим опозданием (во многие места только в 1970-е гг.). Однако низкое техническое качество, непривлекательный контент (переполнение программ пропагандой) существенно ограничивали его роль в формировании параллельной реальности, вызывающей доверие своей достоверностью.

5. В постсоветский период, с одной стороны, расширились возможности проникновения телевидения в глубинку, существенно увеличился ассортимент предлагаемых каналов. С другой стороны, фильмы и информационные программы в своем показе «огней большого города» в силу акцента на реализм, в т.ч. переходящий в натурализм, стали вызывать гораздо больше доверия, усиливая притяжение городского образа жизни. В силу разных причин действие многих фильмов и сериалов разворачивается в социальном пространстве высших-средних слоев с огромными квартирами и домами, дорогими автомобилями, ресторанами и т.д. Это создает иллюзорную картину благополучия столичной жизни.

6. Проникновение широкополосного интернета в северную глубинку началось с большим запозданием и не завершилось по сей день. С интернетом пришли социальные сети, предлагающие реалистические и яркие (особенно с распространением Instagram) образы красивой городской жизни.

Формирование в параллельном референтном пространстве несравненно более привлекательной картины городской (в основном столичной) жизни усилило в массовом сознании контраст между своей повседневностью и перспективами города. Этот процесс привел к существенному усилению действия факторов выталкивания и притяжения, задающих динамику миграции.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ: НОВЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Ильиных Светлана Анатольевна
(Новосибирский государственный университет экономики и управления)

Необходимость перехода на дистанционное образование в российских вузах весной 2020 года была вызвана серьезной причиной – возникновением эпидемиологической угрозы жизни и здоровью населения. Перевод студентов всех форм обучения на дистанционную форму оказался стрессовым для всех участников образовательного процесса – студентов, преподавателей, администрации вузов.

Однако, такая форма обучения вовсе не нова. История появления дистанционного образования связана с возникновением таких терминов как «корреспондентское общение» или «обучения по переписке» еще в середине XIX века на Западе [1, с. 1126].

Дистанционному образованию присущие те же компоненты, что и традиционной форме обучения: цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения [2, с. 33]. Отличие лишь в том, что оно осуществляется посредством Интернет-технологий и других инновационных средств.

Применение информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном взаимодействии студентов и преподавателей имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. К числу несомненных достоинств стоит отнести возможность обучаться в комфортной обстановке, многократного обращения к учебно-методическому материалу и другое. Главными недостатками можно считать осложнение понимания учебного материала, снижение учебной мотивации.

В июне 2020 года под руководством автора было проведено эмпирическое исследование студентов 3 новосибирских вузов, в котором приняли участие 150 респондентов. В исследовании были изучены ряд аспектов. В рамках статьи представим некоторые из них.

Что касается мнения студентов о работе преподавательского состава в рамках дистанционного обучения, то оказалось, что 36% опрошенных оценивают работу преподавателей удовлетворительно, 24,7% отмечают – отлично, 22% оценивают работу хорошо, 14,7% – плохо.

В связи с этим мы решили спросить студентов, в чем же они видят преимущества и недостатки нашего дистанционного образования. Большинство опрошенных в качестве преимущества отметили обучение в комфортной и привычной обстановке – 60,7%, а также гибкость учебного процесса – 46,7%, возможность совмещать работу с учебой – 35,3%.

Если говорить о недостатках дистанционной системы образования, то подавляющее большинство респондентов ответили, что объем задаваемых материалов не только является большим (61,3%), но и выполнение заданий представляется сложным для них (47,3%).

Подводя итоги, отметим, что студенты новосибирских вузов в целом высоко оценивают уровень преподавания в новых условиях.

1. Маркова Н. А. К вопросу о реализации возможностей дистанционного обучения в техническом вузе // Молодой ученый. 2017. № 9. С. 1126-1129.

2. Павлуцкая Н.М., Дубицкая Л.В. Применение дистанционного обучения в современном вузе (из опыта работы) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3. С. 31-34.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Калиева Жадыра Абжамиевна

(Западно-Казахстанский университет имени Махамбета Утемисова)

Согласно данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, численность молодежи в возрасте от 14 до 28 лет в 2019 году составила 3 830 536 человек. За последний год численность молодежи сократилась на 70 тысяч человек. В целом, сокращение численности молодежи – это тенденция последних пяти-шести лет, поскольку родившиеся в конце 1980-х, постепенно покидают ряды

молодежи, а на смену приходит малочисленное поколение, родившихся в первой половине 1990-х. Так, с 2014 по 2019 годы произошло сокращение численности молодежи на 10,8%.

Для снижения барьеров поступления молодых людей на государственную службу, в том числе занятия политических должностей, Президентом Казахстана К.К.Токаевым весной 2019 года было инициировано создание Президентского кадрового резерва, старт приема заявок которого начался с 1 сентября 2019 года. Кадровый резерв призван стать эффективным социальным лифтом для высокомотивированной и квалифицированной части молодежи, и способен вывести из тени талантливых молодых управленцев, что будет нести плюсы как для государства в целом, так и для молодых посредством их самореализации.

На сегодняшний день в Казахстане реализуется ряд программ государственной поддержки молодежи. И именно степень информированности и участия молодежи в данных программах и проектах становится одним из важных показателей включенности молодых людей в общественно-политическую жизнь страны. Ведь осознанное участие молодых людей в жизни общества первую очередь начинается с их интереса к деятельности государства по отношению к их социально-возрастной группе. Удовлетворенность и неудовлетворенность оказываемой господдержкой и подталкивает молодежь к активному участию в общественно-политических процессах с целью повлиять или изменить существующие практики.

Наиболее популярными государственными программами и проектами по поддержки молодежи в 2019 году стали программы «С дипломом в село!», «Жасыл ел» и международная стипендия «Болашак». В целом, необходимо отметить что данная тройка лидирует в последние два года, что указывает с одной стороны на эффективное информационное продвижение данных проектов, с другой стороны может говорить о высокой привлекательности механизмов и инструментов их реализации.

Немалую роль на местах играют Молодежные ресурсные центры, функционирующие в каждой области, городе и районных центрах страны. Основной целью и миссией МРЦ является оказание всесторонней поддержки и услуг молодежи и молодежным организациям.

К настоящему моменту волонтерским движениям в Казахстане уделяется значительное внимание со стороны государства. Так, была создана функциональная онлайн-платформа по развитию волонтерского движения в Казахстане qazvolunteer.kz повышена стипендия для студентов волонтеров на 30 %.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Касаткин Дмитрий Михайлович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Материал подготовлен в рамках конкурса дипломного проектирования Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга. Выражаю благодарность Комитету и Администрации Петроградского района СПб за помощь в сборе данных.

В современном цифровом мире все большее внимание обретает социально-демографическая группа молодежи. Во западных странах реализуются различные модели молодежной политики. Россия не является исключением. В РФ проводится государственная молодежная политика (ГМП) на федеральном и региональном уровнях. Одним из важнейших инструментов ГМП служат молодежные обмены (МО).

На общегосударственном уровне ключевым документом являются «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Основная цель ГМП – развитие молодежи, создание условий для ее самореализации. Формально МО упоминаются лишь в качестве инструмента достижения задачи профессиональной реализации. Однако они отвечают выполнению и других пунктов: культурно-нравственному развитию, развитию ответственного отношения молодежи к экологии, собственному здоровью [2, 6-10]. Хотя в упомянутом документе и не дается определение термина МО, само его употребление дает возможность его использования в прочих нормативных документах уровнем ниже, например, в молодежном законодательстве Санкт-Петербурга.

Формальное определение обменов дается в «О реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге» [1]. Он ставит реализацию МО как одну из целей ГМП, что подчеркивает важность обменов для РФ и многостороннего сотрудничества молодежи. Нормативная база ГМП СПб несколько расширяет употребление МО, но в целом они остаются с недостаточной трактовкой и слабой институционализацией.

В иных регионах уровень нормативного развития МО ниже. Санкт-Петербург как крупный университетский центр находится закономерно выступает лидером по данному показателю. Ни в Москве, ни в других регионах не приводится определение термина «молодежные обмены», не говорится об их задачах и функциях [3].

Помимо внутрироссийского законодательства на развитие обменов оказывают влияние договоры РФ с иными государствами по молодежному сотрудничеству [5]. Это создает канал для развития, но на данный момент эти соглашения не приводят к модернизации национального законодательства.

Представляется, что важными действиями по развитию МО являются:

1. развитие нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях;
2. корректировка определения, целей и задач, механизма реализации программ обмена, субъектов, участвующих в организации обменов; обозначение форм, сроков, целевой аудитории обменов;
3. учет опыта западных стран для становления обменов в России;
4. активизация двустороннего молодежного сотрудничества (на паритетных началах) с другими государствами для формирования устойчивого обмена с выбранными странами.

Представленные меры станут хорошим развитием МО в эпоху цифрового общества.

1. О реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге [закон Санкт-Петербурга от 27 июня 2013 г. №425-62: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 26 июня 2013 года]. URL: <https://peterburg-pravo.ru/zakon/2013-06-27-n-425-62/> (дата обращения: 05.10.2020).

2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года обменам [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р]. URL:

<http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).

3. Шилкина Н.Е. Целевая ценность. // В сборнике: Словарь виталистской социологии. Сер. «Социальное образование России в XXI веке» под ред. С.И. Григорьева. Москва, 2006. С. 133-134

4. Robertson R. 1992. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. // London: SAGE Publications, 211 p.

5. Портал официальной информации о международном молодежном сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <https://internol.su/> (дата обращения: 07.10.2020).

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Катерный Илья Владимирович
(МГИМО МИД России,
Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Несмотря на вынужденную физическую изоляцию, пандемия COVID-19 резко ускорила процесс формирования космополитического общества (У.Бек) за счет развертывания и институционализации практик глубокого цифрового участия. Увеличение втрое трафика онлайн-коммуникаций за первую половину 2020 г. (по данным ООН) создало новый тип социальных связей – облачные сообщества, которые включают в себя не только подключенных к Интернету и активно взаимодействующих людей, но также базы данных, интернет-ресурсы и вещи (например, носимые гаджеты). Таким образом, переход к эпохе Интернета всего (IoE) и полностью цифровому обществу оказался еще на шаг ближе, а активное человечество быстро трансформируется в новую космополитическую гиперацию, интегрированную по гипертекстовым протоколам в универсальные и сверхтекучие дата-коллаборации.

По полученным данным проведенного нами исследования среди московских студентов, молодое поколение миллениалов восприняло ситуацию вынужденной цифровизации образовательной практики без существенных технических и психологических затруднений, что было предвидимо, т.к. именно это поколение характеризуется наиболее глубокой вовлеченностью в массовую онлайн-коммуникацию (М. Кастельс). В этих условиях концепция человеческого капитала, на развитие которого ориентировано любое профессиональное образование, требует пересмотра с позиции дигитализации твердых и мягких навыков, необходимых для эффективного участия в облачных сообществах и реализации цифровых проектов. Предлагаемая нами модель цифрового человеческого потенциала направлена на развитие цифровых компетенций, включающих в себя (1) знания в области цифровой коммуникации, (2) практические цифровые навыки и (3) гуманистические киберценности. Она сочетает в себе идеи проекта «Образование и квалификация будущего 2030», принятого на вооружение в странах ОЭСР [1], концепции цифрового интеллекта Ю.Пак [2] и образовательных программ обучения цифровому гражданству, осуществляемых в Австралии, Израиле и других странах [3]. Вкратце, данная модель включает в себя следующие образовательные блоки:

1. Блок цифровой культуры. Включает в себя обучение школьников младших классов таким компетенциям как: цифровая грамотность, цифровое здоровье, цифровые законы, цифровая безопасность, цифровой этикет.

2. Блок цифрового интеллекта: знания в области цифровой экономики, стратегий противодействия кибервойнам, грамотность в области использования больших данных и ИИ, работа с цифровой прокрастинацией, фильтрация цифровой информации, работа с рисками онлайн-коммуникации.

3. Блок цифровой экспертизы: профессионализация цифровой коммуникации, создание креативного контента, участие в цифровой политике и решении глобальных проблем.

Подобная модель призвана стать гуманитарной платформой внедрения национальной программы «Цифровая экономика 2024», принятой в России в 2018 г., и интегрировать различные образовательные программы цифрового обучения на уровне начального, среднего и высшего образования.

1. *OECD Position Paper: The Future of Education and Skills, Education 2030. OECD, 2018.*

2. *Park Y. (ed). DQ Global Standards Report 2019: Common Framework for Digital Literacy, Skills and Readiness. DQ Institute, 2019.*

3. *Ribble M. Digital Citizenship in Schools: Nine Elements All Students Should Know. ISTE, 2015.*

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ПОРОЖДЕНИЯ НОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПОКОЛЕНИЙ

Келасьев Олег Вячеславович

(Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии)

Мазуркевич Артём Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

Исследовалась проблематика детско-родительских конфликтов в контексте межпоколенческой коммуникации и влияющих на неё факторов диджитализации. Среди разнородных факторов, влияющих на этот процесс указывается распад СССР, нестабильность российского общества, военные конфликты и становление, экономические кризисы. Тем не менее для нового поколения по сравнению с предшествующими интернет сформировал больше возможностей, выбора форм самореализации, свободы, возможность учиться в интернете (и не учиться в университете). Он стал новым «справочником-учителем», избавил от необходимости слушать наставления взрослых, считая их занудами, осуществлять постоянный поиск себя и новых впечатлений. Подобная ситуация формирует множество конкурирующих норм и установок в отношении общественно значимых целей. Благодаря интернету у любой выбранной цели немедленно находится множество альтернатив. Молодой человек оказывается в ситуации растерянности, неопределённости. Ведь необходимость выбирать между ними без выработанных собственных ориентиров порождает душевное напряжение, неопределённость, постоянные переключения с одних установок на другие, внутреннюю нестабильность. Молодые взрослые не знают, что им делать и затрудняются с построением планов на будущее.

В интернет-поток подрастающее поколение включается с детства. Соответственно в них откладываются и все эти неопределённости, нечёткости, неясности целей, множественность и неоднозначность получаемой информации. Соответственно их внутренний мир зачастую асинхронен с родительскими ожиданиями. В межпоколенческих отношениях появился новый, значимый и малоисследованный фактор конфликтности.

Было проведено исследование особенностей организации процедуры медиации в ситуации спора в отношениях между детьми и родителями, либо опекунами, которыми могут быть и другие родственники (бабушки и дедушки) или люди, таковыми не являющиеся. Материал исследования – статистика Службы медиации СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ» за период 2018-2019 гг., метод исследования – анализ средних значений и экспертное интервью со специалистами.

Была проанализирована статистика для выявления частоты работы специалистов с межпоколенческими конфликтами в социальном учреждении. Всего было исследовано 256 случаев обращений в Службу медиации. Выяснилось, что около 30% составляли обращения, в которых предметом конфликта были указаны «детско-родительские отношения».

Эксперты указывают, что в этих конфликтах преобладают эмоции. На медиациях в таких конфликтах стороны склонны застревать на стадии «презентации сторон», иногда это конструктивно и просто необходимо каждой стороне, а иногда такое застревание связано с желанием манипулировать медиатором с целью перетянуть его на свою сторону или со страхом перед продолжением разрешения конфликта, перед другой стороной и ее силой. Такие конфликты порой разрешаются долго и сложно, на это может уходить до 6 месяцев. Не всегда на медиации стороны решают все вопросы, с которыми пришли, но часто учатся доверять друг другу, узнают о чувствах другой стороны и прокладывают первые мостики к конструктивному общению. Это сокращает их различия.

В общем, современный межпоколенческий конфликт является отражением различия внутренних «цифровых» и «аналоговых» миров поколений, находящихся в рамках одной семьи, которая как целое требует от них сближения позиций, точек зрения, согласования интересов, принятия общих ценностей. Интернет, являясь фактором такой новой латентной конфликтности, вместе с тем, формирует запрос на медиацию, которая способна как сглаживать чрезмерные противоречия представителей разных поколений, так и одновременно обогащать их за счёт лучшего понимания внутреннего мира другого человека.

NEET - МОЛОДЁЖЬ КАК СУБЪЕКТ НОВЫХ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

*Келасьев Олег Вячеславович
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

За последние годы группа NEET-молодежи, которая не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке, становится всё более многочисленной. У её представителей возникает потребность в компенсации своего выпадения из социальной среды и средством такой компенсации выступает интенсивное погружение в виртуальную реальность. При этом родители не всегда понимают, что происходит. А фактически идёт подмена традиционных форм семейной социализации полным погружением в виртуальную

реальность (мир социальных сетей, блогов, игр, знакомств, развлечений и т.д.), что во многом обесценивает конструктивные социализирующие функции семьи. Всё отчётливее проступает новый тип отчуждённых отношений между поколениями, пронизанных взаимным недопониманием.

Среди петербуржцев, входящих в группу NEET-молодежи, наблюдается небольшой опыт работы, ее непродолжительный период, нередко отсутствие опыта вовсе. Погружённых в виртуальную реальность молодых людей зачастую отличает нежелание реализовывать себя в традиционных формах трудовой парадигмы. Некоторые из них в будущем желали бы устроиться на постоянную работу, однако в настоящее время не предпринимают попыток что-либо сделать для осуществления задуманного. Часть молодых людей время от времени работают преимущественно неофициально, недолго, зачастую под влиянием и давлением тех, с кем проживают – родителей. Отсутствие реальной активности и компенсируется выраженным погружением в виртуальный мир.

Для таких молодых людей характерна ориентация исключительно на ближайшее будущее, инфантильность, привычка к неограниченной свободе, нежелание подчиняться внешним обстоятельствам, несформированность навыков работы в иерархических структурах, неспособность к длительной концентрации и т.д. Проводят своё время эти молодые люди либо за экраном компьютера, либо смартфона. Формированию этих паттернов поведения часто способствует отсутствие необходимости самостоятельно зарабатывать на жизнь, нахождение их на содержании у родителей, государства, мужа, партнера. Причём родители, зачастую, не распознают опасности своей гиперопеки.

Высокий уровень формального образования не всегда препятствует включению молодых людей в группу NEET, что, возможно, связано с тем, что эти молодые люди не считают образование значимым в их жизни или что это образование не соответствовало их интересам, склонностям, а имело сугубо формальный характер. Было выявлено, что для представителей группы NEET с высшим образованием характерна частая смена вузов, отчисления, восстановления.

Обращает на себя внимание возрастание численности именно группы NEET-молодежи, представители которой росли и воспитывались в полных благополучных семьях. Их родители имели всё для удовлетворения потребностей своего ребенка, что создавало комфортную среду для него, формировали у него привыкание к комфорту, с которым он уже не желал расставаться, вследствие чего и становился инфантильным, несамостоятельным. Данный тип семьи очевидно не справляется со своими социализирующими, воспитательными функциями. Превращение родительского дома для молодых людей в своеобразную зону неисчерпаемого комфорта, формировало у них неготовность включаться в регулируемую жёсткими правилами трудовую и учебную деятельность. Это обстоятельство и порождало не всегда рефлекслируемые новые формы семейных драм с участием молодых людей и их родителей.

Массово формируется новый тип межпоколенческих отношений и потенциальных конфликтов «отцов и детей», и, более широко, - зачастую латентных и длительных конфликтов молодёжи с социальной реальностью, в которую они не желают включаться. Исследование таких конфликтов представляется новым направлением в социологии молодёжи.

ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Кемалова Лиля Исметовна

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Керченский государственный морской технологический университет")

Характерной чертой современного общества является преобразование всех сфер общественной жизни, в результате чего формируется новая социокультурная среда, именуемая информационным обществом. Компьютеризация общества создает возможность доступа к различным источникам информации, способствует формированию нового, так называемого цифрового поколения. Процесс социализации данного поколения проходит в условиях, когда Интернет оказывает огромное влияние на молодежь, становясь одним из значимых агентов влияния на подрастающее поколение. Конструируется новый тип человека - Homo virtualis, который становится носителем и потребителем виртуальной культуры в условиях цифровизации общества, как процесса повсеместного распространения и использования информационных технологий. Интернет становится не просто технологией, но и средой обитания, «которая выступает источником развития и фактором социализации» [2].

Форумы, чаты, блоги, социальные сети – все это становится «естественным» пространством для коммуникации, межличностного общения, обмена информацией между молодыми людьми. Самая передовая часть молодежи – студенчество – обращается к Интернету еще и с целью поиска учебной и научной информации. Стоит отметить, что при этом своеобразная фетишизация информации, полученной из Интернета, приводит к неумению критически ее оценивать, анализировать, а это, в свою очередь, сказывается на качестве подготовки к учебным занятиям.

К несомненным достоинствам Интернета сегодня, помимо помощи в учебном процессе, относят возможности, связанные со сферой услуг, потребления (интернет-магазины), с удобством осуществления разного рода операций, в том числе и финансовых, что особенно важно в условиях нынешней пандемии. В то же время под влиянием Интернета изменился стиль жизни студенческой молодежи, ее досуг, межличностное общение: непосредственное социальное взаимодействие подменяется опосредованным, виртуальным, что приводит к развитию депрессии, неадекватному отражению реальности, формированию компьютерной зависимости. Возникает проблема информационной безопасности личности.

Угроза некоторых интернет-ресурсов состоит в том, что помимо сайтов, пропагандирующих экстремизм, насилие, что само по себе опасно для неустойчивого мировоззрения молодых людей, размещаются материалы, оскорбляющие человеческое достоинство, дискриминирующие личность по национальному или религиозному признаку. Распространяется такое явление, как кибербуллинг. Возможность регистрации на этих сайтах под вымышленным именем порождает ощущение безнаказанности, формирует безответственность в молодежной среде. Стирается грань между дозволенным и запрещенным, моральным и аморальным. Такая ситуация требует не только правового контроля информационного пространства, но и моральных регуляторов, определенной нравственной экспертизы, предъявляющей требования порядочности, корректности, ответственности к пользователям Интернет ресурсов.

Таким образом, в условиях цифровизации современного общества меняются механизмы социализации молодежи, особая роль отводится Интернету. Положительные и отрицательные последствия такой социализации вызывают необходимость разработки

средств контроля в виртуальном пространстве в виде правовых и морально-этических регуляторов.

1. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве. // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 22 (313). Филология. Искусствоведение. - Вып. 81. - С. 6–10.

2. Солдатова Г. Цифровое детство: особенности социализации и безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/2019/04/cifrovoe-detstvo.-Osobennosti-sociolizacii-i-bezopasnost.pdf> (дата обращения: 01.10.2020 г.).

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Кирилина Татьяна Юрьевна
(Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет»)

Мир стоит на пороге нового, прогрессивного этапа развития современной цивилизации, который характеризуется доминированием знаний, науки, технологий и информации во всех сферах жизнедеятельности.

Одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы объявлен приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий [1]. В стратегии, в частности, отмечается, что для формирования информационного пространства знаний необходимо:

- проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан;
- сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Нельзя представить себе общество без практики межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей. Трансляция культурных и моральных ценностей и межпоколенное взаимодействие как базовые явления, на основе которых общество воспроизводится, трансформируется и сохраняется, являются одними из основных концептов в понятийно-категориальном аппарате социологии. Нравственная социализация молодежи – это сложный, многоступенчатый процесс усвоения молодыми людьми системы моральных знаний, ценностей, норм и образцов поведения, позволяющих им быть полноценными членами общества; процесс приобщения молодежи ко всем сферам жизни и общества на основе их оценки через призму добра и зла.

С целью изучения особенностей процесса нравственной социализации молодежи в современной России в мае-июне 2019 нами было проведено исследование представлений специалистов, работающих с молодежью. Выборка исследования – 454 эксперта в области воспитания молодежи (сотрудники образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования Российской Федерации).

По мнению экспертов, современная молодежь знает и имеет идеалы, соответствующие их представлениям об успешной жизни (51,8%), более трети экспертов

(34,6%) выразили убеждение в том, что для молодежи характерны цинизм и равнодушие к идеалам. Абсолютное большинство экспертов (95,2 %) убеждено, что формированию нравственных норм и ценностей молодежи способствуют социальные факторы, а именно семья, вероисповедание, уровень образования, качество образования. Почти три четверти опрошенных экспертов (74%) считают, молодежь мало интересуется историей и культурой России. Агентами нравственной социализации молодежи, в понимании экспертов, являются в первую очередь родители (72%). На себя эксперты берут ответственности совсем немного – только 6,2%. В качестве основных барьеров в процессе нравственной социализации молодежи, были отмечены: «Исчезновение общей морали, единых норм и ценностей» (33,8%). Неконтролируемые потоки информации (Интернет) (25,7%), неудовлетворительная моральная атмосфера в российском обществе (13,6 %).

*1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 “О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы”
[электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>*

СТУДЕНЧЕСТВО О ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Кириллов Егор Сергеевич

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Нархова Елена Николаевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности»

Государственная политика в области образования направлена на развитие IT-технологий. Различные ситуативные факторы, в том числе и пандемия COVID-19, детерминируют ускоренное введение онлайн образования в вузах. Однако, каждый сам для себя трактует такой ситуативный переход. На этот счет мнения разделились: одни говорят о том, что все ведет к полноценному переходу к онлайн образованию; другие утверждают, что должен быть паритет между онлайн и традиционным видом; так же есть традиционалисты, которые настаивают на том, что есть только форма традиционного образования и другой быть просто не может. Эти мнения транслируются со стороны профессорско-преподавательского сообщества и самих студентов.

Общность студентов можно типологизировать в соответствии с направлениями получаемого образования: естественнонаучное, инженерно-техническое, гуманитарное, социально-экономическое направления. Все они пересекаются, однако имеют свои образовательные отличия, а также когнитивные способности анализа происходящей ситуации. Данная типология успешно использовалась в ходе регионального мониторинга студенчества Свердловской области и обоснована для целей нашего исследования.

В результате традиционного анализа контента публичных групп и персональных страниц студентов и преподавателей в социальных сетях была обнаружена неоднозначность стереотипа о предпочтительном выборе студентами онлайн форм обучения и о невысоком владении преподавателями ИТ-технологиями. Но и тезис о том, что переход вузов от традиционного к цифровому для университета является безболезненным, также не подтвердился. Студентов в дистанционном обучении больше всего не устраивает отсутствие живого контакта с преподавателями и сокурсниками студентами, преподаватели отмечают низкое качество выполнения заданий и возросший уровень плагиата. Все участники образовательного процесса отмечают возросшую усталость от перманентного нахождения перед экраном. Такие тезисы отмечаются в 70 % проанализированного контента. Гипотеза о приоритетности онлайн-образования над традиционной формой подтвердилась частично. Студенты естественнонаучных направлений в силу высокой степени владения ИТ-технологиями, могут абстрагироваться от ситуативных нюансов и спокойно «уйти в онлайн». Относительно несложен переход в онлайн и для студентов технических специальностей, но ввиду технически сложного процесса обучения в их суждениях сложился паритет между традиционным и онлайн обучением. Студенты гуманитарных и социально-экономических направлений меньше владеют нужными навыками для перехода на онлайн и испытывают больше сложностей.

Процесс цифровизации дается очень тяжело, как самим студентам, так и вузовскому сообществу в целом. Студенты в силу высокой включенности в цифровую среду в целом оказались готовыми к онлайн, но традиционные формы обучения также важны, и студенты данный тезис понимают и принимают. Только грамотное сочетание традиционной и онлайн формы позволит не снизить ни процесс образования, ни качество его результатов.

1. Нархова Е. Н. К вопросу о специфике образования на современном этапе / Е. Н. Нархова, А. Н. Попов // Информационное образование и профессионально-коммуникативные технологии XXI в. Материалы Международной научно-практической конференции, Одесса, 8-10 сентября 2011 г. Одесса: Друк, 2011. С. 201–203. – Текст: непосредственный.
2. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования: задачи и парадигмы // Высшее образование в России. – 2006. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-obrazovaniya-zadachi-i-paradigmy> – Текст: электронный. – Дата обращения: 14.09.2020.
3. Медведева О. Ю. Культурная традиция в образовании // Мировоззрение и культура: Сб. ст. / Под общ. ред. проф. В. В. Кима; Рос. филос. о-во и др. – Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2002. – 384 с.
4. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала (монография) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – 904 с.

ОТНОШЕНИЕ МАГИСТРАНТОВ К ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

*Клейменов Михаил Вячеславович
(Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ))*

Дистанционное образование (ДО) в настоящее время еще не занимает большого пространства в системе высшей школы нашей страны. По некоторым данным на его долю приходится около 1,1% (для сравнения - в США, Японии и других странах 20-30%), но важно отметить, что темпы роста российского рынка в настоящий момент опережают мировую динамику [1]. К достоинствам ДО следует отнести его доступность для широкой

аудитории, вариативность времени обучения, богатство и многообразие визуального, звукового ряда, динамичность подачи материала. В то же время дистанционное образование не лишено недостатков, главный из которых — более низкое качество образования, которое получают студенты [2].

Эмпирической базой нашего исследования являются результаты, полученные в ходе социологического опроса преподавателями кафедрой прикладной социологии УрГЭУ в г. Екатеринбурге в конце 2019 г. (N= 398). В качестве респондентов выступали магистранты первого курса очной и очно-заочной форм обучения четырех крупнейших вузов города: УрГЭУ (202 чел., что составляет 75% от всех магистрантов первого года обучения), РГППУ (25 чел. или 75,7%), УГГУ (46 чел. или 50% от обучающихся), УрФУ (125 чел., или около 5,5%).

Хотя ли магистранты первого года обучения получают информацию от преподавателей через онлайн-технологии? Мнение скорее отрицательное: только 5,9% магистрантов высказались за «подачу информации преимущественно в электронном виде».

Для магистрантов очно-заочной формы обучения дистанционное образование вызывает интерес так как позволяет получать образование, не покидая свои родные дома. Но онлайн-образование требует от человека собранности, организованности, умения управлять временем [3]. Кроме того, требуются навыки отбора информации, анализа, обобщения, выявления главного и существенного. Однако широкая аудитория не обладает специальными аналитическими навыками [4].

Большинство магистрантов (57,2%) высказались в пользу подачи информации преимущественно преподавателем в аудитории; 33,4% - за смешанную форму (подача информации через онлайн-каналы, в аудитории ее уточняют и углубляют). При этом чуть больше трети магистрантов (36,8%) считает, что доля онлайн-курсов в программах магистратуры должна составлять 10-30% (за долю в 31-40% высказались 32,2% магистрантов; за долю 41-50% – 16,8%; за долю 51-70% – 40%; за долю более 70% – 1,8%) Добавим, что 8,4% магистрантов считают, что онлайн-курсов не должно быть совсем.

Если онлайн-обучение и должно присутствовать в магистратуре, то главным образом в форме лекций. Так считает большинство магистрантов первого года обучения – 69,7%. За онлайн-обучение на практических (семинарских) занятиях высказались 13,6% магистрантов, а лабораторных – 7,5%.

В настоящее время не только в магистратуре, но и во всей системе высшего образования нашей страны вынужденно внедряется образование в дистанционной форме. Наши респонденты (магистранты) не отказываются полностью от онлайн-обучения, но хотели бы иметь его в незначительной доле среди других форм преподавания.

1. Анализ российского рынка дистанционного обучения: итоги 2018 г., прогноз до 2021 г. [Электронный ресурс]. - URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10886/> (дата обращения — 25.08.2020)

2. Заборова Е., Глазкова И.Г., Маркова Т. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 131-139.

3. Kuzmina O.V., Korniltseva E.G., Gagarina N.M. Characteristics of Specialist Temporality in the Context of the IV Industrial Revolution // The Impact of Industry 4.0 on Job Creation. Proceedings of Scientific Papers from the Interantional Scientific Conference. 2019. С. 130-135.

4. Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Виртуализация социальной реальности и фальшивые новости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 54-59

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТЕ.

Ковалева Антонина Ивановна
(АНО ВО Московский гуманитарный университет)

Салистая Галина Станиславовна
(АНО ВО Московский гуманитарный университет)

Социализация обеспечивает вхождение индивида в уже построенную и структурированную социальную реальность, адаптацию и реализацию себя в обществе с постепенным обретением индивидуального опыта. При этом, – подрастающее поколение взаимодействует со старшими для выработки приемлемых ценностей и поведения, усваивает образцы социальных действий, связей и отношений, которые согласуются с культурой конкретного общества. Нарастание динамики социокультурных трансформаций современности определяет реалии социальной жизни, при которых возникают новые социальные практики передачи обществом социальных норм и культурных ценностей. На результат социализации подростков оказывает особое влияние цифровизация, которая расширяет возможности подрастающего поколения для все более раннего освоения определенных социальных черт личности. Подростки проводят беспрецедентное количество времени в Интернете. В России 92% подростков ежедневно используют Интернет, а 68% российских подростков (14-16 лет) практически постоянно находятся в сети онлайн [2]. Благодаря новым видам деятельности и новым формам социального взаимодействия, Интернет формирует увлекательную и инновационную среду. Однако, в Интернете не существует того структурированного мира, в который уже в определенной мере адаптировались подростки. Практически неограниченный доступ подростка к информации различного содержания в Интернете, в том числе и к информации, освоение которой является не соответствующим возрасту индивида, может оказывать не столько позитивное, сколько пагубное влияние на его дальнейшую жизнь. Включение в виртуальную, широкодоступную информационную среду не всегда положительно сказывается на личностном становлении подростка, формировании его целостной идентичности. Наряду с этим могут возникать новые, не известные ранее кризисы социализации, а также множество вариантов проявлений преждевременной социализации подростков с менее предсказуемым результатом их последующего жизненного самоопределения.

Преждевременная социализация обозначает такие проявления социализации, которые связаны с ранним (ускоренным или поспешным) освоением детьми и подростками знаний, навыков и социальных ролей, к реализации которых они не готовы. Преждевременное освоение подростком социальных ролей взрослого человека складывается вопреки транслируемым в обществе эталонам социализированности, личностного развития и подразумеваемой постепенности освоения знаний и навыков с учетом возрастных особенностей [1].

Утверждение Интернета как особой среды социализации позволяет заметить ослабление влияний традиционных агентов социализации и образует новые условия адаптационных и интериоризационных процессов, которых не существовало ранее. Правила трансляции обществом социальных норм и культурных ценностей новым поколениям, представления о «должном», «рекомендуемом» и «запрещенном» приобретают размытые черты. Усиливается вероятность социализационных отклонений, имеющих в том числе, и проявления преждевременности.

1. Ковалева А.И. Отклоняющаяся социализация молодежи //Социология молодежи. Электронная энциклопедия/под ред. Вал. А. Лукова. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/186-otklonyayuschaya-socializaciya.html> (дата обращения: 08.10.2020).

2. По данным исследования «Растим детей в эпоху Интернета», проведенного «Лабораторией Касперского». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16 (Дата обращения 08.10.2020).

ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПЛАНИРУЕТ СВОЕ БУДУЩЕЕ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

Козырев Александр Борисович

*(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.
Кафедра философии и социологии.)*

Балякина Анна Сергеевна

(Социологическая лаборатория кафедры философии и социологии СПбГМТУ)

Лихтарович Алеся Олеговна

(Социологическая лаборатория кафедры философии и социологии СПбГМТУ)

Смысл профориентации заключается в том, чтобы помочь молодёжи найти разрешение противоречия между потребностями рынка труда и интересами самой молодежи в получении достойной профессии с учетом собственных способностей, склонностей, интересов. Цифровое поколение, как показало данное социологическое исследование, ориентируются в выборе своего будущего не столько на советы знакомых, сколько на интернет и сайты университетов (93% опрошенных).

К сожалению, некоторые ВУЗы недооценивают эту возможность привлечения абитуриентов.

Данное репрезентативное, стратифицированное по полу и возрасту исследование, было проведено в 2019 году магистрантами кафедры философии и социологии СПбГМТУ на базе социологической лаборатории кафедры среди обучающиеся в 10 и 11 классах. Генеральная совокупность: 632 школьников. Общий объем выборки: 196 человек: 101 юноша и 95 девушек; обучающиеся в 10-11 классах школ Санкт-Петербурга.

Изучались критерии, влияющие на выбор старшеклассниками Вуза для поступления и пути оптимизации профориентационной подготовки с учетом их предпочтений.

68,9% опрошенных старшеклассников уверены в себе и своем будущем, оценивают свои жизненные перспективы вполне оптимистично. Только 3,1% считают себя не готовыми к решению сложных проблем в жизни. Будущее вызывают чувство тревоги и неопределенности только у 17,8% юношей и 25,3% девушек.

Школьников интересуют биология (23,2%), история (20%), иностранные языки (17,6%). Естествензнание, экономика и право непопулярны. Дисциплины, необходимые в технических науках вызывают недостаточный интерес. Школьники считают, что ведущей формой (72%) профориентационной работы в их школах является профессиональное тестирование.

43,4% опрошенных полностью определились с будущей профессией. Ещё 33,2% определили для себя несколько близких вариантов. Желание учиться для того, чтобы получить определенную профессию имеется у 70,5%.

Пытаясь найти своё место в этом мире, молодой человек старается разобраться в себе, понять, что его интересует, к чему у него есть способности и наклонности. Практически все опрошенные хотят продолжить обучение, после окончания школы, при этом главное для них качество образования (69,0%) и возможность поступления на бюджетное место (69,0%), на втором плане находится престижность ВУЗа.

Интерес молодёжи к гуманитарным наукам выше, чем к математическим и техническим. Потребность рынка труда имеет противоположную тенденцию. Гуманитарии, получая образование всё чаще за свой счёт, сталкиваются с трудностями при трудоустройстве. Профорientационная работа, особенно если она ведётся формально и без учёта способностей личности и потребностей общества в недостаточной степени помогает разрешить это противоречие.

Многие преимущества СПбГМУ остаются неизвестны школьникам, мало информации о вузе в социальных сетях, сайт вуза должен стать более дружелюбным.

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ТОГУ

*Конобейская Анжелика Владимировна
(Тихоокеанский государственный университет)*

*Гареева Ирина Анатольевна
(Тихоокеанский Государственный университет)*

Сфера образования на протяжении нескольких последних десятилетий существенно изменилась благодаря новым информационным технологиям, интерактивным формам общения и коммуникации. Становится актуальным электронное обучение студентов высших учебных заведений с применением дистанционных образовательных технологий. Особую актуальность переход на работу обучающихся и преподавателей в электронной информационно-образовательной среде, приобрел в настоящее время, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации [2, 220].

В соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 397 [3, 2], в Тихоокеанском государственном университете была организована работа по реализации образовательных программ на основе электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий.

Новый формат обучения, безусловно, предоставляет широкий спектр возможностей и перспектив для изменения и совершенствования образовательных систем, позволяющих перевести процесс воспроизводства знаний на качественно новый уровень, как с точки зрения организации образовательного процесса, так и с точки зрения освоения и восприятия информации [1, 3].

Преподавателями кафедры «Физическая культура и спорт» был разработан обучающий дистанционный курс, записавшись на который, в зависимости от специализации (в нашем случае – «Оздоровительная гимнастика»), студент получает доступ к обучающему материалу. Применительно к дисциплине «Физическая культура», можно отметить, что задача преподавателя, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому студенту проявить свою активность, творчество, активизировать двигательную и познавательную деятельность учащегося.

В дистанционный курс включено два формата обучения: групповое и индивидуальное.

Групповое обучение осуществляется с использованием платформы Zoom, где любой может организовать встречу, создав учетную запись. Занятия проходят в формате конференции, где преподаватель может дать обратную связь. Прямые эфиры практически ничем не отличаются от привычных практических занятий в ВУЗе – можно видеть преподавателя, задавать вопросы, общаться с одногруппниками. Для осуществления контроля на занятиях за функциональным состоянием организма студентов, дифференцированно осуществлялся подбор физических упражнений, с учетом принципов систематичности, постепенности и доступности, а также с учетом их состояния здоровья.

Индивидуальное обучение - включает методические рекомендации для подготовки программы тренировок для самостоятельных занятий; гиперссылки на печатные и видеоматериалы по теме курса.

Для осуществления преподавателем контроля, студентам необходимо прислать фото или видеочет с письменным ответом, который будет содержать упражнения на определенную группу мышц и их технику выполнения. По результатам проверки и оценки запланированных работ, прокомментировав ошибки и недоработки, заполняется электронный журнал успеваемости. То есть, «общение» преподавателя и обучающегося в данном случае происходит в виде обмена электронными письмами.

Стоит отметить, что, несмотря на возникающие проблемы перехода на дистанционное обучение: перебои в работе видеоплатформ из-за перегрузки, сложность в подключении многих студентов к видеотрансляции, отсутствие навыка самостоятельной организации своей «внеаудиторную» работы [4, 136], именно онлайн-занятия и контроль выполнения домашнего задания посредством записи видео и фотоотчетов, являются одними из самых распространённых и практико-ориентированных методов преподавания физической культуры в условиях дистанционного обучения.

Используя данные приемы и методы, по нашему мнению, преподаватель получает возможность наиболее полно реализовать все задуманное для вовлечения обучающихся в активную, мотивированную и осознанную самостоятельную учебную работу.

1. Борисов И. В. Дистанционное обучение в образовательных практиках российской молодежи: автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Борисов Игорь Владимирович; [Место защиты: ФГБОУ ВО Адыгейский государственный университет], 2017.- 25 с.

2. Корчевский А. М., Токарь Е. В. Электронное обучение студентов вуза дисциплинам по физической культуре и спорту // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 4 (182). С. 220-224.

3. Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 397. – URL : https://minobrnauki.gov.ru/rw/documents/card/?id_4=1064 (дата обращения 20.03.2020).

4. Родькина О. Я., Никольская В. А. Анализ эффективности систематического использования дистанционных курсов при обучении студентов непрофильным дисциплинам // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2016. 3 (24). С. 136-140.

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Коротков Евгений Анатольевич
(МГОТУ)*

В связи с быстрыми темпами развития информационной цивилизации существенные изменения происходят в процессе социализации молодежи [1, 262]. Молодые поколения испытывают на себе влияние глобальных информационных систем, которое проявляется в результате киберсоциализации. Это влияние «отражает современные пути социальной эволюции информационного общества [2, 3]».

Появилась крайняя необходимость в проведении социологического исследования, которое могло бы ответить на актуальные в современном информационном обществе вопросы о существовании такого социального явления, как киберсоциализация, возникшего вследствие развития информационных технологий. С целью изучения особенностей социализации молодежи в информационном обществе нами было проведено социологическое исследование с участием 152 респондентов в возрасте от 13 до 35 лет.

При исследовании не могли не возникнуть вопросы о том, чувствует ли человек некоторую обеспокоенность, когда он входит в киберпространство, например, когда читает сообщения в социальных сетях, ищет необходимую для себя информацию в электронных книгах, общается со знакомыми и, возможно, малознакомыми людьми. Оказалось, что при вхождении в киберпространство чувствуют себя спокойно 79,6 % респондентов.

Нельзя было не обратить внимание на возможность возникновения заболеваний при длительном нахождении в киберпространстве. Более половины опрошенных (51,3%) полагают, что могут возникнуть заболевания, если долго находиться в киберпространстве.

В рамках нашего исследования важно было выяснить влияние киберсоциализации на желание респондентов создать семью. Подавляющее большинство опрошенных (86,9%) не считают, что нахождение в киберпространстве важнее, чем создание семьи.

Исследование продемонстрировало, что электронными версиями книг пользуются более 2/3 респондентов (69,1%). Занятия обычной учебной и рабочей деятельностью не считаются более скучными у 2/3 респондентов (68,4%), чем занятия в киберпространстве.

На социализацию молодёжи оказывает влияние развитие современных информационных технологий в обществе. Судить о положительности или негативности этого влияния можно в том случае, каким образом человек смог адаптироваться к современному информационному обществу. Желательно, чтобы человек успешно приспособился к социуму, в котором информационные технологии занимают одно из самых главных мест. Так человечество сможет прийти к процветанию.

1. Пальянова Н. Ю. Киберсоциализация молодежи в современном информационном обществе // Лучшая научная статья 2018 сборник статей XVIII Международного научно-исследовательского конкурса. - Пенза: «Наука и просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.) – 2018. – С. 262 - 264

2. Угольников Н. В. Киберсоциализация старших школьников как социально-педагогический феномен // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания»– 2012. – №. 5. – 178 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Костенко Валерий Валерьевич
(Академия ФСО России)*

Современная ситуация, складывающаяся как во всем мире, так и в России, характеризующаяся непрерывным развитием цифровых социальных, информационных и коммуникационных технологий, опирающихся на научно-технические достижения, оказывает постоянное воздействие на характер общения молодежи и протестную деятельность молодежных общественных организаций [1, 136]. Распространение в социальных сетях информации о материальных ценностях, возможности получения материальных благ без трудоустройства, образования способствует выбору объединенной в группы молодежи, имеющим в большинстве своем либеральные взгляды, выбирать наиболее радикальные формы деятельности для достижения своих целей, легко прибегая к протестам, имеющим, порой, негативные последствия. Являясь для современной молодежи основным источником получения информации, сеть Интернет дает возможность активного общения, а цифровые информационно-коммуникационные технологии способствуют распространению протестных настроений и мобилизации, выступая таким образом ресурсом молодежных протестных движений [2, 100].

Широкое распространение планирование и организация протестов молодежных общественных организаций с использованием социальных сетей и других виртуальных площадок получили в процессе «революционных» событий, происходивших в 2000-2010 гг. в Югославии, Грузии, Киргизии, на Украине, в Молдавии. В дальнейшем, в событиях «Арабской весны» 2011 г. активное участие принимали уже специально созданные, организованные и мобилизованные посредством виртуального общения в социальных сетях молодежные организации [3, 10].

В России оппозиционные структуры начали активно использовать новые цифровые информационные технологии для объединения молодежи, образования виртуальных и реальных молодежных организаций в процессе протестных событий, получивших общее название «Белоленточное движение» (2011-2013 гг.) [4, 5]. Согласно опросам молодых участников протестных акций, основная их масса использовала социальные сети для информирования и координации своих действия. Из блогов Навального и других лидеров оппозиции молодежь узнавала о запланированных акциях, местах и времени их проведения, получала информацию о противодействии правоохранительным органам. Посредством различных Интернет-ресурсов распространялись видеоролики о проходящих акциях, в том числе информация в режиме реального времени. Особенно активную роль в протестной мобилизации молодежного потенциала и формировании молодежного общественного мнения играли социальные сети Facebook и «ВКонтакте». Количество участников организованных на этих виртуальных площадках онлайн протестов достигало 164 тыс. и 107 тыс. [5, 10].

Необходимо сказать, что одной из причин воздействия, оказываемого социальными сетями на молодежь, молодежные группы и организации, следует считать эмоциональную составляющую, которая становится основой социокультурной идентичности и способствует вовлечению в протестную деятельность. Кроме того, следует отметить, что в процессе использования социальных сетей и других информационных технологий, у

молодежи зачастую возникает отчуждение между физической личностью и ее виртуальным, во многих случаях анонимным отображением, что приводит к возможности безответственного, девиантного поведения [6, 196].

Более того, новые цифровые информационные технологии позволяют свободно общаться членам различных молодежных объединений деструктивного и экстремистского толка. Организаторы подобных сетевых структур настраивают своих последователей на участие в деструктивной протестной деятельности не только в виртуальном, но и в реальном мире (как правило, это несанкционированные митинги, шествия и другие массовые мероприятия, которые сопровождаются насилием и другими эксцессами).

Таким образом, в современных условиях, цифровые информационные технологии становятся инструментом протестной деятельности молодежных общественных организаций, дающим возможность протестной мобилизации, мгновенного обмена информацией, выражения общего гнева и общей надежды [7, 120]. Они дают возможность международным акторам, в том числе националистическим, экстремистским, религиозным и террористическим группировкам манипулировать молодежными общественными организациями, переносить протестную мобилизацию из виртуального в реальное пространство, что может вызывать социально-политическую дестабилизацию, угрозы как национальной, так и международной безопасности.

1. Баранова, Г.В. *Протестные формы гражданской активности* Монография. Развитие гражданского общества в регионах России Монография [Текст] / Г.В. Баранова – Под общей ред. И.А. Ботаниной. Тула, Издательство ТулГУ, 2019, 253 с., С. 136-153.

2. Барац, Р.Э. *Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2012. №3 С. 100– 109.

3. *Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter* // URL https://www.researchgate.net/publication/281748504_Civil_Movements_The_Impact_of_Facebook_and_Twitter (Дата обращения: 03.10.2020).

4. *Белая лента* // URL https://ruxpert.ru/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0 (дата обращения 02.10 2020).

5. Панченко, Е.Л. *Митинги «За честные выборы»: Протестная активность в социальных сетях.* // URL: <http://www.digitalicons.org/issue07> (дата обращения 03.10.2020).

6. Войскунский, А.Е., ред. *Гуманитарные исследования в Интернете.* Москва, Можайск-Терра, 2000. Бондаренко С.В. *Социальная структура виртуальных сетевых сообществ.* Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004, С. 196 210.

7. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet.* – Cambridge: Polity, 2012.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кувшинова Анастасия Анатольевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Савченко Ирина Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Развитие технологий и цифровизация общества видоизменяют социальные коммуникации в обществе. Все больше и больше людей предпочитают реальное общение социальным сетям. Прогресс 21 века изменяет поколения. Дети, рожденные в 2000-х годах,

относятся к особому поколению, поколению Z [9]. С самого рождения их окружают продукты цифровизации – компьютеры, планшеты, VR – технологии. Для «цифровых людей» технологии – это неотъемлемая бытовая часть жизни.

Развитие одной сферы порождает деградацию другой. Так, люди осваивают интернет – коммуникацию, находят друзей не выходя из дома, экономят временные затраты на дорогу. Весомые преимущества отягчаются минусами:

- проблемы со здоровьем молодого поколения, в частности проблемы со зрением, осанкой;
- отсутствие полноценной адаптации к обществу: компьютер не дает полноценного развития социальных навыков у людей, а, наоборот, учит их обходиться без них;
- развитие новых форм социальной разобщенности, в частности появление кибербуллинга.

Термин «кибербуллинг» является англицизмом, дословно переводится как «интернет-травля», то есть травля в пределах интернет – пространства. Понятие «кибербуллинг» возникло в конце 2000-х с развитием сети интернет, а также социальных сетей. Морфология этого термина показывает его главную особенность: кибербуллинг существует только в пределах онлайн – пространства [3]. Кибербуллинг выражается в форме интернет – травли, где существуют два субъекта: преследователь – тот, кто хочет унижить человека, и жертва – тот, на кого направлено разрушительное воздействие. Цель кибербуллинга – унижить личное достоинство жертвы, используя при этом интернет – технологии.

Особенности кибербуллинга заключаются в следующем:

- анонимность: жертва не знает, кем может быть преследователь, так как современные технологии помогают скрыть личные данные от других пользователей;
- массовость: количество пользователей социальными сетями, в частности социальной сетью Facebook, ежедневно достигает около 6 миллионов;
- быстрота распространения информации: информацию, попавшую на просторы интернета, очень сложно контролировать, поскольку она может быть скопирована или сохранена на другие ресурсы или носители;
- безнаказанность на законодательном уровне как в Российской Федерации, так и в других странах мира: отсутствие устойчивой законодательной базы объясняется тем, что кибербуллинг еще не до конца изучен и имеет множество «белых пятен», а также тонкостей, которые нужно учитывать при составлении законопроектов, касающихся кибербуллинга [3].

Систематический кибербуллинг негативно сказывается на психологическом состоянии индивида и его ближайшего окружения [5]. Так, резонансный случай, произошедший в 2012 году, дал обществу понять, что кибербуллинг – это опасное явление, которое необходимо контролировать.

В начале сентября 2012 года Одри Потт, американский подросток, посетила вечеринку, на которой, будучи в состоянии алкогольного опьянения, подверглась насилию и унижению со стороны других подростков [10]. Видеозаписи и фотографии с вечеринки были размещены в социальных сетях, а также разосланы ближайшему окружению Одри. Пользователи оставляли нелицеприятные комментарии, обвиняли во всем саму девушку. 12 сентября Одри Потт покончила с собой, не выдержав продолжительных издевательств.

История Одри Потт помогает выстроить модель кибербуллинга, понять его составляющие элементы:

- субъекты: жертва – Одри Потт, преследователи – подростки, совершившие аморальные действия, а также пользователи, травившие девушку через социальные сети;
- цель: в случае в Одри Потт мотивы группы подростков, выложивших материалы с вечеринки, неясны; в подростковом возрасте многие пытаются самоутвердиться за счет других, что, в конечном итоге, произошло с Одри;
- способ: публичное разглашение компрометирующей информации, выкладывание фотографий и видеозаписей с вечеринки, а также негативные комментарии и публичное обсуждение личности подростка со стороны посторонних людей;
- среда использования: социальные сети, в частности Facebook;
- влияние на психику: ежедневные издевательства привели к депрессии и разрушению психического состояния девочки - не выдержав давления и травли, она покончила с собой.

Итак, кибербуллинг – это побочный продукт развития информационных технологий. В настоящее время во многих странах мира данная проблема переходит на законодательный уровень, в частности, в Германии кибербуллинг приравнен к деликту, и человек, достигший совершеннолетия, может получить 10 лет заключения за интернет – травлю. В России не проводились масштабные исследования по кибербуллингу и его влиянию на российских подростков. Наиболее достоверными данными считаются исследования ВОЗ 2013 – 2014 годов в России. По итогам данного исследования было выявлено, что среди детей в возрасте 11 лет жертвами кибербуллинга стали 18% подростков, что принесло России 1 место среди 42 стран [18]. В связи с этим важно контролировать любые проявления агрессии в кибер – пространстве, особенно, если они пагубно влияют на достоинство других людей. Современное поколение «зуммеров» должно с раннего детства и знакомства с интернет – пространством знать о кибербуллинге, его негативном воздействии на социум.

1. Баранов Александр Аркадьевич, Рожина Светлана Валерьевна Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-analiz-prichin-podrostkovogo-kiberbullinga> (дата обращения: 12.09.2020).
2. Березина О.С. Социальная профилактика кибербуллинга среди подростков.// Информационная безопасность и киберэкстремизма среди молодежи, 2015.// Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск). С. 63-72.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. // Журнал высшей школы экономики № 3, исследовательский университет "Высшая школа экономики". С.177 – 191
4. Гречкина А.А. Кибербуллинг как современная угроза психологическому здоровью личности. // Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской научно-практической конференции. отв. ред. И. В. Белашева, 2015.// Издательство Северо-Кавказского федерального университета. С. 184 – 186
5. Ключко Е.И. Воздействие интернета на суицидальное поведение молодежи.// Журнал: Общество. Среда. Развитие, 2014// Центр научно-информационных технологий "Астерион" (Санкт-Петербург). С. 69 – 72
6. Коданева Светлана Игоревна Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения // Социальные новации и социальные науки. 2020. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-prichiny-yavleniya-i-metody-preduprezhdeniya> (дата обращения: 12.09.2020).

7. Основные данные по результатам исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC)2013/2014 гг. в Российской Федерации// Всемирная организация здравоохранения, 2016 г

8. Савченко И.А. Социальный диалог в современном государственном управлении: технологический подход Вестник Пермского университета. 2013 №3. – С. 121-137.

9. Сапа Александр Валерьевич Поколение z — поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-pokolenie-epohi-fgos> (дата обращения: 12.09.2020).

10. Суркова И.Ю., Зеленский П.А, Алексеевская Я.И. Кибербуллинг в пространстве интернет-коммуникаций как форма деструктивной активности молодежи // Парадигма. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-v-prostranstve-internet-kommunikatsiy-kak-forma-destruktivnoy-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 12.09.2020).

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПРОЦЕССУ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

*Кузьмина Ольга Викторовна
(Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ))*

В современных условиях эпидемии коронавируса COVID-19 существенным образом изменился подход к обучению. Все образовательные учреждения вынуждены использовать технологии онлайн-обучения. Среди студентов существует различное отношение к данной форме обучения [1, 2].

С целью изучения проблем онлайн-обучения, существующих у студентов было проведено социологическое исследование. В нем приняли участие первокурсники и второкурсники УрГЭУ общим количеством 136 человек.

Резюмируя результаты исследования, можно сделать несколько выводов.

1. Более 90% студентов положительно относятся к системе онлайн-обучения. 40 % считают ее перспективной для себя и готовы осваивать в дальнейшем. 51% обучающихся испытывает разного рода трудности в ее применении и сомневаются в эффективности ее постоянного использования.

2. Студенты выделили 23 показателя, на основе которых процесс онлайн-обучения становится для них привлекательным и интересным. Онлайн-обучение позволяет находиться в домашних условиях, работать в индивидуальном режиме, в комфортных для себя условиях. Именно данная форма обучения, по мнению студентов, формирует самостоятельность, самодисциплинированность и способность к саморазвитию.

3. Среди факторов, которые негативно влияют на отношение к онлайн-обучению, было выделено 20 наименований. Такие характеристики, как большой объем заданий, отсутствие личного общения с педагогом, сложность взаимодействия с сокурсниками, отсутствие навыков работы на компьютере делают процесс онлайн-обучения непривлекательным для студентов.

1. Першин А.А. Методы создания интерактивных онлайн курсов на основе игровых механик: автореферат ... к. т. н. [Текст] /А.А. Першин. - Санкт-Петербург, 2014. – 20 с.

2. Российские студенты не вполне доверяют онлайн-образованию [Электронный ресурс]// <https://habr.com/ru/post/285828/>

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ УРФУ)

Латышев Дмитрий Михайлович
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.
Ельцина)

В период интенсивной цифровизации повседневности становятся крайне динамичными многие социальные установки и отношения к различным институтам общества. Точно так же претерпевает изменение отношение к религии у студенческой молодежи Среднего Урала.

По мнению Б.С. Павлова лояльное отношение к религии, высказанное уральцами в 1990-е годы, стало определённого рода фундаментом, на котором выросло исследуемое нами поколение молодежи. Для этого поколения молодежи профессиональная идентификация тесно связана с семейной идентификацией и, особенно, с причислением себя к определенной культуре или нации [1]. Несмотря на то, что студенческая молодежь активно идентифицирует себя с различными конфессиями, другие исследования 2010-х годов свидетельствуют, что в последнее время для уральской студенческой молодежи религия менее значима для них [2]. Возможно, что снижение значимости религии в студенческой среде связано с активными процессами формирования цифровых сообществ, которые более актуально реагируют на потребности молодежи.

По результатам нашего эмпирического исследования было выявлено, что среди студентов преобладает положительное отношение к религии. Данное положительное отношение к религии нельзя назвать монолитным в сознании студентов, поскольку оно базируется на разнородном мнении об отношении к религии в разной степени: большая часть студентов склонна высказывать слегка положительное отношение к религии, а некоторые – высказывают категорически положительное мнение. При этом было замечено, что среди студентов технических специальностей отношение к религии было более разнородным, более дифференцированным, чем у студентов гуманитарных направлений. Однако данное положительное отношение к религии свойственно для студентов в данных условиях лишь в приватной зоне, касающейся наиболее экзистенциальных вопросов (например, здоровье), но не в сферах более публичных (работа, учёба, политика и другое).

Таким образом, в условиях цифровизации общества религиозность студентов мыслится как проявление частной жизни, она не выносится в публичный дискурс и публичное пространство. В публичном пространстве цифровизированного общества религиозность воспринимается как неотъемлемый элемент субкультур, нежели элемент повседневной жизни. Вследствие этого религиозность студентов становится более аморфной и принимает неопределённые формы.

Павлов Б.С., Разикова Н.И. О причастности уральских студентов к религиозной культуре // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2016. 984 с
2. Антонова О.И., Гафиятуллина К.Р., Костина Н.Б. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к религии // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 42-47.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Лебедева Людмила Геннадьевна
(Самарский государственный экономический университет)

Цифровая социализация предполагает формирование компьютерной грамотности индивидов и масс населения и освоение ими «цифровой среды». Цифровая социализация разных поколений, в особенности – молодёжи, превратилась в один из вызовов времени, определяющих конкурентные возможности как отдельных индивидов и организаций, так и целых стран, их перспективы в современных условиях.

Опрос «Выбор абитуриента и его родителей» под руководством автора в 2019 г. в Самарской области, показал, что в отношении компьютерной грамотности, в основном, ситуация благополучная. Лишь 6,7% абитуриентов (N = 750) и 17,5% родителей абитуриентов (N = 280) отметили, что они практически не владеют компьютером. А 93,3% абитуриентов и 82,5% родителей абитуриентов указали, что они владеют компьютером в той или иной мере. При этом в отношении практического использования компьютера (выполнение учебных/рабочих заданий, пользование интернетом) дети существенно опережают родителей. Вместе с этим 8,4% абитуриентов и 18,9% родителей абитуриентов признали, что они редко пользуются компьютером.

Разумеется, цифровая социализация предполагает не только привитие компьютерной грамотности, но и формирование «цифровой среды» с компьютерными технологиями. Цифровая социализация и цифровизация общества, его различных сфер («цифровая среда») являются взаимосвязанными сторонами формирующегося информационного общества. И на мероприятия по реализации, например, программы Российской Федерации «Информационное общество» выделяются весьма большие финансовые и другие ресурсы [см.: 1]. Многие делают и бизнес-организации.

Вместе с этим сегодня «необходимо иметь в виду уже не только охват масс, но и качество, глубину и практическое использование компьютерной грамотности во всех сферах жизни общества» [2, с. 149]. Не должно быть «цифровизации ради цифровизации» [3, с. 4]. Если возможности цифровых технологий и компьютерная грамотность не реализуются на практике, то в итоге будут лишь затраты сил на них без желательных результатов для индивидов и общества.

1. Приказ Минкомсвязи России № 183 от 20.04.2020 «Об утверждении детального плана-графика реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/detalnyij-plan-grafik-realizatsii-gosudarstvennoj-programmyi-rossijskoj-federatsii-informatsionnoe-obschestvo-na-2020-god-i-na-planovyyj-period-2021-i-2022-godov.pdf> (дата обращения: 26.09.2020).

2. Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147-151.

3. Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 4–16.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА О НОВЫХ «ЦИФРОВЫХ» СУБЪЕКТАХ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНЫХ ПРОЕКТОВ И ИНИЦИАТИВ

*Леонов Аркадий Константинович
(ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет")*

Студенческая молодежь – одна из самых креативных и мобильных социальных групп. Необходимо, чтобы в обществе были определенные структуры, организации, способные улавливать творческий потенциал молодых людей, а также развивать в них новые компетенции, в том числе «цифровые». В России действует несколько структур, поддерживающих молодежные проекты и инициативы и формирующих новый тип личности и профессионала: Агентство стратегических инициатив (АСИ), Университет 20.35, платформа Leader-ID. Но остается открытым вопрос, насколько они востребованы со стороны студенческого сообщества, каковы представления молодежи об этих структурах, их роли в жизни студента.

В июле 2020 года было проведено онлайн-анкетирование студентов АмГУ (объем выборки 169 респондентов). Цель исследования: выявить мнение студентов АмГУ о ряде некоммерческих организаций, занимающихся поддержкой молодежных проектов и инициатив. Исследование базируется на следующих теоретических положениях: молодежь как социальная общность обладает такими качествами, как: огромный интеллектуальный и творческий потенциал [3, с. 22], динамичность и перспективность [2, с. 44]; с помощью социальных представлений субъекты интерпретируют явления окружающего мира, придают смысл неизвестному объекту, событию, феномену, делая его понятным, вписывая его в имеющуюся систему координат [1].

Только четверть опрошенных знает или что-то слышало об АСИ. Большинство из них считает, что Агентство способно сыграть немалую роль в формировании современных компетенций студентов.

Об «Университете 20.35» знает или что-то слышало менее 10 % респондентов.

Более половины опрошенных студентов не знакомы с такими понятиями как «цифровой профиль» и «цифровой след». Но почти половина респондентов хотела бы узнать больше об этих понятиях. Почти 60% студентов уверено, что сегодня важно, чтобы информация о профессиональной и общественной деятельности человека хранилась в интернете; только четверть придерживается противоположного мнения.

Примерно треть опрошенных зарегистрирована на платформе Leader.ID. Но хорошо знают ее возможности меньше 10 %, еще 30 % знают в общих чертах.

Примерно у 40 % опрошенных есть какой-либо проект или инициатива, которые они хотели бы реализовать. Чаще всего это бизнес-проекты и социальные проекты, реже проекты по развитию городской среды. Среди тех, у кого есть такие проекты, пятая часть готова предложить свой проект или инициативу для участия в конкурсе в целях получения организационной и финансовой поддержки для реализации этого проекта или инициативы.

Таким образом, при наличии большого социального потенциала студенческой молодежи большинство представителей данной общности не знают о возможностях организаций, поддерживающих проекты и инициативы. Важность новых «цифровых» организаций (АСИ, Университет 20.35, Leader-ID) подчеркивается запросом со стороны молодежи на «цифровой» ликбез и пониманием важности хранения информации о профессиональной и общественной деятельности человека в цифровой среде.

1. *Moscovisi, S. The phenomena of social representations / Cambridge, 1984. – P. 3-69.*
2. *Вишневецкий, Ю.Р., Шапко, В.Т. Социология молодежи : учебник. Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 430 с.*
3. *Ильинский, И.М. [и др.] Молодежь планеты. М., 1999*

ПОТРЕБЛЕНИЕ ДЕТСКОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО КОНТЕНТА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА COVID-19.

*Леонтьева Таусия Викторовна
(Российский государственный социальный университет)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №19-311-90036/19, в качестве победителя конкурса на лучшие проекты фундаментальных научных исследований, выполняемые молодыми учеными,

Исследование потребления телевизионного контента детьми разного возраста обусловлена появлением и развитием новых информационных и технологических новшеств, с помощью которых ребенок, даже самый маленький, в состоянии самостоятельно включить себе мультфильм, при этом зачастую родители сами предлагают своим детям анимационную продукцию не задумываясь о ее качестве и объеме [4]. В условиях пандемии коронавируса COVID-19, когда большая часть детей со своими родителями оказалась дома, организовывать досуг, работать и учиться дистанционно одновременно – оказалось сложной задачей.

Первые социологические исследования, посвященные изменению жизни семей с детьми в условиях самоизоляции, свидетельствуют о том, что в семьях были определенные эмоциональные сложности, связанные с нехваткой времени на домашние дела и работу [1]. В этих условиях потребление телекоммуникационного контента резко изменилось с точки зрения вида, количества и времени телепросмотра – просмотр увеличился на 30—50% [2].

Изменились форматы работы детских каналов: контактных способов общения стало меньше, передачи снимаются без зрителей. Поменялась сетка вещания телевизионных каналов, которая ориентируется на людей, оставшихся дома: начало прайм-тайма сместилось на 2–3 часа и теперь начинается в 15:00. Российские телеканалы увеличили долю образовательных и культурных передач, ориентируясь на младших и средних школьников, которые находятся на дистанционном обучении. Так же появился дополнительный семейный контент в социальных сетях и на сайтах каналов.

Таким образом, потребление детского телевизионного контента в условиях пандемии коронавируса COVID-19 изменилось по сравнению с обычной ситуацией жизнедеятельности семьи с детьми в сторону увеличения времени просмотра подобных передач. Такая ситуация безусловно настораживает, ведь и до пандемии социологические исследования (А.В. Шарикова и Ю.В. Айгистовой [3]) свидетельствовали о негативном влиянии современных мультипликационных фильмов на развитие психологического, социального и физического здоровья подрастающего поколения.

1. *Самоизоляция ухудшила отношения между супругами, но улучшила отношения с родителями: результаты опроса НАФИ. URL:*

<https://nafi.ru/analytics/samoizolyatsiya-ukhudshila-otnosheniya-mezhdu-suprugami-no-uluchshila-otnosheniya-s-roditelyami/> (дата обращения 3.10.2020).

2. Саримова Л. Потери медиаотрасли от пандемии коронавируса составят примерно 100 млрд рублей. *Реальное время*.

URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172542-aleksey-volin-rasskazal-o-sudbe-smi-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения 3.10.2020)

3. Шариков А. В., Айгистова Ю. В. Место анимации в жизни младших дошкольников // *Культурно-историческая психология*. 2014. Т. 10. № 4. С. 72-79.

4. Leontyeva T.V *Family values in the animated content of internet space. Contemporary Problems of Social Work*. - 2019. - Т. 5. № 1 (17). - С.76 - 83.

УЧАСТИЕ В ОНЛАЙН-КОНЦЕРТАХ КАК НОВАЯ ЦИФРОВАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

*Лермонтов Даниил Андреевич
(Факультет социологии СПбГУ)*

*Колесникова Татьяна Денисовна
(Факультет социологии СПбГУ)*

В “обществе переживаний” [1], согласно Г. Шульце, не столько изменяются потребительские установки, сколько подвергается пересмотру непосредственно тот тип рациональности, который регулирует поведение людей. В таком обществе человек ориентирован на то, чтобы прожить свою жизнь интенсивно, ярко и глубоко. Тем самым формируется общественный запрос на непосредственное эмоциональное переживание, которое оказывается наиболее сильным, если действие является коллективным. Совместное переживание возникает благодаря социальному взаимодействию, а также благодаря совпадению уникальных обстоятельств (время, место, коллектив, мотивация и т. д.). Воспроизвести это переживание не представляется возможным, поэтому такой опыт соучастия является уникальным событием для каждого человека.

На нынешней конференции мы собираемся представить результаты нашего нового исследования, в рамках которой нами было проанализировано посещение представителями студенческой молодежи концертов популярных в России артистов. Особенный интерес в процессе исследования вызвал у нас следующий вопрос: если принять за аксиому, что современное российское общество можно охарактеризовать как общество переживаний, то каким образом потребность молодежи в получении новых ярких впечатлений была удовлетворена в период вынужденного локдауна (ограничение на выход из дома и посещение публичных мест во время пандемии) и насколько успешно она была удовлетворена.

Стефани Питтс посвящает отдельную главу своей книги [2] рассмотрению вопроса мотивации людей посещать концерты. Автор раскрывает аспекты этой мотивации: от мирских и практических вопросов (цена билета, доступность), через вопросы музыкального выбора (репертуар, знакомство, предпочтения) и социальных привычек слушания (посещение в одиночку, с друзьями, ощущение себя в сообществе фанатов, то есть людей, которые разделяют похожие интересы и ценности), до более широкого морального принципа ответственности (лояльность к месту или событию, забота о будущем живых искусств).

В период введения мер безопасности во время карантина, которые были активированы в России с начала марта 2020 года, оффлайн концерты многих популярных исполнителей были отменены, однако многие исполнители прибегли к альтернативным

вариантам проведения концертов, основным из которых стали выступления в онлайн-формате на стриминговых платформах (потокное онлайн-вещание: Онлайн-фестиваль “VK-фест-2020”, Яндекс-эфир, STAY). Стоит отметить, что несмотря на масштабный процесс цифровизации всех сфер жизни российского общества, происходящий в течение последних 5-10 лет, концерты молодежных исполнителей не были представлены так разнообразно в интернет-пространстве, как во время карантина. Этот резкий рост количества онлайн-концертов свидетельствует о том, что потребность в подобном формате появилась недавно и была вызвана недостатком тех впечатлений, которые люди могли получить, посещая концерт любимого исполнителя раньше.

Нами была проведена серия интервью со студентами Санкт-Петербургского Государственного Университета, регулярно посещавших музыкальные концерты популярных молодежных исполнителей до начала пандемии, а также принимавших участие в онлайн-концертах во время карантина. Целью данного исследования был анализ популярности новой цифровой практики молодежи (посещение онлайн-концертов) в условиях пандемии.

Анализируя основные мотивации студентов, посещавших живые концерты, мы пришли к выводу, что для молодежи было важнее всего удовлетворение следующих потребностей, которые совпали с категориями Г. Шульце и С. Питтс: 1) потребность в качественной музыке и в хорошем звучании (профессиональная техника, работа звукорежиссера, особая акустика); 2) потребность в “особой атмосфере” концерта (возможность ощутить единение с другими представителями своей субкультуры, коммуницировать с другими поклонниками, видеть эмоции самого исполнителя и услышать его живой голос без электронных посредников и без звуковых помех); 3) потребность уникального опыта (каждый концерт является неповторимым событием, зависящим как от опытности исполнителя, так и от погодных условий, доступной техники и даже от количества людей в зале).

Большинство наших информантов отметили, что поначалу они относились к новому для них формату отрицательно, однако впоследствии они изменили свое мнение. Несколько информантов упомянули, что особое ощущение ностальгии возникало у них в те моменты, когда музыканты исполняли самые известные песни из своего репертуара. Это влияло на формирования чувства единения: “Да, мы все находимся в разных местах, но мы все знаем эти куплеты и можем петь их в своих квартирах” (Ж, 21, студентка СПбГУ).

Для всех информантов оказалась важной также потребность в чувстве защищенности, поскольку карантин принес в жизнь большинства россиян резкие неизбежные изменения, которые вызвали новые социальные страхи, в том числе эффект одиночества из-за недостатка живого общения (социальная депривация). Эта нехватка коммуникации выражена в словах нашего респондента: “Потому что хочешь ощущать что-то знакомое и приятное, когда на самом деле тебе страшно и непонятно, сколько еще будешь сидеть один” (М, 20, студент СПбГУ).

Еще один важный фактор, который выделяют респонденты, — это возможность онлайн-коммуникации при помощи комментариев в чате трансляций. С одной стороны, единовременная реакция зрителей онлайн-трансляции в виде небольших сообщений в чате создавала диалог между разрозненными слушателями, иллюзию живого общения во время концерта. С другой стороны, совместные реакции людей позволяли исполнителю ориентироваться на желания аудитории (гибкость репертуара) и быть более вовлеченным в коммуникацию со своими поклонниками, что почти неосуществимо во время больших живых концертов.

Процесс цифровизации музыкальной индустрии начался еще задолго до начала пандемии, однако благодаря ей он ускорился и достиг новых точек развития, которые позволили российскому обществу начать постепенный переход к другим формам культурного потребления. Уже сейчас он влияет на формирование новых цифровых практик молодежи, в частности, на практики коммуникации в рамках потребления музыкальных продуктов. Определенно, на данный момент присутствует явная тенденция к усилению цифровизации в области музыкальных концертов популярных исполнителей молодежи. Тем не менее, пока что сложно спрогнозировать дальнейшее развитие данного формата. Станет ли он адекватной альтернативой живым концертам, или же онлайн-концерты востребованы только во время пандемии - этот вопрос остается открытым.

1. Gerhard Schulze, *Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart* // Campus Verlag, Frankfurt/New York, 1992.
2. Karen Burland, Stephanie Pitts, *Coughing and Clapping: Investigating Audience Experience* // Routledge, New York, 2016.
3. Колодий Н. В. *Культура как ресурс экономики впечатлений* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. No.4. С. 94 – 102.
4. Тоффлер Э. *Шок будущего*. М. 2002.
5. Сувалко, А.С. *Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств: препринт WP20/2013/05*. М. 2013.

ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СЕТЕВЫХ СМИ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

*Малик Елена Николаевна
(Академия ФСО России)*

Сетевые медиа в цифровую эпоху стали важнейшим институтом политической социализации молодого поколения. Анализ приоритетных направлений медийной политики субъектов политического процесса с использованием цифровых и сетевых технологий показал, что этот механизм активно развивается. Стремительное расширение сети Интернет, прежде всего мобильного, привело к тому, что социальные медиа перестроили коммуникативное пространство.

Новые масс-медиа дают своей аудитории принципиально новые технологии интерактивного участия [2]. Параллельно молодежь все больше испытывает зависимость от сети Интернет, у нее формируется стойкая потребность в получении новой информации, а также рождается сопричастность к различным социальным и политическим процессам. Так, согласно данным массового опроса, для 90,% молодежи Интернет является абсолютно незаменимым источником информации; 78,3 % молодых россиян проводит в глобальной сети более 4-х ч ежедневно, из них 38 % - до 8 ч в сутки. Примечательно, что 59 % российской молодежи ориентированы на активное применение цифровых коммуникаций для получения профессиональных знаний и умений[1]

Благодаря расширению электронных и цифровых коммуникаций, созданию новых мобильных приложений и интернет-площадок для онлайн-общения молодежь получает возможность проявлять альтернативные или интерактивные формы социально-политической активности. Поэтому вполне оправданным будет применение сетевых медиа для включения молодежи в политический процесс.

Интернет представляет собой альтернативную сферу мобилизации, которая может быть более космополитичной по стилю и содержанию. Поэтому среди основных

направлений оптимизации информационного воздействия масс-медиа на социально-политическую активность молодежи следует выделить профилактику протестного политического поведения. Сегодня необходимы меры по снижению политической инертности молодого поколения в условиях современного демократического общества. Так, Министерство науки и высшего образования РФ заказало разработку стратегии и ведение страниц на популярных интернет-площадках для работы с молодежной аудиторией, в том числе самых популярных среди молодежи социальных медиа «ВКонтакте», Facebook, Instagram, YouTube, Livejournal. Планируется привлекать к мероприятиям, анонсируемых Минобрнауки, блогеров, освещающих как общие темы, так и связанные с образовательной, научной или социальной сферой.

Такой формат взаимодействия позволит сформировать у молодого поколения компетенции, позволяющие ему противостоять воздействию негативной информации, разбираться в вопросах информационной безопасности личности и в целом повысит медийную грамотность.

1. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251.

2. Васецкий А. А., Малькевич А. А. «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 43–48.

РИСКИ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Маркова Татьяна Леонидовна

(Уральский государственный экономический университет)

Широкое применение цифровых технологий в образовательном процессе современного вуза стало причиной глубинных трансформаций в процессах преподавания и обучения [4]. Некоторые исследователи постулируют появление новой парадигмы обучения – цифровое и сетевое обучение (Digital and Network Learning) [3]. Основная цель новой парадигмы – создать образовательную систему, которая бы удовлетворяла возникающие в цифровом обществе потребности в обучении и преподавании. Существует ряд факторов, определяющих успех образовательных онлайн программ [5]

В то же время необходимо учитывать и анализировать риски онлайн обучения.

Данный формат обучения характеризуется высоким процентом отсева студентов. Особенно явно эта тенденция прослеживается среди студентов бакалавров, т.е. молодых людей, впервые получающих высшее образование. Чаще всего это происходит ввиду отсутствия чётких личных, образовательных и профессиональных целей, и, как следствие, низкой мотивацией данной категории студентов.

Ещё одна серьёзная проблема - ориентация на охват большего количества студентов посредством совершенствования механизмов распространения контента. Однако процесс обучения - это не только и не столько доступность информации. В гораздо большей степени это возможность обсуждать, задавать вопросы, сотрудничать и взаимодействовать, то, что современное цифровое образование обеспечить не может, что, в свою очередь, ведёт к формализации и регламентированности взаимодействия между преподавателем и студентом, отсутствию живого общения. Студенты, обучавшиеся в период пандемии в режиме онлайн, отмечали, что испытывали большие сложности с усвоением презентуемого онлайн учебного материала. Отсутствие возможности обсудить с преподавателем

изучаемый материал заставляла студентов проводить часы в Интернете в поиске разъяснений, которые традиционно даёт преподаватель во время занятий.

Использование исключительно цифровых технологий в обучении также грозит потерей или деградацией базовых когнитивных компетенций, снижение качества образовательных достижений [2].

Чрезмерный акцент на взаимодействие студента с контентом нежелезными с другими студентами и преподавателем становится причиной чувства отчуждения, изолированности, разрыва социальных связей. Эта тенденция отрицательно влияет на процессы социализации студентов в вузе, и не способствует развитию востребованных на рынке труда навыков командной работы.

И, наконец, при цифровом обучении может проявляться деперсонализация студентов и, как следствие, снижение ценности образовательного процесса и неадекватность оценочных процедур [1]. Этот факт, наряду с неумением значительной части студентов распределять и планировать время на самостоятельную работу с учебными материалами значительно снижает мотивацию студентов к цифровому обучению.

1. Борисова Е. В. Роль преподавателя в цифровой системе образования // *Человеческий капитал*. – 2020. – №. 3. – С. 104-110.
2. Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2019. – Т. 25. – №. 2. – С. 84-88.
3. Anderson T., Rivera-Vargas P. A Critical look at Educational Technology from a Distance Education Perspective // *Digital Education Review*. – 2020. – №. 37. – С. 208-229.
4. Dhanarajan G. Distance education: Promise, performance and potential // *Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning*. – 2001. – Т. 16. – №. 1. – С. 61-68.
5. Rovai A. P., Downey J. R. Why some distance education programs fail while others succeed in a global environment // *The Internet and Higher Education*. – 2010. – Т. 13. – №. 3. – С. 141-147.

МОЛОДЕЖЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ

Махкамова Шахло Юлчиевна

(Институт бюджетно-налоговых исследований при Минфине РУз)

Сокращение бедности, в том числе молодежной, в условиях борьбы с коронавирусной пандемией во всем мире приобретает все большее значение. Здесь вопросы занятости, особенно молодежи, на базе совершенствования процессов цифровизации функционирования отраслей экономики является одним из ключевых мер по пути решения данной проблемы.

ООН считает, что из-за COVID-19 без работы могут остаться 195 млн человек, а уровень безработицы и бедности может стать «историческим» [2]. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев на совещании 9 июня текущего года обозначил восемь ключевых направлений для обеспечения дальнейшего роста экономики в 2020 год [1]: первое - обеспечение экономической и финансовой стабильности; второе - сокращение бедности и рост занятости; третье - ускорение реформ в банковской системе; четвертое - увеличение прямых иностранных инвестиций; пятое - повышение экспортного потенциала и обеспечение валютных поступлений; шестое - укрепление конкурентоспособности

в промышленности; седьмое - развитие малого бизнеса; восьмое - широкое внедрение цифровых технологий во всех отраслях.

Экономика Узбекистана в 2021 году Всемирный банк ожидает, что восстановится до 6,6% [3] за счет восстановления экономики. Этот прогноз поможет разработать план о постепенной отмене введенных правительствами ограничительных мероприятий к началу второго полугодия. Эти планы нацелены на повышение благосостояния населения и сокращение бедности. Как показывают наши расчеты, по коэффициенту детерминации, ВВП на 77,3% ($R^2=0,773$) определяет бедность, при этом парная корреляция обратная $r_{\text{б ВВП}}=-0,879$. С увеличением ВВП на 1% бедность уменьшается на 0,3%.

Международный инструментарий изучения бедности основан на трех подходах: абсолютный, относительный, субъективный. В Узбекистане по официальным данным уровень бедности за 2001-2018 гг. снизилась от 27,5% до 11,4%. Официально черта бедности, определяется стоимостью рациона питания одного человека в 2100 килокалорий в день. По результатам наших опросов хотя трудовые мигранты приносили валюту (в Узбекистане доля поступлений от миграции составляет 10% ВВП [4]), но она не значительная, так как они тоже попадают в число малообеспеченных.

Проведенные наши обследования в 2019 г. среди случайно отобранной 513 неактивной (неорганизованной - нигде не учатся и официально не работают) молодежи показали, что около 4% респондентов считают себя бедными. 17% - считают высокообеспеченными, 24% - выше среднего достатка, 44% - среднего достатка, 11% - ниже среднего достатка. Оценочная дифференциация доходов среди молодежи 7,8 раз, что не превышает установленное пороговое значение доходов населения среди стран СНГ - 8 раз и мирового – 10 раз, которое обеспечивает социальную стабильность в обществе.

В настоящее время молодежь дифференцируется на категории у кого есть доступ к интернету и у кого нет. В связи с этим в мониторинге социально-экономических предпочтений целесообразно было изучение в каких целях молодежь использует интернет. Результаты проведенного нами обследования в 2019 г. среди случайно выбранных 612 выпускников школ, отобранных из Республики Каракалпакстан, Сурхандарьинской, Ферганской, Ташкентской областей и г.Ташкента, показывают, что из них 77,1% используют интернет. Этот показатель в городской местности составляет – 85,3%, в сельской – 62,8 %.

Результаты опроса выпускников школ Узбекистана показали, что они в основном используют интернет в целях получения учебно-методических материалов, новостей, спортивные материалы, потом входят в социальные сети, затем смотрят кино, играют онлайн игры.

Результаты опроса проведенные 2018-2019 гг. показали, что из более 1700 выпускников колледжей и лицеев - 5,3%, 11,7% - неорганизованной молодежи и 15,8% - школьников ищут работу через интернет и СМИ. Это показывает, что в перспективе поиск работы через интернет и СМИ становится приоритетным.

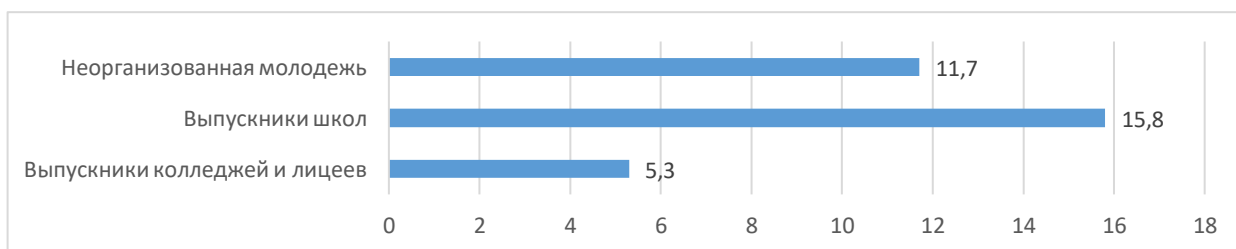

Рис. Доля молодежи ищущие работу через интернет и СМИ (результаты обследования ИБНИ), %.

Дальнейшее совершенствование цифровой технологии, особенно в сфере образования является основным ключом сокращения молодежной безработицы, так как образование является социальным лифтом продвижения малообеспеченных к среднему слою.

Узбекистан был первой страной среди стран СНГ, которая начала транслировать всю школьную программу онлайн по телевидению, чтобы предотвратить длительное отсутствие образования, которое оказывает более глубокое негативное влияние на образование и может ослабить долгосрочную экономическую ситуацию и развитие человеческого капитала.

На базе проведенного исследования даются следующие рекомендации: необходимо разработать стратегию социальной защиты в ближайшие 5 лет; повышение эффективности и адресности выделяемых бюджетных и внебюджетных средств путем создания единого реестра получателей социальных пособий с использованием инновационных технологий по всей республике; выпускникам школ, колледжей и лицеев обучать составлению бизнес-планов; выдать налоговые льготы предпринимательским структурам при обеспечении занятости членов малообеспеченных семей; обеспечить качественными медицинскими услугами путем внедрения обязательного медицинского страхования по всей стране; стимулировать переход бедных слоев в средний класс путем повышения качества образования, полноценного питания, здорового образа жизни, улучшения жилищных условий, создания условий для предпринимательства, самозанятости и т.д.; экономическую дифференциацию населения по доходам и бедность к 2030 году сократить в два раза; обеспечить социальной стабильности и безопасности и занятости среди молодежи путем всемерного применения цифровых технологий во всех сферах экономики.

1. Ш.Мирзиёев. Определены ключевые направления обеспечения стабильности экономики/ совещание 9 июня 2020г. <https://president.uz/ru/lists/view/3639>
2. Влияние коронавируса COVID-19 на экономику стран мира https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%D0%B0_COVID-19_%D0%BD%D0%B0_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D1%83_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0
3. ВБ снизил прогноз по росту ВВП Узбекистана <https://www.gazeta.uz/ru/>
4. OECD (2020). COVID-19 crisis response in Central Asia. Available from <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-central-asia-5305f172/>

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ И РИСКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА.

*Мельников Николай Николаевич
(ФГБОУ ВО ПГУПС)*

Социализация молодежи в условиях трансформации институтов семьи и образования носит противоречивый характер. Молодежная среда чрезвычайно

дифференцирована по материальному положению и социальному статусу семьи, что создает специфические конфигурации социализации молодых людей. Глобальное воздействие средств массовой информации, массовая культура, участие в различных сообществах в сети Интернет, с другой, приводят к формированию новой реальности, которая выходит за рамки конкретного общества. [1, 78]

Интернет стремительно продолжает проникать во все элементы жизнедеятельности молодёжи, упрощая и видоизменяя многие привычные процессы. Актуальность проблемы трансформации и модификации социальных норм как определяющих риски девиантного поведения подчеркивается возникновением в процессе цифровизации еще одного феномена – кибер-социализации. Пространство Интернета все чаще становится для многих молодых людей замкнутой системой, которая живет по своим внутренним законам и порождает особый, специфический характер проблем. Быстрота и множественность информационных потоков, циркулирующих в пространстве Интернета, приводят к тому, что в нем тиражируется огромное количество самой разной информации, часть из которой может быть недостоверной, а часть – и вовсе направленной на деструктивные последствия.[2, 415]

Взаимодействия молодых людей в сети демонстрирует смысловой сдвиг сущностных характеристик традиционных духовно-нравственных понятий. Друзьями(френдами) считаются постоянно находящиеся в сети пользователи, с готовностью откликающиеся на любое обновление в профиле, и выражающие свое отношение выставлением «лайка». Количество полученных «лайков» для подростка является главным показателем его успешности и признания.

Появились новые каналы социализации, которые оказывают сильное, часто неконтролируемое влияние на молодого человека, на его самоопределение и адаптацию в постоянно меняющемся мире. Средства массовой информации и коммуникации постепенно начинают контролировать процесс социализации личности. Это приводит к определённой зависимости от непродуктивных, пассивных видов деятельности – просмотр телевизора, слушание музыки, игры на компьютере, совместное бесцельное «тусование».[3, 178] Также подростки игроманы в процессе непосредственного взаимодействия с окружающими склонны проявлять агрессивность враждебность эмоциональную несдержанность и чаще других готовы реализовывать формы девиантного поведения.[4, 412]

Трансформация основных институтов социализации в условиях изменяющейся среды приводит к тому, что образование становится сферой услуг, в которой широко присутствуют коммерческие отношения, а в семье закрепляются различные формы патологической увлеченности компьютерными играми и социальными сетями. В связи с этим, в ближайшем будущем социализация молодёжи будет полностью контролироваться киберпространством.

1. Волкова Е.Н. Проблемы социализации российской молодёжи социальные риски и девиация //Петербургский психологический журнал № 15, 2016.

2. Занина Л.В. Риски и угрозы возникновения девиаций в условиях трансформации социальных норм в процессе цифровизации //Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи. Региональные модели и технологии. Симферополь 2019.

3. Хагуров Т.А. Девиации социальный контроль и риск взросления в современной России //Вестник института социологии № 7, 2013

4. Швацкий А.Ю. Социально-психологические последствия увлечения подростков компьютерными играми//Азимут научных исследований: Педагогика и психология. Том 8, № 2(27), 2019.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ОБЩНОСТИ СТУДЕНТОВ

Мишин Лев Владимирович

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Нархова Елена Николаевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Нархов Дмитрий Юрьевич

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности».

В статье рассматривается специфика изучения проблемы цифровой общности студентов, степень и уровень владения студентами информационными технологиями. Особенности цифровизации в студенческой среде. Вопросы, требующие дополнительной научной проработки.

Ключевые слова: студенчество, цифровое пространство, цифровая общность, информационные технологии, дистанционное образование

Нашу жизнь уже невозможно представить без информационных технологий. Одной из характерных черт специфики информационного общества является крайне динамичное – галопирующее развитие ИТ-технологий, которые повсеместно внедряются в образовании и других сферах общественной жизни: экономике, политике, здравоохранении. Повсеместная цифровизация и технологизация, безусловно, имеет позитивное влияние на доступность образования для молодых людей. Повышаются возможности самостоятельного освоения дополнительных материалов, способствующие личному, профессиональному, качественному росту.

Наиболее востребованными остаются профессионалы в области информационных технологий. Потребность в таких кадрах превышает все мыслимые пределы. Компании нуждаются в системных администраторах, программистах и веб-программистах. А учитывая постоянное развитие этой сферы, спрос на ИТ-специалистов будет расти с каждым годом.

Уже сейчас одними из наиболее востребованных кадров на рынке труда являются именно специалисты в области информационных технологий. Многие бизнесы как малые, так и крупные ищут в свой штат системных администраторов, веб-дизайнеров, программистов, специалистов по кибербезопасности, по работе с Big Data (аналитик больших данных).

Молодежь 2000-х – это авангард владения ИТ-технологий в силу своих навыков, которые она имеет с детства. Примечательно, что социологи фиксируют снижение роста интернет-аудитории за счет молодежных возрастов. К 2018 году более 99 % российской молодежи имеют доступ в Интернет [1]. Гаджеты у современных студентов были с детского возраста, поэтому механика овладения новыми устройствами, программами и системами для них не нова. Молодых людей, родившихся не ранее середины 90-х годов XX века, принято называть цифровое поколение. Для этого поколения не составляет труда найти информацию в Интернете, сделать необходимую выжимку и правильно графически оформить, для лучшего восприятия, т.к. для цифрового поколения это удобнее и проще. В условиях глобальной цифровизации и технологизации появились новые профессии, специальности, образовательные программы. Теперь студенты не только пользователи продуктов цифровизации, но и их создатели. А потенциальные работодатели оценивают навыки soft-skills, а не наличие диплома государственного образца. В условиях глобализации стираются границы и в образовании: диплом – не гарант качества и компетентности специалиста.

На первый взгляд к проблеме изучения цифровой общности студентов, кажется, что студенты принимают цифровые технологии всецело, что они перешли из обычной в виртуальную реальность, учитывая их способности к освоению новых технологий. Эти преждевременные выводы способствуют формированию аттитюда о полном перемещении жизни молодежи в «сеть», о том, что студенты полностью поддерживают переход к дистанционному формату получения образования, ведь цифровая среда – их реальная жизнь. Однако существуют ряд вопросов, которые требуют дополнительного научного исследования:

Глубина проникновения в ИТ технологии. Безусловно, студенты продвинутые пользователи информационных технологий, однако, вопрос о знаниях в области цифровой безопасности открыт и очень актуален. Проблемы мошенничества, кибербуллинга, информационных вбросов, фейковых новостей нами еще не решены, хотя в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» одной из задач ГМП является «формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи», а одним из механизмов реализации задачи указано «создание условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде как эффективного инструмента профилактики экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам;» [2]. Однако, студенты подвергаются каждодневным угрозам, поскольку имеют значительный практический опыт пользования технологиями, но не знают многих базовых теоретических аспектов. Также, можно с уверенностью говорить о том, что для студентов не составляет проблемы найти информацию, общаться при помощи социальных сетей, оформлять тексты в редакторах или делать презентации на уровне пользователей, этого достаточно для базовых потребностей человека в Интернете, но вопросы профессионального владения информационными технологиями изучены недостаточно;

Степень владения технологиями студентов различных направлений и уровней подготовки: бакалавриат, магистратура, аспирантура; естественно-научное, техническое, социально-экономическое направления. Доподлинно нам неизвестно какие цели ставят перед собой студенты различных групп при работе с информационными технологиями и какова степень владения в этих группах;

Значимость цифровой информации для образовательного, культурного, профессионального выбора. Имеется тенденция отношения к информации из Интернета, как к абсолютно истинной. Информация из Интернета реже подвергается критическому анализу. необходимо установить причины данной тенденции;

Отношение студентов к онлайн образованию. Условия массового перехода на онлайн образование не подтвердили миф о желании студентов получать образование дистанционно. Студенты жалуются на отсутствие живых контактов с преподавателями, формальный подход, технические проблемы. По данным РАНХиГС почти половина опрошенных студентов восприняли дистанционное образование, как неудобный формат [3];

Влияние дистанционного образования на качество. Опять же мнения студентов указывают на то, что качество образования снизилось, стало более поверхностным, предоставляемый контент порой имеет низкое качество, так посчитали 55,4% опрошенных студентов. Помимо этого, 65% считают, что дистанционные курсы могут стать хорошим дополнением к традиционному формату обучения, что прямо говорит о полноте получаемых знаний входе онлайн обучения. Также, при выполнении заданий многие отметили, что перестали проверять то, что отправляют преподавателям, а сами преподаватели говорят о том, что большинство работ лишено индивидуальности, иначе говоря – скачаны или списаны [3].

Предпочтительность форм образования. Исследования показывают, что почти 70 % респондентов сочли, что традиционные аудиторные занятия лучше дистанционных, что не оставляет шансов дистанционному формату обучения стать отдельной самостоятельной единицей в системе образования [3];

Риски цифровизации в студенческой среде. Как уже говорилось ранее, студенты крайне скептически относятся к дистанционному формату обучения. Ежедневно все встречаются с техническими неполадками внутри информационных систем, в которых проводятся занятия, проблемы с интернет-соединением, отсутствие свободного устройства для подключения, т. к. многие семьи столкнулись с тем, что надо посещать занятия, делать задания, а на всю семью только одно устройство. В дистанционном формате студенчество провело уже более полугодя, сколько еще впереди – неизвестно. Но если студенты говорят о низком качестве онлайн образования, то каких специалистов наше общество получит на выходе из высшей школы? Неготовых, некомпетентных, недоученных.

Помимо этого, всеобщая цифровизация представляет угрозы при пользовательской работе в Интернете. Поскольку информации в Интернете студенчество доверяет больше, чем иным другим СМИ, то уровень критического восприятия контента снижается. Этим пользуются финансовые мошенники, внешние оппозиционные силы, террористические организации. Примеров попадания студентов под влияние деструктивных организаций множество. Соответственно, необходимо вводить дополнительные курсы в образовательных планах по цифровой безопасности, дабы в дальнейшем действовать на упреждение рискованных ситуаций.

1. Забокрицкая Л. Д., Хлебников Н. А., Орешкина Т. А., Колоцкий Е. И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 148–167. <https://167doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.692>.
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства от 29 ноября 2014 г. № – 2403

р. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 07.10.2020). – Текст: электронный.

3. Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). – URL <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/05/28/831354-distantionnoe-obuchenie> (Дата обращения 07.10.2020). – Текст: электронный.

ДИНАМИКА НАСТРОЕНИЙ НИЖЕГОРОДСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ (2011-2019 ГГ.)

Морозова Наталья Михайловна
(НГЛУ им.Н.А. Добролюбова /ПРИФ ФНИСЦ РАН)

Устинкин Сергей Васильевич
(НГЛУ им.Н.А. Добролюбова /ПРИФ ФНИСЦ РАН)

Отношения с мигрантами представляются одной из линий напряжения, характерных как для современного общества в целом, так и для молодежи в частности.

Как показывают данные многолетнего исследования «Динамика ценностных ориентаций молодежи», осуществленного сотрудниками НГЛУ им Н.А. Добролюбова с 2005 по 2019 гг. рост антимигрантских настроений коррелирует с показателями обострения межнациональных отношений и проявлением конфликтов [1. С.105-109]. Так, в период с 2011 по 2016 гг. негативное отношение к мигрантам сохраняется на весьма значительном уровне. Стоит отметить и наблюдаемые колебания в негативных оценках мигрантов: 2011 – 19,4%, 2014- 31,2%, 2015 г. – 18,3, 2018 г. – 21,4%. Только к 2019 г. доля негативно настроенных молодых людей сократилась до 11,3%. Причем доля респондентов позитивно относящихся к мигрантам на протяжении всех лет выглядит стабильно и составляет около 11-12%. Исключение составили 2014 г, когда было зафиксировано минимальное число положительных оценок (8,3%), и 2019 г. – произошло увеличение этой группы молодых людей (16,2%) [С.217-2018]. Результаты опроса 2014 г. стали индикатором усиления межнациональных напряжений в России в целом, и в Нижегородской области в частности. В 2012-2013 г. прокатилась целая волна конфликтов на межнациональной почве: локальных (Татарстан, Свердловская область, южные районы России) и массовых (г.Пугачев, Бирюлево). Последние вызвали общественный резонанс и беспокойство не только в столице, но и в регионах страны. На волне межнациональной розни, обострившейся к концу 2013 г. в спокойной Нижегородской области внезапно вспыхнул конфликт в г.Арзамасе, который нашел отражение в региональном медиадискурсе. Подобного рода события не могли остаться «незамеченными» молодежью.

Выводы о корреляции динамики негативных настроений оказываются связанными также с вопросом, раскрывающим механизмы конфликтных ситуаций, возникающих на почве межнациональных разногласий. Увеличение численности мигрантов ведет к росту их влияния на жизнь больших и малых городов, сельских поселений, что увеличивает количество контактов мигрантов и представителей коренного населения. Возникающие между ними конфликты, свидетелями которых становится молодежь, ведет к усилению негативного отношения к мигрантам, что зачастую становится причиной усиления негативных проявлений в системе межнациональных отношений. Как показывает опыт, компактное проживание больших групп мигрантов на тех или иных территориях, с одной стороны, способствует сохранению их этноконфессиональной и языковой идентичности, укреплению целостности вновь образуемого социума, а, с другой, провоцирует рост антимигрантских настроений местного населения.

Позитивное изменение настроений к 2019 г. связано, на наш взгляд, со сменой повестки дня в федеральных и региональных СМИ и формирования весьма положительного информационного фона в контексте межнациональных отношений.

1. Морозова Н.М., Устинкин С.В. Специфика трансформации межнациональных отношений в Нижегородской области. Аналитический обзор социологических исследований в Нижегородской области в период с 2012 г. по 2015 гг. // Социология. 2016 №3. С.104- 112

2. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1. /под общ.ред. проф. Савруцкой Е.П. – Н.Новгород: НГЛУ, 2019 – 286 с.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Никитина Дарья Олеговна
(СЗИУ РАНХИГС)

За последние несколько лет исследования современной молодежи стали очень популярным направлением. Исследователям интересно все: образ молодежи в современном обществе и мире, потребности и ценности молодежи, цели и мотивы поведения и т.д. Одним из самых интересных направлений – трансформация системы образования. Школьные учреждения, высшие учебные заведения – места, где молодые люди проводят много времени, столько же, сколько дома и с друзьями, поэтому система образования должна четко отвечать всем вызовам современного общества.

Современное поколение молодежи Д.Тэпскот называет «сетевое поколение» [1, 135]. Основная жизнь молодых людей проходит в сети, они на «ты» с технологиями и хорошо ориентируются в виртуальном мире. Такое поколение является более самостоятельным, независимым и даже в каком-то смысле смелым.

В 2015 году было проведено исследование, в результате которого были выделены некоторые черты современной молодежи. Эти черты во многом способствуют повышению эффективности в работе с молодежью не только в системе образования, но и в сфере социальной работы. Вот эти черты:

- Восприятие краткой и наглядной информации;
- Отсутствие долгосрочных планов;
- Система ценностей уходит в виртуальный мир;
- Счастье=успех, чем разнообразнее жизнь, тем лучше. Материальная выгода не так важна, как комфорт и спокойствие;
- Автономизация личности, индивидуализм;
- Трудности жизни на одной территории с другими людьми;
- Страх жить без ярких впечатлений и эмоций;
- Нет должного внимания к своему здоровью, малоподвижный образ жизни.

Следовательно, система образования должна быть готова для работы с такими студентами. И можно отметить, что уже образовательная среда меняется в условиях цифровизации общества [3; 141]. Самое элементарное – это замена обычных традиционных лекций видеолекциями, опросы – онлайн-опросами. Кроме этого меняется и сама цель образования. Теперь это не только получение знаний в течение нескольких лет в стенах вуза или школы, но и подготовка человека к постоянному получению знания.

Данный процесс имеет не только положительные стороны, но и отрицательные стороны [2; 144-145]. К таким рискам мы можем отнести:

- технологические риски – угроза разрушения среды, в которой функционирует личность при получении образования;
- коммуникативные риски – вытеснение «живого» общения;
- информационные риски – угроза нарушения целостности информационного пространства внутри системы;
- ценностно-организационные риски – дисбаланс между новыми и старыми ценностями, которые теперь становятся тормозом;
- риски целеполагания – несоответствие целей образования и потребностей внешней среды;
- структурные риски – недостаточно активное внедрение новых практик управления процессом обучения, доминирование традиционных методик над новыми методиками;
- ресурсные риски – несоответствие ресурсов в образовании и потребностей внешней среды.

Если вовремя реагировать на вызовы изменения окружающей среды, то адаптация образовательной системы пройдет плавно.

Как мы видим, новое поколение молодежи бросает вызов традиционной системе образования, которая в свою очередь должна быть готова на адекватное принятие и мягкую адаптацию к сложившейся ситуации в обществе.

1. Башина О.Э., Васютина Е.С., Матраева Л.В. Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2018. № 3.С. 133-142.

2. Панченко О.Л. Риски в развитии цифровизации образования и их классификация // В сборнике: Наука, образование, инновации: гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции. 2020.С.144-146.

3. Панченко О.Л. Трансформация образовательной среды в эпоху цифровизации общества // В сборнике: Профессионально-личностное развитие будущих специалистов в среде научно-образовательного кластера. Материалы 14-ой Международной научно-популярной конференции. Казань.2020.С.199-202.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Николаева Алла Алексеевна

(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Каждый современный человек в той или иной степени взаимодействует с компьютером или гаджетами. Согласно данным компании Mediascope, в 2018 году в России 36% людей в наличии имеют одно из 7 типов устройств (компьютер, ноутбук, смартфон, обычный телефон, планшет, смарт ТВ, консоль), 30% людей имеют 2 из 7 устройств, 20% 3 из 7 устройств и у 14% населения Россия есть 4 из 7 типов устройств [3].

Компьютерные технологии сейчас не только источник информации, но и способ развлечения. Графика, звуковые эффекты видеоигр сейчас настолько реалистичны, что еще больше увлекает людей, и впоследствии эта увлеченность перерастает в формы зависимости. Этому способствует еще и постоянно совершенствующиеся технологии: очки виртуальной реальности, создание VR-парков, усовершенствованные компьютерные клубы. Увлечение компьютерными играми одна из проблем современного общества,

тенденция к зависимости от компьютерных игр растет не только в России, но и во всем мире.

Статистика по России по количеству игроков на популярной игровой платформе Steam показывает, что в среднем за день играет около 12 млн. человек [1].

В мае 2020 года, в период самоизоляции, когда все учащиеся перешли на режим дистанционного обучения, количество максимального числа игроков увеличилось практически в 2 раза. На май 2020 года в Steam играет около 24 млн. человек [1]. В длительный период самоизоляции подростки, которые ранее уже имели небольшую увлеченность компьютерными играми, могут перейти на следующую стадию компьютерной зависимости, если они не будут обладать достаточной волей и контролем над собой.

Компьютерные игры оказывают большое влияние на только формирующуюся психику детей и подростков. Компьютерная игра для подростка является моделью успешной деятельности, как следствие она может быть способом личностного саморазвития. Играя в компьютерные игры, подростки удовлетворяют свои потребности, развивают навыки общения, а также познавательные или когнитивные навыки. Компьютерные игры становятся частью культурной среды подростка, которые также оказывают влияние на формирование его личности [2].

Нельзя определенно сказать, вредны компьютерные игры или нет. Они могут оказывать положительное влияние на человека, путем развития у него определенных познавательных функций, навыков и способностей, путем выбора определенного типа игры. При этом на подростков, которые излишне увлекаются компьютерными играми, они оказывают негативное влияние в виде психических нарушений и физических последствий [3].

Толчком к компьютерной зависимости может стать стресс, неудовлетворенность собственно жизнью, сложности в учёбе и т.п. Зная причины формирования зависимо от компьютера поведения, представляется, что именно профилактика является важнейшим средством предупреждения развития указанных негативных процессов, предупреждения компьютерной зависимости на ранних стадиях.

1. Кувшинова А.А., Савченко И.А. Экономическое поведение подростков XXI века // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 1. С. 352-358.

2. Николаева А.А., Савченко И.А., Павлова Т.С. Совладающее поведение подростков // Образовательные ресурсы и технологии. 2019. № 2 (27). С. 33-39.

3. Сек Н.В., Какадий И.И. Социализация ребенка в цифровом обществе // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 3. С. 438-441.

ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЮ

Носкова Антонина Вячеславовна
(Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации)

Проскурина Александра Сергеевна
(Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации)

Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации, НШ-2615.2020.6.

Актуальность, методология исследования. Массовый переход вузов на дистанционное обучение в период пандемии COVID-19 обусловил рост междисциплинарных исследований, посвященных аспектам онлайн-образования [1, 4]. Предметом исследования, результаты которого представлены в докладе, стала адаптация студентов российских университетов к цифровому обучению. Цель исследования – диагностика проблемных зон, возникших в результате вынужденного перехода на онлайн-образование, и факторов, влияющих на адаптацию студентов. Концептуальная рамка исследования строится на категориях «адаптация к новым формам обучения», «риски онлайн образования», «образовательная среда». В качестве гипотезы выдвигается допущение, что онлайн-образование меняет стратегию личностного развития студента, формирующего профессиональные качества через включение в социально-образовательную активность.

Методика. В мае-июне 2020 г. участники гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ провели онлайн-опрос студентов российских вузов по проблемам цифрового образования. На первом этапе в выборку попали 433 студента. Адаптация студентов к дистанционному обучению диагностировалась через систему вопросов, ориентированных на выявление 1) эмоциональных, когнитивных, поведенческих реакций студентов, вызванных переходом на онлайн-образование; 2) степени принятия онлайн-обучения; 3) готовности в дальнейшем обучаться онлайн. На основе ответов по каждому студенту рассчитан индекс адаптированности, значения которого варьируются от 1 до 19, где 1 – минимальный, 19 – максимальный уровень адаптированности. Значения индекса позволили дифференцировать студентов на категории обучающихся по степени адаптированности, а также обозначить факторы адаптации.

Результаты. Адаптация к дистанционному обучению проявилась через спокойное восприятие онлайн-занятий, меньшую усталость, способность самоорганизоваться для самостоятельных занятий (хотя в целом это задача вызывает сложности у 43,9% опрошенных). Особую ценность для таких студентов имеет новая степень близости контакта с преподавателем. Хорошо адаптированные студенты воспринимают дистанционный формат не как угрозу и риск, а как инструмент повышения доступности образования, новую возможность и перспективную альтернативу аудиторному обучению.

Низкая степень адаптированности чаще связана с общим негативным отношением к получаемому образованию, что проявляется, например, в резкой критике аудиторного обучения. Также для таких студентов характерны опасения разрыва социальных связей, в то время как для хорошо адаптированных студентов значимее риски ухудшения качества получаемого образования.

Выводы. Степень адаптации не определяется конкретным ситуативным опытом, а складывается из более глубоких убеждений студента и его опыта в образовании в целом. Повысить степень готовности к цифровому обучению могут установки на то, что дистанционное образование не является препятствием для полноценного освоения профессии, ради которого студент поступил в вуз.

*1. O'Neil T. How distance education has changed teaching and the role of the instructor
// E-Leader Conference. 2006.*

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ (ВОЛОНТЕРОВ)

*Петрова Татьяна Эдуардовна
(Аппарат Правительства Российской Федерации)*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы дистанционного образования добровольцев (волонтеров).

В соответствии с Планом реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (утвержден 20 июня 2019 г. № 5486п-П44) [1] Ассоциацией волонтерских центров совместно с Минобрнауки России, НИУ «Высшая школа экономики» и ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» организовано дистанционное обучение в сфере добровольчества (волонтерства) представителей добровольческих организаций, организаторов добровольческой деятельности и самих добровольцев (волонтеров) [2].

В 2019 году в рамках портала «DOBRO.RU» запущен сервис «Добро.Университет», где основными темами обучения являются социальное проектирование, продвижение добровольческих (волонтерских) инициатив, комьюнити-менеджмент, оказание добровольческой помощи в сфере культуры, медицины, осуществления поисковых работ.

Онлайн-курсы разделены на два уровня – «базовый» (для начинающих участников добровольческой (волонтерской) деятельности) и «продвинутый» (для организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности).

Формой контроля полученных знаний являются промежуточные и итоговые тестовые задания, позволяющие закрепить пройденный материал, проверить уровень освоения полученной информации.

К обучению по названным образовательным курсам приступили свыше 200 тысяч пользователей портала «DOBRO.RU», более 176 тысяч успешно их окончили и получили соответствующие сертификаты. Сведения о прохождении курсов автоматически заносятся в личную электронную книжку добровольца (волонтера).

В настоящее время на портале размещены свыше 100 обучающих материалов, среди них методические пособия, сборники лучших практик добровольческой (волонтерской) деятельности, информационные справки о результатах проводимых социологических исследований, нормативные правовые документы, регламентирующие деятельность в сфере добровольчества (волонтерства).

Среди методических пособий следует отметить «Модель школьного добровольческого отряда» (в котором раскрыты механизмы вовлечения обучающихся в добровольческую (волонтерскую) деятельность, технологии работы в отрядами, приведены примеры обучающих программ для детей, даются методические рекомендации для преподавателей по организации обучающих занятий), «Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования» (включающие лучшие практики организации добровольческого (волонтерского) движения в вузах, колледжах, лицеях), методические рекомендации по проведению тематических уроков «О добровольчестве (волонтерстве) и благотворительности в образовательных организациях» (в которых представлена информация о направлениях, видах и формах добровольческой (волонтерской) деятельности и благотворительности, способах приобщения к ней обучающихся).

В целях изучения лучших отечественных и зарубежных практик и механизмов взаимодействия и развития добровольческих (волонтерских) и благотворительных организаций Ассоциацией волонтерских центров в 2019 году организованы образовательные стажировки в Германии, Израиле, Японии, Республике Карелия, Алтайском, Камчатском, Красноярском краях, Нижегородской и Ярославской областях, ХМАО, Санкт-Петербурге, на базе ведущих организаций в сфере добровольчества (волонтерства) (благотворительный фонд «Старость в радость», Всероссийский студенческий корпус спасателей, ЭМЦ «Особое детство», фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», всероссийское общественное движение «Волонтеры - медики»), в которых приняли участие свыше 200 человек - представители федеральных и региональных органов власти, социально ориентированных некоммерческих организаций, организаторы волонтерской деятельности.

В регионах Российской Федерации в целях развития компетенций волонтеров, организаторов и участников волонтерской деятельности реализуются обучающие программы региональных образовательных школ. Так, в Воронежской, Курской, Тамбовской областях, Республике Башкортостан действуют школы обучения волонтеров в сфере культуры, в Пермском крае и Москве – школы инклюзивного волонтерства, в Волгоградской, Ивановской, Пензенской областях – школы волонтеров «серебряного возраста», в Свердловской, Томской, Ульяновской, Ярославской областях, республиках Башкортостан и Марий Эл – школы волонтеров – медиков, в Псковской области, Санкт – Петербурге, республиках Крым и Татарстан – школы волонтеров культурного наследия. В 2020 году в 15 субъектах Российской Федерации апробируется технология организации обучения в региональных школах волонтера с последующим тиражированием в 2021-2022 годах на территории всей страны.

Также Ассоциацией волонтерских центров совместно с ФГБУ «Роспатриотцентр» в рамках федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» разработаны и реализуются образовательные программы для государственных и муниципальных служащих в сфере добровольчества по следующим направлениям:

образовательно-акселерационная программа «Культурная инициатива» (для представителей учреждений культуры – клубов, библиотек, театров, музеев и их партнеров, в 2019 году обучено свыше 250 человек);

образовательная программа «Норма жизни» (для представителей сферы здравоохранения, социальной защиты, труда и занятости, СМИ, бизнеса, в 2019 году обучено свыше 200 человек);

образовательная программа «Голос поколения» (для представителей органов государственной власти, лидеров молодежных проектов в 2020 году обучено свыше 200 человек).

Указанные образовательные программы включают три зачетные единицы (108 академических часов) и пять основных тематических блоков - добровольчество (волонтерство) и социально ориентированные некоммерческие организации (определение, местоположение в обществе, законодательство, государственная политика, инфраструктура развития), природа инициативных групп и организаций, межсекторное взаимодействие (цели и технологии, оценка эффективности деятельности), добровольческая (волонтерская) деятельность в отраслях социальной сферы.

В разработанных для студенческой молодежи образовательных модулях, призванных содействовать развитию добровольчества (волонтерства) в студенческой среде

во взаимодействии с социально ориентированными некоммерческими организациями, раскрываются такие темы как добровольчество (волонтерство) как ресурс личностного роста и общественного развития, многообразие форм добровольческой (волонтерской) деятельности, организация работы с добровольцами (волонтерами), во взаимодействии с инициативными группами, органами власти и иными организациями [3].

В настоящее время разрабатывается также проект «Центр компетенций», в рамках которого формируется на основе обобщения и унификации региональных и муниципальных практик обучения участников добровольческой (волонтерской) деятельности четырехуровневая матрица компетенций (волонтеры – координаторы добровольческой (волонтерской) деятельности – руководители проектов – руководители организации).

В 2020 году планируется также внедрить систему дистанционного дополнительного образования для государственных и муниципальных служащих, сотрудников учреждений социальной сферы, преподавателей, специалистов по работе с молодежью, разработать персональные траектории развития путем консолидации информации об имеющихся возможностях освоения необходимых компетенций в рамках участия в образовательных мероприятиях, разработать новые методические пособия и сборники лучших практик в сфере инклюзивного волонтерства, разработать не менее 10 онлайн-курсов в рамках сервиса «Добро.Университет».

1. План реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года от 20 июня 2019 г. № 5486п-П44.
2. Письмо Росмолодежи от 2 июля 2020 г. № АБ/3460-03.
3. Письмо Минэкономразвития России от 16 июня 2020 г. № 19231-РМ/Д01и.

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН-ИНЖЕНЕРОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Подольская Анна Александровна
(Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
(Москва))

Аннотация: В фокусе данного исследования находятся карьерные стратегии женщин в высокотехнологичных отраслях экономики на примере ракетно-космической отрасли (РКО). Рассмотрены основные аспекты проблемы занятости женщин в высокотехнологичных отраслях. В работе приведены основные направления исследований проблемы занятости женщин в высокотехнологичных отраслях экономики: среди них, такие как гендерный дисбаланс в сфере занятости, «барьеры» в построении карьеры женщин в STEM-отраслях. Обосновывается выбор РКО для исследования. Цель исследования заключается в выявлении основных «барьеров», препятствующих реализации карьерных стратегий женщин-инженеров, а также в выявлении возможных причин гендерного дисбаланса в РКО. Основным эмпирическим методом выступает глубинное полуструктурированное интервью с женщинами-инженерами, работающими в ракетно-космической отрасли. Выборка составляет 33 интервью: из которых 20 интервью проведены с женщинами-инженерами молодого поколения и 13 с инженерами старшего поколения. Основные результаты исследования посвящены особенностям построения карьерных стратегий женщин в РКО и затрагивают такие аспекты как: путь в профессию,

значимые составляющие при выборе места работы, составляющие и цели карьеры женщин в ракетно-космической отрасли, типы карьерных стратегий женщин на предприятиях, особое внимание уделено также возможностям и ограничениям в реализации карьеры. Сделана попытка понять, с какими причинами сопряжена проблема гендерного дисбаланса в РКО. Рассматривается проблема баланса между работой и другими сферами жизни, для сотрудников, изучается ее особенности. Уделено внимание социальной политике предприятий, рассмотрены также мнения сотрудников о возможных мерах для популяризации инженерных специальностей в РКО среди женщин.

На сегодняшний день, несмотря на многочисленные исследования, проблемы построения и развития профессиональной карьеры являются одними из самых изучаемых тем в социологии и других науках. Такой интерес, на наш взгляд, во многом объясняется важностью успешной реализации в профессии для большинства людей, так как это один из аспектов необходимых для занятия достойного социального положения в обществе.

Специалисты в области гендерных исследований фокусируют особое внимание на успешной реализации женщин на рынке труда, так как данный аспект значим как для благополучия самих женщин, так и для развития предприятий и отраслей практически во всех сферах экономики. При изучении карьерных стратегий ключевым является понимание, того, что помимо реализации в профессии человек в большинстве случаев ориентирован на создание семьи. Соответственно карьерная стратегия, как правило, строится с учетом этих аспектов. Не менее важной, является отрасль трудовой деятельности, ее специфика во многом определяют варианты развития карьеры.

В данном исследовании выбор ракетно-космической отрасли (РКО) был обусловлен рядом причин. Во-первых, это одна из высокотехнологических отраслей экономики, а этот сектор становится одним из прорывных, приоритетных в экономике 21 века. В последние годы был принят ряд важных документов подтверждающих заинтересованность государства в развитии передовых отраслей. Так, 2016 году была принята Национальная технологическая инициатива (НТИ). Согласно одному из ее принципов: «С точки зрения развития и продвижения НТИ включает новые глобальные высокотехнологичные рынки, борьба за лидерство на которых состоится на горизонте ближайших 20 лет в процессе цифровизации мировой экономики. Именно в этих направлениях у талантливых российских технологических предпринимателей есть наибольшие шансы на успех». Не менее важно и внимание государства к популяризации инженерно-технических специалистов. Согласно указу Президента Российской Федерации В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года» одна из указанных целей, ускорение, технологического развития, увеличение до 50% организаций осуществляющих технологические инновации, создания в базовых отраслях экономики высокопроизводительного сектора, использующего современные технологии и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Однако, несмотря на востребованность инженерных кадров в России, как и в большинстве стран мира, существует проблема отсутствия гендерного паритета как в STEM-образовании, так и в STEM-занятости.

Широкое и быстрое распространение инновационных технологий оказывает особое влияние на женщин. По словам члена Оргкомитета Евразийского женского форума О. А. Бессоловой: «В будущем более 70% профессий, в том числе массовых, таких как медсестра и социальный работник, в которых сегодня в основном заняты женщины, будут основываться на четырех «китах» STEM. Это математика, необходимая для формирования

логики и мышления; инженерные и технологические дисциплины; другие естественнонаучные знания; информатика и цифровые методы».

Несмотря на ряд принимаемых мер, количество женщин в высокотехнологичных отраслях в сравнении с мужчинами невелико. Доля женщин в РФ занятых в сфере производства летательных аппаратов, включая космические, составляет 33,8%, доля мужчин 66,2%, для Московской области 32,2% и 67,8% соответственно.

Несмотря на то, что изучение STEM-занятости среди женщин приобретает все большую популярность, ряд аспектов все еще изучены недостаточно. Одним из них являются представления женщин о желаемой карьере, их карьерных целях в STEM-отраслях, в частности в РКО. Именно от них, во многом зависит как выбор отрасли, так и дальнейшая работа в ней. Понимание карьерных целей женщин является основополагающим, для того, чтобы STEM-отрасли и в частности РКО стали более востребованными среди них.

Мало изученной сегодня остается проблема обеспечения для женщин равных с мужчинами возможностей в реализации своих профессиональных умений. Из приведенных выше данных видно, что сегодня проблема гендерного неравенства в отрасли сохраняется. В этой связи, необходимо понять какие его аспекты, по мнению женщин-инженеров, работающих в отрасли, имеют место непосредственно на предприятиях РКО, какие наиболее ощутимы. Эти «барьеры» могут сыграть значительную роль, как в выборе того или иного профессионального пути в инженерной сфере, так и в дальнейшей реализации карьерной стратегии женщин-инженеров.

Выявление данных «барьеров», поможет проиллюстрировать какие из аспектов гендерного неравенства, наиболее ощутимы для женщин в STEM-отраслях.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать, чем в понимании женщин является карьера, каковы карьерные цели женщин-инженеров в РКО, какие критерии для них наиболее важны в профессиональной сфере. Интерес представляет то, с какими сложностями сталкиваются женщины-инженеры при работе на предприятиях, ощутима ли для них проблема гендерного дисбаланса, каковы ее проявления. Эти аспекты целесообразно рассмотреть на примере двух поколений женщин-инженеров РКО.

Предположение исследования заключается в том, что, несмотря на перспективность отрасли и заинтересованность предприятий в новых инженерных кадрах в РКО, роль женщин-инженеров в развитии отрасли недооценена: при построении карьеры женщины сталкиваются с различными проявлениями гендерного неравенства, что замедляет их продвижение и ограничивает вариативность карьеры в РКО, в частности, в административном плане. В то же время меньшее количество женщин на руководящих позициях может быть обусловлено тем, что женщины при построении карьерной стратегии отдают предпочтение развитию профессиональных навыков, а не достижению высоких административных позиций. Это позволяет им применять знания на пользу отрасли и одновременно реализоваться в семейном плане.

На карьерную стратегию и карьерные цели женщин могут значительно влиять различные гендерные стереотипы о женщинах в профессиональной среде.

Эмпирическая база исследования и характеристика информантов

Для проведения исследования был выбран метод полуструктурированного интервью по следующим причинам. Во-первых, исследований, посвящённых карьере женщин-инженеров в РКО, в России практически не проводилось, поэтому было важно провести пилотное исследование – получить как можно более детальную и полную информацию от респондентов относительно их трудового пути и связанными с ним жизненными аспектами.

Во-вторых, большинство предприятий РКО «закрыты» для свободного посещения, а потому данная группа женщин-инженеров является труднодоступной.

Выборка. В июле–августе 2018, январе и ноябре 2019 и мае 2020 г. проведено 33 интервью с женщинами-инженерами, работающими на предприятиях РКО. Выборка была целевой. Согласно классификации типов выборки для качественного исследования М. К. Пэттона, была взята критериальная выборка, то есть, отобраны респонденты, соответствующие ряду критериев [Patton 2003: 243]. Точками входа в выборку стали знакомые автору женщины-инженеры предприятий РКО, далее с их помощью были найдены остальные респонденты. Место проведения исследования – г. Королёв, где сконцентрировано наибольшее количество предприятий отрасли. В работе представлены интервью с женщинами-инженерами предприятий АО «Композит», РКК «Энергия», АО ЦНИИмаш, АО Корпорация «Тактическое ракетное вооружение». Несколько человек среди респондентов старшего поколения на данный момент работают на предприятии АО «Газпром космические системы» г. Москвы, но начинали они свою деятельность на предприятиях г. Королёва, поэтому и были включены в выборку. Для всех информантов работа на предприятиях РКО является основной, её продолжительность – от года и более. Все информанты имеют высшее инженерное образование. Респонденты были поделены на две группы: «постсоветское поколение», чья трудовая деятельность на предприятии началась после распада СССР (в неё вошло 20 респондентов, работающих на предприятиях РКО) и «советское поколение» (13 респондентов). Разделение на группы позволило выявить сходства и различия в том, что является наиболее значимым в профессиональной деятельности, каких ключевых целей женщины-инженеры хотят достичь (или уже достигли, работая в отрасли), влияние на их карьеру различных проявлений гендерного неравенства.

Заключение

В ходе исследования наше предположение полностью подтвердилось. При формировании карьерной стратегии большинство женщин ориентированы, на возможность заниматься интересной работой, которая позволяла бы им сохранять «баланс между работой и семьей». Это характерно для советского поколения женщин-инженеров (среди которых представители поколения X) и постсоветского поколения (среди которых преобладают представители поколения Y, в меньшей степени Z). Существенным отличием являются различия в ряде оптимальных составляющих трудовой деятельности.

Для старшего поколения женщин-инженеров успешность карьеры в первую очередь ассоциируется с их вкладом в общие проекты, и их последующий успех. Для более молодого поколения женщин-инженеров, карьера это, прежде всего их индивидуальные достижения направленные как на улучшение профессиональных навыков, так и на получение более высокой зарплаты. При этом для них также существенным является осознание значимости своей деятельности для предприятия.

Для молодых женщин-инженеров, принципиально важной является возможность разнопланового развития: большинство респондентов отмечают, что «вертикальная» карьера интересна им только в качестве занятия должностей из «среднего звена», так как это подразумевает меньшую ответственность, возможность развиваться в профессии и совмещать работу и материнство. Такая позиция, объясняется и тем, что на предприятиях РКО как и в других STEM-сферах существует ряд неформальных барьеров таких как стереотипы в отношении «вертикального» продвижения женщин, тогда как для молодых сотрудников-мужчин наблюдается противоположная ситуация. Респонденты, которые ориентированы на должностное развитие отмечают, что для этого приходится проявлять

настойчивость и «отвоевывать место под солнцем». Тем не менее, большинство женщин-инженеров говорят, что своих целей в профессиональной сфере им удалось добиться или же это реально в перспективе.

Что же касается характерных черт двух поколений, то как старшие, так и младшие коллеги обладают конкурентными преимуществами, что позволяет сделать взаимодействие гармоничным и эффективным.

Ключевыми шагами для поднятия престижа инженерных профессий среди женщин, респонденты считают: активное взаимодействие с девушками на уровне школ с использованием различных масс медиа как на уровне предприятий так и на уровне государства, кроме того повышение заработных плат сотрудникам, материальная поддержка различных инициатив работников. Также сотрудницы предприятий считают необходимым наличие масштабных инновационных проектов в сфере космоса, которые могли бы заинтересовать будущих специалистов.

Можно констатировать, что первостепенным, для привлечения новых кадров в РКО среди женщин является ориентация не только на общие преимущества для сотрудников предприятий, но и отдельный акцент на те аспекты, которые актуальны именно для женщин и соотносятся с их потребностями и запросами. Помимо этого, важно сделать сферу максимально «дружественной» женщинам избавляясь от существующих стереотипов. В конечном итоге, это выгодно, как для развития и реализации самих сотрудников, так и предприятий, а значит и отрасли в целом.

1. Patton M.Q. (2002) Qualitative Research and Evaluation Methods. Thousand Oaks, CA: Sage.

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В СИТУАЦИИ ВЫХОДА НА РЫНОК ТРУДА

**Попов Евгений Сергеевич
(ФГАОУ ВО «УрФУ имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина»)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего»

Новые способы межличностной коммуникации, передачи информации существенно влияют на профессиональное становление молодого поколения. Современной экономике требуются кадры, хорошо ориентирующиеся в цифровой среде, умеющие применять новейшие технологии в профессиональной практике.

В статье представлены результаты исследования цифровых компетенций выпускников вузов в ситуации выхода на рынок труда.

Исследование охватило студентов Уральского федерального университета, методом анкетирования были опрошены выпускники четвертого курса 2020 года в возрасте от 21 до 25 лет социально-экономического и технического направлений (N=400).

Анализ студенческих оценок применения цифровых технологий в учебном процессе показал, что современные технологии обучения в основном представлены дистанционной формой обучения (83%), дополнительными онлайн-курсами (69%) и индивидуальными образовательными траекториями (65%). Однако, несмотря на достаточно высокую оценку

использования современных технологий, более 44% респондентов считают, что применение дистанционного обучения отрицательно сказалось на качестве образования, и только около четверти респондентов (23%) считают, что дистанционное обучение положительно повлияло на образовательный процесс, 19% опрошенных не почувствовали разницы.

Студенты социально-экономического направления в сравнении со студентами технических специальностей выше оценивают шансы на трудоустройство в целом и более уверены, что найдут работу по специальности. Выявлено, что наиболее важным качеством для будущего профессионала, по мнению респондентов, явилось умение работать в цифровой среде (68%) и ответственность (60%).

В целом студенты высоко оценивают свой уровень цифровой грамотности: владеют быстрым поиском информации в Интернете 76% респондентов, умеют выбирать безопасные ресурсы для учебы и работы 74%, использовать актуальные приложения - 72%, выстраивать необходимые коммуникации с людьми - 71%.

Однако, владея всеми необходимыми в условиях цифровизации, знаниями и навыками, выпускники сталкиваются с трудностями при трудоустройстве: прежде всего с несоответствием полученных в вузе компетенций требованиям работодателя (52%) и отсутствием опыта работы (50%).

Студенты обоих направлений считают, что будущее трудоустройство не вызовет у них серьезных проблем, при этом среди наиболее важных качеств, необходимых профессионалу, большая часть респондентов отмечает умение работать в цифровой среде и ответственность. Студенты обоих направлений высоко оценивают свой уровень цифровых компетенций, главными из которых они считают быстрый поиск информации в Интернете и выбор полезных и безопасных ресурсов/

ОЧЕРКИ КОНЦЕПТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ

*Породенков Марк
(Международный институт рынка)*

Цифровое образование способно предоставить новые возможности для организации школьного обучения. Данная работа предлагает модель создания образовательного пространства с индивидуальным подходом при изучении литературы.

Литература как школьный предмет, как правило, представляется одним из средств воспитания юного поколения. По нашему мнению, нравственное воспитание в школе на примере классических произведений можно рассматривать как недостаточное, лишь частично отвечающее на вопросы реальной действительности. Классическая литература как источник нравственных ценностей может показаться современному подростку слишком односторонней, навязывающей устаревшие взгляды на отношения между людьми. Поэтому нам кажется полезным введение в процесс обучения современных произведений, которые описывали бы сегодняшнюю действительность.

В современной школьной программе большая часть литературных произведений выносится за рамки подробного разбора на уроках. В связи с этим предлагается создание на территории образовательного пространства отдельных комнат-бесед, где учащиеся и учитель смогли бы более углубленно разбирать выбранное произведение. При этом допускается выбор произведения, вовсе отсутствующего в школьной программе.

Представляется также правомерным создать возможность при обсуждении тем, которые кажутся неудобными, выходить на территорию образовательного пространства в обезличенном виде. Это делается для того, чтобы подросток мог чувствовать себя в безопасности, говоря на непростые темы в окружении других учащихся и учителей.

Порой учителю не хватает квалификации для обсуждения тех или иных вопросов, иногда он может иметь полностью противоположные взгляды на обсуждаемые проблемы, что не позволит достигнуть объективной оценки и грамотного разбора ситуации. Поэтому нам кажется необходимым подключение к подобным беседам психолога, к которому при необходимости учащийся сможет обратиться за помощью после прочтения изучаемого произведения.

Таким образом, крайне необходимо, рассматривая литературу в качестве источника нравственных ценностей, обращаться к современным произведениям, которые выбирают сами учащиеся. Наличие психолога позволит подростку разобраться в волнующих его вопросах, берущих своё начало из собственного опыта или из прочитанного произведения, например, вопросах о составе семьи, о её возможной неполноте, о планировании будущей семьи или об отказе от нее, об отношениях между членами семьи и проблемах, возникающих при общении со сверстниками.

Подобное обучение способно предоставить свободу выбора и создать безопасную среду для обсуждения различных жизненных вопросов и образцов поведения, а также построения будущих отношений, полученных на примере изучаемых произведений. Создание многочисленных комнат-бесед на образовательной платформе позволит разделить учащихся на группы по интересам. Участие психолога поможет учащемуся раскрыться, что является весьма актуальным для современного подростка, живущего в нестабильном мире.

ГОТОВЫ ЛИ РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ YOUTUBE В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19?

*Руденкин Дмитрий Васильевич
(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина")*

Работа подготовлена в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00683 «Видеоблоги как канал формирования общественного мнения российской молодежи: степень и эффекты влияния»)

Введение карантинных мер из-за пандемии COVID-19 создало целый ряд новых вызовов для российской образовательной системы. Вынужденный переход к дистанционным формам обучения заставил университеты отказаться от привычных форм работы со студентами и искать нестандартные подходы к обучению. Ревизия актуальной научной литературы показывает, что одним из таких подходов может стать использование в процессе обучения роликов с видеохостинга YouTube по теме изучаемых дисциплин, просмотр которых рассматривается как полная или частичная замена привычным лекциям [1; 2; 3]. В самом этом решении вряд ли есть что-то странное: в литературе давно упоминались и популярность этого сайта среди студентов [4], и обилие в его библиотеке качественных образовательных видео [5]. И закономерно, что в новой ситуации система

образования начала рассматривать YouTube как один из возможных ресурсов организации обучения. Но соответствует ли такое решение запросам и привычкам самих студентов?

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы обратимся к данным социологического опроса, выполненного среди студентов г. Екатеринбурга в начале 2020 г. незадолго до введения в стране карантинных мер. В ходе исследования были опрошены 317 студентов из 5 крупнейших университетов города. В основе их отбора лежала квотная выборка по учебному заведению, полу и возрасту.

Анализ их ответов помог сделать несколько выводов.

Во-первых, использование YouTube стало массовой привычкой студенческой молодежи. Большинство опрошенных (89%) называют просмотр видео одной из важнейших для себя целей использования Интернета. А половина из них (49%) включают YouTube в число наиболее важных для себя сайтов.

Во-вторых, привычка рассматривать YouTube как инструмент образования имеет меньшее распространение, чем привычка пользоваться им для развлечения. Только 26% опрошенных хотя бы иногда смотрят на этом сайте образовательные видео. Существенно большей популярностью пользуется видео по развлекательным темам: юмору (43%), музыке (40%), киберспорту (28%).

В-третьих, среди студентов распространен скепсис по отношению к возможности чему-то научиться при просмотре видео на YouTube. 79% из них отмечают, что ни разу не видели на этом сайте роликов, которые помогли бы им научиться чему-то полезному. Причем их доля велика даже среди тех, кто смотрит на YouTube образовательное видео: среди них она достигает 69%.

В целом анализ показал, что устоявшиеся привычки и запросы студенческой молодежи могут вступать в конфликт со стремлением системы образования использовать видео с сайта YouTube в процессе обучения. Привычка относиться к этому сайту преимущественно как к источнику развлечения и скепсис по отношению к качеству размещенного в нем контента будут мешать студентам серьезно относиться к попыткам использования этого сайта в образовательном процессе. Это не значит, что видео с YouTube в принципе не могут использоваться в образовательном процессе. Однако результаты опроса говорят о том, что их использование требует большой деликатности.

1. Ежова Ю.В., Пац М.В. YouTube как обучающий ресурс (иностраный язык, неязыковой вуз) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 7-2 (46). С. 36-39.

2. Романов А.П. Каналы YouTube как средство изучения истории великой отечественной войны в студенческой и школьной аудиториях // *Историко-педагогические чтения*. 2020. № 24. С. 299-304.

3. Губин Е.П. Использование видеоматериалов сервиса YouTube в учебном процессе // *Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2020. С. 84-87.

4. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Ширинянц А.А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодёжи: новые техноло-гии формирования идентичности в виртуальном пространстве // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 3 (60). С. 51-58.

5. Сипко Е.С. Использование платформы "YouTube" в системе образования бакалавров направления подготовки "реклама и связи с общественностью" // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 2 (32). С. 59-64.

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ

*Руденкин Дмитрий Васильевич
(ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина")*

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код "soft power" как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

Цель данной работы – разобраться в специфике протестных настроений российской городской молодежи на фоне введения в стране карантинных мер из-за пандемии COVID-19. В прежние годы в российской социологии постепенно укреплялось представление о городской молодежи как о значимом субъекте протестного движения: подобные рассуждения появились в литературе после серии протестных акций 2017 г. [1] и усилились после новых всплесков народного недовольства в 2019 г. [2]. К началу 2020 г. тезис о превращении городской молодежи в одного из главных субъектов российского протестного движения стал в науке довольно распространенным [3]. Но будет ли такой взгляд на городскую молодежь оправдан сейчас, в условиях пандемии, вызвавших тотальную перезагрузку многих общественных процессов? Мы бы хотели найти ответ именно на этот вопрос.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют данные социологического опроса, который был выполнен нами среди молодежи г. Екатеринбурга в разгар действия карантинных мер из-за COVID-19 летом 2020 г. Задачей опроса являлась диагностика протестных настроений молодежи города и оценка факторов, от которых они зависят. Всего в ходе исследования были опрошены 506 представителей молодежи города в возрасте 18-29 лет, отобранных на основе квотной выборки по полу, возрасту и району проживания.

Анализ полученных ответов помог сделать несколько выводов:

Первый вывод. Ситуация карантина вызвала массовый дискомфорт среди молодежи. Серьезной или очень серьезной проблемой введение таких мер назвали 53% опрошенных. Чаще были названы только сложности с поиском жилья (69%), коррупция власти и уровень свободы в обществе (60%).

Второй вывод. Недовольство, возникшее на фоне пандемии, в основном конвертировалось у молодежи в пассивные формы протеста. Почти половина из тех, кто посчитал карантинные меры проблемой, выражали свое недовольство в социальных сетях и подписывали петиции против таких мер. Но других действий никто из них не совершал.

Третий вывод. Напряжение в условиях пандемии не вызвало негативизации отношения молодежи к власти. Только 17% опрошенных отметили, что власть не предпринимает нужных усилий, чтобы решить их проблемы. Не менее половины одобрили действия представителей исполнительной власти: президента (68%), правительства (65%), губернатора (60%), мэра (50%).

Четвертый вывод. Стресс из-за карантинных мер не привел к формированию аномально высоких протестных настроений молодежи. В момент проведения исследования протестных акций в городе ожидали 30% опрошенных, а лично участвовать в них были готовы 19%. Оба этих значения даже ниже общероссийских показателей, которые в тот же период получал ВЦИОМ [4].

В целом анализ показал, что аномально высоких протестных настроений городской молодежи ситуация пандемии, похоже, не породила. Несмотря на то, что введение карантинных мер создало сильный дискомфорт многих молодых людей, их раздражение не конвертировалось ни в снижение лояльности властям, ни в реальный рост бунтарских настроений и установок

1. Пырма Р.В. Восстание Поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. №. 2. С. 43-50
2. Ковтун Е.И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 4 (44). С. 712-721
3. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 3 (157). С. 119-138.
4. Протестный потенциал // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (дата обращения: 09.10.2020).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Руденко Лариса Дмитриевна
(Ярославский государственный технический университет, кафедра гуманитарных наук)

Начало XXI века обусловлено колоссальными изменениями в политической, экономической, культурной и социальных сферах, что негативно сказывается на социальном поведении молодежи. Такие явления как девиация, нонконформизм, инаковость охватили фактически все государства мира. В то же время на современном этапе развития общества одной из витальных потребностей человека, по А. Маслоу, является сохранение безопасности, поэтому проблема девиантного поведения является актуальной.

В наиболее сложном положении в подобные переходные периоды развития общества оказывается молодежь, система мировоззрения которой находится в процессе становления, а несформировавшаяся система ценностей общества не может предоставить необходимые социальные ориентиры поведения.

Можно выделить следующие особенности молодежи, которые способствуют развитию девиантного поведения:

1. Юношеский максимализм.
2. Неумение критически оценивать полученную информацию, доверчивость.
3. Стремление к получению новых знаний с минимальной затратой интеллектуальных ресурсов.
4. Острая реакция на имущественное и социальное неравенство.

Особый интерес в данном контексте представляет исследование студенческой молодежи. С целью изучения особенностей проявления девиантного поведения студенческой молодежи в учебной деятельности нами было проведено социологическое исследование.

В результате исследования нами были получены следующие данные.

Выяснилось, что расписанием занятий удовлетворены 85% респондентов, 10% не удовлетворены, и 5% частично удовлетворены.

На вопрос «Готовитесь ли Вы к занятиям?» 55% ответили положительно, 31% студентов готовятся лишь к некоторым занятиям, а 14% не готовятся совсем.

На вопрос: «Удовлетворяет ли Вас качество образования, полученного в вузе?» 79% респондентов ответили положительно, причем из них только 31% выбрали максимальную степень удовлетворенности.

Следующий блок вопросов касался непосредственно девиаций в учебном процессе. На вопрос «Совершали ли вы девиантные поступки в учебной деятельности?» утвердительно ответили 87% опрошенных. В качестве примеров собственного девиантного поведения респонденты называли прогулы, нарушение дисциплины, неподготовленность к занятиям, конфликты с преподавателем, неуспеваемость, платное написание дипломных/курсовых работ.

На наш взгляд, специфические девиации студентов связаны с процессом обучения в вузе и во многом определяются их отношением к высшему образованию. Опрос показал, что высшее образование рассматривается респондентами, в первую очередь, как возможность самосовершенствоваться. Так ответили 37% респондентов. На втором месте находится возможность получить диплом – 25% респондентов. Затем, залог успешной карьеры – 17% респондентов. Лишь 15% отметили, что высшее образование для них – это приобретение знаний. Для 10% – это пустая трата времени.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СВОБОД В ЭРУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Салимгареев Максим Владимирович

(Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ).)

Контекст современных глобальных изменений, связанный с цифровизацией приводит к трансформации всех социальных процессов и институтов. В условиях формирования цифровой экономики, как объективной и неотвратимой тенденцией последних десятилетий осложняется решение ключевых задач социального управления и устойчивого развития, среди которых не последнюю роль играет молодежная политика. Ключевыми вызовами перед странами с открытыми экономическими и политическими моделями развития сегодня становятся проблемы адаптации молодежи к требованиям глобальной экономики. [1, 39]

Очевидно, последняя ускоряет процесс социальной конкуренции, что приводит к естественному ускорению миграционных процессов, которые с одной стороны могут усиливать одни страны и ослаблять другие, когда представители “лучших из лучших” для обретения социально-экономического благополучия и личностного роста делают свой выбор в пользу тех компаний и тех стран, где предоставляются наиболее выгодные и эффективные условия развития. Учитывая, что молодежь является самой подвижной и динамически нестабильной социальной группой, способной преодолеть условия социальных рисков, то у аутсайдеров социально экономической мировой конкуренции, особенно в инновационных отраслях связанных с IT индустрией могут возникать существенные кадровые утечки. В этой связи, в условиях нарастающей цифровизации для нашей страны, не являющейся мировым экономическим лидером становится актуальным процесс модернизации политической стратегии по управлению процессами в молодежной среде численная доля которой сегодня определяется в 22,5%, что составляет 31,8 миллионов человек. [2]

Ключевые направления государственной молодежной политики в Российской Федерации должны преодолеть неэффективные аспекты стратегии социального

управления в этой сфере. Современная цифровая экономика, как известно нацелена на формирование кластерно-сетевых систем с горизонтальными связями и технологиями пространственной интеграции, где в приоритете существует такие направления развития, которые ориентируют государство на человеческий капитал, инновации, инвестиции в телекоммуникационные отрасли, где место молодежи определяется ее интеллектуальной адаптивностью и креативностью.

Сегодня необходимо модернизировать характер и содержание отношений между молодежью и государством, что подразумевает предоставление для первой социальных гарантий и свобод. Именно эти фундаментальные условия могут способствовать возникновению атмосферы взаимного доверия, содействовать мобилизации всего ресурсного потенциала подрастающего поколения. [3]

Зубок Ю.А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи. // Власть 2014. (11) 39-43
Ильинский И.М. Молодежь и социальная политика. М.: Социум; 2012. 644 с.
Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН В ВИРТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

*Самсонова Татьяна Николаевна
(МГУ имени М.В.Ломоносова,
социологический факультет)*

Молодежь – самая активная, мобильная часть общества. “Беспредельная надежда и энтузиазм - главное богатство молодежи” (Р. Тагор). В молодые годы происходит формирование мировоззрения, определяются жизненные стратегии, идет апробация полученных ранее политических знаний, включение в общественно-политическую жизнь и выработка собственных политических взглядов, установок, моделей политического поведения.

Под влиянием многих факторов возрастает потребность в разработке новых подходов к осуществлению процесса политической социализации, включая эффективное использование виртуальной социальной среды, Интернета. Появилось даже понятие «киберсоциализация».

Политическая коммуникация посредством социальных сетей, форумов и т.д., с присущими им мультимедийностью и интерактивностью, создает новые возможности поддержания интереса молодого поколения к политической информации, повышения его политической компетентности. Важно, чтобы это способствовало и выработке навыков критического мышления, умения обосновывать свою гражданскую позицию, самостоятельно принимать решения, нести ответственность за свои действия.

Виртуальное социальное пространство – это новая институциональная среда политического участия. Интернет - инструмент организации разных видов социальной и политической активности молодежи. В условиях пандемии COVID-19 активизировалась практика проведения вебинаров, в учебных заведениях - занятий в режиме реального времени с интерактивным использованием аудио- или видеосвязи (электронная доска для комментариев, текстовый чат, голосование, опросы). Однако открытость и доступность информационных порталов порождает не только позитивные, но и негативные последствия. Под воздействием информационных технологий идет формирование т.н. “клипового

сознания”. Человек цифры, при всей сложности цифровых гаджетов и виртуальных сетей, парадоксальным образом может оказаться более беспомощным, чем Человек слова.

«Сетевая» молодежь - не только самый активный субъект Интернет-пространства, но и объект беспрецедентного влияния. Так, формируемые в виртуальном пространстве политические идентичности могут стать своего рода символическими “конкурентами” национально-гражданской идентичности молодежи, «рассматриваться как социокультурный вызов общероссийской идентичности» [1, с. 165].

Необходимы хорошо продуманные образовательные, информационные программы, блоги и игры (для подростков), позволяющие «говорить» с молодым поколением на его языке, решая задачи его политической социализации и гражданского воспитания, содействуя тем самым формированию активных молодых граждан, способных самостоятельно мыслить и принимать решения, не поддаваться манипулированию и провокации.

1. Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 156-173.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ IT - ТЕХНОЛОГИЙ

*Семенова Юлия Александровна
(ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»)*

Современный динамичный мир, характеризующийся конкурентной борьбой, предъявляет необходимость внедрения инновационных технологий [1].

В 2006 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г.» [2], а в конце 2014 года Правительство РФ принимает «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3]. Согласно положениям данных документов, государство декларирует готовность поддерживать проекты в сфере воспитания и образования, направленные на формирование необходимых российскому гражданину социальных качеств, а также проекты в иных областях. Российский центр содействия молодежному предпринимательству поддерживает и развивает уникальные проекты в сфере молодежного предпринимательства. Основными направлениями данного центра являются: содействие развитию молодежного предпринимательства; рабочая молодежь; молодежное инновационное творчество; профориентация. Согласно данным официального сайта около 16 тыс. участников открыли свое дело [4].

Федеральное агентство по делам молодежи в рамках своей деятельности реализует программы поддержки инновационного предпринимательства, создает инфраструктуру для интеграции молодежи, специализирующейся в разных направлениях предпринимательской деятельности, чтобы молодые предприниматели могли обмениваться опытом, находить единомышленников и повышать эффективность реализации своих проектов [5].

Среди основных государственных институтов поддержки стартапов можно также выделить Агентство стратегических инициатив и Фонд развития интернет-инициатив.

Автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив» была создана в 2011 года, ее основными задачами являются: продвижение инновационных,

социально значимых проектов и инициатив; активное привлечение и развитие среднего бизнеса и социального сектора; улучшение предпринимательского климата, изменение негативного образа предпринимательства в российском обществе; содействие развитию профессиональных компетенций, особенно среди молодежи и др. Помимо вышеперечисленного, Агентство оказывает содействие в получении льгот и других форм государственной поддержки на этапе реализации проектов, в том числе с использованием механизмов государственного частного партнерства [6]. Таким образом, за 2019 год Агентством было принято 788 проектов, из которых 192 бизнес-проекты, 417 образовательные проекты и 179 социальные проекты [7].

Фонд развития интернет-инициатив является крупнейшим венчурным фондом России для IT-стартапов. Акселератор Фонда – программа для ускоренного развития бизнеса в интернете, включающая в себя консалтинговую, образовательную, маркетинговую и юридическую поддержку. Данный фонд активно участвует в развитии инфраструктуры интернет-предпринимательства в России и формировании экосистемы венчурного рынка через различные законодательные инициативные и другие механизмы повышения привлекательности рынка и российской юрисдикции для введения бизнеса. Основными направлениями деятельности Фонда являются: инвестиции в проекты; законодательные инициативы; тренинги и семинары; клуб бизнес-ангелов; краудинвестиционная площадка; коворкинг. По показателям 2019 года Фондом было проинвестировано более 400 компаний [8].

Молодежные стартапы занимают важное место в экономике ведущих стран, в том числе и потому, что представляют собой инструмент преодоления общемировой проблемы - проблемы молодежной безработицы. Молодежь является ядром активной предпринимательской деятельности, поскольку большая часть идей и замыслов по запуску проектов принадлежит именно молодому поколению. На наш взгляд, вполне интересно выглядит практика выделения ресурсов для привлечения к предпринимательской деятельности молодежи представителей научного сообщества и бизнес-элит, способствуя тем самым не только стабилизации социально-экономических отношений, но планомерной смене поколений [9].

1. Стрельникова Т.В. *Инновационные технологии в деятельности самоуправляемых команд*. В сборнике: *Актуальные проблемы социологии и управления. Межвузовский сборник научных трудов*. Санкт-Петербург, 2017. с. 84-89.
2. *Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р* <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/> (дата обращения: 13.08.2020)
3. *Распоряжение Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. N 2570-р О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г., утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. N 2403-р (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ:* <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 13.08.2020)
4. *Российский центр содействия молодежному предпринимательству [Электронный ресурс] : [сайт]*. – URL: <http://xn--80ahccnaxfhglicdk2abp.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.08.2020).
5. *Росмолодежь [Официальный сайт] : [сайт]*. – URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 03.08.2020). – Загл. с экрана. - Яз.рус.
6. *Безпалов В.В. Роль инвестиций в развитии внешнеторговой деятельности региональных промышленных комплексов в условиях импортозамещения // Экономика и бизнес, 2017. (дата обращения: 13.08.2020)*
7. *Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс] : [Официальный сайт] : [сайт]*. – URL: <https://asi.ru/> (дата обращения: 13.08.2020).

8. Фонд развития интернет инициатив [Электронный ресурс] : [Официальный сайт] : [сайт]. – URL: <https://www.iidf.ru/> (дата обращения: 13.08.2020).

9. Кошелев А.А. Молодежное предпринимательство: специфика развития, основные проблемы и пути их решения

//Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58-8. с. 56-58.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЫХ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Соларес Сиерра Эдильтрудис Борхас
(университет Ольгина)

Ольга Экспозито Хорхе
(Университет Ольгина)

Социальная интеграция определяется как процесс превращения относительно самостоятельных малосвязанных между собой объектов (индивидов, групп, классов, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и др. [4].

Исходя из этого, социальную интеграцию мигрантов можно определить как сложный социальный процесс активного включения индивида в социальную жизнь общества прибытия (процесс взаимоотношений молодых внутренних мигрантов с населением, проживающим в сообщество, рецепция, ориентированная на социальное взаимодействие и сочетание интересов обеих сторон) и, с другой стороны, процесс индивидуального присвоения социальных норм и ценностей нового сообщества; помимо структурной адаптации, когда уровень интеграции показывает, что нет разницы между социальным воспроизводством мигранта и остального общества.

Оцифрованное общество основано на уровне знаний, содержащихся в новых технологиях и реализованных на практике в различных социальных процессах. Это общество, его экономическая основа, представляет собой оцифрованную экономику, от которой зависит участие людей во всех социальных отношениях. В этой модели общества, навязанной развитым миром, есть много неизвестных для социальной интеграции внутренних мигрантов, на которые стоит обратить внимание, исходя из теоретических предпосылок социологии.

Помимо существующих различий в уровне оцифровки, достигнутого в разных странах, а также внутри них в разных регионах и провинциях, существует также проблема доступа к этим технологиям. Кто может использовать эти технологии? У кого есть доступ?

При таком сценарии, каковы трудности в процессе социальной интеграции молодых внутренних мигрантов? Главная трудность для молодых мигрантов заключается не только в достижении новых мест, но и в том, как достичь процесса эффективного участия в функционировании социальной жизни в цифровом обществе? А с другой стороны, как оцифрованное общество, создают структуру социальных «включений», учитывающую удовлетворение базовых потребностей, в которой также происходит обмен ценностями.

Символический интеракционизм позволяет изучать социальную интеграцию молодых мигрантов, обращая внимание на определение и интерпретацию своих действий людьми. С помощью символического интеракционизма это исследование предполагает, что молодые внутренние мигранты являются базовой единицей во взаимодействии в оцифрованном обществе, куда они прибыли, и их индивидуумах посредством символической коммуникации.

Блумер основывает свою концепцию на трех основных предпосылках: а) Люди относятся к физическому и социальному миру исходя из их значений. б) Эти значения конструируются в социальном взаимодействии с помощью символов; с) Значения устанавливаются и изменяются интерпретацией, сделанной субъектом-агентом. [3, 58]

Основываясь на идеях Блюмера (1982), с помощью интерпретирующей рациональности можно рассматривать то, что мигранты изучают, трансформируют и разлагают значения и символы, чтобы развивать и направлять свои действия в новой среде. Именно во «взаимодействии» с членами социальной среды прибытия обеспечивается взаимная интернализация ценностей, норм, правил жизни, убеждений и чувств, что приводит к обучению и выполнению ролей, которые молодой внутренней мигрант возьмет на себя, в процессе социальной интеграции и реализации своих стратегий для удовлетворения своих потребностей.

Блюмер делает человека активным субъектом, который самостоятельно конструирует значения, и отрицает, что он является пассивным субъектом, который он реагирует только на влияние других. «Человека не тянет как нейтральная и безразличная единица операцией системы. Как организм, способный само взаимодействие он формирует свое действие из процесса определения, который включает в себя выбор, оценку и решение. [2,114]

У молодых внутренних мигрантов в повседневной жизни развивается чувство идентичности, возникающее в результате их новых повседневных взаимодействий. Ежедневно они изучают значения, оторванные от культурных практик среды оцифрованного общества. Подходы Символического интеракционизма позволяют наблюдать, что в своих взаимодействиях молодые внутренние мигранты создают свою жизнь и организуют свои действия и размышления вокруг набора новых отношений и взаимодействий, с которых они начинают быть частью этой оцифрованной социальной сцены.

1. Blumer, Herbert (1982). *El interaccionismo simbólico: perspectiva y método*. Barcelona: Ediciones Hora.

2. Blumer, Herbert (1969). *Symbolic Interactionism Perspective and Method*. University of California Press Berkeley Los Angeles London. by Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey (1986). First Paperback Printing 1986 ISBN 0-520-05676-0 (alk. paper)

3. Sánchez Jerez, E. *El interaccionismo simbólico y la educación dual*. Revista Temas. Dialnet-ElInteraccionismoSimbolicoYLaEducacionDual-5894379.pdf

4. Социологический словарь: Электронный документ (<http://www.soclexicon.ru/socialnaya-integraciya>). (дата обращения: 10.02.2014).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ, ДАНИИ И ГЕРМАНИИ)

Сосонная Мария Сергеевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Егян Артем Арсенович
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Современный мир, в особенности североевропейский (Швеция, Дания) и Германия, всё чаще обращается к либеральным контекстам в разных контекстах (ценности,

демократизм, свобода личности и слова). Данная статья анализирует, как современные либеральные веяния влияют на брачно-семейную коммуникацию. Например, в свете отношения к браку в среде студенческой молодежи.

Целью исследования являются сравнение форм и типов концепций в выбранных странах, анализ исторических предпосылок к становлению и фокус реализации брачно-семейной коммуникаций в современности.

Даже несмотря на такие выступления со стороны молодежи, семья в Швеции остается очень важной традиционной ценностью. Она является образцом равноправия и толерантности, и по большей части характеризуется чертами социализма в буквальном смысле слова. Хотя либерализм также оставил свой след: свободное отношение к брачным узам, отсутствие стремления к заключению официального брака. [Dennis O'Neil: Sex and Marriage. Behavioral Sciences Department, Palomar College, San Marcos California, 2009, P.42].

В Германии изучение менталитета является весьма непростой задачей, связанных с различиями внутри страны, и с кардинальными изменениями общественно-политического строя, и с историческим бэкграундом Центральной Европы. Детям прививают самостоятельность и независимость, в связи с чем молодое поколение предоставлено само себе. Поэтому молодежь может воспринимать ряд либеральных ценностей – модные веяния в одежде, мировоззрении и конечно же в ориентациях.

Датское общество построено на противоречиях. Люди, проживающие в Дании, либеральны, но высокая степень социальной конформности подразумевает, что все правильно мыслящие граждане в конечном итоге приходят к одному и тому же мнению. Уровень разводов в Дании – самый высокий в Европе. И эти показатели, и общий пример очень влияют на молодое поколение.

Любим в Дании разрешают жить так, как им хочется, но ровно до тех пор, пока это не мешает другим людям. Большинство детей рождается вне брака, но это вовсе не означает, что дети воспитываются за пределами постоянных семейных отношений. Не факт, что при таком высоком уровне разводов дети, родившиеся у состоявших в браке родителей, будут до совершеннолетия воспитываться в полноценной семье. Такое свободное отношение – вполне закономерно и уже стало нормой для общества. [Benoît de Boysson, *Mariage et conjugalité*, 2012, P. 12].

Таким образом, либеральные ценности претерпели ряд логичных и закономерных изменений. Сегодня европейское общество продолжает их развивать, правда со стороны государства все еще прослеживается очень четкий контроль. Либеральные взгляды не осуждаются и не запрещаются ровно до тех пор, пока они находятся в рамках закона. Разумеется, на молодежь эти идеи оказывают наиболее сильное впечатление.

1. [Dennis O'Neil: Sex and Marriage. Behavioral Sciences Department, Palomar College, San Marcos California, 2009, P.42].

2. [Benoît de Boysson, *Mariage et conjugalité*, 2012, P. 12].

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ – КИБЕРБУЛЛИНГ

Сулова Татьяна Ивановна

(Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники)

Целевой аудиторией участников кибербуллинга являются подростки и молодежь: от двенадцати до девятнадцати лет, которые больше времени проводят в виртуальной реальности, а не в реальной. Данному виду травли больше подвержены представительницы

женского пола. Кибербуллинг является универсальным способом самоутверждения в обществе. Это не обременительно экономически и физически, большое количество сетевых буллеров остаются безнаказанными, поскольку практически невозможно вычислить исполнителя. Таким образом, кибербуллинг становится самым популярным видом травли среди подростков, для которых важно добиться общественного признания любыми способами, но не хватает ресурсов, сил и терпения, чтобы утвердиться в интеллектуальной, спортивной и иной сфере.

Данная форма травли одна из новых видов, включает в себя проявление агрессии с использованием средств коммуникации. Угрозы могут распространяться в виде СМС сообщений на личный аккаунт пользователя, через рассылку писем или видеосъемки издевательств на электронную почту.

Одной из самых безобидных форм кибербуллинга является исключение или остракизм. Под исключением в данном случае подразумевается неприятие человека в определенном круге общества, который может быть представлен закрытой социальной группой или локализованным сообществом. Другой вид кибербуллинга – харассмент (притеснение, издевательство). Данный вид кибербуллинга похож на флейминг, но является однонаправленной формой буллинга. Для него характерны повторяющиеся длительное время сообщения угрожающего и оскорбительного характера в адрес «выбранной жертвы». Цель – вызвать чувство тревоги, морально уничтожить, внушить, что он находится под постоянным наблюдением и «контролем» агрессоров. Сообщения данного характера влияют на психологическое и эмоциональное здоровья «жертвы», а также снижают самооценку подростка. Так как установить точную личность под маской преследователя практически невозможно, этот факт еще больше вынуждает жертву испытывать стресс. Харассмент, с точки зрения американского законодательства, это уже форма дискриминации, ущемления прав. То есть харассмент — это отношение к жертве как к человеку, который по вашему мнению в чем-то хуже, тем самым заслуживает меньше уважения, потому что у него, к примеру, другой пол, национальность, вероисповедание или цвет кожи.

Необходимо проводить мероприятия по профилактике буллинга в образовательной среде как вузов, так и школ.

Наиболее распространены следующие модели: психолого-педагогическая, социально-педагогическая, социальная и медико-психологическая модели.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Сухорукова Наталья Геннадьевна

(Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра социологии)

Цифровизация изменяет потребительское поведение, расширяя возможности потребления и усложняя потребительский выбор. Ощутимой тенденцией становится постоянный рост доли интернет-торговли в совокупном объеме розничной торговли [2, 3]. Весомую долю среди покупателей в Интернете составляет молодежь, которая зачастую демонстрирует нерациональные модели потребительского поведения [1].

В докладе будут представлены основные результаты социологического исследования потребительского поведения молодежи в Интернете, проведенного в г. Новосибирске в апреле-мае 2020 года. Метод сбора информации - онлайн-опрос. Выборка состояла из трех групп молодежи: 18 -22 года – в основном, это студенты, которые либо не

имеют постоянного источника заработка, либо подрабатывают в свободное от учебы время (32,7%); 23-27 лет – молодые люди с дипломом профессионального образования, находящиеся в начале своей профессиональной карьеры (35,1%); 28-33 года – молодежь, для которой характерно продвижение по карьерной лестнице, наличие семьи и постоянного источника заработка (32,2%).

Опрос показал, что при увеличении доходов повышается средняя стоимость ежемесячных покупок в Интернете. Только 44,7% юношей и 33% девушек всегда обдумывают свое решение о покупке, но большинство опрошенных, 66,9% девушек и 40,6% юношей, совершают время от времени необдуманные покупки. Удалось составить «потребительский портрет» каждой из возрастных групп молодежи.

Установлено, что процесс взросления в целом положительно сказывается на потребительском поведении молодых людей. В результате смены и переосмысления жизненных ценностей потребление рационализируется, из списка покупок исчезают некоторые товары и услуги, которые не являются необходимыми, или с приобретением которых можно повременить. Вместе с тем, основным условием формирования рационального потребительского поведения молодежи в Интернете является высокий уровень финансовой грамотности, который трактуется нами в контексте потребительского поведения.

Как было выявлено в нашем исследовании, основы финансовой грамотности закладываются родителями в семье, но оказываются недостаточными для рационализации потребительского поведения во взрослой жизни, особенно это касается покупок в Интернете. Многие учебные заведения Новосибирска в последние несколько лет активизировали свою деятельность в области финансового просвещения молодёжи. В докладе будут представлены основные направления деятельности вуза и предложения по активизации работы по повышению финансовой грамотности студентов вуза.

Таким образом, рационализация потребительского поведения молодежи в Интернете предполагает включенность системы высшего образования в процесс повышения финансовой грамотности цифрового поколения.

1. Лилухин А.М., Баблюян Н.В., Лебедева Д.С. Современная российская молодежь: потребительские практики и аддиктивное поведение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №3. С. 239-242.

2. Настало время сделать потребителя центром компании. Глобальное исследование потребительского поведения за 2019 год. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf> (дата обращения: 26.09.2020)

3. Самый полный обзор статистики электронной торговли в мире за 2019. URL: <http://ecomhub.ru/samyj-polnyj-obzor-statistiki-jelektronnoj-torgovli-v-mire-za-2019/> (дата обращения: 26.09.2020)

ИНТЕРНЕТ КАК ВИРТУАЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ ЗНАКОМСТВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ГГ. МОСКВЫ И СТАВРОПОЛЯ)

Тарченко Вера Сергеевна
(Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук)

Проект «Динамика представлений студентов в сферах гендерных, этнокультурных и брачно-семейных отношений», грант РФФИ № 18-011-00580, руководитель Т. А. Гурко.

В современных реалиях все большую популярность приобретает общение в виртуальной среде. Ряд авторов отмечает как положительные, так и отрицательные стороны такого общения [1, 2, 3]. Развитие интернет-коммуникаций способствует сокращению общения в реальности и позволяет завязывать новые знакомства в социальных сетях и на всевозможных сайтах знакомств.

Для изучения взглядов студентов в брачно-семейной сфере было проведено исследование в гг. Ставрополь и Москва в 2019 гг., было опрошено по 500 человек в каждом городе по квотам (N=1000). Объект исследования – студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры, возраст респондентов - 20-24 лет. Выделенный возрастной интервал является значимым для выстраивания отношений с противоположным полом и формирования образа будущей семьи. Результаты сравнительного анализа взглядов у московских и ставропольских студентов будут представлены в зависимости от пола, городско-сельского происхождения, религиозной идентичности и основных направлений обучения (технические специальности, гуманитарные, экономика и управление). Одной из задач исследования было выяснение отношения студентов к использованию сети Интернет для поиска партнера и использования виртуальной среды для знакомств.

Были получены следующие результаты:

1. Опрошенные студенты в 2019 г. чаще познакомились во время учебы в университете (21%) или в Интернете (17%). Так, по нашим данным, Интернет занимает второе место в числе «мест знакомств».

2. Треть студентов одобряют и знакомятся с помощью Интернета с целью поиска партнёра/партнёрши, причем юноши в большей степени одобряют такие знакомства (34%), чем девушки (24%).

3. Девушки чаще используют Интернет как ресурс для поиска партнера, чем юноши. Интересно, что для юношей использование Интернета носит инструментальный характер, например, поиск сексуального партнера.

4. Как и предполагалось, Интернет-знакомства больше характерны для городских студентов или пригородов, нежели для жителей села. Отсутствуют различия между ставропольскими и московскими студентами при использовании Интернета для поиска партнера.

5. Предполагалось, что для студентов технических специальностей будет более характерно использование различных Интернет-ресурсов в поиске партнеров, но исследование показало, что студенты экономических специальностей «опережают» гуманитариев, за которыми идут студенты-технари.

6. В зависимости от религиозной принадлежности, студенты, относящие себя к христианству, чаще используют Интернет-ресурсы для знакомств, чем студенты, считающие себя неверующими (агностиками). Для студентов-мусульман характерны более традиционные способы знакомств (семья, магазин, место учебы, через знакомых и т.д.), а также использование некоторых обрядов: «познакомились, когда его семья пришла просить руки», «в мечети».

Таким образом, использование сети Интернет как ресурса для поиска партнера приобретает все большую популярность, а молодежь использует виртуальное пространство для увеличения выборки при поиске подходящего партнера.

2. Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. *Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал, 2013, №5. URL: <http://ojs.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (дата обращения 20.11.2014). 4.*

3. Щекотуров А.В. *Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков // Вестник ННГУ им. Лобачевского. 2013. №3(1). С. 441-445.*

SCHOOL-SHOTING: ОСОБЫЙ ФЕНОМЕН ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ.

Туницкая Юлия

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В последнее время случаи насилия в учебных заведениях, имеющие последствия в виде гибели учеников и учителей, вызывают широкий общественный резонанс. Особенно принимают во внимание нападения, который совершаются с применением огнестрельного оружия. Данный тип подросткового насилия в коле в крайних формах долгое время был характерен только для США. Подростков, совершающих массовые расстрелы, называют «колумбайнерами». Это связано с тем, что именно школьный расстрел, произошедший 20 апреля 1999 г., двумя школьниками «High School Columbine» Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом, получил самое крупное освещение в СМИ. Впоследствии тот случай стал основой для подражателей как в США, так и в других странах, включая Россию.

В США, по данной проблеме было проведено ряд исследований: в 2001 году антрополог Р. Маерс и психологи Дж. Сейро и И. Гауден провели исследование с привлечением анкетирования школьников «Летальное насилие в школе: национальное исследование», изучали мнения самих учащихся о причинах школьных расстрелов и как, по их мнению, можно того избежать [1]. Также исследование М. Мур, К. Петри, Э. Брага и Б. Маклафлин и при поддержке Национальной Академии Наук и Департаментом образования США «Смертельные уроки: понимание летального школьного насилия» является наиболее полным исследованием феномена школьных расстрелов. Авторы через сопоставление социологических и психологических фактов пытались понять причины произошедших нападений [2]. Освещали проблему школьных расстрелов и публицисты, такие как Р. Ларкин в 2007 году посветил свое исследование массовому убийству в школе «Колумбайн» - «Comprehending Columbine» [3]; Д. Каллен в 2009 г. выпустил книгу под названием «Columbine» [4]. Из новых работ следует отметить работу итальянского социолога Франко Берарди «Новый герои. Массовые убийцы и самоубийцы» опубликованная на русском языке в 2016 г. [5].

Исходя из материалов исследований выделяется ряд формальных признаков школьных расстрелов: преступниками являются школьники или студенты образовательных организаций, у преступников нет корыстных целей, но убийства совершаются умышленно и по заранее спланированному плану, убийства носят публичный и демонстративный характер с применением огнестрельного и холодного оружия. Данные признаки позволяют отнести школьный расстрел к отдельному феномену школьного насилия.

Школьный расстрел как самостоятельный феномен характеризуется массовыми убийствами как одноразовыми акциями, кажущейся бессмысленностью действия, а также неожиданностью, отсутствием логики в действиях нападающих и, самое главное, демонстративностью. Нет точного портрета стрелка, а сами нападения не случайный, а четко спланированы.

В России тема школьного расстрела не изучалась, так как не было необходимости в подобных исследованиях, но в последние годы ситуация резко изменилась, что делает данную проблему значимой в российском обществе.

1. Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. *Lethal Violence in Schools : A National Study Final Report* / Gaughan E., Cerio J. E., Myers R. N. Y. : Alfred University, 2001. 44 p.
2. Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. *Deadly Lessons: Understanding Lethal School Violence* / Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. V., McLaughlin B. Washington, 2003. 400 p.
3. Larkin R. *Comprehending Columbine* / Larkin R. Temple University Press, 2007. 255 p
4. Cullen D. *Columbine* / Cullen D. Twelve (Hachette Book Group). 2009. 432 p
5. *Новые герои. Массовые убийцы и самоубийцы [Текст] : Франко "Бифо" Берарди ; [пер. с англ. М. Ю. Дунова]. - Москва : Кучково поле, 2016. – 318 с.*

ПРАКТИКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Хафизова Виктория Рауфовна

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31435.

С приходом пандемии в обществе появились тревожные настроения и страхи, которым способствуют масштабные карантинные меры, ежедневно обновляющиеся данные о количестве зараженных и погибших, неопределенность влияния пандемии на экономику и т.д. Молодежи, в частности, свойственны волнения по поводу «риска изоляции» [1, 81].

Для того чтобы понять, какими способами молодежь преодолевает тревожные настроения и страхи в период пандемии, мы обратились к популярным новостным СМИ и городским пабликам в социальной сети «ВКонтакте». В каждом сообществе анализировались посты, опубликованные с 25 марта (прозвучало первое обращение В. В. Путина с объявлением нерабочей недели) по 1 августа (возобновлена работа торговых центров). За этот период выявлены индивидуальные и коллективные формы активности молодежи как инструмент преодоления страха.

Индивидуальные формы активности:

– Практики, ориентированные на помощь и поддержку окружающих. Например, девушка повесила в своем подъезде объявление с желанием помочь пожилым соседям, купить продукты и лекарства. Таким образом, преодоление страха происходит в процессе формирования ответственных моделей поведения.

– Практики, ориентированные на формирование позитивных эмоций у инициаторов и публики/аудитории через проявление творческих инициатив. Так, неизвестный художник надел противогазы на скульптуры в центре города.

Коллективные формы активности:

– Практики, ориентированные на солидаризацию. Такие совместные действия, как поддержка врачей через плакаты на окнах или коллективное исполнение песен на балконах, помогают бороться с тревожными настроениями. Например, найден пост с видео, на котором девушка на балконе поет в микрофон популярные песни, жители соседних домов подпевают, хлопают, подмигивают светом, включают гирлянды. Выявлены и неправомерные в

условиях самоизоляции практики солидаризации – тайные вечеринки, на которых преодоление страха происходит через отрицание, протест против ограничений. Было выявлено несколько постов, содержащих информацию о вечеринках в загородных домах, квартирах, барах, и даже у Театра Драмы. Разница в том, что участники балконных концертов преодолевают страх через коллективные действия и эмоциональную разрядку, понимая и принимая проблему. А участники запрещенных вечеринок – понимают проблему, но не принимают методы ее разрешения (самоизоляция, запрет на массовые мероприятия, соблюдение социальной дистанции).

Таким образом, в условиях самоизоляции среди молодежи формируются инновационные механизмы преодоления страхов.

1. Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лутова Н. Б., Мазо Г. Э. Структура тревожных переживаний, ассоциированных с распространением COVID-19: данные онлайн-опроса // Вестник РГМУ. 2020. №3. С. 77-84. DOI: 10.24075/brsmu.2020.030

ПРОБЛЕМА СТИГМАТИЗАЦИИ НАРКОЗАВИСИМОЙ МОЛОДЕЖИ

*Храброва Ксения Геннадиевна
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)*

Жертвами стигматизации прежде всего становятся молодые люди, страдающие наркотической зависимостью, в особенности, потребляющие инъекционные наркотики. Потребители инъекционных наркотиков являются одной из групп с наиболее высоким уровнем ВИЧ инфицирования.

Нами было проведено социологическое исследование, цель которого - выявить причины «клеймения» наркозависимых молодых людей. Основная гипотеза: «Стигматизация наркозависимых молодых людей является причиной изоляции их из социума».

В исследовании приняли участие 50 человек – жители города Ярославля, от 18 до 45 лет. Респондентам была предложена анкета, в которой содержались вопросы, касающиеся личного отношения респондентов к наркозависимым молодым людям.

На первый вопрос: «Как Вы считаете, правильно ли мнение о том, что наркозависимый молодой человек изначально является преступным лицом?» были получены следующие ответы:

- 1) Да, я считаю, что наркозависимый молодой человек изначально является преступным лицом- 20%;
- 2) Нет, я считаю, что наркозависимый молодой человек изначально не является преступным лицом- 66%;
- 3) Затрудняюсь ответить-13%.

На вопрос: «Ваши ассоциации с наркозависимым молодым человеком», ответили следующим образом:

- 1) Наркозависимый молодой человек - это угроза для социума, именно у таких людей чаще всего положительный ВИЧ-статус - 50%;
- 2) Наркозависимый молодой человек - это тяжело больной, которому нужна в первую очередь психологическая, а затем медицинская помощь - 40%;
- 3) Другое -10%.

Из полученных данных стало ясно, что большая часть респондентов считает наркозависимую молодежь угрозой для социума, но в то же время чуть больше половины

респондентов указало на то, что наркозависимые молодые люди не являются изначально преступниками, так как связавший свою жизнь с наркотическими веществами, может быть из богатой семьи и ему не обязательно преступным способом добывать средства на своё безнравственное «увлечение».

На вопрос: «По Вашему мнению, от наркомании можно вылечиться?»

- 1) Нет, нельзя, бывших «наркоманов» не бывает - 43%;
- 2) Да, но возможно этот недуг, перейдёт в какой-нибудь другой - 33%;
- 3) Да можно и при этом наркозависимый молодой человек должен сам понимать, что ему это не нужно - 17%;
- 4) Затрудняюсь ответить - 7%.

По данным видно, что большинство респондентов «нанесли клеймо» на наркозависимых молодых людей, выбрав первый вариант ответа на поставленный вопрос.

Основной причиной нанесения стигмы является то, что молодежь употребляет наркотические вещества, что в Российской Федерации запрещено, поэтому наркозависимый - «плохой»; ещё у наркозависимых молодых людей чаще всего положительный ВИЧ-статус, что тоже заносит таких людей в ряды «неполноценных»; наркозависимый молодой человек есть преступник.

Мы можем говорить о причинах стигматизации сколько угодно, но проблема так не решится, численность наркозависимых людей в Российской Федерации от этого не убавится, а ввиду стигматизации и «изгнания» таких людей приведёт к ещё большему распространению наркотических веществ.

ПРОБЛЕМА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

*Цыплакова Ольга Геннадьевна
(РГПУ им.А.И.Герцена)*

Вовлечение в преступную деятельность молодых людей остается актуальной проблемой для нашей страны. Несмотря на то, что согласно данным официальной статистики уровень преступности последние годы снижается, в то же время происходят качественные изменения, выражающиеся, в частности, в том, что преступления несовершеннолетних и женщин все больше носят насильственный характер.

В этой связи вызывает озабоченность распространение норм криминальной субкультуры среди молодежи посредством сети интернет, ведь именно криминальная субкультура является одним из важных факторов, способствующих воспроизводству преступности. Именно она обеспечивает внутреннее единство, мобилизует энергию членов преступных сообществ, поднимает моральный дух, утверждает в «правоте» осуществляемой ими деятельности. Нейтрализация влияния этого фактора – приоритетное направление в деятельности по противостоянию преступности. [2, С. 9]

Последние несколько лет достаточно широкое распространение получила криминальная субкультура АУЕ (Арестантский Уклад Един / Арестантско-Уркаганское Единство). Под влиянием идеологии данной субкультуры все большее количество молодежи идет на преступления, причем, зачастую прочно вовлекается в криминальную и околокриминальную деятельность. [3, С.47] В настоящее время АУЕ официально признана в нашей стране экстремистским общественным движением и находится под запретом.

Несмотря на это в популярных социальных сетях, прежде всего в «ВКонтакте», «YouTube» и «Instagram», «Telegram» активно продвигается соответствующий контент как в явной, так и в завуалированной форме.

Для нейтрализации деструктивного влияния на молодежную аудиторию криминальных структур необходимо осуществлять регулярный мониторинг социальных сетей на предмет выявления сообществ, чатов и каналов, распространяющих тюремную субкультуру; налаживать систематическую работу по блокировке выявленных каналов передачи информации и организовывать создание информационных ресурсов на базе социальных сетей, чья деятельность была бы направлена на дискредитацию тюремной тематики. [1, С. 216]

На данный момент, возможности противников криминальной субкультуры в сети довольно ограничены. Но заручившись надежной поддержкой государства и общества, участники данного движения смогли бы шире развернуть свою деятельность по борьбе с распространением криминальной субкультуры в молодежной среде.

Таким образом, проблема противодействия распространению криминальной субкультуры в молодежной среде носит комплексный характер и требует многосторонних и взвешенных мер и последовательного воплощения их в социальную практику.

1. Сашенков С.А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. - №3. – С.215-217.

2. Цыплакова О.Г. Ситуационный анализ как метод социологического исследования причинного комплекса преступности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. - № 3. - С. 9-12.

3. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник КЮИ МВД России — № 2(20)2015. – с. 46-52.

СТУДЕНЧЕСТВО НЕФТЯНОГО ВУЗА БАШКОРТОСТАНА: ОРИЕНТАЦИИ НА НАУЧНО-ЦИФРОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

*Черкасова Татьяна Васильевна
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)*

Вузовское студенчество остается передовой частью общества, призванной расширять границы НТП. Цифровизация сфер жизнедеятельности – макроориентир для ноу-хау с центра для региональных вузов, требующий от преподавателей и студентов усилий в самоорганизации и креативном проектировании идей цифрового будущего и цифровой культуры. Для трети опрошенных студентов нефтяного вуза (исследование 2019г.) ценность высшего образования – осознанная перспектива мобильного карьерного роста и возможность обретения конкурентоспособных качеств в реалиях грядущей цифровизации. Каждый десятый респондент ратует за «науку и научные знания». В этнонациональном ракурсе высокое признание данная альтернатива получила у русских юношей (25%), позитивно отреагировали татарские и русские девушки (по 13,4%, соответственно), что априорно подтверждает их желание поступить в магистратуру. Если «творчество» в учебном процессе интерпретировать как первооснову научно-исследовательской деятельности, то уникальность этого показателя очевидна практически для всех респондентов. Что касается важнейших вузовских преобразований, то в приоритете у половины (51,9%) студенческой молодежи остаются деловые коммуникации вуза с работодателями и работа на реальном производстве по своей профессии (отметим,

что это – сохранившиеся «советские традиции практического обучения»). Цифровизация в системе вузовского образования, для трети опрошенных ассоциируется с конкретными инновациями, как абсолютно свободное владение иностранным языком, международные межвузовские стажировки, освоение самых новейших компьютерных программ, применяемых в профессии. Каждый пятый респондент региональную вузовскую модернизацию связывает: 1). с системным освоением новых профессиональных теорий, отражающих современные тенденции; 2). с социальными технологиями, необходимыми для бесконфликтной адаптации в социуме, в деловом сообществе. Парадоксально, что только каждый десятый респондент ассоциирует «вузовскую цифровизацию» с виртуальным онлайн обучением (!), с самостоятельной проектной, рекреативной, спортивной, самоуправленческой деятельностью.

Таким образом, традиционная модель качественного офлайн обучения, исторически апробированная для нашего студенчества, не должна полностью трансформироваться в условиях цифровизации и временной «коронавирусной удаленки». Безусловно, инновационные приемы обучения следует внедрять как вспомогательные учебные технологии, но просчитывать все меры с учетом направления подготовки студентов и специфики профессии. Нецелесообразно переводить «в цифру и в дистанционку» классическое российское образование и «физиков» и «лириков» (воспользуемся условной классификацией и вспомним дискуссию об их роли 60-х годов XX века). В условиях внешней международной обстановки нельзя забывать идеологему: «вуз призван воспитывать не только виртуального суперпрофессионала, но и эмоциональную, эмпатийную, коммуникативно открытую и критично мыслящую личность – настоящего гражданина и патриота России».

1. *Основы работы со студенчеством*//Бабочкин П.И., Гиненский В.Л., Жидикин А.А., Жираткова Ж.В., Задорожная И.И., Князева М.А., Конькова Е.А., Куцев Н.П., Лебедева Г.А., Лымарь А.Б., Малаева Е.Б., Меркурьев А.В., Никольский В.С., Новиков В.Г., Овчинников О.А., Панченко И.О., Петрова Т.Э., Попов В.Р., Прохватиллов А.М., Сенашенко В.С. и др. под редакцией Т. Э. Петровой, В. С. Сенашенко. Москва, 2013.
2. Ахмадеев А.А., Черкасова Т.В. Социальная защита населения: политико-правовые и региональные проблемы. Уфа, Москва, 1999.
3. Черкасова Т.В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема//автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Институт социально-политических исследований Российской академии наук. Москва, 2004
4. Ахмадеев А.А., Черкасова Т.В. Молодежные проблемы в спектре социологических мониторингов//Ватандаш. 2000. № 10. С. 192-204.
5. Черкасова Т.В. Социальные конфликты молодежи и альтернативы их разрешения. Уфа, 2001. Том Часть 4
6. Черкасова Т.В. Социологический анализ социальных конфликтов молодежи//Ватандаш. 2009. № 6. С. 153-162.
7. Черкасова Т.В. Российская молодежь в социальной реальности-2014// В сборнике: Трансформация идей гражданского общества в контексте социальных изменений// Сборник статей по материалам первой Международной конференции. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2014. С. 167-171.

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ И КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

Черняева Ольга Леонидовна

(Северо-Западный институт управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации")

На фоне пандемии коронавируса в молодежной среде возросло количество социальных девиаций и конфликтов, а также появились совершенно новые проблемы (существенные социальные ограничения свободы перемещения, свободы общения и деятельности). Цель исследования: выявление направлений профилактики социальных рисков девиаций в молодежной среде.

Актуальность исследования связана с кардинальными изменениями в жизнедеятельности общества в условиях пандемии [2] и с широкой распространенностью рисков девиаций среди всех категорий молодежи.

На основе имеющихся подходов к определению девиантного поведения [1, 72], риски социальных девиаций можно определить как понятие, отражающее высокую вероятность наступления событий, которые могут повлечь за собой общественно значимые последствия для человека, группы людей, а также общества в целом.

Есть много видов рисков, которые могут приводить к социальным девиациям: экономические; политические; информационные; технологические; психологические и психофизиологические; аксиологические и этические; социокультурные; статусные, ролевые и другие риски. Так, статусные риски связаны с утратой или нежелательными для человека изменениями его общественного положения (в профессиональной сфере, семье, иных макро и микрогруппах). В условиях пандемии коронавируса у работающих молодых людей многократно возрастают риски потери рабочего места и перехода в категорию безработных или находящихся за чертой бедности, так как, зачастую, имея малый опыт работы, они рассматриваются в организациях как менее ценный кадровый ресурс. У имеющих семью молодых людей в связи с эпидемиологической ситуацией увеличивается риск откладывания беременности и рождения детей, приобретения жилья и необходимых предметов быта, иными словами, увеличиваются риски конфликтов, приводящих к разрушению семьи и разводам.

Важной для молодежной среды проблемой является риск утери желаемого статуса участника или лидера неформальной молодежной группы, что может способствовать развитию девиаций (фрустрация, депрессия, десоциализация, внутриличностные конфликты, расстройства личности, психологическая и социальная депривация, дезадаптация и др.).

Многие социальные риски девиаций в молодежной среде приобретают особо высокое общественное значение, так как молодежь: составляет весьма значительную группу населения; очень активна; ее проблемы проявляются интерферентно; активна в интернет-среде, которая в период пандемии приобретает главенствующую роль в производстве и обмене информации; генерирует «мутации» в общественном сознании.

Выводы. В условиях пандемии коронавируса актуальны и целесообразны формы помощи и поддержки молодежи: субсидии для потерявших работу; кредитование на льготных условиях, в том числе – для оплаты образования; бесплатное юридическое,

психологическое консультирование и нормативная поддержка молодых людей, оказавшихся в сложных жизненных условиях из-за пандемии (академические отпуска для студентов, помощь молодым семьям, защита прав молодых специалистов).

1. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. *Девиянтное поведение личности и группы: учебное пособие*. – СПб.: Питер, 2010. – 352 с.

2. Кузьминов Я. *Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир* // РБК. 27 марта 2020. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 04.10.2020).

ИТ КАК СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

*Шакирова Маргарита Радиевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

На данный момент не существует официальных данных, описывающих состояние рынка труда для выпускников – социологов. Государственные порталы, ведущие учёт занятости населения РФ не располагают данными о рынке труда для социолога, наиболее популярных сферах трудоустройства и основных требованиях, предъявляемых работнику. В исследовании посвященном анализу тенденций рынка труда для выпускников социологических факультетов российских ВУЗов было выявлено несколько самых распространенных сфер деятельности выпускников – социологов, где сфера ИТ (Information Technology) является одной из них.

Согласно данным полученным путем проведения онлайн-опроса выпускников социологических факультетов российских ВУЗов (N=103) на вопрос “Укажите к какой профессиональной сфере относится/относилась Ваша последняя работа?” 5.6% респондентов отметили вариант “Информационные технологии”. Для сравнения, в исследовании специфики трудоустройства выпускников социологического факультета СПбГУ [1, 1179] (N=246) 2009 года исходя из данных полученных с помощью ответа респондентов на аналогичный вопрос, сфера занятости “Информационные технологии” не была выявлена, как одна из часто встречающихся .

В этой сфере, прежде всего, востребованы навыки программирования, умение работать с базами данных, знание статистики и математики. Здесь социологи конкурируют с математиками, маркетологами, специалистами в области статистики и экономики.

Используя интернет портал по поиску работы www.HeadHunter.ru в качестве источника информации о рынке, в процессе исследования были проанализированы вакансии, в требованиях к которым высшее социологическое образование было указано, как одно из желаемых для обладания соискателем. Согласно анализу набора вакансий упоминающих наличие высшего социологического образования как желаемого, для работы в сфере информационных технологий основные требования предъявляемые соискателям выглядели следующим образом: владение английским языком, базовые навыки работы с R/Python, опыт написания SQL запросов, опыт работы с CRM (Customer Relationship Management) и BI (Business Intelligence) системами а также программами для статистической обработки данных, профессиональный опыт работы со сводными таблицами (MS Excel), умение проводить анализ пользовательского поведения online, опыт работы от 2-х лет на аналитических/маркетинговых позициях. Среди необходимых soft

skills чаще всего встречались: умение ясно и грамотно излагать свои мысли, аналитический склад ума, креативное мышление

Таким образом, IT является пока не освоенной, но перспективной сферой деятельности для студентов и выпускников социологических факультетов, желающих реализовать себя как креативного специалиста-аналитика. Частично для анализа использовались данные источника «База данных для оценки социальных установок и диспозиций населения РФ в отношении новых форм занятости (ODISP)» созданной сотрудниками СПбГУ по результатам изучения рынка труда совместно с ВНИИ Труда РФ [3].

1. Иванов, Н. В. «Пятые Ковалевские чтения: материалы науч.-практ. конф.» Специфика трудоустройства выпускников факультета социологии СПбГУ. Санкт-Петербург: Скифия принт, 2010. 1179 с.

2. Интернет-портал по поиску работы HeadHunter URL: https://hh.ru/search/vacancy?L_save_area=true&clusters=true&enable_snippets=true&text=%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3&showClusters=true. (Дата обращения: 11.04.2020)

3. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В., Снопина С.М. База данных для оценки социальных установок и диспозиций населения РФ в отношении новых форм занятости (ODISP). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2018621546, 03.10.2018.

«БЕЛЫЕ ЗОНЫ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВИРТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Швецова Анастасия Владимировна
(Уральский государственный педагогический университет)

Виртуальные практики изменили классические подходы к исследованию брачно-семейных отношений. Гендерная самопрезентация в сети, новые способы знакомства, онлайн любовь, трудности перехода в оффлайн, явление виртуального адюльтера ставят перед научным сообществом задачи по выстраиванию актуальных категориально-понятийных схем и поиску стратегий получения достоверных данных.

В середине 2019 г. Центром инновационной деятельности УрГПУ (г. Екатеринбург) было проведено пилотажное исследование «Виртуальные отношения: грани реальности», целью которого являлось обнаружение новых социально-культурных феноменов в частных практиках россиян. Интерактивный опросник был размещен в социальной сети «ВКонтакте» и распространялся методом «снежного кома», что позволило собрать порядка 260 анкет. Более 86% респондентов – молодые люди от 18 до 35 лет, 76,2% указали наличие высшего образования, почти 65% холосты или разведены. Все участники опроса отметили, что ежедневно проводят часть своего времени в социальных сетях.

Более 56% признались, что имеют опыт виртуальных отношений. Для трети из них – это единичный случай, 48% периодически заводят знакомства с наиболее заинтересовавшими людьми, почти 13% часто заводят интернет-знакомства, считая это нормальным способом поиска партнера. Подобная статистика довольно тривиальна для гендерных исследований в области виртуальных отношений, однако мы попытались представить, что стоит за этими цифрами, чем руководствуются люди при выборе интернет-партнера.

Предположим, что построение образа виртуального собеседника – уже рутинная операция, требующая минимальных временных затрат. Достаточно соединить несколько стандартных критериев – внешняя привлекательность (по фотографиям профиля), интересы

и предпочтения (стена профиля, персональная информация о себе), музыка и фильмы, которые сохраняет человек, круг друзей и общее количество подписчиков, чтобы определить, стоит ли знакомиться. Полученные данные позволяют добавить к указанным критериям также умение вести интересную и содержательную беседу (важно более чем для 70% опрошенных, имеющих опыт виртуальных отношений), уровень грамотности человека (56,8%). В единичных случаях «кандидата» проверяют на соответствие данных, сообщаемых о себе в сети, с имеющимися в открытом доступе. Таким образом, одной из актуальных научных задач становится изучение системы фильтров, позволяющих определить «подходящих» и «неподходящих» для дальнейшего общения.

Другая уязвимая с точки зрения имеющейся научной интерпретации проблематика связана с поиском зоны соприкосновения между онлайн и оффлайн. Субъективная оценка того, насколько реален мир виртуальных событий для его участников вряд ли может претендовать на достоверность. Вопрос «Оцените, пожалуйста, серьезность своих намерений по отношению к Вашей виртуальной возлюбленной (возлюбленному) по 10-бальной шкале» не выявил ни одной центральной тенденции, ответы распределены равномерно по всей шкале. Четверть опрошенных признают, что чувствуют близкую связь с интернет-партнером, треть утверждает, что всегда помнят об отсутствии реального знакомства, почти половина испытывают оба эти состояния поочередно. Это может указывать на ситуативный характер ответов, колебания, отсутствие четкого понимания, являются ли такие отношения социальной нормой. В условиях вынужденного социального дистанцирования виртуальные связи обретают новый смысл, претендуя на роль первостепенной реальности, что делает вопрос соотношения оффлайн и онлайн жизни еще одной «белой зоной» для исследователей – зоной, совершенно лишенной объяснительных механизмов, но очень в них нуждающейся.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

Шкурупей Ольга Викторовна

*(ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации" Северо-Западный институт управления)*

Преобразования всех сфер жизнедеятельности населения обусловлено комплексом развития и внедрения инновационных, технологических форм на уровне государства. В целом можно отметить, что нужны новые меры социальной поддержки молодежи и формы работы адресной направленности [1,161]. В условиях глобального неравенства и одной из предполагаемых социальных проблем будущего, к которым может привести цифровизация, так это последствия технологические и социальные, вызванные цифровым разрывом. Стоит отметить, что в России только 76% населения пользуются интернетом. [2,143].

Специалисты по работе с молодежью, осуществляющие трудовую (служебную) деятельность в условиях эпидемии коронавируса COVID-19, по соглашению с работодателем переведены на удаленный (дистанционный) режим работы. Практика показывает, что взаимодействие специалистов по работе с молодежью подростково-молодежных клубов онлайн с участниками клубных формирований, а также с заинтересованной аудиторией имеет широкий охват в сети Интернет. Подобного рода практика позволяет совершенствовать уже имеющиеся направления деятельности молодежной политики в наиболее востребованные онлайн формы работы: мастер-классы

по различным направлениям, спортивные тренировки, вебинары по развитию навыков Soft skills и Hard skills, акции, флешмобы, онлайн-квесты.

Современное поколение молодежи в России полагает, что Индустрия 4.0 увеличивает возможности для творческой деятельности и развитию личностного потенциала. Однако многие представители молодого поколения ощущают себя неподготовленными к тем вызовам, которые способствуют изменению экономических моделей и социальных практик на фоне четвертой промышленной революции. В докладе The Boston Consulting Group по оценкам, к 2025 г. России понадобится от 5,8 до 9,2 млн. специалистов, готовых к высококвалифицированному интеллектуальному труду, с применением стратегий самоменеджмента, обладающих специальными компетенциями. [5,47].

По мнению экспертов, после введенных ограничений, обусловленных пандемией коронавируса, рынок труда претерпит существенные изменения. Возрастет спрос на специалистов, способных перевести контент в цифровую форму, умеющих работать с массивами данных (Big Data), а также, владеющих навыками по вопросам кибербезопасности. Актуальными профессиями прогнозируют эксперты намечены: антикризисный менеджер, эксперт по HR-трансформации, эксперт по цифровой трансформации, программист, эксперт по Big Data, Product designer (специалисты, способные понимать потребности пользователей), организатор VR/AR-трансляций, персональный IT-консультант, оператор call-центра, помощник по уходу. Последняя в этом перечне профессия, помощник по уходу, это - специалисты помогающих профессий: социальные работники, сиделки, няни по ведению домашнего хозяйства остаются в числе востребованных в странах с высоким уровнем пенсионного обеспечения. Для специалистов помогающих профессий это открывает новые возможности. Однако в молодежной среде, специальности в области помогающих профессий не имеют особой привлекательности [6].

В то же время, подрастающее поколение, не имеющее внешней и внутренней опоры, испытывает трудность в построении траектории для своей собственной жизнедеятельности. Пребывая в состоянии неопределенности и аномии, молодежь сталкивается с сопутствующими рисками дезориентации и потери смыслов. В связи с тем, что выработка смыслов исключительно коллективный процесс, возникающий в процессе взаимодействия людей в социальном пространстве, выстраивание отношений носит длительный характер требующих определенных усилий. Неосознанность или игнорирование выстраивания эффективной коммуникации приводит к ее снижению [4,178].

Новые цифровые вызовы порождают глобальное социальное неравенство. Однако по мнению ряда исследователей социальную проблему «глобальное социальное неравенство» разделяет мировое сообщество и определяет как следствие процесса глобализации [2,126].

В социологической науке собирательное определение «социальное неравенство» приведено Осиповой Н.Г. и обозначает «специфическую форму социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей»[2,128]. Капиталистическая экономика постсоветского пространства отражается на жителях нынешних российских городов посредством актуализации проблем пространственного неравенства и обусловлены, во-первых, региональными особенностями, во-вторых, большими возможностями центра по сравнению с периферией [2,136].

Стоит также отметить, в современных условиях, расширение научного знания о природе социальной поддержки и современной практике взаимодействия государства и молодежи, как при личном обращении, так и посредством сети Интернет приобретает существенное практико-социальное значение.

Таким образом, новая повестка для социологии – вопросы в области взаимодействия человека и искусственного интеллекта, выработка соответствующих этических норм, онлайн и оффлайн коммуникаций. Задачей социологии, на сегодняшний день, является переосмысление взаимопроникновения норм и правил, затрагивающих этическую сторону «социального», защиты цифровых прав граждан, цифрового пространства, бестелесных вещей, виртуальной мобильности [3,457].

Дальнейшие исследования должны продолжить развитие и подтвердить начальные результаты совершенствования мер по социальной поддержке молодежи. Это является отправной точкой для обсуждения в дальнейших исследованиях.

1. Козырева Л. Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // *Вестник Омского университета. Серия Исторические науки*. 2019. № 3 (23). С. 159–165. DOI: 10.25513/23121300.2019.3.159-165.
2. Осипова Н. Г. Социальное неравенство в современном мире. / *Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. №4 – С. 124-153
3. Осипова Н. Г. *Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: научная монография / Н. Г. Осипова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. - 496 с.*
4. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество / В.В. Радаев. - Москва: ВШЭ, 2019. - 280 с. - ISBN 978-5-7598-1985-1. - URL: <https://idp.nwipr.ru:2264/reading.php?productid=362044> (дата обращения: 22.04.2020). - Текст: электронный.
5. Яшина А. В., Косарева Д. Д. Цифровая экономика: совместное потребление и экономическая безопасность. / *Материалы IV Международного научного форума «Государственное управление: роль граждан в построении цифрового государства», 21-24 июня 2019 г., Санкт-Петербург. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 96 с.*
6. *Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр содействия занятости и профессиональной ориентации молодежи «ВЕКТОР».* [Электронный ресурс] – URL: <https://profvector.spb.ru> (дата обращения: 06.10.2020)

ДИСТАНЦИОННЫЙ ПОИСК РАБОТЫ – НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

Шубина Татьяна Федоровна
(Северный Арктический федеральный университет)

Анфиногорова Яна Анатольевна
(Северный Арктический федеральный университет)

Цифровизация влияет на различные сферы общества, задает профессиональные ориентиры, формирует новые рабочие места и новые формы поиска вакансий. На смену традиционным способам, таким как обращение в службы занятости и кадровые агентства, объявления и реклама о вакансиях в печатных СМИ, пришли современные технологии.

Как отмечают исследователи, 33% респондентов в мире и 48% в России называют интернет наиболее удобным способом поиска работы [1, 34].

Исследовательский вопрос, который был заложен в основу дизайна прикладного исследования молодежи Архангельской области, проведенного в апреле-мае 2020 года (выборочная совокупность составила 384 человека), заключался в определении масштаба использования молодежью Интернета для поиска работы.

Результаты, полученные в исследовании, свидетельствуют о том, что теряют свою актуальность традиционные кадровые агентства (помогли в трудоустройстве только 1,82% участникам опроса) и государственные службы занятости (помогли 4,42% из числа опрошенных).

Лидирующие позиции в сфере поиска работы молодыми людьми занимают специализированные сайты (Job.ru, Zarplata.ru, Avito.ru и др.). Основной мотив обращения к данным сайтам заключается в том, что сайты предлагают множество вакансий с разнообразным набором трудовых функций и возможностей для самореализации. Так ответили 55,9% из тех, кто обращался в поисках работы к сайтам или сообществам в сети Интернет. Вторым мотивом (возможно, на это повлиял режим самоизоляции в условиях пандемии) был назван фактор «Удобство и комфорт: не покидая дом, можно заняться поиском работы». Такой ответ дали 44,8% респондентов. Третьим мотивом называли быстроту нахождения приемлемого места работы (37,5%).

В качестве инструмента коммуникации молодые люди активно используют и социальные сети: 36,72% опрошенных искали вакансии через страницы сообществ, личные страницы, тематические форумы и т.д.

Сегодня в цифровой среде, с использованием онлайн или digital-технологий проходит и процесс подбора кандидатов. Предприятия чаще привлекают работников через Интернет, поскольку это упрощает доступ к их ресурсам. Но сравнение числа резюме и вакансий в Архангельской области на трех крупных интернет-ресурсах (SuperJob, HeadHunter, Zarplata.ru) показывает, что число запросов от соискателей в 36,8 раз превышает число предложенных вакансий [2].

Востребованность цифровых каналов поиска работы и подбора персонала будет возрастать, поскольку это удобно и более эффективно по сравнению с традиционными формами.

1. Роцин, С., Солнцев, С., Васильев, Д. Технологии рекрутинга и поиска работы в эпоху интернета [Электронный ресурс] / С. Роцин, С. Солнцев, Д. Васильев // Форсайт. – 2017. - №4. – С. 33-43. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=30776503>, доступ из НЭБ «E-Library» (06.10.2020). – Загл. с экрана.

2. Итоги и перспективы Архангельской области и НАО [Электронный ресурс] : гл. редактор О. Э. Зазыкин ; И.: Издательские проекты, 2019. – 228 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа : http://www.ommedia.ru/data/files/docs/itogi_2019.pdf, свободный (дата обращения: 06.06.2020). – Загл. с экрана.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СТРУКТУРАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

Щербакова Лидия Ильинична
(Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени М.И.Платова)

Косач Геннадий Евгеньевич
(Южно-Российский государственный политехнический университет(НПИ) имени М.И. Платова)

Российский рынок труда претерпевает существенные трансформации, обусловленные очередным технико-экономическим укладом, изменяющейся институциональной средой. Детерминированные цифровизацией, информатизацией, повышением роли знаний появляются новые сектора занятости, преимущественно связанные с инновационной деятельностью. Эти процессы обуславливают структуризацию рынка труда, формирование новых социоструктурных отношений, динамику статусных позиций работников. Как известно, критериями статуса являлись доступность к власти, экономическим благам, престиж профессии. В цифровой экономике к ним добавляется ряд социальных критериев: управленческий и интеллектуальный потенциал, креативность, отличные знания экономики, умение работать с большими объемами данных, лидерские качества. Актуализировались различия, связанные с принадлежностью к социально-возрастным группам, особенно предпенсионного и пенсионного возраста, способностью работать в дистанционном режиме в условиях пандемии. Пока на рынке труда молодежь остается уязвимой группой с невысокими статусными позициями [2, с.19].

Работодатели, учитывая необходимость обновления человеческих ресурсов, ищут новые формы интеграции с учебными заведениями с целью отбора наиболее подготовленной к предпринимательскому труду студенческой молодежи.

Фундамент статусного потенциала молодых работников закладывается в университетах, которые становятся экосистемой для академического предпринимательства, трансформируются в специальные центры глобальных сетей знаний [1, с.33-48]. Миссия университетов выходит за рамки образования и, благодаря включению целей по коммерциализации технологий и созданию инновационных предприятий, обеспечивает социальное развитие регионов. Адресное воздействие новых проектно-образовательных программ направляется на развитие интересов, готовности к инновациям. Данный подход в полной мере соответствует идеям

П. Штомпки, который связывал социальные изменения с изменением взаимодействиями, интересами, нормами [3, с.456].

Развивается мотивация, которая, кроме финансовых аспектов, включает потребность в личных достижениях, самореализации, желание взять на себя ответственность, готовность идти на риск, использовать личный потенциал, решать суперзадачи и преодолевать трудности во внедрении инноваций. В фокусе внимания находятся технологии формирования институциональной, социально-психологической и профессиональной культуры предпринимательства.

Для активизации предпринимательского мышления и навыков студентов и молодых ученых, университет укрепляет систему обучения предпринимательству, сотрудничества с

внешними партнерами. Внедренные виртуальные тренажеры и учебные комплексы максимально сочетаются с реальной практической подготовкой.

Повышению статуса выпускников на рынке труда способствуют навыки работы на малых предприятиях, вузовских бизнес-инкубаторах, в технологических цехах, а также участие бизнес-лидеров в воспитании у студентов этики и социальной ответственности.

1. Клейнер, Г.Б. *Междисциплинарная теория фирмы и проблемы развития образовательных организаций//Гуманитарий Юга России. 2017.Т.6, № 6.С.33-48*
2. Шваб, К. *Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб — «Эксмо», 2018 — (Top Business Awards)*
3. Штомпка, П. *Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С. М. Червонной.- М.: Логос, 2005.- 664 с.*

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БАРЬЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ярутина Софья Андреевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Нархова Елена Николаевна

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Нархов Дмитрий Юрьевич

(Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности».

В условиях современного российского информационного общества наблюдается позиционное изменение коммуникативных барьеров, и некогда являвшийся самым простым, семиотический, выходит на первый план.

Усложнение семиотического барьера можно объяснить законом внутренней организации семиосферы, сформулированным Ю. М. Лотманом: «Деление на ядро и периферию — закон внутренней организации семиосферы. ... Периферийные семиотические образования могут быть представлены не замкнутыми структурами (языками), а их фрагментами или даже отдельными текстами. Выступая в качестве «чужих» для данной системы, эти тексты выполняют в целостном механизме семиосферы функцию катализатора. С одной стороны, граница с чужим текстом всегда является областью усиленного смыслообразования. С другой, любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняет механизмы реконструкции всей системы...».

Особое внимание в этом контексте следует уделить современным информационным коммуникационным технологиям (Интернет, социальные сети и сообщества и т. д.), как

наиболее прогрессивным и быстроразвивающимся источником информации и информационного обмена.

Именно в рамках усложнения системы коммуникации и, как следствие, повышение значения семиотического барьера, в современном информационном пространстве возникают следующие проблемы:

1. Изменение содержания значений некоторых канонических понятий, символов культуры, норм морали и этики и т. д. В рамках современной коммуникации зачастую обесцениваются те аспекты, которые раньше были значимыми и играли большую роль.

2. Экспансия. При коммуникации в современном информационном русскоязычном пространстве мы зачастую сталкиваемся с использованием заимствованных иностранных слов. Безусловно, в языке всегда происходят естественные изменения, оказывающие на него значительное влияние, интегрирующиеся в его структуру и становящиеся частью системы.

3. Дисфункция ряда социальных институтов в 1990-е гг. Непростой период конца XX века отложил отпечаток на многие сферы общественной жизни, коммуникации не стали исключением.

Семиотические аспекты коммуникаций актуализируют исследования, изменений в языке, происходящих на современном этапе развития информационного общества, порождают необходимость анализа и рефлексии общества и протекающих в нем изменений. Опираясь на теорию социально-коммуникативной технологизации Д. П. Гавра, необходима разработка социально-коммуникативной технологии, позволяющей управлять процессами, происходящими в информационном пространстве, с целью оптимизации его социокультурного потенциала.

1. Нархов Д. Ю. *Реклама: управленческий аспект* : [учеб. пособие] / Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова ; [науч. ред. Н. Б. Серова] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 264 с.
2. Лотман Ю. М. *О семиосфере* / Избранные статьи в трех томах. Том 1. Таллин : Александра, 1992.
3. Ионин Л. Г. *Социология культуры* : учебник для бакалавриата и магистратуры / Л. Г. Ионин ; 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 333 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/434573> (дата обращения: 06.10.2020).
4. Коган Л. Н. *Социология культуры* : учеб. пособие / Л. Н. Коган. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 120 с.
5. Каган М. С. *Мир общения. Проблема межсубъектных отношений*. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
6. Гавра Д. П. *Основы теории коммуникации* : [учеб. Пособие]. – СПб. : Питер, 2011. – 288 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

*Ястребова Тамара Евгеньевна
(НГТУ)*

Реформирование образования в Европейском союзе происходит согласно принципам Болонского соглашения, включающих международную мобильность. Международная мобильность является фактором продвижения вуза и страны в целом на международной арене. Кроме этого, международная мобильность способствует

самореализации студентов и сотрудников вуза. В статье проанализирована категория международной мобильности, и обозначены некоторые средства совершенствования системы международной мобильности в российских вузах.

Ключевые слова: международная мобильность, единое образовательное пространство, междуна-родная академическая мобильность

Глобализация оказывает серьезное влияние на образование, которое становится важнейшим фактором конкурентоспособности национальных экономик и требует от образовательных систем гибкости, прозрачности, открытости переменам и готовности адаптироваться к изменениям [1]. Информатизация, непрерывность, глобализация образования качественные характеристики образования сегодня, свидетельствующие о возникновении новой формы организации образовательного пространства.

Понятие «образовательное пространство» появилось относительно недавно. А.В. Шумакова дает следующее определение: «образовательное пространство – это целостная интегративная единица социума и мирового образовательного пространства, нормативно или стихийно структурированная и имеющая свою систему координат, которые определяют возможности для самореализации и самоизменения личности на разных этапах ее становления» [4]. Элементом образовательного пространства является международная академическая мобильность, то есть период обучения, преподавания или исследовательской деятельности студентов, преподавателей и других сотрудников вуза в другой стране. Данный термин не включает в себя эмиграцию [6].

Академическая мобильность позволяет самостоятельно выбирать траекторию своей образовательной деятельности, становится частью образовательных стратегий студентов [3]. Следует отметить, что академическая мобильность противоположна «утечке мозгов». Обмен студентами, преподавателями, сотрудниками вуза направлен на создание условий международного общения, обмен опытом, взаимообогащение знаниями. Студенческая мобильность способствует интеграции отечественных вузов в международное образовательное пространство, кроме этого, способствует формированию качественно новых трудовых ресурсов, ориентированных на региональный, национальный и мировой рынок труда.

Международная мобильность является одним из показателей эффективности университетов на мировом рынке образовательных услуг, поэтому совершенствование системы международной мобильности является одним из приоритетных направлений деятельности вузов. А.А. Ангеловский отмечает, что формирование имиджа и авторитета вуза напрямую связано с функционированием механизма международной мобильности, что, в свою очередь, ведет к финансовым поступлениям и выгодам [1]. Т.А. Южакова и И.В. Каракчиева подчеркивают, что международная мобильность может благотворно влиять на российскую экономику и может существенно поднять уровень конкурентоспособности российского высшего образования, что, в свою очередь, даст развитие научным исследованиям, повлияет на уровень профессорско-преподавательского состава и качество подготовки выпускников, что в итоге выгодно скажется на российской экономике [5].

Ряд исследователей сходятся на том, что российская система международной мобильности требует внесения определенных корректив в механизм академической мобильности. А.А. Ангеловский предлагает следующие изменения: целевое планирование и выделение средств для финансирования программ мобильности, совершенствование организационных механизмов, внутривузовского нормативно-методического обеспечения

и нормативно-правовой базы обеспечения мобильности, формирование и развитие гибких образовательных траекторий, усовершенствование механизмов признания и перезачетов академических дисциплин и периодов обучения в зарубежных вузах-партнерах, развитие системы информирования субъектов, стимулирование интереса и потребности в программах академической мобильности, разработки механизмов мотивации изучения иностранных языков, создание условий успешности в межкультурном диалоге [1].

Таким образом, развитие международной мобильности может стать серьезным толчком для российской экономики и образования. Вузам необходимо сделать приоритетным развитие международной мобильности, а также использовать эффективные методы управления образовательными системами, вести маркетинговую деятельность, направленную на развитие международной академической мобильности.

1. Ангеловский А.А. *Международная академическая мобильность как эффективный механизм междуна-родной интеграции в образовательном пространстве*. 2014. – // [Электронный ресурс]. – Режим до-ступа: <https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/3903/2.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
2. Болонская декларация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/>
3. Микиденко Н.Л., Сторожева С.П. *Обучение в магистратуре в образовательных стратегиях студентов-бакалавров // Профессиональное образование в современном мире*. 2018. Т.8, No2. С. 1886–1895.DOI: 10.15372/PEMW20180217
4. Шумакова, А.В. *Проектирование интегративного образовательного пространства педагогического ву-за (в системе обеспечения качества подготовки учителя): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / А.В. Шумакова. – Астрахань: ГОУВПО «Астраханский государственный университет», 2010. – 417с.*
5. Южакова Т.А., Каракчиева И.В. *Международная студенческая мобильность – инструмент повыше-ния конкурентноспособности страны на международном рынке образовательных услуг*. 2015. – // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23732248_31037118.pdf
6. *Recommendation No.R (95) 8 of the committee of ministers to member states on academic mobility*. – // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/dg4/hig-hereduca-tion/resources/mobility.pdf>.